

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

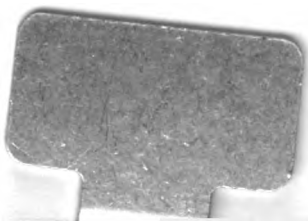
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Law 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Получено 15-го Августа

ИЮНЬ.

1874.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. НА БЕРЕГУ МОРЯ. (Изъ записокъ моего друга). А. УМИССЫ.
- II. ЖЕРТВА. (Драматическія сцены изъ Барри Корнуэля) М. П.
- III. ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ. (Окончаніе) МАРИТА.
- IV. ХОЛОСТЯКЪ. Стихотвореніе А. Ш.
- V. ЖИЗНЬ ГОРОДОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ А. МИХАЙЛОВА.
- VI. ПОЭТЪ НА ЧУЖБИНѢ. Стихотвореніе. (Отрывокъ изъ Фрейлиграта) А. Ш.
- VII. ДВА МІРА. Романъ. (Часть вторая. Гл. V — X). НАТАЛЬ АЛЪВОН.
- VIII. СЪ СЕРВСКАГО. Стихотвореніе. В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- IX. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ. А. МИХАЙЛОВА.

См. на оборотѣ.

59-16

X. НА РОДИНѢ. Стихотвореніе. (Изъ Морица Гар-
мана) А. Ш.

XI. ПИСЬМА Д-РА ЛИВИНГСТОНА

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. О. И. СЕНКОВСКІЙ С. СТАВРИНА.

XIII. НОВЫЯ КНИГИ.

Подъ тропиками. Странствованіе по Венецуэлѣ, на Ориноко, въ Бри-
танской Гвианѣ и на Амазонкѣ съ 1845 по 1868 годъ. Карла Ферди-
нанда Анпуна, Сиб. 1873.—**Пережитое.** Рассказы, очерки, сцены и сти-
хотворенія. Н. И. Куракина. Изданіе третье, значительно дополненное.
Сиб. 1874.—**Памятная книжка с.-петербургской губерніи,** составленная
секретаремъ статистическаго комитета А. Ф. Елачичемъ, издаваемая по
распоряженію комитета. Сиб. 1874. — **«Невѣрность по Неволѣ»**, исто-
рической романъ изъ XV столѣтія. Перев. съ франц. Воронежъ. 1875.—
Русская Абадонна. Оригинальная повѣсть. Соч. Михаила Кузнецова,
автора «Проституція и сифилисъ въ Россіи». Воронежъ. 1871 г.

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сельско-хозяйственный вопросъ.— Переходный моментъ.— Наше хозяй-
ство, рассчитанное на пространство, нуждается больше всего въ рабо-
чемъ.—Роль машинъ.—Мнѣніе о причинахъ неудовлетворительности сель-
скаго хозяйства Новороссійскаго края.—Исторія новороссійскаго хозяй-
ства.—Культурное вліяніе колонистовъ.—Орошеніе.— Еще причины не-
успѣшности.—Заключеніе.

050

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

инв. 286

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1874.

PC. 230.4 (2, 10.6)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
28 JUL 1965

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2го августа, 1874 года.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

(изъ записокъ моего друга).

ГЛАВА I.

Это было лѣтомъ 18** года. Я былъ тогда студентомъ медицинскаго факультета М—скаго университета, только что перешедшимъ со второго на третій курсъ. Мнѣ удалось покончить свои экзамены къ концу мая. На другой-же день я отправился къ своему дядѣ на югъ Россіи—проводить вакаціонное время и отдохнуть отъ трудовъ. Время было чудное: экзамены покончены благополучно и вполнѣ, на дворѣ стояла полная весна, впереди виднѣлись цѣлыя три мѣсяца привольной, свободной жизни въ прелестнѣйшемъ уголкѣ земли, въ сообществѣ дяди, моего милаго, добраго старика... До Нижняго я прокатился по желѣзной дорогѣ, оттуда уже почти все время ѣхалъ на пароходѣ, до самой цѣли поѣздки. Путешествіе прошло благополучно, только на Дону, какъ водится, пришлось сидѣть денька два на мели и прогуляться берегомъ версть семь пѣшкомъ, да на Азовскомъ морѣ, въ этой скверной толчѣ, я имѣлъ удовольствіе испытать всю прелесть морской болѣзни... Почти всю дорогу мнѣ мерещились предстоящія наслажденія: свиданіе съ моимъ старикомъ, купанье въ морѣ, прогулки и т. д. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ. Въ первыхъ числахъ іюня большой коммерческій пароходъ несъ меня полнымъ ходомъ къ обѣтованной землѣ. Мы должны были пріѣхать съ разсвѣтомъ. Никогда не забуду я этого утра... При розовомъ свѣтѣ ранней, утренней

зари мы подходили къ городку, бѣлымъ, неяснымъ пятномъ видѣвшемуся впереди насъ... Море было тихо и прозрачно, словно расплавленный изумрудъ; свѣжій, но легонькій вѣтерокъ дулъ прямо въ лицо; небо было такъ чисто, такъ свѣтло, радостно. На горахъ уже ложились утреннія, причудливыя краски и тѣни, а въ ущельяхъ и долинахъ еще лежала сѣроватая, нѣжная, какъ дымка, мгла. Вотъ стали, наконецъ, обрисовываться знакомыя мѣста; вотъ и церковь на горкѣ съ лѣва, вотъ и виноградныя сады, вотъ бульварчикъ, агентство, вотъ и дядинъ домишко. Съ берега потянуло вдругъ густымъ, холодноватымъ воздухомъ, полнымъ чуднаго, будто земляничнаго запаха. Послѣ моей гнусной комнатки на Грачевкѣ, прозванной однимъ изъ моихъ товарищей слѣпой кышкой,—съ ея промозглымъ, тепловато-сырымъ воздухомъ, послѣ усиленныхъ работъ въ атмосферѣ анатомическаго театра надъ гнилымъ человѣческимъ мясомъ, послѣ бессонныхъ, одуряющихъ ночей надъ убійственной латинской номенклатурой мышцъ, сосудовъ, нервовъ и т. д., послѣ восьмимѣсячной, подавляющей зимы, наконецъ,—ахъ, ты поймешь, мой добрый читатель, и мой восторгъ, и мое наслажденіе!.. О, если-бы изъ аптекъ отпускали вмѣсто разнообразной стряпни латинской кухни этотъ чудный, цѣлительный воздухъ! Сколько ожило-бы людей, сколько бѣдныхъ тружениковъ получили-бы облегченіе отъ своихъ страданій и даже избавились отъ преждевременной смерти!.. Забрать, среди поднявшейся суеты и гама, свои пожитки и съѣхать на берегъ—было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Черезъ четверть часа, съ сак-вождемъ въ рукахъ, весь дрожащій отъ волненія, я быстро подходилъ къ такъ хорошо знакомому мнѣ домику, гдѣ я провелъ почти все свое дѣтство. За два почти года я не нашелъ особенной перемѣны ни въ чемъ: тотъ-же чистенькій дворикъ, съ колодцемъ посрединѣ, тотъ-же флигелекъ съ зелеными ставеньками и маленькими окнами, только садъ еще болѣе разросся, потучнѣлъ... Даже Гривка не перемѣнился: онъ бѣжалъ ко мнѣ, помахивая хвостомъ, такой здоровый, будластый.

— Дядя! Мой добрый, милый дядя! чуть не кричалъ я. тиская сутуловатаго, низенькаго старичка, въ какомъ-то старомъ пальтишко и безъ фуражки вышедшаго на крыльцо флигеля.

— Ну, вотъ, спасибо, что не забылъ старика. Отлично сдѣ-

заялъ, что послушался, прїѣхалъ... говорилъ онъ, цѣлуя меня, и говорилъ такимъ тихимъ, дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ... О, какой мягкой, теплой, любящей былъ этотъ голосъ!

— Однако, похудѣлъ и поблѣднѣлъ-же ты, продолжалъ онъ, осматривая меня съ своею обычною, кроткою, задумчивою, покойною, такою задушевною улыбкой. — Ничего, поправишься, отдохнешь...

Я болталъ, почти не слушая его и ежесекундно перебивая, богъ-знаетъ что о дорогѣ, объ экзаменахъ, о целлюлярной патологїи Вирхова, пересыпая свою болтовню разспросами и воспоминанїями о немъ, о домѣ, о садѣ, Гривкѣ и т. п.

Онъ слушалъ меня съ своею доброю улыбкой, все еще осматривая меня своимъ любящимъ взглядомъ и, очевидно, желая дать мнѣ время выговориться, а моему телячьему восторгу умиротвориться.

— Хочешь чаю? спросилъ онъ, когда мы уже были въ комнатахъ. — Вотъ сливки, булка... Да постой, ты взялъ свой багажъ съ парохода? Онъ сейчасъ снимается...

— *Omnia mea mecum porto*, отвѣчалъ я съ комическою важною и торжественностью, указывая ему на свой тощенькій сак-воляжъ въ углу.

— Ну, и *optime*... Значить, ты совсѣмъ мой... Отлично, отлично... Пей-же чай, ты усталъ.

Дядя засуетился. Я не заставилъ себя просить еще и отдалъ должное аппетиту проголодавашагося студенческаго желудка и всѣмъ вкуснымъ припасамъ чайнаго стола.

— Ну, ты-то какъ поживаешь, дядя? Постарѣлъ, ей-богу, постарѣлъ, и сѣдина уже изрядная... Э, нехорошо, дядя!

— Живу, какъ жилъ... Все одно и то-же... Скучно безъ тебя первое время было, да попривыкъ теперь и къ одиночеству...

— Вотъ тебѣ опять твоя комнатка, говорилъ онъ черезъ часъ, вводя меня въ маленькую комнату, гдѣ я провелъ лучшіе годы своей жизни, — ты тутъ найдешь, все нужное устроишь... Я бѣлья тебѣ припасъ, платья себѣ ты уже самъ тутъ купишь... Кстати, есть у тебя долги?

— Нѣтъ, дядя.

— А деньги?

— Двадцать копеекъ, дядя, только...

— Это немного...—(Дядя улыбнулся.)— Вотъ тебѣ, тутъ двадцать рублей: купи себѣ платья, чего хочешь... Моя купальня къ твоимъ услугамъ. Купайся въ морѣ, катайся верхомъ, пей молоко,—у меня двѣ коровы теперь,—кушай и гуляй по-больше, брось всякій усидчивый или тяжелый трудъ, спи вволю... Посмотри, какія тебѣ я гири припасъ: поупражняйся, грудь разомни, мускулы тоже развить нужно... Да, вотъ еще подарокъ... Ты теперь свободно читаешь по-нѣмецки?

— Да, дядя...

— Вотъ тебѣ весь Гейне... Ты уже знаешь его немножко. Живи себѣ такъ, какъ тебѣ будетъ вольготнѣе... Меня ты не стѣснишь. Ну, а теперь пока до свиданія: пора къ больнымъ. Захарьевна сейчасъ вернется съ рынка, поможетъ тебѣ устроиться...

— Она все еще съ вами живетъ?

— Да. Ну, прощай.

Дядя ушелъ, а я долго смотрѣлъ вслѣдъ этому человѣку глазами, на которыхъ то-и-дѣло навертывались слезы.

ГЛАВА II.

Исторія моего дяди очень проста и не велика. Онъ мало рассказывалъ про себя и про свое прошлое. Я зналъ только, что онъ самъ, своими личными, тяжелыми трудами, борясь съ нуждой и горькой жизнью, добился медицинскаго образованія и, получивъ лекарскій дипломъ, прямо отправился уѣзднымъ врачомъ въ тотъ городокъ, гдѣ и жилъ всю свою жизнь. „Натерпѣвшись всего студентомъ, я смотрѣлъ на начинающуюся жизнь, на свою должность (тогда еще давали 200 руб. содержанія въ годъ), какъ на что-то великое, божественное“, говаривалъ онъ. Составить себѣ, какъ говорится, карьеру, проложить дорогу къ чему-либо болѣе обезпечивающему и почетному онъ не умѣлъ и не хотѣлъ. Это былъ человѣкъ замѣчательно честный и правдивый, почти до болѣзненности, почти до самоосужденія. „Я доволенъ своимъ положеніемъ, говорилъ онъ мнѣ однажды, — потому что оно даетъ мнѣ возможность заработать себѣ честный кусокъ хлѣба трудомъ, который я люблю и который меня удовлетворяетъ. Я

люблю покой, хотя, ты видишь, я и не лѣнюсь, и я чувствовалъ-бы себя неловко, былъ-бы безпокоенъ, пожалуй, растерялся-бы. если-бы мнѣ дали болѣе широкій кругъ дѣйствій, поставили-бы въ болѣе сложныя и хитростныя условія жизни. Я простой труженникъ, и больше того, что дам, не могу дать обществу,—слѣдовательно, нечего съ меня и требовать... Но я не даромъ ѣмъ хлѣбъ свой, и все, что у меня есть, добыто трудомъ, однимъ только трудомъ, и это меня какъ-то успокоиваетъ... Чего-же мнѣ еще нужно? Таковъ ужь мой характеръ, такимъ онъ выработался моею прошлой жизнью... Знаешь, у меня никогда не было этихъ неопредѣленныхъ порывовъ, стремленій къ чему-то великому, о которыхъ такъ много пишутъ и кричатъ молодежь. Я всегда былъ спокойнымъ „байбакомъ“, какъ прозвали меня товарищи. смотрѣлъ на жизнь трезво, да и не могъ иначе смотрѣть. Когда я уже кончалъ курсъ, мнѣ мечталось устроиться при университетѣ. при клиникахъ, хоть на время,—но и тутъ пришлось рукой махнуть: по плечу-ли обдѣяку, безъ протекціи, безъ родни быть между членами ученаго ареопага, безъ житейской юркости или желѣзной воли, эта роскошь науки? Случай меня не выдвинулъ; блестянуть ничѣмъ не пришлось; добиваться задними путями, просить и кланяться—мнѣ было какъ-то стыдно. А ѣсть нужно было, да и не мнѣ одному, а семьѣ всей: насъ семеро тогда съ дѣтьми было.

— Отчего ты не поѣхалъ держать экзаменъ на доктора? вопрошалъ я, считавшій въ тѣ времена докторство за что-то подобное философскому камню. Мнѣ тогда казалось, что, будь дядя докторомъ, а не лекаремъ, онъ имѣлъ-бы цѣлую кучу денегъ и всякаго благополучія.

— Къ чему мнѣ докторство—посуди самъ. Докторскаго диплома добиваются тѣ, кто хочетъ устроить себѣ медицинскую карьеру, достигнуть высшихъ должностей по нашей службѣ, а мнѣ дальше уѣзднаго не идти. Сначала, правда, я и о докторствѣ мечталъ, какъ всякій юный медикъ, но потомъ это прошло, и я, какъ видишь, не стыжусь своего скромнаго лекарскаго званія. Это много отнимаетъ у меня вѣса, значенія и почета.— (дядя тихо улыбнулся),—ну, да Богъ съ нимъ, съ этимъ вѣсомъ. Много есть дѣльныхъ и свѣдущихъ врачей, которые, однако, простые лекаря.

А меня такъ и тянуло пойти той-же тернистой дорогой, по которой шелъ дядя. Труды и жизнь врача казались мнѣ самыми лучшими, самыми привлекательными. Я мало былъ знакомъ съ другими профессіями и видѣлъ въ дядѣ увлекательный примѣръ, видѣлъ только свѣтлую, лицевую сторону его дѣятельности и не обращалъ вниманія на остальные. Я видѣлъ розы, но не видѣлъ шиповъ. Если дядя огорчался разными безобразіями нашего врачебнаго образованія, быта, практики, отношеній публики къ врачу и т. п., то я отважно надѣялся, что эти безобразія уничтожатся, что мы, грядущее врачебное молодое поколѣніе, должны выработать, завоевать себѣ лучшую долю, что мы-то пробьемъ дорогу къ возможно-лучшему положенію цѣлаго сословія... И это казалось тогда такъ удобоисполнимымъ, возможнымъ! То были юношескія, довольно смутныя, еще не ясно опредѣлившіяся, но тѣмъ не менѣе страстныя, пылкія мечтанія... Я жилъ съ дядей съ самаго ранняго моего дѣтства и невольно, незамѣтно для самого себя сроднился съ его взглядами и жизнью, — сказать болѣе — я слился съ нимъ. Я страстно любилъ дядю, не только какъ родственника и человѣка, но и какъ врача. Никогда въ немъ не проглядывало ни того мистическаго величія, которое такъ часто напускали на себя прежніе врачи, ни того джентльменскаго и научнаго шарлатанства, которое такъ часто бьетъ въ глаза въ наше время. Онъ всегда былъ простъ, естественъ, правдивъ, и никогда, ни съ какими цѣлями, не кутался въ мантию какой-то жреческой таинственности. Онъ былъ человѣкъ, получившій специальное образованіе, которое давало ему возможность, сообразно съ размѣромъ его умственныхъ силъ, его знаній и опытности, познавать и лечить болѣзни не только людей, но даже и скотовъ. Онъ не обманывалъ больныхъ ни пышными обѣщаніями, ни какими-нибудь чародѣйственными манипуляціями и т. п. Онъ былъ не прочь объяснить больному возможно просто и ясно причину и сущность его болѣзни и оттого пускался иногда въ разговоры очень назидательныя и полезныя, но рѣдко, впрочемъ, ведущіе къ благимъ послѣдствіямъ... Таковъ ужъ человѣкъ и особенно человѣкъ больной: коль скоро проходить гроза, мы скоро забываемъ всѣ неприятности и ужасы ея и своею неразумною жизнью вновь привлекаемъ ее. Недаромъ сложилась у насъ поговорка: громъ не грапетъ — мужикъ не пе-

рекрестится. Да большинству публики и не нравились эти разговоры. „Что за врачъ, дескать, который пускается толковать, отчего то, отчего это,—мы и безъ твоихъ розсказней знаемъ, какъ-бы нужно было жить; мы зовемъ тебя, когда заболѣемъ: вотъ ты и узнай, чѣмъ мы болѣны, да вылечи, а больше намъ ничего отъ тебя и не нужно“,—такъ мыслило огромное большинство.—Люди-же de la haute volée положительно не долюбливали старика. Онъ былъ уѣздный врачъ, лекарь, одѣтый плоховато, безъ эlegantныхъ манеръ свѣтскаго джентльмена, безъ пріятной улыбочки на своемъ всегда серьезномъ и вдобавокъ такомъ обыкновенномъ, „семинарскомъ“ лицѣ... Не поражалъ онъ ни наглостію, ни остроуміемъ и тактомъ, тѣми особенными качествами d'un médecin du bon ton, ни лакейскою угодливостію и выносливостію, которыя иногда такъ необходимы для успѣха врачебной практики, которыя доставляютъ многимъ заманчивыя обязанности, права и доходы домашняго врача богатыхъ и аристократическихъ фамилій, и которыя такъ часто цѣнятся публикою, особенно ея отборною и прекрасною половиною... Да, у дяди не было этихъ качествъ, не было громкой славы, не было чудесныхъ chefs d'oeuvre испѣленія, которыя разносила-бы повсюду стоустая молва, вербуя кліентовъ,—а онъ былъ свѣдущій, хорошій врачъ...

ГЛАВА III.

Одаренный здоровыми мозгами, онъ сталъ изучать медицину старательно, какъ человекъ бѣдный, ничѣмъ необезпеченный. Это давало ему въ будущемъ какой тамъ ни на есть кусокъ хлѣба, а съ другой стороны, онъ полюбилъ эту науку, искусство, ремесло—назовите какъ хотите. Онъ только въ университетѣ, самоучкой, выучился французскому и нѣмецкому языкамъ. ибо понялъ, что довольствоваться устными лекціями профессоровъ тогдашняго времени и тощими тетрадами товарищей было-бы весьма недостаточно и что нужно познакомиться съ лучшими произведеніями иностранныхъ медицинскихъ литературъ. Въ тѣ блаженные времена еще не пробудилось на Руси то горячее, лихорадочное стремленіе къ переводамъ лучшихъ иностранныхъ научныхъ сочиненій, которое вспыхнуло такъ очевидно, такъ рѣзко уже въ шестидесятыхъ го-

дахъ. Переводовъ, кромѣ пресловутыхъ романовъ, почти не было, оригинальныхъ сочиненій по части медицины тоже. Положеніе тогдашней бѣдной учащейся молодежи было самое не завидное, такъ какъ трудно бѣдняку имѣть время и деньги на изученіе чужихъ языковъ. Дядя, однако, успѣлъ совладать съ чуждою рѣчью; онъ читалъ и много, и дѣльно. Дай Богъ, чтобы всѣ оканчивали курсъ, въ то время, съ такимъ отличнымъ и основательнымъ медицинскимъ образованіемъ, съ какимъ окончилъ его онъ. Замѣчательно, что мой дядя, будучи студентомъ, да и потомъ, позднѣе, никогда не мечталъ о какой-либо спеціальности... „Спеціальность—роскошь. Она дѣло практики и дальнѣйшей работы. Мнѣ нужнѣе всего знать хорошо то, что необходимо врачу вообще...“ Онъ никогда не расказывался въ этомъ въ своей дальнѣйшей жизни,—и вотъ почему. Онъ вышелъ уѣзднымъ врачомъ и попалъ въ тотъ уѣздъ, гдѣ, кромѣ его, долго, долго (до введенія института земскихъ врачей) не было другого медика. Онъ долженъ былъ быть всевѣдущъ. Онъ былъ одинъ, къ нему шли больные и глазные, и грудные, и хирургическіе и всякіе; онъ долженъ былъ лечить всевозможныя болѣзни. Гдѣ тутъ было думать о спеціальности? Онъ долженъ былъ производить судебно-медицинскія вскрытія, освидѣтельствванія всякаго рода, онъ долженъ былъ „прекращать“ различныя эпидеміи и эпизоотіи, онъ долженъ былъ лечить всѣхъ и каждого, чѣмъ-бы онъ ни былъ болѣнъ. Онъ долженъ былъ быть *энциклопедическимъ спеціалистомъ*, если только позволительно такъ выразиться. Онъ—и судебный врачъ, и гигиенистъ, и ветеринаръ, и хирургъ, и терапевтъ, и акушеръ, и педиатръ, и окулистъ, и отиатръ и т. п.—сіи-же имена ты ужъ, Господи, вѣси. Уже во имя нравственнаго долга онъ не могъ не подавать помощи больнымъ не по его спеціальности, (если-бъ она даже у него и была), такъ-какъ онъ зналъ, что больному не къ кому было больше идти. Онъ до конца дней своихъ не могъ заняться спеціально какою-нибудь отраслью врачебной науки, благодаря особенностямъ званія и обязанностямъ уѣзднаго врача, нашей низшей врачебно-административной инстанціи, благодаря социальнымъ условіямъ нашихъ темныхъ и глухихъ уголковъ родной земли...

Несмотря на скудные средства и эту хлопотливую жизнь, не-

дающую возможности и времени сосредоточиться на чемъ-нибудь, заняться чѣмъ-нибудь, онъ выписывалъ себѣ журналы, иногда и книги, и инструменты; онъ продолжалъ читать и слѣдить за развитіемъ и успѣхами своей любимой, родной науки. Конечно, двигать науку ему уже совсѣмъ не приходилось; онъ могъ подбирать только крошки, падающія отъ роскошной трапезы богачей науки. И то хорошо, что почти каждый годъ его книжный шкафчикъ пополнялся чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ. Тутъ-же бросалось въ глаза обиліе справочныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ медицины, эта энциклопедичность, о которой мы говорили выше. У него были труды Вирхова, за что я его особенно уважалъ тогда, какъ юный studiosus medicinae шестидесятихъ годовъ, сжогавшій этого великаго германскаго ученаго; я полагалъ, что взгляды и теоріи Вирхова суть terra incognita и даже какое-то пугало для врачей стараго закала, воспитанныхъ на ученіяхъ Филомафитскаго и Ровитанскаго. Я очень хорошо помню, что меня смущало немного то обстоятельство, что дядя былъ плохъ въ гистологіи, микрографіи и не умѣлъ владѣть микроскопомъ, но я извинялъ его тѣмъ, что въ его времена эти науки были въ зародышѣ и ими не особенно занимались, да и гдѣ было ему взять наставника, времени, даже денегъ на покупку микроскопа для занятій этой наукой, уже по окончаніи курса. Я боюсь даже рѣшить, на-сколько были-бы ему полезны и эта наука, и этотъ микроскопъ въ его практической, труженически-чернорабочей жизни... Развѣ можетъ военный госпитальный врачъ, если на его долю выпадаетъ (какъ это часто въ иныхъ мѣстахъ случается) до 200 больныхъ ежедневно, вести постоянныя, точныя научныя измѣренія температуры, количество и качество мочи и т. п. помощью снарядовъ и инструментовъ? У него едва хватаетъ времени обойти палаты, посмотрѣть языки да назначить, какъ говорится, направо—рвотныя, налево—слабительныя... Слава-богу, что дядя хоть аускультировалъ и перкутировалъ какъ слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, что онъ выучился владѣть и офтальмоскопомъ, и лорингоскопомъ.

Дядя пользовался и въ городѣ, и въ окрестностяхъ большою популярностью и огромной практикой преимущественно среди бѣднаго населенія. Нечего и говорить, на-сколько бываетъ прибыльна и нравственно-утѣшительна такая практика. Какъ удавалось

дядѣ сводить концы съ концами, особенно въ началѣ его практической жизни, я до сихъ поръ плохо понимаю. Въ послѣднее время, когда его городокъ случайно получилъ нѣкоторое значеніе, его положеніе въ экономическомъ отношеніи значительно улучшилось: практика порою улыбалась, окладъ жалованья увеличился штемпельнымъ сборомъ... Вотъ онъ выстроилъ домишко, развелъ садикъ, отдавалъ внаймы лѣтомъ переднее строеніе, завелъ лошадку и т. п.

ГЛАВА IV.

Какъ часто вспоминается мнѣ то блаженное время дѣтства, которое я провелъ вмѣстѣ съ моимъ добрымъ старикомъ! Теперь, когда на меня уже оказалъ все свое вліяніе горькій опытъ жизни, когда мое здоровье разрушено и пѣсня жизни допѣта почти до конца, эти воспоминанія такъ успокоительно дѣйствуютъ на мои больные, раздраженные нервы и навѣваютъ на душу какое-то необъяснимое, мирное, грустное, но пріятное чувство... Много лѣтъ—и какихъ лѣтъ!—прошло съ тѣхъ поръ, а какъ ясно и отчетливо рисуется мнѣ образъ дяди—низенькаго старичка, съ коротко-обстриженными съ просѣдью волосами, съ его теплымъ, задушевнымъ взглядомъ, тихимъ, покойнымъ голосомъ!.. Особенно памятны мнѣ долгіе, долгіе зимніе вечера, которые мы проводили вмѣстѣ. Дядя сидитъ, бывало, въ своемъ старомъ, кожаномъ вольтеровскомъ креслѣ у письменнаго столика, на которомъ горитъ олеиновая дешевенькая лампочка, читаетъ или пишетъ что-нибудь. Я помѣщаюсь около и рѣжу ему бумажныя капсулы для порошковъ. Ровный, мягкій свѣтъ лампы съ абажуромъ освѣщаетъ столъ, полъ, мебель, бросаетъ на потолокъ круглое, большое, свѣтлое пятно, а стѣны и углы и глубь комнаты—все это въ какомъ-то таинственномъ, странномъ полумракѣ. Мѣрно чикаетъ маятникъ простенькихъ деревянныхъ часовъ; весело и бойко трещитъ огонь въ затопленной печкѣ сосѣдней комнаты, ярко освѣщая багровымъ, трепетнымъ свѣтомъ фигуру Захарьевны, сидящей у огня съ чулкомъ въ рукахъ,—я такъ хорошо вижу ее черезъ отворенную половинку двери; старый котъ нашъ Васька усѣлся на столѣ, на книгахъ, почти напротивъ

дяди, и такъ ровно, однообразно мурлыкаетъ свою постоянно одну и ту-же пѣсенку, зажмуривъ глаза и подобравъ лапки подъ себя. А на дворѣ льетъ дождь и порою, запесенный порывомъ вѣтра, шумно обдастъ оконныя стекла круглыми каплями; глухо и сердито реветъ и грохочетъ вдали разыгравшееся море; въ окна глядитъ темная, холодная, ненастная ночь. Пугливо вглядываюсь я въ эту темь, чернѣющую за стеклами, чутко прислушиваюсь къ дикому вѣю порывистаго вѣтра и этому неустанному, грозному реву морского прибоя, къ этому тоскливому плеску падающаго дождя,—и жутко, и страшно станетъ мнѣ... „Вотъ погодка, говорить дядя, отвлеченный отъ чтенія какимъ-нибудь сильнымъ порывомъ вѣтра, ударившимъ въ окно,—плохо теперь на морѣ, а еще хуже на улицѣ. Плохо быть безъ крова въ такую ночь, безъ одежонки да голодному“... и опять погружается въ чтеніе, и опять рѣжу я маленькіе четырехугольные кусочки бумаги и складываю изъ нихъ пакетики для порошковъ. Но, чу! послышались чьи-то шаги на дворѣ; Гривко, мирно спавшій у топящейся печки, открылъ глаза и ворчитъ, прислушиваясь къ нимъ; кто-то стучитъ въ дверку... Захарьевна шевелится, дядя подымаетъ голову, склоненную надъ книгой. Я подбираю подъ себя ноги и съ открытымъ отъ страха ртомъ, тревожно гляжу въ соседнюю комнату... Дядю пришли звать куда-то къ больному... Какъ мнѣ было жаль его въ эту минуту! Захарьевна подаетъ ему высокіе юфтовныя сапоги, сѣраго солдатскаго сукна широкое пальто, фуражку и какой-то ея собственнаго издѣлія не то башлыкъ, не то капоръ... Я сучусь около него, даю палку, фонарь, провожаю... Съ какимъ тревожнымъ чувствомъ жду я возвращенія его, мысленно рисуя себѣ всѣ ужасы и непріятности ночного путешествія въ такую бурю, которые выростають въ моемъ дѣтскомъ воображеніи до чрезвычайныхъ размѣровъ... Но вотъ дядя возвращается весь мокрый, но всегда довольный, нераздосадованный... Весело скидаетъ онъ свой балахонъ и сапоги; я помогаю ему раздѣваться; Гривко скачетъ и прыгаетъ около; Захарьевна накрываетъ на столъ ужинать: въ комнатахъ такъ и вѣетъ какою-то радостью, словно празникомъ... Вкусныя котлеты Захарьевны издають чудный аромат, разжигающій здоровый дѣтскій аппетитъ. Мы ужинаемъ съ аппетитомъ... Дядя опять садится за столѣкъ,—ему еще много, много нужно читать и пи-

сать, — а я забираюсь въ свою чистенькую постельку, пока еще холодную, закрываюсь, нѣжусь, грѣюсь и скоро засыпаю подъ мѣрное чиканіе часовъ, плескъ дожда и шаги Захарьевны, убирающей посуду...

Наша жизнь отличалась замѣчательною простотою и патриархальностью. Даже Захарьевна была скорѣе членомъ нашей семьи, чѣмъ слугою. Откуда она была — я, право, не помню, знаю только, что она давнымъ-давно жила у дяди. Въ мѣсяцъ воспомина- нійхъ она занимаетъ видное мѣсто. Это была добрая, маленькая старушка, съ покойнымъ, почти философскимъ выраженіемъ своего сморщенного, темнаго лица. Всѣ хозяйственныя заботы исполня- лись ею, что было не особенно легко при тѣхъ средствахъ, ко- торыя имѣлъ дядя. Она была моею нянюшкой и ходила за мною словно мать родная.

Дядя не поддерживалъ ни съ кѣмъ знакомственныхъ отноше- ній. Никто не ходилъ къ нему, кромѣ какъ за дѣломъ, и онъ самъ не бывалъ ни у кого, какъ знакомый. Оно и понятно. всегда занятый, измученный практикой, онъ былъ радъ отдох- нуть вечеркомъ дома за хорошей книгой, въ кругу своей без- хитростной семьи, т.-е. меня и Захарьевны. Играть въ карты онъ не умѣлъ и не хотѣлъ, считая это дѣломъ недостойнымъ толковаго человѣка; болтать о пустякахъ онъ тоже не могъ, — послѣ всего этого ясно, какое удовольствіе онъ могъ находить во всѣхъ этихъ вечеринкахъ и провинціальныхъ времяпровожде- нійхъ.

Однако, я что-то очень много разболтался о моемъ дядѣ. Да проститъ мнѣ читатель это длинное и скучное отступленіе отъ начатаго разсказа... Ужь очень люблю я моего старика Михаи- ла Ивановича!

ГЛАВА V.

При помощи неодолимой Захарьевны, встрѣтившей меня так- же съ распростѣртыми объятіями, я расположился на славу. Чи- стая, мягкая постель, уютная, хотя и старенькая и дешевенькая меблировка комнаты, приятно ласкали мой отвыкшій отъ всего этого глазъ. Я успѣлъ выкупаться въ морѣ и затѣмъ съѣсть

громаднѣйшій кусокъ говядины, вынутой изъ супа, съ горчицей и уксусомъ...

— Ну, что, какъ поживаете, Захарьевна? говорилъ я, уписывая кусокъ за кускомъ съ какими-то волчьимъ аппетитомъ.

— Ничего, голубчикъ, по-маленьку, по-маленьку. Живы, здоровы, сыты, — чего-жъ еще? Дядюшка вашъ тоже здравствовалъ. Такъ-же днемъ и ночью мыкается; вѣрите-ли, спокойствія и радости подъ старость человѣкъ не видитъ... — (Старушка вздохнула). — Вотъ, посмотрите, тутъ два дохтура еще есть, нѣмцы они, чѣмъ хуже дядюшки вашего, а какъ живутъ! Ужъ очень добрый человѣкъ дядя-то вашъ, вотъ оно что! Свое отдать готовъ, не то что съ больного содрать, какъ эти жидоморы. А онъ и жениться, сердечный, не можетъ... Ужъ какъ я его уговаривала... Что одинъ человѣкъ? Бобыль, помянуть не кому, порадоваться не на что... Нѣтъ, говорить, жены не нашельъ себѣ прежде, не встрѣтилась, а теперь, говорить, поздно: пора, говорить, ужъ о смерти подумать... Да что! Самимъ жить только-что хватаетъ, а какъ семьей тутъ проживешь, — поди, дороговизна стала-то какая...

— Не скучаетъ онъ?

— Скучаетъ? Гдѣ ему скучать! Нѣшто есть у него для этого время... Дай Богъ до постели добраться...

Долго болтала еще старушка о домашнихъ дѣлишкахъ, о томъ, о семъ...

Дядя вернулся домой по-обыкновенію довольно поздно. Онъ былъ утомленъ, потому что въ этотъ день ему пришлось ходить и много, и пѣшкомъ. Его загорѣлое лицо было смочено крупными каплями пота, платье и въ особенности сапоги были покрыты бѣлесоватою пылью.

— Вспотѣлъ, сказалъ онъ съ своей дубродушной улыбкой, взглянувъ на меня ласковымъ, довольнымъ взглядомъ. — Жарко нынче. Ну, ты устроился? Вотъ и отлично. Пережвню бѣлье, будемъ обѣдать... Захарьевна, дайте-ка намъ поѣсть...

Черезъ десять минутъ я и дядя, умытый, освѣженный, сѣли за столъ. Захарьевна торжественно поставила на столъ суповую миску. Мы ѣли молча, съ аппетитомъ. Когда Захарьевна принесла намъ свои неизбѣжныя, но замѣчательно вкусныя котлеты, въ прихожей слышались чьи-то легкіе шаги и въ комнату вошла молодой человѣкъ, какою-то мягкою, лѣнливой, спокойной

походкой... Это былъ мужчина съ удивительно молодожавой, почти юношеской физиономіей и комплексіей, хотя ему было около двадцати восьми лѣтъ. Мелкія черты лица, небольшіе черные глаза, мягкіе, густые, черные волосы, откинутае назадъ à l'enfant и открывающія чистый лобъ, узкія, словно тушью выведенныя красивой дугой брови,—были очень миловидны. Небольшіе усики и черныи пушокъ вмѣсто бороды придавали его чистому, матовой бѣлизны лицу какое-то странное, слегка молодцоватое выраженіе, которое мало согласовалось съ тою непонятною, затаенной грустью, почти тоской, которая свозила въ его будто усталомъ взглядѣ и легкой улыбкѣ, которая какъ-то нехотя бродила на его губахъ. Тонкая, красивая рука, нѣжная шея, вообще вся эта мягкость, нѣжность, женственность фигуры и движеній изобличали въ немъ человѣка, воспитаннаго тѣмъ особеннымъ способомъ, который зовется аристократическимъ. Онъ былъ одѣтъ въ темносиній пиджакъ, сѣрые брюки, черныи жилетъ. Отложные воротнички свѣжей рубашки, бѣлыи, лѣтній галстучекъ, небрежно, но красиво повязанныи, придавали ему еще болѣе молодожавости и миловидности... Въ рукахъ у него была пуховая сѣрая шляпа.

— Леонидъ Петровичъ Вѣнцовъ, земскій врачъ, познакомилъ насъ дядя,—а это племянникъ мой...

— А, сказалъ гость,—такъ это вашъ Коля, котораго вы ждали?..

Онъ остановился противъ меня и пожалъ руку. Какое-то негодующее, недоброжелательное чувство поднялось во мнѣ, — то чувство, которое всякій разъ овладѣвало мною при видѣ разныхъ подобныхъ господчиковъ... „Бѣложилетникъ“, подумалось мнѣ. Но,—странное дѣло! — его симпатичная, красивая фигура, этотъ спокойный, умный взглядъ, эта простота, — покорили меня... Въ немъ было что-то мнѣ еще незнакомое, что-то необъяснимо-привлекательное.

Я съ смущеніемъ и недоумѣніемъ глядѣлъ на него, не говоря ни слова.

Кончивъ обзоръ моей фигуры, гость улыбнулся и спросилъ:

— Вы студентъ? медикъ? М—скаго университета?

— Да.

— Скажите, пожалуйста, продолжалъ онъ.— что вамъ за охо-

та пришла закабалить себя въ медицину, да еще въ М—скомъ университетѣ?

— Нужно тебѣ сказать, Коля, что Леонидъ Петровичъ отъявленный скептикъ и пессимистъ, вставилъ добродушно дядя.— Не хотите-ли отобѣдать съ нами?

— Благодарю. Я уже обѣдалъ.

Гость сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ нами и посмотрѣлъ на меня, очевидно, ожидая отвѣта.

— Я люблю эту науку, а, наконецъ, въ М., говорятъ, лучшій медицинскій факультетъ, такъ что...

Тутъ я оборвался и жестоко покраснѣлъ.

— Развѣ можно любить медицину, какъ профессію, и даже какъ науку? Что вы нашли въ ней хорошаго? Развѣ примѣръ вашего дяди не поучителенъ? допрашивалъ Вѣнцовъ.

— Слишкомъ много и долго пришлось-бы говорить, а примѣръ дяди, прибавилъ я, охваченный сильнымъ чувствомъ досады и смущеніемъ,—скорѣе могъ пробудить и укрѣпить во мнѣ охоту къ занятію медициной, чѣмъ отшатнуть отъ нея...

Я былъ красенъ, какъ ракъ, и дрожалъ отъ волненія. Гость посмотрѣлъ опять на меня и, будто чѣмъ-то удовлетворившись, откинулся на спинку кресла.

— Да, да, заговорилъ онъ тихо, будто въ раздумьѣ,—великія идеи, служеніе человечеству, польза, интересы науки, жизни... А впились-ли вы въ то, что даетъ эта наука, эта профессія? Тяжелая жизнь выпадаетъ на долю врача... Развѣ вашъ дядя не несетъ тяжелаго креста, развѣ онъ не мученикъ? А чѣмъ вашъ дядя хуже другихъ врачей, чѣмъ онъ хуже, на примѣръ, нашей знаменитости Эркмана? Да ничѣмъ,—а посмотрите, какая между ними разница... Вашъ дядя—почти бѣднякъ, а Эркманъ—посмотрите, что за palazzo выстроилъ себѣ на набережной! Посмотрите, какіе у него виноградники, что за дачи, что за лошади, что за прелестнѣйшая Минна Карловна!.. Эркманъ—извѣстность, хотя шарлатанъ и невѣжественнѣе вашего дяди во сто кратъ,—а дядя вашъ—неизвѣстность, хотя онъ знающій свое дѣло, честный врачъ, честный человѣкъ... Эркманъ не беретъ, говорятъ, менѣе десяти рублей за визитъ—и всѣ лѣзутъ къ нему, у него богатая практика,—а вашъ дядя и даромъ пойдетъ, изъ своего кармана лекарства дастъ; его паціенты—бѣдняки... Эр-

манъ получаетъ благодарность вещественную, а вашъ дядя—благодарность невещественную... А известное дѣло, что изъ сотни самыхъ теплыхъ невещественныхъ благодарностей и одной плохой шубы не сошьешь и обѣда не сварить... Да знаете-ли вы, сколько вашъ дядя, котораго примѣръ васъ такъ увлекаетъ, получаетъ денегъ за свой трудъ, за свою жизнь?

Тутъ дядя прервалъ гостя. Онъ сказалъ, что въ жизни нельзя обойтись безъ тернiевъ, что есть профессiи похуже медицинскiой, а многiе занимаются ими ради хлѣба насущнаго, что—наконецъ, всѣ эти невзгоды, всѣ эти страданiя щедро выкупаются тѣмъ наслажденiемъ, которое доставляетъ занятiе любимой наукой.

— Полноте, полноте! съ одушевленiемъ опять заговорилъ гость,—вы идеализируете науку, а это скверно. Всякая наука хороша не сама по себѣ, а тѣми результатами, какiе она даетъ въ приложенiи, на практикѣ, иначе она становится мертвой буквой, а занятiе ею превращается въ бесполезное времяпровожденiе, ничѣмъ неотличающееся... ну, хоть отъ козырiя въ карты. Правда, говорятъ, что съ милой и въ шалашѣ можно найти счастье, но это ложь: одной любовью питаться живому человѣку невозможно. Положимъ, наконецъ, что сама наука, играя роль этой милой, даетъ нравственную отраду, вознаграждаетъ невещественными дарами всякаго рода своихъ адептовъ за ихъ страдальческую, тяжелую, нищенскую жизнь... Да, полно, такъ-ли это?.. Милая-то эта оказывается при ближайшемъ знакомствѣ просто-на-просто грязной, скверной старухой, морщинистое лицо которой старательно замазываютъ густымъ слоемъ бѣлилъ и румянъ ея-же поклонники... Это просто донъ-вихотство, смѣшное, нелѣпое. Вотъ вы узнаете попозднѣе, что за наука медицина; вы узнаете въ ней описанную старуху, потому-что то, что зовется медициной, есть ничто иное, какъ старая, престарая традицiя поверхностныхъ, лишенныхъ прочныхъ основъ наблюденiй и опытовъ, полная какихъ-то дѣтскихъ попытокъ строить теорiи на основанiи нѣсколькихъ сомнительнаго достоинства фактовъ, полная бессмыслицы, разнорѣчiй... Правда, есть такъ-называемая рациональная медицина, въ которой все спасенiе наше, но она еще въ пеленкахъ, она только-что подрастаетъ, за ней еще ухаживаютъ, какъ за слабымъ, немощнымъ ребенкомъ...

Много воды утечетъ до той поры, когда это дитя выростеть и станеть помогать намъ... А теперь? Вы не разъ испытаете у постели больного горькое чувство сознанія несостоятельности и безсилія той науки, которая будто-бы учить спасать здоровье и жизнь человѣка. Не разъ вы станете втупикъ, не разъ вы горько посмѣтесъ надъ этою наукой, не разъ вы будете стоять у постели страдальца празднымъ, немощнымъ, безсиленнымъ зрителемъ его мукъ, его смерти...

Я съ удивленіемъ слушалъ гостя. Дядя опять не утерпѣлъ и вступился за близкое ему дѣло. Соглашаясь во многомъ съ Вѣнцовымъ, онъ указалъ нѣсколько случаевъ, гдѣ врачъ можетъ несомнѣнно спасти жизнь человѣка...

— Такихъ случаевъ немного, добавилъ онъ, — но и то хорошо, что они есть, и за то спасибо медицинѣ. Какъ онецъ, мы можемъ облегчать страданія, — и это не маловажная заслуга. Мы не боги. Что дѣлать!

Вѣнцовъ разсѣянно слушалъ дядю. Когда дядя умолялъ, онъ вздохнулъ, всталъ и прешелся раза два по комнатѣ.

— Кстати, преговорилъ онъ, останавливаясь противъ дяди, — вы не отдали еще въ наймы своей квартиры.

— Нѣтъ. А что?

— У меня есть въ виду нѣкая особа, которая хочетъ поселиться въ ней. Не знаю, кто она: вчера познакомился; женщина, и красивая. Остановилась пока въ гостиницѣ и послала за мной, какъ оказалось, по поводу своей болѣзни... Отъ практики я, конечно, отказался, но мы разговорились; она хочетъ пожить тутъ подольше, ищетъ квартиру на берегу моря... Вотъ я и указалъ на васъ... Сегодня или завтра она заѣдетъ къ вамъ.

— Что-жь! Милости просимъ! сказалъ дядя.

Вѣнцовъ простился съ нами и ушелъ.

ГЛАВА VI.

— Что это за человѣкъ такой? обратился я къ дядѣ, тотчасъ послѣ ухода гостя.

— Экой ты чудакъ! отвѣчалъ дядя. — Какой вопросъ ты задашь!.. Что тебѣ отвѣчать?.. Я съ нимъ знакомъ вотъ уже пол-

тора года, съ той поры, какъ онъ прѣѣхалъ сюда, кажется, сейчасъ-же по окончаніи курса... Живетъ онъ здѣсь отшельникомъ, много работаетъ, много читаетъ, занимается разработкой мѣстныхъ санитарныхъ вопросовъ; теперь особенно занимается климатологіей нашей мѣстности... Да, у него богатая и знатная родня, отъ которой онъ, впрочемъ, почему-то отшатнулся,—но у него есть состояніе... Дѣло свое онъ знаетъ отлично, но практики терпѣть не можетъ. Да и зачѣмъ ему искать практики, когда и безъ нея у него есть средства къ жизни?.. Устроилъ здѣсь земскую больницу, занимается ею усердно...

— Чего-жь онъ нападаетъ такъ на медицину?

— Ну, знаешь, Коля, вѣдь по совѣсти-то сказать, много правды въ его словахъ, но бѣда вся въ томъ, что онъ слишкомъ впечатлительно, почти болѣзненно относится ко всему. Онъ нервенъ до крайности; часто хандритъ. Подчасъ у него развивается такой безотрадный взглядъ на жизнь, на все, что просто страшно за него дѣлается... Онъ слишкомъ капризенъ. Ему подавай такое правдивое, безукоризненное дѣло, въ которомъ ни пятнышка, ни единого-бы тернія не было и которое всецѣло поглотило-бы его... А такого дѣла и на свѣтѣ нѣтъ... Онъ не находитъ нигдѣ точки опоры; онъ подкопается подо все, вездѣ найдетъ скверныя стороны...

— Отчего-жь онъ не броситъ медицины?

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ любитъ ее, оттого не можетъ или не хочетъ бросить ее, оттого и страдаетъ... Да и что удовлетворить его? Такой человѣкъ никогда, ни на чемъ не успокоится, ничто его не удовлетворитъ, всю свою жизнь онъ будетъ стремиться куда-то, искать чего-то... Вся жизнь его состоитъ изъ попытокъ отыскать себѣ цѣль жизни, мѣсто нравственного успокоенія отъ хандры, отъ страданій... О, это несчастные люди, страдающіе за грѣхи міра сего.

Дядя задумчиво понуриль голову.

— А знаешь, братъ, Коля, что это за дсбрый, умный, честный человѣкъ! продолжалъ онъ, немного погодя.—Просто сердце ноетъ въ груди, глядя на эту натуру, на этотъ сильный умъ. Положимъ, онъ работаетъ и работаетъ добросовѣстно, но больно видѣть, Коля, что такая личность размѣнивается на мелочи, тратится на бесплодную тоску и хандру, на пустяки... тогда какъ еѣ

даны были всё средства дѣлать какое-нибудь большое, хорошее дѣло!.. Мы—лодочки, намъ и плавать мелко, а ему...

Дядя вздохнулъ.

— Можетъ быть, семья спасла-бы его, да нѣтъ у него ни любимой женщины, ни родныхъ, которыхъ-бы онъ любилъ, добавилъ дядя тихо, и грустная нотка зазвучала въ тонѣ его голоса.

Вечеромъ того дня, въ который происходилъ вышеприведенный разговоръ, къ нашему дому подекатила хорошенькая наемная коляска. Какая-то молодая женщина, высокаго роста, красивая и роскошно одѣтая, быстро выскочила изъ экипажа и вошла къ намъ во дворъ.

Дядя вышелъ къ ней на встрѣчу.

— Вы—докторъ, хозяинъ этого дома? послышался молодой, бойкій женскій голосъ.—У васъ отдается квартира?

— У меня; вотъ этотъ домъ, говорилъ дядя.

— Вотъ и отлично. Покажите-ка мнѣ его.

Дядя вошелъ за ключами въ ту комнату, гдѣ я сидѣлъ, и которая была у насъ и залой, и приѣмной, а за нимъ вошла и приѣхавшая дама.

Это была женщина, какъ я уже сказалъ, высокаго роста, замѣчательно стройная и хорошо сложенная. Ея безукоризненно правильное и красивое, нѣжное лицо поражало какою-то странною, матовою блѣдностью, которая, казалось, увеличивала чудный, темный блескъ ея большихъ, выразительныхъ глазъ, надъ которыми красиво лежали соболиныя брови. Смѣло очерченные подбородокъ и губы были изящны и постоянно оварялись милой, ласковой, не то улыбкой, не то усмѣшкой. Густые, роскошные волосы, черные, какъ воронье крыло, и пышно причесанные, прикрывались крохотной, хорошенькой шляпочкой. Красавица была одѣта въ какое-то длинное, черное шелковое платье, украшенное цѣлой массой бархата и кружевъ, ловко обхватывающее ея стройный станъ. Свѣжія, сѣренкія перчатки, какъ говорится, обливали ея руки, въ которыхъ она держала маленькій хлыстикъ и какую-то воздушную накидку. Она свободно, почти бойко, вошла

въ комнату. окинула ее быстрымъ взглядомъ и уставилась прямо на меня.

— Скажите, это вашъ сынъ? спросила гостя дядю и показала на меня.

— Нѣтъ, это мой племянникъ.

Я счелъ долгомъ холодно поклониться. Поклопъ вышелъ какой-то патлутый, неестественный до смѣшного.

— Вѣроятно, студентъ?

— Да.

Красавица размѣялась, сѣла у стола въ кресло и опять окинула взглядомъ комнату.

— Мнѣ говорили, начала она, — что у васъ есть квартира, которую вы можете отдать въ наймы. Я хочу пожить тутъ годъ, а можетъ быть, и болѣе. Я больна, мнѣ нужна врачебная помощь, и я очень рада, что буду жить на одномъ дворѣ съ вами... Мнѣ васъ рекомендовалъ докторъ Вѣнцовъ, къ которому я обратилась было тотчасъ по прїѣздѣ сюда... Признаться, такая рекомендація своего собрата со стороны врача меня немного удивила.

— Почему-же? спросилъ дядя съ улыбкой.

— Всѣ медики — жестокіе враги между собою и потому рекомендуютъ другъ друга не такъ, какъ Вѣнцовъ отзывался про васъ...

Гостя засмѣялась и встала.

— Очень рада съ вами познакомиться. — (Она подала руку дядѣ и мнѣ.) — Я Рязанцева, Ольга Петровна... Ну, идемте: показывайте-же квартиру.

Мы пошли всѣ вмѣстѣ.

— Вотъ и прекрасно! Вотъ и отлично! говорила наша будущая квартирантка, осматривая комнаты, кухню, садъ, и, видимо, всѣмъ довольная.

— А какова цѣна? спросила она.

— Триста рублей въ годъ.

— Отлично. Беру, беру. Мнѣ все очень нравится; я помѣшусь отлично. А за практику? Сколько вы возьмете, чтобы быть моимъ постояннымъ врачомъ, т. е. лечить меня по всѣмъ правиламъ вашего искусства и посѣщать, когда нужно, а? И, съ своей стороны, обещаюсь не надоедать вамъ, не капризничать, не без-

покоить изъ-за глупостей, — однимъ словомъ, не терзать васъ ни какъ врача, ни какъ человѣка.

Вѣроятно, дядя никогда не получалъ такихъ предложеній, потому что молчалъ, не безъ удивленія глядя на пациентку.

— Да ну, говорите-же!.. Или, можетъ быть, вы находите болѣе удобнымъ для себя получать по визитамъ?

— Нѣтъ, не то... Я, право, не знаю...

— У меня чахотка, tuberculosis pulmonum, по-вашему, продолжала гостя такимъ-же тономъ и голосомъ, какимъ вела разговоръ и прежде, словно дѣло теперь шло не о ней, а о комъ-то другомъ; — особенной работы вамъ тутъ не будетъ, но мы выгоды и полезныя имѣть васъ постояннымъ врачомъ потому, что, какъ вы знаете, въ этой болѣзни важныя всего установленіе съ отвѣтствующаго режима, образа жизни, назначеніе діетическаго леченія подъ наблюденіемъ врача... У меня есть, наконецъ, средства... Ну, говорите, сколько?

Она остановилась и ждала отвѣта дяди.

— Рублей сто въ годъ, сказалъ онъ.

— Ну, это мало! Я могу дать двѣсти. Берите двѣсти. Значить, по рукамъ? Вотъ и отлично!

Красавица окинула насъ своимъ яснымъ, свѣтлымъ взглядомъ и опять на губахъ ея появилась привѣтливая, милая улыбка.

— Вотъ вамъ двѣсти рублей задатку, добавила она, внимая хорошенькій портмоне и отдавая деньги. — Надняхъ переѣду, какъ получу мебель... А теперь — пока до свиданія... Поѣду кататься: погода прелесть какал!..

Она пожала намъ руки и уѣхала.

Черезъ нѣсколько дней Рязанцева переѣхала къ намъ. Дядя сталъ посѣщать ее.

— Представь, сказалъ онъ мнѣ какъ-то, — а у нея вѣдь, дѣйствительно, туберкулезъ: уплотненіе въ верхушкахъ обоихъ легкихъ, а въ правомъ — даже маленькая каверна... То-же самое у ней и за-границей профессора нашли... Прежде, говорить, у ней и кровохарканье бывало, и плевриты... Ходъ болѣзни,

видно, приостановился. настало затишье, до перваго толчка... Нужно беречься, протянуть можно долго...

Но Рязанцевой, какъ видно, не хотѣлось „протянуть“; дядя жаловался, что она ведетъ неправильный, сумазбродный образъ жизни...

— Богъ знаетъ, что у ней на душѣ, говорилъ онъ мнѣ чрезъ недѣлю,—но меня удивляетъ, какъ она легко относится къ своей болѣзни, хотя понимаетъ, что грозитъ ей...

У ней часто, почти каждый день, собиралась толпа молодыхъ джентльменовъ, блестящихъ дэнди и различныхъ старичковъ... Изъ отворенныхъ оконъ несея громкій, веселый говоръ, смѣхъ... Часто устраивались кавалькады, часто они уѣзжали куда-то, вѣроятно за городъ, на цѣлый день и возвращались поздно.

— Ну, что подѣлываетъ ваша Травіата? спросилъ меня разъ Вѣнцовъ, зашедши къ дядѣ, но не заставъ его дома.

— Какая Травіата? удивился я.

— А прелестная квартирантка...

— Не знаю. Я не бываю у ней.

— А дядя? Вѣдь онъ ее лечитъ?

— Дядя бываетъ каждый день. А вы развѣ незнакомы съ немъ?

— Знакомъ, но рѣдко бываю... Не нравится мнѣ эта ватага прихвостней, которою она окружила себя.

Мы помолчали.

— Ну, до свиданія, лѣниво проговорилъ онъ и ушелъ, не дождавшись дяди.

ГЛАВА VII.

Тотъ уѣздный городокъ, въ которомъ жилъ дядя, представлялъ, во время оно, ничто иное, какъ кучку жалкихъ домиковъ, раскинутыхъ у самаго берега моря, съ узкими улицами, грязными зимой и пыльными лѣтомъ, съ бѣднымъ, малочисленнымъ населеніемъ, живущимъ глухою, болотно-провинціальною жизнью. Кругомъ лежали дикія, покрытыя лѣсомъ, но очень живописныя и плодородныя долины и горы, съ прохладными, тѣнистыми ущельями. Природа была хороша и богата, но людей было мало, не было той человѣческой дѣятельности, которая вызываетъ къ

жизни эти дебри и трупобы и превращает ихъ въ обитаемыя мѣста. Ахъ, что намъ въ природѣ, если она дика, необработана! Это то-же, что великолѣпный арабскій конь, на котораго нельзя сѣсть, на которомъ нельзя ѣздить. Полюбуйтесь, поглазьте, а тамъ—зѣвнешь или сплнешь въ сторону, и уйдешь прочь... Мы, великіе сыны великаго XIX вѣка, не можемъ жить безъ того, что зовется культурой, цивилизаціей, комфортомъ.

Но вотъ случайно прѣзжаетъ богатая, вліятельная личность и съ высоты паровой палубы восторгается живописной мѣстностью, раскинувшейся предъ ея глазами. Эта личность покупаетъ землю, велитъ воздѣлать ее, выстроить дачу,—и вотъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, нашъ скромный городокъ начинаетъ процвѣтать. Воздвиглась какая-то ажурная, стотысячная дача, яркимъ, красивымъ вѣнкомъ легли вокругъ нея цвѣтники, фруктовые, виноградные сады. За вліятельной особой потянулись маловліятельныя и, наконецъ, совсѣмъ невліятельныя. Богъ-знаетъ откуда появились мастеровые, садовники, огородники; дачи, дома, магазины, виноградники стали расти, какъ грибы. Все оживилось, всюду закипѣла работа, всюду разлилась дѣятельная человѣческая жизнь.

Такъ создался и получилъ значеніе нашъ хорошенькій, родной уголокъ,—создался искусственно и живетъ искусственной, своеобразной жизнью.

Зимою, когда темное море воетъ и стонетъ, съ бѣшеною яростью заливая берегъ пѣнистою волною, когда тусклые, дождливые, холодные дни однообразно проносятся надъ городкомъ, вмѣстѣ съ грязно-сѣрыми, тяжелыми тучами, гонимыми холоднымъ вѣтромъ,—тогда спитъ онъ, словно погруженный въ тоскливую зимнюю спячку. Опустѣли дачи, купальни, улицы, магазины, гостиницы; прѣзжавшій на лѣто людъ уже разъѣхался, зимовать осталось только постоянное, все такое-же малочисленное населеніе. Все живое какъ-то съежилось, скорчилось, схоронилось по своимъ домамъ, чтобы тянуть мопотонную, безцвѣтную жизнь.

Наступаетъ весна—и опять всюду закипаетъ жизнь. Съ каждымъ пароходомъ прибываютъ цѣлыя массы путешественныхъ, страдающихъ и наводняютъ городъ и его окрестности. Сюда стекаются и больные, пользоваться морскимъ воздухомъ, кумысомъ, купаньемъ, и различные фланеры и тунеядцы, незнающіе,

гдѣ и какъ убить свое праздное время; сюда ѣдутъ дѣвицы и дѣвы, страстно желающія найти себѣ мужа; разнаго сорта дамы, кто съ сладенькой мечтой „пошалить“, кто съ цѣлю, напротивъ, успокоить свое „непонятое“ или „разбитое“ сердце и отдохнуть послѣ различныхъ большихъ страстей, страданій и т. п.

Все кругомъ зеленѣетъ и цвѣтетъ. Отверываются на глухо заколоченныя окна и двери дачъ, магазиновъ, гостинницъ; богвѣсть откуда появляются различные коласки, ландо, шарабаны, блестящія кавалькады. Начиваются бульварныя гулянья, дачныя балы, различныя *jeûnés, soirées, parties de plaisir*, пикники; начинается веселая, дорогая, модная, какаля-то трактирно-бульварная жизнь.

Тутъ вы можете услышать и надрывающую душу, разбитую пѣсню голоднаго старика, странствующаго шарманщика, и веселый смѣхъ модной, свѣтской львицы, аккомпанируемый нерусскимъ говоромъ изящныхъ до приторности джентльменовъ. — и громкую русскую ругань лодочниковъ, носильщиковъ и извозчиковъ, толпящихся у парходной пристани, и глухой, отчаянный кашель какого-нибудь страдальца, и страстные, разжигающіе юношескія сердца звуки бальнаго оркестра, съ пикантною артистичностью выполняющаго извѣстныя „*Ma belle*“ или „*Les gardes de la Reine*“.

Но вотъ спускается ночь, и надъ неугомоннымъ муравейникомъ раскидывается звѣздное, южное небо. Въ городѣ все еще душно, но какъ хороши его окрестности! Словно застывшимъ, прозрачнымъ моремъ стоитъ надъ землей этотъ густой, похолодѣвшій воздухъ, полный ароматнаго дыханія лѣтней ночи, полный живительной силы. Кругомъ раздается только неустанное стрекотаніе ночныхъ насѣкомыхъ, да гдѣ-то вдали глухо и мѣрно вричить козодой. Какъ хорошо это затишье, эта красота и чистота природы, послѣ уличнаго гама, послѣ шумной, трактирной суеты города! Какъ благодѣтельно дѣйствуютъ они на вашу раздраженную душу, какой чудный покой даютъ они ей, полный сладкаго забытья! Вотъ тамъ, на этой горѣ, куда только едва-едва долетаютъ рокоть, гулъ и другіе неясные звуки людской жизни, подъ громаднымъ, коренастымъ каштаномъ, широко раскинувшимъ свои лохматыя, зеленыя вѣтви, любилъ я проводить лунныя лѣтніе вечера; туда любилъ я удалаться, раздражаемый жизнью, съ кото-

рой начиналъ знакомиться, и передумывать свои завѣтныя думы, развивать свои планы и тѣшить себя угрозой всему враждебному и надеждой на лучшее. О, такіе часы и минуты переживаются только въ весну жизни, только нашей чудной, невозвратимой молодостью.

Разъ вечеромъ при входѣ къ себѣ во дворъ я былъ остановленъ яркимъ свѣтомъ, лившимся изъ оконъ нашей жилицы. Окна были отворены и изъ нихъ неслась чудная гармонія... Это былъ извѣстный россійевскій романсъ, знаменитая пѣснь Дездемоны изъ его Отелло, которую пѣлъ чей-то слабый, но симпатичный, гибкій, прелестный контральто, подъ акомпаниментъ фортепіано и фисъ-гармоніи. Пѣнье это было такъ задушевно-хорошо, что я невольно опустился на скамейку у калитки и сталъ слушать...

Но вотъ пѣвица закашлялась, музыка прекратилась, а я все еще нѣжился...

Вдругъ въ окно кто-то кинулъ окурокъ папирсы. Онъ ударилъ меня въ голову и осыпалъ волосы и лицо искрами. Не ожидая такого злостнаго пассажа, я вскочилъ и шумно отряхнулся... Въ окнѣ показалась фигура Вѣнцова, взглядывавшася въ темноту.

— Ахъ, это вы студіозусъ! сказалъ онъ.—Ага! Не слушайте въ другой разъ музыки подъ окнами молодыхъ барынь!..

Рязанцева подошла къ окну.

— Что такое? спросила она, не зная, въ чемъ дѣло.

— Я бросилъ въ окно папиросу, а она попала въ молодого сеньора, пріютившагося подъ вашими окнами... Грустное пробужденіе отъ сладкихъ грезъ, навѣянныхъ вашимъ восхитительнымъ пѣніемъ! смѣялся Вѣнцовъ.

Хозяйка высунулась изъ окна.

— А, это вы! Отчего вы не зайдете? сказала она.

Мнѣ было страшно досадно и неловко.

— Мнѣ пріятнѣе слушать пѣніе здѣсь, чѣмъ въ комнатѣ, отвѣтилъ я, чтобъ только отвязаться.

— Да ну, зайдите же, повторила пѣвица.

— Благодарю васъ, какимъ-то неестественнымъ, напыщеннымъ тономъ и со злобой отрѣзалъ я—и пошелъ домой.

ГЛАВА VIII.

На другой день утромъ, когда я проходилъ по двору, возвращаясь домой послѣ купанія, меня вдругъ кто-то обликнулъ. Я оглянулся. Въ огнѣ стояла Рязанцева, вся въ бѣломъ, такая красивая, свѣжая, и, улыбаясь, кланялась мнѣ.

— Зайдите-же ко мнѣ, бирюкъ вы такой! говорила она. Все лицо ея улыбалось и шурилось отъ солнца, обливавшего ее яркимъ свѣтомъ.

Я медлилъ.

— Да ну-же, капризно, по-дѣтски сказала она.—А то я, право, обижусь... Что это, въ самомъ дѣлѣ, просишь, просишь, а онъ и слушать не хочетъ...

Дѣлать было нечего. Я направился къ дверямъ ея квартиры.

Не безъ невольнаго чувства застѣнчивости и неловкости вступилъ я въ комнаты, занимаемыя этой хорошенькой женщиной.

Я хорошо помнилъ эти, прежде пустыя и непріютныя комнаты, гдѣ складывались зимой кое-какіе запасы и разный хламъ, но теперь я едва узналъ ихъ. Въ той самой большой комнатѣ, превращенной теперь въ залу, куда я вошелъ, меня поразили богатство и изящество отдѣлки и мебелировки. Все было роскошно и красиво, все дышало милой уютностью, комфортомъ. Свѣжіе обои, съ красивымъ, свѣтлымъ цвѣтовъ рисункомъ, толстые, шелковые драпри у дверей и пышныя ажурныя занавѣски у оконъ, стѣнные лампы, часы, картины, зеркала,—все это сильно красило комнату. У одной стѣны стоялъ раскрытый эраровскій рояль, у другой—большая фісь-гармонія; на висячей рѣзной этажеркѣ и на столахъ виднѣлось множество книгъ; куча нотъ лежала на гармоніумѣ. Новенькая, мягкая мебель глядѣла празднично. Въ отворенныя окна билъ яркій солнечный лучъ, наводняя комнату потоками свѣта и придавая ей еще болѣе прелести и веселости. Въ воздухѣ прекрасно пахло цвѣтами, стоящими на окнахъ, и какими-то особенными, тонкими, нѣжными духами... Видно было, что хозяйка была богата и любила „пожить“...

— Вот и мило, что пришли... Хотите кофе? весело говорила она, встрѣчая меня почти у порога.

Румянцева усѣлась за столикомъ, на которомъ помѣщался кофейный сервизъ. Она глядѣла на меня такъ ласково-привѣтливо и просто, что мнѣ вдругъ стало хорошо, отрадно, уютно какъ-то... Она налила мнѣ чашку кофе и усадила около себя.

— Неправда-ли, какъ я хорошо устроилась? Изъ Одессы все выписала, говорила она, окидывая комнату довольнымъ взглядомъ и останавливая его на мнѣ.

— Хорошо, сказалъ я.

Разговоръ между нами завязался, но шелъ вяло.

— Скажите, что за человекъ Вѣнцовъ? быстро и неожиданно спросила она.

— Право, не знаю. Я его видѣлъ всего нѣсколько разъ. Рязанцева задумчиво посмотрѣла на меня и медленно поставила свою пустую чашку на столъ.

— Кто онъ, откуда онъ? Что за человекъ? повторила она. Я молчалъ. Хозяйка посмотрѣла, посмотрѣла на меня и встала.

— Вы любите музыку? Можетъ быть, играете или поете? вдругъ спросила она.

— Музыку люблю, но играть—не играю и не пою...

— Какъ! Любите музыку?.. Вообразите: Вѣнцовъ отлично играетъ на фортепіано и даже поетъ... Вотъ не ожидала!

— Это почему-же?

— Всѣ врачи... такіе... такіе... чудаки. Всѣ они или какіе-нибудь несчастные, загнанные замурыжки, или богатые и величественные боги олимпійскіе, которымъ чужды всѣ наши земныя развлечения, страсти, скорби, увлеченія...

— Вы ошибаетесь...

— Нѣтъ, нѣтъ. И ихъ наука, и ихъ жизнь убиваютъ въ нихъ все человѣческое. Всѣ они какіе-то ограниченные, строго замкнутые въ своей специальности люди. Ихъ ничто, кромѣ самой медицины, не интересуетъ,—ни политика, ни литература, ни общественная жизнь... Съ ними какъ-то не о чемъ говорить, кромѣ своей болѣзни; всѣ они плохіе, скучные знакомые... За границей я встрѣчала—дѣйствительно, хоть рѣдко—всесторонне образованныхъ врачей, а въ Россіи—нѣтъ... Кажется, и

теперь еще считается неприличнымъ для врача танцовать, пѣть, заниматься литературой...

— Это неправда. У меня есть товарищи-студенты; нако нецъ, мой дядя...

— Э, это ничего не значить. Вашъ дядя—рѣдкое исключеніе, а товарищи—это еще молодежь... Жизнь и рутина возьмутъ свое и вы увидите, что выйдетъ изъ вашихъ товарищей, когда пройдетъ годиковъ семь, восемь послѣ окончанія курса... А знаете: я вѣдь тоже училась медицинѣ... Только ничего путнаго изъ моихъ занятій не вышло...

Ольга Петровна разсмѣялась.

— Отчего-же?

— Ахъ! весной запѣли соловьи, въ груди моей, какъ говорить Гейне, разцвѣли розы, меня потянуло къ жизни... Я познакомилась съ однимъ премилымъ, путешествующимъ маэстро-итальянцемъ и покатила съ нимъ въ Италію; тамъ мы вмѣстѣ написали оперу, поставили ее на одной провинціальной сценѣ, при чемъ я, разумѣется, исполняла первую роль... Успѣхъ былъ громадный!.. Вотъ медицина и пошла къ чорту....

Рязанцева проговорила все это весело, шуточно, постоянно смѣясь своимъ милымъ смѣхомъ, при которомъ еще рѣзче выказывалась вся красота ея бѣлыхъ зубовъ, ея розовыхъ, смѣло очерченныхъ губъ...

— Вы замужемъ? наивно брякнулъ я и вдругъ жестоко покраснѣлъ.

— Да, но мой мужъ не живетъ со мною, сказала она и опять вдругъ разсмѣялась, вѣроятно, надъ своимъ сконфуженнымъ видомъ.

Она принесла мнѣ свой огромный, роскошный альбомъ фотографическихъ карточекъ и стала показывать ихъ. Въ началѣ шли портреты какихъ-то генераловъ, стариковъ со звѣздами и лептами, пожилыхъ женщинъ, молодыхъ людей въ военномъ и гражданскомъ платьѣ, съ очаровательными усиками и молодцоватымъ видомъ...

— Это мои благодѣтели и близкіе знакомые, ѣдко и насмѣшливо замѣтила она.—Вотъ и мой шагі.

Она указала на карточку сѣденькаго, плѣшиваго старичонки, съ юркой, лисьей физиономіей. Маэстро, съ которымъ моя

собесѣдница укатила въ Италію и котораго карточка находилась тутъ-же, оказался молодымъ, очень красивымъ брѣнетомъ съ открытой, выразительной фізіономіей. Далѣе шли портреты музыкантовъ, артистовъ, артистокъ; тутъ былъ Бетховенъ, Моцартъ, Гайднъ, Гендель, Бахъ, Верди, Россини, Беллини и др. Рязанцева оживленно и безъ умолку рассказывала мнѣ всякую вслячину про этихъ великихъ людей. Надъ портретами Аделины Патти (въ альбомѣ ихъ было нѣсколько штукъ) Рязанцева оставилась дольше всего.

— Никто не пробуждалъ во мнѣ, говорила она, — такихъ жгучихъ, разнохарактерныхъ чувствъ, какъ Патти. Ей, этой величавой богинѣ пѣсни, я просто поклоняюсь. Все ей дала природа: молодость, красоту и этотъ всѣхъ покоряющій талантъ. Развѣ есть, развѣ былъ или будетъ другой, болѣе совершенный, болѣе прелестный голосъ! Нотка къ ноткѣ, словно жемчужинка къ жемчужинкѣ!.. И она поетъ такъ обольстительно-граціозно, такъ задушевно-мило, такъ безукоризненно-хорошо, что стоишь очарованный этой волшебной игрою звуковъ, стоишь безъ мысли, — да, безъ мысли, — но полная только чувствомъ, ею вложеннымъ въ душу, вся охваченная какою-то невѣдомой силой!..

Ея страстная рѣчь удивила меня. Ольга Петровна замѣтила это.

— Я страстно люблю музыку, а Патти — моя слабость, оправдалась она; — для меня большое лишеніе, что мнѣ запрещаютъ пѣть...

Долго болтала еще Рязанцева, перебѣгая съ предмета на предметъ.

— Ну, что-жь? заходить будете? спросила она при прощаніи.

— Пожалуй.

— Приходите поболтать. Нѣ вѣчно-же сидѣть за книгами, да заниматься своей великой, но — увы! — скучной наукой... Надоѣсть!

Я ушелъ немного ошеломленный. Это была первая не глухая и красивая женщина, которую я видѣлъ такъ близко, съ которой говорилъ. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе и подняла въ моемъ сознаніи цѣлую вучу вопросовъ, съ которыми я тогда не могъ справиться... Наконецъ, мнѣ надоѣли всѣ эти размышленія, эти вопросы.

— Да что мнѣ въ ней? Мы идемъ по разнымъ дорогамъ. Вмѣстѣ ни варить, ни хлебать каши не будемъ... Ну ее къ чорту! заключилъ я однажды свои размышленія и порѣшилъ держать себя въ сторонѣ отъ этой женщины.

А тогда я не увлекался красивыми цвѣтами, которые только услаждаютъ и украшаютъ нашу жизнь, и съ своей ультра-реалистической точки зрѣнія готовъ былъ отдать предпочтеніе полезной моркови предъ красивой камеліей...

ГЛАВА IX.

Дни шли за днями. На первыхъ порахъ я буквально исполнялъ совѣты дяди: ѣлъ, пилъ, спалъ, гулялъ и ничего не дѣлалъ. Читалъ, впрочемъ, Гейне, но чтеніе—не работа, а пріятная бесѣда, особенно если изъ этого чтенія не вытекаетъ никакого видимаго результата. Я вставалъ очень рано, потому что дожился чуть-ли не съ курами, затѣмъ шелъ кушаться, потомъ выпивалъ нѣсколько стафановъ чуднаго молока, потомъ завтракалъ, потомъ обѣдалъ, потомъ чай пилъ, потомъ ужиналъ и т. д. Аппетитъ былъ великолѣпнѣйшій, и при подобномъ образѣ жизни я скоро поправился, пополнѣлъ и разбуйнѣлъ. Но увы! я былъ человѣкъ, и потому эта филистерская, ведущая къ ожирѣнію жизнь не удовлетворяла меня вполне... Захотѣлось работы, ощущеній, захотѣлось другой жизни... Мнѣ становилось скучно; безъ цѣли, для одного моціона, таскаться по окрестностямъ мнѣ опротивѣло; все читать и читать, даже Гейне, мнѣ надобло... Скоро стали врывать въ мою жизнь тоскливыя минуты.

Я задумалъ, впрочемъ, скоро работу. Въ томъ году на медицинскомъ факультетѣ, для сочиненія на соисканіе золотой медали, было назначено темой: „Строеніе печени“. Мнѣ захотѣлось попытать свои силы, поработать надъ этимъ предметомъ. Сюжетъ былъ интересный, да и медаль была не менѣе заманчива. Мнѣ хотѣлось поработать съ микроскопомъ надъ человѣческой печенью, прослѣдить ея развитіе въ животномъ царствѣ и т. д., но мнѣ недоставало самаго главнаго: микроскопа и литературы по этому предмету. Я сказалъ дядѣ.

— Сходи къ Вѣнцову; у него есть микроскопъ, да и библиотечка его лучше моей, посоветовалъ онъ.

Сказано-сдѣлано. Я пошелъ къ Вѣнцову.

Вѣнцовъ жилъ на противоположномъ концѣ города, въ небольшомъ, хорошенькомъ домикѣ, будто потонувшемъ среди густыхъ, тѣнистыхъ садовъ.

Поднявшись по небольшой террасѣ, я вступилъ въ первую комнату, очень мило убранную; въ которой царствовалъ пріятный полумракъ и прохлада. Она была пуста. Изъ полутворенной двери налѣво слышался разговоръ. Я направился туда.

Въ кабинетѣ сидѣлъ Вѣнцовъ съ какимъ-то пожилымъ, солиднымъ господиномъ, въ очкахъ, въ черномъ платьѣ.

— А, сказалъ хозяинъ, завидя меня, — пожалуйста, пожалуйста...

Онъ отреккомендовалъ меня этому господину въ очкахъ, который оказался предсѣдателемъ земской управы.

Кабинетъ Вѣнцова былъ обставленъ весьма комфортабельно. Мягкая тахта, покрытая богатымъ ковромъ; большой, заваленный бунагами, книгами и дорогими письменными принадлежностями, столъ; двѣ этажерки, полныя книгъ, и шкафъ съ инструментами, нѣсколько кресель — составляли убранство этой комнаты. Большое окно было драпировано зеленой матеріей, отчего въ комнатѣ царилъ ровный, мягкій полусвѣтъ...

— Постоянные разъѣзды по уѣзду, продолжалъ Вѣнцовъ какъ-виднo начатый разговоръ, послѣ того, какъ усадилъ меня, — не такая важная вещь, какъ вы думаете, не говоря уже о томъ, что они въ высшей степени неудобноисполнимы. Посудите сами: отправляясь въ разъѣзды, я долженъ бросить больницу, въ которой находятся трудные больные, — въ больницу у насъ поступаютъ тѣ, которымъ уже очень круто приходится, — и начинаю странствовать отъ села къ деревнѣ, отъ деревни къ поселку... Цѣль этихъ странствованій, — по дорогамъ, между прочимъ, замѣчательно безобразнымъ, — должна состоять, какъ вы изволите говорить, главнымъ образомъ въ томъ, чтобы оказывать медицинское пособіе больнымъ земства... Но достигается-ли эта цѣль? Часто мнѣ приходилось прокатиться по уѣзду, не встрѣтивъ ни одного больного, который-бы дѣйствительно нуждался въ моей помощи... Но, положимъ, я встрѣчаю трудно больного, и что-жь? — развѣ я могу оставаться при немъ такъ долго, сколько

иногда бывает надобно, т. е. недѣлю, двѣ?.. Очевидно, нѣтъ, потому что у меня въ городѣ больница, которая безъ меня ничего не значить,—потому, наконецъ, что въ другомъ селѣ меня, быть можетъ, ждетъ еще болѣе тяжелый больной... Вотъ и выходитъ, что медицинское пособіе, подаваемое врачемъ при разъѣздахъ, походитъ на несовсѣмъ благовидную комедію, которую врачъ и земство...

— Я согласенъ, перебилъ предсѣдатель,—что разъѣздами мало достигаются цѣли, которыя имѣетъ въ виду земская медицина, но какъ быть? нельзя-же въ каждомъ селѣ назначать особаго врача, а фельдшеру, согласитесь, поручать врачебное дѣло положительно невозможно...

— Имѣйте въ виду, продолжалъ Вѣнцовъ,—что на земскомъ врачѣ лежатъ еще другія обязанности и, по-моему, важнѣйшія. Это обязанности санитарнаго врача. Повѣрьте: собственно куративная медицина, т. е. разнообразное пичканіе больного лекарствами, леченіе болѣзни, имѣетъ несравненно менѣе значенія, чѣмъ гигиена общественная и частная, имѣющая цѣлю, изыскивая причины болѣзней и удаляя ихъ, сохранить жизнь и здоровье и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ массъ народныхъ. По-моему, важнѣе заботиться о постановкѣ народнаго организма въ нормальныя, здоровыя условія жизни и развитія, чѣмъ лечить его разившіеся уже недуги, т. е. замазывать его язвы и пятна, оставляя безъ вниманія то худосочіе, которое вызвало ихъ, которое подѣждаетъ всѣ силы и которое устранить едва-ли возможно... Вотъ въ томъ-то и заключается работа земскаго санитарнаго врача, что онъ, изучая общественныя, климатическія, теллурическія и проч. условія жизни мѣстнаго населенія, удаляетъ вредныя изъ нихъ, уничтожаетъ самыя причины губительныхъ болѣзней или, говоря официальнымъ языкомъ, принимаетъ мѣры къ пресѣченію болѣзненности. Cholera, тифы, оспа, перемѣжная лихорадка, сифились и т. п.—вотъ главные бичи, и ихъ-то должно изучать по отношенію къ мѣстности, чрезъ что врачъ получаетъ возможность предложить рядъ мѣръ, ведущихъ если не къ искорененію, то къ ослабленію всѣхъ этихъ золъ... Эти мѣры, указываемыя врачами, должны приниматься земствомъ на его деньги, и, повѣрьте, если-бъ земство слушало врачей, не случилось-бы...

— Позвольте, опять прервалъ съ улыбкой предсѣдатель, — вы, слѣдовательно, полагаете необходимымъ имѣть въ каждомъ уѣздѣ по два врача?

— Даже не по два, а по три; двухъ практиковъ, клиницистовъ, что-ли, изъ которыхъ каждый, по очереди, развѣзжалъ-бы по уѣзду, тогда какъ другой въ это время оставался-бы завѣдывать больницей, — и третьяго — гигиениста, санитарнаго врача...

— Все это прекрасно, замѣтилъ предсѣдатель, — но у насъ нѣтъ средствъ на такое широкое устройство медицинской службы...

Оба замолчали.

— Однако, мы удалились отъ главнаго предмета нашего разговора, заговорилъ вновь собесѣдникъ Вѣнцова. — Пока земство не имѣетъ средствъ располагать услугами трехъ врачей, оно довольствуется однимъ, приглашая его исполнять все, только что вами сказанное, по мѣрѣ силъ и возможности... Слѣдовательно, оставимъ эти планы пока въ сторонѣ. Я пришелъ поговорить съ вами объ осушеніи болота около села Чернаго; вы настоятельно требуете осушенія этого, дѣйствительно, громаднаго болота, указывая на него, какъ на причину сильнаго развитія въ этой мѣстности болотной лихорадки, которая страшно губитъ населеніе... Считаете вы это осушеніе дѣломъ спѣшнымъ?

— Конечно.

— Но, изволите видѣть, это осушеніе требуетъ большихъ расходовъ; мы не можемъ разомъ осушить такое пространство; нельзя-ли съ этимъ дѣломъ повременить?

— Ахъ, Боже мой, произнесъ Вѣнцовъ съ худо скрытой досадой, — мое дѣло указать вамъ на то, что необходимо сдѣлать, найдти-же средства и исполнить — это ужъ ваше дѣло...

— Вы никогда не дѣлаете никакихъ уступокъ, тономъ любезнаго упрека замѣтилъ предсѣдатель, и всталъ. — Земство вамъ очень благодарно за все то, что вы сдѣлали и дѣлаете, сказалъ онъ, прощаясь съ Вѣнцовымъ и горячо пожимая ему руку, — но вы знаете нашу русскую поговорку: по одежкѣ протягивай ножки... Со временемъ все будетъ; понемногу, постепенно все устроится...

Вѣнцовъ одолжилъ мнѣ микроскопъ и далъ тѣ книги, въ которыхъ я нуждался. Библіотека его была роскошная. Лучшія сочиненія по медицинѣ и естествовѣденію были тутъ на-лицо.

У меня просто глаза разбѣжались при видѣ этой массы книгъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и даже итальянскомъ языкахъ.

— Эта бібліотека—мой другъ, съ которымъ я никогда не разлучаюсь и которымъ горжусь, сказалъ мнѣ хозяинъ.

„Хорошо живетъ этому человѣку!“ не безъ зависти подумалъ я, еще разъ окинувъ этотъ уютный уголокъ, такъ и влекущій къ мирному, сладкому, кабинетному труду...

Поговоривъ съ четверть часа, я собрался уходить.

— Пойдемте вмѣстѣ, предложилъ мнѣ Вѣнцовъ.

— А вы куда?

— Хочу зайти къ Рязанцевой...

На дворѣ уже потухала вечерняя заря... Воздухъ былъ тихъ, небо прозрачно... Въ призрачной дали безграничнаго моря затеплилась ровнымъ, мягкимъ свѣтомъ вечерняя звѣзда... За мысомъ, далеко на горизонтѣ, видѣлось бѣлое, воздушное облако, въ которомъ порою вспыхивала розовая зарница... Съ потемнѣвшаго сада тянуло прохладной сыростью... Гдѣ-то недалеко звопко журчала ручей...

— Какъ хорошо! проговорилъ Вѣнцовъ, задумчиво глядя на раскинувшуюся предъ нами картину, и вздохнулъ.

Всю дорогу мы прошли молча...

А. Уинсса.

ЖЕРТВА,

(ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ ВАРРИ КОРНУЭЛЯ).

СЦЕНА I.

САДЪ БЛИЗЪ ГАНГА.

Райда (одна).

И день погасъ. Мейнунъ придти-бы долженъ.
Любимый мой, весь день онъ оставляетъ
Меня одну, но въ сумерки приходитъ,
Хорошъ, какъ ночь, къ своей индусскѣ бѣдной.
Вотъ запылалъ огонь на алтаряхъ;
Священники и миррой и цвѣтами
Душистыми поддерживаютъ пламя...
Вотъ и сигналъ знакомый. Онъ идетъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, не онъ, не другъ мой вѣроломный!
То плескъ рѣки,—ей океанъ дороже,
Чѣмъ я ему. Влюбленная простушка,
Онъ не придетъ... Но тише! Вотъ шаги!..
Онъ здѣсь, онъ здѣсь, а я его винила!
Мейнунъ, Мейнунъ!

Мейнунъ (входитъ).

Душа моя, родная!

Райда (падаетъ въ его объятія).

Возлюбленный, пришелъ ко мнѣ ты снова.

Мейнунъ.

Но долженъ я тебя оставить скоро,
Едва сорвавъ лобзанье съ пышныхъ устъ.

Лежить мой путь въ Великій городъ. Ждутъ
 Меня друзья, собравшись на побережьи
 И долженъ я сказать тебѣ: прости.

Райда.

Иди! Прощай!

Мейнунъ.

Приду я завтра рано
 И принесу и брачный свой фонарь
 И брачные подарки дорогіе.

Райда.

Самъ приходи! Дороже ты подарковъ,
 Ты нуженъ мнѣ, а въ даръ мнѣ, если хочешь,
 Дай лотоса цвѣтокъ на эту грудь
 И поклянись на немъ любить до гроба.

Мейнунъ.

Ревнивица! Я все готовъ исполнить,
 Хотя звѣздами сто разъ тебѣ я клялся
 Любить тебя и я люблю, люблю.

Райда.

Клянись еще... Любимый, эти клятвы
 Такъ сладостны! Клянись и жадно стану
 Я имъ внимать. Такъ жадно мать слѣдить
 За лепетомъ неяснымъ первенца,
 Благодаря боговъ за эти звуки.
 Ты будешь-ли меня любить?

Мейнуръ.

Да развѣ

Я не люблю.

Райда.

Но будешь-ли всегда,
 Всегда любить по прежнему? Скажи мнѣ.

Мейнунъ.

Да, да, влянусь! Любить не можетъ розу
 Такъ соловей, какъ я люблю тебя.
 Самъ Куніа, когда въ младые годы
 Онъ жилъ въ средѣ наивныхъ поселянокъ,
 И самъ любилъ, и былъ любимъ взаимно,

Не могъ любить, какъ я. Тебя невѣстой
Я уведу и будетъ мѣръ тебѣ
Завидовать.

Райда.

Тщеславный мой пастухъ!

Мейнунъ.

А! Твой упрекъ былъ кстати. Замечтался,
Забылся я. Мнѣ сладостны мечты...
Да, я пастухъ... Но были времена,
Когда пробилъ пастухъ дорогу къ власти...
Я возвращусь и выпрошу тебя.

Райда.

Напрасныя старанья. Лучше-бъ сбросилъ
Ты этотъ плащъ и объявилъ намъ прямо,
И кто ты самъ и кто твои родные.

Мейнунъ.

Но, можетъ быть, я страшный Кемаюнъ,
Рѣчной пиратъ, чье имя будить ужасъ
Во всей странѣ? Ты вздрогнула? Не бойся!
На слѣдъ его среди лѣсовъ угрюмыхъ
Уже напалъ вашъ Раджа. Онъ нарушилъ
Законъ страны и не избѣгнетъ кары.

Райда.

Избавь его... Ты улыбнулся? Кто-жь ты?
Скажи скорѣй! Иль въ самомъ дѣлѣ сердце
Я отдала...

Мейнунъ.

Разбойнику? Не бойся!

А знаешь-ли, онъ все-таки могучъ;
По власти онъ поспорить съ вашимъ княземъ.
Но мнѣ пора. Теперь передъ уходомъ
Скажу еще о зломъ твоємъ отцѣ.
Ты помнишь, я клялся къ нему вернуться
И вынудить поласковѣй отвѣтъ,—
Тотъ близокъ часъ и хитрому рабу,
Наушнику отца, за все награду
Готовлю я.

Райда.

Онъ, право, слишкомъ низкоъ.

Мейнунъ.

Для гнѣва—да, но не для должной кары.
 Смѣялся онъ, что я отищу, но раннимъ
 Былъ этотъ смѣхъ. Я только жду поры.
 Какъ и въ любви, я въ ненависти стоекъ.
 Я поклялся отмстить и черный Муттра
 Увидитъ самъ, что я обѣтъ исполню.
 Чу! слышенъ зовъ. Друзья зовутъ. Въ дорогу!
 Я все забылъ въ присутствіи твоёмъ.
 Прощай, прощай! Съ рѣки повѣялъ вѣтеръ.

Райда.

Зачѣмъ идти?

Мейнунъ.

Ты слышишь, какъ бушуетъ

Вдали рѣка.

Райда.

Нѣтъ, въ этомъ плескѣ волнъ

Мнѣ слышится невѣсты нѣжный шопотъ.

Не уходи такъ рано въ эту ночь,

Когда глядятъ на землю небо съ лаской

И счастлива она.

Мейнунъ.

Но буря близко.

И если я забудусь, то засады

Намъ избѣжать нельзя. Прощай, родная! *(уходитъ)*.

Райда *(одна)*.

Его шаги умоляли. Все такъ тихо.

Муттра *(выльзаетъ изъ кустарничковъ)*.

Ушелъ. Теперь приблизься. Все спокойно.

Земнидаръ *(выходитъ)*.

Но гдѣ-жь она? А вотъ она стоитъ

И, глупая, мечтаетъ о Декойтѣ,

Разбойникѣ, который хуже смерти

Противенъ мнѣ. Я сны спугну... Дѣвчонка! *(Наноситъ до-
 чери ударъ)*.

Райда.

Отецъ!

Муттра.

Ха, ха! (*съ сторону*). Она сгорить на славу!

И змѣйки востъ, ловившія такъ ловко
Сердца мужчинъ, и тотъ языкъ, который
Ихъ уязвлялъ, какъ уязвилъ меня.

Земиндаръ.

Ты онѣмѣлъ? *34*Муттра (*съ сторону*).

Нѣтъ, скоро онѣмѣеть

Она сама. Серебряныя кольца
Съ ногъ упадутъ. Не станетъ мягкихъ рукъ.
Его цвѣткомъ украшенныя груди
Сгорять, сгорять! Жрецы уже готовы,
Огни горять и грудь моя пылаеть
Отъ бѣшенства. (*Земиндару*). Обоихъ ждетъ востеръ!

Земиндаръ (*дочери*).

Ступай домой и жди! (*Муттрь*.) Сказаль ты: оба
Они сгорять. Нѣтъ, пусть сгорить она,
Чтобъ смыть пятно съ семьи своею кровью.
Но для него подъ деревомъ въ саду
Я выкопаль могилу. Въ ней онъ ляжетъ,
На завтра въ ночь его мы тамъ упрчемъ.

Муттра.

Ха, ха! Живымъ, живымъ его зароемъ!

Земиндаръ.

Да, полного и жизни и любви.
Мы охладимъ мечты, растопчемъ силу.

Муттра.

Мысль хороша! Но онъ умреть такъ скоро!

Земиндаръ.

Нѣтъ, я обнесъ оградю могилу,
Отверстія въ ней сдѣлалъ и до насъ
Домчится звукъ его тяжелыхъ стоновъ.
Я проведу безъ сна три дня, три ночи
Предъ ямомъ, пока онъ не издохнетъ.

Муттра.

Восторгъ, восторгъ! Пойдемъ осмотримъ мѣсто...
 Подъ деревомъ? Не здѣсь-ли эта яма?
 Не тутъ-ли въ ней идетъ кратчайшій путь? (*уходитъ*).

СЦЕНА II.

ТАЖЕ МѢСТНОСТЬ. СЛѢДУЮЩІЙ ВЕЧЕРЪ.

Муттра и Земиндаръ *идутъ по саду*. Декойт-Кемаюнъ *идетъ имъ на встрѣчу*.

Декойтъ.

Остановись. На пару словъ.

Земиндаръ.

Кто это?

Бродяга! Песъ! Убить его!

Декойтъ.

Не дурно

Придумалъ ты; но для убійства пужень
 Ударь. Ну что-жь — помѣряемся силой.

Муттра (*Земиндару*).

Не тронь его. Онъ, право, славный малый.
 Онъ честень, храбръ, но почудить не прочь,
 Онъ вѣсти мнѣ приноситъ издавека
 И если ты позволишь, я желалъ-бы
 Остаться съ нимъ наединѣ. Я скоро
 Вернусь къ тебѣ. Прощай! (*Земиндаръ уходитъ*).

Декойтъ.

Кто этотъ дряхлый,

Изошенный, мизерный старикашка,
 Съ разбитыми, дрожащими ногами.

Муттра.

Самъ Земиндаръ.

Декойтъ.

А! Я съ спокойнымъ сердцемъ

Возьму его сокровища. Природой
 Отмѣчено въ лицѣ его змѣиномъ,
 Что онъ глупецъ, бездушный плуть и скряга.
 Сдеремъ съ него мы шкурку золотую

И къ дереву его прицѣпимъ. Дочь,
Ты говоришь...

Муттра.

Могла-бъ пожить повуда.

Ее спасти не худо-бы. (*Въ сторону*). Прельстила
Она меня походкой антилопы,
Когда пошла. Какъ камни дорогіе
Ея глаза: въ словахъ такъ много ласки;
Она стройна; какъ лебедь величава
И золотой отливъ въ ея кудряхъ. (*Декойту*)
Я измѣнилъ свой планъ. Я не желаю,
Чтобъ жгли ее, такую молодую, —
Состарится, — пускай тогда горить.

Декойтъ.

А если я спасу ее?

Муттра.

И снова

Мнѣ передашь, — я покажу тебѣ,
Гдѣ Земиндаръ сокровища запряталъ.

Декойтъ.

Идешь! Ты треть получишь и ее.
Ты заслужилъ ее измѣной смѣлой.

Муттра.

Измѣною?

Декойтъ.

Ты оскорбился, что-ли?

Мы, на рѣбѣ, не гонимся за словомъ.
Мы говоримъ и убиваемъ прямо.
Нашъ способъ простъ и отъ хлопотъ спасаетъ.
Но я иду. Мои бродяги въ чашу
Запрятаны и ждутъ моихъ приказовъ.
Какъ затрубишь вотъ въ этотъ рогъ — я тотчасъ
Толпу жрецовъ заставлю разбѣжаться.

Муттра.

Но на меня не навлекай проклятья.

Декойтъ.

О, нѣтъ, зачѣмъ! Вѣдь самъ ты полужрецъ,

Полусвятой, а въ цѣломъ просто плуть.
Тебя-ли я не знаю. Ты надѣлалъ...

Муттра (*перевиваетъ*).

Не мало зла? За то я истощаю
И плоть свою. Я тѣло истязую.
Моя постель—зубчатое желѣзо!
Я жегъ языкъ! Висѣлъ я на крючкѣ!

Декойтъ.

О, старый плуть, какъ смѣешь ты хвалиться
Передо мной? Не святостью-ль ты горди?

Муттра.

Я согрѣшалъ. Но ссориться не время:
Съ тобою мы союзники теперь,
Иди и жди сигнала. Ну, прощай-же!

Декойтъ (*съ стороны*.)

Постой, дай взять мнѣ дѣвушку и деньги.
Тогда, тогда... (*уходитъ*.)

Муттра.

Головорѣзь, разбойникъ!

Безсовѣстный! Мнѣ дышется свободнѣй,
Какъ онъ ушелъ. Имъ совершится грѣхъ,
А я пожну плоды его, конечно.
Какъ кончить все,—я раджу приведу,
Въ его притонъ: онъ только мнѣ извѣстенъ.

Посланный (*входитъ*.)

Уже жрецы, святой нашъ Муттра, ждуть
Тобою имъ обѣщанную жертву.
Спѣши скорѣй, тамъ нынче будетъ раджа
И приносить онъ станетъ жертву Шивѣ.

Муттра.

Скажи—иду. Отличный будетъ день!
Тамъ раджу ждуть? Ну, мы повременимъ,
Повуда онъ уйдетъ отъ алтаря,
И послѣ планъ исполнимъ... Что случилось?

Декойтъ (*входитъ*).

Дѣсь окруженъ войсками раджи.

Муттра.

Знаю!

Все пустяки! Приносить жертву онъ
 И дворъ его идетъ съ нимъ, какъ всегда:
 Ступай и спрячь въ лѣсу свою ватагу.
 Когда уйдетъ нашъ раджа—я васъ кливну.

СЦЕНА III.

ИНДУССКІЙ ХРАМЪ.

(Жрецы служатъ у подножія алтаря на колыняхъ.)

Хоръ жрецовъ.

Больше, больше лейте масла,
 Дайте листьевъ и цвѣтовъ,
 Дайте мирры и духовъ,
 Чтобы пламя не погасло.
 Гаснетъ, гаснетъ нашъ алтарь!
 Жертву въ намъ ведите живо!
 Шель по первому призыву
 Самъ индусъ на жертву встарь!

Одинъ индусъ.

Я пришелъ, тѣмъ звомъ прельщенный!

Другіе индусы.

Мы примчались вмѣстѣ съ нимъ,
 Мы не вздрогнемъ, не сбѣжимъ.

Хоръ.

Все-же нѣтъ здѣсь обреченной.
 Жертва медлитъ безъ стыда,
 Но за грѣхъ проклятья слово
 Загремитъ и звукъ громовый
 Приведеть ее сюда.

Главный жрецъ.

Вотъ она!

(Земнидаръ, Райда и Муттра появляются.)

Жрецы.

Идетъ. Ливуйте!

Хоръ.

Поскорѣ духъ больной,
Словно свѣжею струей,
Свѣтлой пѣснью уврачуйте
Торжество — ся конецъ.
Пусть ей скажутъ пѣсенъ звуки,
Что дадутся ей за муки
И блаженство, и вѣнецъ.

(Земиндаръ умиливаетъ свою дочь).

Райда.

Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ вѣнокъ? На жертву,
На смерть въ огнѣ меня не обрекали.

Главный жрецъ.

Поди сюда!

Райда.

Кого зоветъ онъ? слышишь?

Земиндаръ.

Тебя!

Райда.

Нѣтъ, нѣтъ! Не убивай, молю!

Главный жрецъ.

Да ты ее не приготовилъ? Дурно
Ты поступилъ. Самъ раджа будетъ здѣсь,
Чтобъ помощи просить въ какомъ-то дѣлѣ.
Мы до него не обагримъ алтарь.
Веди ее и приготовь внушеньемъ.

(Райду уводятъ).

Голоса за сценой.

Идетъ, идетъ нашъ раджа!

Жрецъ.

Слышишь крики:

Онъ близится.

Главный жрецъ.

Я слышу ихъ, мой братъ.

Идетъ Дуръ-Сингъ, отважный вольнодумецъ,
Но въ храмѣ здѣсь сложить съ себя онъ долженъ
Свой львиный видъ; онъ долженъ чтить законъ.
Привѣтствую тебя я, магараджа.

Раджа. *(Офицеру)*.

Смотри: должны быть схвачены они.

(Жрецамъ).

Да здравствуютъ святыя слуги Шивы!

Я къ вамъ пришелъ, чтобы въ обрядахъ вашихъ

Участвовать и съ вами помолиться.

Я приношу коренья и цвѣты

Передъ алтарь всевидящаго бога

(Кровь проливать привыкъ я только въ битвахъ).

Несите все: вотъ мирра, вотъ алоэ,

Священные масла, куски сандала,

Цвѣты. — вѣдь къ нимъ любовь питаетъ Шива? —

Возьмите все и принесемъ моление,

Чтобъ удалось избавить мнѣ страну,

Столь мирную, отъ полчища убійць,

Наполнившихъ священнѣй Гангъ разбоемъ.

Ихъ грабежи терзаютъ поселянъ,

Подъ ихъ рукой грудныя дѣти гибнуть,

Счастливые дома горятъ въ огнѣ

И царствуютъ повсюду разрушенье.

(Приносятъ дары).

Главный жрецъ

Твои дары угодны — загорѣлись.

Теперь же мы должны, великій раджа,

Послать скорѣй за жертвою живую,

За дѣвушкой, — ее никто не сваталъ,

Не обручалъ и не любилъ покуда.

(Жрецамъ).

Идите къ ней и приведите жертву.

(Жрецы уходятъ).

Раджа.

Желаетъ-ли горѣть она?

Главный жрецъ.

Приносить

На жертву дочь отецъ ея. Ихъ домъ

Отмѣченъ былъ втеченіи двухсотъ лѣтъ:

Имъ не было ни въ чемъ удачи; плохо

Шли ихъ дѣла; не любятъ старика;

Онъ дурно спитъ; его крестьяне гибнуть;
Его друзья, — но нѣтъ, друзей не зналъ онъ, —
И потому что возлюбилъ онъ Шиву,
Приносить онъ родную дочь на жертву.

Раджа.

Мнѣ кажется, что жариться-бы долженъ
За всѣ грѣхи онъ самъ. А что она?

Главный жрецъ.

Она дрожить. Людская кровь нерѣдко
Волнуется сильнѣй въ предсмертномъ страхѣ.
Но молимъ мы, чтобъ отпустилъ Господь
Ей этотъ грѣхъ; отцу-жь ея-прикажемъ
Поститься день. Умереть она не даромъ.

(Жрецы входятъ съ Райдой, Земиндаромъ и народомъ).

Жрецъ.

Она пришла.

Главный жрецъ.

Поди сюда, приблизься!

Райда.

О, я молю, молю пощады!

Раджа.

Райда,

Поди сюда!

Райда *(оскрикиваетъ)*.

А? Кто меня позвалъ?

Земиндаръ.

Звалъ раджа. *(Въ сторону)*. Мнѣ знакомъ какъ будто голосъ.

Райда.

Гдѣ раджа? Гдѣ? Мейнунъ мой! Это онъ!

Я спасена! *(Падаетъ на колѣни)*.

Раджа.

Но развѣ вамъ сказали,

Что за нее не сватался никто?

Главный жрецъ.

Никто ее не сваталъ, не любилъ.

Раджа.

Все это ложь и лжець достоинъ смерти!

Должна бы быть она сегодня-жь ночью
Невѣстою.

Главный жрецъ.

Невѣстой? Чьєю, раджа?

Раджа.

Моей! Ко мнѣ скорѣй приблизься, Райда.
Глядите всѣ, беру я эту руку
И дѣвушку въ священномъ вашемъ храмѣ
Невѣстою своею нарекаю.
Ищи себѣ другую жертву, жрецъ.

Главный жрецъ.

Мнѣ жаль, что такъ случилось, но она
Обречена. Самъ богъ своимъ велѣньемъ
Потребовалъ той жертвы. Я не смѣю
Ослушаться и благородной жертвы
Не принести.

Раджа.

Я буду справедливъ.

Прочь отъ меня! (*Склоняетъ колѣни*).

Скажи, ужасный Шива:

Вотъ дѣвушка; обрекъ ли ты ее
Иль смертью ей грозить людская злоба?
Твой рабъ, склонивъ передъ тобой колѣни,
Отвѣта ждетъ.

Главный жрецъ.

Есть языки живые

У мрамора и если-бъ захотѣлъ онъ,
То могъ-бы дать отвѣтъ.

Раджа.

Умолкни, жрецъ!

Я знаю самъ, что въ этомъ изваяньи
Сокрытый богъ свободнѣе, чѣмъ воздухъ,
Что духъ его имѣетъ власть заставить
Задвигаться и мраморные члены
И мраморный языкъ заговорить.
Не правъ-ли я?

Главный жрецъ.

Да, это правда, раджа!

Раджа.

Отвѣтъ-же мнѣ, великій Шива: если
Обрекъ твой гнѣвъ ту дѣвушку огню—
Она сгоритъ. Но если ты ни слова
Не скажешь мнѣ—я ей дарю свободу.
Взгляни, ее привелъ сюда обманъ
И оскорбить тебя хотѣли люди,
Поправъ законъ несправедливой жертвой.
Была она сосватана, любима,
Была она невѣстою почти
И по твоимъ законамъ непригодна
Для алтаря. О, если, грозный богъ,
Какъ говорить, ты жаждешь только крови,
То пусть-же кровь пролетитъ справедливо!
Знай, жертва есть, пригодная тебѣ,
Есть человѣкъ, нашъ жрецъ и нашъ святой,
Но пламени достойный. Пощади-же
Невинное созданье. Повторю:
Отвѣтствуй мнѣ или дамъ я ей свободу...
Отвѣта нѣтъ. Приблизься, Райда, богъ
Безмолвствуетъ.

Главный жрецъ.

Ты знаменья желаешь,

Которое вчера мнѣ далъ господь.

Раджа.

И указалъ по имени онъ жертву?

Главный жрецъ.

Нѣтъ, имени не сказано, а просто
Потребовалъ онъ жертвы.

Раджа.

Жертва будетъ.

Она свята: обречена на смерть—

Обречена законами и мною!

(Хлопаютъ въ ладоши: Муттру и Декхита арестуютъ.)

Жрецы.

Забылъ ты, князь, что это мѣсто свято!

Раджа.

Молчи, пустой и суетный народъ!
 На небесахъ творится судъ правдивый,
 А здѣсь нельзя? Скорѣй ведите плѣнныхъ.
 Запятнаны вы гнуснымъ преступленьемъ,
 Доказаннымъ сознаньемъ и уликой,
 И ждете насъ смерть. Готовьтесь! Ты, Декойтъ,
 Имѣлъ всегда одну заслугу — храбрость.
 Я къ храбрецамъ питаю уваженье
 И потому родъ смерти можешь ты
 Назначить самъ. Отвѣтъ и уходи!

Декойтъ.

Мнѣ смерть одна — разбойничья. Могла-бы
 Иная смерть мнѣ славу запятнать.
 Мнѣ смерть нужна со славой.

Раджа.

Уведите

Его въ тюрьму. *(Декойта уводятъ подъ стражей.)*

Тебя-же, негодяй,

Ждетъ смерть въ огнѣ, и этого рѣшенье
 Теперь ничто не можетъ измѣнить.
(Офицеру.)

Стой и смотри, чтобъ былъ приказъ исполненъ.
 Не думалъ я, что можно встрѣтить въ мирѣ
 Столь низкое и лживое созданье!
 Еще одинъ изъ плѣнныхъ есть у насъ —
 Ея отецъ.

Офицеръ.

Онъ долженъ умереть?

Раджа.

Нѣтъ, пусть живетъ, — но гдѣ-нибудь въ изгнаньи.
 Не трону я ни волоса у тѣхъ,
 Кто близокъ ей. *(Обращается къ Райдѣ.)*

Но что-же ждете тебя?

Ты всѣхъ невѣсть прекраснѣй и нѣжнѣе,
 Ты красишь миръ, весну ты озаряешь
 Улыбкою своей — и ты должна

Идти въ тюрьму—идти въ мои объятя.
Да, я, твой князь, счастливѣе съ тобою,
Чѣмъ въ тѣ часы, когда увѣнчанъ я
Гирляндами и облить вражьей кровью.
Я не былъ-бы счастливѣй, если-бъ даже
Всей Индіей обширной былъ я названъ
Избранникомъ и признанъ королемъ.

М. Н.

ВТОРАЯ ЖЕНА.

РОМАНЪ

МАРЛИТА.

ГЛАВА XIV.

Въ это время маленькіе принцы вмѣстѣ съ Лео бродили по парку. Имъ до смерти надоѣло рвать спѣлые и неспѣлые фрукты и усыпать дорожки закусенными грушами и персиками. Столъ съ кофе потерялъ для нихъ также свою первоначальную прелесть; фрау Лонъ съ ея чашками, сливочниками и печеньемъ дана была отставка. Дѣтей гораздо болѣе манили теперь къ себѣ рѣзкіе крики обезьянъ въ индійскомъ домикѣ. Принцамъ было строго запрещено переступать границы „кашемирской долины“, безъ сопровожденія старшихъ: опасались глубокаго пруда. Но запрещеніе не испугало дѣтей; на кленовой площадкѣ, „большіе“ о чемъ-то громко разговариваютъ; мама и г. Вертеръ, вѣрно, сюда не придутъ, а статсъ-дама „слова намъ не смѣетъ сказать“, — такъ сообщалъ наслѣдннй принцъ по секрету своему товарищу Лео.

Дѣти начали съ того, что спугнули быка, наслаждавшагося солнцемъ на берегу пруда, гдѣ онъ лежалъ на мягкой травѣ; быкъ былъ старъ, очень миролюбиваго характера, и потому спокойно удалился въ кусты. Лебеди, широко махая крыльями, скрылись въ своемъ домикѣ, спасаясь отъ мѣтео пускаемыхъ въ нихъ камушковъ; золотоперые фазаны и прочія птицы быстро скользнули во всевозможные уголки, убѣгая отъ преслѣдованія дѣтей.

— Слушай-ка, Лео, торчитъ еще у васъ вѣдьма? спросилъ наслѣдннй принцъ, указывая на индійскій домикъ.

Лео кивнулъ головой.

4*

— Если-бы мнѣ позволили, я-бы ее...

Онъ свистнулъ своимъ хлыстикомъ по воздуху.

— Отчего вы ее не выгоните?.. или не утопите въ прудѣ?

— Вотъ вздоръ какой! точно ты не знаешь, что вѣдъму топить пельзя! Топи ее — не топи, она все всплыветъ наверхъ... Хоть сто лѣтъ пройдетъ. Мнѣ Бергеръ объ этомъ говорила, а она, конечно, знаетъ...

Наслѣдникъ принцъ розикулъ ротъ отъ удивленія; о такихъ чудесахъ онъ и не слыхивалъ; но эта новость еще болѣе усилила въ немъ желаніе уничтожить существо, которое не горитъ и не топетъ.

— Вотъ если-бы у насъ былъ порохъ, сказалъ онъ, — мы-бы ее взорвали на воздухъ. Капитанъ Горстъ вчера на урокъ объяснялъ мнѣ, какъ это дѣлають... берутъ нитку, намоченную въ сѣрный растворъ...

— Порохъ есть у насъ въ охотничьемъ домикѣ! воскликнулъ Лео съ восторгомъ. — Взорвать вѣдму на воздухъ! Великолѣпная штука!..

Дѣти бросились бѣжать черезъ плантаціи; они встрѣтили воспитателя, который давно ужъ ихъ искалъ, и прошли мимо шпалерника, гдѣ мама рвала персики; но они никому не проговорились о своей тайнѣ; имъ хотѣлось угостить всѣхъ сюрпризомъ. Они украдкой пробрались въ охотничій домикъ.

Въ шкапу съ оружіемъ торчалъ ключъ; за стекломъ висѣлъ, правда, давно забытый, но богато-украшенный пороховой рогъ, а егерь въ его компаніи не было. Наслѣдникъ принцъ вскарабкался на стулъ, снялъ рогъ съ гвоздя и посмотрѣлъ, много-ли въ немъ пороху; оказалось, что рогъ до верху полонъ. Но сѣрной нитки достать было негдѣ; смѣтливый мальчикъ нашелся, какъ поправить бѣду. На ночномъ столикѣ лежалъ огарокъ восковой свѣчи, а подлѣ нея изъ рюмки торчали сѣрныя спички.

— Отлично! сказалъ принцъ и сунулъ матеріалы въ карманъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ егерь и разомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло. Это былъ молодой парень съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ Лео грубымъ, повелительнымъ тономъ, въ которомъ, однако, слышались робкія ноты страха за похищенный пороховой рожокъ.

— Ого! изъ моей-то собственной комнаты вонъ?—нѣтъ, ужъ это-му не бывать! погодите, я съ вами раздѣляюсь, возразилъ егерь, причежь загорѣлое лицо его сдѣлалось пурпуровымъ. Онъ пошелъ прямо на наследнаго принца, который, держа обѣими руками рожокъ за спиной, отретировался въ крайній уголъ комнаты. Мальчикъ храбро защищалъ свою добычу; онъ ударилъ егеря ногой спереди, въ то-же время братъ потащилъ нападавшаго за фалды назадъ, а Лео бросился на него съ поднятымъ хлыстомъ.

— Такъ вы еще драться, безстыдники! прошипѣлъ егерь, едва сдерживая себя.—Хорошо! будетъ вамъ ужъ на орѣхи! впрочемъ, что за нужда: дѣлайте, что хотите, а я исполню свою обязанность.

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты и хлопнулъ за собой дверь. Дѣти съ замираніемъ сердца стали прислушиваться, скоро-ли его шаги замолкнутъ за слѣдующей дверью въ кухнѣ, потомъ выбѣжали изъ комнаты и бѣгомъ направились къ индѣйскому саду.

Нѣсколько минутъ спустя ключница выскочила изъ охотничьяго домика и, заслонивъ рукой глаза отъ солнца, стала пристально всматриваться въ паркъ. Это было какъ-разъ въ то время, когда Майнау съ дамами возвращался съ кленовой площадки.

— Что случилось, Лонъ? спросилъ онъ у видимо встревоженной женщины.

— Они въ индѣйскомъ саду, сударь, т. е. дѣти... я сама видѣла, какъ сейчасъ пробѣжалъ маленькій баронъ. Боже сохрани и помилуй!... Вѣдь они, говорятъ, порохъ и спички туда потащили! Егерь нѣтъ пробѣжалъ сказать.

Герцогиня испустила вопль ужаса и повисла на рукѣ Майнау, который прямо повернулъ въ аллею, ведущую въ кашемирскую долину. Ліана и статсъ-дама послѣдовала за ними, а воспитатель, безопасно разгуливавшій между шпалерниками, услыхавъ гнѣвный возгласъ герцогини, зашагалъ своими журавлиными ногами по тому-же направленію.

Они посѣли на мѣсто именно въ ту минуту, когда готова была разразиться такая опасность, отъ которой у взрослого человека волосъ на головѣ поднялся-бы дыбомъ. Внутри веранды индѣйскаго домика, на блестящей циновкѣ изъ пальмовыхъ листьевъ, мальчики насыпали довольно высокую горку пороха съ углубленіемъ посрединѣ и вставили туда восковой огарокъ; онъ ярко

горѣлъ; малѣйшее сотрясеніе, сильный вздохъ могли его опрокинуть или отдѣлить отъ него искру. Количество подложеннаго пороха, конечно, было-бы недостаточно, чтобы взорвать на воздухъ, какъ думали дѣти, домъ вѣдьмы; но опасность заключалась въ безграничной увѣренности дѣтей, что для нихъ лично тутъ нѣтъ ничего страшнаго. Они сблизись всѣ трое въ кучку надъ „миной“, какъ они ее называли, и, затаивъ дыханіе, ждали интересной минуты, когда огонь такъ низко спустится, что лизнетъ порохъ.

Лео, съезжившись, сидѣлъ немного сзади, между двумя принцами, и потому первый увидѣлъ спѣшившихъ къ нимъ „большихъ“.

— Тише, папа! мы взрываемъ вѣдьму на воздухъ! сказалъ онъ чуть слышно, боясь шевельнуть даже бровью.

Майнау однимъ прыжкомъ очутился передъ верандой; онъ не вошелъ туда, опасаясь, чтобы не задрожалъ полъ отъ его шаговъ по довольно шаткымъ ступенямъ, но перегнулся впередъ и рукой затушилъ горѣвшій огонь. Когда онъ повернулъ голову, то лицо его напоминало привидѣніе, а герцогиня, истерически зарывавъ, упала на руки статсъ-дамы. Но черезъ минуту она оправилась.

— Принцы лягутъ сегодня безъ ужина спать, г. Вертеръ, а завтра утромъ, въ наказаніе, не поѣдутъ верхомъ, произнесла она суровымъ, рѣзкимъ тономъ, между тѣмъ какъ Майнау, схвативъ Лео за плечи, трясъ его и сильно бранилъ.

Ліана подошла къ горько плакавшему ребенку и обняла его.

— Неужели ты хочешь его наказывать за грѣхи его прежней воспитательницы? спросила она вротко. — Мнѣ кажется, что дѣти столько-же виноваты въ подобнаго рода жестокостяхъ, сколько виноваты въ нихъ дикари, пребывающіе во мракѣ невѣжества.

Она дрожащей рукой нѣжно утерла прекрасные глаза мальчика, который не ослѣпъ только благодаря энергіи отца.

Лицо герцогини мгновенно приняло мертвенный, восковой цвѣтъ, такъ сильно испугавшій Ліану при первой встрѣчѣ съ нею въ лѣсу. Ея свѣтлость забыла, что тутъ присутствуютъ воспитатели ея дѣтей, статсъ-дама, а главное, она, чьей насмѣшливой улыбки она такъ боялась; она видѣла одно, что молодая хорошенькая женщина прижимаетъ къ своему сердцу этого мальчика, его сына,

его портретъ, и такъ спокойно, разумно заявляетъ свои материнскія права. Возможно-ли это вынести? Съ трудомъ сдерживаемая ревность охватила ея, какъ внезапный припадокъ сумасшествия; она на-столько еще владѣла собой, что не вырвала собственноручно мальчика изъ объятій ненавистой женщины, тѣмъ не менѣе она совершенно вышла изъ роли милостиво-благосклонной повелительницы.

— Извините меня, моя милая, но ваши воззрѣнія до того странны, что мнѣ кажется, будто на почтенныхъ башняхъ моего милаго, стараго Шенверта уже развѣвается какое-нибудь бюргерское знамя, произнесла она рѣзкимъ тономъ, указывая на замокъ. — Не сердитесь на меня, пожалуйста, но слушая васъ, мнѣ представляется, что я слышу гувернантку, какую-нибудь Шульце или Мюллеръ, развивающую свои удивительныя идеи. Развѣ вы такъ мало дорожите честью носить блестящее имя Майнау...

— Ваша свѣтлость, за нѣсколько недѣль передъ этимъ я была графиней Трахенбергъ, перебила молодая женщина съ гордымъ спокойствіемъ, дѣлая удареніе на свою древнюю, высоко-аристократическую фамилію. — Правда, мы разорились и на послѣднихъ представителяхъ нашего имени лежитъ клеймо несостоятельности; тѣмъ не менѣе право гордиться геройскими подвигами и безупречною жизнію длиннаго ряда предковъ составляетъ мое неоспоримое наслѣдство. Я убѣждена, что не подрываю нашей чести, думая и чувствуя по-человѣчески, поэтому Майнау могутъ быть спокойны въ этомъ отношеніи...

Герцогиня гнѣвно закусилла нижнюю губу своими острыми, бѣлыми зубами, и по волнистому движенію оборокъ ея платья видно было, что ея маленькая нога нетерпѣливо стучитъ о песокъ. Статсъ-дамы съ трепетомъ слѣдили за этими вѣрными признаками ея гнѣва.

Пока Ліана говорила, Майнау стоялъ отвернувшись, точно собирался уйти; когда она кончила, онъ посмотрѣлъ на нее черезъ плечо.

— Ваша свѣтлость, произнесъ онъ, съ комическимъ видомъ прикладывая обѣ руки къ сердцу, — я въ этомъ неповиненъ. Не выясняйте съ меня, что вамъ пришлось выслушать такой отвѣтъ въ ниломъ, старомъ Шенвертѣ; я самъ былъ увѣренъ, что найду голубиную простоту; но эта дама, при своемъ кроткомъ личіиѣ

à la Lavallière, унаслѣдовала отъ своихъ героическихъ предковъ не одно знаменитое имя, но и мечъ обоюдо-острый, который у нея находится на кончикѣ языка... Я даже знаю пѣсенку, сложенную на этотъ счетъ.

Онъ засмѣялся и пожалъ плечами.

Эта маленькая пикантная сцена, каждое слово которой было равносильно только-что потушенной искрѣ надъ кучкой пороха, вдругъ заключилась тихимъ плачемъ принцевъ. Наслѣдный принцъ никакъ не соглашался отказаться отъ своего любимаго морковнаго соуса за ужиномъ, а братъ его всхлипывалъ при мысли, что ему завтра не позволятъ кататься на его пони. Нѣжныя уговариванія шепотомъ Вертера не помогали, и когда онъ, совершенно оробѣвъ при видѣ замѣтнаго гнѣва герцогини, хотѣлъ увести поскорѣе дѣтей, ихъ сдерживаемый до сихъ поръ жалобный дуэтъ превратился въ громкій плачь.

Почти вслѣдъ за тѣмъ послышался стукъ катящагося кресла гофмаршала. Старикъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но увидавъ, что все общество въ сборѣ, притомъ здраво и невредимо, онъ приказалъ катившему его егерю остановиться — ему, видимо, не хотѣлось подъѣзжать близко къ индѣйскому домику. Съ нимъ вмѣстѣ явились духовникъ и фрау Лонъ, оба страшно встревоженные, особенно послѣ того, какъ до нихъ донесся плачь дѣтей.

— Скажи, ради Бога, Рауль, что за неслыханныя вещи происходятъ здѣсь? воскликнулъ гофмаршалъ. — Правду-ли мнѣ сказала Лонъ, будто дѣти играли порохомъ?

— Игра эта имѣла глубокой смыслъ, дядюшка. „Цвѣтку лотоса“ предстояла опасность умереть, какъ вѣдьмѣ: дѣти задумали взорвать ее на воздухъ, отвѣчалъ Майнау съ полуулыбкой.

— Жаль, что это не случилось шестнадцать лѣтъ тому назадъ! пробормоталъ гофмаршалъ, искоса поглядывая на бамбуковую крышу. — Любопытно-бы, однако, знать, какъ попалъ порохъ въ руки дѣтямъ? Принцъ, кто вамъ далъ его? спросилъ онъ, обращаясь къ продолжавшему рыдать наслѣдному принцу.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ ребенокъ, указывая на егеря, который неподвижно, въ почтительной позѣ стоялъ за кресломъ.

У него не достало мужества принять всю отвѣтственность на себя и онъ взвалилъ ее на чужія плечи.

— Совсѣмъ не правда! воскликнулъ внѣ себя Лео; его непод-

купная любовь къ истинѣ и прямота характера возмутились противъ такой лжи.—Даммеръ не давалъ намъ пороку; онъ хотѣлъ отнять его у насъ... онъ только обругалъ насъ...

— Ахъ, ты собака! бѣшено крикнулъ гофмаршалъ, оборачиваясь къ егерю. Онъ рванулся съ кресла, но, застонавъ отъ боли, упалъ назадъ.—Видишь, Рауль, до чего доводитъ твое гуманное обращеніе! За что мы кормимъ этихъ дневныхъ грабителей и спасаемъ ихъ съ такимъ милосердіемъ отъ голодной смерти? Если надъ ними не стоишь каждую минуту съ плетью въ рукѣ, то они дѣлаются дерзки, крадутъ, что могутъ, да еще угрожаютъ нашей жизни!..

— Докажите, сударь, хоть одно мое воровство! неистово гаркнулъ егеръ. Страшно было видѣть этого человѣка: глаза его точно хотѣли выскочить, лицо побагровѣло.—Развѣ я воръ? я честный человѣкъ...

— Тише, Даммеръ, уйдите отсюда, сказалъ Майнау, указывая на охотничій домикъ.

— Нѣтъ, сударь, мнѣ моя честь такъ-же дорога, какъ и вамъ... Разъ вы меня уже били плетью, продолжалъ егеръ, обращаясь къ гофмаршалу и задыхаясь отъ волненія; слова полились у него, какъ бурный потокъ.— Я тогда смолчалъ, нужно-же прокормить старика отца, но забыть—не забыть... Вы толкуете о своемъ милосердіи, а какое-же это милосердіе, если вы обсчитываете насъ, гдѣ можно... вамъ несозвѣстно утягивать деньги по грошамъ... всему свѣту извѣстно, какъ вы скупы и жестоки... Вотъ вамъ... все сказалъ... теперь иду изъ вашего Шенверта...

Онъ схватилъ своими могучими руками спину гофмаршальскаго кресла и толкнулъ впередъ съ такою силой, что оно укатилось далеко въ кусты.

Статсъ-дамы и дѣти закричали, герцогиня убѣжала въ индѣйскій домикъ. Майнау молча, вѣв себя отъ бѣшенства, вырвалъ колъ изъ земли и замахнулся имъ на егеря; но въ это мгновеніе Ліана незамѣтно подбѣжала и бросилась между ними, чтобы отвратить ударъ; егеръ, между тѣмъ, ловко увернулся и убѣжалъ; ударъ попалъ въ Ліану.

Раздался слабый крикъ.

— Не бей, Майнау! воскликнула Ліана дрожащимъ отъ боли голосомъ и вслѣдъ за тѣмъ правая рука ея опустилась, какъ плеть.

Майнау въ первую минуту окаменѣлъ; потомъ, съ глухимъ проклятіемъ, швырнулъ далеко отъ себя коль и хотѣлъ схватить ушибенную руку жены; но его оттолкнулъ патерь. Онъ, видимо, дѣйствовалъ въ порывѣ безумной страсти, иначе что-бы могло побудить его прижать къ себѣ лѣвой рукойъ гибкій станъ Ліаны, а правую поднять съ угрожающимъ видомъ на Майнау?

— Это что значить, г. духовникъ? Не хотите-ли вы меня убить? спросилъ Майнау, медленно произнося эту фразу и не двигаясь съ мѣста. Онъ съ убійственной холодностью осмотрѣлъ съ головы до ногъ глазами этого человѣка въ длинной одеждѣ. Ужась, заставившій поблѣднѣть его лицо, вдругъ замѣнился выраженіемъ презрительной насмѣшки.

Патерь тотчасъ-же опомнился, отступилъ назадъ и опустилъ руку.

— Ударъ былъ такъ страшенъ... пролепеталъ онъ, какъ-бы извиняясь.

Майнау повернулся къ нему спиной. Подойдя очень близко къ Ліанѣ, онъ старался заглянуть ей въ глаза; но они оставались упорно опущенными. Онъ осторожно хотѣлъ дотронуться до ея руки, но Ліана спрятала ее въ складкахъ платья.

— Ничего, ничего, я могу шевелить пальцами, сказала она съ вроткой улыбкой, посмотрѣвъ на мужа.

Во взглядѣ ея было что-то усталое, безучастное; она тотчасъ-же отвела глаза отъ него и устремила ихъ съ неописаннымъ выраженіемъ тоски на синее небо.

— Вы слышали? не больно... можете успокоиться, г. духовникъ, произнесъ Майнау, быстро поворачиваясь къ патеру. — Мнѣ отъ этого не легче; эта прекрасная ручка завтра-же начнетъ владѣть съ обычнымъ искусствомъ кистью, а моя рыцарская репутація останется на всю жизнь заклеяною позоромъ, что я ударилъ даму! Позвольте мнѣ вамъ напомнить только одно, г. духовникъ: подумали-ли вы о томъ, что скажетъ неумолимый орденъ, къ которому вы принадлежите, по поводу необычнаго порыва самоотверженія, выказаннаго вами сейчасъ? Вспомните, вы пожалѣли еретичку, — извини Юліана...

Иезуитъ успѣлъ уже овладѣть собой.

— Вы говорите, не зная дѣла, г. баронъ. Нашъ орденъ нельзя обвинять въ жестокости, возразилъ онъ холодно; — мы, напротивъ,

никогда не забываемъ, что эти заблудшія души близки намъ по крещенію...

— Не думаю, чтобы послѣдовательницы Лютера раздѣляли такое воззрѣніе, перебилъ его Майнау и повернулся къ герцогинѣ, выходявшей въ это время изъ индѣйскаго домика.

— Какіе ужасы мы заставили переживать вашу свѣтлость въ Шенвертъ! заговорилъ онъ спокойно, переходя въ легкой, шуточный тонъ.

Герцогиня вопросительно посмотрѣла на него; лицо Майнау было холодно, какъ ледъ. При всей смертельной ненависти, какую ея свѣтлость питала къ Ліанѣ, она не могла равнодушно видѣть страдальческаго выраженія лица молодой женщины. Даже ей стало жаль ее, а его сердце осталось нетронутымъ; у него не нашлось слова извиненія для жены.... Нѣтъ, вѣтмъ двумъ существамъ не сойдтись во всю жизнь...

— Ахъ, мама, что это у тебя съ рукой! воскликнулъ Лео, который, ласкаясь къ матери, раздвинулъ складки платья и обнажилъ висѣвшую правую руку Ліаны, распухшую и багровую.— Папа, я и Габріеля никогда такъ не билъ....

Какъ ни былъ незаслуженъ такой упрекъ, но въ устахъ ребенка онъ звучалъ убійственно. Ліана поспѣшила изгладить это тягостное впечатлѣніе; она отстранила Майнау, подошедшаго къ ней съ нахмуренными бровями, и увѣрила герцогиню, убѣждавшую ее послать за докторомъ, что компрессы изъ свѣжей воды лучше всего помогутъ ея рукѣ; поэтому она просила только позволенія удалиться на четверть часа къ колодцу за индѣйскимъ домикомъ.

— Вотъ что значитъ разыгрывать комедію, баронесса! замѣтилъ дерзко гофмаршалъ, между тѣмъ какъ воспитатель принцевъ медленно поворачивалъ его кресло, приготовляясь катить его далѣе.— Вы, можетъ быть, видали на сценѣ, какъ дама бросается между двумя дуэлистами.... это выходитъ очень красиво въ театрѣ, но чтобы аристократическая рука приняла на себя ударъ, вполне заслуженный дерзкимъ неучемъ, *fi donc!* Я считаю это вполне неприличнымъ. Я увѣренъ что кости урожденной принцессы фон-Тургау, вашей свѣтлѣйшей бабушки, о которой вы такъ часто любите вспоминать, повернулись въ гробу....

Онъ умолкъ и поѣхалъ далѣе. Майнау, не сказавъ ни слова,

крѣпко стиснулъ зубы, безъ церемоніи отстранилъ воспитателя принцевъ и довольно быстро покатилъ кресло дяди. Прочее общество послѣдовало за ними, а пастеръ удалился изъ сада.

ГЛАВА XV.

„Кашемирская долина“, только-что передъ этимъ служившая ареной для трагическихъ сценъ, погрузилась въ ту дремотную тишину, прерываемую изрѣдка едва слышнымъ жужжаніемъ насѣкомыхъ, которая присуща жаркой послѣобѣденной порѣ въ деревнѣ. Въ томъ углу, гдѣ изъ клюва каменнаго лебедя была струя воды въ колодезь, слышался слабый плескъ, а въ кустахъ тихо трепеталъ золотистый фазанъ, распутившій свой зеленоватый хвостъ съ намѣреніемъ пропымгнуть мимо индѣйскаго домика, черезъ площадку, усыпанную гравіемъ, такъ искусно, чтобы его никто не замѣтилъ. Когда вдали замолекъ ступѣ колесъ гофмаршалскаго кресла, можно было подумать, что около хорошенькаго зданія съ бамбуковой крышей пронеслись только безобразныя тѣни китайскаго фонаря, — до такой степени было невозмутимо царствовавшее тутъ безмолвіе. А между тѣмъ слѣды человѣческой драмы находились на лицо: поперекъ аллеи лежалъ отброшенный барономъ колъ, а на полу веранды чернѣла роковая грудка пороху, которую теперь разсматривалъ съ величавымъ удивленіемъ пришедшій со двора павлинъ. Въ прохладной водѣ бассейна колодца плавали лепестки бѣлыхъ розъ, и ихъ было тамъ такое множество, что казалось, будто лебедь, выбрасывавшій воду изъ клюва и почти скрытый подъ вѣтвями розоваго куста, только-что отряхнулъ съ себя пухъ. Ліана опустила въ воду свою больную руку, при чемъ невольно испугалась, увидя, до чего она обезображена и красна въ сравненіи съ нѣжными, прозрачными цвѣточными лепестками.

— Баронесса, вамъ нужно непременно наложить компрессъ, говорила фрау Лояъ, выходя изъ индѣйскаго домика съ полотняными бинтами и полотенцами на рукѣ. Она не поблѣднѣла отъ ужаса, не всплеснула руками при видѣ разбитой руки Ліаны, тѣмъ не менѣе въ выраженіи лица этой угрюмой женщины, которая какъ-будто старалась всегда хвастнуть своимъ невозмутимымъ равнодушіемъ, холодностію и безсѣрдечностію — было что-то,

поразившее Ліану. Здоровья, большія руки Лонъ дрожали отъ внутренняго волненія, когда она опускала кусокъ полотна въ воду.

— Да, да, таковъ ужъ видно обычай въ Шенвертѣ, говорила она, искоса поглядывая на кровавый шрамъ: — ударятъ по рукѣ такъ, что кости живой въ ней не останется, или схватятъ за горло бѣдное маленькое созданіе.

Ліана съ удивленіемъ посмотрѣла на ключницу, которая въ это время усиленно крутила жгутомъ полотно, и затѣмъ, встряхнувъ его, оросила гравій пѣлымъ фонтаномъ брызгъ.

— Спросите ту, что лежитъ: она вамъ кое-что поразскажетъ, продолжала Лонъ, указывая мокрой рукой на стеклянную дверь индійскаго домика. — Я уже не разъ говорила, что для женщины плохое убѣжище этотъ замокъ — (у ключницы послѣдняя фраза вырвалась такъ-же невольно, какъ однажды и у духовника). — Когда я увидѣла васъ, сударыня, такую товенькую, да худенькую... у меня сердце запыло!..

Она зорко посмотрѣла въ кусты и вдоль аллеи; непрощенныхъ свидѣтелей нигдѣ не оказалось; только маленькая обезьяна соскользнула съ вершины дерева на сосѣднюю бамбуковую крышу и скорчилась подлѣ трубы...

Фрау Лонъ осторожно вынула ушибенную руку Ліаны изъ воды и стала накладывать на нее компрессъ.

— Да, говорила она, какъ-бы сама съ собой, перевязывая больное мѣсто, — надо было посмотрѣть, какъ всѣ люди сбѣжались тогда, — т. е. тринадцать лѣтъ тому назадъ, — какъ они начали толковать, что въ кухнѣ передъ красной комнатою, гдѣ старый баронъ лежалъ уже при послѣднемъ издыханіи, нашли ту, что въ индійскомъ домикѣ живетъ“, полумертвой; параличъ, видите-ли, ее хватилъ. Гмъ! молоденькую, худенькую, свѣженькую женщину параличъ вдругъ разобьетъ! Слыханное-ли это дѣло, сударыня?.. Вскорѣ принесли и ее бѣдную; лежала она на рукахъ лакея, точно бѣленькая закланная овечка... Омъ-то былъ увѣренъ, что она умерла, и велѣлъ ее отнести на то самое мѣсто, гдѣ она теперь лежитъ вотъ уже тринадцать лѣтъ... Я шла вслѣдъ за лакеемъ; меня, сударыня, считаютъ черствой, холодной, но — я передъ вами не солгу — у меня не черстовое сердце, а, напротивъ, глупое, мягкое; расплакалась я тогда, какъ дура, обхва-

тила ее обѣими руками, цѣлую, а она вдругъ глазки открыла, толкаетъ отъ себя старую Лонь, да какъ закричить: „Не душите меня! не душите!...“

Ліана испустила вопль ужаса. Ключница-же обѣжала часть аллеи, осмотрѣла садъ, обошла вокругъ дома и вернулась успокоенная.

— Начала, такъ надо кончить, продолжала она, понижая голосъ;— ужъ разъ я заговорила, такъ удержать больше языка не могу. Докторъ — по-моему не докторъ, а бездѣльникъ — сталъ увѣрять, будто синіе подтеки у нея на шеѣ произошли отъ прилива крови... слышите? отъ прилива крови! Десять пальцевъ, какъ есть, отпечатались на ея бѣленькой шейкѣ, — всѣ десять пальцевъ, говорю вамъ, сударыня.

— Но кто-жь ее душилъ? спросила Ліана, едва переводя духъ отъ волненія.

Всякому другому человѣку она, можетъ быть, строго запретила-бы открывать передъ нею страшную тайну, изъ опасенія сдѣлаться, такъ-сказать, сообщницей преступленія; но на нее сильно повліяла эта серьезная женщина, цѣлыхъ тринадцать лѣтъ носившая свою желѣзную маску, ни разу не проговорившаяся ни передъ кѣмъ; Ліана невольно увлеклась, видя, что Лонь, побуждаемая внутреннимъ чувствомъ довѣрія къ ней, на минуту отодвинула задвижку тайника своей души.

— Кто ее душилъ? повторила ключница, сверкая глазами. — Тотъ, чьи руки такъ часто хватаются за плеть, чьи пальцы, съ загнутыми внизъ ногтями, точно ищутъ постоянно, что-бы такое загрести имъ, и все находятъ, что мало!.. Вѣдь это самъ дьяволъ, сударыня!..

— Вѣрно, онъ ее сильно ненавидѣлъ...

— Ненавидѣлъ? съ дикимъ хохотомъ повторила ключница. — Развѣ это называется ненавистью, когда мужчина бросается на полъ, плачетъ, воеетъ и проситъ женщину сжалиться надъ нимъ?.. Да, да, кто повѣритъ, что этотъ желтый, изсохшій кашей, какъ безумный звѣрь, преслѣдовалъ своей любовью бѣдную женщину!.. Я разъ стояла на верандѣ и черезъ окно сама видѣла, какъ онъ передъ ней ползалъ на колѣняхъ. Она его толкала отъ себя, била его своими маленькими ручками и потомъ пронеслась мимо меня въ темный садъ. Въ то время ноги у него еще были крѣпкія,

онъ гонялся за нею по всѣмъ аллеямъ, но она летѣла какъ перушко... какъ хлопчечкъ снѣга... мигомъ прибѣжала домой, заперлась на ключъ и легла подлѣ самой колыбели, гдѣ спалъ малютка Габріель... Вскорѣ и онъ явился. Сидя въ своемъ темномъ углу, я сначала его ругала мысленно, а потомъ смѣялась потихоньку. Онъ стоялъ отъ меня въ трехъ шагахъ и неистово колотилъ кулакомъ по деревянной рѣшеткѣ; да ничего не подѣлалъ, такъ и ушелъ съ носомъ!..

Ліанѣ представилась вся описанная сцена, какъ живая; и немудрено: Донъ рассказывала съ такимъ одушевленіемъ. Она точно сама видѣла, какъ вокругъ пруда мчится стрѣлою молодая красавица; ужасъ и отвращеніе выражаются на ея лицѣ; какъ за нею, въ порывѣ чувственной страсти, запыхавшись, бѣжитъ этотъ строгій блюститель приличія!.. Возможно-ли это?... Ліана невольно отошла назадъ отъ колодца, чтобы взглянуть на фасадъ индійскаго домика. Но тамъ за окнами и за стеклянной дверью недвижно висѣли плотныя, пестрыя циновки.

— Не правда-ли, вамъ жаль ее, сударыня? спросила ключница, поймавъ взглядъ Ліаны. — Вотъ уже два дня, какъ она совсѣмъ притихла; больше все спитъ; короче сказать, у нея предсмертный сонъ; четырехъ недѣль не пройдетъ, какъ все кончится.

— Развѣ подлѣ нея никого въ то время не было? Отчего ее не защитили? спросила Ліана со слезами на глазахъ.

— Кому-жь было защищать?.. Покойный старшій баронъ, которшй привезъ ее изъ-за моря, уже нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ въ красной комнатѣ; гардины тамъ были спущены, оконъ не смѣли отворять, а когда на него нападалъ ужасъ, онъ еще и ставни приказывалъ запирать, бумажками замочныя скважины затыкать, чтобы дьяволъ какъ-нибудь къ нему не пробрался... Прежде это былъ человѣкъ умный, съ характеромъ, но послѣ болѣзни ему все стало представляться въ черномъ видѣ, а чтобы онъ не выздоровѣлъ, объ этомъ усердно хлопотали двое: тотъ, съ бритой головой, и тотъ, что въ креслахъ катается. Больному все напѣвали, что онъ потому нездоровъ, что языческій храмъ въ саду выстроилъ и всю душу свою положилъ на уличную танцовщицу... а онъ и повѣрилъ имъ... Господи Боже мой! чего только съ человѣкомъ не сдѣлаешь, когда онъ боленъ и голова у него не совсѣмъ въ порядкѣ! Разъ какъ-то онъ попытался спросить, гдѣ-жь

та женщина, которая ему дороже всего на свѣтѣ? А тѣ и давай его увѣрять, будто она ему измѣнила и связалась съ другимъ... Тьфу! ужь чего только они ему тогда не нагали и не наклеветали на нее... Всѣ-то были заодно, отпусти ихъ Господи ихъ прегрѣшеніе! даже и мой покойникъ туда-же гнулъ. Онъ служилъ камердинеромъ при старомъ баронѣ и лишился-бы послѣдняго куса хлѣба, если-бы осмѣлился хоть слово пикнуть...

Высказать послѣднее признаніе было, какъ видно, не легко Лопъ: она провела рукой по глазамъ, чтобы отереть слезы.

— Вотъ съ этихъ-то поръ я и выучилась дѣлать злое лицо да лаять на всѣхъ людей, продолжала она.—Большая стала мнѣ дороже глаза, а къ мальчику я привязалась всей душою. Какъ-то такъ устроилось, что мнѣ пришлось принимать отъ купели Габріеля, — вотъ они и поручили мнѣ ходить за большой... Согласитесь, сударыня, что я хорошая комедіантка? Всякій подумаетъ, что я взаправду журю Габріеля, когда мы съ нимъ бываемъ въ замкѣ, и что я сержусь, когда толкаю его въ уголь... А вѣрите-ли, я готова пожертвовать за него всю свою кровь, до послѣдней капельки. Онъ ко мнѣ попалъ на руки съ первой минуты своего появленія на свѣтѣ. Сколько слезъ моихъ было пролито надъ его побѣдной головушкой!... браю его иногда, толкаю, а онъ смотритъ на меня такъ терпѣливо, ласково...

Голосъ Лопъ порвался, она не выдержала и горько заплакала закрывшись фартукомъ.

— Онъ принадлежитъ къ вашему семейству, продолжала она, помолчавъ немного и рванувъ рукой фартукъ.—Онъ родомъ Майнау... и хоть покойному барону глазкомъ не дали на него взглянуть, а Габріель есть, былъ и будетъ его сынъ.

— Вамъ слѣдовало-бы передать все это молодому барону, когда онъ вступилъ въ права наслѣдства, серьезно замѣтила Ліана.

Ключница отскочила назадъ и подняла руки съ выраженіемъ явнаго протеста.

— Какъ сударыня! ему все передать? переспросила она, точно не слышавъ словъ Ліаны. — Неужто-жь вы это серьезно говорите? Когда молодой баронъ посмотритъ искоса на Габріеля, такъ меня ужь морозъ по кожѣ подираетъ. Онъ человекъ добрый, бѣднѣмъ помогаетъ, неправды не терпитъ, но... онъ много видѣтъ *не хочетъ*, не любитъ, чтобы ему мѣшали жить въ свое удоволь-

ствіе,—вотъ почему онъ и смотритъ сквозь пальцы на то, на что слѣдовало-бы повнимательнѣе поглядѣть... Такъ, напримѣръ, онъ очень хорошо понимаетъ, отчего больная всегда кричитъ, когда герцогиня проѣзжаетъ мимо...

— А отчего?

Ключница въ смущеніи посмотрѣла на Ліану.

— Да какъ-же? молодой баронъ до того похожъ на своего дядюшку, что мы, говоря между собой, иной разъ поклясться готовы, что покойный баронъ изъ гроба всталъ. Онъ разъ какъ-то прошелъ мимо ирландскаго домика подъ руку съ герцогиней— (ключница осмотрѣлась кругомъ),—которая, какъ я слышала, всегда такъ на него смотритъ, точно съѣсть глазами хочетъ; впрочемъ, свидѣтельницей я не была и потому судить не могу,—ну, а больной и почудилось, что съ герцогиней идетъ ей милый, ее начала душить ревность, она и закричала благимъ матомъ, да съ тѣхъ поръ, какъ только герцогиня проѣдетъ мимо вершокъ, съ больной сладу нѣтъ... Это вѣрное доказательство, какъ сильно она любила покойнаго барона; а молодой баронъ только и твердитъ: „она помѣшанная“, и все тутъ... Нѣтъ, сударыня, онъ пальцемъ не пошевелитъ, чтобы поправить дѣло, и если Господь Богъ не снудается, то мой бѣдный мальчикъ черезъ три недѣли будетъ постриженъ въ монахи, а затѣмъ его ушлютъ къ дикарямъ для проповѣди. Конечно, Габріель не будетъ тогда стоять имъ поперегъ дороги, оно и легче...

— Но вѣдь его посвящаютъ въ духовное званіе потому, что этого желалъ его покойный отецъ.

Ключница долго и вопросительно смотрѣла въ лицо Ліаны.

— Да, это они такъ говорятъ. Но кто-жь имъ вѣрять? Читали-ли вы записку объ этомъ покойнаго барона?

— Нѣтъ, сказала Ліана.

— Я думаю, что нѣтъ... Кто знаетъ, какъ еще она написана!.. Знаете-ли, что я вамъ скажу, сударыня: когда вы наедая вечеромъ зашли нечаянно въ ирландскій домикъ и ласково обошлись съ Габріелемъ, у меня сердце такъ и запрыгало; вотъ, думаю себѣ, посылаетъ вамъ Господь добраго ангела... Ангеломъ вы и оказались: я слышала своими ушами, какъ храбро вы отстаивали бѣднаго ребенка передъ этими страшными людьми... но запомните мое слово—не имѣть вамъ власти въ этомъ домѣ. Сю-

да годится только такая барыня, какъ умершая баронесса; та, бывало, затопчетъ ногами и начнетъ метать въ голову прислугѣ что попало: ножъ-ли это, ножицы-ли—все равно. Вотъ почему мнѣ, по-настоящему, слѣдовало-бы лучше молчать, не класть лишняго бремени на ваше доброе, кроткое сердце; вамъ самой не легко живется, приходится горячо защищаться для того только, чтобы имѣть право вписывать что-то въ тетрадку... А злой старикъ роетъ подъ вами яму, какъ кротъ; ему смерть какъ хочется васъ сжить отсюда. Другой-же, тотъ, что васъ привезъ въ Шенвертъ,—вы не сердитесь на меня, сударыня: силъ нѣтъ молчать,—тотъ за васъ никогда не заступится, не поддержитъ васъ. Это мы видимъ и знаемъ всѣ. А ужъ если ему очень надоѣстъ старикъ, такъ онъ тотчасъ соберется въ дорогу, три раза перекрестится, да и маршъ отсюда; станетъ себѣ рыскать по бѣлу свѣту, а объ домашнихъ дѣлахъ, даже о бѣдной молодой женѣ и не вспомнить...

Кровь бросилась въ лицо Ліаны.

Какую-же роль играла она въ этомъ домѣ? Простыя, ничѣмъ неприкрашенныя выраженія Лонъ ясно, рѣзкими чертами обрисовали ей ея двусмысленное, унижительное положеніе, Родовая гордость Трахенберговъ и оскорбленное женское самолюбіе сильно въ ней заговорили. Ей, по крайней мѣрѣ, по наружности слѣдовало не показывать вида, что она считаетъ себя униженной...

— Все, что у насъ происходитъ, дѣлается по взаимному согласію между барономъ и мной, милая фрау Лонъ, и въ наши отношенія вмѣшиваться никто не долженъ, замѣтила ласковымъ тономъ Ліана, протягивая руку оторопѣвшей отъ изумленія ключницѣ, съ тѣмъ, чтобы она перевязала ее свѣжимъ сухимъ бинтомъ.

На концѣ большой аллеи показались: статсъ-дама и Лео. Первая была прислана съ порученіемъ отъ герцогини осведомиться о состояніи здоровья „бѣдной пациентки“. Именно такую фразу произнесла статсъ-дама, подойдя къ Ліанѣ.

Ключница скрылась на минуту въ индійскомъ домикѣ, между тѣмъ какъ Ліана, въ сопровожденіи статсъ-дамы и Лео, котораго она держала лѣвой рукой, вернулась на клеповую площадку. Она невольно вздрогнула, когда издали увидѣла „желтого, усохшаго защея“, во фракѣ, червически барабанившаго по столу

своими блѣдыми, крѣпковатыми пальцами. Именно этими руками онъ, въ припадкѣ бѣшенства, едва не задушилъ живое существо!.. Кто знаетъ, не задушилъ-ли-бы онъ ими и другую женщину, быстро идущую теперь за Ліаной по направленію къ охотничьему домику, если-бы заподозрилъ, что она не только знаетъ его тайну, но даже выдала ее третьему лицу? За старикомъ постоянно слѣдовала грозная тѣнь и два обличительные глаза, а онъ не зналъ этого. Но кому-же могло придти въ голову, что подъ угрюмымъ, каменнымъ лицомъ и прямой, вытянутой фигурой женщины, спокойно разносившей гостямъ на подносѣ прохладительныя питья, таится шпіонъ совѣсти гофмаршала?

ГЛАВА XVI.

Стукъ отъѣзжавшихъ герцогскихъ экипажей давно замолкъ. По желанію ея свѣтлости, Майнау приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь, чтобы проводить ее до половины дороги; патера также разыскали милостью: герцогиня велѣла ему сѣсть рядомъ съ собою, на почетномъ мѣстѣ; принцамъ-же пришлось сидѣть впереди. Герцогиня знала, что такое вниманіе вызоветъ неблагоприятныя толки въ народѣ, но она пренебрегала всѣмъ, когда ей представлялся случай явно высказать свое расположеніе католическому духовенству. Правящая линія герцогскаго дома не исповѣдывала католицизма; наследный принцъ и его братъ воспитывались въ правилахъ протестантской религіи, но боковая линія, отъ которой происходила герцогиня, осталась въ нѣдрахъ римской церкви. Населеніе страны, по большей части протестантское, не совсѣмъ симпатизировало сердечному выбору герцога-правителя, возведшаго на тронъ фанатичную католичку въ лицѣ своей кузины. Слѣдствіемъ этого было то, что капелана пелюбимой народомъ боковой вѣтви возвели въ санъ придворнаго духовника, и если-бы не вмѣшалась рука смерти, то, какъ носились слухи, могла-бы совершиться даже переимѣна религіи въ самой семьѣ владѣтельнаго герцога, такъ-какъ его свѣтлость обожалъ свою супругу и слѣпо подчинялся ея вліянію въ каждомъ дѣлѣ.

Какъ олицетвореніе счастья и горя, сидѣли въ коляскѣ, при отъѣздѣ изъ Шенверта, резвая, весело слѣбующая герцогиня и

черный патеръ съ погазительно-блѣднымъ лицомъ, мрачно улыбавшійся на всѣ милостивыя рѣчи и знаки вниманія ея свѣтлости.

Отклапавшись герцогинѣ, Ліана подошла къ мужу, который сидѣлъ уже на лошади, и, прощаясь съ нимъ, попросила у него позволенія удалиться на весь вечеръ въ свои комнаты, на что тотъ не отвѣтилъ ни слова, а только иронически шевельнулъ губы...

Наконецъ, всѣ уѣхали, Ліана осталась одна. Гофмаршалъ потребовалъ къ себѣ Лео, чтобы не ужинать одному, въ случаѣ, если-бы Майнау захотѣлъ остаться въ городѣ.

Удалившись въ свой голубой будуаръ, молодая женщина немедленно переодѣлась, накинула широкой бѣлой пеньюаръ и, такъ какъ ее мучила страшная головная боль, то она приказала горничной совершенно распустить ея тяжелую косу; это ее нѣсколько облегчило.

Несмотря на боль въ головѣ и спявно павшую руку, Ліана перетащила къ кушеткѣ круглый столъ и принялась писать къ Ульриху, но въ серединѣ письма она почувствовала себя вынужденной бросить перо и, закусивъ отъ страданія губы, бросилась на кушетку. Она пролежала нѣсколько часовъ сряду неподвижно, прижавшись къ мягкой стеганой голубой спинкѣ кушетки, приложивъ голову къ подушечной подъ нее лѣвой рукѣ и пристально слѣдя за переживами свѣта заходящаго солнца на блестящихъ атласныхъ складкахъ противоположной отъ нея стѣны будуара. На глазахъ ея пуриново-золотистый отблескъ, мало-помалу, перешелъ въ мягко-палевый.

Грудь и плечи лежавшей Ліаны были согрѣты густыми волнами ея роскошныхъ волосъ; послѣдніе вечерніе лучи солнца какъ-бы на прощаніе закружили съ толстыми, золотистыми прядями ея волосъ, ниспадавшими кольцами на полъ, и обдавали ихъ какиъ-то адскимъ краснымъ пламенемъ...

Молодая женщина, по наружности, мирно отдыхала; по внутрення лихорадка возбуждала въ ея разгоряченномъ мозгу цѣлую вереницу самыхъ неприятныхъ мыслей. Она невольно думала о своей „воздушной, какъ-бы изъ кружевъ сотканной“ предшественницѣ, въ помыслѣ капризовъ бросившей жени и вѣнцы въ прислугу... Нарядная, вѣчно-раздвоенная Валерія была любимицей при дворѣ; всей гофмаршалъ не иначе говорилъ съ ней,

какъ съ восторгомъ; по Майнау не любилъ ее; онъ вспоминалъ о своей первой женѣ съ самымъ ядовитымъ презрѣніемъ; ихъ бракъ, повидимому, былъ бракомъ по расчету, и, вдобавокъ, весьма несчастнымъ бракомъ. Но отчего-же онъ, невидящій всякія стѣсненія, въ этомъ случаѣ молча несъ свою цѣпь? Правда, когда ему ужъ очень дѣлалось тошно отъ семейной жизни, онъ увѣжалъ путешествовать, но брака своего не расторгалъ. Смерть, одна смерть разлучила его съ женой. А все почему? Онъ боялся публичной огласки своего развода!.. Что за страшныя противорѣчія уживаются въ этомъ человѣкѣ? Относительно *увлеченій* въ родѣ любовныхъ исторій, дуэлей, безумныхъ паръ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на судъ свѣта; но за то, какъ дитя, боялся *промаховъ*, которые можно было объяснить недостаткомъ ума; боялся, чтобы его дѣйствія не подвергались критикѣ лицъ одного съ нимъ круга, а что еще ужаснѣе—насмѣшкамъ ихъ... Эта слабая сторона его характера и была причиной, почему онъ съ такимъ спокойствіемъ выслушалъ сегодня сдѣланный Ліаной герцогинѣ намекъ,—правда, въ очень деликатно-осторожной формѣ,—насчетъ предстоящей имъ возможности развѣхаться... Недолго ей терпѣть эти нравственныя муки: она скоро уѣдетъ домой... конечно, безъ Лео. Вспомнивъ о мальчикѣ, Ліана крѣпко прижалась головой къ подушкѣ; она страстно любила ребенка и мысль о разлукѣ съ нимъ рвала ея сердце на части; но даже ради его она не рѣшилась-бы принести себя въ жертву и остаться въ Шенвертѣ, особенно послѣ того, какъ она заглянула въ прошлое гофмаршала и должна была ежедневно, ежечасно быть свидѣтельницей послѣдствій его преступленія, не смѣя не только дѣйствовать, но даже промолвить слово... Лихорадочная дрожь пробѣжала по изящнымъ, гибкимъ членамъ молодой женщины; ей вдругъ показалось страшно дышать однимъ воздухомъ съ чужимъ, у котораго руки были почти обгажены человѣческой кровью...

Среди такихъ мрачныхъ размышленій ухо Ліаны было поражено тихимъ шорохомъ... Ужь не стоитъ-ли за дверью „желтый, изсохшій кашей“, съ дерзкой улыбкой на губахъ, и не держитъ-ли онъ своими крючковатыми пальцами за складки портьеры? Ліана вздрогнула и вскочила въ ужасъ.

— Это я, Юліана, проговорилъ Майнау, выходя изъ-за голу-бой портьеры.

„Это я!“ точно эти слова могли ее успокоить. Съ той минуты, какъ баронъ привелъ жену въ будуаръ послѣ вѣнчанія, онъ ни разу не переступалъ порога ея комнаты.

Ліана прыгнула съ дивана и схватилась за кисть сонетки.

— Это зачѣмъ? спросилъ Майнау, поймавъ ее за руку.

Покраснѣвъ до ушей, Ліана отбросила волосы назадъ и, стараясь ихъ скрыть, прижалась спиной къ стѣпѣ.

— Мнѣ на одну минуту нужна Анна, отвѣчала она сердитымъ, отрывистымъ голосомъ.

Майнау улыбнулся.

— Ты забываешь, что, въ настоящее время, дамы являются даже на гулянье съ распущенными волосами; притомъ, къ чему эти церемоніи? Развѣ я не имѣлъ законнаго права придти сюда безъ доклада, чтобы узнать о здоровьѣ моей жены? Кто мнѣ можетъ запретить входить къ тебѣ въ комнату, когда я захочу?

Онъ медленно провелъ рукой по шелковистымъ волосамъ Ліаны, которые, несмотря на ея усилія, рассыпались опять по плечамъ и рукамъ, прикрывъ, точно золотой тунникомъ, ея бѣлый пеньюаръ.

— Что за роскошь! сказалъ онъ.

— Это немного смягченный цвѣтъ трахенбергской масти, отвѣчала съ горькой улыбкой Ліана, тихо отводя лѣвой рукой руку мужа отъ своихъ волосъ.

Майнау вздрогнулъ, при чемъ щеки его покрылись слабымъ румянцемъ. По тону жены онъ догадался, что она повторяетъ его собственное неосторожное выраженіе, но гдѣ и какъ она могла его подслушать, этого баронъ угадать не могъ.

— Я привезъ съ собой доктора, Юліана, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, быстро поборовъ въ себѣ непріятное впечатлѣніе.—Ты позволишь ему войти?

— Нѣтъ, зачѣмъ ему беспокоиться. Въ Рудисдорфѣ мы не привыкли посылать за докторомъ всякій разъ, какъ почувствуемъ пустячную боль... онъ жилъ слишкомъ далеко отъ насъ...—(Ліана замолчала; не признаваться-же ей было, что они изъ экономіи лечились чаще всего домашними средствами).—Свѣжая колодезная вода отлично мнѣ помогла, заключила она торопливо.

— Если такъ, то онъ и не потревожить тебя, сказалъ Майнау.— Къ моему великому удовольствію, я вижу, что больная рука позволила тебѣ даже писать.— (Онъ посмотрѣлъ на письменныя принадлежности на столѣ и лежавшее подлѣ нихъ начатое письмо къ Ульрику.)— Я-бы желалъ только удостовѣриться, не повліялъ-ли ушибъ на твои нервы... я сейчасъ замѣтилъ, что ты вздрагивала, какъ отъ лихорадочнаго озноба.

Слѣдовательно, онъ стоялъ уже довольно долго за портьерой и наблюдалъ за нею... Къ чему вдругъ эта непрошенная заботливость, когда во время самаго происшествія и послѣ него онъ выказалъ такую оскорбительную холодность и полное безучастіе?..

— Такъ вотъ зачѣмъ ты привезъ доктора! проговорила съ удареніемъ Ліана, поворачивая къ мужу черезъ плечо голову съ полуулыбкой.— Ты, кажется, забылъ, что я выросла совершенно въ другой школѣ, чѣмъ большинство извѣстныхъ тебѣ аристократокъ. Я недаромъ сестра Ульрики и Магнуса. Намъ, право, не было времени нѣжить и лелѣять свои нервы; мы ихъ, напротивъ, укрѣпляли, какъ это необходимо людямъ, желающимъ жить независимо и не выказывать наружу каждое душевное движеніе. Прошу тебя сейчасъ-же отпустить доктора... онъ, вѣрно, скучаетъ...

Она поспѣшно договорила эти слова, но придала имъ такую интонацію, которая ясно доказала Майнау, что она желаетъ, чтобы онъ сократилъ свой визитъ.

— Я убѣжденъ, что ему вовсе не скучно. Я усадилъ его въ гостиную и велѣлъ поставить передъ нимъ бутылку стараго бургонскаго, отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ баропъ, входя въ глубину комнаты. Глаза его скользнули по атласной драпировкѣ стѣны.— Ба! да мы въ голубомъ будуарѣ! воскликнулъ онъ.— По правдѣ сказать, эта комната всегда была для меня антипатична, но теперь она сдѣлалась удивительно уютной и соблазнительной. Эти матовыя группы изъ слоновой кости производятъ чрезвычайно живописный эффектъ на голубомъ атласномъ фонѣ стѣны; онѣ оживляютъ характеръ будуара, также какъ и эти бѣлыя азалии на окнѣ... И даже письменный столъ тутъ стоитъ!.. Знаешь-ли, что внушало мнѣ отвращеніе, Юліана? это—вѣчное сибаритское лежаніе Валеріи на атласной, стеганой кушеткѣ.

Онъ осматрѣлъ сквозь широко раскрытую дверь слѣдующую гостиную.

— Гдѣ-жь ты рисуешь, Юліана? Я не вижу никакихъ принадлежностей живописи... Неужели ты работаешь въ дѣтской?

— Нѣтъ, я устроила себѣ мастерскую въ кабинетѣ, рядомъ съ уборной.

— Какъ? въ этомъ узенькомъ, тѣсномъ уголкѣ, въ которомъ, сколько мнѣ помнится, даже нѣтъ достаточнаго освѣщенія? Что это тебѣ вздумалось?

Ліана долго и пристально смотрѣла мужу въ лицо.

— Я полагаю, что у людей съ призваніемъ къ искусству есть въ душѣ извѣстнаго рода чуткія струны, которыя дѣлаютъ ихъ очень чувствительными къ несимпатичной, враждебной атмосферѣ, сказала она.

— Потому-то эти люди ищутъ уединенія, договорилъ Майнау;— это совершенно противно моему возрѣнію на дилетантизмъ дамъ. И я правъ, хотя сегодня мнѣ пришлось убѣдиться, что бываютъ иногда исключенія. Но что-жь ты станешь дѣлать зимой? Вѣдь въ кабинетѣ нѣтъ печки.

— Зимой? повторила съ испугомъ молодая женщина, но послѣшила оправиться.— Ахъ, да! Ты, вѣрно, не замѣтилъ, что въ рудисдорфской гостиной, выходящей въ садъ, есть великолѣпный каминъ, такъ-что, несмотря на безчисленные окна этой громадной комнаты, она отлично нагрѣвается, а въ сильные морозы мы съ Ульрикой переселяемся въ бель-этажъ, въ прелестную, теплую угловую комнату. Ты ее не знаешь.

Сильное раздраженіе свѣтилось въ глазахъ Майнау, когда его взглядъ обвелъ съ ногъ до головы спокойно стоявшую передъ нимъ Ліану, по высоко-поднимающейся груди которой можно было только догадаться, что она проговорила свою длинную рѣчь за-помнѣвъ, не переводя духа.

— А что, пунктикъ-то все еще крѣпко тутъ сидитъ? спросилъ онъ съ разстановкой, слегка дотрогиваясь указательнымъ пальцемъ до блага лба жены.

— Не знаю, что ты подразумѣваешь подъ этимъ словомъ, холодно возразила Ліана, невольно проведя рукой по тому мѣсту, до котораго коснулся мужъ, точно онъ наложилъ на нее клеймо.— Для пунктиковъ моя голова еще слишкомъ молода, и я вообще

остерегаюсь отъ всякихъ мелочныхъ, одностороннихъ пристрастій къ чему-бы то ни было. Ты назвалъ пунктивомъ мое памфреніе вернуться въ Рудисдорфъ; кажется, это было общее наше желаніе...

— Мнѣ помнитѣя, что сегодня я увѣрялъ тебя совсѣмъ въ противоположъ, отвѣчалъ Майнау, пожавъ плечами.

Ліана знала, что ей стоило только произнести одно слово противорѣчія, чтобы мужъ вышелъ изъ себя; но это ее не испугало.

— Въ началѣ—да, сказала она,—но потомъ, въ присутствіи герцогини, ты согласился со мной.

Майнау до того язвительно и громко расхохотался, что Ліана замолчала.

— Воображаю, какъ пріятно была-бы удовлетворена твоя оскорбленная гордость, если-бы я, въ минуту, такъ ловко выбранную тобой, публично заявилъ: эта женщина хочетъ, во что-бы то ни стало, отдѣлаться отъ меня; я на колѣняхъ умоляю ее не покидать меня, но она съ презрѣніемъ отвергаетъ всѣ мои предложенія и радостно спѣшитъ возвратиться въ свою прежнюю жизнь, поляю лишений, съ единственной цѣлью—отомстить мнѣ!.. Красавица моя! такого блистательнаго удовлетворенія въ присутствіи женщины, уши которой жадно сторожили каждое твое слово, не дастъ ни одинъ мужъ своей женѣ, даже если-бы онъ ее любилъ.

Румяныя щеки Ліаны страшно поблѣднѣли отъ негодованія; она чувствовала себя глубоко оскорбленной. Послѣднихъ словъ мужа она даже не разслышала; ее возмутило выраженіе „отомстить мнѣ“.

— Майнау, прошу тебя не употреблять такихъ несправедливыхъ и обидныхъ выраженій, произнесла она.— Мстить! я никогда не знала этого чувства, и до сихъ поръ не понимаю, въ какой степени оно можетъ потрясти душу человѣка, но думаю, что мести должна предшествовать страсть, мое-же пребываніе въ Шенвертѣ не могло пробудить во мнѣ никакого рода страсти... Гофмаршалъ часто меня огорчалъ; но я уже давно тебѣ объявила, что смотрю на него, какъ на больного, и отношусь на-сколько возможно хладнокровно къ его нападкамъ. Что-жъ касается тебя, то могу-ли я желать мстить тебѣ за оскорбленія, которыя, въ сущности, ты наносилъ мнѣ неумышленно и которыя поэтому я

въ такомъ смыслѣ и принимаю. Мы не можемъ очень сильно огорчить другъ друга...

— Берегись, Юліана! въ настоящую минуту каждое твое слово есть преднамѣренный ударъ ножомъ... ты хорошо знаешь, что ты раздражена теперь.

— Рѣшительно отвергаю это, возразила спокойно Ліана: — я оскорблена, упала духомъ, но не раздражена; а упала я духомъ оттого, что моя дѣятельность въ твоемъ домѣ кажется мнѣ переливаніемъ воды изъ сита въ рѣшето; даже въ вопросѣ о воспитаніи Лео меня преслѣдуетъ то-же убѣжденіе... слишкомъ много мнѣ дѣлаютъ препятствій съ той стороны. Вотъ по этому-то поводу я и начала писать письмо къ Ульриху.

— А! прекрасный случай для полученія нужныхъ мнѣ свѣденій! воскликнулъ онъ, быстро подходя къ столу.

— Ты этого не сдѣлаешь, Майнау! сказала Ліана строго. Губы ея дрожали; она, въ видѣ протеста, положила свою руку на руку мужа, которую онъ протянулъ къ письму.

— Напротивъ, непременно сдѣлаю! возразилъ онъ, сильнымъ движеніемъ отбрасывая руку Ліаны. — Я имѣю неоспоримое право читать письма моей жены, когда онѣ попадутся мнѣ на глаза... Посмотри-ка въ зеркало, Юліана! такія блѣдныя губы бывають только у людей съ нечистой совѣстью. Я тебѣ прочитаю вслухъ письмо.

Онъ подошелъ къ окну и началъ читать съ иронической интонаціей:

„Черезъ четырнадцать дней, не позже, я возвращаюсь въ Рудендорфъ — и навсегда, Ульриха!.. Этотъ крикъ освобожденія выходитъ такъ холоденъ, ничтоженъ на бумагѣ; онъ не въ состояніи дать тебѣ понятія, до какой степени у меня стало ясно на душѣ съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что буду опять жить съ тобой и Магнусомъ. — (Блѣдный Шенвертъ! насмѣшливо вставилъ Майнау.) — Не думай, пожалуйста, что разрывъ произошелъ насильственнымъ образомъ: онъ естественное послѣдствіе соглашенія двухъ людей, которые во всю жизнь не сойдутся между собой, потому что одинъ изъ нихъ боится суда свѣта, а другая съ трепетомъ ограждаетъ домашній миръ отъ каждаго гнѣвнаго слова. Разрывъ совершается тихо, не слышно; жадный до скандаловъ свѣтъ, вѣроятно, останется этимъ недоволенъ. Въ одинъ прекрасный день

баронесса Майнау исчезнетъ изъ замка Шенверта, исчезнетъ безслѣдно изъ роскошныхъ комнатъ, гдѣ она изображала короткое время тѣнь хозяйки; она исчезнетъ изъ памяти прислуги, которая съ первой минуты поняла ея невыносимое положеніе, предвидѣла разведенную жену въ только-что поступившей въ домъ госпожѣ и пожалѣла ее. А что-жь твоя Ліана? Ее не съ корнемъ вырвали изъ родной почвы; послѣ краткаго перерыва она снова разцвѣтетъ подъ отраднымъ свѣтомъ вашихъ глазъ. Не правда-ли, Ульрика? Ты знаешь, что я называла жестокостью срѣзать растеніе и опустить его свѣжую рану въ ледяную воду; теперь я испытываю на себѣ такое-же ощущеніе: я понимаю, какъ это больно. Я оставляю увидшими въ Шенвертѣ нѣсколько дерзкихъ побѣговъ и отпрысковъ моей души, а именно: слишкомъ смѣлое довѣріе къ своимъ моральнымъ силамъ и неблагоразумный вызовъ на бой оружающихъ меня людей, въ которыхъ нѣтъ и атома сочувствія къ моему образу мыслей и къ моимъ воззрѣніямъ. Этотъ урокъ принесетъ мнѣ пользу. Суди сама: когда онъ говорилъ на терасѣ мамѣ: любви я ей не могу дать, но я па-столько добросовѣстенъ, что никогда не захочу пробудить въ ея сердцѣ этого чувства, — мнѣ слѣдовало сойти внизъ и спокойно положить обручальное кольцо въ его руку, не потому, что онъ отказывалъ мнѣ въ любви, — на нее я не имѣла права, такъ-какъ сама не приносила ему взамѣнъ никакого чувства, — а потому, что его послѣднія слова обличали безграничное тщеславіе...“

Майнау побагровѣлъ; крѣпко закусивъ нижнюю губу, онъ прервалъ чтеніе и кинулъ изъ-за бумаги гнѣвный, но не совсѣмъ увѣренный взглядъ на жену.

Ліана-же, съ той минуты, какъ ея мужъ упомянулъ о нечистой совѣсти, спокойно скрестила руки на груди и стояла все время гордая, неподвижная, точно выросшая на нѣсколько вершковъ. Тонкая, съ высокимъ подъемомъ нога ея высунулась изъ-подъ платья и твердо уперлась въ пушистый голубой коверъ. Поза эта не совсѣмъ гармонировала съ ея тонкимъ, граціознымъ станомъ; за то ея темно-золотистыя рѣсницы были скромно опущены; она, сама того не желая, высказывала въ лицо мужу горькую истину; онъ долженъ былъ испытывать стыдъ, и она красѣла за него.

Майнау близко подошелъ къ молодой женщинѣ.

— Ты не ошиблась въ своемъ сужденіи, прозпесъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ. — Я вполне сознаю мой важнѣйшій недостатокъ, и краснѣю при мысли, что такой рѣзкій критикъ, какъ ты, поймала своимъ чуткимъ ухомъ пошлую фразу, сказанную мной. Однако, строгій судья, я и тебѣ сдѣлаю упрекъ: я оказался тщеславнымъ, а ты — фальшивой, потому что, презирая меня, ты смолчала и пошла за мной.

— Прочти дальше нѣсколько строкъ, перебила его Ліана, не поднимая глазъ.

Майнау вернулся опять къ окну.

„Я знала, что послѣ высказанныхъ имъ словъ я во вѣки вѣковъ не буду стараться пробуждать въ себѣ даже искры симпатіи къ нему — (Майнау прочиталъ это больше про себя), — а между тѣмъ я послѣдовала за нимъ и вторично, передъ алтаремъ, запятнала святое слово *да*; черезъ это я сдѣлалась соучастницей страшнаго преступленія... я не заслуживаю пощады, я не малолѣтняя.“

Ліана бросилась, въ эту минуту, къ Майнау, стараясь вырвать у него письмо; но онъ удержалъ ее лѣвой рукой и, прислонивъ голову къ окну, читалъ далѣе:

„Ульрика, Майнау красавецъ собой; природа богато одарила его тѣмъ блестящимъ, ослѣпительнымъ умомъ, который, въ соединеніи съ его неподражаемой небрежностью, похожей на равнодушіе, можетъ легко очаровать женское сердце; но какъ жалко меркнетъ этотъ обаятельный свѣтскій человѣкъ, когда его поставишь рядомъ съ нашимъ скромнымъ рудисдорфскимъ мыслителемъ, съ нашимъ Магнусомъ, въ слабомъ, некрасивомъ тѣлѣ котораго живетъ неутомимо работающій умъ. Знаешь-ли, что въ одной этой фразѣ таятся корень всѣхъ дурачествъ, приписываемыхъ Майнау, — и исторія его дуэлей, и любовныя похождения, и даже научныя путешествія, во время которыхъ онъ является то тамъ, то сямъ, какъ сказочный принцъ, схватывая всюду только то, что бросается въ глаза. Никто лучше его не сознаетъ своихъ недостатковъ, а между тѣмъ онъ не хочетъ ни отъ одного изъ нихъ исправиться, потому что поверхностно-развитый аристократическій высшій кругъ считаетъ ихъ не болѣе, какъ шалостями, свойствами свѣтскому человѣку, и полагаетъ имъ, какъ оригинальнымъ выходкамъ. Относись онъ строже и серьезнѣе къ самому себѣ и не будь испорченъ угодливостью женщинъ двусмыслен-

наго поведенія, опъ могъ-бы сдѣлаться совсѣмъ другимъ человекомъ; по...“

На этотъ мѣстѣ перо выпало изъ рукъ Ліаны.

— Ты правду сказала, Юліана, ты не раздражена, произнесъ Майнау, кидая письмо на столъ съ ироническимъ и вмѣстѣ хриплымъ смѣхомъ. — Человѣкъ раздраженный не можетъ такъ объективно-безстрастно произносить своей судъ; ты разобрала меня по вточкѣ, какъ натуралистъ разбираетъ съ помощью лупы по частямъ несчастную бабочку, насадивъ ее на булавку. Ты совершенно права, если при такомъ взглядѣ на мой характеръ желаешь отвязаться отъ меня. Послѣ того, что случилось сегодня, это тебѣ нетрудно будетъ сдѣлать. Даже неутомимая римская церковь признаетъ существующій фактъ достаточнымъ поводомъ для развода... я вѣдь тебя ударилъ...

— Майнау! воскликнула Ліана. Топъ, которымъ мужъ произнесъ свои послѣднія слова, пропизалъ ей душу.

Онъ всталъ и, не взглянувъ на молодую женщину, прошелъ въ слѣдующую комнату; тамъ опъ принялся ходить взадъ и впередъ и, наконецъ, подоидя къ балконной двери, началъ мрачно всматриваться въ паркъ, одѣтый вечернимъ сумракомъ. Какъ засмѣялся-бы изподтишка Рюдигеръ, если-бы ему удалось заглянуть теперь хоть на мгновение въ комнаты Ліаны! Она стояла въ голубомъ бударѣ, среди роскошныхъ азалій, сплошь покрытыхъ вѣжными цвѣтами; воспѣтые германскими пѣвцами и осмѣянные людьми, ея красные волосы струились золотистымъ потокомъ среди зелени и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, цвѣтовъ, между тѣмъ какъ свѣтлоголубые глаза, насмѣшливо прозванные глазами „à la Cavallière“, смотрѣли вдаль съ выраженіемъ какой-то желѣзной рѣшимости. А что жъ Майнау? Давно-ли опъ предсказывалъ, что письма Ліаны будутъ „сухими упражненіями въ стилистикѣ ученой пансіонерки, съ хозяйственными отчетами вмѣсто предисловія“, и вотъ онъ сейчасъ только-что прочиталъ одно изъ ея писемъ. Мозгъ его кипитъ отъ раздраженія, налицы его вервно и бессознательно барабаютъ по стеклу, — все это далеко противорѣчитъ выраженному имъ когда-то мнѣнію, что письма жены не будутъ награждать его *бессонными* ночами.

ГЛАВА XVII.

Въ комнатахъ Ліаны, послѣ ея тревожнаго восклицанія, вдругъ все смолкло. Только въ птичникѣ, стоявшемъ въ сосѣдней гостиной, перепархивали изрѣдка птички, собираясь уткнуться носомъ подъ крылышко и заснуть на всю ночь, да на дворѣ, по мозаиковому полу длинной колонады передъ домою, звучали иногда торопливые шаги бѣгущаго мимо лакея; въ голубомъ-же будуарѣ, блестящая, атласная драпировка котораго бросала изъ-за портьера какой-то матовый свѣтъ въ темную гостиную, не слышалось ни малѣйшаго звука. Ужь не ушла-ли Ліана изъ комнаты? При этой мысли Майнау, находившійся еще подъ вліяніемъ задѣятаго самолюбія, вздрогнулъ. Не ждалъ-ли онъ, что Ліана придетъ къ нему, потому что его голосъ, какъ онъ это самъ съ удивленіемъ замѣтилъ, взволновалъ и тронулъ ее, какъ трогалъ обыкновенно всѣхъ женщинъ? Не думалъ-ли онъ, что въ этой непоколебимотвердой натурѣ таится, невѣдомо для нея самой, та струнка слабой женщины, которая отзывается на соблазнительныя рѣчи мужчины и тянетъ ее, такъ-сказать, къ ногамъ его?

Быстро, но беззвучно ступая по мягкому ковру, покрывавшему весь полъ гостиной, Майнау подошелъ къ портьеру будуара и раздвинулъ ее. Ліана была тутъ. Опершись своей здоровой рукой о косякъ окна, она стояла профилемъ къ двери; ея пунцовыя, немного отдувшіяся губы были слегка раскрыты; услыхавъ шорохъ, она медленно повернула голову, и большіе глаза ея остановились на мужѣ съ серьезно-спокойнымъ выраженіемъ. Борьбы въ ней никакой не происходило; она давно порѣшила вопросъ о своей судьбѣ.

— Лео отравить мнѣ жизнь, если онъ попадетъ въ прежнія руки, заговорилъ Майнау, холодно взглянувъ на Ліану.

Молодая женщина глубоко вздохнула; глаза ея наполнились слезами.

— Тебѣ недолго придется возиться съ нимъ... ты скоро уѣдешь, отвѣчала она чуть слышно, не поднимая глазъ.

— Конечно, уѣду, и на этотъ разъ заучу напропалую. Кто меня за это осудитъ? Сзади меня—ледяное царство гордой добродѣтели и холоднаго разсудка, передо мною—цѣлый міръ на-

слаждёнй. Тамъ я могу жить, какъ веселй сказочный принцъ; здѣсь-же я только мужъ, на котораго смотреть свысока, съ видимымъ пренебреженіемъ!..

Онъ направился къ выходной двери.

— Тебѣ нечего больше мнѣ сказать, Юліана? спросилъ онъ, смотря на нее въ пол-оборота, черезъ плечо.

Она отрицательно покачала головой и крѣпко прижала обѣ руки къ сердцу, какъ-бы желая успокоить его страшное волненіе.

— Мы сегодня въ *последній* разъ глазъ-на-глазъ, произнесъ Майнау, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ Ліаны.

Она вдругъ быстро подошла къ нему.

— Я тебѣ невольно высказала много горькаго въ глаза... и я жалѣю объ этомъ, Майнау; тѣмъ не менѣе, я еще не кончила... Ты самъ вызвалъ меня на откровенность: хочешь-ли меня выслушать?..

— Пожалуй, отвѣчалъ Майнау, положи руку на замокъ двери и не двигаясь съ мѣста.

— Я нѣсколько разъ отъ тебя слышала, что въ слѣдующіе полгода тебѣ нечего дѣлать дома... Майнау, неужели отецъ, каково-бы ни было положеніе его въ свѣтѣ, можетъ считать себя въ правѣ сказать, что ему нечего дѣлать дома, когда у него есть сынъ, требующій воспитанія?.. Далѣе: въ чьихъ рукахъ ты оставляешь своего единственнаго ребенка? Ты самъ съ неуваженіемъ отзываешься о тѣхъ воспитательныхъ системахъ, которыя католицизмъ особенно поддерживаетъ въ последнее время. Этой системѣ, вмѣстѣ съ грубыми суевѣріями, ревностно придерживаются придворный духовникъ и твой дядя. И такимъ-то людямъ ты хочешь довѣрить умственное развитіе твоего мальчика! мало того, ты молчишь, когда при тебѣ высказываютъ мнѣнія, противныя твоимъ убѣжденіямъ.

— А-а! ты казнишь меня за то, что я, во время скучнаго диспута твоего съ патеромъ, не поддержалъ тебя! Ба! да кому придетъ охота терять слова для опроверженія безсмыслицы?.. вздоръ всегда останется вздоромъ... Лео, по духу, настоящій мой сынъ; сдѣлавшись самостоятельнымъ человекомъ, онъ, конечно, самъ съумѣетъ сбросить съ себя ненужный баластъ.

— Такъ думаютъ многіе для своего спокойствія, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать; вотъ чѣмъ и объясняется ограниченность ума

современнаго человѣчества. Развѣ ты заранѣе можешь быть увѣренъ, что Лео такъ-же легко выдержитъ внутреннее колебаніе, какъ и ты? Я, по крайней мѣрѣ, по опыту знаю, что первыя религіозныя сомнѣнія и первая борьба убѣжденій оставляютъ въ человѣческой душѣ глубокія раны; зачѣмъ вызывать ихъ несвоевременно и чрезъ то потрясать религіозныя убѣжденія?.. Какъ-бы тщательно мы ни сторожили и ни изучали душу ребенка, она все-таки останется для насъ тайной, точно такъ-же, какъ, смотря на распуколку цвѣтка, мы не можемъ предрѣшить, что разовьется изъ него: роскошная чашечка или уродливые листики. Я тебѣ говорю это тоже по опыту, вынесенному мною изъ краткаго пребыванія моего здѣсь съ Лео, надъ натурой котораго я неуспыно наблюдаю. Умоляю тебя, не оставляй его на рукахъ придворнаго духовника.

Майнау молчалъ, но пальцы его выпустили дверную ручку.

— Хорошо, сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія,— я уважу эту просьбу, какъ твою послѣднюю волю передъ нашимъ разводомъ. Ты довольна?

— Благодарю тебя! воскликнула съ жаромъ Ліана и протянула ему лѣвую руку.

— Не нужно мнѣ пожатія твоей руки! Мы ужъ перестали быть добрыми товарищами, сказалъ баронъ, отворачиваясь отъ жены.—Однако, прибавилъ онъ съ невыразимой ироніей въ голосѣ и вмѣстѣ съ шутливой улыбкой на губахъ,—тебя нельзя назвать очень благодарной: твой добрый другъ, придворный проповѣдникъ, ломаетъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ копыа за тебя, а ты противъ него интригуешь...

— Онъ самъ очень хорошо знаетъ, что я не требую отъ него этихъ рыцарскихъ услугъ, отвѣчала хладнокровно Ліана.—Онъ съ перваго-же вечера моего пріѣзда сюда старался со мной сблизиться; но я не расположена допускать его обращать меня на путь истинный кривыми, тайными путями.

— Обращать на путь истинный? расхохотался Майнау.—Посмотри на меня, Юліана—(онъ схватилъ ее за лѣвую руку и крѣпко сжалъ ее.)—Ты не пошутила? Обратитъ тебя въ католицизмъ?.. Говори правду. Этотъ удивительно добродѣтельный человѣкъ старался обидти тебя своимъ мелодическимъ голосомъ

проповѣдника? Отвѣчай по чести, Юліана; если онъ осмѣлился это сдѣлать, если только его дыханье коснулось тебя...

— Что на тебя напало? гнѣвно спросила Ліана, вырывая свою руку изъ руки мужа.— Не понимаю! Мнѣ въ голову никогда не пришло-бы скрывать отъ тебя то, о чемъ ты имѣешь основаніе спрашивать. Слушай-же: онъ сказалъ мнѣ, что Шенвертъ опасное мѣсто для женщины—изъ Индіи-ли она или изъ германскаго графскаго дома; онъ вообще старался подготовить меня къ неизбежнымъ непріятностямъ.

— Великолѣпно придумано... Надо отдать ему справедливость—умный человѣкъ! Онъ съ перваго взгляда смекаетъ то, о чемъ мы догадаемся тогда только, когда безвозвратно потеряемъ дѣло... Вотъ что я тебѣ скажу, Юліана... Валерія была для него образцовой духовной дочерью; теперь достопочтенный іезуитъ желаетъ, чтобы и новая хозяйка шенвертскаго замка вошла въ ту-же колею и старалась-бы водворить въ домѣ религіозный миръ... такъ, что-ли, онъ выразился?

— Да, такъ, кажется, или, по крайней мѣрѣ, почти такъ, отвѣчала Ліана, поднявъ на мужа свои честные, большіе глаза.— Вотъ почему я съ такой твердостью и отстраняю его отъ всякаго вмѣшательства въ наши дѣла.

— Да будетъ неизмѣнна твоя твердая воля! Надѣюсь, что она такой и останется. О, Юліана! Зачѣмъ я такъ близко познакомился съ общественной грязью; не будь этого, я вѣрилъ-бы безусловно твоему чистому лицу.—(Майнау посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и вдругъ опять расхохотался.)—Да, да! воскрикнулъ онъ:—эта головка съ золотистыми волнами волосъ была-бы очень красива въ сонѣ дочерей католицизма! Вѣрю отъ души, что благочестивому обратителю на путь истинный хотѣлось завербовать тебя. Однако, мнѣ не мѣшаетъ принять энергическія мѣры противъ задуманнаго обращенія...

— Къ чему все это? возразила Ліана:—ты уѣзжаешь, а я...

— Нельзя-ли не повторять одного и того-же? сердито крикнулъ Майнау и топнулъ ногой.—Сдѣлай милость, позволь мнѣ самому рѣшить вопросъ, когда я поѣду, и вообще, поѣду-ли еще путешествовать.

Ліана замолчала. Какъ легко могъ увлекаться этотъ человѣкъ съ своимъ неукротимымъ темпераментомъ! Не онъ-ли самъ, до се-

годняшняго дня, съ восторгомъ и безъ умолку толковалъ о предстоящей поѣздѣ?

— Сознайся, Юліана: готовя тебя къ предстоящимъ неприятностямъ въ нашемъ домѣ, милый, благочестивый, но нескромный патеръ, вѣрно, не пощадилъ и моей частной жизни? произнесъ небрежно Майнау, снимая статуэтку изъ слоновой кости съ консоли на стѣнѣ и внимательно ее разсматривая.

— Много нужно спокойствія, чтобы хладнокровно выслушивать то, что ты мнѣ говоришь, отвѣчала Ліана, задѣтая за живое. — Надѣюсь, что па-столько я имѣю понятія о долгѣ, чтобы не допустить кого-бы то ни было черпнуть тебя въ моихъ глазахъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы постороннее сужденіе и сходилосъ съ моимъ взглядомъ на твой счетъ. Надо очень презирать женщину, чтобы осмѣлиться говорить ей въ лицо дурное про ея мужа.

— Если отшедшія души сохраняютъ чувство стыда, то я желалъ-бы посмотрѣть въ эту минуту на лицо Валеріи! воскликнулъ Майнау, чуть не бросая костью Ариадну назадъ на ея мѣсто. — Слѣдовательно, твое неблагоклонное мнѣніе обо мнѣ основано только на твоёмъ личномъ наблюденіи?

Ліана молча отвернулась.

— Что-о? Значить, нашлись-таки люди, которые при тебѣ говорили обо мнѣ дурно... Дядя, вѣрно?

Майнау съ трудомъ разыгрывалъ теперь роль равнодушнаго человѣка.

— Да, Майнау. Онъ недавно жаловался духовнику, что твои вѣчныя путешествія очень его тревожатъ насчетъ Лео. Ты странствуешь по свѣту ради развлеченія отъ скуки, между тѣмъ какъ дома у тебя достало-бы занятій на нѣсколько лѣтъ. Положимъ, что твои имѣнія настоящее золотое дно, но вѣдь они разорятся постепенно и тобой, и нечестными управляющими. Гофмаршалъ находитъ, что неурядица въ твоихъ дѣлахъ превосходитъ всякую мѣру и что у него волосъ поднялся-бы дыбомъ, если-бы онъ заглянулъ за завѣсу, прикрывающую эту ступаницу.

Майнау, блѣдный, какъ полотно, стоялъ, отвернувшись отъ жены, и пристально смотрѣлъ въ окно. Ліана говорила робко, сознавая, что она въ сущности не имѣетъ права вмѣшиваться въ семейныя дѣла, особенно теперь, когда она на половину уже разведенная жена; но вопросъ касался будущности Лео, а потому

она должна была употребить всѣ силы, чтобы отстоять интересы мальчика, тѣмъ болѣе, что ей оставалось быть наединѣ съ мужемъ только нѣсколько минутъ.

— Гмъ! развѣ ты не знаешь, что дядя страдаетъ болѣзненнымъ страхомъ, какъ-бы не уменьшились доходы рода Майнау? Его скопидомство дѣлается, наконецъ, невыносимо. Старикъ страшно все преувеличиваетъ, говорилъ Майнау, продолжая стоять сляпой къ Ліанѣ.—Увѣрю тебя, что мнѣ стоитъ только признаться нѣсколько недѣль, воровство прекратится и хозяйство пойдетъ, какъ по маслу. Ну, а потомъ что-же я буду дѣлать? Не ходить-ли мнѣ для развлечения самому за плугомъ? Или, можетъ быть, не имѣя ни на волосъ слуху, предложить себя въ директоры придворнаго театра? Или, наконецъ, похлопотать о мѣстѣ министра, когда откроется ваканція? Я въ Берлинѣ и Боннѣ нахватался кое-какихъ свѣденій по части юриспруденціи, сверхъ того, сдѣлалъ два похода, происхожденія я хорошаго—чего-жь мнѣ добиваться?—Научи меня теперь, мой мудрый сфинксъ, какъ мнѣ проводить время въ Шенвертѣ, когда меня покинетъ и вторая моя жена?..

— Въ тебѣ никогда не пробуждалось желаніе писать?

Майнау обернулся и молча посмотрѣлъ на Ліану.

— Что-жь, ты изъ меня писателя, что-ли, хочешь сдѣлать? спросилъ онъ съ недовѣрчивой улыбкой.

— Если ты раздѣляешь воззрѣнія мама и гофмаршала, то, конечно, не рѣшишься принять мой совѣтъ въ смыслѣ „печататься“. отвѣчала Ліана съ шутливымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.— Ты умѣешь занимательно и плавно рассказывать; я убѣждена, что у тебя превосходный слогъ и что ты гораздо эффектнѣе могъ-бы выразить свои мысли на письмѣ, чѣмъ въ разговорѣ.

Странное дѣло! этотъ тщеславный человѣкъ, испорченный распущенными правами полусвѣта и общей лестью, опустилъ скромно глаза и вспыхнулъ, какъ дѣвушка, отъ умѣренной похвалы своей серьезной молодой жены.

— Иногда за чаемъ я готова была-бы записывать нѣкоторые твои рассказы, заключила Ліана.

— А-а! такъ, значитъ, строгая критика, предательски скрытая, сидѣла рядомъ со мной, въ то время, когда я не разъ порывался спросить, сколько стежковъ нужно сдѣлать, чтобы вышить листокъ

вѣтка на неизбѣжномъ коврѣ?.. Юліана, съ твоей стороны было благородно заставлять меня играть такую дурацкую роль... Ни слова! воскликнулъ онъ, видя, что Ліана гордо закинула голову и собирается рѣзко ему возразить.—Я за дѣло наказанъ... Я долженъ тебѣ признаться, продолжалъ онъ въ смущеніи,—что у меня чесались пальцы написать, напримѣръ, хоть мои путевныя впечатлѣнія; но мой первый робкій опытъ, въ формѣ письма, посланный изъ Лондона на родину, потерпѣлъ такое торжественное фіаско, что я сконфузился и на вѣки отказался отъ сочинительства. Дядя пришелъ въ негодованіе отъ моей безконечной болтовни и безтактныхъ, нескромныхъ сообщений о различныхъ дворахъ, при которыхъ я былъ такъ незаслуженно-милостиво принятъ, и строго запретилъ мнѣ продолжать переписку въ этомъ родѣ, такъ-какъ подобное письмо могло попасться не въ тѣ руки, куда слѣдовало, и скомпрометировать его и меня. У Валеріи-же, по возвращеніи моемъ домой, я нашель ключекъ одного изъ этихъ „сучныхъ посланій“, какъ она сама, смѣясь, выразилась, обернутый вокругъ пробки флакона...

Въ эту минуту въ будуаръ, какъ буря, влетѣлъ Лео, съ радостнымъ извѣстіемъ, что докторъ сидитъ у дѣдушки, а что ему позволили идти къ мамѣ. Мальчуганъ вытаращилъ глаза на отца, удивясь, что встрѣтилъ его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде никогда не видалъ.

— Э! папа, да что ты тутъ дѣлаешь въ будуарѣ? спросилъ онъ съ явнымъ чувствомъ ревности единственного до сихъ поръ властелина въ комнатахъ мамы.

Майнау немного покраснѣлъ и, взявъ Лео за плечи, ласково подвинулъ его къ женѣ.

— Пойди, мой мальчикъ, охвати покрѣпче ручками шею мамы... ты видишь, я не смѣю на шагъ подвинуться къ ней ближе... она не позволяетъ... попроси, чтобы она терпѣливо переносила твое и мое присутствіе, пока мы не разстанемся.

— Ахъ, папа! я тоже поѣду съ нею! воскликнулъ Лео, охвативъ рученками ноги Ліаны. — Мама вчера, когда укладывала меня спать, обѣщала, что она возьметъ меня къ дядѣ Магнусу и тетѣ Ульрихъ, когда поѣдетъ сама въ Рудисдорфъ.

— Какъ! ты откуда узналъ, что мама поѣдетъ въ Рудисдорфъ? спросилъ съ удивленіемъ Майнау.

— Господицъ духовникъ и мама наслѣднаго принца говорили объ этомъ въ охотничьемъ домицѣ... по секрету... а мы подслушали—принцъ и я. Мама, ты возьмешь меня съ собой?

— Попроси хорошенько папу, чтобы онъ позволилъ тебѣ прѣзжать иногда ко мнѣ въ гости, отвѣчала Ліана, опустивъ глаза и разглаживая своими прекрасными, тонкими пальцами кудрявую головку ребенка.

— А вотъ увидимъ, произнесъ сухо Майнау.—Посмотри, Ліана, что твое послѣобѣденное неподражаемое заявленіе облетитъ съ быстротой электрической искры весь край, и что завтра всѣ воробы на крышахъ нашей милой резиденціи начнутъ рассказывать другъ другу, что святѣйшій отецъ въ Римѣ изо всѣхъ силъ хлопочетъ, какъ-бы обойдти желѣзныи законъ и разлучить двухъ людей, которые никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ. Гмъ! само собой разумѣется, что ты не удалишься отсюда до моего отъѣзда.

— Въ этомъ случаѣ я совершенно подчиняюсь твоимъ приказаніямъ. Если хочешь, я покину Шенвертъ черезъ день послѣ твоего отъѣзда.

Майнау слегка кивнулъ головой, быстро подошелъ къ столу, схватилъ письмо къ Ульрику, сложилъ его вдвое и засунулъ въ боковой карманъ.

— Я еще имѣю право конфискаціи, сказалъ онъ.—Письмо принадлежитъ мнѣ.

Онъ отвѣсилъ изумленной Ліанѣ иронически-почтительный торжественный поклонъ, точно владѣтельной особѣ послѣ аудіенціи, и вышелъ изъ комнаты... Лео вдругъ зарыдалъ истерически. Мальчикъ почувствовалъ, что онъ долженъ лишиться своего ангела-хранителя.

ГЛАВА XVIII.

Въ шенвертской кухнѣ, этотъ пунктъ свиданія прислуги замка, разнесся слухъ, что баронесса, въ отсутствіе молодого барона, поѣдетъ „гостить“ въ Рудисдорфъ, и слухъ этотъ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія. Лакеи увѣряли, что они предвидѣли этотъ отъѣздъ еще съ той минуты, когда баронъ, при выходѣ изъ кареты, въ первый день прѣзда невѣсты, колебался—дотронуться ему до ея руки или нѣтъ, и кончилось тѣмъ, что невѣ-

ста принуждена была сама выйти из экипажа. Главная горничная, вынимавшая во время этих толков утюг из-под плиты, развязно замѣтила, что она очень довольна отъездом баронессы, потому что для нея особенной чести нѣтъ служить дамѣ, которую супругъ въ грошъ не ставитъ и которая постоянно носить только простыя „кисейныя платица“. Судомойка, обладавшая красными, какъ огонь, косами, тяжело вздохнула, перетирая тарелки, и прибавила, что баронъ, вѣроятно, не глядя выбиралъ себѣ вторую жену, потому что онъ искони вѣковъ слылъ заклятымъ врагомъ блондинокъ; не даромъ-же все портреты дамъ, что висятъ у него въ кабинетѣ, или съ темнорусыми, или съ черными локонами... вотъ и первая его жена была брюнетка.

Въ высшихъ сферахъ замка водворилось праздничное настроеніе. Паркетъ отдыхалъ отъ ударовъ костыля стараго гофмаршала, Лео получилъ въ подарокъ цѣлую конюшню великолѣпно выѣзженныхъ лошадей, камердинера наградили фракомъ, почти совсѣмъ еще неношеннымъ, наконецъ, обычныя прозвища: „дурацкая голова“, „болванъ“, сыпавшіяся ежеминутно на камердинера, замѣнились на нѣсколько дней названіями: „любезный другъ“ и „мой добрый старикъ“. И все это совершилось потому только, что баронесса, дѣйствительно, „сломила себѣ шею“.

Съ своимъ племянникомъ гофмаршалъ объ этомъ обстоятельствѣ ничего не говорилъ, — не было никакой надобности. Майнау ввель въ домъ протестантку, нищую, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на упреки, мольбы и убѣжденія дяди. Теперь оправдывались на дѣлѣ все предсказанныя гофмаршalomъ послѣдствія этого неблагоразумнаго, рискованнаго шага; конечно, баронъ, благодаря своему невѣроятному счастью, отдѣлался отъ происшедшаго скандала только легкой неприятностью, но, во всякомъ случаѣ, это было унижительно...

Въ домѣ все шло гладко и прилично. Ліана продолжала играть роль хозяйки; по вечерамъ она разливала чай и давала уроки Лео, точно у нихъ въ семьѣ ничего особеннаго не произошло; одного только она тщательно избѣгала — оставаться глазъ-на-глазъ съ гофмаршalomъ; старикъ подмѣтилъ это; онъ разразился адскимъ хохотомъ прямо ей въ лицо, когда однажды она, подавая ему чашку, нечаянно дотронулась до его руки и отскочила назадъ, какъ ужаленная ядовитой змѣей. Злой старикъ рѣзко за-

шѣтилъ ей, что скоро настанетъ минута, когда она сдѣлается положительно „невозможной“.

Отъѣздъ молодого барона отсрочился самымъ неожиданнымъ образомъ; навѣстивъ другое свое помѣстье, Волькерсгаузенъ, онъ нечаянно заглянулъ въ приходо-расходныя книги и нашелъ въ нихъ невообразимый беспорядокъ.

— Не могу-же я оставлять подобныя неисправности, когда собираюсь въ долгое путешествіе, говорилъ Майнау гофмаршалу, который отъ удивленія чуть не свалился съ кресла,—до того его поразили этотъ энергическій поворотъ отъ жотовства къ благоразумной экономіи.

Новые кожаные сундуки отнесли до поры до времени въ дальнюю кладовую для провѣтриванія, подъ тѣмъ предлогомъ, что они невыносимо дурно пахнутъ, а блестящій прощальный обѣдъ, который Майнау собирался дать всѣмъ членамъ своего клуба въ первомъ отелѣ резиденціи, былъ отложенъ на неопредѣленное время... Вообще, по наружности, все было соблюдено, чтобы заставить умолкнуть злые толки въ городѣ. Герцогиня сама помогала уничтоженію сплетенъ; никто лучше ея не зналъ, какъ обстояли дѣла въ Шенвертѣ, и потому она могла спокойно заявить свое желаніе, чтобы молодая баронесса до „поѣздки въ роднымъ“ представилась ко двору. Ліана не отказалась отъ этой чести; она приносила эту жертву „въ первый и въ послѣдній разъ“, и явилась во дворецъ на полчаса.

— Рыжая Трахенбергша вѣчно является въ одномъ и томъ-же голубомъ шелковомъ платьѣ! ядовито замѣтила про нее статс-дама.

Ящичекъ съ аметистовымъ аграфомъ и высушенными орхидеями не стоило уже отсылать домой; Ліана сама собиралась туда пріѣхать; картина-же, назначенная въ продажу, чтобы дополнить выручкой за нее сумму, нужную для путешествія на воды графини-матери, не попала въ руки Ліанѣ. Майнау конфисковалъ и ее, на томъ основаніи, что онъ не желалъ-бы напоминать публикѣ неприятную эпоху для дома Майнау, да еще посредствомъ произведенія кисти жены. Занятый реформами во всѣхъ своихъ имѣніяхъ, баронъ постоянно находился въ отлучкѣ; но онъ устраивалъ такъ, что ежедневно являлся по вечерамъ къ чаю домой и держалъ себя по-прежнему. Онъ очень много разговаривалъ съ

гофмаршаломъ и съ духовникомъ, повидимому, не замѣчая, что послѣдній почти не выѣзжаетъ изъ Шенверта. Патеръ разсказывалъ, что герцогиня дала ему, хотя очень неохотно, отпускъ, съ тѣмъ, чтобы онъ пожилъ нѣсколько недѣль въ замкѣ у Майнау и поправилъ свои разстроенные нервы, дыша прекраснымъ сельскимъ воздухомъ. Только разъ за чаемъ, когда духовникъ предложилъ мнѣніе, что уроки религіи удобнѣе давать Лео въ дѣтской, а не въ гостиной гофмаршала, потому будто-бы, что монотонное чтеніе мальчика раздражаетъ нервы стараго барона,—у Майнау подозрительно екнуло сердце, и онъ, стиснувъ зубы, замѣтилъ патеру такимъ голосомъ, точно судороги сжали ему горло, что жена его протестантка и заставляетъ ее слушать католическіе уроки неудобно.

Вдругъ оказалась крайняя необходимость для Майнау провести нѣсколько дней сряду въ Волькерсгаузенѣ. Онъ собрался въ путь послѣ обѣда; сверху изъ окна духовникъ вмѣстѣ съ дядей смотрѣли, какъ барону подвели осѣдланную лошадь, какъ онъ сѣлъ на нее и какъ баронесса, собиравшаяся въ садъ съ Лео, подошла къ нему для того, чтобы дать мальчику возможность еще разъ прстяться съ отцомъ. Майнау протянулъ сыну руку, а женѣ нѣтъ. Лицо его, на которое зорко были устремлены сверху четыре глаза, оставалось неподвижно; трепля свою лошадь по шеѣ, онъ вдругъ нагнулся впередъ и пристально посмотрѣлъ на Ліану.

— Надѣюсь, Юліана, что по возвращеніи своемъ я найду тебя по-прежнему доброй протестанткой, проговорилъ онъ чуть слышно.

Ліана сердито отвернулась отъ мужа, а онъ, кивнувъ дядѣ и патеру головой, далъ шпоры лошади и ускорилъ.

Каждое утро изъ Волькерсгаузена прѣвжалъ верховой, посланный съ запиской отъ Майнау, въ которой онъ преимущественно освѣдомлялся о здоровьѣ и поведеніи Лео. Гофмаршалъ громко хохоталъ надъ этимъ новымъ конькомъ капризнаго чудака, который иногда по пѣлымъ мѣсяцамъ не справлялся ни о женѣ, ни о сынѣ, и вдругъ началъ теперь разыгрывать роль нѣжной обезьяны. Обыкновенно старикъ собственноручно отвѣчалъ на вопросы Майнау, специально ни къ кому не адресованные; но разъ утромъ верховой, передавъ въ бель-этажѣ офиціальную записку, явился внизъ, въ комнаты баронессы и лично, вручилъ ей запечатанный пакетъ.

При вскрытіи пакета на кофѣнн Ліаны выпало нѣсколько мелко исписанныхъ листовъ бумаги и визитная карточка Майнау, на которой было отмѣчено рукой его, что онъ отсылаетъ на судъ женѣ начало рукописи, которую онъ пишетъ акуратно по вечерамъ, когда отдыхаетъ отъ тревогъ и заботъ, выпадающихъ на его долю каждый день.

Молодая женщина, вѣ себя отъ изумленія, робко, но съ радостнымъ чувствомъ, привела въ порядокъ упавшіе листки и нѣсколько минутъ въ нерѣшительности продержала ихъ въ рукѣ; эти новья, ея-же самой вызванныя отношенія къ мужу, съ которыми она только-что собиралась разстаться навсегда, смутили ее; ей казалось, что она ступила ногой на незнакомый ей грунтъ и не знаетъ, идти дальше или отступить. Наконецъ, она на-скоро отвѣтила Майнау, что послѣ его отъѣзда она, вмѣстѣ съ Лео, проводить все послѣобѣденное время въ домигъ лѣсничаго и что тамъ, въ лѣсной тишинѣ, она прочитаетъ его рукопись.

Она сама ему сказала, что подозрѣваетъ въ немъ присутствіе таланта писателя; со всѣмъ тѣмъ, когда она углубилась въ чтеніе его писемъ изъ Норвегіи, адресованныхъ: „Юліанъ“, у нея занялся духъ отъ пріятнаго изумленія. Судя по смѣлому, бойкому почерку, ясно было видно, что авторъ не задумывался ни на минуту надъ тѣмъ, что писалъ. Неудержимо, точно бурный потокъ, пронеслись теперь передъ глазами Ліаны описанія блестящихъ картинъ природы и самыхъ живыхъ впечатлѣній. Молодая женщина не думала уже о томъ, кто ихъ писалъ; своенравный свѣтскій герой, съ безпощадными сарказмами въ каждомъ словѣ и съ явнымъ фатовствомъ въ каждомъ движеніи, вдругъ переродился въ странника, одиноко стоящаго на вершинѣ исполинской дикой скалы и размышляющаго о человечествѣ. Куда дѣлась придворная изысканная щеголеватость красавца Майнау? Передъ Ліаной былъ теперь страстный охотникъ, отчаянно преслѣдующій медвѣдя по безконечнымъ свѣжымъ дебрямъ и по цѣлымъ недѣлямъ отдыхающій гдѣ-нибудь въ глуши, въ убогой хижинѣ поселеннаго, увлекался впечатлѣніями, которыя производили на него старинные скандинавскіе нравы мѣстныхъ жителей, сохранившихъ въ цѣлости всю чистоту обычаевъ предковъ, а главное, цѣломудріе своихъ женщинъ. Ліана, краснѣя, упрекала себя за сдѣ-

лавный мужу упрекъ, что онъ вездѣ и во всемъ поддѣчаетъ только то, что производить эффектъ.

Въ день получения рукописи, Ліана читала ее, сидя передъ домикомъ лѣсничаго, открытаго ею недавно въ лѣсу. На слѣдующій день, въ тотъ-же самый часъ, она пришла на старое мѣсто и драгоценныя листки опять лежали передъ нею.

Домъ лѣсничаго не былъ однимъ изъ тѣхъ современныхъ, съ красивой рѣзбой швейцарскихъ шалэ, какія обыкновенно богатые владѣльцы любятъ ставить на опушкахъ своихъ лѣсовъ. Напротивъ, это было старое строеніе съ покосившимися стѣнами и кривыми окнами, за которыми бѣлыя филейныя занавѣски „госпожи лѣсничихи“ выказывались въ видѣ узкой полоски, точно конфузась, что опѣ попали не на свое мѣсто. Ни кирпичъ, ни черепица не защищали стараго ветерана; взамѣнъ ихъ надъ нимъ топорщилась толстая, хорошо смазанная соломенная крыша, а надъ нею возвышалась огромная труба, позволявшая предполагать, что внизу, въ кухнѣ, ежедневно пекутъ и жарятъ на цѣлый полкъ солдатъ. Широкая, обнесенная низенькимъ частоколомъ дорога перерѣзывала палисадникъ и вела прямо къ дверямъ домика, которыя почти всегда были гостепрѣмно отперты и позволяли видѣть со двора посыпанный пескомъ полъ сѣней. Въ одномъ изъ угловъ палисадника стояла деревянная скамейка, оцѣненная высокимъ грушевымъ деревомъ. Густой хмѣль, перевѣсившись черезъ частоколъ, вился по стволу дерева.

Ліана сидѣла передъ столомъ, который лѣсничиха набрала пестрой салфеткой. Ею овладѣло такое чувство, какъ-будто она была забыта всемъ міромъ. Это доставляло ей отраду; ей никто не надоѣдалъ; лѣсничиха держала себя въ почтительномъ отдаленіи и занималась своимъ хозяйствомъ, мужъ ея бродилъ по лѣсу съ своими помощниками и собаками.

Ліана, въ свѣтломъ, простомъ лѣтнемъ платьѣ, могла легко сойдти за дочь лѣсничаго, — такъ мило и скромно сидѣла она подъ деревомъ. Жирная тигровая кошка лѣсничихи, безъ всякаго уваженія къ круглой соломенной шляпѣ, лежавшей подлѣ Ліаны, преспокойно растянулась на другой половинѣ скамейки. На столѣ блестялъ мѣдный кофейникъ, возлѣ него лежалъ большой круглый черпый хлѣбъ, тутъ-же находилась неизбѣжная масляница

съ свѣжимъ масломъ и крашеная жестяная корзинка съ желтыми, только-что сорванными съ дерева грушами.

Эта аппетитная обстановка была на минуту отодвинута въ сторону. Лео принесъ пучокъ запоздалаго земляничнаго цвѣта и трудился подь надзоромъ матери надъ укладкой этого растенія въ свой гербарій. Его кудрявая, темнорусая головка прижалась къ яркимъ, золотистымъ косамъ Ліаны; лица ихъ обояхъ дышали свѣжестью юности, на щекахъ ихъ игралъ румянецъ, усиленный здоровымъ лѣснымъ воздухомъ и полною, ничѣмъ не стѣсняемою свободою.

— А вотъ и папа! закричалъ вдругъ Лео, и, раскинувъ ручонки, бросился опрометью по направленію къ извилистой, узкой и темной тропинкѣ. Оттуда, дѣйствительно, показался Майнау. въ простомъ коричневомъ лѣтнемъ пальто, съ палкой въ рукѣ; онъ шелъ быстрыми шагами. Ліана встала и пошла къ нему на встрѣчу; Майнау между тѣмъ высоко подбросилъ мальчика и, поцѣловавъ его, поставилъ на землю.

— Ты изъ лѣсу, Майнау? и пѣшкомъ? спросила Ліана съ удивленіемъ.

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ до смерти надоѣлъ стукъ колесъ по большой дорогѣ... я ѣхалъ въ каретѣ и оставилъ ее у шоссейнаго дома.

— Да вѣдь отсюда сюда добрый часъ ходьбы!

Онъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— Чего не сдѣлаешь, когда такъ долго не видишь... своего мальчика. Изъ твоей послѣдней записки я узналъ, что въ Шенвертѣ въ этотъ часъ я никого не найду.—(Майнау подошелъ къ столу.)—Скажите, пожалуйста, какъ тутъ у нихъ все вкусно и соблазнительно! замѣтилъ опъ, садясь на скамейку.

Бошку опъ осторожно отодвинулъ на край, —она здѣсь пользовалась правами гражданства.

Ліана исчезла на минуту и вернулась изъ дома лѣсничаго съ горячей водой. Тотчасъ запылалъ огонь подь кофейникомъ, и кофейный ароматъ смѣшался съ лѣснымъ запахомъ.

Придвинувъ къ себѣ большой хлѣбъ, Ліана начала рѣзать его на ломти и намазывать масломъ такъ проворно и ловко, точно она была въ самомъ дѣлѣ дочерью лѣсничаго и весь свой вѣкъ только этихъ и занималась.

— Нѣтъ, мальчуганъ, это мѣсто принадлежитъ намъ, сказалъ Майнау, отталкивая довольно грубо Лео, который карабкался уже на скамейку и приглашая жестомъ руки Ліану, только-что налившую ему чашку кофе, сѣсть возлѣ него.

Она медлила. Кажется, мужъ могъ-бы прогнать кошку, такъ-какъ рядомъ съ нимъ оставалось слишкомъ мало мѣста для Ліаны, но онъ этого не сдѣлалъ. Въ эту минуту ее выручила лѣсничиха, которая принесла плетеный стулъ; Ліана тотчасъ-же посадила Лео на скамейку, а сама сѣла на стулъ. Майнау швырнулъ свою шляпу на траву и сталъ ерошить обѣими руками свои великолѣпные темные волосы; иррачная улыбка, съ которой онъ поклонился не встати услужливой лѣсничихѣ, вовсе не выражала благодарности.

— Ну, теперь я своими собственными глазами видѣла, что это за несчастное супружество, сказала лѣсничиха своей старой работницѣ, воротаясь въ домъ.—Посмотри на нихъ! И рядомъ-то даже не сѣли... а лицо-то онъ скорчилъ какое, точно эта милая, добрая барыня ему укусу вмѣсто кофе налила своими безподобными ручками... Видно, такой задорный чертенокъ, какъ покойница; его первая жена, больше ему по сердцу приходилась. Да, пойдѣ тутъ, разбирай мужчинъ!..

Тѣнь, набѣжавшая на лицо Майнау, вскорѣ исчезла. Онъ прислонился къ спинкѣ скамейки, такъ-что хвѣтъ касался его лба, и медленно обводилъ глазами качавшіяся верхушки деревъ, выдающійся уголъ дома и столъ, накрытый съ сельской простотой.

— Мнѣ кажется, что мы немного разгрызаемъ „Векфильдскаго священника“, сказалъ онъ улыбаясь. — До сихъ поръ я, право, не подозрѣвалъ, что намъ принадлежитъ такой поэтический уголокъ въ лѣсу. Лѣсничій очень желаетъ избавиться отъ соломенной крыши и бомбардируетъ меня просьбами, чтобы я велѣлъ ее снести... но теперь, конечно, она останется какъ есть. — (Майнау съ наслажденіемъ отхлебнулъ кофе изъ чашки.)—Встрѣтить такой волшебный столикъ среди лѣса, послѣ долгой ѣзды по пыльному шоссе и послѣ часовой ходьбы...

— Я знаю, какъ это отрадно, договорила за него Ліана.— Бывало, когда я съ Магнусомъ возвращалась домой послѣ гербаризаціи, усталая, голодная, не чувствуя подъ собою ногъ, съ

дрожащими отъ жара руками, и поворачивала въ длинную аллею подлѣ фонтана—тебѣ это мѣсто знакомо—то ужь издали видѣла за стеклянной галлереей внутренность нашей лѣтней гостиной, а тамъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, и кругомъ его милья, старья, безобразныя кресла, также тебѣ знакомыя. Лишь только Ульрика, сторожившая насъ, замѣчала, что мы подходимъ, у нея тотчасъ-же вспыхивалъ голубой огонь подъ чайникомъ. Вотъ такое-то возвращеніе домой пріятно, особенно когда убѣгаешь отъ близкой грозы, когда первыя капли дождя брызнули уже тебѣ въ лицо; ты летишь опрометью подъ родную крышу, переодѣнешся, сойдешься въ тѣсномъ кружкѣ съ милыми людьми, и сладко отдыхаешь, прислушиваясь, какъ на дворѣ шумитъ буря и хлещетъ ливень.

— О подобномъ-то возвращеніи домой ты такъ болѣзненно и мечтаешь съ тѣхъ поръ, какъ поселилась въ Шенвертѣ?

Глаза Ліаны засвѣтились, она невольно прижала сложенные руки къ груди и готова была выговорить слово „да“, но не произнесла его.

— Мама всегда говоритъ, что порода Трахенберговъ вымираетъ или вырождается, продолжала она съ оборотительной улыбкой, избѣгая прямого отвѣта.—Наклонность къ тихой, мирной, домашней жизни въ тѣсномъ кругу милыхъ людей, привычка заботиться объ ихъ счастьи, находя въ томъ свое собственное счастье,—эта наклонность, несмотря на то, что мама прозвала ее „доморощенной добродѣтелью“ и что въ Рудисдорфскомъ замкѣ, при той жизни, какая велась тамъ десять лѣтъ тому назадъ, она не могла-бы никогда пустить корня,—мы съ сестрой и съ братомъ, благодаря ей, до такой степени окрѣпли духомъ, что съ твердостію перенесли страшный переворотъ въ нашихъ семейныхъ обстоятельствахъ, отъ котораго мама чуть не умерла. Но не надо думать, что изъ насъ вышли полюдимы-эгоисты, которые заключились въ тѣсномъ домашнемъ кругу и отреклись отъ всякой связи съ остальнымъ человѣчествомъ. Напротивъ, у насъ безпкойныя головы, мы страстно желаемъ работать и общими силами подвигаться впередъ. Ты станешь смѣяться, если я тебѣ скажу, что мы отказывали себѣ въ сахарѣ къ кофе, въ маслѣ къ хлѣбу, чтобы имѣть возможность покупать хорошія книги и инструменты для научныхъ цѣлей и выписывать разныя газеты. Такая

общая жизнь и общая дѣятельность невыразимо пріятны. — Я прочла твои „Письма объ Норвегіи“; они такъ прекрасно, такъ сильно написаны, заключила Ліана, положивъ руку на тетрадку, находившуюся передъ нею на столѣ, — что я не понимаю, почему ты не рѣшаешься ихъ напечатать.

— Тсъ! Ни слова болѣе, Юліана! воскликнула Майнау. Мертвенная блѣдность замѣнила румянецъ, вспыхнувшей-было на его лицѣ при первыхъ одобрительныхъ словахъ жены. — Не вызывай уснувшихъ злыхъ духовъ, которыхъ ты сама задѣла оружіемъ обоюдоострымъ. — (Онъ засунулъ руку въ боковой карманъ.) — Твое письмо было со мной въ Волькерсгаузенѣ; оно отлично написано, Юліана, оно такъ убѣдительно, такъ страшно громко мужское тщеславіе... У тебя здоровая голова философа; я тебѣ во многомъ отдаю справедливость, хотя не допускаю, наприимѣръ, что надо обвинять для того, чтобы попятъ всю прелесть дружной домашней жизни.

Онъ разсѣянно взялъ свою рукопись и сталъ ее перелистывать; вдругъ оттуда выпали маленькіе отдѣльные листочки, которые онъ схватилъ съ изумленіемъ.

— Вообрази, сказала, смѣясь, Ліана: — твои живыя описанія такъ меня наэлектризовали, что я взяла карандашъ и принялась ихъ иллюстрировать.

— У тебя мастерская рука, Юліана; картинки предестно сдѣланы... Изумительно!.. Твой карандашъ вполне вѣрно передалъ мои описанія, какъ-будто ты сама ихъ продумала, а не я. Ты до такой степени тонко анализировала всё мои мельчайшія ощущенія, а между тѣмъ... -но Боже мой! да что-же я толкую! Если ты въ этомъ случаѣ взяла надо мной верхъ, то причиной тому твоя убійственная, безстрастная объективность!..

Майнау проговорилъ это съ какимъ-то рѣзкимъ отгѣнкомъ въ голосѣ.

— А что, Юліана, не устроить-ли намъ съ тобой такого рода ассоціацію, чтобы я писалъ, а ты иллюстрировала? спросилъ онъ вдругъ шутливымъ тономъ.

п. — Изволь, присылай мнѣ сколько хочешь путевыхъ замѣтокъ.

— Адресуй ихъ на имя „разведенной жены“?

Бн. Ліана невольно вздрогнула. Она могла-бы сказать мужу: наша жизнь въ Шенвертѣ совершенно ненормальна; мы должны-бы дѣ-

рiza.

лить другъ съ другомъ радости и горе, а вмѣсто того идемъ врозь; тебѣ слѣдовало-бы быть моимъ защитникомъ, а ты допускаешь, что со мной дурно обращаются и ежечасно оскорбляют мои чувства; тебѣ въ голову не приходитъ пошевелить пальцемъ, чтобы мнѣ помочь. Такого рода отношенія я считаю безправственными и сбрасываю съ себя эти цѣпи, потому-что ставлю себѣ выше многого, что свѣтъ признаеть неприличнымъ.

Изъ всего передуманнаго въ эту минуту Ліаной, она, одна-кожь, сказала только слѣдующее:

— Мнѣ кажется, Майнау, что сочинитель и женщина, иллюстрирующая его произведенія, могутъ свободно переписываться другъ съ другомъ. Кто насъ осудить за то, что мы разстались не смертельными врагами, а сохранили между собой дружескія отношенія?

— Какъ ты смѣешь мнѣ это предлагать! бѣшено воскликнулъ Майнау, вскакивал со скамейки.— Положимъ, ты меня сбросила съ моего пьедестала, я упалъ, низко упалъ... но я принадлежу въ числу тѣхъ людей, которые скорѣе умрутъ съ голода, чѣмъ будутъ питаться милостыней!

Очень можетъ быть, что лѣсничиха подслушивала изъ-за полуоткрытаго окна и вообразила, что готовится страшная семейная сцена; ей стало жаль Лео и она подозвала его вполголоса, предлагая взглянуть на жеребенка на дворѣ.

Майнау въ это время ходилъ вдоль частотола палисадника и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ внимательно разсматривалъ желтые ноготки, окаймлявшіе грядку съ капустой; затѣмъ медленно вернулся къ столу, на которомъ Ліана, дрожащими отъ волненія руками, приводила въ порядокъ листки записокъ мужа, разбросанные имъ по травѣ.

— А что, въ Шенвертѣ все шло по-старому въ мое отсутствіе? спросилъ онъ притворно спокойнымъ голосомъ, слегка барабани пальцами по столу.

— Особеннаго ничего не случилось; развѣ только то, что Габриель обливается горькими слезами, раздумывая о своемъ скоромъ отъздѣ... фрау Лонъ, повидимому, сильно разсержена и огорчена...

— Фрау Лонъ, фрау Лонъ! Да ей-то что за дѣло до этого? И какъ это тебѣ придетъ въ голову, что эту женщину мо-

жеть что-нибудь взволновать? Какими странными глазами ты смотришь на все, что дѣлается въ Шенвертѣ... тебѣ все что-то кажется... Чтобы Лопъ, эта чорствая женщина-мужчина, этотъ деревянный обрубокъ безъ нервъ... да она, я думаю, благодарить Бога, что ей представляется возможность скоро избавиться отъ мальчика...

— Это невѣрно...

— А-а! такъ ты воображаешь, что у нея очень чувствительная душа, точно такъ же, какъ въ вѣломъ, лишенномъ энергій мальчикѣ ты открыла смѣлнй геній Микель-Анджело или что-то въ этомъ родѣ?

Холодная насмѣшка и явное намѣреніе разсердить и уколоть оскорбило Ліану. Но она не хотѣла ссориться.

— Я не помню, чтобы я сравнивала Габріеля съ какимъ нибудь знаменитымъ художникомъ, возразила она, измѣряя мужа строгимъ взглядомъ;—я только сказала, что въ немъ дышать замѣчательный талантъ въ живописи, и повторяю это теперь сознательно.

— Ба! кто-жъ душитъ его талантъ? Если онъ гениаленъ, какъ ты полагаешь, то монастырь лучшая почва для развитія его генія. Развѣ между знаменитыми художниками не встрѣчаются монахи?.. Впрочемъ, что мы споримъ изъ-за пустяковъ! ни я, ни дядя—никогда не прочли Габріеля въ духовное званіе: мы исполняемъ только послѣднюю волю покойнаго...

— А ты читалъ эту волю и добросовѣстно убѣдился въ ея дѣйствительности?

Майнау быстро повернулся къ женѣ и впился пылающими глазами въ ея глаза.

— Юліана, берегись! пригрозилъ онъ глухимъ голосомъ и поднялъ указательный палецъ:—Мнѣ кажется, что ты желаешь заклеить тотъ домъ, отъ котораго отворачиваешься. Тебѣ хотѣлось-бы сказать: я допускаю, что продажа съ молотка имѣнія положить неизгладимое пятно на родъ Трахенберговъ, но и въ шенвертскомъ замкѣ дѣла ведутъ не совсѣмъ чисто; съ огромнымъ богатствомъ его владѣтелей связаны странныя обстоятельства. На эти подозрѣнія я тебѣ отвѣчу слѣдующее: дядя скупъ; онъ одержимъ бѣсомъ высокоумія, какъ никто; онъ золъ на языкъ, и въ этомъ случаѣ уступать ему не нужно. Но при сво-

онъ здоровъ умъ и при холодной натурѣ, никогда неподдававшейся вліянію дурныхъ страстей, онъ втеченіи всей своей жизни непоколебимо держался принциповъ истиннаго джентльмена. Въ это я слѣдно, безусловно вѣрю и считаю за смертельное оскорбленіе моей собственной чести, если кто, хотя-бы шутя, осмѣлится намекнуть на совершенный имъ безчестный поступокъ, въ родѣ подлога, наприимѣръ, въ духовномъ завѣщаніи. Помни это, Юліана. А теперь, я думаю, пора и домой; деревья что-то подозрительно шумятъ; хотя мы и въ первыхъ числахъ сентября, но при такой удушающей жарѣ можно легко ждать грозы... Наше возвращеніе, конечно, далеко не будетъ такъ очаровательно, какъ то, которое ты мнѣ сейчасъ описывала, но что-же дѣлать, надо и съ этимъ примириться...

Ліана молча отвернулась и пошла за Лео. Въ ней трепетали всѣ нервы. „Ліана, онъ ужасенъ“, сказала ей Ульрика въ день свадьбы; но тогда онъ былъ только холодно-спокоенъ. Что сказала-бы теперь сестра, если-бы присутствовала при вышкѣ Майнау, когда его жесты, тонъ голоса, взглядъ—все направлено было къ тому, чтобы втоптать въ грязь Ліану? между тѣмъ—странное дѣло!—Ліана боязливо и смиренно молчала передъ нимъ, хотя и сознавала себя глубоко оскорбленной его несправедливыми обвиненіями; но въ такомъ видѣ онъ былъ для нея понятнѣе, чѣмъ въ минуты напускнаго равнодушія и фатовства; тутъ, по крайней мѣрѣ, проявлялась его натура, его настоящій характеръ, который незамѣтно пробивался даже въ его запискахъ и который невольно принадлежалъ къ нему Ліану. Иначе, какъ-бы она рѣшилась предложить ему свою дружбу? Пристѣженная мыслию, что онъ отвергъ ее дружбу, она закрыла руками свое пылающее лицо, поспѣшно направилась по дорогѣ къ дому.

ГЛАВА XIX.

Мрачныя грозовыя тучи, прорѣзывая бѣлыми колосами, предвѣстницами града, висѣли надъ Шварцгольмъ въ то время, когда возвращавшіеся вышли изъ лѣва у охотничьяго домика. Майнау, который молчалъ впереди, хотѣлъ было тутъ переждать грозу; но Ліана заманила ему, что генералъ будетъ

Безпокоиться насчетъ Лео, а потому они ускореннымъ шагомъ продолжали путь черезъ садъ. Между тѣмъ началась уже буря; въ фруктовомъ саду оторванные листья носились по воздуху, а спѣлые плоды, тяжело падая, катились по дорожкамъ.

Майнау слегка толкнулъ попой, когда конюхъ, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, доложилъ, что верховныя лошади герцогини и ея статсъ-дамы стоятъ въ конюшнѣ. Она побѣжала жататься и вернула въ замокъ, чтобы переждать непогоду.

— Ну вотъ и мнѣ также предстоитъ не очень пріятное возвращеніе въ Шенвертъ! А кажется, что можетъ быть любезнѣе и внимательнѣе такого пріема? сказалъ вполголоса Майнау съ насмѣшкой, едва заѣтно кивая головой по направленію къ террасѣ замка. Тамъ стояла герцогиня въ свѣтло-синей амазонкѣ; она вышла посѣбно изъ-за стеклянной двери; буря безощадно терзала ея длинныя, черныя локоны и рвала бѣлыя сграусовыя перья на ея шляпѣ. Держась обѣими руками за перила террасы, она смотрѣла на возвращающуюся чегу, посреди которой шелъ Лео, съ такимъ удивленіемъ, точно не вѣрила своимъ глазамъ, и даже не замѣтила, какъ Майнау ей поклонился. Затѣмъ, отвернувъ голову, она такъ-же посѣбно ушла въ комнаты, и въ ту минуту, когда Майнау съ Лизной посѣбно вошли въ залу, она уже спокойно сидѣла въ креслѣ между старымъ гофмаршаломъ и патеромъ.

Въ залѣ царствовалъ такой полумракъ, какъ-будто темныя, тяжелыя тучи висѣли на потолкѣ; бѣлыя, гипсовые орнаменты на стѣнахъ казались какими-то привидѣніями. Еще мертвеннѣе глядѣло блѣднѣе лицо герцогини; оно походило на маску, некажущую насмѣшливой улыбкой; при тускломъ свѣтѣ комнаты померкъ даже блескъ ея прекрасныхъ глазъ: какъ раскаленные угли горѣли они изъ-подъ полей ея свѣтло-сѣрой войлочной шляпы. На почтительный поклонъ Лизны она отвѣтила надменнымъ наклоненіемъ головы.

— Скажи, пожалуйста, что у тебя за причуды, Рауль! сердито вскричалъ гофмаршалъ на встрѣчу племяннику. — Ты оставляешь лошадей и экипажъ у почты и сантиментально прогуливаешься пѣшкомъ по лѣсу! Знаешь-ли, что у насъ едва не случилось несчастіе? И какъ можно такому дураку, какъ Андрей,

поручать дивихъ волькергаузерскихъ лошадей? онѣ его поспали, и онѣ прѣхалъ полуертвый отъ страха.

— Страшно! сколько лѣтъ эти лошади пахотятся въ его рукахъ; вѣрно, онѣ опять испугались мельничныхъ жернововъ... Впрочемъ, мое возвращеніе черезъ лѣсъ не имѣетъ въ себѣ ровно ничего саптименталнаго; мнѣ, просто, не хотѣлось жариться на солнцѣ, сидя на козлахъ.

— А вы, милостивая государыня, гораздо-бы лучше сдѣлали, если-бы отправились одиѣ въ домикъ лѣсничаго, къ которому, съ нѣкоторыхъ поръ, такъ пристрастились, сказалъ рѣзкимъ тономъ старикъ, не оборачивая даже головы въ ту сторону, гдѣ стояла Ліана и не считая нужнымъ измѣнить своего спокойнаго положенія. — Я весь покорнѣйше прошу не считать моего внука неотъемлемою собственностью Трахенберговъ, которую вы можете, по своему усмотрѣнію, таскать всюду съ собой. Изъ-за этого ребенка я пережилъ цѣлый часъ смертельнаго страха!

— Душевно сожалѣю объ этомъ, гофмаршалъ, отвѣчала искреннимъ тономъ Ліана, выслушавъ съ болью въ сердцѣ новую колкость старика.

Герцогиня замѣтно повеселѣла. Она притянула къ себѣ Лео и принялась его ласкать.

— Онѣ опять здѣсь, цѣль и невредящъ, мой добрый Майнау, сказала она старику, какъ-бы желая его умилостивить.

Лео вырвался изъ объятій „матери наследнаго принца“, которую совсѣмъ не любилъ, какъ онѣ всегда самъ говорилъ. За то ему очень понравилась хлысть ея свѣтлости, лежавшій передъ нимъ на столѣ; ручка его, прекрасной работы, изображала золотую тигровую голову съ бриллиантовыми глазами.

— Этотъ хлысть также нарисованъ на картинкѣ, что стояла у папани на письменномъ столѣ, сказалъ мальчикъ, вспомнивъ о фотографическомъ портретѣ, гдѣ герцогиня была изображена въ амазонкѣ. — Теперь ужъ этой картинки тамъ болше нѣтъ, прибавилъ онѣ, хлопая хлыстомъ по воздуху, — и другія картинки, которыя тамъ висѣли на стѣнахъ, теперь также сняты; обои на тѣхъ мѣстахъ до сихъ поръ совсѣмъ ярсше; даже глушаго голубого баншака, и того нѣтъ.

— Какъ, баронъ Майнау! вы уничтожили всѣ воспоминанія?

спросила герцогиня, задыхаясь отъ гнѣва.—Вы забросили всѣ эти завѣтные памятники прошлаго?

Ея необузданная гордость высказалась въ этихъ словахъ; въ ея тихомъ, сдержанномъ голосѣ звучалъ, однако, смертельный страхъ, какое-то отчаяніе, смѣшанное съ раздраженіемъ. Ей было очень хорошо извѣстно расположеніе комнаты Майнау: при жизни его первой жены не одинъ вечеръ провела она тамъ.

Майнау стоялъ противъ нея спокойно; почти весело встрѣтилъ онъ взглядъ ея страстныхъ, пламенныхъ глазъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ,—я не бросилъ, а только бережно упаковалъ всѣ эти вещи. Я уѣзжаю на долго и не желаю оставлять ихъ на рукахъ неловкой прислуги.

— Но, папа, вѣдь ты самъ-же поставилъ мой портретъ на то мѣсто, гдѣ прежде лежалъ старый башмакъ подъ стекляннымъ колпакомъ, настойчиво твердилъ Лео,—а сверху ты повѣсилъ картину, которую рисовала мама.

Майнау не взглянулъ въ эту минуту ни на герцогиню и ни на кого изъ присутствующихъ; онъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ стояла Ліана, и посмотрѣлъ на нее робко и вмѣстѣ съ тѣмъ со злостью,—такъ его взбѣсила мысль, что она слышала болтовню ребенка.

— Такъ это ты конфисковалъ картину, Рауль? воскликнулъ съ живостью гофмаршалъ.—Я позволилъ себѣ усомниться, когда баронесса увѣряла меня, что этого эскиза у нея нѣтъ. Прошу извинить меня, сударыня, я былъ неправъ передъ вами!—(Онъ насмѣшливо-торжественно наклонилъ голову въ ту сторону, гдѣ находилась Ліана.)—По моему мнѣнію, ты повѣсилъ картину на слишкомъ видномъ мѣстѣ; можно ее сунуть куда-нибудь въ уголь... Знаешь-ли, во сколько оцѣнила ее сама художница? Въ сорокъ талеровъ...

— Покорнѣйше прошу тебя предоставить мнѣ право самому дѣлать оцѣнку принадлежащихъ мнѣ вещей! перебилъ его Майнау запальчиво.

Старикъ нѣсколько струсилъ мрачнаго лица племянника; оно имѣло такое страшное выраженіе, что ему подумалось, не заманулся-бы тотъ на него кулакомъ.

Герцогиня и ея статсъ-дама не понимали смысла происходившей сцены; но патеръ, который до сихъ поръ держалъ себя со-

вершено пассивно, вдругъ подался всѣмъ корпусомъ впередъ, оперся руками на ручки кресла и, сидя въ этомъ положеніи, съ такимъ демонскимъ коварствомъ слѣдилъ за каждымъ взглядомъ, за выраженіемъ голоса и за каждымъ движеніемъ красавца Майнау, какъ-будто ждалъ разъясненія страшной для себя тайны.

— Ахъ, Боже мой! Не горячись напрасно, милый Рауль, успокойвалъ его гофмаршалъ.—И отчего ты такъ вспылить? Вѣдь я хлопочу только о справедливости.

Майнау серьезно посмотрѣлъ на старика.

— Я вѣрю этому, дядя, отвѣчалъ онъ,—но бѣда въ томъ, что ты выражаешься слишкомъ рѣзко. Никто болѣе меня не вѣритъ въ твою добросовѣстность; ты единственный изъ оставшихся въ живыхъ Майнау, на котораго я могу положиться, съ полнымъ убѣжденіемъ, что ты никогда не измѣнишь понятіямъ о чести и благородствѣ, присущимъ нашему роду... Кстати,—только теперь на умъ пришло,—нельзя-ли мнѣ еще разъ взглянуть на тѣ записочки, посредствомъ которыхъ дядя Гизбертъ, на смертномъ одрѣ, сносился съ окружающими его? Какъ онъ мнѣ живо представился, когда я въ Волькерсгаузенѣ стоялъ передъ его прекраснымъ портретомъ, писаннымъ масляными красками! Къ ужасу моему я замѣтилъ, что портретъ этотъ сильно пострадалъ отъ сырости и пыли и что его необходимо реставрировать. Дай тѣ записки, въ которыхъ выражена его послѣдняя воля.

— Я дамъ тебѣ ихъ; но развѣ онѣ тебѣ сейчасъ нужны?

— Онѣ, кажется, спрятаны вотъ въ этомъ ящикѣ съ рѣдкостями, замѣтилъ Майнау, указывая на письменный столъ въ стилѣ рококо.—Потрудись его отперѣть.

Гофмаршалъ всталъ и проковылялъ черезъ залу. Онъ отперъ тотъ ящикъ, въ которомъ лежала записка графини Трахенбергъ. Взявъ своими крючковатыми пальцами розовый листокъ, онъ поднялъ его и съ дьявольской улыбкой показалъ герцогинѣ.

— Милыя воспоминанія, ваша свѣтлость; пахнетъ розой и больше ничего, а стоитъ мнѣ тысячи, сказалъ онъ, небрежно засмѣявшись и бросая листокъ обратно въ ящикъ. Затѣмъ онъ вынулъ толстую связку бумагъ, перевязанную черной лентой.—Вотъ, мой другъ, продолжалъ онъ, подавая ее Майнау, который тотчасъ-же развязалъ ленту.

— А-а! вотъ и приписка, касающаяся Габріеля, сказалъ Май-

пау, вынимая клочекъ бумаги изъ связки.—Это, кажется, было послѣднее письменное выраженіе его воли?

— Да, это была его послѣдняя воля, спокойно подтвердилъ герфмаршалъ, возвращаясь къ своему креслу.

Майнау вынулъ еще нѣсколько бумагъ и положилъ ихъ одну возлѣ другой на столъ.

— Удивительно! воскликнулъ опъ:—приписка сдѣлана за нѣсколько часовъ до его смерти, какъ мнѣ сказали; но, несмотря на то, его твердый, кудреватый почеркъ нисколько не измѣнился; даже точки и запятая поставлены вѣрно. Близость смерти не имѣла, повидимому, ни малѣйшаго вліянія на твердость его руки. И это хорошо, потому что иначе легко-бы было усомниться въ подлинности этой записки, пезасвидѣтельствовавшей законнымъ порядкомъ.

Герцогиня съ любопытствомъ взяла изъ его рукъ бумагу.

— Характеристическій, по неразборчивый почеркъ, замѣтила она.

— „Я требую, чтобы Габріель перекрѣпко вступилъ въ духовное званіе... опъ долженъ въ монастырѣ замалчивать грѣхи своей падшей матери“, читала съ разстановкой герцогиня, съ трудомъ разбирая записку.

— Не хочешь-ли и ты, Юліана, взглянуть на эту интересную послѣднюю приписку умирающаго? обратился Майнау къ молодой женщинѣ, которая стояла за пустымъ кресломъ, положивъ руки на его широкую спинку.

Она даже не взглянула на мужа, имѣвшаго явное намѣреніе се пристыдить. Никто изъ сидѣвшихъ вокругъ стола не подозрѣвалъ его цѣли; для одной Ліаны каждое его слово было ударомъ пожа. И пужно-же ей было такъ отважно приподнимать покровъ тайны, на которую намекала Дощь...

Майнау подальъ Ліанѣ два листка бумаги; она внимательно сравнила ихъ, не дотрогиваясь до нихъ рукой. Почеркъ былъ одинъ и тотъ-же, съ тѣми-же завитками въ концѣ каждого слова; оригинальность и своеобразность этого почерка почти не допускали мысли о поддѣлкѣ, а между тѣмъ...

Появленіе лакея съ карточкой на серебряномъ подносіи, которую онъ подальъ Майнау, положило конецъ этой неприятной сценѣ.

— Ахъ, да! воскликнулъ гофмаршалъ, ударивъ себя слегка по лбу:—я было совсѣмъ забылъ, Рауль! Частъ тому паздъ къ замку подъѣхала карета, изъ которой вышелъ молодой человекъ, такъ развязно и самоувѣренно, точно онъ намѣревается здѣсь остаться.. Онъ увѣряетъ, будто прѣхалъ по твоему приказанію; если бы не высокая честь, которую мнѣ оказала ея свѣтлость своимъ посвященіемъ, я-бы его принялъ, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, что ему нужно.

— Ничего другого, какъ здѣсь остается, дядя: это новый гувернеръ Лео, возразилъ Майнау, хладнокровно укладывая бумаги.

Гофмаршалъ подался впередъ, какъ-будто не хорошо слышалъ.

— Милый Рауль, такъ-ли я понялъ, проговорилъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово.—Такъ, что-ли, ты сказалъ: новый гувернеръ Лео? Боже мой! Да развѣ я спалъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду или лежалъ въ горячкѣ, въ безпамятствѣ, что ничего объ этомъ не знаю!

Губы Майнау насмѣшливо дрогнули.

— Эта реформа подготавлилась вовсе по втеченію нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дядя. Мнѣ ужъ давно рекомендовали этого молодого человека, а теперь, когда онъ мнѣ понадобился, я его выписалъ. По счастью, онъ былъ свободенъ, такъ что прѣхалъ двумя днями раньше назначеннаго мною срока. Впрочемъ, я эгимъ не совсѣмъ доволенъ, потому-что хотѣлъ тебя предувѣдомить, по крайней мѣрѣ, за день до его прѣзда.

— Какъ-бы то ни было, а я воли своей не измѣню, и этотъ упавшій панъ, какъ свѣгъ на голову, молодой человекъ въ Шедвертѣ *не останется...*

Майнау держалъ въ рукахъ бумаги, которыя онъ собирался отнести обратно въ письменный столъ; при послѣднихъ, съ обыкновенной дерзостью сказанныхъ, словахъ старика, онъ остановился, какъ вкопанный, и повернулъ къ нему свое лицо. Дамы испуганно опустили глаза при видѣ злобнаго раздраженія, искажившаго прекрасныя черты молодого барона.

Гофмаршалъ не смутился; онъ внутренно былъ взбѣшенъ; это доказывалось его рѣзко выдающимся подбородкомъ и манерой, съ которой онъ свертывалъ и развертывалъ своими блѣдными паль-

цами красный шелковый носовой платокъ, лежавшій на его ко-
лѣняхъ.

— Смѣю-ли спросить, что тебя побудило къ этому внезапному
coup d'état?

— Ты на это могъ-бы самъ себѣ отвѣтить, дядя, возразилъ
Майнау, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы улыбнуться.—Я уѣз-
жаю... объ этомъ я уже сто разъ твердилъ... уѣзжаю на долго...
баронесса отправляется въ Рудисдорфъ и больше съ Лео зани-
маться не будетъ.—(При этомъ холодною, какъ ледъ, намекъ
герцогиня съ торжествующимъ видомъ взглянула на Ліану, кото-
рая тихо и спокойно стояла на прежнемъ мѣстѣ.) Къ тому-же,
заклучилъ Майнау,—мы не можемъ требовать отъ г. придвор-
наго проповѣдника, чтобы онъ зимою, такъ-же часто, какъ и
теперь, посѣщалъ Шенвертъ и давалъ Лео уроки закона Божія.

— Что ты говоришь? Тебѣ самому очень хорошо извѣстно,
что нашъ милый придворный проповѣдникъ недавно предложилъ
намъ заниматься съ Лео и по другимъ предметамъ.

— Да, помню, сухо замѣтилъ Майнау;—но зная, что я опа-
саюсь несоответственнаго современной наукѣ преподаванія всеоб-
щей и естественной исторіи, ты найдешь весьма натуральнымъ,
если я ограничусь благодарностью за такія милости и самопо-
жертваніе...

— Г. баронъ!.. выразительно прервалъ его патерь.

— Ваше преподобіе? спросилъ тѣмъ-же тономъ Майнау, оки-
дывая патера дерзкимъ, презрительнымъ взглядомъ изъ-подъ по-
луопущенныхъ рѣсницъ.

Патерь не могъ перевести этого взгляда; онъ, какъ бѣшеный,
рванулся впередъ; но гофмаршалъ вцѣпилъ въ него обѣими ру-
ками и силой усадилъ его опять въ кресло, подлѣ себя.

— Рауль, я тебя не понимаю! Какое право ты имѣешь
оскорблять почтенное духовное лицо, да еще въ присутствіи ея
свѣтлости герцогини! воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва и
волненія.

— Оскорблять?.. развѣ я упомянулъ о какомъ-нибудь подлогѣ
или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ?..

Гофмаршалъ всплеснулъ руками отъ ужаса и откинулся на
спинку кресла.

— Рауль! Бога ради, замолчи! я отъ роду не слыхалъ, что-бы ты проводилъ такого рода идеи, сказалъ онъ.

— Ахъ, да! отвѣчала Майнау, пожавъ плечами:—ты правъ, я никогда вообще не заводилъ разговора о подобныхъ предметахъ. Но сцена въ индійскомъ саду, едва не стоившая жизни моему мальчику, разшевелила многое въ моемъ мозгу. Я теперь болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденъ, что дѣтямъ вредно объяснять таинственнымъ образомъ то, что на дѣлѣ не существуетъ, и рассказы о вѣдьмахъ, привидѣнiяхъ и неестественныхъ явленiяхъ должны быть положительно устранены изъ круга ихъ понятiй. Для молодыхъ головъ полезнѣе всего радикальное образованiе; стариковъ-же, громадное количество которыхъ еще отравляетъ прекрасный божiй мiръ, уже не исправишь.

— Какъ вы несправедливы, баронъ! можно-ли бросать камнемъ въ святое простодушиѣ невинности? воскликнула ханжа статс-дама, у которой не достало болѣе силы молчать.—Не сами-ли вы недавно говорили, что вы любите это свойство въ женщинахъ!

— Это я и теперь повторю, отвѣчала шутивнымъ тономъ Майнау.—Красивый, гладкiй, бѣлый лобъ, украшенный шелковистыми кудрями, никогда нехмурившiйся, прелестный, розовый ротикъ, наивно болтающiй... что можетъ быть покойнѣе для насъ, мучитъ?.. Я люблю такихъ женщинъ, но... не предпочитаю ихъ.

— А когда шелковистые кудри посѣдѣютъ и милый розовый ротикъ уже не такъ красиво будетъ улыбаться, какъ прежде, тогда, по-вашему, можно бросить игрушку въ сторону?.. такъ, что-ли, баронъ Майнау? рѣзко спросила герцогиня, граціозно поводя своимъ хлыстикомъ по столу, причежь брилліантовые глаза тигровой головки засверкали разноцвѣтными огнями.

— Чего-жь еще нужно женщинамъ, ваша свѣтлость? спросилъ съ холодной улыбкой Майнау.

— Если такъ, то намъ подѣ старость лѣтъ придется опять приниматься за латынь, ботанику и химию, которыми насъ мучили въ ранней молодости, возразила съ рѣзкимъ хохотомъ герцогиня.—Про меня говорятъ, что я все легко схватываю—можетъ быть, съ годами эта способность и ослабѣла во мнѣ, однако, я попробую сдѣлать опытъ надъ собой... Что вы скажете, баронъ, если, по возвращенiи нашемъ съ востока, я встрѣчу васъ при-

вѣтствіемъ на латипекомъ языкѣ и затѣялъ поведи васъ въ свою лабораторію, чтобы угостить тамъ всевозможными химическими опытами?

— Ухъ! спій чужокъ въ грязномъ платѣ, съ печеной головой! съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ Майнау и засмѣялся. — Ваша свѣтлости! антипатія къ *такого* рода личностямъ пустила глубокіе корни въ моей душѣ; но я мечтаю найти такую женщину, которая, серьезно изучая науки и вырабатывая себѣ самостоятельный взглядъ на жизнь, природу и людей, занимаясь даже астрономіей, если то ее интересуетъ, ставила бы всѣ эти предметы не на первый планъ и считала бы своей главной задачей хранить священный огонь домашнего очага и вести семью и хозяйство мягкой, легкой, но вѣстѣ твердою рукой.

— Милѣйшій баронъ, отыщите себѣ художника, который нарисовалъ бы намъ прежде идеаль такой женщины! воскликнула статсъ-дама, пропически хихикнувъ, при чемъ герцогиня съ шумомъ встала.

Въ ту минуту, когда Майнау и патеръ такъ запальчиво заспорили между собой, Лана обвила рукой шею Лео и отошла вѣстѣ съ нимъ въ самую дальнюю пину окна. Грозовыя тучи разразились ливнемъ, который теперь громко хлесталъ въ стекла. Вершины деревьевъ въ паркѣ и въ лѣсу, окутанныя въ густой, сѣрый туманъ, гибли и раскачивались во вѣ стороны, точно исполнскія привидѣнія, силившіяся убраться отъ преслѣдующаго ихъ вихря; на большихъ луговинахъ, въ нѣсколько минутъ, образовались искусственные пруды, отливавшіе свинцовымъ цвѣтомъ. Сквозь потоки дождя, который падалъ цѣлою массою воды сверху, по сверкала уже молнія; по за столомъ, за спиной Ланы, готовилась разразиться страшная буря. Неужели этотъ странный человекъ, баронъ, затѣялъ въ самомъ дѣлѣ сбросить съ себя цѣпи пѣжной опеки, которыми крѣпко опутали его двѣ прелестныя ручки? Онъ до сихъ поръ молча перевозилъ тяжесть этихъ цѣпей, точно не замѣчалъ ихъ, ради того только, чтобы спокойно наслаждаться жизнью; и вдругъ, ничего не говоря, долой опеку, — мало того, долой всѣ прежнія убѣжденія! Не эготъ-ли же каяризмъ былъ причиной, что онъ женился на протестанткѣ, на жидицкѣ безъ всякаго состоянія, или, дѣйствительно, въ немъ произошелъ внутренній переворотъ?

Ліана стояла у окна и не обернулась даже тогда, когда кресла съ громомъ задвигались и шатерь тихими, величественными шагами направился къ дверямъ террасы. Майнау подошелъ къ письменному столу и пажьрешно стукнулъ выдвигишемъ ящичкомъ. Почти въ то-же мгновеніе занумѣлъ шлейфъ амазонки, иѣжный запахъ желгофіолей, любимыхъ духовъ герцогини, пронесся по пишѣ окна и рука ея свѣтлости внезапно обвилась вокругъ гибкой талии Ліаны.

— Вы соблазнительно сложены, моя красавица, шепнула герцогиня на ухо молодой женщины. — Послушайте! вамъ съ нимъ не сладко... представьте мнѣ вести его мягкой, легкой и твердой рукой... вамъ слѣдуетъ покориться... вы окончательно проиграете партію, настаивая на отѣздѣ къ роднымъ...

Губы, произносившія эти отрывистыя фразы, были бѣлы, какъ вѣль, и какъ-то судорожно втянулись внутрь; лицо герцогини до того походило на лицо медузы, что Ліана отъ ужаса окаменѣла.

— Пусти маму, пусти! ты ей больно дѣлаешь! закричалъ Лео, бросаясь между обѣими женщинами; но герцогиня уже отступила назадъ.

— Берегись, мальчикъ! смотри, чтобы я не разсердилась! сказала она, весело засмѣявшись и переходя къ зеркалу, висѣвшему въ глубинѣ залы, чтобы плотнѣе надвинуть шляпу на брови и подколоть новыше спопъ расшнавшихся кудрей, изъ опасенія, чтобы вѣтеръ еще болѣе ихъ не растрепалъ. Статсъ-дама посиѣшила къ ней на помощь.

Въ это время Ліана выступила изъ ниши и подошла къ мужу; сердце ея еще сильно билось отъ испуга.

— Не позволяй ей никогда до тебя дотрогиваться, я этого не хочу, произнесъ Майнау повелительнымъ тономъ, по такъ тихо, что жена одна могла его разслушать. Она невольно остановилась на мѣстѣ.

— Боже! какая ужасная погода! какъ досадно! Моему Армицію придется почевать въ Шенвертѣ! во-кликнула въ ту-же минуту герцогиня, которая хотя и продолжала стоять спиной ко всѣмъ, но въ зеркало видѣла все, что происходило въ задѣ. — Баронъ Майнау, будьте такъ любезны, прикажите отвезти меня домой. Мнѣ пора ѣхать... ужь очень поздно!

Майнау предложилъ себя въ кучера, говоря, что онъ не осмѣлится довѣрить теперь своихъ сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей никому, и вышелъ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія и вкстати поздороваться съ пріѣхавшимъ учителемъ.

Герцогиня, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлась опять рядомъ съ гофмаршаломъ, погруженнымъ въ иррачное молчаніе, весело разговаривалась съ нимъ о пустякахъ, втянула въ бесѣду и патера, и толковала съ ними до тѣхъ поръ, пока Майнау не вернулся въ непромокаемомъ плащѣ, съ вѣстью, что все готово.

Сѣрныя въ яблокахъ, храпя, топтали ногами передъ террасой, а два лакея съ распушенными дождевыми зонтиками стояли уже передъ стеклянной дверью залы.

— Хотите ѣхать со мной? спросила герцогиня у патера.

Онъ отговорился шахматной партіей, обѣщанной имъ гофмаршалу въ концѣ вечера, и спокойно посторонился, когда Майнау грубо и со звономъ рванулъ стеклянную дверь.

Красивая герцогиня, привѣтливо раскланявшись со всѣми, поплыла изъ залы, держа Майнау подъ руку, а гофмаршалъ, кричась, вернулся къ своему креслу.

— Ваше преподобіе, прошу васъ, затворите дверь, проговорилъ онъ ворчливо и упалъ въ мягкое кресло.— Ее не слѣдовало заранѣе отпирать, мой любезнѣйшій... я не смѣлъ протестовать, потому что ея свѣтлость, повидимому, также этого желала... но эта проклятая сырость оледенила мнѣ ноги; завтра я непременно слягу... а тутъ еще меня разозлили; до сихъ поръ горло душатъ спазмы! Прошу васъ, отвезите меня въ мою теплую спальню, я тамъ отдохну, а здѣсь покажѣте прикажите затопить каминъ; тутъ такъ холодно, хоть волковъ морозъ... Allons, Лео, за мной! крикнулъ онъ мальчику, нѣжно ластившемуся къ Липѣ.

— Мнѣ хочется съ мамой остаться... она все одна, дѣдушка! возразилъ мальчикъ.

— Мама никогда не бываетъ одна,—она бесѣдуетъ съ духами природы и въ насъ съ тобой не нуждается, замѣтилъ лукаво старикъ.—Ну, пошелъ-же, пошелъ, говорятъ!

Онъ поймалъ за руку отбивавшагося ребенка и увлекъ за собой. Патеръ покатилъ его кресло изъ залы.

ГЛАВА XX.

Ліана опять подошла къ окну. Вдали замиралъ стукъ колесъ уѣхавшей кареты. Теперь мчтся на сѣрыхъ лошадяхъ по лѣсу и лежить на бѣлыхъ атласныхъ подушкахъ уже не Ліана, а та женщина съ прекрасной головкой медузы, влюбленная безъ памяти въ Майнау, — женщина, забывающая при немъ свое герцогское достоинство, свою родовую гордость и слѣдящая за каждымъ его словомъ со страстью пламенной любви и безумной ревности!.. Зачѣмъ-же онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ изъ Рудисдорфа? Зачѣмъ не поватался за герцогиню? При дворѣ его приняли-бы съ распростертыми объятіями и онъ былъ-бы равнодушень... Встрѣча въ лѣсу, въ день свадьбы, живо представилась воображенію Ліаны... Тутъ есть тайна, подумала она... „Вы окончательно проиграете партію, настаивая на отъѣздѣ къ роднымъ“, шепнула ей герцогиня... Молодая женщина чувствовала до сихъ поръ на своей шеѣ и подлѣ уха жаркое дыханіе герцогини... Но что-жъ означаютъ слова: *проиграете партію*? Ліана употребляла всѣ усилія для исполненія своихъ обязанностей, но, слава Богу, природная гордость не измѣнила ей; она палець о палець не ударила, чтобы отвоевать себѣ любовь Майнау; на этотъ счетъ герцогиня сильно ошибалась; но она была права, утверждая, что отъѣздъ Ліаны къ роднымъ совершенно разорветъ узы, связывающіе ее съ мужемъ, даже если она и вздумаетъ впоследствии вернуться... А это убійственно! Пройдетъ, можетъ быть, годъ и больше, Майнау вернется изъ путешествія, и никому въ голову не придетъ вспомнить, что какую-то графиню Трахенбергъ притащили въ Шенвертъ для того, чтобы заставить пережить цѣлый рядъ испытаній и преслѣдованій; самъ баронъ страхнетъ за-границей всѣ эти неприятныя домашнія воспоминанія, явится освѣженнымъ и приметъ, наконецъ, прекрасную руку, такъ пламенно ему предлагаемую...

Ліана невольно приложила руку къ сердцу, которое сжалось у нея болезненно. Отчего это оно вдругъ такъ заняло? Развѣ такъ тяжело быть отвергнутой ради другой женщины?.. Въ это мгновеніе она припомнила, что мужъ выразилъ неудовольствіе, что герцогиня дотронулась до нея... что побудило его къ этому? Не

ревность-же, въ самоѣ дѣлѣ... онъ не удостоивалъ жену такой милости. Ліана закрыла лицо руками... ей захотѣлось плакать.

Она отошла отъ окна и собралась уйти на свою половину. По проходя мимо письменнаго стола, она точно приросла къ мѣсту;— въ одноѣ изъ выдвижныхъ его ящичковъ торчалъ еще ключъ. Майнау забылъ его вынуть, а гофмаршалу, въ приналкѣ страшнаго гнѣва и досады, не пришло въ голову потребовать ключъ назадъ...

Сердце Ліаны сильно билось; въ этоѣ ящичкѣ лежала бумага, отъ которой зависѣла судьба Габріеля. Хоть-бы разъ еще взглянуть на нее! Молодая женщина знала, что такого рода важные документы необходимо изслѣдовать не однимъ простымъ глазомъ. Но придется выдвинуть ящикъ съ рѣдкостями... а это чужая собственность, ключъ печально остался въ замкѣ. Развѣ съ ея стороны будетъ честно вынуть оттуда бумагу? Но она тотчасъ-же положить ее на прежнее мѣсто. Къ тому же Майнау самъ предлагалъ ей разсмотрѣть повнимательнѣе документъ, и даже съ этой цѣлью попросилъ гофмаршала отдать ему весь свертокъ бумагъ. Ліана быстро выдвинула ящикъ; роковая розовая записочка матери лежала передъ нею; какъ отъ змѣи отдернула свою руку молодая женщина, когда ея пальцы печально прикоснулись къ этому листку почтовой бумаги; ей нужно было другое—документъ о Габріелѣ... онъ лежалъ немножо дальше и былъ развернутъ. Ліана поспѣшно схватила его.

Засунувъ бумагу въ карманъ, Ліана опрометью бросилась внизъ, въ свои комнаты, и, черезъ минузу, читала уже ее черезъ микроскопъ. Вдругъ она невольнo отскочила отъ стола; ее начала бить лихорадка.—подъ неживымъ стекломъ, передъ ея глазами ясно открылся самый отвратительный подлогъ. Въ эти тщательно выведенныя буквы оказались сначала нарисованными карандашемъ; простому глазу не было возможности открыть то, что показало микроскопъ; карандашъ образовалъ завитую тѣнь рядомъ съ чертами, проведенными чернилами. А тамъ, гдѣ чернила были жиже, даже штрихъ карандаша сквозилъ очень ясно... Тутъ, по-видимому, дѣйствовала опытная и терпѣливая рука, потому что поддѣльщику пришлось, вѣроятно, срисовывать каждую букву изъ прежнихъ записокъ умершаго и затѣмъ уже составлять изъ нихъ слова. Теперь являлся вопросъ: кто совершилъ подлогъ и

съ какой цѣлью? Записка была написана безъ законныхъ свидѣтелей.—сѣдовательно, подлогъ сдѣланъ только для того, чтобы произвести моральное вліяніе на человека, жившаго голосъ въ этомъ дѣлѣ, словомъ,—на Майнау; баронъ вѣдь самъ ей сказалъ, что сначала онъ заступился за права Габріеля... Что-жь въ этомъ случаѣ служило побудительнымъ поводомъ? деньги, имѣніе или только католическій фанатизмъ?.. Недрономъ была сдѣлана тутъ-же приписка: „А женщина должна непремѣнно принять св. крещеніе, для спасенія своей души“.

Ліана бросилась на кшетку; кровь стучала ей въ виски и дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу. Ей нужно было непремѣнно успокоиться... Слава-богу, Майнау честь; подлогъ придумали для того, чтобы побѣдить его непреклонную волю; уговорить его сдѣлать несправедливое дѣло не осмѣлились, поневолѣ пришлось составить ложный документъ. Бузагу теперь необходимо отнести на прежнее мѣсто; она тогда только можетъ убѣдить Майнау, когда при немъ вынетъ ее изъ ящика. Губы Ліаны болѣзненно дрогнули; кто знаетъ? пожалуй, онъ ее скорѣе заподозритъ, чѣмъ повѣритъ, что въ Шенвертѣ, этомъ царствѣ безупречной честности и строгихъ правилъ, могли совершиться такіа беззаконія!.. Но узнать о постыдномъ фактѣ Майнау долженъ во что-бы то ни стало... тутъ вѣдь дѣло идетъ о спасеніи Габріеля.

Ліана тихо прокралась пиверхъ, въ залу. Тамъ въ ея отсутствіе затопили каминъ. Тяжелыя атласныя занавѣси на окнахъ были плотно задернуты, а стеклянную дверь на террасу заставили даже толстыми дубовыми ставнями. Только однообразный шумъ дождя нарушалъ безмолвіе, царствовавшее въ комнатѣ. Чайный столъ былъ уже покрытъ и посреди его на бѣлой скатерти горѣла большая лампа съ круглымъ шаромъ, прикрытымъ зеленымъ прозрачнымъ колпакомъ. Лампа разливала слабый свѣтъ въ залъ; стеганая мягкая мебель пестрыми групами чернѣла по угламъ; до иныхъ мѣстъ даже не доходилъ отблескъ смарагдоваго освѣщенія; одинъ каминъ своимъ яркимъ, приятнымъ пламенемъ обливалъ палевыми лучами блестящій паркетъ.

Ліана робко оглядѣлась кругомъ; въ комнатѣ не было ни души. Успокоившись на этотъ счетъ, она подошла къ письменному столу, выдвинула ящикъ и, развернувъ записку такъ, какъ она прежде

была развернута, вложила ее сверху, на старое мѣсто, въ связку бумагъ.

Въ эту минуту кто-то схватилъ ее руку и удержалъ ее въ ящикѣ. У Ліаны недостало даже силъ вскрикнуть; кровь мгновенно прилила къ ее сердцу; ей показалось, что она умираетъ. Ноги ее подкосились; она мутными глазами взглянула прямо въ лицо... патера. Онъ принялъ ее въ свои объятія, пламенно прижалъ къ своей груди ее полубезчувственное тѣло и нѣсколько разъ страстно поцѣловалъ руку, которую не выпускалъ изъ своей руки.

— Придите въ себя, дорогая баронесса, я одинъ только видѣлъ... кромѣ меня нѣтъ никого въ залѣ... прошепталъ онъ мягкимъ, успокоивающимъ тономъ.

Услыхавъ этотъ голосъ, Ліана тотчасъ-же опомнилась; она вырвалась изъ объятій патера и оттолкнула его руку.

— Что вы видѣли? спросила она дрожащимъ, беззвучнымъ голосомъ, при чемъ стройный станъ ее гордо выпрямился.—Развѣ въ этомъ ящикѣ лежитъ серебро или золото? развѣ я хотѣла красть?..

— Осмѣлился-ли-бы я когда-нибудь предположить существованіе подобной мысли въ этой царственной головѣ! Я скорѣе рѣшился-бы оскорбить память моей матери такимъ гнуснымъ подозрѣніемъ, чѣмъ вашу чистую, какъ небо, душу! Повѣрьте мнѣ, что я говорю правду... Я очень хорошо понимаю, что дочерняя любовь привела васъ сюда. Кто васъ осудить, дорогая баронесса, за то, что вы хотѣли уничтожить записку, которою васъ такъ мучили и унижали? Сожжемте вмѣстѣ это розовое воспоминаніе материнскаго заблужденія! заключилъ онъ, вынимая записку изъ ящика.

Ліана вырвала ее у патера и кинула на прежнее мѣсто.

— А это развѣ не воровство? воскликнула она. — Развѣ записка адресована на мое имя? Она останется тамъ, гдѣ лежала... несчастнымъ поступкомъ я не смою пятна съ репутаціи моей матери...

Она отвернулась и стала у другого конца письменнаго стола, съ явнымъ намѣреніемъ отойти какъ можно дальше отъ патера, осмѣливагося прикоснуться къ ней. При зеленоватомъ свѣтѣ лампы, падавшемъ на благородный профиль Ліаны, лицо ее ка

залось прекрасной камеей... Ясно, что онъ хотѣлъ набросить ей петлю на шею; одна минута слабости съ ея стороны—и она безвозвратно-бы погибла...

— Какъ у васъ достало наглости предлагать мнѣ участвовать въ такомъ темномъ дѣлѣ? спросила она.

— Вы ошибаетесь въ причинахъ, побуждающихъ меня такъ дѣйствовать, и относитесь вездѣ, гдѣ только можно, враждебно ко мнѣ, проговорилъ патеръ съ горькой тоской въ голосъ, въ которомъ слышалось что-то глубоко-страстное, неподдѣльное, вырвавшееся противъ воли.—А между тѣмъ у васъ на землѣ нѣтъ другого такого друга, какъ я.

— У меня на свѣтѣ два друга: братъ и сестра... другихъ друзей я не ищу, отвѣчала Ліана.

Патеръ, при этихъ словахъ, ударилъ себя кулакомъ въ грудь. Глаза его загорѣлись зловѣщимъ огнемъ и онъ сдѣлалъ шагъ къ молодой женщинѣ.

— Баронесса, произнесъ онъ хриплымъ голосомъ:—здѣсь, въ Шенвертѣ, вамъ не слѣдовало-бы говорить со мной такъ надменно и оскорбительно. Здѣсь вы еще не пустили корня; васъ, какъ былинку, можетъ разметать въ прахъ каждое дуновение вѣтра...

— Слава-богу, вашъ Шенвертъ, ни на іоту не сдвинулъ меня съ точки зрѣнія моихъ принциповъ.

— Но что за дѣло свѣту до вашей внутренней самостоятельности? свѣтъ съ унизительной улыбкой толкуетъ о вашемъ фальшивомъ положеніи въ этомъ домѣ и о поводахъ, которые побудили вашу матушку выдать васъ замужъ за Майнау.

Ліана еще болѣе поблѣднѣла.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? спросила она надтреснутымъ голосомъ.—Я сама очень хорошо понимаю причину, заставившую барона жениться на мнѣ... онъ искалъ матери для Лео и хозяйки для дома... Такого рода положеніе совсѣмъ не оскорбляетъ моего женскаго самолюбія, заключила она, гордо и спокойно, отворачивая отъ патера голову.

Хладнокровіе ея взбѣсило духовника.

— Положимъ, что это и такъ, быстро отвѣчалъ онъ.—Но недостатокъ въ хозяйкѣ дома рѣдко ощущался въ Шенвертѣ. Преклонные года и почетное положеніе гофмаршала дѣлали совсѣмъ излишнимъ присутствие дамы на празднествахъ въ Шен-

вертъ, а домашнее, внутреннее хозяйство онъ умѣетъ вести самъ не хуже любой женщины. Лео готовятъ къ военной карьерѣ; ему придется очень рано повинуть Шенвертъ и выйти изъ-подъ женскаго надзора, — слѣдовательно, трудно повѣрить, чтобы эти двѣ причины имѣлись въ виду. Я убѣжденъ, что главнымъ руководительнымъ поводомъ служила пламенная жажда мести; наконецъ, не понимаю, какъ можетъ не быть оскорблено самолюбіе женщины, когда ей въ глаза говорятъ, что она для того только сдѣлалась женою, чтобы служить орудіемъ пытки для другой женщины, чтобы мучить и терзать ее самымъ утонченнымъ образомъ.

Большіе, сѣрые глаза Ліаны тупо впились въ лицо патера, но именно это-то страдальческое молчаніе ея и взглядъ, полный ужаса, и подстрекнули іезуита продолжать свою жестокую рѣчь:

— Кто только знаетъ барона Майнау, тотъ скажетъ вамъ, что все, что баронъ дѣлаетъ и говоритъ, все бьетъ на рассчитанный эффектъ. Выслушайте исторію его жизни. Онъ, въ первые дни своей молодости, страшно былъ влюбленъ въ высокопоставленную женщину, которая отвѣчала ему тѣмъ-же пламеннымъ чувствомъ; но родные уговорили ее отказаться отъ любви и занять высокое положеніе въ краѣ. Баронъ Майнау, можетъ быть, справедливо называетъ этотъ поступокъ „преступной невѣрностью“, но, въ глазахъ приверженцевъ молодой женщины, она принесла страшную жертву долгу... Смерть сдѣлала снова свободной ту, которую любилъ баронъ; для бѣдной страдальцы въ пурпурѣ и горностаѣ взошла новая заря; она вознамѣрилась отречься отъ придворнаго блеска и вступить въ счастливый бракъ по любви. Но кто въ состояніи заранѣе опредѣлить планъ дѣйствій барона Майнау?... Втеченіи траурнаго періода онъ очень любезно ухаживалъ за дамой своего сердца и прикидывался дьявольски невиннымъ поклонникомъ ея до той минуты, когда она, пылая страстью и надеждой, ждала его пріѣзда, увѣренная, что онъ явится съ предложеніемъ; и вдругъ онъ, въ присутствіи всего двора, хладнокровно объявляетъ ей о своей помолвкѣ съ Юліаной, графиней Трахенбергъ. Безъ сомнѣнія, эта выходка произвела страшный эффектъ... и онъ адски торжествовалъ.

Ліана положила скрещенныя руки на высокіе орнаменты письменнаго стола и припала къ нимъ головой. Лучше-бы ей теперь

лежать глубоко подъ землею, чѣмъ слушать этотъ безошадный голосъ, разбивавшій такъ жестоко ея фамильную гордость и женское достоинство и наносившій ея сердцу неизлечимыя раны.

— Что послѣ разыгранной имъ комедіи могло произойти, до этого барону не было дѣла, продолжалъ патеръ, видимо торопясь, точно онъ боялся пропустить хотя одну секунду даромъ, изъ того времени, которое ему удалось, наконецъ, провести глазъ-на-глазъ съ Ліаной, безъ свидѣтелей.—Въ душѣ этого человѣка нѣтъ мѣста для понятій о долгѣ; онъ доказалъ это на своей первой супругѣ—благородномъ, увлекательно-прелестномъ созданіи, оставшемся постоянно въ полномъ пренебреженіи у мужа.— (Ліана подняла голову: патеръ лгалъ; благородной нельзя называть ту женщину, которая при каждомъ противорѣчій топчетъ ногами и бросаетъ въ людей, чѣмъ попало.)—Баронъ женился на ней также съ цѣлію показать ея свѣтлости, что онъ не горюетъ объ ея измѣнѣ... Баронесса, доля первой его жены была несравненно завиднѣе доли второй, которую онъ всецѣло принесъ въ жертву своему оскорбленному, безграничному тщеславію; на сторонѣ первой стоялъ отецъ, а для второй онъ врагъ и врагъ ужасный. Онъ очень хорошо понимаетъ, что заключеніе ненавистнаго для него второго брака племянника есть ничто иное, какъ повтореніе акта мести; онъ знаетъ, что ея свѣтлость пуститъ въ ходъ все, лишь-бы побѣдить, и онъ служить ей ревностнѣйшимъ союзникомъ. Что-жь мудренаго? Родословная дома Майнау завиднымъ образомъ украсится занесеніемъ въ число ея членовъ герцогскаго имени...

— Повторяю опять—къ чему вы мнѣ все это говорите? прервала вдругъ патера Ліана, вновь выпрямляясь.—Я добровольно уѣзжаю отсюда—это всеѣмъ вамъ извѣстно—и волноваться изъ-за меня ни герцогинѣ, ни ея союзнику болѣе не придется; но пока я не сбросила съ себя фамиліи Майнау, до тѣхъ поръ я не потерплю, чтобы человѣка, обвиняннаго со мной, чернили въ моихъ глазахъ, какъ-бы онъ виноватъ ни былъ. Прошу этого не забывать, ваше преподобіе! Къ тому-же я еще не рѣшила вопроса, что предосудительнѣе—легкомысліе-ли свѣтскаго человѣка или суетность духовнаго лица, который, зная обманъ, не посовѣстился призывать благословеніе на недостойную комедію! Первый—топчетъ женскія сердца, совершенно сообразно съ правилами людей

своего круга, другой-же кощунствуетъ, превращая алтарь въ театральные подмостки, на которыхъ онъ самъ разыгрываетъ роль талантливаго актера.—(Ліана говорила громко, безъ всякой предосторожности, не помня себя.)—Этотъ Шенвертъ просто яма, и къ чести Майнау надобно сказать, онъ не подозрѣваетъ этого... Онъ безсознательно проходитъ мимо преступленій, которыми кишитъ весь замокъ. Онъ не подозрѣваетъ, что документы, имъ самимъ подтверждаемые—фальшивые...

Ліана вдругъ испуганно замолчала. Патеръ ударилъ себя по лбу рукой, какъ-бы сообразивъ что-то, кинулся къ ящику стола, вытащилъ роковую бумагу, лежавшую сверху, и поднесъ ее къ лампѣ.

— Вы объ *этомъ* документѣ говорите, баронесса? Ученая мыслительница рассматривала его подъ микроскопомъ и открыла...

— Что онъ написанъ прежде карандашемъ, докончила рѣзко Ліана.

— Совершенно вѣрно! Сначала, черезъ стекло каждая буква обведена карандашемъ, а затѣмъ чернилами, спокойно отвѣчалъ патеръ.—Я знаю это очень хорошо, и знаю даже, до чего трудна и раздражительна для нервъ подобная работа, потому что я, я *самъ* составилъ и написалъ документъ. О! баронесса, не выражайте вашего отвращенія! Неужели мое униженіе передъ вами, моя полная откровенность не трогаютъ васъ, не имѣютъ цѣны въ вашихъ глазахъ?.. Вы смѣло можете прикоснуться къ моему рукъ: она не ради золота и богатства, не ради власти и славы, а ради болѣе возвышенной идеи рѣшилась на такой поступокъ... Развѣ я не могъ-бы точно такъ-же успѣшно сдѣлать тутъ приписку, предоставляющую нашему ордену какіе-нибудь капиталы или помѣстья? Баронъ Майнау вѣритъ въ подлинность бумаги, онъ не усомнился-бы и въ припискѣ... старикъ-же гофмаршалъ... Ну, тотъ, по извѣстнымъ причинамъ, *долженъ*-бы былъ повѣрить... Но вы видите, какъ я далеко былъ отъ корыстныхъ цѣлей; мнѣ хотѣлось спасти двѣ души: язычницу-мать окрестить, а сына ея сдѣлать миссіонеромъ... Въ нынѣшнемъ столѣтіи люди ненавидятъ и преслѣдуютъ какъ фанатизмъ такое пламенное самоотверженіе въ священникѣ; они забываютъ, что и желѣзныя стѣнки гранаты не выдерживаютъ силы заключеннаго въ нихъ пороха и изрыгаютъ пламя...

— Въ которомъ сожигаютъ еретиковъ, замѣтила ледянымъ тономъ Ліана, и опять отвернулась.

Патеръ скомкалъ записку въ кулакѣ.

— Но теперь это религіозное пламя погасло во мнѣ, пробормоталъ онъ задыхающимся голосомъ; видно было, что онъ страшно борется съ внутреннимъ волненіемъ.— Ни горячая молитва, ни самобичеваніе не въ состояніи его возжечь... я изнываю отъ другого огня.—(Патеръ протянулъ Ліанѣ руку со скомканной бумагой.)—Баронесса, сказалъ онъ,—вы можете обвинить меня въ подлогѣ, можете двумя словами освободить Габріеля отъ его обѣта, свернуть меня съ моего завиднаго поста и разомъ лишитъ того вліянія, той власти, какія я имѣю надъ высокопоставленными лицами... сдѣлайте все это! Я молча, не моргнувъ глазомъ, перенесу такое испытаніе... отдайте меня на растерзаніе многочисленнымъ врагамъ моимъ... только прошу васъ объ одномъ... позвольте мнѣ жить подлѣ васъ, когда вы покинете Шенвертъ.

Ліана посмотрѣла на него во всѣ глаза... Ужь не рехнулся ли патеръ?.. Она точно росла, выпрямляя свой величественный станъ.

— Вы забываете, ваше преподобіе, что мой братъ, главный патронъ Рудисдорфскаго прихода, имѣетъ право предоставлять у себя мѣста священниковъ только лицамъ духовнаго званія протестантскаго исповѣданія, отвѣчала она слегка дрожащимъ голосомъ, посмотрѣвъ на духовника съ презрительно-холодной улыбкой, черезъ плечо.

— Значитъ, правду говорить психологъ, приписывающій самую страшную жестокость женщинамъ съ золотыми волосами, прошипѣлъ сквозь зубы патеръ.—Вы умны и надменны, баронесса, какъ рѣдко кто изъ аристократовъ; графская кровь, текущая въ вашихъ жилахъ, пріучила васъ воображать, что при одномъ гордомъ поворотѣ вашей прекрасной головы „толпа“ должна падать предъ вами въ прахъ. Съ другими вамъ, пожалуй, удастся этого достигъ, но со мною—нѣтъ. Я послѣдую за вами, какъ тѣнь, не отстану ни на шагъ и, протянувъ за вами руку, не отниму ея, хотя бы мнѣ самому пришлось погибнуть. Бейте меня ногами, я все вытерплю молча, безъ сопротивленія... но отдѣлаться вамъ отъ меня не удастся. Я приученъ къ суровой школѣ; нашъ орденъ

требуетъ отъ насъ, чтобы здѣсь мы рыли, какъ кротъ, подземную мину, тамъ перекидывали мостъ черезъ бездну... на то-ли еще подвинетъ меня фанатическое увлеченіе, пока я не добьюсь своей цѣли, пока вы не будете принадлежать мнѣ!

Ужасъ оледѣнилъ всю кровь въ Ліанѣ. Теперь она догадалась, что патеръ хлопочетъ не объ обращеніи ея въ католицизмъ, а что онъ любитъ въ ней женщину. Такое открытіе поразило ее, какъ громомъ; она чувствовала, что вся дрожитъ отъ страха; но, несмотря на все нерасположеніе ея къ патеру, его энергическая рѣчь, его голосъ, въ которомъ слышались: мольба, буря чувствъ, тоска истерзаннаго сердца,—все виѣстѣ какъ-то магнетически повліяло на Ліану. Никогда въ жизни не слыхала она такихъ безумно-страстныхъ признаній изъ устъ мужчины... Можетъ быть, эта смѣсь негодованія и невольнаго минутнаго любопытства отразилась на миломъ, мраморно-блѣдномъ лицѣ молодой женщины, когда она повернула его къ духовнику. Потому что патеръ въ порывѣ страстнаго увлеченія, закинулъ голову назадъ, упалъ на колѣни и съ мольбой во взорѣ протянулъ впередъ руки, какъ-бы намѣреваясь обнять ноги Ліаны. Зеленоватый свѣтъ лампы непріятно освѣтилъ жертвенный овалъ его лица и безжизненное, какъ слонобая кость, пятно тонзуры посреди его темныхъ, кудрявыхъ волосъ... Ліанѣ представилось, что невидимый перстъ указываетъ ей на это пятно, какъ на печать Каяца; она оттолкнула отъ себя колѣнопреклоненнаго патера и бросилась отъ него въ противоположный конецъ залы.

— Лицемеръ! крикнула она не своимъ голосомъ.—Я скорѣе кинусь въ прудъ, чѣмъ позволю вамъ концемъ пальца дотронуться до моего платья.

Она сжала руки на груди и съузила плечи, какъ ребенокъ, который испугался и не смѣетъ двинуться съ мѣста. Уйти изъ комнаты она не смѣла до тѣхъ поръ, пока роковой документъ оставался въ рукахъ патера.

Она самымъ безразсуднымъ образомъ выдала сама себя ему.

Духовникъ медленно поднялся на ноги. Въ эту минуту томительнаго безмолвія въ залѣ, загремѣли колеса быстро катившейся еще вдали кареты; по вслѣдъ за тѣмъ гравій на дворѣ заскрипѣлъ подъ копытами бѣшевой сѣрой пары лошадей. Майнау уже пріѣхалъ обратно; онъ, видно, мчался сломя голову. Услыхавъ

шумъ внизу, передъ террасой, патеръ топнулъ ногой и съ нѣмымъ бѣшенствомъ въ глазахъ посмотрѣлъ на задернутыя занавѣсами окна; видно было, что онъ съ радостію пустилъ-бы стулъ или столъ въ голову пріѣхавшаго барона.

Ліана свободно перевела духъ; времени терять было нельзя.

— Я должна попросить ваше преподобіе, чтобы вы положили бушагу на прежнее мѣсто, произнесла она тихо, будучи не въ силахъ совладать съ дрожащимъ еще голосомъ.

— И вы воображаете, что я это сдѣлаю, баронесса! вотъ нашли простака! вселикнулъ онъ съ хриплымъ смѣхомъ.—Вы полагаете, что смертельно израненная вами жертва не имѣетъ уже болѣе силы защищаться? Будьте покойны, я еще въ состояніи думать. Я сейчасъ вамъ объясню вашъ планъ. Вы пришли сюда наверхъ съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться въ важной тайнѣ; вы съ микроскопомъ въ рукѣ докажете вашему супругу и гофмаршалу, что въ домѣ Майнау совершился отвратительный подлогъ, въ нѣкоторомъ родѣ похищеніе наслѣдства. Узнавъ, что вы обладаете такой тайной, васъ, само-собою разумѣется, попросятъ не уѣзжать въ Рудисдорфъ. Но что-жь вы чрезъ это выиграете? Баронъ васъ не любитъ и никогда любить не будетъ, несмотря на то, что вы красавица; сердце его, что вы ни дѣлайте, принадлежало и принадлежитъ герцогинѣ. Онъ къ вамъ теперь совершенно равнодушенъ... но когда вы откроете ему эту тайну, онъ возненавидитъ васъ... смотрите-же, до чего самоотверженна моя любовь... я этому помѣшаю.

Прежде чѣмъ Ліана успѣла опомниться, патеръ схватилъ опять розовую записку графини Трахенбергъ и очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ камина. Ни крикъ отчаянія молодой женщины, ни быстрое движеніе, съ которымъ она уцѣпилась за руку того самаго человѣка, которому запретила до себя дотрогиваться, ничто не помогло... документъ и записка были уже въ огнѣ и, вспыхнувъ, превратились мгновенно въ кучку пепла.

— Ну-съ, всемилостивѣйшая баронесса, жадуйте теперь на меня. Тотъ, кто будетъ искать въ ящикѣ документа, не найдетъ тамъ и записки графини Трахенбергъ, а что я ее сжегъ, этому никто не повѣритъ.

Патеръ все еще держалъ лѣвую руку передъ каминомъ, въ

видѣ обороны, хотя въ огнѣ вскорѣ не осталось и слѣда сгорѣвшихъ бумагъ.

Руки у Ліаны опустились; на лицѣ ея, ярко освѣщенномъ каминномъ, выразилось болѣзненное отчаяніе. Ея чистая, невинная дѣвственная натура, несмотря на твердость характера, не понимала вполне коварства патера, иначе эта стройная, нѣжная, какъ лилія, молодая женщина не рискнула-бы стоять почти у самаго плеча его, такъ что онъ прямо передъ собой видѣлъ ея бархатистый високъ и дѣтски-испуганные глаза, устремленные на огонь, и ему стоило сдѣлать только энергическое движеніе, чтобы овладѣть ею... Ліана была точно разбитая; она горько, глубоко вздохнула и дыханіе ея скользнуло по щекѣ духовника.

— Баронеса, еще есть время! воскликнулъ онъ, чувствуя, что кровь снова прихлынула къ его сердцу: — умилосердитесь надо мной, иначе я сейчасъ-же пойду къ баронамъ и признаюсь во всемъ...

Молодая женщина гордо отступила назадъ и смѣрила взглядомъ съ ногъ до головы патера.

— Это васъ однихъ касается... дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, отвѣчала она рѣзко.— Я, конечно, желала всей душой спасти Габріеля и, быть можетъ, для этой доброй цѣли рѣшилась-бы броситься къ ногамъ герцогини... но быть въ сообщничествѣ съ іезуитомъ—никогда!.. Я ужь теперь ничего не могу сдѣлать для мальчика, пусть онъ покорится своей жестокой долѣ... но я нахожу, что Германія совершенно права, выгоняя изъ своихъ предѣловъ іезуитовъ, и еще болѣе будетъ права, если возьметъ бичъ и начнетъ хлестать имъ этихъ злѣйшихъ враговъ патріотизма, умственного развитія и всякаго хорошаго дѣла... Вотъ вамъ мое послѣднее слово, ваше преподобіе. Теперь извольте идти и принимайтесь плести противъ меня интригу... плетите акуратнѣе, какъ свойственно послѣдователю Лойолы...

Она повернулась къ нему спиной и хотѣла поспѣшно выйти изъ залы; но вдругъ боковая дверь отворилась и гофмаршалъ, опираясь на костыль, появился въ комнатѣ.

— Куда вы запропастились, почтенный другъ мой? воскликнулъ онъ, пытливо оглядѣвъ всю залу.— Господи Боже мой! неужели такъ много нужно времени на то, чтобы вынуть изъ стола ключъ?

При входѣ старика Ліана остановилась на мѣстѣ и смотрѣла ему прямо въ лицо, между тѣмъ какъ патеръ, не двигаясь отъ камина, грѣлъ передъ огнемъ свои полныя, бѣлыя руки, точно чувствовалъ ознобъ.

Гофмаршалъ заковылялъ далѣе; онъ забылъ затворить за собой дверь, — до того его поразило то, что онъ видѣлъ.

— Э-э! баронеса! вы какъ очутились здѣсь? спросилъ онъ, опершись на костыль. — Или вы... но невозможно, чтобы вы просидѣли такъ долго въ полутемной залѣ... это немислимо при вашей мѣщанской привычкѣ употреблять съ пользой каждую секунду...

Вдругъ, какъ будто по предчувствію, онъ повернулъ голову къ письменному столу: роковой ящикъ съ рѣдкостями обазался такъ далеко выдвинутымъ, что можно было ожидать, что онъ, того и гляди, выпадетъ.

— А-а!.. протянулъ старикъ. — Какъ, баронесса! вы у меня тутъ шарили? спросилъ онъ съ язвительной улыбкой и кроткимъ тономъ инквизитора, который замѣчаетъ, что ловкій преступникъ теряетъ послѣднюю точку опоры. Онъ сомнительно покачалъ своей красивой головой. — Impossible! что-же это я говорю?.. эти прекрасныя ручки... эти аристократическія ручки дамы, которая имѣетъ счастье называться ввучкой принцессы фон-Тюргау... невозможно, хочу я сказать, чтобы такія высокородныя ручки унизились до того, чтобы рыться въ чужой собственности... *Fi donc!* извините, баронесса! я неприлично пошутилъ...

Онъ дотронулся до письменнаго стола, съ трудомъ оперся лѣвой рукой на костыль, а правой началъ перелистывать бумаги.

Ліана судорожно скрестила руки на груди; она видѣла, что гроза подходитъ. Патеръ преспокойно продолжалъ стоять передъ каминомъ, точно не слышалъ ничего изъ того, что происходило за его спиной... Планъ сраженія былъ, вѣроятно, уже готовъ у него...

Гофмаршалъ обернулся.

— И вы, должно быть, также пошутили, баронесса? произнесъ онъ, ослабивъ свое бѣлое, какъ мѣлъ, лицо. — Вы хотѣли со мной штучку сыграть? это очень мило... Я сегодня нѣсколько проболтался передъ ея свѣтлостью... но на будущее время буду умница... даю вамъ слово... а теперь, пожалуйста, возвратите мнѣ

мой прелестный *billet doux*!.. вы сами знаете, какъ онъ дорогъ моему сердцу!.. Какъ! вы отказываетесь?.. я готовъ былъ поклестся, что видѣлъ своими собственными глазами, какъ изъ кармана вашего платья выглядываетъ розовый уголокъ очаровательной записочки... Нѣтъ!.. Гдѣ письмо графини Трахенбергъ? отвѣчайте! гаркнулъ онъ, вдругъ измѣняя совершенно тонъ голоса.

Въ порывѣ неудержимаго бѣшенства онъ забылся до того, что замахнулся костью.

— Спросите у г. духовника, отвѣчала молодая женщина, помертвѣвъ отъ страха.

— У г. духовника? Развѣ графиня Трахенбергъ его мать? Гмъ! понимаю! онъ, можетъ быть, подсмотрѣлъ ваше дерзкое посягательство, и вы теперь обращаетесь къ его рыцарскимъ чувствамъ, христіанскому милосердію, просите у него руки помощи... но это вамъ не поможетъ, моя красавица... я хочу прямо изъ вашихъ устъ услышать, гдѣ письмо...

Ліана указала на каминъ.

— Оно сожжено, проговорила она беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

Въ это мгновеніе духовникъ въ первый разъ повернулъ слегка въ ея сторону голову и бросилъ на нее искоса растерянный взглядъ. Онъ не понималъ, какъ она не догадалась прибѣгнуть къ единственному средству—отпирательству.

Гофмаршалъ испустилъ дикій, хриплый вопль и будучи, не въ силахъ долѣе держаться на ногахъ, рухнулъ на ближайшій стулъ.

— И вы были свидѣтелемъ этого, ваше преподобіе? И вы спокойно допустили совершиться этому гнусному дѣлу? процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Въ настоящую минуту я не могу вамъ отвѣчать, г. гофмаршалъ: вы должны прежде успокоиться... Дѣло произошло совсѣмъ не такъ, какъ вы предполагаете, возразилъ уклончиво духовникъ, медленно подходя къ старику.

— Въ самомъ дѣлѣ? этого только недоставало, чтобы и вы увертывались... Неужели еретическій духъ подъ красными косами кружить до такой степени мужскія головы, что онѣ начинаютъ бунтовать? Раулю я уже давно больше не довѣряю...

Старикъ вдругъ закусилъ себѣ губу; ясно было, что послѣднія слова вырвались у него противъ воли.

На духовника они подѣйствовали, какъ неожиданный ударъ по лицу. Съ ужасомъ взглянувъ въ ту сторону, гдѣ стояла Ліана, онъ поднялъ руку, какъ-бы съ намѣреніемъ зажать ротъ неосторожному гофмаршалу.

— Я васъ не понимаю, г. гофмаршалъ, сказалъ онъ строгимъ, предостерегающимъ тономъ.

— Боже мой! да я говорю это относительно его католическихъ воззрѣній! сердито крикнулъ старикъ.

Человѣкъ, о религіозныхъ воззрѣніяхъ котораго шла рѣчь, поднимался, въ эту минуту, по лѣстницѣ, устланной турецкими коврами. Ліана стояла по-прежнему передъ отворенной дверью; она видѣла насквозь весь ярко освѣщенный коридоръ, который примыкалъ къ залитой свѣтомъ ротондѣ, откуда начиналась лѣстница. На верхней ступенькѣ показался Майнау, закутанный въ непромокаемый плащъ; онъ остановился на минуту, чтобы сбросить его съ плечъ. Можетъ быть, онъ издали увидѣлъ фигуру жены, свѣтлое платье которой выдѣлялось на темномъ фонѣ полукруглой залы, только, вмѣсто того, чтобы повернуть на свою половину, онъ прямо пошелъ по коридору.

— Ага! вотъ и онъ! очень кстати, воскликнулъ обрадованный гофмаршалъ, услыхавъ стукъ знакомыхъ шаговъ.

Онъ оправился на стулѣ, приготовляясь къ бою, и хихикая потиралъ свои сухія руки.

— Г. гофмаршалъ, покорнѣйше прошу васъ помолчать вначалѣ, произнесъ духовникъ необычнымъ повелительнымъ тономъ, сдерживая голосъ, въ которомъ, однако, слышался страхъ.

Майнау стоялъ уже на порогѣ залы.

— Значить, я не долженъ чего-то знать, ваше преподобіе? рѣзко спросилъ онъ. Его чуткое ухо услышало предостереженіе патера. Пламенный взглядъ его перелетѣлъ съ лица духовника на лицо жены.—Значить, тутъ есть тайна... тайна между г. духовникомъ и моею женой, и тебя, дядя, просить ее не выдавать, прибавилъ онъ съ легкимъ удареніемъ.—Признаюсь, меня сильно это интересуетъ... тайна между строго-католическимъ патеромъ и еретичкой... Пикантно... Вѣрно, одинъ изъ интересныхъ опытовъ обращенія? не такъ-ли, дядя?..

— Напрасно ты такъ думаешь, Рауль. Нашъ милый духовникъ слишкомъ уменъ и благоразуменъ, чтобъ терять понапрасну время и слова; притомъ баронесса даже и не протестантка... Нѣтъ, другъ мой, тайна принадлежитъ баронессѣ одной, а г. патеръ, нечаянно ее подсмотрѣвшій, на-столько рыцарь и христианинъ. что не желаетъ компрометировать дамы... И я-бы смолчалъ — Боже мой! вѣдь не разучишься быть джентльменомъ — но ты требуешь, чтобы я тебѣ отвѣчалъ... у меня голова такая глупая... старая... выдумать какую-нибудь басню не сумѣеть...

— Къ дѣлу! къ дѣлу, дядя! крикнулъ Майнау грубымъ, глухимъ голосомъ.

Страшно было видѣть это блѣдное лицо съ судорожно сжатыми губами и съ глазами, горѣвшими, какъ угли.

— Ну, хорошо, хорошо... рассказывать недолго... Ты забылъ ключъ отъ ящика письменнаго стола, именно отъ того ящика, въ которомъ лежала записка графини Трахенбергъ. Сознаюсь, виноватъ, я слишкомъ часто надѣдалъ баронессѣ этимъ интереснымъ документомъ; она нашла, что будетъ полезнѣе уничтожить его... она осталась одна здѣсь въ залѣ, воспользовалась удобнымъ случаемъ и отправила мою хорошенькую розовую записочку въ каминъ... А? какъ тебѣ нравится?.. Не досадно-ли, что я только незадолго передъ тѣмъ замѣтилъ, что у меня нѣтъ ключа... г. духовникъ вызвался принести мнѣ ключъ, и это обстоятельство было причиной, что онъ невольнымъ образомъ сдѣлался свидѣтелемъ аутодафе; я-же, встревоженный его долгимъ отсутствіемъ, самъ приплелся сюда... вхожу и вижу, что мой почтенный другъ съ видимымъ испугомъ стоитъ передъ каминомъ, а баронесса собирается бѣжать отъ меня — но уже поздно... Посмотри: выдвинутый ящикъ ясно говоритъ за себя...

Ліана, видя, что буря уже окончательно разразилась надъ ея головой, опустила прижатый къ губамъ носовой платокъ и, безъ кровинки въ лицѣ, точно мраморная, подошла ближе къ мужу.

— Оставь, Юліана! произнесъ онъ ледянымъ тономъ, отстраняя ее правой рукой и дѣлая жестъ, чтобы она молчала. — Дядя судить о фактѣ съ точки зрѣнія человѣка предубѣжденнаго; что ты не дотронулась до записки — въ этомъ я увѣренъ, и горе тому, кто осмѣлится взвести на тебя такое пошлое обвиненіе, но

вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не выразить тебѣ моего удивленія, что ты, въ такое время, находишься здѣсь...

— Ага! мы исходимъ изъ одного и того-же пункта! замѣтилъ со смѣхомъ гофмаршалъ.

— Чай пить еще рано, продолжалъ Майнау, не обращая вниманія на слова дяди; — при этомъ жалкомъ освѣщеніи вышивать невозможно, да я и не вижу здѣсь ни твоей рабочей корзинки, ни книги, по которымъ можно было-бы заключить, что ты занималась... обыкновенно, ты первая уходишь на свою половину и послѣдняя являешься къ чаю... Основываясь на всемъ этомъ, повторяю, что меня въ высшей степени удивляетъ твое присутствіе здѣсь... Я могу его объяснить себѣ только слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, тебѣ прислали приказаніе явиться сюда, и ты повиновалась... Юліана! значитъ, птичка попала въ силки... и погибла, безвозвратно погибла... Ты прикована теперь къ рукѣ, которая—конечно, безъ твоего согласія и даже къ великому твоему ужасу—оказала тебѣ *нужную* услугу—сожгла компрометирующую записку... Пастъ—ты еще не пала, но все-таки погибла... зачѣмъ ты пришла?..

— Что это значитъ, Рауль? Что ты тамъ за вздоръ говоришь? крикнулъ гофмаршалъ, видѣ себя отъ изумленія.

Майнау расхохотался, но такъ горько, что, казалось, стѣны задрожали.

— Пусть г. духовникъ переведетъ тебѣ мои слова, дядя... онъ такъ давно уже загоняетъ жирныхъ карповъ въ огромный неводъ Рима, что ему можно извинить, если онъ хоть разъ уганяетъ въ своемъ кулакѣ хорошенькую, маленькую золотую рыбку... Вашъ орденъ, ваше преподобіе, отрицаетъ, въ новѣйшія времена, приписываемое ему извѣстное правило: цѣль освящаетъ средства; очень можетъ быть, что, изъ предосторожности, объ этомъ лозунгѣ никогда не упоминается въ официальныхъ бумагахъ, но тѣмъ сильнѣйшее онъ производитъ впечатлѣніе, когда нашептывается на ухо въ видѣ поученія... Нельзя не отдать вамъ справедливости, что вы очень ловко умѣете пользоваться такой драгоценной сдѣлкой съ совѣстью, даже для частныхъ интересовъ... или, можетъ быть, вотъ эти прекрасныя губки сами вызвали васъ на это...

— Я долженъ вамъ признаться, г. баронъ, что рѣшительно

не понимаю, что вы хотите сказать вашими намеками, возразилъ совершенно спокойно духовникъ. Онъ усилъ уже въ это время принять на себя внушающій, почти вызывающій видъ, хотя горящія ненавистью глаза на его блѣдномъ лицѣ далеко не свидѣтельствовали о внутреннемъ спокойствіи.

— Что за глупости! рѣшительно не понимаю, на что ты намекаешь, Рауль, сказалъ старикъ, нетерпѣливо задвигавшись на стулѣ.

— За то я понимаю, Майнау! произнесла совершенно уничтоженная Ліана, и подняла руки къ небу съ видомъ отчаянія. Ей показалось, что надъ нею разразились громы небесные.

— Комедіантка! проворчалъ гофмаршалъ, въ негодованіи отворачивая голову.

Въ эту минуту къ нему подошелъ тяжелой поступью духовникъ.

— Не грѣшите, г. гофмаршалъ! остановилъ онъ его строгимъ, повелительнымъ голосомъ; — эта бѣдная молодая женщина, которую такъ мучать, находится подъ моей защитой. Я не допущу, чтобы такую ангельски-чистую душу...

— Ни слова болѣе, г. духовникъ! крикнула внѣ себя Ліана. Глаза ея метали искры. — Вамъ извѣстно, что я однимъ поворотомъ головы повергаю въ прахъ толпу, что я надменна и умна, какъ рѣдкая изъ аристократовъ, что княжеская кровь течетъ въ моихъ жилахъ — это ваши собственные слова, незадолго передъ этимъ вами сказанныя, — и между тѣмъ, вы, непрощенный и незванный, осмѣливаетесь объявлять себя моимъ защитникомъ! Неужели вы сами не могли сообразить, что графиня Трахенбергъ не только не потерпитъ подобной навязчивости, но уже по своему происхожденію считаетъ ее немислимой... Передъ вами стоитъ образцовый актеръ и комедіантъ, г. гофмаршалъ, — (она указала рукой на патера); — прикажите ему рассказывать... пусть онъ вамъ опишетъ, что происходило въ этой залѣ, такъ, какъ вамъ и ему удобнѣе... я-же считаю это за потерянный трудъ, а главное, считаю недостойнымъ себя раскрыть даже ротъ, чтобы защищаться передъ вами...

Она быстро отвернулась и остановилась передъ мужемъ. Они смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Я ухожу, Майнау, произнесла она. Въ энергическомъ, твер-

домъ за минуту голосъ ея теперь слышалось что-то въ родѣ рыданія.—Нѣсколько дней тому назадъ я покинула-бы Шенвертъ, не сказавъ и тебѣ ни одного слова въ защиту моей чести; но теперь я поступлю иначе. Съ тѣхъ поръ, какъ я глубже заглянула въ твою душу, я стала ближе къ ней; я уважаю тебя, хотя даже въ настоящую минуту, къ великому моему прискорбію, убѣдилась вполне, до какой степени ты можешь быть слабъ и ослѣпленъ и до какой степени растлили твой взглядъ на вещи, потому что ты даже не понимаешь, какое отвращеніе въ состояніи внушить человѣку грѣхъ... Я, конечно, никогда не соглашусь ни на словахъ, ни письменно разсказать тебѣ, что здѣсь произошло; но у меня есть братъ и сестра, которые тебѣ все передадутъ...

Она замолчала и вышла въ коридоръ.

— Бога ради, Рауль, не дѣлай скандала! надѣюсь, что ты не повѣрилъ этой безстыдной интриганткѣ? Заклинаю тебя памятью отца, не позволяй возстановлять себя противъ безцѣннаго, вѣрнаго друга нашего дома! О, Боже мой! милѣйшій, добрѣйшій патеръ, уведите меня скорѣе въ мою спальню... мнѣ очень не хорошо...

Ліана слышала, какъ гофмаршалъ кричалъ все это, въ то время, какъ она затворяла за собой дверь.

Надо сознаться, что одинъ комедіантъ стоилъ другого. Своимъ притворнымъ нездоровьемъ, гофмаршалъ, какъ флагомъ, прикрылъ вѣрнаго друга и наперстника и спасъ его въ своей спальнѣ отъ столкновенія съ раздраженнымъ племянникомъ.

ГЛАВА XXI.

Горько улыбаясь и едва удерживая слезы, Ліана медленно спустилась по лѣстницѣ. Трое мужчинъ, оставленныхъ ею на верху, нѣсколько дней будутъ находиться въ натянутыхъ отношеніяхъ между собой; затѣмъ время и этикетъ дадутъ улечься возбужденнымъ враждебнымъ элементамъ, а она, какъ жертва, сброшенная во время катастрофы въ пропасть, покроется землей. Кто тогда вспомнить о разведенной женѣ? Въ высшемъ свѣтѣ

непріятныя происшествія невыразимо быстро поростають травой забвенія.

Въ ея гардеробной, передъ трюмо, горѣли лампы; Анна пред-полагала, что баронесса передъ чаемъ замѣнитъ легкій лѣтній туалетъ теплымъ домашнимъ платьемъ, такъ-какъ на дворѣ было отвратительно сыро и холодно. Бѣлая изразцовая печь, сверхъ обыкновенія, топившаяся теперь, въ это время года, разливала пріятную теплоту; сквозъ отверстие мѣдной дверки огонь бросалъ багровый свѣтъ на половой коверъ. Въ этотъ-то тихій, уютный уголокъ Ліана вошла съ страшнымъ волненіемъ въ крови и со слезами на глазахъ; она вошла сюда въ послѣдній разъ, для того, чтобы собраться въ путь...

Отославъ горничную ужинать въ людскую, молодая женщина заперла за нею ту дверь, которая вела въ наружную колонаду.

Всѣ окна въ отдѣленіи Ліаны были закрыты ставнями, только два окна въ голубомъ будуарѣ оказались открытыми. Ліана имѣла обыкновеніе сама затворять ихъ, изъ опасенія, чтобы недовкія руки горничной какъ-нибудь не повредили ея прекрасныхъ азалий. Дождикъ неумоимо шумѣлъ и лилъ изъ темныхъ облаковъ; сырой воздухъ тяжелой волной вливался въ комнату, обдавая влагой атласныя стѣны; изрѣдка вдали еще гремѣлъ громъ, и послѣ каждаго взрыва бури дождь усиленнѣе начиналъ барабанивать по мокрому гравію. Стройные, почти живые акорды неслись отъ золотыхъ арфъ въ саду, то усиливаясь вмѣстѣ съ вѣтромъ, то замирая подъ шумомъ падающей водяной массы.

Ліана постояла съ минуту у открытаго окна; ее охватила дрожь. И въ такую-то погоду, ночью, она собралась уйти, уйти пѣшкомъ! она хотѣла такъ незамѣтно и тихо покинуть Шенвертъ, чтобы никто не могъ сказать, когда она ушла... Провести хоть одну ночь подъ одной крышей съ тѣмъ, кто обвинилъ ее въ наклонности къ измѣнѣ и объявилъ ее безвозвратно погибшей—она ни за что не согласилась-бы. На ея бѣдную голову сыпалось столько оскорбительныхъ для чести упрековъ, по милости-же коварства патера она была до такой степени лишена всѣхъ средствъ доказать свою невинность, что понять ея положеніе могла только женщина, выросшая и воспитанная въ одинаковыхъ съ нею правилахъ и убѣжденіяхъ. Этому чистому, безпомощному существу

оставался одинъ исходъ: бѣжать къ брату и сестрѣ и передать въ ихъ руки свою защиту.

Ліана заперла окна и спустила шторы. Вдругъ въ сосѣдней гостиной послышались торопливые шаги и чья-то сильная рука схватилась за дверной замокъ; но голубой будуаръ оказался запертымъ. Ліана сжала себѣ сердце, готовое выскочить изъ груди... За дверью стоялъ Майнау и требовалъ, чтобы его пропустили... Нѣтъ! ни за какія блага въ мірѣ она не позволитъ ему войти! Конечно! теперь она уже не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ!...

Баронъ громко постучалъ пальцемъ въ дверь!

— Юліана! отвори! крикнулъ онъ повелительнымъ голосомъ.

Она точно застыла на мѣстѣ, не смѣя перевести духъ, и испуганно оглядывала свое платье, изъ опасенія, чтобы какой-нибудь легкой шорохъ его складокъ не выдалъ ея присутствія.

Онъ два раза окликнулъ ее, при чемъ сильно трясъ дверь; затѣмъ она услышала, какъ онъ отошелъ и отперъ большую дверь, выходящую въ колонаду. Отъ вниманія Ліаны не скрылось, что онъ не заперъ эту дверь.

Майнау, какъ можно было догадываться, убѣждалъ въ страшномъ раздраженіи. Ліана съ глубокимъ вздохомъ вернулась въ свою уборную и горько заплакала; она стыдилась этихъ слезъ. Есть-ли что-нибудь на бѣломъ свѣтѣ непослѣдовательнѣе, загадочнѣе женскаго сердца? Оно у Ліаны въ настоящую минуту готово было разорваться на части отъ нѣмого отчаянія; бѣдная молодая женщина закрыла лицо руками, какъ-бы боясь, чтобы чей-нибудь насмѣшливый взглядъ не проникъ въ ея колеблющуюся душу; саму себя она уже не могла обмануть; если-бы онъ сейчасъ вошелъ въ комнату, она-бы не выдержала и сказала-бы ему: „Хотя я и ухожу, но знай, что я тебя никогда не забуду“... Какое-бы это было торжество для его демоническаго характера! значить, передъ нимъ, дѣйствительно, не можетъ устоять ни одна женщина; даже та, съ которой онъ обращался такъ оскорбительно-холодно, сурово отстраняя отъ всякаго сближенія съ собой, на которой онъ женился только за тѣмъ, чтобы утолить свою жажду мести къ другой, горячо любимой имъ красавицѣ, — женщина, которой онъ далъ свое имя, въ дѣйствительности-же поставилъ какъ гувернантку въ домъ, — и та владеть къ его ногамъ свою гор-

дось, свое дѣвическое достоинство и говорить ему: „Нѣтъ, я тебя никогда не забуду!“ — Но, слава-Богу, онъ ушелъ, не видѣлъ ея борьбы и никогда объ ней не узнаеть. Вдругъ губы Ліаны приняли какое-то жесткое выраженіе. Ея воображенію ясно представилась пара сѣрыхъ передъ параднымъ крыльцомъ герцогскаго замка; она видѣла, какъ смѣлый наѣздникъ въ темномъ плащѣ въ одно мгновеніе очутился у подножки и какъ красивая, гордая герцогиня, опираясь на его руку, выходитъ изъ кареты... Кто знаетъ? можетъ быть, эта ночная поѣздка была заранѣе условлена между ними?... Озлобленіе и подозрительность Ліаны дошли до такой степени, что она стала предполагать, не съ умысломъ-ли Майнау обвинилъ ее въ измѣнѣ, чтобы ускорить разводъ... Ахъ, Боже мой! да изъ-за чего она такъ волнуется? Не любовь-же она къ нему чувствуетъ, вовсе не любовь; отъ этого ее предохранить родовая трахенбергская гордость; ей горячо хотѣлось одного только — сохранить хоть на-время его дружбу... но она возвратится домой — и тотчасъ-же побѣдитъ въ себѣ это чувство...

Ліана отперла сундукъ съ фамильными драгоценностями Майнау и повѣрила ихъ по списку; точно также пересчитала она свертки золота въ письменномъ столѣ, — она не дотрогивалась ни до одного изъ нихъ; затѣмъ, запечатавъ оба ключа въ одинъ конвертъ, она адресовала его на имя мужа и положила на письменный столъ. Вещи, къ которымъ ей не хотѣлось, чтобы прикасались чужія руки, она уложила въ маленькій сундучекъ, все же прочее она намѣрена была приказать выслать къ себѣ черезъ горничную.

Въ этихъ приготовленіяхъ прошло два часа; она подняла стору въ голубомъ будуарѣ; на дворѣ уже было очень темно. Длинный лучъ отъ лампы, стоявшей въ комнатѣ, падалъ на площадку, усыпанную гравіемъ, и освѣщаль большія лужи мутной воды, которыя изрѣдка рябились отъ дождевыхъ капель; дождь переставалъ, но буря продолжалась; она съ визгомъ вылетала изъ-за угла, точно заблудившись въ дворахъ, дворикахъ и длинной колонадѣ обширнаго замка, и, врывавшись опять на просторъ, неслась въ паркъ.

Однако, пора было идти. Ліана замѣнила свой свѣтлый костюмъ темнымъ платьемъ, набросила на себя черный бархатный

плащъ, а капюшонъ его надѣла на голову. Горько плача, вошла она на минуту въ спальню Лео и приложила свою щеку къ подушкѣ, подлѣ которой она до сихъ поръ сидѣла каждый вечеръ, пока свернувшійся подъ одѣяльцемъ ея балованный шалунъ не закрывалъ своихъ блестящихъ глазъ. Онъ сидѣлъ теперь на верху у дѣдушки и не подозрѣвалъ, что она обливаетъ слезами его подушку, и что та, къ которой такъ страстно привязалось его своеправное дѣтское сердце, собирается въ эту бурную ночь покинуть замокъ, съ тѣмъ, чтобы никогда больше въ него не вернуться.

Ліана почти неслышно отодвинула задвижку двери голубого будуара и, ступивъ на порогъ гостиной, оторопѣла и отшатнулась назадъ. Она рассчитывала выйти въ совершенно темную комнату, и вдругъ оказалось, что тамъ зажжена большая височная лампа, а черезъ отворенныя настежь обѣ половинки парадной двери виднѣнъ яркій свѣтъ газа, горѣвшаго въ колонадѣ. Ліана не двинулась съ мѣста; въ испугѣ, притаивъ дыханіе, ослѣпленная свѣтомъ, она сбросила черный капюшонъ съ головы и открыла совсѣмъ свое милое, блѣдное личико; но прежняя рѣзкая линія около губъ вдругъ обозначилась еще рѣзче, а блестящія, какъ сталь, сѣрые глаза приняли вызывающее выраженіе: она замѣтила въ нишѣ одного окна барона Майнау, стоявшаго тамъ съ скрещенными на груди руками.

— Ты заставила меня долго дожидаться, Юліана, сказалъ онъ такъ спокойно, какъ-будто дѣло шло о заранѣе условленной между ними поѣздкѣ въ концертъ или въ театръ.

Затѣмъ онъ быстро подошелъ къ отворенной въ колонаду двери и запахнулъ обѣ половинки ея. Ясно было, что онъ нарочно отперъ ее, чтобы имѣть возможность видѣть насквозь всю колонаду и помѣшать бѣгству жены черезъ уборную.

— Ты хочешь пойти прогуляться? спросилъ онъ, подходя къ ней и придавая своему голосу тотъ саркастическій тонъ, котораго она такъ боялась, хотя въ глазахъ его сверкнулъ злобѣщій огонь.

— Какъ видишь, отвѣчала холодно Ліана, и повернула въ сторону, по направленію къ двери.

— Въ такую-то погоду? странная фантазія! Развѣ ты не слышишь, какъ реветъ буря? Ты не въ силахъ будешь дойти

до первой лужайки въ саду, увѣрлю тебя; аллеи превратились въ рѣки... Берегись, Юліана; ты можешь поплатиться за этотъ маленькій капризъ насморкомъ или ревматизмомъ.

— Къ чему эта комедія? спросила Ліана, останавливаясь передъ мужемъ.— Ты знаешь очень хорошо, что это не капризъ; я тебѣ сказала наверху, что уйду, и ты видишь теперь, что я собиралась въ дорогу.

— Въ самомъ дѣлѣ? И ты нахѣрена вотъ такъ, какъ есть, въ бархатномъ плащѣ, съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ прогуляться до Рудисдорфа?

Ліана слабо улыбнулась.

— Я дойду только до резиденціи... поѣздъ отходитъ оттуда въ десять часовъ...

— Вотъ какъ! отлично! Въ Шенвертѣ конюшни полны лошадей, въ сараяхъ стоитъ много покойныхъ, красивыхъ экипажей, а баронесса предпочитаетъ *rag pedes* удалиться изъ дому, потому что...

— Въ ту минуту, когда я наверху, въ залѣ, твердо рѣшилась сегодня-же уйти, я перестала считать себя членомъ вашего семейства и не признаю за собой права требовать здѣсь въ домѣ чего-бы то ни было...

— Да, продолжалъ баронъ съ холодной улыбкой, но возвышая голосъ,— потому что вѣдь это такъ раздрачительно-жалко, такъ поразительно-ужасно будетъ звучать, когда завтра утромъ во всѣхъ углахъ резиденціи начнутъ рассказывать: ахъ, эта бѣдная молодая жена Майнау! съ нею въ Шенвертѣ до того дурно обращались, что она бѣжала оттуда! бѣшеная буря ударила ее о пень дерева... она упала безъ чувствъ на дорогу и ее нашли въ лѣсу съ блѣднымъ, страдальческимъ личикомъ и съ роскошными золотистыми косами, облитыми кровью...

Майнау заступилъ Ліанѣ дорогу, потому что она, видѣвъ себя отъ негодованія, бросилась-было бѣжать съ восклицаніемъ досады.

— При твоёмъ сильномъ, зрѣломъ умѣ и здоровомъ, ясномъ взглядѣ на вещи, ты невѣроятно наивна, Юліана.— (Сарказма точно не бывало ни на лицѣ, ни въ голосѣ.)— Ты думаешь, какъ мужчина, а дѣйствуешь иногда, какъ испуганное дитя. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сказать кому-нибудь правду въ глаза, ты превращаешься въ настоящую героиню и языкъ твой рѣжетъ,

какъ бритва; когда-же тебѣ понадобится защищать себя самое, ты сворачиваешь съ дороги и прячешь голову, какъ страусъ; чувствуешь себя невинной и бѣжишь. Развѣ ты не понимаешь, что однимъ этимъ шагомъ ты навлекаешь на свою голову осужденіе всего свѣта? Женщина, которая въ бурную ночь, одна, оставляетъ домъ своего мужа, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе въ него не возвращаться, есть и будетъ *блѣянка*. Это названіе звучитъ очень рѣзко и оскорбительно для твоего нѣжнаго уха,— но что жь дѣлать, я не могу прибрать другого слова.

Майнау схватилъ жену за руку, видя, что она хочетъ отворить дверь; но она такъ вѣрно уцѣпилась пальцами за ручку двери, что ему пришлось-бы употребить грубую силу, чтобы остановить ее. На лицѣ его внезапно мелькнуло выраженіе такого дикаго бѣшенства, что Ліана вздрогнула, однако, тотчасъ-же оправилась и сказала спокойнымъ голосомъ:

— Не забудь, что я простила съ тобой передъ двумя свидѣтелями и предупредила тебя о своемъ уходѣ,—слѣдовательно, о тайномъ бѣгствѣ изъ твоего дома не можетъ быть и рѣчи. Если же злые языки начнутъ меня терзать—пускай ихъ! Боже мой! какое значеніе имѣетъ для свѣта моя личность? Я не настолько самолюбива, чтобы думать, что свѣтъ долго будетъ заниматься мною; къ тому-же это было-бы и мудрено: я мгновенно сойду со сцены... А теперь, Майнау, прошу тебя—дай мнѣ дорогу... Вторично прощаться съ тобой я не стану: мы люди не сантиментальныя.

— Да, правда... только у меня, несчастнаго, что-то въ груди разрывается... кричать хочется...—(Онъ отступилъ на шагъ отъ двери.)—Дорога открыта, Юліана, т. е. открыта для насъ обоихъ... Не думай, пожалуйста, что я позволю тебѣ одной литься передъ судьями, которые непременно возьмутъ сторону истицы. Ты хочешь отдать разбирательство нашего дѣла въ руки твоего брата и твоей сестры. Хорошо, но только я буду присутствовать при этомъ... Я прикажу заложить карету и поѣду вмѣстѣ съ тобой; пусть благоразумная, мудрая Ульрика разсудитъ насъ.

— Ты не осмѣлишься этого сдѣлать, Майнау! воскликнула въ испугѣ Ліана. Отъ сильнаго движенія капюшонъ соскользнулъ съ ея головы, полураспушенные волосы разсыпались золотистыми кольцами по черному бархату, зонтикъ ея упалъ на полъ, она

крѣпко прижала руки къ груди.— Я испытала много горя въ твоёмъ домѣ, но никогда въ жизни не соглашусь, чтобы ты стоялъ, какъ обвиненный, передъ строгими, правдивыми глазами Ульрики... мнѣ этого не перенести... Что ты ей отвѣтишь, когда она спроситъ, что побудило тебя просить руку ея сестры? Ты долженъ будешь сказать: меня побудило желаніе отомстить другой женщиной; я публично объявилъ о своей помолвкѣ съ графиней Трахенбергъ съ единственной цѣлью—чтобы въ присутствіи цѣлаго двора вонзить ножъ въ сердце герцогини.

Лицо Майнау помертвѣло; онъ медленно, механически поднялъ правую руку и засунулъ ее за бортъ сюртука; его молчаніе и эта поза придавали ему видъ человѣка, который знаетъ, что онъ погибъ, и съ притворнымъ спокойствіемъ ждетъ своего приговора.

— Ты спросишь, что дальше, Майнау? продолжала неумолимая Ліана;—дальше ты скажешь слѣдующее: такъ-какъ приличіе не позволяло тотчасъ-же прогнать эту жалкую статистику, то я нарядилъ ее въ шелкъ и бархатъ и составилъ для нея программу дѣйствій, завелъ ее, какъ часы, отъ которыхъ только и требуется, чтобы они, въ назначенный промежутокъ времени, обязательно и правильно отщелкивали свое однообразное тикъ-такъ. Я зналъ, что главную роль въ моёмъ домѣ играетъ старшій, больной, озлобленный человѣкъ; я зналъ, что при немъ исполненіе въ точности моихъ предписаній будетъ для нея исполненьской задачей; для этого необходимо примѣрное самоотверженіе, полнѣйшее отсутствіе нервъ, родовой гордости и горячей крови,—о! да, это само собой разумѣлось у куклы, которая носила мое имя, ѣла за моимъ столомъ и спала подъ крышей моего замка!

Ліана замолчала; задыхаясь отъ волненія, она раскрыла губы и закинула голову назадъ, какъ-бы сбрасывая съ себя страшную тяжесть, которая въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль давила ея сердце и душила горло.

— Ты кончила, Юліана? Ты позволишь теперь высказать мой собственный отвѣтъ Ульригѣ? спросилъ беззвучно Майнау.

Въ этотъ голосъ, передъ которымъ всѣ женщины до сихъ поръ дрожали, какъ овечки, слышалась теперь невыразимая кротость.

— Нѣтъ, не кончила! возразила молодая женщина. Хлебнувъ изъ чаши мести, она впервые почувствовала, какъ сладко

платить холодностью за холодность, презрѣніемъ за презрѣніе. Упиваясь опьяняющимъ ядомъ, она увлеклась, не подозревая, что эта пламенная жажда мести и есть доказательство другой, глубокой, безнадежной страсти.—Этотъ бѣдный автоматъ, продолжала она, —вѣчно вышивающій или твердящій дѣтскіе вокабулы, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, выказалъ большое отсутствіе такта. Онъ не счумѣлъ сократить свой дебютъ въ домѣ Майнау, пропустилъ настоящую минуту, когда ему можно было удалиться, не нарушая приличій, и довель себя до того, что стали прибѣгать къ самымъ грубымъ мѣрамъ и оскорбительнымъ для его чести навѣтамъ, чтобъ только поскорѣе отъ него отдѣлаться.

— Юліана!—(Онъ пригнулся къ лицу жены и посмотрѣлъ въ ея широко-раскрытые глаза, устремленные на него съ какой-то зловѣщей неподвижностью, похожей на безуміе.)—Какъ жаль, что ты омрачаешь свой ясный умъ такимъ nepозволительнымъ недовѣріемъ! Я много виноватъ; я оставлялъ тебя большую часть времени одну, и если мнѣ придется оправдываться передъ Ульрикой, то въ этомъ отношеніи я не найду, что сказать... Юліана! не гляди на меня такъ пристально! умолялъ онъ, притягивая ее къ себѣ за руки;—ты занеможешь отъ этого страшнаго напряженія...

— Такъ оставь меня въ покоѣ... ты вѣдь не можешь видѣть больныхъ людей...

Онъ уныло отвернулся отъ нея; но какъ онъ ни вертѣлся, Ліана неутомимо подставляла ему зеркало, въ которомъ онъ видѣлъ отраженіе своего характера въ самыхъ отвратительныхъ, но поразительно вѣрныхъ чертахъ. Она, повидимому, не пропустила безъ вниманія ни одной безсердечной его выходки. Онъ мастерски могъ вести салонный разговоръ; для него въ обществѣ не существовало ни подводныхъ камней, ни безднъ; у него всегда былъ наготовѣ легонькій мостикъ изъ искрающейся насмѣшки или тонкой остроты; и вдругъ—въ столкновеніи съ честной, по его вину озлобленной женской натурой, онъ потерпѣлъ самое жалкое пораженіе,—онъ, блестящій, свѣтскій кавалеръ!

Майнау молча протянулъ руку къ шпурку советки, чтобъ позвонить; но жена быстро остановила его.

— Не звони, Майнау: я съ тобой не поѣду, объявила она

рѣшительнымъ тономъ. — Къ чему намъ переносить эту отвратительную распрю въ Рудисдорфтъ? Я не осуждѣюсь этого сдѣлать ужь ради моего милаго, кроткаго Магнуса; онъ сильно-бы страдалъ, присутствуя при нашемъ грубомъ, громкомъ спорѣ; и, наконецъ, мама... съ нею мнѣ придется выдержать тяжелую борьбу, когда я вернусь домой... я не обманываю себя на этотъ счетъ... по я въ тысячу разъ лучше готова перенести все одна, чѣмъ при тебѣ. Мама непремѣнно приметъ твою сторону, а я на вѣчныя времена останусь въ ея глазахъ виноватой. Тебя всѣ носятъ на рукахъ, считаютъ завиднымъ кавалеромъ; ты обладатель Шенверта, Вольерсгаузена и проч., а я не болѣе, какъ обнищавшая дѣвушка, — что мудренаго, если я не поняла, какъ мнѣ приноровиться къ обстоятельствамъ и не сумѣла съ должнымъ достоинствомъ держать себя въ такомъ высокомъ положеніи. — (Какая горькая, сердце разрывающая улыбка показалась на ея губахъ!) — Но именно на этомъ-то основаніи мама и употребитъ всѣ усилія, чтобъ помѣшать нашему разводу, а потому сохранимъ за нами...

— Знаешь-ли что, Юліана? — (Майнау злобно расхохотался). — Если-бы мнѣ вздумалось употребить насиліе и отнять то, чего мнѣ не дадутъ по доброй волѣ, то, конечно, я не нашель-бы ничего лучшаго, какъ предоставить рѣшеніе нашей судьбы твоей матери... но лучше пусть Ульрика будетъ нашимъ верховнымъ судьей... Я не скрою отъ нея ни одной іоты изъ моей великой вины. Я расскажу ей, какъ эта кокетка герцогиня играла мною, какъ она своимъ коварствомъ сдѣлала изъ меня то, что я теперь есть, т. е. легкомысленнаго насмѣшника, безсовѣстнаго фата, безпутнаго и безпокойнаго странника, старающагося утолить свое мужское самодовольствіе въ бурѣ недостойныхъ наслажденій. Пусть Ульрика знаетъ, что я, не сохранивъ въ сердцѣ даже искры прежней любви къ измѣнницѣ, постоянно жажду одного — отмстить ей какимъ-нибудь публичнымъ скандаломъ. Быть можетъ, твоя сестра лучше тебя пойметъ, на что способенъ раздраженный и глубоко оскорбленный человѣкъ... Я скажу ей: это правда, Ульрика, я, дѣйствительно, женился на твоей сестрѣ съ тѣмъ, чтобъ наказать герцогиню и удовлетворить свою месть, но у меня была и другая цѣль — положить конецъ безумной страсти

ко мнѣ высокопоставленной женщины, къ которой я чувствую теперь почти отвращеніе.

Майнау помолчалъ нѣсколько минутъ, какъ-бы надѣясь услышать отъ жены нѣсколько ободрительныхъ словъ, но губы Ляны не шевелились. ему даже показалось, что она вся какъ-будто застыла.

— Дѣвушка, которую я при первой встрѣчѣ едва удостоилъ взгляда, не внушала мнѣ сначала никакого чувства любви, продолжалъ баронъ взволнованнымъ голосомъ.—Если-бы ея красота и умъ уже тогда произвели на меня впечатлѣніе, я не посватался-бы за нее; я не хотѣлъ налагать на себя новыхъ цѣпей и искалъ только кроткой, доброй женщины, которая могла-бы играть приличнымъ образомъ роль хозяйки въ нашемъ домѣ, терпѣливо сносить капризы дяди и ухаживать за моимъ мальчикомъ... Я былъ жестокимъ эгоистомъ... Страсть къ бродячей жизни проснулась во мнѣ съ новой силой; меня потянуло за границу, потянуло къ красивымъ, пикантнымъ женщинамъ-авантюристамъ, съ которыми мнѣ постоянно везло въ жизни... что дѣлать, я былъ слѣпъ и глупъ... Но бѣлая роза изъ Рудисдорфа съ перваго-же дня показала мнѣ свои шипы и я ужаснулся, увидавъ, что коса нашла на камень... Дѣвушка была слишкомъ умна и гораздо выше меня силой характера и силой духа; она съумѣла тѣлесную красоту и высокоразвитый умъ облечь въ монашескій покровъ воздержанія... ей въ голову не пришло шевельнуть хоть однимъ пальцемъ, чтобы привязать къ себѣ мужа, который пренебрегалъ ею и не уважалъ ея... Я жилъ подъ одной крышей съ нею, холодно, насмѣшливо относился къ ней, смотрѣлъ на нее свысока и только изрѣдка чувствовалъ страхъ отъ ея огненныхъ порывовъ... Я радъ былъ-бы посмѣяться надъ этой Немезидой, да ужъ очень жутко мнѣ отъ нея доставалось... Пожалѣй, Ульрика, человекъ, который, во мракѣ своего невѣжества, осмѣлился когда-то сказать про твою сестру: „любви я ей никогда не дамъ“, и предъ которой теперь онъ готовъ преклонить колѣна и умолять о прощеніи. Не прискорбно-ли для него, что онъ проситъ подать ему теперь то, отъ чего прежде такъ презрительно отворачивался? Твоя сестра хочетъ меня бросить; справедливо не довѣряя мнѣ, она совсѣмъ не понимаетъ моего характера. Опытный глазъ другой женщины давно-бы угадалъ,

что во мнѣ происходитъ, и, кротко простивъ преступника, эта женщина избавила-бы его отъ тяжкаго признанія въ своемъ поражениі... Но твоя сестра идетъ смѣло впередъ, не обращая вниманія на то, что она топчетъ своими ногами... мнѣ остается связать одно, — что меня постигнетъ нравственная и духовная смерть, если Юліана отъ меня уйдетъ!..

Майнау, еще при началѣ своей исповѣди, быстро отошелъ къ окну и стоялъ теперь тамъ, не поворачивая головы. Когда онъ кончилъ, то вдругъ обернулся. Ліана, закрывъ правой рукой глаза, лѣвой искала ошупью ближайшаго кресла. Она была такъ поражена, что готова была, кажется, упасть въ обморокъ.

— Приказать каретѣ подѣхать? спросилъ мужъ, приближаясь къ ней и съ трудомъ переводя духъ. Губы его дрожали. — Слышала-ли меня Юліана и желаетъ-ли *сама* рѣшить вопросъ?

Молодая женщина судорожно сжала пальцы и опустила руки.

— Да или нѣтъ?.. прекрати-же мою муку!.. Остаешься ты при мнѣ, Юліана?

— Да!..

Это слово скорѣе было похоже на вздохъ, вырвавшійся изъ души Ліаны; но оно волшебнo подѣйствовало на Майнау. Съ блаженствомъ во взорѣ, точно его разомъ избавили отъ ужаса смерти, онъ принялъ въ свои объятія жену и отбросилъ ея плащъ далеко отъ себя.

Онъ страстно поцѣловалъ ее въ губы.

— Это наша помолвка, Юліана! я женюсь на тебѣ по любви, произнесъ онъ почти съ благоговѣніемъ. — Дѣлай изъ меня теперь, что хочешь. Время тебѣ докажетъ, выучишься-ли ты *любить* мужа такъ горячо и искренно, какъ въ настоящую минуту ты прощаешь его... Кто-бы сказалъ, полгода тому назадъ, что характеръ *женщины* побѣдитъ меня? Слава-Богу, я еще довольно молодъ, чтобы успѣть измѣнить свой образъ жизни и наслаждаться истиннымъ счастіемъ. Смотри, я держу твой гибкій станъ въ моихъ объятіяхъ, ты не отталкиваешь меня ни руками, ни взглядомъ, — значитъ, это правда? ты теперь *моя Ліана*?..

Онъ отвелъ ее въ голубой будуаръ.

— Боже! что за волшебство! воскликнулъ онъ, осматривая атласныя стѣны комнаты и страстно глядяваясь въ милое лицо жены. — Неужели это та-же самая ненавистная комната, съ уду-

шливый запахъ жасмина и стеганой мебелью, созданной для лѣни?

На столѣ горѣла лампа подѣ малиновымъ колпакомъ, блѣдно-розовый отсвѣтъ котораго слабо отражался на тяжелыхъ атласныхъ складкахъ мебели. Майнау видѣлъ этотъ будуаръ совсѣмъ при другомъ освѣщеніи. Лео рассказывалъ Ліанѣ, что комнаты „первой мамы“ положительно утопали по вечерамъ въ огнѣ.

Молодая женщина, въ порывѣ восторга, съ сильно-бьющимся сердцемъ, думала про себя, что этотъ розовый отблескъ лампы, можетъ быть, какъ заря ихъ новаго счастья, представляетъ Майнау все въ другомъ свѣтѣ. Ей самой чудилось, что между бѣлыми цвѣтами азалии шевелятся хорошенькіе силфы, которые сочувствуютъ ей и понимаютъ лучше, чѣмъ мужъ, на-сколько онъ ей дорогъ.

— Еще одинъ послѣдній вопросъ относительно прошлаго, Ліана, заговорилъ Майнау, нѣжно притягивая руки жены къ своей груди.—Ты знаешь теперь, отчего я былъ такъ грубъ и безумно несправедливъ въ тебѣ сегодня, въ гостиной; ты знаешь также, что я никогда-бы не повѣрилъ, что ты виновата... иначе меня-бы здѣсь не было... Я готовъ поклясться, что ядовитое дыханіе ненавистнаго іезуита не коснулось тебя, но, со всѣмъ тѣмъ, я не могу быть покоенъ, Ліана... Мнѣ кажется, что, даже въ минуту высшаго блаженства, у меня захватить горло, если я вспомню эту загадочную сцену, когда я нашелъ тебя въ полумракѣ, съ измѣнившимся отъ испуга лицомъ и когда услышалъ его голосъ, предостерегающій дядю, чтобы тотъ молчалъ... Скажи, что тебя привело въ такой незаконный часъ въ полутемную залу?

Ліана торопливо, но ясно, обстоятельно рассказала мужу все и передала ему, какимъ способомъ она открыла подлогъ, на который ей намекнула Лопъ. Слушая рассказъ объ отвратительномъ обманѣ, которому онъ самъ нѣсколько лѣтъ неволью по-творствовалъ, Майнау точно окаменѣлъ, не въ силахъ произнести ни слова. Онъ былъ поддѣтъ самымъ безстыднымъ образомъ; интриганъ-іезуитъ велъ его, какъ собаченку, на веревочкѣ и онъ, Майнау, дѣйствовалъ такъ, какъ хотѣлось коварному патеру. Какое-же было бѣдному мальчику, заклеяменному по милости подложной записки позорнымъ прозвищемъ *незаконнаго сына*, всѣми

отвергнутому, униженному, — каково было ему прожить свои лучшие дѣтскіе годы подъ страшнымъ гнетомъ общаго презрѣнія? Его гнали и толкали вонъ изъ замка, принадлежащаго человѣку, у котораго онъ былъ единственнымъ ребенкомъ!..

Ліанѣ послышалось, что Майнау скрежещетъ зубами, — до того гнѣвъ исказилъ всѣ черты его лица. Не легко ему было такъ внезапно разочароваться въ своей слѣпой вѣрѣ въ людскую честность.

Наконецъ, Ліана дошла до той минуты, когда духовникъ бросилъ письмо и записку въ огонь. Ей было совѣстно повторять передъ мужемъ страстныя мольбы и жалобы патера: она только намекнула на его преступныя замыслы, а уже Майнау вышелъ изъ себя. Онъ, какъ бѣшенный, бросился въ гостиную, бѣгалъ назадъ и впередъ, и когда вернулся, то снова заключилъ жену въ свои объятія.

— И я оставилъ тебя въ когтяхъ этого тигра для того, чтобы провожать домой ненавистную мнѣ женщину! воскликнулъ онъ жалобнымъ голосомъ. ~

Ліана стала кротко уговаривать его, и, съ этой минуты, она вступила въ свою миссію вѣрнаго друга и совѣтницы. Вдвое слаще казался барону ея ласковый, нѣжащій голосъ, раздававшійся въ тѣхъ именно комнатахъ, стѣны которыхъ бывали свидѣтельницами самыхъ бурныхъ семейныхъ сценъ. Какъ цѣломудренно, скромно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжно, смотрѣла на него вторая жена, стоя подлѣ голубой кушетки, на мягкихъ подушкахъ которой, свернувшись, какъ граціозный котенокъ, лежала, въ былыя времена, по цѣлымъ днямъ, ничего не дѣлая и ни о чемъ не думая, его первая жена; эта избѣженная, избалованная красавица носилась иногда, въ порывѣ гнѣва, по будуару, какъ злой чертенокъ, топчя дорогіе цвѣты каблуками своихъ туфель или награждая пощечинами неугодившихъ ей чѣмъ-нибудь горничныхъ.

Можетъ быть, всѣ эти сцены пронесли въ воображеніи Майнау и придали голубой комнатѣ новую, отрадную прелесть.

— Я ужь давно собирался перевезти тебя вмѣстѣ съ Лео въ Волькерсгаузенъ, а затѣмъ вернуться опять сюда и изгнать изъ Шенверга всѣхъ злыхъ духовъ, сказалъ онъ болѣе спокойнымъ, но все-таки дрожащимъ голосомъ. — У меня вся кровь кипитъ,

Когда я вспомню, что этот негодий сидитъ въ теплѣ и нѣгѣ въ спальнѣ у дяди, тогда какъ его слѣдовало-бы, не говоря худого слова, поставить на порогъ замка и вытолкать въ шею, несмотря на бурю и ночь... Конечно, одному честному человѣку не легко справиться съ цѣлой стайей лисицъ: она мигомъ разбѣжится, да его-же потомъ за горло схватить; но *онъ* отъ меня не отвертится, хотя-бы были за него всѣ законы въ мірѣ... Полюбуйся, моя красавица жена, на первый результатъ твоего отроднаго вліянія на меня: я намѣренъ сдержанъ порывъ своего гнѣва, но дорого обойдется іезуиту моя сдержанность! Око за око, зубъ за зубъ, г. патеръ!.. Я самъ на-время облекусь въ шкуру лисицы ради того, чтобы заглядить вину передъ сномъ дяди Гисберта... Дядю, гофмаршала, точно также провели съ запиской, какъ и меня, даромъ-что у старика умный, зоркій глазъ придворнаго. Это отчасти утѣшительно.

Вѣра Майнау въ правдивость и честность большого гофмаршала оставалась непоколебимой. По тѣлу Ліаны пробѣжала дрожь; какъ скоро мужъ ея займется судьбой Габріеля, фрау Лонъ, конечно, перестанетъ молчать... Какое новое тяжкое, горькое разочарованіе ждетъ бѣднаго барона!

— Если я сообщу дядѣ все, что ты мнѣ рассказала, Ліана, продолжалъ Майнау, — онъ подниметъ меня просто на смѣхъ и потребуетъ положительныхъ доказательствъ. Ліана, какъ мнѣ ни будетъ это тяжело, но намъ съ тобою надо дружно дѣйствовать. Скажи, достанетъ-ли у тебя силъ преодолѣть себя и завтра приняться за свои обязанности хозяйки, какъ-будто ничего не случилось?

— Попробую, я тебѣ вѣрный товарищъ.

— Поди ты съ своимъ товариществомъ! Трактатъ, заключенный нами въ первый день брака, давно уже оказался ни къ чему не годнымъ и я его развѣялъ на всѣ четыре стороны. Притомъ, между добрыми товарищами требуется нѣкотораго рода терпимость, а я сдѣлался теперь замѣчательно крутымъ и неговорчивымъ относительно тебя; я тебя никому не уступлю. Я внутренно давно уже злюсь на Лео, когда онъ съ самоувѣренностью называетъ тебя *моя* мама, а когда ты произносишь имена Ульрики или Магнуса, то у меня на днѣ сердца шевелится прегадкое чувство ревности; мнѣ кажется, что я никогда съ

ними не примирюсь. Впрочемъ, не безпокойся; я буду стеречь тебя, ни на одну секунду не оставлю одну, пока не очисти воздуха въ замкѣ отъ присутствія хищной птицы, которая кружится надъ моей стройной серной...

Прислуга, попадавшаяся на встрѣчу барону нѣсколько минутъ спустя, въ то время, когда онъ проходилъ по корридорахъ замка, отнюдь не подозрѣвала, что на его крѣпко сжатыхъ губахъ горятъ еще страстные поцѣлуи и что „*вторая жена*“, о которой всѣ они такъ соболѣзновали, признана полной владѣтельницей всего того, что ему принадлежало.

А когда патеръ, полчаса спустя, не обращая вниманія на продолжавшуюся бурю и ливень, сталъ обходить вокругъ замка, онъ подглядѣлъ, какъ тѣнь Майнау движется взадъ и впередъ по его ярко-освѣщенному рабочему кабинету и какъ внизу, въ гостиной, сидитъ баронесса за письменнымъ столомъ, — слѣдовательно, эти два человѣка не чувствовали никакой потребности объясниться между собой. Иезуитъ, устремивъ горящія страстью глаза на окно и любясь черезъ стекло на красно-золотистыя волны тяжелыхъ косъ молодой женщины, рѣшился не выпускать изъ рукъ оружія...

ГЛАВА XXII.

Буря, которая наканунѣ вечеромъ превратилась въ ураганъ, шумѣла вплоть до полуночи. Изъ прислуги замка никто не рѣшился лечь спать; боялись, чтобы бѣшеный вихрь не сорвалъ тяжелую крышу замка, и потому никто не удивился, что легкая бамбуковая крыша индѣйскаго домика оказалась разнесенной въ щепы.

Наконецъ, къ утру небо прояснилось и кротко смотрѣло на истерзанную землю; растрепанныя деревья стояли по-прежнему спокойно и прямо, какъ свѣчи; втайнѣ они, вѣрно, горевали объ оторванныхъ отъ нихъ сучьяхъ и далеко унесенныхъ гнѣздахъ птицъ, которыя они бережно укрывали въ своей листвѣ; теперь они тихо перешептывались съ ласковымъ утреннимъ вѣтеркомъ, смѣнившимъ своего буйнаго брата...

Въ кухнѣ замка столпилась вся прислуга, толкуя между собой вполголоса, что сегодня у Лопъ лицо точно у мертвеца; да-

же этой смѣлой бабѣ, которая, кажется, ничего на свѣтѣ не боялась, и той въ эту ночь, должно быть, пришлось жутко. Она, по-обыкновенію, не спала, сидя въ индійскомъ домикѣ, какъ вдругъ вихрь сорвалъ всю крышу надъ ея головой, такъ что отъ вѣтра нельзя было зажечь ни свѣчей, ни лампы, и звѣзды, мерцая сквозь большія отверстія потолка, однѣ только освѣщали комнату.

Еще новая бѣда: крышу нельзя поправить: придется стучать, а индианка, говорятъ, умираетъ... По мнѣнію благочестивыхъ людей въ замкѣ, нечего было и удивляться такой необычайной бурѣ и вихрю: когда *ты* являешься за некрещеной душой, всегда въ природѣ идетъ борьба.

Ліана также не спала вплоть до утра; буря, конечно, не помѣшала-бы ей спать, но она находилась въ сильномъ лихорадочномъ волненіи. Не легко дается такое неописанное счастье! Она быстро раскрыла свой маленькій сундукъ и положила каждую вещь на ея прежнее мѣсто; точно также она распечатала конвертъ съ двумя ключами, адресованный на имя Майнау и поспѣшила сжечь его, чтобы никто и подозрѣвать не могъ, что она собиралась бѣжать... Затѣмъ она сѣла писать къ Ульрику; наскоро набросавъ нѣсколько сценъ перенесенныхъ ею обидъ и страданій, она заключила письмо болѣе подробнымъ описаніемъ счастливаго финала.

Утренній сонъ удивительно освѣжилъ ее, и когда горничная распахнула занавѣси и открыла настежь окна, молодой женщины нѣ показалось, что небо никогда еще не было такимъ кристально-голубымъ, а бальзамическій воздухъ никогда такъ нѣжно не ласкалъ ея лица даже въ Рудисдорфѣ, гдѣ она раніе утренніе часы проводила всегда съ дорогими братомъ и сестрой.

Ліана съ намѣреніемъ надѣла на себя платье фіалковаго цвѣта, про которое Ульрика говорила, что оно къ ней очень идетъ. О! она уже сдѣлалась кокеткой, ей хотѣлось нравиться...

Держа, по-обыкновенію, Лео за руку, она вошла въ залу, гдѣ семья всегда завтракала. Она заранѣе знала, что ей предстоитъ выдержать много униженій отъ гофмаршала, потому что наканунѣ она съ презрѣніемъ повернулась къ нему спиной, а сегодня шла варить ему шоколадъ. Но ей стоило только покрѣпче стиснуть зубы да призвать къ себѣ на помощь стоическое хладнокровіе... Она, ко-

нечно, не знала, какимъ образомъ патеръ, проведя вечеръ наканунѣ въ спальнѣ у старика, подтасовалъ карты, чтобы выдти сухимъ изъ воды. Анна привела къ ней въ девятомъ часу Лео, который вплоть до этихъ поръ сидѣлъ въ дѣдушкиной спальнѣ; но изъ всего того, что мальчикъ наболталъ ей, она могла только заключить, что между гофмаршаломъ и іезуитомъ не произошло никакого горячаго разговора; напротивъ, они даже играли въ шахматы.

При входѣ въ залу, Ліанѣ невольно вспомнилось первое утро ея пребыванія въ Шенвертѣ. Гофмаршалъ сидѣлъ у топившагося камина, а фрау Лонъ, повидимому, только-что сюда явившаяся, стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Не обративъ вниманія на почтительный поклонъ ключницы, гофмаршалъ оперся обѣими руками на ручки кресла, приподнялся до половины, прищурился, какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ.

— Э! да это вы, баронесса! воскликнулъ онъ. — Недаромъ я подумалъ вчера вечеромъ, когда вы насъ внезапно покинули, заявивъ твердое намѣреніе отправиться къ своимъ въ такой необычный часъ, что вы, послѣ хладнокровнаго размышленія, вѣроятно, одумаетесь... Да, наконецъ, возможно-ли ѣхать въ такую бурю!.. А затѣмъ, я полагаю, вы и то рассчитали, что поспѣшная, самовольная отлучка изъ нашего дома тяжело ляжетъ на вѣсы правосудія во время судебного разбирательства по случаю официального развода, и что, вслѣдствіе этого, сумма причитающагося вамъ денежнаго обезпеченія значительно будетъ сокращена... Не глупо поступили, сударыня!..

Ліана подумала, не лучше-ли уйдти; она чувствовала, что задача ей не по силамъ. Но гдѣ-же Майнау? онъ обѣщаль никогда не оставлять ее одну... Лео замѣтилъ ея колебаніе, но не понимая, что бѣдной мамѣ, вмѣсто утренняго привѣтствія, рассказали кучу оскорбленій, ухватился своими сильными ручонками за ея правую руку и со смѣхомъ потащилъ ее дальше въ залу.

— Такъ, такъ, мальчуганъ! кричалъ, смѣясь, гофмаршалъ: — тащи маму къ столу и проси ее налить для дѣдушки чашку шоколаду. Онъ кажется ему вкуснѣе изъ ея прекрасныхъ ручекъ... хотя отъ нихъ немного и отдаетъ сжонной бумагой... Да, Лонъ, прибавилъ онъ, быстро обращаясь къ ключницѣ, какъ-бы

желая помѣшать возраженію со стороны пытаемой имъ жертвы:— правда-ли, что буря, въ ныѣшнюю ночь, разнесла крышу индійскаго домика?

— Да, г. гофмаршалъ,—крышу всю снесло.

— И потолокъ попорченъ?

— Весь въ дырахъ; дождь лилъ насквозь...

— Неприятно; но чинить и поправлять въ индійскомъ саду ровно ничего не буду. Позаботьтесь, чтобы большую перенесли въ маленькій круглый павильонъ.

При этомъ приказаніи Ліана посмотрѣла на ключницу. Прислуга сказала правду: смѣлая баба глядѣла сегодня, какъ привидѣніе. Отъ слуха молодой женщины не ускользнуло, что она давала отвѣты отрывисто, грубо, стараясь не позволить своему голосу дрогнуть.

— Нѣтъ надобности и поправлять, сударь, произнесла она тихо и, остановивъ глаза на гофмаршалѣ, прибавила:— больная сама уйдетъ...

— Что? какъ? съума вы сошли? крикнулъ гофмаршалъ, и Ліана въ первый разъ увидѣла, что его старческое лицо побавровѣло.—Что вы за вздоръ городите! не хотите-ли вы меня увѣрить, что она опять на ноги встанетъ, или, чего добраго, заговорить?

— Нѣтъ, г. гофмаршалъ,—мертвое тѣло не оживетъ, а вотъ душа отлетитъ сегодня до заката солнечнаго...

Лонъ произнесла это монотоннымъ, раздрающимъ сердце голосомъ. Гофмаршалъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ каминъ.

— Такъ вотъ оно какъ! сказалъ онъ глухо.

Ліана поставила на столъ чашку съ шеколадомъ, которую старикъ обыкновенно принималъ изъ ея рукъ: она была не въ состояніи преодолѣть себя и подойти близко къ этому злему человѣку, губы котораго теперь какъ-то странно запеклись и раскрылись, а глаза, какъ-будто невольно, впились въ крючковатые, болѣзненно-блѣдные пальцы, уцѣпившіеся за костыль... Не поднялся-ли передъ смертью растоптанный „цвѣтокъ лотоса“ съ своего мученическаго ложа и не указывалъ-ли онъ ему синія пятна и полосы на своей нѣжной шеѣ?.. Гофмаршалъ точно почувствовалъ, что Ліана на него смотритъ; онъ вдругъ выпрямился и ядовито посмотрѣлъ на нее.

— Чего-жь вы думаете, баронесса? крикнулъ онъ: — вы видите, я жду шеколаду... зачѣмъ вы поставили чашку опять на столъ? Можетъ быть, оттого, что я немного задумался? А! мнѣ показалось, что вонь тамъ, изъ кучки пепла въ углу камина, выглядываетъ клочокъ розовой бумажки.

Онъ былъ ужасенъ въ эту минуту! Но судьба выручила Лиау: она услыхала шаги Майнау. Баронъ быстро вошелъ въ залу... Какая разница между сегодняшнимъ и первымъ утромъ, проведеннымъ молодой женщиной въ этой комнатѣ! Взоръ мужа не скользнулъ теперь по Лиау, какъ тогда. Забывъ всякую предосторожность, онъ остановилъ пламенные глаза на ея лицѣ, какъ-бы не имѣя силы оторвать ихъ отъ него... Большой старикъ не замѣтилъ этого, — онъ сидѣлъ спиною къ двери, — но фрау Лонъ совсѣмъ оторопѣла; она, ни съ того, ни съ сего, принялась усиленно разглаживать своими грубыми руками туго накрахмаленный передникъ и опустила глаза.

— Какъ! ты уже здѣсь, Юліана? спросилъ небрежно Майнау и посмотрѣлъ на часы, какъ-будто желая провѣрить, не ошибся-ли онъ во времени. — Вотъ, дядя, зачѣмъ меня отсюда звывали, продолжалъ онъ, обращаясь къ гофмаршалу и подавая ему пригласительный билетъ. — Отъ герцогини пріѣхалъ верховой и привезъ приглашеніе на придворный концертъ сегодня вечеромъ... Ея свѣтлость говорила мнѣ еще вчера, что ея любимая примадонна будетъ проѣзжать мимо резиденціи и общала пѣть у нея проѣздомъ. Но пріѣхала она днемъ раньше, чѣмъ ее ожидали, и завтра-же уѣзжаетъ... вотъ причина импровизованнаго концерта. Ты примешь приглашеніе?

— О, да, конечно! Я ужъ совсѣмъ завязъ въ этомъ уединенномъ Шенвертѣ. Притомъ, ты знаешь, что я никогда не оставляю своего поста, и какъ только получу приказъ отъ двора явиться, хоть на четверинькахъ, да приползу.

Майнау, иронически улыбнувшись, отворилъ дверь и велѣлъ передать отвѣтъ ожидавшему на дворѣ посланному.

— Для меня это развлеченіе очень кстати пришлось, прибавилъ гофмаршалъ. — Опустошеніе, произведенное бурей сегодня ночью въ саду, совсѣмъ меня разстроило... къ тому-жь, тутъ еще разныя неприятныя новости... Вонъ Лонъ — старикъ, не давая себѣ труда повернуться, указалъ пальцемъ черезъ плечо на ключ-

лицу) — только-что мнѣ передала, будто *та*, что живетъ въ индѣйскомъ домикѣ, сегодня вечеромъ должна умереть... Меня всегда сильно смущаетъ присутствіе мертваго тѣла въ домѣ или на нашей землѣ, — вотъ почему, два года тому назадъ, я и велѣлъ перевезти нашего несчастнаго конюха въ городскую усыпальницу... Какъ намъ теперь быть?

— Знаешь-ли, дядя, что я тебѣ скажу? ты высказываешь отвратительныя мнѣнія! Ты во мнѣ всю кровь возмущаешь, сказалъ внѣ себя Майнау. — Можно-ли такъ жестоко выражаться на счетъ живого еще существа? Фрау Лонъ, надѣюсь, вы послали за докторомъ? спросилъ онъ гораздо мягче, оборачиваясь къ ключницѣ лицомъ.

— Нѣтъ, г. баронъ, къ чему и посылать? Докторъ ей больше не поможетъ, а только измучитъ своими кунштюками... Душенька ея, я думаю, ужъ давно отлетѣла отъ земли, иначе не стали-бы ея глаза смотрѣть такъ музло и равнодушно, когда Габріель разрывается отъ слезъ, стоя подлѣ нея...

— Лонъ, перестанете-ли вы хныкать передо мной? воскликнулъ желчно гофмаршалъ. — Если-бы вы знали, какъ пристало вашему грубому голосу стонать, то вы-бы сейчасъ ротъ зажали. А что у тебя кровь возмущается отъ моихъ словъ, Рауль, на это я не обращаю ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ старикъ, все сильнѣе и сильнѣе раздражаясь. — Въ подобнаго рода дѣлахъ я прежде всего о себѣ забочусь... трудно описать мое отвращеніе къ мертвымъ... Я дышать не могу въ томъ воздухѣ, гдѣ лежитъ тѣло умершаго человѣка... Ты увидишь, что я сдѣлаюсь при смерти болѣзнъ, если, послѣ случившейся катастрофы, ты не похлопочешь, чтобы смертные останки были поскорѣе отвезены туда, гдѣ ихъ настоящее мѣсто, т. е. на кладбище.

Лицѣ былъ очень понятенъ страхъ старика, его неописанный ужасъ, проявлявшійся не столько въ дрожащемъ голосѣ, сколько въ нервномъ трепетѣ всего его тѣла. Онъ не боялся явленія измученной души несчастной женщины, пока разбитое болѣзнь тѣло держало ее прикованной къ постели; но теперь что ей похѣшаетъ носиться по всему замку? Недаромъ народное повѣрье говоритъ, будто отлетѣвшая душа витаетъ надъ покинутымъ ею тѣломъ до тѣхъ поръ, пока земля его не прикроетъ.

Пусть ее витаетъ, только-бы не на его землѣ, не подлѣ него!

— Тѣло ея будетъ почивать въ склепѣ, подъ обелисками, сказалъ выразительно Майнау.— Дядя Гисбертъ оторвалъ ее отъ родины; это была единственная женщина, которую онъ любилъ; ей принадлежитъ полное право лечь рядомъ съ нимъ. Затѣмъ, я думаю, лучше положить конецъ этимъ жестокимъ разсужденіямъ.

— Ей по праву принадлежитъ честь лежать съ нимъ рядомъ? повторилъ гофмаршалъ съ хриплымъ смѣхомъ.— Осмѣлся только это сдѣлать, Рауль, я тебѣ покажу себя... Я ненавижу до смерти эту женщину; я не позволю ей лечь рядомъ съ нимъ, даже если-бы мнѣ самому пришлось ихъ раздѣлить.

Это что значитъ?.. Майнау, широко раскрывъ глаза, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на этого старца, про котораго онъ говорилъ женѣ: „дядя скупъ, адски надмененъ, имѣетъ свои капризы, но голова у него разсудительная, натура холодная, неувлекавшаяся никогда чувственными страстями...“ А что-жъ теперь, какъ не сдерживаемая съ давнихъ поръ безумная страсть высказывается въ его дикихъ порывахъ гнѣва, въ этихъ дрожащихъ, запекшихся губахъ, въ этихъ старческихъ глазахъ, вдругъ загорѣвшихся лихорадочнымъ огнемъ?

Гофмаршалъ всталъ и довольно быстрыми шагами подошелъ къ ближайшему окну. Онъ прошелъ до того близко отъ Лонъ, что почти задѣлъ за платье этого тайнаго, но неумолимаго врага своего; глаза его были устремлены вдаль, онъ не обращалъ вниманія на присутствующихъ. Старикъ не подозрѣвалъ даже, что эта каменная, какъ-бы застывшая фигура ключницы олицетворяетъ собою злого духа, который слѣдуетъ по пятамъ высокороднаго гофмаршала и выразительно указываетъ ему на каждый слѣдъ его ноги.

Утренній вѣтеръ, вносясь въ комнату чрезъ полуотворенное окно, приподнималъ на лбу старика тщательно причесанные волосы; но онъ, такъ старательно избѣгавшій малѣйшаго движенія воздуха, теперь, повидимому, даже не чувствовалъ этого.

— Я тебя не понимаю, Рауль, сказалъ онъ, стоя у окна и съ трудомъ сдерживая свое раздраженіе.— Неужели ты хочешь опозорить моего брата даже въ его могилѣ?

— Коль скоро онъ не считалъ для себя позоромъ жить съ индіанкой, какъ съ женой, и любилъ ее до обожанія, то...

Гофмаршалъ нагло захохоталъ.

— Дядя! крикнулъ Майнау и, грозно посмотрѣвъ на него съ нахмуренными бровями, разомъ привелъ старика въ границы приличія.—Мнѣ случилось быть всего одинъ разъ въ Шепвертѣ въ то время, но я помню, какъ лихорадочно билось мое сердце, когда я слушалъ рассказы прислуги объ ихъ отношеніяхъ. Человѣкъ, оберегающій такъ заботливо и съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ предметъ своей страсти...

Майнау вдругъ замолчалъ, встрѣтивъ пламенный, угрожающій взглядъ обыкновенно холодныхъ, зоркихъ глазъ гофмаршала. Онъ даже не подозрѣвалъ, къ чему теперь прикоснулась его неосторожная рука. Обольстительное тѣло несчастнаго „цвѣтка лотоса“ лежало съ тусклыми, неподвижными глазами, готовое разсыпаться въ прахъ; человѣкъ, который, бывало, въ порывѣ заботливой нѣжности, переносилъ ее на своихъ собственныхъ рукахъ черезъ сады, чтобы какой-нибудь камушекъ не повредилъ ея очаровательныхъ ножекъ, этотъ человѣкъ спалъ уже давно подъ обелисками, и, несмотря на то, бѣшенная ревность къ покойнику продолжала терзать отверженнаго брата; онъ не хотѣлъ позволить даже мертвому Гисберту лечь рядомъ съ женщиной, обладанія которой такъ пламенно и напрасно добивался.

— Эта заботливая нѣжность, по счастью, не долго продолжалась, произнесъ онъ хриплымъ голосомъ:—добрый Гисбертъ вовремя успѣлъ опомниться; онъ оттолкнулъ отъ себя знаменитый „цвѣтокъ лотоса“, какъ недостойную женщину...

— На это не существуетъ достовѣрныхъ доказательствъ, дядя...

Точно вчерашняя буря подула вдругъ въ окно и выгнала изъ ниши изсохшую, искалѣченную фигуру гофмаршала,—такъ быстро онъ очутился передъ племянникомъ.

— Достовѣрныхъ доказательствъ, Рауль? Они лежатъ въ бѣлой залѣ, въ ящикѣ съ рѣдкостями, который, къ сожалѣнію, сдѣлался вчера жертвою атаки. Не повторять-же мнѣ тебѣ, что ты держалъ вчера въ своихъ рукахъ и разсматривалъ истинное и непреложное выраженіе послѣдней воли Гисберта!

— И эта записка—единственный документъ, на который ты опираешься? спросилъ коротко и грубо Майнау: отъ дерзкаго намека на Ліану вся кровь бросилась ему въ лицо.

— Конечно, единственный! Ты престранный человекъ, Рауль! Что-жь послѣ этого можетъ имѣть значеніе на землѣ, если не собственноручная подпись умирающаго?

— А ты видѣлъ, какъ онъ писалъ?

— Нѣтъ, не видалъ... я былъ въ то время болѣнь... но я могу тебѣ привести свидѣтеля, который присягнетъ, что онъ своими глазами видѣлъ, какъ больной выводилъ каждую букву... Жаль, что онъ только часъ тому назадъ уѣхалъ въ городъ... правда, ты въ послѣднее время поставилъ себя въ странныя отношенія къ нашему милому духовнику...

Майнау почти весело засмѣялся.

— Милый дядя, этого классическаго свидѣтеля я отвергну и здѣсь, и передъ судомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ объявлю недѣйствительнымъ и неимѣющимъ силы помянутый документъ. Что г. духовникъ присягнетъ въ его дѣйствительности—этому я вполнѣ повѣрю... онъ даже, пожалуй, поклянется спасеніемъ своей души, что самъ обмакивалъ для умирающаго перо въ чернила... Я долженъ самъ себя винить за то, что поступалъ не такъ, какъ слѣдовало поступать человеку добросовѣстному. Я не присутствовалъ при смерти дяди; какъ сонаслѣднику его богатаго состоянія, мнѣ надлежало быть вдвойнѣ осторожнымъ и не признавать его распоряженій, выраженныхъ единственно на клочкѣ бумажки и незасвидѣтельствованныхъ законнымъ порядкомъ. Въ подобнаго рода случаяхъ надо руководствоваться прямымъ указателемъ—закономъ.

— Прекрасно, другъ мой, сказалъ, кивнувъ головой, гофмаршалъ. Онъ вдругъ принялъ зловѣще-спокойный видъ; опершись костылемъ о паркетъ, онъ положилъ на него обѣ руки и устремилъ свои маленькіе, сверкающіе глазки въ красивое лицо племянника.—Теперь укажи мнѣ, пожалуйста, законъ, который-бы привилъ подъ свое покровительство женщину, живущую въ индѣйскомъ домикѣ; она свободна, какъ птица, потому-что никогда не была законной женой моего покойнаго брата... слѣдовательно, если-бъ мы захотѣли тогда держаться прямого указателя, то имѣли-бы право выгнать ее немедленно за порогъ, такъ-какъ, по твоимъ словамъ, не существовало правильно составленнаго духовнаго завѣщанія, которое-бы обезпечивало ей кусокъ хлѣба или даже ночлегъ на землѣ Шенверта. Если-же мы не справились

съ закономъ относительно этого пункта, то и въ другомъ случаѣ мы имъ не связаны.

— Дядя, да развѣ это логично? Потому только, что мы не были адски жестоки, мы имѣемъ право дѣйствовать сообразно съ духовнымъ завѣщаніемъ, нигѣмъ незасвидѣтельствованнымъ и къ тому-же безчеловѣчнымъ? Положимъ даже, что дядя Гисбертъ самъ составилъ и написалъ этотъ документъ и отрекся отъ молодой женщины за то, что Габріель родился не отъ него; но что-же могло, спрошу я тебя, побудить его въ такомъ случаѣ самовластно распорядиться судьбой совершенно чужого ему мальчика?.. Я былъ еще молодъ и неразумителенъ, когда умеръ дядя Гисбертъ; мнѣ не могло придти и въ голову справиться съ закономъ и потребовать точныхъ доказательствъ. Я удовольствовался твоимъ сообщеніемъ, что индіанка извѣстила дядѣ, и слѣпо тебѣ повѣрилъ, потому что искренно любилъ дядю... Эта любовь, пожалуй, отчасти меня извиняетъ. Впослѣдствіи, замѣтивъ у мальчика робкія наклонности, я еще болѣе утвердился въ мнѣніи, что въ его жилахъ нѣтъ ни одной капли крови самовластныхъ, гордыхъ Майнау; я стодкнулъ его ногой, какъ собаку, съ моей дороги и призналъ превосходнымъ планъ—сдѣлать его монахомъ. Беру свое слово назадъ и громко заявляю, что это была достойная сожалѣнія ошибка съ моей стороны...

За этими торжественными словами послѣдовало на минуту мертвое молчаніе; Лео, и тотъ инстинктивно почувствовалъ, что въ слѣдующую минуту въ замкѣ Майнау произойдетъ взрывъ; прижавшись съ боку къ Ліанѣ, онъ высунулъ голову и, вытаращивъ испуганно свои большіе глаза, не спускалъ ихъ съ мрачнаго лица отца.

— Будь такъ добръ, выражайся пояснѣе, возразилъ гофмаршалъ. — Ты знаешь, голова у меня старая, соображать быстро не можетъ, особенно то, что похоже на современные разрушительныя идеи.

Проговоря это, онъ выпрямилъ свою худощавую фигуру съ видомъ ледяной неприступности; теперь даже и костыль оказался лишнимъ: ноги его отъ сильнаго возбужденія не подгибались.

— Съ удовольствіемъ, милый дядя. Скажу коротко и ясно: Габріель не будетъ ни монахомъ, ни миссіонеромъ...

Майнау вдругъ замолчалъ и бросился къ ключницѣ. Эта здо-

ровая, широкоплечая женщина закачалась, какъ пьяная; можно было подумать, что ее готовился разбить параличъ. Лiana охватила ее рукой и довела до перваго стула.

— Вамъ дурно, фрау Лонъ? спросилъ Майнау, заботливо нагибаясь къ ней.

— И, Боже сохрани, г. баронъ! во всю мою жизнь мнѣ не было такъ хорошо, пролепетала она полу-смѣясь, полу-плача. — У меня только передъ глазами замелькали искры и я вообразила, что на меня рушится потолокъ... О, мой Царь небесный! вздохнула она полной грудью, закрывъ передникомъ свое побагровѣвшее лицо.

Гофмаршалъ злобно посмотрѣлъ на нее. Несмотря на раздраженіе, кипѣвшее у него въ душѣ, онъ не могъ переварить, что его служанка осмѣлилась при немъ сѣсть, и даже объявивъ, что ей не дурно, не вставала съ мѣста.

— Итакъ, Габріель не будетъ ни монахомъ, ни миссіонеромъ? спросилъ насмѣшливо старикъ, отворачивая голову, чтобы не глядѣть на безтактную ключницу. — Позвольте узнать, какую высшую карьеру имѣете вы въ виду для этого рѣдкаго человѣческаго экземпляра?

— Этими тономъ, дядя, ты на меня уже не подѣйствуешь; я былъ до сихъ поръ на-столько безхарактеренъ, что подчинялся чужимъ мнѣніямъ; я даже разыгрывалъ роль безсердечнаго насмѣшника, чтобы только не выказать себя человѣкомъ сантиментальнымъ и не сдѣлаться самому смѣшнымъ; но я отрекаюсь съ этой минуты отъ всякой солидарности съ тѣми людьми моего круга, которые еще придерживаются подобныхъ убѣжденій. Я твердо увѣренъ, что Габріель мой двоюродный братъ. Если ты, какъ старшій сонаслѣдникъ его отца, не согласишься выдать ему хотя малую часть изъ громаднаго состоянія, полученнаго нами отъ дяди Гисберта, — тебя, конечно, никто не можетъ къ этому принудить, потому что Габріель все-таки незаконное дитя, — то я отнюдь не намѣренъ сообразоваться съ законами справедливости, принятыми въ свѣтѣ, и поступлю согласно съ моими личными понятіями о долгѣ. Я дамъ мальчику имя его отца и средства, приличныя его званію, короче сказать — я его усыновлю.

Ударъ попалъ въ цѣль; но опытный придворный, привычшій владѣть собой въ горячихъ спорахъ и по наружности казаться

совершенно спокойнымъ передъ неизбѣжнымъ фактомъ, выдержалъ и теперь.

— Въ настоящемъ случаѣ я могу предположить одно изъ двухъ, отвѣчалъ онъ холодно и рѣзко:—или ты болѣнь—(онъ постукалъ себя пальцемъ по лбу), — или ты, какъ я уже давно подозрѣваю, безнадежно попалъ въ силки вонъ тѣхъ красныхъ косъ... Последнее вѣрнѣе, и горе тебѣ, Рауль!.. я знаю женщинъ этой породы... слава-Богу, онѣ рѣдко встрѣчаются... Отъ красныхъ волосъ и бѣлой кожи исходитъ фосфорическій свѣтъ, какъ отъ русалокъ; онѣ своимъ холоднымъ дыханіемъ вливаютъ въ сердце огонь, который потушить нельзя... у нихъ есть умъ, но нѣтъ души... на языкѣ блестящія слова, а въ сердцѣ ни капли самоотверженной, безумной любви... Ты еще на землѣ будешь горѣть въ адскомъ огнѣ—вспомни меня! Посмотри, ты ужъ поблѣднѣлъ...

— Я думаю. Кровь во мнѣ застыла отъ твоихъ словъ; хотя ухо мое и не избаловано тобою, но теперь каждое твое слово равняется пощечинѣ... Ты меня заставишь напомнить тебѣ о твоихъ сѣдыхъ волосахъ...

— Не трудись,—я очень хорошо знаю, что дѣлаю и говорю. Я ужъ тебя предупреждалъ относительно мачихи моего внука; твоя воля—прижми ее къ своему сердцу, къ этому сердцу, не умѣвшему никогда оцѣнить мою благочестивую, скромную, любящую дочь,—мою Валерію!.. Что-жь касается твоего новаго protégé — мальчишки изъ индійскаго домика,—то я и словъ терять не стану: это дѣло церкви; ребенокъ тѣломъ и душой принадлежитъ ей; церковь съумѣетъ тебѣ отвѣтить, если ты осмѣлишься потребовать его отъ нея. Слава Господу, которому она служить! съ Его помощью она приводила неукротимыхъ къ своимъ ногамъ, не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя націи; ты проиграешь игру, какъ всѣ тѣ, кто возставалъ противъ нея и сдѣлалъ ея слугъ настоящими мучениками. Въ концѣ концовъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ...

Онъ повернулся спиной къ Майнау, собираясь уйдти; но вдругъ стукнулъ костью о паркетъ и на первомъ-же шагу остановился.

— Эй, Лонъ, кажется, вы уже успѣли отдохнуть! крикнулъ онъ.—Видно, очень пріятно сидѣть на атласныхъ стульяхъ?

Ключница, увлекшись происходившей сценой, совершенно забылась; но при этихъ словахъ вскочила съ мѣста въ страшномъ испугѣ.

— Поставьте мой завтракъ на подносъ, продолжалъ старикъ, махнувъ головой къ сторонѣ стола, — и принесите мнѣ его въ мой рабочій кабинетъ. Я хочу остаться одинъ.

Онъ вышелъ. Костыль его громко стучалъ по паркету, а сзади ему вторилъ звонъ ключей Лопъ и дребезжаніе посуды на серебряномъ подносѣ, который она несла въ рукахъ. Въ душѣ старика бушевала настоящая буря бѣшенства; душа-же шедшей за нимъ молчаливой женщины-служанки трепетала отъ восторга и вмѣстѣ отъ ненависти къ этому желтому кашею, которому она охотно-бы швырнула шоколадъ подъ ноги за то, что онъ осмѣлился говорить такія подлые вещи насчетъ молодой баронессы, этого милаго, чистаго ангела.

Въ ту минуту, когда дверь съ громомъ захлопнулась за гофмаршаломъ и Лопъ, Ліана вышла изъ ниши дальняго окна, куда она скрылась, бросилась къ Майнау, схватила его правую руку и поцѣловала.

— Ліана, что ты дѣлаешь? воскликнулъ онъ, вырывая руку. — Ты, у меня!..

Но въ то-же мгновеніе лицо его просіяло, онъ раскрылъ объятія и Ліана въ первый разъ добровольно прижалась къ его груди.

Лео, заложивъ руки за спину, стоялъ блѣдный отъ изумленія; но какъ ни мало онъ стѣснялъ себя вообще въ выраженіи своихъ мнѣній, теперь, при такой непривычной для него сценѣ, онъ онемѣлъ. Ліана съ улыбкой привлекла его къ себѣ и мальчикъ полу-ревниво, полу-нѣжно охватилъ ручонками ея ноги. Эти три красивыя существа образовали группу, которая могла-бы служить моделью для изображенія семейнаго счастья.

— А мнѣ все-таки придется завтра разстаться съ вами обоими, сказалъ Майнау грустнымъ тономъ. — Послѣ такого столкновенія съ дядей тебѣ не слѣдуетъ здѣсь оставаться, Ліана; но мнѣ выѣхать изъ Шенверта невозможно до тѣхъ поръ, пока не разрѣшатся поднятые вопросы и не уладятся всѣ непріятности.

— Я при тебѣ останусь, Майнау, отвѣчала Ліана рѣшительнымъ тономъ. Она знала, что его ожидаетъ впереди много неиз-

бѣжныхъ, поразительныхъ открытій; въ такія тяжелыя минуты ей слѣдовало быть подлѣ него.—Ты говоришь о непріятностяхъ и хочешь, чтобы я одного тебя оставила? Вѣдь я могу здѣсь точно такъ-же хорошо изолироваться, какъ и въ Волькерсгаузенѣ, и постараюсь вовсе не встрѣчаться съ гофмаршаломъ...

— Одинъ разъ еще ты должна принести себя въ жертву, перебилъ онъ ее, проведя рукой по ея густымъ волосамъ. — Ты слышала—онъ ѣдетъ сегодня ко двору, хотя-бы ему пришлось притащиться туда на четверинькахъ; я тоже ѣду... Ліана, рѣшишься-ли ты сдѣлать надъ собой усиліе и сопровождать меня, если я отъ всей души попрошу тебя объ этомъ?..

— Я пойду за тобой, куда ты ни захочешь, мужественно отвѣтила она, хотя по ялому лицу ея пронеслось облако испуга.

ГЛАВА XXIII.

Весь этотъ день гофмаршалъ провелъ въ своей комнатѣ, обѣдалъ одинъ и даже ни разу не потребовалъ къ себѣ Лео. Прислуга въ замкѣ не знала, что и подумать: молодой баронъ съ сыномъ обѣдали на половинѣ у баронессы; баронъ послалъ въ городъ за докторомъ и самъ водилъ его въ индійскій домикъ къ умирающей; по его приказанію и въ его присутствіи рабочіе съ большою осторожностью починили поврежденный бурей потолокъ, за тѣмъ, чтобы жгучіе лучи солнца не проникали въ комнату больной; животныхъ тропическихъ странъ, которыя жили въ звѣринцѣ кашмирской долины, загнали по своимъ мѣстамъ; наконецъ, молодой баронъ собственноручно заперъ фонтанъ, журчавшій около индійскаго домика... Видно, ему хотѣлось, чтобы отходящую человѣческую душу не потревожилъ ни малѣйшій шумъ.

Всѣхъ этихъ распоряженій было достаточно, чтобы совсѣмъ иначе настроить легко увлекающуюся дворню замка. Умирающая женщина, которая втеченіи многихъ лѣтъ носила прозвище безполезной дармоѣдки, превратилась разомъ въ несчастную мученицу, и потому только, что баронъ Майнау вернулся изъ индійскаго сада молчаливый и грустный, лакеи уже начали ходить по коридору на ципочкахъ; конюхи и прочая прислуга въ ко-

нюшняхъ и сараяхъ старались производить какъ можно меньше шума; никто изъ нихъ не смѣлъ ни запѣть, ни свистнуть, точно умирающая лежала въ самомъ замкѣ. Анна ходила съ заплаканными глазами; она пережила въ этотъ день два замѣчательныя событія: во-первыхъ, она подглядѣла сквозь замочную скважину столовой, какъ г. баронъ цѣловалъ свою супругу, и, во-вторыхъ, она, первый разъ въ жизни, была въ индійскомъ саду. Съ чашкой бульона для фрау Лонъ въ рукахъ ей удалось пробраться въ комнату умирающей; съ тѣхъ самыхъ поръ она плакала безъ умолку и говорила въ кухнѣ, что вся прислуга въ замкѣ варвары и проклятые выдумщики, потому что никто, за исключеніемъ сердитой и мрачной Лонъ, никогда не заботился о бѣдной больной, между тѣмъ какъ всякій образованный человѣкъ съ перваго взгляда могъ-бы угадать, что она не простого рода, а непременно принцесса.

Посѣщеніе индійскаго домика произвело и на Майнау сильное впечатлѣніе; онъ увидалъ, наконецъ, лицо той женщины, на которую когда-то ему такъ пламенно и такъ тщетно хотѣлось взглянуть, и отъ которой онъ, впоследствии, убѣгалъ съ отвращеніемъ, въ полной увѣренности, что на ней лежитъ печать самаго низкаго паденія. Онъ увидалъ передъ собой красавицу съ блѣднымъ, кроткимъ, неизмѣнчившимся лицомъ, не невѣрную фаворитку дяди Гисберта, не мать Габріеля, а безгрѣшное дитя, нѣжную, блѣлую розу, какъ-бы занесенную вѣтромъ съ неба, чтобы умереть на землѣ.

Благодаря уму и непоколебимой правдивости *второй жены*, все прошлое обитателей замка ярко освѣтилось; Майнау понялъ, наконецъ, что безупречный по своей репутаціи Шенвертъ былъ гнѣздомъ преступленій; что онъ самъ стоялъ на этой почвѣ, не давъ себѣ ни разу труда спросить, что скрывается подъ обстановкой, въ дни юности казавшейся ему слишкомъ таинственной. Этотъ легкомысленный человѣкъ считалъ себя теперь глубоко виновнымъ въ томъ отношеніи, что, питая слѣпое довѣріе къ дядѣ, онъ, отчасти даже умышленно, избѣгалъ вникать въ сущность дѣла, изъ опасенія, чтобы всѣ эти скучныя дознанія не помѣшали пріятному образу его жизни. Выслушавъ рассказъ Ліаны, онъ, конечно, ни на минуту не усомнился въ его истинѣ; но при этомъ, заглянувъ въ сокровенные уголки своей души, онъ, къ

стыду своему, долженъ былъ сознаться, что если-бы, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, передъ нимъ раскрыли завѣсу этой „неприятной исторіи“, онъ, пожалуй, вильнуль-бы въ сторону, и хотя теперь, получивъ нравственный толчекъ отъ женщины съ сильнымъ характеромъ и твердой волей, онъ вострепнулся и началъ энергически дѣйствовать, но поправить то, что было испорчено чрезъ его безпечность и эгоизмъ, уже не могъ. Глаза красавицы изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ не видѣли уже, какъ Майнау поднялъ на руки и прижалъ къ своему сердцу угнетеннаго ребенка, который въ нѣмомъ отчаяніи сторожилъ послѣдній вздохъ матери... умирающая не слыхала также, какъ бѣднаго незаконнаго ребенка онъ ласково называлъ: сынъ мой; она этого не чувствовала, и такъ-же мало чувствовалъ самъ мальчикъ, нехотѣвшій быть ничѣмъ сыномъ, кромѣ умиравшей матери, у сердца которой онъ отдыхалъ послѣ гоненій черствыхъ, холодныхъ, противныхъ людей.

До сихъ поръ Майнау могъ обвинять гофмаршала только въ слѣпой довѣрчивости, которую выказалъ и самъ онъ; въ поддѣлкѣ завѣщанія старикъ, конечно, не участвовалъ, иначе онъ не упомянулъ-бы сегодня такъ спокойно и съ такой самоувѣренностью о бумагѣ уже несуществующей; патеръ одинъ велъ это дѣло известнымъ ему путемъ и точно также, какъ исторію съ запиской, умѣлъ передать гофмаршалу въ благопріятномъ для себя видѣ, не открывъ ему истины. Все это говорилъ самъ себѣ Майнау для успокоенія своей совѣсти, а между тѣмъ ему никакъ не удавалось сбросить съ своей души горькое сознаніе, что репутація рода Майнау будетъ подточена, если разшевелять пепелъ давно-прошедшихъ временъ.

Передъ вечеромъ Ліана также пошла въ индійскій домикъ. Майнау-же получилъ нѣсколько слѣдственныхъ бумагъ изъ Волькерсгаузена и принужденъ былъ удалиться на нѣкоторое время въ свой кабинетъ; Лео находился уже подъ надзоромъ новаго учителя, къ которому онъ удивительно быстро привязался.

Необыкновенная тишина охватила Ліану, когда за нею хлопнула калитка проволочной рѣшетки,—такая мертвая тишина, какъ-будто отъ присутствія мрачнаго ангела смерти, летавшаго надъ бамбуковымъ домикомъ, замерло всякое движеніе въ воздухѣ и на землѣ. Странное дѣло! все, что любилъ дядя Гисбертъ,

погибло разомъ. Роскошная муза, которая такъ величественно разрослась подъ чуждымъ ей сѣвернымъ небомъ, лежала, какъ подкошенная, на зеленой лужайкѣ; буря жестоко ее разщепала. „Чѣмъ скорѣе уничтожатся эти затѣи, тѣмъ лучше“, замѣтилъ гофмаршалъ, услыхавъ объ этомъ. Ліанѣ пришлось перебираться черезъ громадныя древесныя сучья, валявшіеся поперекъ аллеи; она проходила большія пространства, сплошь усыпанныя розовымъ листомъ, а когда подошла къ тѣмъ клумбамъ, гдѣ посажены были группами штамбовыя розы, то увидѣла, что верхушки ихъ обломаны ураганомъ такъ-же легко, какъ ломаетъ рука ребенка хрупкій стебелекъ цвѣтка. Куда ни обращала Ліана глаза, всюду она встрѣчала слѣды разрушенія; только одинъ индусскій храмъ послѣ ливня казался свѣжѣе и блестяще, да прудъ еще сверкалъ лазурною рябью у его подножія, точно этотъ коварный собѣдъ храма, наканунѣ ночью, не хлесталъ своими мутными волнами о мраморныя ступени его входа. На болотистомъ берегу у пруда за ночь распустились сотни рѣчныхъ лилій—сѣверные лотосы лежали свѣжіе, полные жизни, на сочныхъ, зеленыхъ листьяхъ, между тѣмъ какъ индійскій лотосъ завялъ и поникъ головой.

• Что произошло-бы въ душѣ гофмаршала, если-бы онъ хоть на одно мгновеніе взглянулъ на эту бамбуковую кровать? О! онъ умѣлъ хорошо оградить себя отъ такого зрѣлища! Ліана сама видѣла, что окна его половины, обращенной въ индійскій садъ, были на-глухо задѣланы. Преображенная предсмертной агоніей баядерка была прекраснѣе даже, чѣмъ въ ту пору, когда заглянула неутолимую страсть въ высохшемъ сердцѣ гофмаршала.

Фрау Лонъ облекла воздушное тѣло „свѣжнаго хлопка“ въ облако прозрачной бѣлой кисеи; на незамѣтно дышащей груди лежало ожерелье изъ золотыхъ монетъ, а лѣвая рука крѣпко сжала амулетъ на золотой цѣпочкѣ; ея прозрачныя съ голубыми жилами вѣки приподнялись одинъ разъ, но зрачки уже потухли; улыбку-же счастья, застывавшую на полураскрытыхъ губахъ, умершая унесла съ собой въ склепъ подъ красными обелисками.

— Не думайте, пожалуйста, сударыня, что я плачу объ ея бѣдной душѣ, сказала Лонъ задыхающимся голосомъ, когда Ліана ласково посмотрѣла на ея распухшіе отъ слезъ глаза. — Я ее такъ любила, такъ любила, какъ свое собственное дитя! продол-

жала ключница; — а все-таки крещусь и говорю: слава Тебѣ Господи, кончилися ея страданія!.. Сегодня утромъ, подавая завтракъ, я думала, что захохочусь отъ радости, если не зарыдаю... право, такъ; а ужъ за то, какъ прибѣжала въ этотъ домикъ, который видѣлъ столько горя и слезъ, такъ наплакалась всласть... Теперь ужъ никто меня не удержитъ, полно комедію играть да людей морочить! Маску въ сторону брошу... полно корчить смиренную мишу, когда такъ и хочется всѣмъ этимъ мошенникамъ, негодьямъ выпарапать глаза. Не прогнѣвайтесь, сударыня, — удержать языка не могу... я все себѣ голову шупаю, спрашиваю: правда-ли все то, что я пережила; а затѣмъ на меня вдругъ найдеть страхъ — не перевернула-бы эта бритая голова все по-своему, даромъ-что молодой баронъ такъ усердно взялся за дѣло... Тутъ главное — быстро дѣйствовать и прежде его поспѣть. Что я вамъ говорила, сударыня? Вы ангель небесный, посланный сюда Богомъ! Его долготерпѣнію, вѣрно, наступилъ конецъ; Онъ и молодому-то барону открылъ глаза... Какъ онъ сегодня утромъ вошелъ въ залу да поглядѣлъ на васъ, я сейчасъ и догадалась, въ чемъ дѣло. Да что тутъ толковать: вамъ однѣмъ Габріель обязанъ будетъ своимъ счастьемъ, вашему уму и вашему доброму сердцу; по-настоящему, вамъ-бы слѣдовало и довести дѣло до конца; отъ молодого барона вѣдь толку не дождешься... не во гнѣвъ будь сказано вашей милости... Онъ былъ такъ долго суровъ съ нами, что мы съ Габріелемъ не вдругъ привыкнемъ любить его... я нынче утромъ пробовала, да не идетъ что-то... и докторъ тутъ былъ, а я стою, какъ съ завязаннымъ ртомъ... — Габріель, поди прогуляться; тебѣ свѣжій воздухъ все равно, что хлѣбъ, а я пока баронессѣ кой-что поразкажу... заключила Лонъ.

Мальчикъ, котораго Ліана ласково обняла за шею, всталъ и ушелъ въ садъ, чтобы пріютиться тамъ на лавочкѣ подъ розовымъ кустомъ, откуда, сквозь разбитую стеклянную дверь, онъ могъ ясно видѣть бамбуковую кровать матери.

— Значитъ, молодой баронъ не признаетъ дѣйствительной записки, будто-бы написанную покойнымъ старымъ барономъ? начала опять ключница. — Почему онъ вдругъ вздумалъ въ ней сомнѣваться — не знаю, но мнѣ остается только благодарить Бога, что такъ сдѣлалось. Одно только плохо, что изъ-за этой исторіи

завяжется непрѣменно окаянная борьба съ этими іезуитами, а что мы проиграемъ дѣло — это такъ-же вѣрно, какъ вотъ то, что солнце стоитъ на небѣ. Вы вѣдь видѣли сегодня утромъ, какъ г. гофмаршалъ захохоталъ въ лицо молодому барону? А я вамъ вотъ что доложу, сударыня — (она понизила голосъ почти до шопота): — есть еще записочка, написанная на моихъ глазахъ собственными руками покойника барона... вотъ тутъ — (Лонъ указала на лѣвую руку умирающей); — она держитъ ее при себѣ, въ маленькомъ медальонѣ, похожемъ на серебряную книжку: здѣсь-то именно и спрятана записка. Ахъ, ты моя горемычная голубка! сердце ты мнѣ все надорвала! Злодѣи эти рассказываютъ, будто она измѣнила своему нѣнаглядному, а она вонъ тринадцать лѣтъ лежитъ на мѣстѣ да сторожитъ его записку пуще родного ребенка, даже пальчики ея судороги свели... все боится, чтобы у нея не отняли это сокровище — послѣднюю вещь, которую получила она изъ его рукъ; ей все, бѣдняжкѣ, казалось, что каждый, кто къ ней подходитъ, собирается отнять бумажку.

Ліанѣ живо представилась та минута, когда патерь схватилъ было амулетку больной. Теперь она ясно поняла причину выраженія отчаянія и ужаса на лицѣ индианки и смѣлое вмѣшательство Лонъ, которая дерзко кинулась между патеромъ и больной.

— Видите-ли что, сударыня, всѣ эти бѣдствія и несчастія обрушились на ея бѣдную головку прежде, чѣмъ она обратила на меня какое-нибудь вниманіе, говорила ключница. — Впрочемъ, мнѣ и требовать нельзя было, чтобы она меня замѣтила: я всегда была безобразная, неловкая баба, а когда покойный баронъ только что привезъ ее въ Шенвертъ; то такія пошли затѣи въ замкѣ, что никто изъ прислуги не смѣлъ, кажется, подходить къ индійскому домику иначе, какъ ползкомъ. Баронъ былъ самъ точно безъ головы и требовалъ отъ слугъ, чтобы и они дѣлали всевозможныя глупости. Наша братья, дворня, не смѣла поглядѣть на нее, не только-что заговорить съ нею, когда она, какъ малое дитя, песется по коридорамъ замка, волочить за собой свою козочку на лентѣ и прлечется шутя отъ своего милаго, который, какъ бѣшенный, бѣжитъ за нею вдогонку. А она, сердечная, летитъ все впередъ, какъ птичка, вдругъ остановится, попрыгаетъ на одномъ мѣстѣ да и повиснетъ у барона на шеѣ. Вѣрите-ли, сударыня, я, бывало, зубы стисну, чтобы только удер-

жать себя и не броситься къ этому прелестному ребенку въ пунцовою курточкѣ и газовыхъ юбкахъ... такъ, кажется, и зацѣловаль-бы ее до смерти. Посмотрите вы на нее хоть теперь! Ну можетъ-ли на землѣ существовать еще другая такая красавица?

У Лонъ порвался голосъ; она встала съ мѣста и съ гордостью нѣжной матери начала поправлять тяжелыя, сиво-черныя косы, висѣвшія по обѣимъ сторонамъ тихо-дышащей груди.

— Да, сколько разъ, бывало, покойникъ взвѣшивалъ на рукахъ эти волосы и цѣловалъ ихъ, продолжала она со вздохомъ, не отходя отъ постели баядерви. — Ему, кажется, также не разъ думалось, какъ и мнѣ, что косы эти тяжелѣе всего тѣла ея, тѣмъ болѣе, что она ихъ перенизывала жемчугомъ, рубинами и золотыми монетами... Всѣ эти драгоценности я должна была выдать г. гофмаршалу... Приставили къ ней сначала щеголиху горничную, которую баронъ вывезъ изъ Парижа или тамъ, богъ-знаетъ, откуда, и она съ нею была добра, какъ ангель... Отплатила-же ей хорошо за эту доброту желтокожая вѣдьма... Разъ какъ-то утромъ со старымъ барономъ вдругъ сдѣлалось дурно; два часа онъ лежалъ, какъ мертвый, а когда очнулся, то оказалось, что онъ поимѣшался; доктора сказали—меланхолія напала. Онъ, видите-ли, будто и прежде ею страдалъ. Съ этой минуты г. гофмаршалъ и капеланъ,—теперешній придворный духовникъ,—сдѣлались полновластными господами въ замкѣ.

— Я ужъ вамъ, сударыня, и прежде рассказывала, что вся шенвертская дворня крѣпко стояла за этихъ двухъ мошенниковъ,— не погнувайтесь за дерзость, — а ужъ хуже всѣхъ сподличала камеръ-юнгфера. Она слезла гнусную исторію, будто моя бѣдная малютка влюблена въ красавца рейткнехта Иозефа, да и довела это до свѣденія большого барона. Извѣстное дѣло, недаромъ почесала языкъ; какъ пришлось уѣзжать отсюда, такъ загребла себѣ въ карманъ тысячи талеровъ... Я безъ нея какъ-то и пробралась въ идійскій домикъ—даже мужу своему побоялась объ этомъ сказать. Смотрю, лежитъ бѣдненькая скорчившись въ постелѣ, кое-какъ одѣтая, полуголодная, одичалая; изъ страха, какъ-бы не попасться въ руки гофмаршалу, она рѣшилась лучше не ѣсть и спать на измятой постели, лишь-бы только задвижку двери не отворять... Я до сихъ поръ не понимаю, какъ это случилось, что злодѣй не замѣтилъ, что я сдѣлалась ея единствен-

ной опорой; вѣрно, я не такъ глупа, какъ онъ всегда увѣряетъ... Шестъ мѣсяцевъ сряду держали ее, какъ невольницу, взаперти въ индійскомъ домикѣ. Въ жизнь свою не забуду, какъ она стонала и плакала отъ тоски по человѣкѣ, который болѣе знать ея не хотѣлъ... А тутъ Габріель родился, и грубую, сердитую, жестокую Лонъ приставили въ родѣ палача къ плѣнницѣ индійскаго домика... Не разъ приходилось мнѣ также дежурить при постели больного стараго барона, въ тѣ дни, когда съ моимъ мужемъ дѣлалось головокруженіе,—и больному очень полюбились мои услуги... Часто, бывало, вертѣлось у меня на языкѣ ея имя, такъ и хотѣлось напомнить ему объ ней, сказать, что у него родился сынъ, что его милую безсовѣстно оболгали передъ нимъ; но пришлось проглотить всѣ эти рѣчи, потому что, какъ-бы онъ ни былъ доволенъ моими извѣстіями, а въ припадкѣ меланхоліи исповѣдалъ-бы на духу капелану все, что я ему сказала, и тогда меня безъ милосердія вытолкали-бы въ шею изъ Шенверта, а мои бѣдныя сироты остались-бы безъ защиты.

Ліана горячо пожала руку Лонъ; эта женщина выказала такой богатый запасъ любви, самоотверженія и нѣжности, научившихъ ее хитрить при случаѣ, какой могла выказать только мать къ своимъ роднымъ дѣтямъ... Ключница вспыхнула до ушей и робко опустила глаза, когда прекрасная, атласистая рука молодой баронессы сжала ея костлявые пальцы.

— Ну, вотъ-съ, пришлось старому барону, наконецъ, умирать, продолжала она взволнованнымъ голосомъ.— Гофмаршалъ и капеланъ ни на секунду не отходили отъ его изголовья. Одинъ смѣнялъ другого, чтобы слѣдить, въ точности-ли исполняютъ люди каждое ихъ распоряженіе; но вдругъ случилось такъ, что гофмаршалъ простудился и слегъ, а капелана потребовали въ городъ для приобщенія св. таинъ католическаго принца Адольфа, который былъ при смерти. Видимо перстъ Божій все это устроилъ: такъ должно было случиться!.. Только-что патеръ очутился за воротами замка, съ моимъ мужемъ приключилось такое головокруженіе, что онъ подняться съ дивана не могъ. Ну, конечно, сейчасъ меня потребовали... Стою я въ красной комнатѣ передъ постелью больного и подаю ему лекарство... темныя занавѣси на окнахъ я на-время раздвинула; въ эту минуту солнышко прямохонько ударило на постель. Что-жь вы думаете? у больного

разомъ въ головѣ прояснилось; смотреть онъ на меня такъ смысленно и руку мою погладилъ даже; точно похвалить хотѣлъ, что я хорошо ему служу. У меня искры изъ глазъ посыпались. Была не была! подумала я про себя да и убѣжала. Десять минутъ спустя пробрались мы съ бѣдной женщиной мимо бамбуковыхъ кустовъ—вонъ тамъ, у праваго флигеля,—да черезъ калитку, по чугунной винтовой лѣстницѣ, и прокрались въ замокъ. Никто насъ не видалъ, ни одна душа не подозрѣвала, что въ этомъ углу творится, иначе всей дворнѣ-бы досталось. стоило только гофмаршалу пронюхать объ этомъ... Я осторожно отворила дверь въ красную комнату; сердце оцѣ страха билось у меня невыносимо... она бросилась впередъ... крика ея я до гроба не забуду! Бѣдная крошка! Изъ ея милаго красавца, виднаго, стройнаго мужчины, сдѣлалась какая-то тѣнь... Она упала къ нему на постель. Надо было посмотрѣть, до чего свѣжа и прекрасна казалась ея головка рядомъ съ его желтымъ лицомъ и ввалившимися щеками... она лежала, какъ распутившійся яблоневой цвѣточекъ, на атласномъ зеленомъ одѣялѣ,—бѣленькая, розовая такая... Онъ сначала посмотрѣлъ на нее очень серьезно; но она, вспомнивъ прежнія привычки, охватила его руками за шею и прижалась къ его лицу. Больной погладилъ ей волосы; тутъ она съ нимъ заговорила по-своему, по-индѣйски, да такъ скоро, такъ скоро, точно она торопилась вылить передъ нимъ все, что накипѣло у нея на душѣ за все время, какъ они не видались. У больного широко раскрылись глаза, даже засверкали, кровь бросилась ему въ лицо... А что ужъ у меня на сердцѣ тогда было—этого я вамъ и передать не могу... Царь небесный! Я, по правдѣ сказать, струсила; думаю: ну, какъ онъ умретъ на мѣстѣ? Онъ сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы заговорить, но не могъ. Взялъ бумажку и написалъ: „можете вы мнѣ привести сюда кого-нибудь изъ служащихъ въ судѣ?“ Я покачала головой. Это было невозможно; онъ очень хорошо это зналъ. Тогда онъ принялся опять писать. Мнѣ казалось, что онъ цѣлый вѣкъ писалъ. Лобъ его весь покрылся потомъ, а въ глазахъ читался страхъ—я ясно это видѣла,—страхъ за милое, прекрасное созданье, которое все это время гладило его нѣжно по лицу и не помнило себя отъ счастья, что его опять допустили до него. Когда онъ кончилъ писать, то знаками велѣлъ мнѣ зажечь свѣч-

ку и принести сургучъ. Онъ самъ накапалъ сургучу на бумагу и приложилъ къ написанному двѣ печати тѣмъ самымъ перстнемъ, который онъ подарилъ потомъ гофмаршалу. Все это онъ сдѣлалъ своими руками, а мнѣ приказалъ только приналечь рукой на его пальцы, чтобы его гербъ яснѣе, отчетливѣе отпечатался на сургучѣ. Посмотрѣвъ на печати сквозь лорнетъ, онъ, вѣрно, остался ими доволенъ, потому-что одобрительно кивнулъ головой. Онъ подалъ мнѣ записку, съ тѣмъ, чтобы я вслухъ прочитала адресъ; я прочла по складамъ: *Барону Раулю фон-Майнау*, и хотѣла взять записку на храненіе къ себѣ; но она, моя милая, вскочила съ кровати, вырвала у меня изъ рукъ бумажку и принялась осыпать ее поцѣлуями; затѣмъ вытряхнула все, что у нея береглось въ серебряной книжечкѣ, на полъ, и аккуратно вложила туда записку больного... Какъ-будто тѣнь улыбки пронеслась по его лицу; онъ кивнулъ мнѣ опять головой, точно хотѣлъ сказать: „пусть у нея останется!“ Долго онъ ее послѣ этого голубилъ и цѣловалъ... въ послѣдній разъ въ этой жизни! Онъ-то это зналъ, но она не догадывалась. Она даже уходить отъ него не хотѣла, но онъ знакомъ приказалъ, чтобы я отвела ее домой. Принялась она плакать, какъ дитя. Но вѣдь это было кроткое, послушное созданіе: больной только строго посмотрѣлъ на нее, поднялъ немного палецъ, она въ ту-же минуту скрылась. Повидавшись-же съ нимъ одинъ разъ, она ужъ не могла разстаться съ мыслію, какъ-бы опять къ нему пробраться. Она даже на маленькаго Габріеля перестала обращать вниманіе, спала и видѣла, какъ-бы уйти въ замокъ. Кончилось тѣмъ, что таки-она убѣжала, улизнула тайкомъ отъ меня, и попалась въ руки гофмаршала въ корридорѣ передъ красной комнатою... Затѣмъ-ли онъ ее душилъ, чтобы она не кричала, или онъ это въ припадкѣ ревности сдѣлалъ,—этого никто въ мірѣ не узнаетъ, но что онъ схватилъ ее за горло, это мнѣ навѣрное извѣстно, потому-что хоть по-индійски я и не понимаю, но по глазамъ и знакамъ угадывала совершенно все, что она хотѣла мнѣ сказать. Сначала разумъ ея не былъ помраченъ: это сдѣлалось ужъ послѣ, когда патеръ ее навѣстилъ и долго, долго въ чемъ-то ее усовѣщевалъ; тутъ она разомъ такъ крикнула, точно ее пытать начали. Господи, Боже мой! какъ патеръ-то перепугался! сломя-голову убѣжалъ и ужъ больше никогда не пробовалъ чи-

тать наставленія. Однако, поправить испорченное невозможно было... у бѣдной мозгъ совсѣмъ повредился. Вотъ вамъ, сударыня, вся исторія на-лицо; прошу васъ покорѣйше, возьмите сами у нея серебряную книжечку съ цѣпочкой...

— Только не въ настоящую минуту! воскликнула въ ужасѣ Ліана. Она подошла къ постели и нагнулась надъ умирающей. Изъ раскрытыхъ губъ вѣяло уже могилой, но грудь ровно подымалась и опускалась.—Я не вынесу, кажется, продолжала Ліана, отступая немного назадъ,—если она отъ моего прикосновенія откроетъ вдругъ глаза и унесетъ съ собою на тотъ свѣтъ, какъ послѣднее впечатлѣніе, сознаніе, что у нея отняли дорогой ей талисманъ. Придите за мной, фрау Лонъ; когда все кончится, хотя-бы то случилось ночью. Я сама выну у нея изъ рукъ книжечку. Вы правы, именно мнѣ слѣдуетъ это сдѣлать, но до тѣхъ поръ не надо прикасаться даже къ рукѣ несчастной... Простите меня, я должна сдѣлать вамъ упрекъ: зачѣмъ вы тогда не передали записку по адресу?

— Сударыня! запальчиво крикнула ключница.—Это вы теперь изволите говорить, когда все благополучно кончилось... а каково было мнѣ тогда-то? Вѣдь я стояла одна-одинешенька среди всей дворни замка. Гдѣ мнѣ было перехитрить такихъ умныхъ плутовъ, какъ гофмаршалъ и патеръ... да, наконецъ, развѣ молодой баронъ согласился-бы бороться съ ними изъ-за нея? Ахъ, Господи! другое дѣло прятать голубыя туфли подъ стеклянный колацкъ!..

Ліана вспыхнула до ушей и Лонъ замолчала въ испугѣ.

— Да что-жь я такое болтаю,—вѣдь теперь все дѣло поправлено, проговорила она вполголоса, видимо стараясь загладить свой промахъ.—Въ ту пору молодой баронъ совсѣмъ другой былъ; вы сами видѣли, сударыня, какъ онъ бѣднаго мальчишка съ дороги, точно собаку, столкнулъ... Я вамъ сейчасъ расскажу, какъ-бы онъ поступилъ тогда съ запиской: взял-бы ее отъ меня и сейчасъ-же показавъ-бы гофмаршалу и патеру; тѣ покатались-бы со смѣху и начали-бы его увѣрять, что это подлогъ, потому-что они день и ночь не отходили отъ больного. Подлогъ взвалили-бы на меня,—такъ вѣрно, какъ дважды два четыре, и затѣмъ меня пинками выгнали-бы со двора... Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ только и слѣдовало молчать и ждать... Конечно,

если-бы я знала, что на бумажкѣ написано, — дѣло другое, но вѣдь я отъ покойнаго барона далеко стояла, когда онъ писалъ; я и адресъ-то насилу разобрала... Я было недавно попробовала, пользуясь сногъ большой послѣ приѣма морфія, открыть книжечку, чтобы вынуть оттуда записку и разобрать, въ чемъ дѣло, развязать свою душу, такъ-сказать, да чего? вертѣла, вертѣла и найти не могла, гдѣ и какъ эта книжка отпирается; ни замочка, ни пружинки, ничего не видать... вѣрно ее взломать придется.

— Тѣмъ лучше, отвѣчала Ліана. Она подошла къ стеклянной двери и знакомъ подозвала къ себѣ Габріеля. Было уже поздно идти къ Майнау и передать ему все, что она узнала отъ Лонъ; пора было ѣхать ко двору; мужъ сказалъ, что онъ по особеннымъ причинамъ желаетъ принять приглашеніе на концертъ. Оставалось очень немного времени для самой Ліаны, чтобы переодѣться. Вся кровь ея возмущалась при мысли, что она должна наряжаться, стоять передъ зеркаломъ въ такую ужасную пору, когда для жителей Шенверта наступаетъ расплата за старыя грѣхи.

Молодая женщина убѣжала изъ индійскаго домика, чтобы поскорѣе отыскать Майнау и на-лету сообщить въ общихъ чертахъ все то, что нужно было ему передать. Но баронъ точно исчезъ; наконецъ, одинъ изъ лакеевъ доложилъ Ліанѣ, что молодой баронъ, получивъ извѣстіе изъ Волькерсгаузена, куда-то ушелъ, — кажется, къ главному садовнику.

Ліана съ камнемъ на сердцѣ пошла одѣваться.

ГЛАВА XXIV.

Подъ окнами нижняго этажа шенвертскаго замка стояла карета, запряженная парю сѣрыхъ въ яблокахъ, а у самаго крыльца ландо гофмаршала. Толстому, откормленному вучеру ни по чемъ было справляться съ крупными, прекрасными лошадьми, запряженными въ ландо; онѣ стояли смирно, какъ агнята, но за-то сѣрая пара неистово била гравій копытами, извлекая оттуда искры, и храпя мотала головами.

— Бестія эдакія! ворчалъ про себя гофмаршалъ, пока его

въ креслахъ сносили съ лѣстницы. Онъ могъ-бы, пожалуй, и самъ сойти внизъ, но въ виду предстоящихъ ему мукъ отъ долгаго стоянія въ присутствіи герцогини и ея семейства, онъ намѣренъ былъ поберечь свои силы.

Въ это время по большимъ параднымъ сѣнямъ ходилъ Майнау взадъ и впередъ, въ ожиданіи жены; но въ ту минуту, когда лакеи опустили кресло старика на мозаичный полъ, изъ дверей бокового корридора показался человѣкъ. Увидавъ гофмаршала, онъ удвоилъ шаги и, быстро пройдя мимо него, вышелъ черезъ парадную дверь.

Гофмаршалъ выпрямился, — видно, онъ былъ пораженъ чѣмъ-то неприятымъ.

— Это кто-такой пропелъ? Мнѣ показалось, что я видѣлъ каналью Даммера, котораго слѣдовало-бы въ три шеи отсюда вытолкать! крикнулъ онъ, повернувъ голову къ Майнау.

— Да, дядя, это онъ.

— Чортъ побери! какимъ образомъ попалъ сюда этотъ негодяй? какъ онъ смѣетъ расхаживать здѣсь такъ безцеремонно? горячился гофмаршалъ на лакеевъ.

— Г. баронъ, онъ ужиналъ въ людской столовой, робко отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Гофмаршалъ мгновенно вскочилъ на ноги и вытянулся какъ свѣчка.

— Въ *моей* людской столовой? за столомъ *моихъ* дворовыхъ людей?

— Милый дядя, мнѣ слѣдовало предупредить тебя насчетъ этого ужина въ столовой нашихъ людей, спокойно возразилъ Майнау. — Дѣло въ томъ, что Даммеръ привезъ мнѣ кое-какія извѣстія изъ Волькерсгаузена и уѣхать не можетъ ранѣе, какъ завтра утромъ; не голодать-же ему въ Шенвертѣ... Онъ сдѣлалъ большую неловкость, попавшись тебѣ на дорогѣ, но здѣсь, въ замкѣ, онъ съ моего разрѣшенія.

— Ахъ, да! понимаю! Ты вѣдь филантропъ и, вѣроятно, устроилъ себѣ въ Волькерсгаузенѣ исправительное заведеніе или родъ колоніи для молодыхъ преступниковъ... прекрасно!

Послѣ этихъ словъ гофмаршалъ опять упалъ въ кресло.

— Даммеръ забылся въ твоемъ присутствіи, продолжалъ Майнау съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ въ голосъ. —

Но надо принять во вниманіе и то, что его тогда страшно раздражили. Намъ, по-настоящему, слѣдовало-бы пояснить, что мы ниѣмъ дѣло съ человѣкомъ, а не съ собакой, которую бьютъ хлыстомъ за непослупаніе. — (Яркій румянецъ, выступившій на щекахъ Майнау, доказывалъ, что онъ не забылъ ту минуту, когда, увлеченный бѣшенствомъ, онъ позволилъ себѣ поднять руку на человѣка.) — Къ тому-же, продолжалъ баронъ, — разсчитавъ его немедленно, мы заставили-бы пострадать его невиннаго, стараго отца, котораго онъ содержитъ. И счелъ такое наказаніе слишкомъ жестокимъ и ограничился строгимъ замѣчаніемъ, съ переводомъ отсюда въ Волькерсгаузенъ. Этимъ, по крайней мѣрѣ, сгладилась наша несправедливость.

— Да? Ты такъ думаешь? Замѣчательное примиреніе гофмаршала фон-Майнау съ бездѣльникомъ! Прекрасно, прекрасно; все, видно, идетъ подъ гору, когда-нибудь дойдетъ и до конца... Нельзя-ли теперь сдѣлать мнѣ одолженіе — ѣхать впереди меня? Мнѣ не очень пріятно будетъ знать, что у меня за спиной твои бѣшенныя сѣрныя.

— Я жду жену, дядя.

Почти въ то-же мгновеніе вдоль колонады послышалось шуршанье тяжелаго шелковаго шлейфа и Ліана вышла въ парадные сѣни. Майнау предупредилъ ее, что дамы должны явиться въ парадномъ туалетѣ; поэтому она облеклась въ серебристо-бѣлое вѣнчальное платье. Громадныя смарагды — свадебный подарокъ мужа — сверкали въ видѣ шпилекъ въ ея волосахъ и придерживали букетъ снѣжныхъ колокольчиковъ, какъ-будто запутавшихся въ ея роскошныхъ красныхъ локонахъ.

— Ахъ! какой сюрпризъ для нашего двора! воскликнулъ гофмаршалъ. Его душило бѣшенство. Ему въ голову не приходило, что Ліана поѣдетъ вмѣстѣ съ ними. — *Allez toujours, madame!* продолжалъ онъ, указывая ей рукой на двери и сильнымъ движеніемъ откатывая назадъ свое кресло, когда увидѣлъ, что молодая женщина не рѣшается пройти мимо него.

Майнау подалъ женѣ руку и вышелъ съ нею на крыльцо.

— Моя новобрачная хороша, какъ снѣгурочка, но отчего ея прекрасное лицо такъ грустно? шепнулъ онъ ей нѣжно.

— Мнѣ нужно передать тебѣ много важныхъ новостей... Вѣришь-ли, мнѣ кажется, что я иду по горячимъ угольямъ, отвѣ-

чала она торопливо, испуганнымъ голосомъ.— Поскорѣе-бы намъ домой вернуться...

— Терпѣніе! Я постараюсь отдѣлаться какъ можно скорѣе отъ всѣхъ своихъ придворныхъ обязанностей и полечу тогда съ своей душенькой за тридевять земель отсюда!

Онъ посадилъ ее въ карету, сѣлъ рядомъ съ нею и сѣрыя бѣшено помчались впередъ, между тѣмъ какъ караковня гофмаршала ровной, полной рысью побѣжали сзади нихъ.

Въ резиденціи всѣ уже пріучили себя смотрѣть на второй бракъ Майнау—несмотря на высокоаристократическое происхожденіе Ліаны—какъ на *mésaillance*. Въ обществѣ разнеслись слухи, будто она собственно не жена ему, а только ключница и гувернантка; что, надѣвъ черный шелковый передникъ, съ связками ключей въ рукѣ, она цѣлый день бродитъ по кухнямъ, по-гребамъ и прачешнымъ, что это ея настоящая сфера. Какая гадость! Баронесса Майнау, супруга одного изъ первыхъ богатей страны!.. Боже! какъ очаровательно наивна и какъ неопытна по части домашнихъ дрязгъ была *первая* жена барона. Какимъ прелестнымъ, изящнымъ созданиемъ считалась эта молоденькая женщина при дворѣ. Это была не жена, а фея замка, чисто-аристократическая „лилія долины“. Казалось, природа создала ее только для того, чтобы топуть въ драгоценныхъ кружевахъ, пить замороженное шампанское, наряжаться, лежать на кушеткѣ или носиться по паркету бальной залы. Если-бы кто осмѣлился ее спросить, гдѣ находится кухня въ Шенвертѣ, она такого неуча непременно-бы наградила ловкимъ ударомъ хлѣстика и премило-бы разсердилась. Несмотря на все это, у себя въ конюшняхъ она была точно дома, такъ что всѣмъ извѣстные жасминовые духи не могли иногда заглушить конюшеннаго запаха отъ ея платья; но вѣдь въ этой страсти къ лошадямъ выказывалось также что-то кровно-аристократическое, эксцентричное. *Вторая* жена ни у кого еще не была съ визитомъ; однако, эти милые люди уже знали навѣрное, что баронесса—женщина высокаго роста, рыжеволосая и, вѣроятно, широкоплечая, съ большими ногами, красными руками и неизбѣжными веснушками... Высшій свѣтъ въ резиденціи привыкъ смотрѣть на Майнау, какъ на холостяка, и всѣ, смѣясь, передавали другъ другу, какъ на послѣднемъ вечерѣ при дворѣ, на вопросъ какого-то злого господина:

„Здорова-ли его молодая супруга?“ онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ: „Думаю, что здорова, я ужъ трое сутокъ не былъ въ Шенвертъ...“ Затѣмъ всѣ утверждали, что его предстоящее путешествіе послужитъ сигналомъ къ разводу, и т. д.

Вдругъ Майнау является въ концертной залѣ герцогскаго замка и ведетъ подъ руку молодую красавицу, съ ногъ до головы всю въ бѣломъ, блѣдную, серьезную, величественную, — настоящій типъ строгой красоты сказочной ледяной царицы глетчеровъ.

Герцогиня пожелала сдѣлать этотъ вечеръ особенно блестящимъ. Это былъ первый придворный концертъ послѣ смерти ея супруга, и говорили даже, будто герцогиня намѣрена закончить концертъ импровизированнымъ баломъ, для того, чтобы сдѣлать пріятный сюрпризъ молодежи. Музыкальная зала и рядъ прилежащихъ къ ней комнатъ утопали въ огнѣ. На потолкѣ залы горѣли газовыя звѣзды, по угламъ, на пьедесталахъ, зажжены были исполнскіе канделябры, а въ зимнемъ саду, заключавшемъ собою амфиладу комнатъ, были огненные фонтаны изъ исполнскихъ чашекъ лилій и ландышей, сдѣланныхъ изъ матоваго бѣлаго стекла и искусно расположенныхъ въ цѣломъ лѣсу тропическихъ растений. Туалеты дамъ горѣли брилліантами и другими драгоценными камнями; шелкъ, бархатъ, газъ и цвѣты украшали старухъ и молодыхъ женщинъ, собравшихся повеселиться. Тяжелые шлейфы шумѣли, волочась по паркету, разноцвѣтные вѣера то свертывались, то развертывались; свѣжія и поблекшія губы шептались, пересмѣивались, то злословя, то льстя, то напѣвая слова любви, то сжимаясь отъ затаенной зависти и злобы. Смутный говоръ въ залѣ на минуту притихъ, когда вѣсть: „шенвертскіе пріѣхали!“ облетѣла всѣ углы. Такъ вотъ какова она, эта таинственная *вторая жена*! Какая надменная, спокойная наружность! Она совсѣмъ не сконфужена такимъ многочисленнымъ, блестящимъ обществомъ. Ужъ не новая-ли это фантазія чудака, оригинала Майнау? Онъ точно нарочно поставилъ графиню Трахенбергъ въ фальшивое положеніе передъ свѣтомъ; какъ-будто стыдсь жены, онъ держалъ ее подспудомъ; когда-же она стала предметомъ колкихъ насмѣшекъ и выраженій состраданія при дворѣ и когда положеніе его, какъ мужа, сдѣлалось невыносимымъ, онъ рѣшился отправить въ Римъ просьбу о разводѣ. Въ

свѣтъ ужь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ его неудавшагося брака. — и что-жь? Послѣ всего этого баронъ вздумалъ привести жену ко двору, дерзко бросить всеѣмъ перчатку въ лицо и сказать: „Смотрите! вкусъ у меня не дуренъ! Даже разыгрывая комедію, я не могъ измѣнить своей извѣстной слабости къ красавицамъ. Полюбуйтесь хоть одинъ разъ на осмѣянную вами женщину, а потомъ я ее отошлю домой“. Мужчины, увидѣвъ Ліану, единогласно рѣшили, что Майнау спятилъ съ ума отъ упрямства и тщеславія; нельзя было представить себѣ болѣе подходящихъ другъ къ другу супруговъ, какъ эти двѣ стройныя, высокія фигуры мужчины и женщины. Первая жена порхала около барона точно бабочка, и когда, по этикету, ей слѣдовало идти съ нимъ подъ руку, то смѣшно, бывало, смотрѣть, какъ она вытягивается, чтобы просунуть къ нему свои миниатюрныя пальчики. Прежде, чѣмъ вторая жена Майнау дошла до конца залы, ее превозгласили настоящей Лорлеей *), а его назвали слѣпымъ дуракомъ.

Никто, конечно, не замѣтилъ, что онъ, идя по залѣ, крѣпко прижимаетъ къ себѣ красивую, бѣлую руку жены, втайнѣ раскаиваясь, зачѣмъ онъ отдалъ ее на жертву жаднымъ, пристальнымъ взглядамъ мужчинъ и женщинъ; никто не слышалъ нѣжныхъ и уже ревниво-ласковыхъ словъ, которыя онъ нашепталъ Ліанѣ; никто не понималъ, что значить эта особенная интонація въ голосѣ, съ которой онъ представлялъ Ліану самымъ почетнымъ старухамъ, какъ свою жену. Это былъ просто фарсъ, новый капризъ барона, которому бѣдная жертва и дворъ должны были, волей или неволей, подчиняться, какъ всегда.

Оркестръ пересталъ настраивать инструменты; присутствующая въ залѣ публика точно окаменѣла, глаза всѣхъ обратились къ боковой двери, откуда должна была выйдти герцогиня. Обѣ половинки двери распахнулись, и ея свѣтлость, въ сопровожденіи двухъ маленькихъ принцевъ и цѣлой свиты дамъ и кавалеровъ, вступила въ комнату.

Ліана въ это мгновеніе невольно посмотрѣла на мужа. Яркій румянецъ облилъ все его лицо и злая улыбка мелькнула на губахъ.

*) Героиня одной рейнской легенды.

— А-а! въ желтомъ и съ гранатовыми цвѣтами въ волосахъ! проговорилъ онъ тихо, не отвѣчая на взглядъ жены. — Ліана, взглядишь попристальнѣе въ герцогиню. Она была точно въ такомъ-же туалетѣ на томъ знаменитомъ балѣ, когда дала мнѣ слово быть моею. Кажется, мы намѣрены пробудить сегодня эти небесныя воспоминанія...

Герцогиня, дѣйствительно, была въ этотъ вечеръ обворожительно хороша. Блестящій золотистый атласъ, плотно обхватывавшій ея сильно обнаженный, роскошный бюстъ, пурпуровыя чашки цвѣтовъ, небрежно падавшія ей немного на лобъ и затѣмъ исчезающія подъ тучею черныхъ волосъ, придавали что-то демонически-прекрасное ея блѣдно-восковому лицу; ея гибкія, мягкія, точно змѣиныя движенія, улыбающіяся розовыя губы, вздрагивающія ноздри, пламенные глаза, — все вмѣстѣ напомнило Ліанѣ сказочную Виллису *), затанцовавшую до смерти страстно-любимаго ею юношу... Что, если Майнау не устоитъ передъ такимъ соблазномъ?.. Ліана невольно вздрогнула, нѣжно прижалась еще крѣпче къ рукѣ мужа и такъ близко пододвинулась къ нему, что онъ могъ слышать бѣшеніе ея взволнованнаго сердца.

— Рауль! прошептала она, поднимая на него глаза. Ей какъ-будто хотѣлось напомнить ему о своемъ присутствіи.

Майнау встрепенулся. Такой нѣжный, прямо отъ сердца идущій звукъ въ первый разъ приласкалъ его ухо; въ первый разъ вся душа Ліаны раскрылась передъ нимъ въ этихъ большихъ, сѣро-стальныхъ глазахъ, устремленныхъ прямо на него; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ герцогини, въ присутствіи всего двора, Майнау, по одному этому слову, угадалъ, что онъ любимъ взаимно.

Герцогиня медленно подвигалась впередъ. Вдругъ точно черная туча налетѣла на красавицу; она грозно нахмурила брови. Ее неприятно поразилъ видъ молочно-бѣлаго съ серебристымъ узоромъ платья, которое сверкало, какъ ясный лучъ мѣсяца, между множествомъ самыхъ пестрыхъ туалетовъ. Герцогиня, громко, не стѣсняясь, выразила свое удивленіе, что видитъ у себя на вечерѣ молодую баронессу, и пошла дальше, любезно раскланиваясь на всѣ стороны. Гофмаршалу, давно уже не являвшемуся при

*) Народное повѣрье въ Германіи называетъ *Виллисами* невѣсты, умершихъ до свадьбы и вставшихъ по ночамъ, чтобы танцовать при лунѣ.

дворѣ, она благосклонно протянула даже руку и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ выразила ему свое удовольствіе, что видитъ его опять у себя. Вообще, герцогиня съ необыкновеннымъ тактомъ и блестящей находчивостью умѣла сказать что-нибудь любезное каждому изъ гостей, хотя два ряда выстроившихся по обѣимъ ея сторонамъ придворныхъ лицъ и городскихъ посѣтителей тянулись вдоль всей залы. Изъ осыпаннаго драгоценными камнями вѣера, которымъ она обмахивалась, лился настоящій дождь разноцвѣтныхъ огней. а волны золотисто-желтаго газа, вздымавшіяся надъ тяжелымъ атласнымъ шлейфомъ, напоминали утренній туманъ, позлащенный солнцемъ.

Она вдругъ остановилась передъ Ліаной.

— А-а! мы полагали, что ученая шенвертская пустынновица не любитъ общественныхъ удовольствій, и потому не смѣли даже послать лично ей приглашеніе на нашъ скромный музыкальный вечеръ, произнесла она холодно и, въ то-же время, какъ будто извинялась.

Ліана вспыхнула и испуганно посмотрѣла на мужа, по желанію котораго она пріѣхала; но баронъ, казалось, и не замѣтилъ неудовольствія, выраженнаго такъ неделикатно герцогиней.

— Ваша свѣтлость, бывають случаи, допускающіе исключенія, особенно, когда предстоятъ важныя перемѣны, отвѣчалъ онъ тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, котораго всѣ боялись;—на этомъ основаніи я и просилъ баронессу сопровождать меня сегодня... Мы надняхъ уѣзжаемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, баронъ? радостно воскликнула герцогиня.—Вы просто бредите путешествіемъ на востокъ... Миѣ кажется, что если-бы весь міръ загорѣлся, то вы-бы и тогда не отказались отъ путешествія... Оно, впрочемъ, и къ лучшему: вы, можете быть, утомитесь отъ долгихъ странствованій и вернетесь къ намъ любезнѣе прежняго...

Лицо ея совершенно просіяло; но получивъ такое подтвержденіе того, что пламенно ожидаемая ею катастрофа должна непремѣнно совершиться надняхъ, она вдвойнѣ возмущилась гордымъ спокойствіемъ и самоувѣренностью, съ которыми Ліана упорно продолжала стоять подлѣ своего мужа. Развѣ она не ступила одной ногой на тотъ путь, который больше никогда не приведетъ въ Шенвертъ эту разведенную жену? Что-жъ она не отнимаетъ

свою руку? Почему она съ такимъ сознаниемъ своего права опирается на руку Майнау?

— Я думаю, вы съ удовольствіемъ увидите опять свой тихій Рудисдорфъ? спросила герцогиня, враждебно косясь на ненавистные ей тонкіе пальцы Ліаны.

— Я отказалась отъ поѣздки въ Рудисдорфъ, ваша свѣтлость, отвѣчала въ сильномъ смущеніи молодая женщина. Ей было тяжело высказать, но прямой вопросъ герцогини требовалъ отвѣта.

Герцогиня невольно отшатнулась; граціозно поднятая рука съ вѣромъ скользнула по ея скрипящей атласной юбкѣ.

— Какъ! вы остаетесь?—(Ироническая улыбка дрогнула на ея поблѣднѣвшихъ губахъ.)— А! понимаю! вы такъ великодушны, что не хотите покинуть нашего добраго гофмаршала, быстро прибавила она, милостиво наклоня голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ гофмаршалъ, который, увидавъ это, подошелъ ближе. Не взирая на гулъ, носившійся по залѣ, его чуткое ухо не проронило ни одного слова. Онъ былъ внѣ себя отъ злости и испуга.

— Ваша свѣтлость, осмѣлюсь просить не вмѣшивать вашего вѣрнаго слугу во всѣ эти рѣшенія, заявилъ онъ, прикладывая, въ видѣ протеста, руку къ сердцу.

— Дядя говоритъ правду: онъ въ этомъ случаѣ не подавалъ своего голоса, подтвердилъ совершенно спокойно и довольно громко Майнау. Казалось, онъ обратился съ этими словами къ окружающимъ, а не къ герцогинѣ. — Какъ-бы я ни желалъ оставить его на надежныхъ, заботливыхъ рукахъ, но въ настоящую минуту я прежде подумалъ о себѣ. Я не могъ рѣшиться на разлуку съ женой... вотъ почему она, по своей неограниченной добротѣ, и согласилась ѣхать со мной...

Все это онъ выговорилъ такъ сознательно, серьезно и съ такимъ достоинствомъ, точно губы его никогда не складывались для легкомысленной, оскорбительной насмѣшки, точно онъ никогда въ жизни не отдавалъ въ жертву злымъ языкамъ и клеветѣ, — даже самъ вызывая ее. — эту стройную, молчаливую женщину, которая стояла подлѣ него.

Герцогиня начала обмахиваться вѣромъ, какъ будто въ залѣ сдѣлалось невыносимо жарко.

— Это вашъ новый капризъ, баронъ Майнау? спросила она,

напрасно сиясь придать своему голосу веселый тонъ. — Вы до сихъ поръ ревниво оберегали свою роль интереснаго путешественника отъ всякихъ стѣсненій... вамъ хотѣлось прослѣть сказочнымъ принцемъ, и вдругъ вы явитесь за границей въ сопровожденіи современной леди Стэнгопъ... Недурно! это произведетъ своего рода эффектъ, привлечетъ общее вниманіе...

— Только не надолго, ваша свѣтлость, возразилъ Майнау съ спокойной улыбкой, — потому что я съ моей леди Стэнгопъ ѣду не на востокъ, а переселяюсь на жительство въ свое уединенное помѣстье Бланкенау, во Франконіи.

Герцогиня отвернулась и подала знакъ, чтобы начинали концертъ. Близъ стоявшіе придворные чувствовали, какъ по ихъ спинамъ пробѣгаютъ мурашки. Когда у герцогини неестественно раскрывались глаза, до синевы блѣднѣло лицо, строго сжимались губы и какъ-то жестко опускался подбородокъ, — нечего было ждать отъ нея проявленія кротости.

ГЛАВА XXV.

Герцогскій оркестръ игралъ мастерски, примадонна пѣла увлекательно. Герцогиня первая подавала сигналъ въ оглушительнымъ аплодисментамъ и въ антрактахъ осыпала иностранную пѣвицу похвалами и разными знаками своего благоволенія. Все шло гладко, повидимому-непринужденно и не выходило изъ строгихъ границъ этикета; Ліанѣ казалось, что только у нея одной такое тревожное состояніе на душѣ, такое лихорадочное предчувствіе чего-то страшнаго. Она не могла равнодушно смотрѣть на блѣдный медузинъ профиль герцогини. Съ боку отъ Ліаны, въ группѣ военныхъ, рѣзко выдаваясь среди блестящихъ парадныхъ мундировъ, сидѣли двѣ черныя фигуры: гофмаршала и придворнаго духовника. Молодая женщина издали угадывала по лицу старика, что онъ, въ припадкѣ раздраженія, нашептываетъ и шипитъ на ухо своему сосѣду; но чувствуя, что начинаетъ сердиться, она отвела отъ нихъ глаза. Патеръ дерзко, съ какимъ-то демонскимъ выраженіемъ, впился въ лицо Ліаны, и ей казалось, что губы его твердятъ эту страшную фразу: „я все вытерплю молча, безъ противорѣчій, но вы отъ меня не отдѣляетесь...“ Она его больше не боялась. Стройный атлетъ, стоявшій около ея кресла съ скре-

ценными на груди руками, прислонясь спиной къ стѣнѣ, былъ надежной для нея защитой; онъ на-столько могучъ и смѣлъ, что съумѣетъ раздавить змѣю, которая подкрадывается къ ихъ семейному очагу... Поскорѣе-бы ей уѣхать съ мужемъ изъ этой залы съ разряженной толпой! Но часъ избавленія еще не пробилъ. Невѣроятная вѣсть, будто Майнау съ своей молодой женой переселяется во Франконію, въ одно мгновеніе облетѣла всѣхъ присутствующихъ, и послѣ концерта толпа любопытныхъ кинулась наводить справки.

Наконецъ, барону Майнау выпала на долю честь открыть съ ея свѣтлостью балъ.

— Пожалуйста, отведите меня въ слѣдующую залу, сказала она своему кавалеру, кончая туръ вальса, который она приказала заиграть тотчасъ послѣ полонеза:— здѣсь слишкомъ свѣтло и слишкомъ тѣсно... жара просто тропическая...

Они вышли; послѣ нихъ нѣсколько паръ понеслось по залѣ.

— Вы великолѣпно играете свою новую роль, баронъ Майнау, произнесла вполголоса герцогиня, кивая на ходу головой нѣсколькимъ мужчинамъ, которые испуганно отскочили отъ буфета, гдѣ они усердно угощались.

— Слѣзю спросить, какъ называется пьеса, разыгрываемая при дворѣ, въ которой я играю какую-то роль, самъ того не подозрѣвая? спросилъ онъ, поддерживая легкій свѣтскій тонъ, принятый герцогиней.

— Мефистофель!—(Она граціозно погрозила ему вѣроломъ.)— Не мы играемъ,—мы для этого слишкомъ тяжелы, утомлены и лишены гибкости, благодаря внутренней душевной борьбѣ... У насъ нѣтъ гениальнаго таланта барона Майнау постоянно поражать новыми, неожиданными эффектами... Хотите я вамъ скажу, что толкуютъ теперь въ залѣ? Говорятъ, что сегодня разыгрывается второй актъ драмы: „Жажда мести“.

Въ это время они вошли въ зимній садъ; идя послѣшно, они оба не замѣтили, что въ послѣдней, пустой, повидимому, залѣ сидѣло два человѣка: гофмаршалъ и его пріятель патеръ. Передъ ними находилось фруктовое мороженое и шампанское; но внимательный наблюдатель замѣтилъ-бы, что мороженое таяло, а дорогое вино искрилось нетронутое.

Майнау вдругъ отдернулъ свою руку, такъ-что рука герцогини,

потерявъ опору, тяжело упала... Они очутились одни между пальмами, подъ зеленымъ дождемъ тропическихъ вьющихся растений, листья которыхъ, на тонкихъ стебелькахъ, трепетали, спускаясь съ стекляннаго потолка. Эта блѣдная красавица въ желтомъ атласномъ платьѣ, сверкавшемъ золотымъ отливомъ отъ ослѣпительнаго газоваго освѣщенія, казалась превращенной Сандрильоной, въ ту минуту, когда ее осыпало золотомъ волшебное дерево.

— Вполнѣ охлажденное чувство мести не можетъ имѣть второго акта; оно умираетъ, какъ пчела, когда та выпуститъ свое жало, отвѣтилъ Майнау, поблѣднѣвъ немного.

Герцогиня посмотрѣла на него и глаза ея блеснули.

— Ah! pardon! значитъ, добрые люди ошиблись, сказала она, пожавъ плечами.— Но, въ такомъ случаѣ, у васъ есть другія побужденія, потому что то, въ чемъ вы хотѣли насъ увѣрить въ минуту каприза, такъ-же мало заслуживаетъ вѣроятія, какъ если-бы намъ сказали, что вонъ это гранатовое дерево съ своими роскошными пурпуровыми цвѣтами вдругъ почувствовало потребность быть пересаженнымъ въ ледяной глетчеръ... Очень можетъ быть, что эта бѣлокурая графиня Юліана, съ ея заученой миной философа, импонируетъ вашему, съ такимъ трудомъ прибрѣтенному запасу познаній, но любить—въ настоящемъ смыслѣ слова—эту женщину нельзя...

— Вы намекаете мнѣ на ту страсть, которую я когда-то чувствовалъ? возразилъ Майнау жесткимъ, ледянымъ шопотомъ. Онъ вышелъ изъ себя, когда эти губы произнесли дорогое для него имя.— Что она неглубоко пустила корни въ моемъ сердцѣ, это доказывается тѣмъ, что она совсѣмъ умерла...

Герцогиня, точно пронзенная смертельнымъ оружіемъ, со стономъ отшатнулась.

— Если вѣрно то, продолжалъ онъ безъ всякаго состраданія,—что подобную женщину любить нельзя, — тѣмъ лучше для меня; я, по крайней мѣрѣ, мало-по-малу начну избавляться отъ мукъ, которыя мнѣ прежде были неизвѣстны и отъ которыхъ теперь я часто страдаю,—отъ мукъ ревности... А теперь, ваша свѣтлость, позвольте объяснить вамъ, почему я сюда явился въ сопровожденіи этой бѣлокурой графини Юліаны. Въ этомъ надо видѣть не актъ изъ драмы „Местъ“, а актъ изъ драмы „Покая-

нѣ": я приношу публичное извиненіе передъ моею оскорбленной женой...

Герцогиня захохотала такъ глухо и судорожно, точно въ припадкѣ безумія.

— Простите!.. воскликнула она, задыхаясь отъ смѣха: — но картина вышла преуморительная... смѣлый дуэлистъ, извѣстный забіяка — *ragdon!* — храбрый воинъ, страшный для всѣхъ насмѣшникъ, человѣкъ, непризнающій женской добродѣтели — приносить покаяніе передъ графиней съ красными косами!.. Цѣлые десятки лѣтъ спустя свѣтъ будетъ потѣшаться надъ львомъ, смиренно свернувшемся подлѣ прялки...

Майнау отступилъ шагъ назадъ. Передъ нимъ стояла женщина, держащая въ своихъ рукахъ, до совершеннolѣтія маленькаго принца, жизнь, смерть, счастье и несчастье всего края; и вдругъ теперь онъ видитъ ее передъ собой въ припадкѣ вакхическаго смѣха, забывшую свое достоинство...

— Ваша свѣтлость, дуэлисту, извѣстному забіякѣ немного нужно храбрости, сказалъ онъ, нахмуривъ брови, — а еще меньше нужно силы воли и борьбы съ собой насмѣшнику и легкомысленному поряцателю женщинъ, чтобы покаяться въ своемъ полномъ обращеніи на путь истинный и доказать добрымъ людямъ, что ревностный сторонникъ браковъ по приличію страстно добивается теперь только одного — завоевать сердце своей собственной жены. Я обязанъ принести покаяніе передъ „бѣлокурою графиней Юліаной“, — этою чистой дѣвушкой, съ художнической, восторженной душой и съ смѣлыми, незаимствованными у другихъ мыслями... Я наложилъ на себя этотъ актъ покаянія прежде, чѣмъ позволилъ себѣ насладиться своимъ новымъ счастьемъ...

Вѣеръ выпалъ изъ рукъ герцогини и, сверкая, повисъ на цѣпочкѣ, пристегнутой къ ея поясу. Она стояла, повернувшись спиной къ Майнау, передъ роскошно распустившимся апельсиннымъ деревомъ и торопливо обрывала его цвѣты, какъ-будто не хотѣла допустить, чтобы эти здоровыя, сочныя вѣтви принесли плоды...

Она притихла; только по нервному дрожанію рукъ можно было замѣтить, что она борется съ отчаяніемъ. Въ сердцѣ Майнау невольно шевельнулась жалость.

— Я-бы желалъ, чтобы всѣ безумныя выходки моего прош-

заго не существовали, заговорилъ онъ опять,—потому что между ними много такихъ, отъ которыхъ я долженъ краснѣть: онѣ противны правиламъ благородства и рыцарскому чувству... Я ненавижу тѣхъ, кто меня ненавидитъ, тѣмъ не менѣе я искренно раскаиваюсь, что позволялъ себѣ увлекаться черезъ мѣру жаждой мести... Ваша свѣтлость, я горячо желаю, чтобы счастье и спокойствіе водворились тамъ, куда я, въ былыя времена, мнсленно посылалъ проклятія и желанія всевозможныхъ бѣдствій...

Герцогиня вдругъ обернулась, совершенно съ другимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— А кто вамъ сказалъ, г. Майнау, что я несчастлива? спросила она насмѣшливо-холоднымъ тономъ. Она величественно выпрямилась; поза властительницы удалась ей, но глаза измѣнили: они горѣли адскимъ огнемъ страшно раздраженной женщины. — Счастлива-ли я? конечно! я могу раздавить подъ своей ногой того, кого всей душой ненавижу, потому что имѣю на то власть... Я могу погубить на вѣки того, кто мечтаетъ о счастіи и блаженствѣ, потому что имѣю на то власть... Для женщины съ гордой, честолюбивой душой имѣть власть—значитъ быть счастливой... замѣйте это, баронъ фон-Майнау, и скажите себѣ, что ваше скромное желаніе совершенно излишне...

Она направилась къ выходу изъ сада, но, остановясь на порогѣ, повернула вдругъ голову черезъ плечо къ Майнау и, указывая ему на длинную амфиладу комнатъ, сказала:

— Вотъ идетъ она, кроткая и блѣдная, какъ лунная ночь. — (При этомъ маленькіе, ровные, бѣлые зубы ея сверкнули въ злобной улыбкѣ изъ-подъ вздернутой верхней губы.)—Дѣйствительно, баронъ, вамъ можно позавидовать... но я вамъ посоветую одно — не ѣздите во Франконію... только жаркое небо Сициліи способно разогрѣть это олицетвореніе строгой добродѣтели и сознательной женственности...

Ліана, въ сопровожденіи одного изъ камергеровъ, съ которыми она танцевала полонезъ, медленно подвигалась впередъ. Герцогиня вышла изъ зимняго сада, между тѣмъ какъ Майнау оставался на порогѣ, ожидая жену. Ліана и ея кавалеръ, видя, что ея свѣтлость, гордо закинувъ голову, быстро и гнѣвно идетъ прямо на нихъ, почтительно отсторонились, но герцогиня подошла къ самой Ліанѣ.

— Милая баронесса Майнау, произнесла она довольно тихимъ, но вполне твердымъ голосомъ, — васъ увозятъ отъ насъ... Судьба, дѣйствительно, призываетъ васъ для того, чтобы вести „мужа и домъ мягкой, но сильной рукой“. Держите ихъ крѣпче, не то призракъ выскользнетъ изъ вашихъ рукъ въ ту минуту, когда вы будете рассчитывать, что вы имъ вполне овладѣли! Мотылекъ долженъ порхать — таково его назначеніе... Итакъ, счастливой дороги, прелестная новобрачная!..

Граціозно приподнявъ мраморно-бѣлую руку, герцогиня вдругъ раскрыла сжатую горсть и осыпала плечи и руки Ліаны цѣлымъ дождемъ смятыхъ, почти неузнаваемыхъ по своей формѣ, апельсиновыхъ цвѣтовъ.

— Г. Ливень, продолжала она, возвышая голосъ и обращаясь къ камергеру, — передайте графу Брандау, что я желаю танцевать съ нимъ галопъ.

Сказавъ это, герцогиня стала нервно обмахиваться вѣеромъ.

Камергеръ опрометью бросился отыскивать графа, на долю котораго выпала честь танцевать съ ея свѣтлостью.

Отвѣтивъ величественнымъ мановеніемъ руки на низкій реверансъ Ліаны, герцогиня, шума тяжелымъ шлейфомъ, прошла обратно въ концертную залу.

— Мотылекъ не улетитъ болѣе, будь спокойна! сказала Майнау, весело улыбаясь и увлекая жену за собой въ зимній садъ, гдѣ онъ страстно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. — Онъ мотылекъ не по призванію, и если-бы ранѣе отыскалъ себѣ Ліану, ему не пришлось-бы теперь раскаяваться въ цѣломъ рядѣ глупостей.

Молодая женщина молча и въ смущеніи высвободилась изъ объятій мужа и указала ему глазами на сосѣднюю комнату, проходя черезъ которую она замѣтила сидѣвшихъ тамъ двухъ друзей; слышно было, какъ они теперь встали и послѣдовали за герцогиней въ концертную залу.

— А-а! вотъ они, наконецъ... куда это вы запрятались, г. гофмаршалъ? спросила гордо герцогиня, оканчивая галопъ и снимая руку съ плеча кавалера. Графъ Брандау отвѣсилъ своей дамѣ поклонъ чуть не до земли, между тѣмъ какъ старикъ гофмаршалъ въ видимомъ смущеніи подошелъ ближе къ ея свѣтлости. — До меня дошли удивительныя слухи. Баронъ Майнау хочетъ не-

переселиться во Франконію... А вы также туда съ нимъ поѣдете? Гофмаршалъ чуть не прыгнулъ отъ ужаса.

— Я, ваша свѣтлость? воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:— скорѣе въ могилу лягу! Скорѣе пойду изъ дома въ домъ просить милостыни, чѣмъ соглашусь прожить хоть одинъ день еще съ этимъ выродекомъ нашей породы, съ моимъ племянникомъ!.. Я останусь въ моемъ Шенвертѣ, и если ваша свѣтлость, время отъ времени, благосклонно удостоите озарить лучами своего присутствія одинокое жилище вашего стараго, вѣрнаго слуги, если вы хоть изрѣдка осчастливите мой паркъ, избравъ его цѣлью вашихъ прогулокъ...

— Г. фон-Майнау, перебила его холодно и жестко герцогиня, причежь она снова положила свою руку на плечо графа Брандау, — мнѣ сказали, что буря сегодня ночью сломала вашу великолѣпную музу... вы, вѣроятно, помните, что она именно привлекала меня такъ часто въ вашу кашмирскую долину... теперь кончено, все кончено!.. Къ тому-же я должна вамъ сознаться, что я до сихъ поръ не могу освободиться отъ страшнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на меня исторіей съ порохоми, по милости которой наслѣдныи принцъ и его братъ на волосъ находились отъ смерти. Это могло случиться на вашей землѣ. Вы поймите, что нужно дать пройти нѣсколькимъ годамъ, чтобы материнское сердце примирилось съ такими ужасами.

Оркестръ загремѣлъ бѣшенный галопъ и красавица герцогиня, надменно кивнувъ головой уничтоженному придворному, понеслась по залѣ, опираясь на своего кавалера. „Она сегодня что-то необыкновенно возбуждена и рѣзва“, шептали другъ другу на ухо охотницы до сплетней, важныя старушки. Гофмаршалъ-же, позеленѣвъ отъ ужаса и чувствуя, что колѣни у него подгибаются, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на герцогиню, какъ помѣшанный. Неслыханное дѣло!... Кости его гордыхъ предковъ, вѣроятно, шевельнулись въ гробу отъ такого оскорбленія!.. Какъ земля не разверзлась, чтобы поглотить его, несчастнаго, опозореннаго? Онъ впалъ въ немилость, онъ, готовый продать душу и тѣло чорту, чтобы только его никогда не постигло подобное бѣдствіе, онъ все-таки погибъ! Безъ всякой вины съ его стороны, гнѣвъ герцогини, какъ грозная, черная туча, виситъ надъ его головой!..

Десять минутъ спустя эта неоцѣненная, любопытная новость

перелетала уже изъ устъ въ уста между завистниками и недоброжелателями старика; сотни глазъ и пальцевъ съ злорадствомъ указывали на падшаго гофмаршала. Онъ незамѣтно исчезъ изъ залы.

Вскорѣ по отъѣздѣ ландо гофмаршала, къ крыльцу герцогскаго замка подкатила карета молодого барона, запряженная парой сѣрыхъ въ яблокахъ.

— Моя миссія кончена... я теперь имѣю право везти свою новобрачную въ свой домъ, прошепталъ Майнау Ліанѣ, подсаживая ее въ экипажъ.

ГЛАВА XXVI.

Баронъ сѣлъ въ этотъ разъ на козлы, чтобы самому править лошадьми, а Ліана помѣстилась одна въ каретѣ; теперь на бѣлыхъ атласныхъ подушкахъ сидѣла уже не сѣрая монашенка, робко прижавшаяся въ уголь, съ чувствомъ равнодушія и покорности въ сердцѣ, а любимая безъ памяти жена, въ роскошномъ серебристомъ платьѣ; въ волосахъ ея дрожали звѣзды зеленыхъ смарагдовъ, а умные, выразительные глаза, сіяя счастьемъ, внимательно слѣдили за каждымъ движеніемъ красавца мужа, который изъ любви къ ней сжумѣлъ совсѣмъ почти переродиться.

Ночь была тихая, лунная, теплая. По синему небу ровно плылъ мѣсяцъ, точно матовый серебряный шаръ, и мягкіе лучи его, падая на землю, придавали что-то таинственное, туманное, очерку каждаго предмета. Сзади неподвижнаго зеркала пруда въ паркѣ возвышались темной массой величественныя верхушки могучихъ липъ „майскаго праздника“; отъ исполинской тѣни, которую онѣ отъ себя бросали, совершенно безслѣдно исчезала рыбачья слободка, точно рука великана опустила на дно пруда эту игрушку... Ліана не знала еще, что именно на этомъ мѣстѣ имя ея въ первый разъ было произнесено въ присутствіи герцогини, и что подъ этими липами „графиню съ красными косами“ услужливые придворные проклинали за то, что она служила орудіемъ мести, таившейся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ сердцѣ барона. Молодая женщина почему-то невольно отвернула голову и

почувствовала, что у нея морозъ пробѣжалъ по тѣлу; громадная стѣна черныхъ дѣреьевъ и мертвая, точно стальная, поверхность пруда показались ей привидѣніями. Во весь этотъ вечеръ Ліана боролась съ какимъ-то мрачнымъ, тревожнымъ предчувствіемъ. Она знала, что въ ландо сидѣлъ патеръ; онъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ за гофмаршаломъ. Когда они уѣзжали изъ замка герцогини, Ліана слышала, какъ патеръ вышелъ изъ гардеробной, сѣлъ въ ландо и захлопнулъ за собой дверцу. Неужели этотъ страшный патеръ будетъ находится тутъ, когда она въ послѣдній разъ переступить порогъ Шенверта? Значить, онъ, дѣйствительно, съ дерзостью и упорствомъ хищнаго звѣря слѣдуетъ по пятамъ своей жертвы!.. Молодую женщину бросило въ жаръ, когда карета выѣхала изъ лѣсу и помчалась подъ гору, въ шенвертскую долину, всю залитую луннымъ свѣтомъ. Впереди несло ландо гофмаршала. Ліанѣ нужно было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не попросить мужа проѣхать мимо Шенверта и отвезти ее ночевать прямо въ Волькерсгаузенъ...

Въ то самое мгновеніе, какъ карета Майнау остановилась передъ крыльцомъ замка, фрау Лонъ, какъ-будто выросшая изъ земли, очутилась у дверецъ экипажа.

— Часъ тому назадъ, сударыня, все кончилось, прошептала она Ліанѣ, задыхаясь отъ скорой ходьбы.— Патеръ раньше васъ пріѣхалъ. Онъ въ состояніи сегодня-же ночью вытребовать отъ меня всѣ драгоценныя вещи покойной, чтобы передать ихъ гофмаршалу. Въ тотъ разъ точно такъ и было.

— Сейчасъ приду! сказала Ліана и выскочила изъ кареты, между тѣмъ какъ Лонъ, черезъ площадку, усыпанную гравіемъ, пошла назадъ, въ индійскій домикъ... Для молодой женщины наступала тяжелая, рѣшительная минута; она должна была рассказать мужу эпизодъ у постели умирающаго дяди Гисберта, передать ему все, что она знала, затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ умершей несчастной баядергѣ и собственноручно снять съ нея цѣпочку съ серебряной книжечкой.

Майнау не замѣтилъ ключницы и, не догадываясь, въ чемъ дѣло, отвелъ Ліану на ея половину. Оба они отскочили назадъ отъ испуга, когда прошли черезъ голубой будуаръ въ гостиную: тамъ посреди стола горѣла лампа, а передъ нею, выпрямившись,

какъ свѣча, стоялъ гофмаршалъ, слегка опираясь правой рукой объ столъ.

— Извините, баронесса, что я вторгся въ ваши комнаты, произнесъ онъ сухимъ, вѣжливымъ тономъ.—Но пробило уже десять часовъ; я сомнѣвался, угодно-ли будетъ вашему супругу подарить мнѣ сегодня еще нѣсколько минутъ для необходимаго объясненія; а такъ-какъ объясниться намъ нужно, то я предпочелъ ждать его здѣсь.

Майнау выпустилъ руку жены и смѣло подошелъ къ старику.

— Что тебѣ угодно, дядя? Тебѣ стоило только приказать и я съ большимъ удовольствіемъ тотчасъ-же пришелъ-бы къ тебѣ наверхъ. Что такое ты хочешь мнѣ сказать? спросилъ онъ спокойно, но съ видомъ чловѣка, который не позволитъ себѣ навязать того, чего онъ самъ не пожелаетъ.

— Что я хочу тебѣ сказать? повторилъ гофмаршалъ съ сдержаннымъ бѣшенствомъ.—Прежде всего я-бы попросилъ тебя не называть меня болѣе „дядей“... Ты, не далѣе, какъ сегодня утромъ, объявилъ, что разрываешь всѣ сношенія и связи съ людьми одного съ тобой сословія; я головой, сердцемъ, плотью и кровью принадлежу къ нему. Отрываясь отъ людей этой сферы, ты навѣки, безвозвратно отрываешься отъ родного брата твоего отца.

— Надѣюсь съ покорностью перенести такую утрату, отвѣчала Майнау, сильно поблѣднѣвъ, но яснымъ, неизмѣнившимся голосомъ.—Будущее покажетъ, что ты выиграешь, поставивъ все на карту. Одинъ изъ такъ-называемыхъ благопріятелей нашихъ приближалъ ко мнѣ сломя голову, когда я сходилъ съ крыльца герцогскаго замка, съ вѣстью, что тебѣ изъ-за меня публичнымъ образомъ выразили неблаговоленіе и что ты впалъ въ немилость.—(При этихъ спокойно высказанныхъ словахъ племянника гофмаршалъ испуганно поднималъ руки, точно умоляя, чтобы ихъ не повторяли.)—Такая жалкая, мелочная отплата ни въ чемъ неповинному чловѣку должна была-бы возмутить тебя, а ты вмѣсто того считаешь за лучшее какъ можно скорѣе отречься отъ твоего единственнаго родственника и разорвать связь со всѣмъ тѣмъ, что могло-бы усладить твое одиночество, дать цѣль и отраду твоей жизни. И ты стараешься исполнить это сейчасъ-же, ночью, чтобы завтра, рано поутру, явиться съ рапортомъ, что ты навсегда расстался съ „низко упавшими личностями“ и умолять Хри-

стоишь-Богомъ, чтобы тебѣ вернули милости и благоволеніе?.. Скажи, что ты съ ними теряешь?..

— Что я теряю? крикнулъ гофмаршалъ: — свѣтъ, жизнь... все! Я умру, если эта страшная немилость продолжится хоть мѣсяць... Какъ ты объ этомъ думаешь—твое дѣло, мнѣ нѣтъ никакой нужды знать твое мнѣніе.

Старикъ запатался, не будучи въ силахъ болѣе держаться на ногахъ, и, спотыкаясь, едва добрался до ближайшаго кресла.

— Послѣ этого мнѣ, конечно, нечего словъ терять, пробормоталъ Майнау, пожимая плечами.— Я надѣялся затронуть въ тебѣ чувство любви къ Лео...

— Ага! мы, значить, сошлись на томъ пунктѣ, который одинъ могъ-бы заставить меня еще разъ вступить съ тобой въ объясненія... Внукъ мой, дитя моей единственной дочери...

— И мой сынъ, договорилъ Майнау, поворачиваясь лицомъ къ гофмаршалу и смотря ему прямо въ глаза.— Само собой разумѣется, что онъ остается при мнѣ.

— Дождидайся!.. На первое время ты можешь утащить его съ собой во Франконію—помѣшать этому я, конечно, не могу, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя ты узнаешь, что значить раздражать сильныхъ міра сего въ области свѣтскихъ и религіозныхъ дѣлъ...

— Чего добраго, я, пожалуй, струсилъ-бы, возразилъ съ презрительной усмѣшкой Майнау,—если-бы такъ крѣпко не стоялъ на ногахъ... Знаю, куда ты мѣтишь! Потому, что я своему сыну, крещенному въ католической религіи, далъ мать протестантку и нанялъ ему для уроковъ религіи богослова-либерала, католическая церковь имѣетъ полное право потребовать отъ меня назадъ принадлежащую ей душу, или, что то-же—спасти ее. Право отца, безъ сомнѣнія, ничто въ сравненіи съ правами римскаго престола... Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, станетъ обращать вниманіе на такіе пустяки, какъ права отца, когда Римъ считаетъ мыльными пузырями окончательные приговоры свѣтскихъ владыкъ и приговоры народовъ?.. Я съ удовольствіемъ сталъ-бы въ ряды пламенныхъ борцовъ противъ клерикальнаго самовластия, если-бы не предпочиталъ бороться одному съ іезуитской арміей... Пусть она на меня пойдетъ!..

— И пойдетъ! будь въ этомъ увѣренъ... твоя дерзкая оппо-

зиція получить надлежащую кару и всѣ благомыслящіе люди порадуются этому! воскликнулъ гофмаршалъ съ невыразимой желчью. — Чванься силой своего духа и своей головой, съ помощью которыхъ ты надѣешься побѣдить! именно по ихъ-то милости ты и потерпишь самое жалкое фіаско... Спроси завтра всѣхъ придворныхъ, и ни одинъ изъ нихъ тебѣ не скажетъ, что ты нынче вечеромъ дѣйствовалъ не въ припадкѣ безумія. Человѣкъ съ здоровыми пятью чувствами и нетронутымъ мозгомъ...

— Не несешь высоко голову на несогнутой спинѣ, а ползешь и виляешь — хочешь ты сказать?

— Я хочу сказать, что твои дѣйствія, все твое поведеніе въ послѣдніе дни до такой степени поразительно странны, что тебя необходимо велѣтъ освидѣтельствовать черезъ врача! кричалъ старикъ съ пѣной у рта отъ бѣшенства.

— А! такъ вотъ гдѣ брешь, черезъ которую доберется до меня свѣтская власть!

Мертвая блѣдность покрыла прекрасное лицо барона; онъ былъ глубоко оскорбленъ, но, скрестивъ руки на груди, онъ продолжалъ говорить спокойно, хотя нѣсколько ѣдко:

— Удивляюсь тебѣ! можно-ли опытному дипломату, человѣку придворному выдавать, въ порывѣ гнѣва, цѣлый планъ сраженія!.. Итакъ, если борьба съ клерикалами окончится въ мою пользу, то на сцену выступитъ свѣтскій судъ и объявитъ меня въ состояніи невмѣняемости, во-первыхъ, потому, что я осмѣлился сопротивляться, а во-вторыхъ, что весь дворъ, — разумѣется, съ герцогиней во главѣ, — подъ присягой подтвердитъ, что я однажды вечеромъ выказалъ безуміе...

Гофмаршалъ всталъ.

— Прошу въ моемъ присутствіи не оскорблять ея свѣтлости, протестовалъ онъ сухо, — ты теперь уже достаточно знакомъ съ этимъ такъ-называемымъ тайнымъ планомъ сраженія; впрочемъ, я долженъ былъ тебѣ о немъ сообщить, потому что я, какъ Майнау, считаю своею обязанностію предохранить наше имя отъ всякихъ скандаловъ и общественныхъ пересудовъ; но предупреждаю тебя, что я ни на іоту не измѣню своихъ требованій, уже въ память моей отшедшей, строго-религіозной дочери. Поэтому спрашиваю тебя коротко и ясно: намѣренъ-ли ты добровольно

уступить мнѣ Лео, на котораго я имѣю точно такія-же священныя права, какъ и ты?..

Старикъ поневолѣ замолчалъ, потому что Майнау перебилъ его громкимъ, рѣзкимъ смѣхомъ. Въ эту минуту Ліана незамѣтно проскользнула въ свою уборную, а оттуда въ колонаду. Ей нельзя было терять времени; непримѣрно-заносчивый тонъ гофмаршала ясно свидѣтельствовалъ, что у него есть въ рукахъ могучее средство для поддержки своего незаконнаго требованія; увѣренный въ своей побѣдѣ, жалкій человѣкъ, съ руками, запятнанными преступленіемъ, долженъ былъ сегодня испытать вторичное пораженіе, но уже по своей собственной, тяжелой винѣ... Какъ болѣло сердце Ліаны отъ жалости къ мужу! Какъ дорогъ казался онъ ей вслѣдствіе сознанія, что онъ мужественно готовъ перенести всѣ неизбѣжныя гоненія, которымъ онъ подвергался изъ любви къ ней.

Она забыла, что капюшонъ ея и мантилья лежатъ въ гостиной, и не замѣтила, какъ лакеи, собравшіеся на шумъ голосовъ, чтобы подслушивать у дверей, вдругъ разбѣжались въ разныя стороны, увидавъ, что молодая баронесса, въ своемъ роскошномъ нарядѣ, съ открытой головой и шеей, опрометью бросилась изъ дому въ садъ.

Индійскій садъ напомнилъ Ліанѣ первую ночь ея пребыванія въ Шенвертѣ; онъ весь сверкалъ, облитый серебристыми лучами мѣсяца; но какая разница между той ночью и этой!

Маленькія ноги Ліаны едва касались земли; среди безмолвной ночной тишины какъ-то зловѣще шумѣлъ тяжелый шлейфъ ея драгоценнаго платья. При входѣ въ темную крытую аллею (любимое мѣсто обезьянъ и попугаевъ) она укоротила шагъ, съ испугомъ прислушиваясь къ какому-то шороху; чуткое ухо ея тотчасъ угадало, что это не животныя двигаются между вѣтвями деревьевъ, а что хруститъ гравій подъ тяжелой человѣческой ступней.

— Кто тутъ? спросила она, осторожно отступая къ выходу изъ аллеи.

— Егеръ Даммеръ, сударыня, произнесъ видимо смущенный голосъ.

Ліана вздохнула свободнѣе и пошла дальше, между тѣмъ какъ молодой егеръ ускорилъ шагъ и, снявъ шапку, почтительно остановился у противоположнаго конца аллеи. Ліана искоса взгляну-

ла въ сторону и тотчасъ-же сообразила, что привело сюда егеря. Опустивъ разружанный личико на грудь, тутъ стояла одна изъ самыхъ хорошенькихъ горничныхъ замка и дѣлала баронессѣ книксенъ. Влюбленная парочка, разлученная на долго, послѣ перевода Даммера изъ Шенверта, назначила себѣ здѣсь свиданіе. У Ліаны точно свалился камень съ груди при увѣренности, что въ саду есть люди.

Дверь индійскаго домика оказалась запертой; окна были завѣшаны изнутри плотными циновками, а разбитыя стекла входной двери на-время замѣнили досками. На тихій стукъ Ліаны чья-то осторожная рука приподняла одну изъ циновокъ, и вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась безъ шума.

— Если-бы пришелъ сюда іезуитъ, то не посмѣлъ-бы войти, прешентала фрау Лонъ.

Тѣло умершей лежало на кровати, покрытое тонкой полотняной простыней; измученный Габріель спалъ мертвымъ сномъ въ большихъ креслахъ; ключница окутала его теплымъ стеганнымъ одѣяломъ, и худенькое личико ребенка на темномъ фонѣ спинки кресла казалось также мертвымъ. Нѣсколько восковыхъ свѣчей въ большомъ серебряномъ канделябрѣ разливали дрожащій свѣтъ на всю эту обстановку.

— Это также остатки прежняго великолѣпія, которые я спасла отъ когтей жаднаго гофмаршала, сказала ключница, указывая на великолѣпные канделябры.— Бѣдняжка была вѣдь настоящею владѣтельницей замка: надо-же было ей отдать приличнымъ образомъ послѣднюю честь...

Она осторожно откинула простыню; сердце бѣднаго „цвѣтка лотоса“ уже не билось болѣе, но, между тѣмъ, казалось, будто свѣжая водяная лилія, лежавшая на ея груди, подымается отъ ея ровнаго дыханія. По всему платью и подушкѣ умершей были разбросаны тѣ-же бѣлые цвѣты.

— Это Габріель ихъ набралъ, замѣтила фрау Лонъ; — это были ея любимые цвѣты. Бѣднаго мальчика сильно поколотили садовники, когда застали его на пруду, откуда онъ ихъ таскалъ.

Съ этими словами ключница нѣжно подняла голову умершей съ подушки, а Ліана дрожащими руками сняла съ ея шеи цѣпочку; ей также легко удалось взять серебряную книжечку изъ застывшихъ пальцевъ покойницы, недѣлавшихъ теперь ника-

кого сопротивленія... Ліана надѣла цѣпочку на себя, а книжечку спрятала за корсажъ.

— До завтра, произнесла она едва слышнымъ голосомъ, обращаясь къ Лонъ, и вышла изъ домика.

Сердце ея точно замерло отъ непонятнаго стѣсненія въ груди и отъ страннаго предчувствія, что прикосновеніе этого холоднаго серебра предвѣщаетъ ей гибель... Ліана пристально всматривалась въ веранду и въ розовые кусты, покрывавшіе большое пространство передъ индійскимъ домикомъ; робко затаивъ дыханіе, она прислушивалась, надѣясь уловить хотя малѣйшій звукъ, который обнаружилъ-бы близкое присутствіе человѣка—напрасно! Все кругомъ было тихо, даже егеръ съ своей милой, испуганные ея появленіемъ, вѣроятно, ушли изъ сада. Морозъ пробѣжалъ по всему тѣлу молодой женщины, когда она стала медленно спускаться со ступеней веранды, а между тѣмъ она совѣстилась опять постучаться въ дверь домика, запертаго уже задвижкой, и попросить фрау Лонъ, чтобы та ее проводила. Медлить также не слѣдовало: она отвѣчала за каждую лишнюю секунду, которую пришлось-бы выстрадать ея мужу въ неестественной борьбѣ изъ-за своего сына.

Ліана сбѣжала съ веранды прямо въ розовые кусты... тамъ стоялъ тотъ страшный призракъ, близость котораго она чувствовала, какъ чувствуетъ птичка близость своего смертельнаго врага... тамъ стояла черная фигура патера, съ лицомъ изсѣяблѣднымъ и съ искаженными чертами; выбритое бѣлое пятно, среди массы черныхъ, кудрявыхъ волосъ, сверкнуло при лунѣ, когда онъ торжественно наклонилъ голову для поклона.

Въ первую минуту у Ліаны застыла кровь отъ испуга; но затѣмъ въ ней вдругъ закипѣло такое негодованіе, какого она никогда не испытывала, и это послѣднее чувство взяло верхъ надъ страхомъ. Подобравъ широкія складки своего платья съ такимъ отвращеніемъ, какъ-будто она боялась, чтобы даже рубецъ ея подола не коснулся того мѣста, гдѣ стоялъ патерьъ, она взяла немного въ сторону и хотѣла идти дальше, не обращая вниманія на его поклонъ; но онъ перешелъ ей дорогу и осмѣлился тронуть рукой ея обнаженный локоть, съ намѣреніемъ удержать ее... Отъ этого прикосновенія у Ліаны поблѣднѣли губы; сильнымъ движеніемъ отбросивъ отъ себя дерзкую руку, она мол-

ча взяла конецъ драгоцѣннаго кружева, ниспадавшаго съ ея плечъ, и начала усиленно тереть имъ то мѣсто, къ которому прикоснулись пальцы патера.

— Безжалостная!.. простоналъ онъ. — Вы идете отъ умирающей...

— Отъ умершей, г. духовникъ, отъ женщины, умершей въ язычествѣ!.. Дѣйствительно-ли Господь принимаетъ только тѣ человѣческія души, которыя передаются Ему рукою пастыря, — какъ-бы коваренъ онъ ни былъ и какъ-бы ни злоупотреблялъ своею властью на землѣ, — это вы должны лучше знать... Долой съ дороги! крикнула она гордо и запальчиво. — Истинъ пастырямъ Христа я подчиняюсь съ благоговѣніемъ — слава-богу, у насъ еще есть такіе! — но васъ я вижу въ настоящемъ свѣтѣ... вы сами себя выдали... на вашемъ челѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда святости, вотъ почему меня не удивляютъ театральныя фразы въ родѣ той, которую вы сейчасъ произнесли, забывъ о своемъ санѣ... Дайте мнѣ пройти.

— Къ чему такая поспѣшность? спросилъ патерь ироническимъ, но сильно-взволнованнымъ голосомъ: — вы успѣете еще во время придти, чтобъ быть свидѣтельницей, какъ совершится роковой разрывъ между дядей и племянникомъ, и какъ интересный баронъ фон-Майнау сброситъ съ себя всѣ прежнія связи и отношенія, чтобъ исключительно принадлежать *самъ*...

Значить, патерь стоялъ въ колонадѣ, у стеклянной двери, и подслушивалъ споръ; значить, онъ опять слѣдилъ за Ліаной, какъ и въ предъидущую ночь.

Въ эту минуту молодой женщинѣ удалось опередить духовника, и, чтобы не идти рядомъ съ нимъ по узкой дорожкѣ вдоль пруда, она принуждена была подняться наверхъ берегового откоса, обшитаго дерномъ.

— Да, баронесса, чтобъ исключительно принадлежать *самъ*, продолжалъ съ желчью духовникъ. — Ваша вчерашняя угроза уѣхать къ своимъ, безъ сомнѣнія, привела его къ вашимъ ногамъ... какъ и когда?.. я даль-бы отрѣзать себѣ руку, чтобы знать это... но сегодня вечеромъ, во время концерта, я угадалъ по вашему прелестному лицу, что вы торжествуете... Вы гордитесь его любовію... надолго-ли?.. мотылекъ долженъ порхать, сказала герцогиня... онъ долженъ порхать, повторяю и я. **чтобы**

свѣтъ могъ любоваться пестрой игрой его оригинальныхъ крылышекъ... Даю вамъ годъ идеальнаго счастія—ни одного дня больше...

— Я и за это благодарна, отвѣчала Ліана съ восторгомъ въ глазахъ, закинувъ назадъ голову.

Незамѣтно отстраняясь отъ приближающагося къ ней все болѣе и болѣе патера, Ліана подошла къ самой окраинѣ берега и вдругъ остановилась. Сложивъ руки на груди, она повернула свое прекрасное лицо къ лунѣ, которая облила ее волшебнымъ свѣтомъ.

— Хоть одинъ годъ... но годъ невыразимаго блаженства! я люблю его и буду любить всю жизнь... и одинъ годъ взаимной любви я приму съ благодарностью отъ него!..

Глухой крикъ бѣшенства и отчаянія вырвался изъ груди патера.

— Вы сами себя обманываете! произнесъ онъ, задыхаясь;— ваша родовая трахенбергская гордость удовлетворена тѣмъ, что этотъ Майнау на минуту упалъ къ вашимъ ногамъ... вы не можете любить человѣка, который такъ часто, въ моемъ присутствіи и въ присутствіи другихъ, обращался съ вами съ возмутительной холодностью, который показалъ всему свѣту, что ему противно коснуться даже своимъ дыханіемъ вашего обворожительнаго тѣла... Онъ вамъ нанесъ величайшее оскорбленіе, какое только можетъ мужчина нанести женщинѣ... И вы станете меня увѣрять, что вы этого не чувствовали, что не были противъ него ожесточены, что даже теперь не красяетесь при мысли объ испытанномъ вами униженіи?.. Посмотрите въ это ясное зеркало— (онъ указалъ ей на прозрачную воду, которая плескалась почти у самыхъ ногъ Ліаны, обутыхъ въ бѣлыя атласныя ботинки),— посмотрите на отраженіе тамъ вашихъ глазъ: они не подтвердятъ вашихъ словъ, чтобы за минуту нѣжной прихоти Майнау вы рѣшились пожертвовать ему блаженствомъ любви цѣлой жизни...

Ліана, дѣйствительно, повернулась лицомъ къ пруду, чтобы не видѣть горящихъ страстью глазъ патера.

— Вы, кажется, очень любите этотъ прудъ, прекрасная баронесса, произнесъ онъ страннымъ шепотомъ, какъ-будто сообщая ей секретъ.— Вы однажды сказали мнѣ, что предпочитаете его мягкія волны моему прикосновенію... посмотрите, какъ онъ заманчиво блещутъ...

Ліана вздрогнула отъ головы до ногъ и съ дикимъ испугомъ взглянула на іезуита.

— Неужели вы меня боитесь? спросилъ онъ съ сардонической улыбкой.— Я ничего болѣе отъ васъ не хочу, кромѣ объясненія передъ этимъ чистымъ, яснымъ зеркаломъ, что вы не до такой степени безгранично любите *того* и ненавидите меня, какъ вы старались меня увѣрить...

Ліана собрала послѣднія силы.

— Неслыханное дѣло! воскликнула она:— что васъ побуждаетъ требовать отъ меня этого объясненія? Я протестантка, — слѣдовательно, не ваша духовная дочь; я хозяйка Шенверта, а вы здѣсь гость, я вѣрная жена, а вы клятвеннопреступный патерь; я могла-бы пройти мимо васъ и изъ гордости ничего вамъ не отвѣтить; но такъ-какъ вы вздумали мнѣ грозить, то объявляю вамъ, что я васъ не боюсь, что я отъ всей души васъ ненавижу, ужь ради того, что вы такъ грубо и пошло оскорбляете мою первую, чистую любовь...

Она сдѣлала шагъ, чтобы идти дальше, но ее охватили двѣ сильныя руки.

— Если не я, такъ пусть-же и онъ не прикасается къ вамъ! прошептала ей на ухо патерь.

Она хотѣла крикнуть, но жаркія губы прильнули къ ея губамъ... затѣмъ толчекъ—и стройная фигура Ліаны полетѣла головой внизъ въ раскрывшіяся волны...

Пронзительный крикъ пронесся по волѣ; но его испустила не утопавшая, а хорошенькая горничная, выбѣжавшая вмѣстѣ съ егеремъ изъ крытой аллеи.

— Злодѣй! убійца! мы все видѣли! кричала она, какъ безумная, широко раскрывъ руки и кидаясь вдогонку за патеромъ, который опрометью несся мимо аллеи.— Помогите! помогите! держите его!

Но патерь бѣшено столкнулъ съ дороги молодую дѣвушку и исчезъ въ темной аллеѣ.

Между тѣмъ егеръ достигъ пруда и торопливо сорвалъ съ себя сюртукъ. Въ этомъ мѣстѣ дно пруда было не вязко, а берегъ спускался совершенно отвѣсно; вода здѣсь сохраняла такую-же прозрачность, какъ и посрединѣ. Въ первую минуту паденія волны совсѣмъ поглотили Ліану; но толстая, серебристая матерія

ея платья, не успѣвшая намокнуть, раскинулась на поверхности воды, какъ великолѣпныя перья лебедя; затѣмъ показалась женская голова съ сверкавшими смарагдами въ волосахъ; Ліана лежала, опрокинувшись на спину, и тщетно хватала воздухъ своими бѣлыми руками.

— Тону! помогите! раздался ея слабый крикъ. Странное дѣло! она неслась по водѣ, поддерживаемая плотными складками своего шолковаго платья.

Даммеръ хорошо плавалъ; однако, ему понадобилось употребить не мало усилій, чтобы нагнать несчастную женщину, которую уже далеко отнесло отъ берега; но онъ успѣлъ-таки схватить ее за руку, въ ту самую минуту, когда она начала вторично погружаться на дно, притянулъ ее къ себѣ и медленно доплылъ съ тѣломъ Ліаны до берега. Онъ еще не коснулся ногой земли, какъ весь садъ уже ожилъ. Крикъ Ліаны и вопли горничной достигли индійскаго домика и парадныхъ стѣнъ замка; фрау Лонъ бѣжала, какъ сумасшедшая, между розовыми кустами и, рыдая, схватилась за голову, когда увидѣла, что Ліана вторично погружается на дно; лакеи толпой примчались изъ замка, какъ-разъ въ-время, чтобы помочь Даммеру вытащить на берегъ безчувственную баронессу.

ГЛАВА XXVII.

Фрау Лонъ стояла на колѣняхъ на травѣ, поддерживая голову и плечи Ліаны; она безсознательно плакала и кричала; между тѣмъ хорошенькая горничная хриплымъ, прерывающимся голосомъ передавала шепотомъ испуганной прислугѣ подробности этого трагическаго происшествія. Она сняла съ себя чистый батистовый бѣлый фартукъ и нѣжно отирала потоки воды, лившіеся по лицу и плечамъ баронессы; это живительное треніе и крики ключницы заставили Ліану скоро очнуться.

— Тихе, тихе, фрау Лонъ, проговорила она, приподнимаясь:— не надо пугать барона...

Съ вроткой улыбкой благодарности она протянула своему спасителю руку, и затѣмъ, сдѣлавъ надъ собой энергическое усиліе, встала на ноги. Ей показалось, что деревья качаются какъ во время бури, а прямая дорожка, по которой она шла, вьется

странными зигзагами; глаза ея застигались туманомъ. Она тревожно схватилась за шею — цѣпочка была тутъ. значить книжка не упала въ воду.

Но, мало-по-малу, головокруженіе ея начало проходить; она удвоила шагъ, оборачиваясь по временамъ къ людямъ и прикладывая палецъ къ губамъ, когда у тѣхъ вырывалось слишкомъ громко восклицаніе негодованія.

Въ сѣняхъ замка столпилась остальная прислуга; всѣ знали, что случилось что-то необыкновенное, но никто не умѣлъ сказать — гдѣ и что именно. Дежурные лакеи пропали изъ передней; въ корридорахъ и въ кухнѣ раздавались дикіе крики и плачь; кучеръ гофмаршала клялся всѣми святыми, что онъ своими глазами видѣлъ, какъ патеръ, запыхавшись, съ высоко поднятыми руками, неся, какъ бѣшеный, черезъ площадку, усыпанную гравіемъ, и исчезъ за сѣвернымъ флигелемъ замка... Ко всему этому, въ комнатахъ баронессы гремѣлъ неумолкая дрожавшій отъ гнѣва голосъ гофмаршала, прерываемый по временамъ то увѣщаніями, то грозными восклицаніями молодого барона...

И вдругъ на порогѣ сѣней появилась Ліана; собравшаяся тутъ прислуга невольно разступилась. Лицо безъ кровинки и тусклые, неподвижные глаза дѣлали ее похожею на восковую фигуру; съ ея длинныхъ косъ вода сбѣгала ручьемъ на шелковое платьѣ, раскатываясь по немъ, какъ жемчугъ; мокрый, отяжелѣвшій шлейфъ оставлялъ влажный слѣдъ на мозаиковомъ полу колоннады; она казалась водяной царицей, только-что вышедшей со дна моря для того, чтобъ унести съ земли живую душу...

Молодая женщина скрылась за дверьми уборной, куда за нею побѣжала и Анна. У несчастной горничной поднялись волосы на головѣ отъ ужаса, когда прибѣжавшіе лакеи рассказали ей, что случилось съ баронессой. Ліана слышала, какъ за нею раздались крики негодованія и угрозы противъ виновника преступленія.

Она торопливо и молча передѣлась; зубы ея стучали, какъ въ лихорадкѣ. Изъ гостиной до нея доносился рѣзкій, крикливый голосъ гофмаршала; она могла разслушать каждое слово; старикъ точно съ наслажденіемъ осыпалъ ругательствами своихъ умершихъ братьевъ и ихъ легкій образъ жизни въ деревнѣ; онъ выкопалъ эпизоды самой глубокой старины, чтобы только доказать, какой рядъ страданій и борьбы онъ долженъ былъ вынести

по милости этихъ двухъ полупомѣшанныхъ,—онъ, истый сынъ своихъ предковъ, единственный изъ Майнау, который сумѣлъ сохранить честь ихъ имени и правила кровнаго дворянина... Каждое серьезное замѣчаніе племянника, каждое его увѣщаніе, чтобы онъ пришелъ въ границы приличія, старикъ встрѣчалъ презрительнымъ смѣхомъ. Что могъ ему сдѣлать этотъ раздраженный молодой человекъ, ходившій въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ? Вѣдь завтра онъ долженъ будетъ уѣхать изъ Шенверта, потому что хотя они оба имѣли одинаковыя права на владѣніе замкомъ, но послѣ всего того, что высказалъ злой языкъ племянника, по поводу нанесеннаго оскорбленія, дядѣ, было немислимо, чтобы они могли дышать однимъ и тѣмъ-же воздухомъ, въ одномъ и томъ-же домѣ... Само-собой разумѣлось, что гофмаршалъ—гордость и украшеніе дома Майнау—не согласится уступить поле сраженія.

Анна обсушила, на-сколько было возможно, густыя босы своей барыни и наскоро накинула на нее черный, мягкій пеньюаръ; но она сама испугалась, когда увидѣла, какимъ мертвецомъ глядѣла Ліана въ этомъ черномъ платьѣ.

— Бога ради, только не туда, сударыня! произнесла она робкимъ, умоляющимъ голосомъ, невольно схвативъ за платье молодую женщину, когда та направилась къ дверямъ гостиной.

Горячіе, дрожащіе пальцы отстранили руку горничной и указали ей на дверь, выходившую въ колонаду. Анна удалилась и слышала, какъ сзади нея щельнула задвижка.

— Ты не станешь отрицать, что въ Лео уже теперь замѣтна порядочная доза крови сумазбродовъ; онъ, къ моему отчаянію, все болѣе и болѣе принимаетъ ту своеобразную складку, которая послужила гибелью для нашего, когда-то почтеннаго, уважаемаго рода, продолжалъ горячиться гофмаршалъ.—Только строгое, благоразумное и богобоязненное воспитаніе можетъ исправить его. Повторяю тебѣ снова—мальчика спасетъ только дѣдъ, своей, въ случаѣ нужды, желѣзной рукой, и что непременно исполнится,—такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что я найду себѣ милостиваго судью. Подавай куда хочешь свои отцовскіе протесты—Лео останется у меня!.. Впрочемъ, у тебя есть уже замѣна... твой усыновленный Габріель.

Старикъ покотился со смѣху.

Вдругъ дверь гостиной быстро отворилась и въ комнату вошла Ліана. Она остановилась прямо передъ гофмаршаломъ, который въ припадкѣ смѣха откинулся на спинку кресла.

— Мать Габріеля скончалась, проговорила молодая женщина.

— Провались она въ адъ! заораль во все горло старикъ.

— У нея была такая-же душа, какъ и у васъ, а Господь милосердъ, возразила Ліана. Щеки ея слегка зарумянились. — Вы строговѣрующій, г. гофмаршалъ, и потому должны знать, что Онъ судья неподеуиный... Положите на чашу вѣсовъ: честь дворянина, точное исполненіе сословныхъ обязанностей, о которыхъ вы упоминали, — вамъ не перевѣситъ достоинствъ умершей... Тамъ есть Судья, и она теперь стоитъ предъ Нимъ и указываетъ на слѣды пяти пальцевъ на своей шеѣ...

Гофмаршалъ сначала вѣжливо привсталъ, чтобы поклониться Ліанѣ, и все время, пока она говорила, смотрѣлъ на нее съ лукавой усмѣшкой. Но при послѣднихъ словахъ онъ упалъ назадъ, нижняя челюсть его сардоническаго рта внезапно отвалилась и лицо совершенно помертвѣло... Майнау, стоявшій при появленіи Ліаны на противоположномъ концѣ комнаты, подошелъ теперь прямо къ ней; онъ, кажется, не слышалъ, что она говорила, онъ забылъ объ отчаянной борьбѣ, которую ему только-что пришлось вынести изъ-за своего сына, забылъ о невыразимомъ гнѣвѣ, который въ немъ кипѣлъ, забылъ обо всемъ, увидя такую поразительную переиъну и въ наружности, и въ голосѣ жены... Онъ обнялъ ее за талію и подвелъ ближе къ лампѣ; чтобы нагнуть ей голову и лучше освѣтить ея лицо, онъ положилъ ей руку на темя и отскочилъ въ испугѣ.

— Это что такое? закричалъ онъ. — Съ твоихъ волосъ течетъ вода! Что съ тобой случилось, Ліана? Говори сейчасъ.

— Баронесса *нездорова!* раздался сильный голосъ гофмаршала, который сидѣлъ уже выпрямившись въ креслѣ и выразительно указывалъ пальцемъ себѣ на лобъ. — Я сейчасъ это отгадалъ по ея театральной позѣ, а послѣднія слова ея вполне подтверждаютъ мое предположеніе, что прелестная дама страдаетъ нервными припадками, то-есть видѣніями. Совѣтую тебѣ послать за докторомъ.

Ліана холодно, съ презрительной улыбкой отвернулась отъ него и схватила мужа за руку.

— Ты все узнаешь, Рауль, сказала она, — только немного погодя... Я уж намекнула прежде, что сообщу тебѣ сегодня много неприятнаго... Покойница...

— А! мы возвращаемся къ видѣніямъ! весело засмѣялся гофмаршалъ. — Любопытно-бы узнать, баронесса, гдѣ именно вамъ явился призракъ?

— Передъ дверью красной комнаты, г. гофмаршалъ... чьи-то пальцы охватили шею бѣдной баядерки и чья-то рука душила ее за горло до тѣхъ поръ, пока она не упала за-мертво на полъ...

— Ліана! испуганно крикнулъ Майнау, и, притянувъ къ себѣ жену, съ страстной нѣжностью прижалъ ее голову къ своей груди... Онъ готовъ былъ скорѣе повѣрить внезапному сумасшествію дорогой ему женщины, чѣмъ покушенію на убійство въ „безукоризненно-почтенномъ“ Шенвертѣ.

Гофмаршалъ въ ту-же минуту всталъ съ кресла.

— Я ухожу... я не могу видѣть людей съ поврежденнымъ мозгомъ, сказалъ онъ съ явнымъ отвращеніемъ, махнувъ рукой.

Но онъ не могъ держаться на ногахъ и схватился руками за кресло.

— Успокойся, Рауль. Я тебѣ сейчасъ докажу, что у меня мозгъ не поврежденъ, произнесла Ліана, отвернувшись отъ мужа и ставъ опять передъ гофмаршаломъ. Обыкновенно кроткое, пріятное лицо ея какъ-бы окаменѣло и приняло жесткое выраженіе.

— Г. гофмаршалъ, продолжала она, — тотъ самый человѣкъ, который душилъ красавицу индіанку, преслѣдовалъ ее и по ночамъ въ саду, стараясь отбить у бѣднаго умирающаго въ красной комнатѣ; онъ довелъ ее до того, что она стала запирается отъ него... Посмотри, Рауль, продолжала молодая женщина, указывая на гофмаршала, который опустился въ креслѣ, какъ пораженный громомъ: — вотъ этотъ г. Майнау хочетъ отнять у тебя сына, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, какъ образецъ чести, какъ человѣкъ безукоризненный и старшій въ родѣ, обязанъ воспитывать младшаго представителя вашего имени; а между тѣмъ его рука разбила существованіе женщины; интрига, при помощи которой Габріель и его мать были опозорены, бросаетъ неизгладимое пятно на его ореолъ дворянина... Ты можешь спокойно ожидать исполненія его угрозъ.

Если Ліана воображала, что виновный совершенно уничтоженъ силою ея обвиненій и угрызеніями внезапно пробужденной въ немъ совѣсти, то она очень ошибалась. При словѣ „посмотря“ онъ сдѣлалъ надъ собой энергическое усиліе и выпрямился въ креслѣ; а когда Ліана коснулась Габріеля и его матери, онъ, какъ будто забавляясь этой сценой, съ улыбкой качалъ головой, и, наконецъ, разразился громкимъ хохотомъ.

— Картина моихъ преступленій представлена вами за-мѣ-чатель-но хорошо, *ma belle*. Я говорилъ не разъ, что эти женщины съ красными волосами настоящіе демоны по части хладно-кровно-обдуманнхъ интригъ... Тысяча бомбъ! что за пикантное описаніе!.. и все это передается такъ эффектно, театрально... въ наскоро-наброшенной черной траурной одеждѣ, — въ которой вы, мимоходомъ сказать, напоминаете блѣдное и очень некрасивое привидѣніе...

— Дядя! ни слова больше! воскликнулъ съ горечью Майнау, и въ первый разъ показалъ ему на дверь.

— Хорошо, хорошо... я уйду; когда мнѣ вздумается... но такъ-какъ на меня напали, то я, для своей защиты, долженъ разъяснить всю эту исторію... Я очень хорошо понимаю, баронесса, что именно придаетъ вамъ этотъ самоувѣренный, вызывающій тонъ относительно меня. Пока мы здѣсь спорили, вы, движимая очень простительнымъ чувствомъ любопытства, отправлялись присутствовать при смертной агоніи „несчастной женщины“. Это необыкновенно пріятно раздражаетъ нервы... щекочетъ потребность сильныхъ ощущений — демоническое свойство женскихъ натуръ...

— Рауль! умоляю тебя, не дѣлай ничего такого, въ чемъ ты можешь впоследствии раскаяться! воскликнула Ліана, охвативъ мужа обѣими руками, когда замѣтила, что тотъ, видѣ себя отъ бѣшенства, готовъ броситься на ядовитаго старика.

— Женскихъ натуръ, повторилъ гофмаршалъ, коварно улынувшись, въ то время, какъ Майнау, топнувъ со злостью ногой, отвернулся отъ него. — Очень можетъ быть, что парализованный языкъ „бѣдной баядерки“, въ минуты предсмертнаго бреда — это иногда случается — вдругъ получилъ способность говорить, и она наболтала всякаго вздору. Все это очень возможно; но какой-же благоразумный человекъ приметъ бредъ за чистую монету? Кто рѣшится вывести изъ такой вздорной болтовни оскорбляющее

честь обвиненіе? Къ людямъ моего круга, — какъ-бы вы ихъ тамъ ни называли, — вы-бы не осмѣлились явиться съ такими милыми новостями обо мнѣ; моя репутація уже составлена, а про вторую жену моего зятя сказали-бы только, что она интригантка...

— Ліана, рассказывай дальше; я полагаю, что людямъ высшего круга придется услышать такія вещи, которыя позорятъ имя природнаго дворянина, рѣзко проговорилъ Майнау; — но рассказывай одному мнѣ. Ты видишь, что г. гофмаршалу нѣтъ дѣла до этого, а меня, напротивъ, ты пытаешь, какъ раскаленными клещами..

— Когда я пришла въ индійскій домикъ, бѣдная женщина уже была мертва; втеченіи тринадцати лѣтъ ея уста не произнесли ни одного понятнаго слова; съ тѣмъ она и умерла, продолжала Ліана, но вдругъ замолчала и закрыла глаза. У нея опять закружилась голова; она крѣпко оперлась объ столъ и заговорила торопливѣе. — То, что я хочу тебѣ передать, извѣстно мнѣ отъ одной личности, жившей въ Шенвертѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ дядя Гисбертъ вернулся изъ Индіи. Эта личность не сочиняетъ, а знаетъ точно все, и даже, въ случаѣ надобности, присягнетъ въ томъ.

Ліана говорила это обернувшись къ мужу, какъ-будто чловѣкъ, прислушивавшійся съ напряженнымъ вниманіемъ къ каждому ея слову, вышелъ изъ комнаты. Она подробно передала, какъ гофмаршалъ, при содѣйствіи духовника, сдѣлалъ себя полнымъ господиномъ въ Шенвертѣ; съ какой утонченной жестокостью дядю Гисберта разлучили съ женщиной, которую онъ не переставалъ любить до послѣдняго вздоха...

Въ эту минуту сзади Ліаны послышалось не то насмѣшливое хихиканье, не то сдержанное проклятіе; но она не смутилась, а только когда ей пришлось въ первый разъ выговаривать имя фрау Лонъ, запнулась.

— Бестія! змѣя!... прошипѣлъ гофмаршалъ съ хриплымъ смѣхомъ. — Баронесса, это, вѣрно, вашъ оруженосецъ?... вы, какъ видно, слушали сплетни самой грубой, необразованной бабы изъ всей шенвертской прислуги... и ими-то хотите меня... меня задѣтъ!...

— Дальше, Ліана! умолялъ Майнау, блѣдный, какъ полотно. — Не смущайся ничѣмъ... я уже почти все угадываю...

— Если вы даже будете въ состояніи опровергнуть показан-

ня Ловъ, которая зорко наблюдала за каждой бездѣлицей, происходившей въ Шенвертѣ, то одного вы все-таки не въ состояніи будете опровергнуть, потому что вы даже и не подозрѣваете того, что случилось, обратилась молодая женщина еще разъ къ гофмаршалу. — Индіанка, несмотря на всѣ ваши предосторожности, была у дяди Гисберта за нѣсколько дней до его смерти, и онъ умеръ съ убѣжденіемъ, что ее невинно оклеветали...

— Ва! вы ужь что-то пересолили, прелестная малютка. Вы должны знать, что вашъ рассказъ лишень всякаго вѣроятія и здраваго смысла, перебилъ старикъ, очень искусно принимая насмѣшливый, небрежный тонъ; но голосъ его какъ-будто съ трудомъ вырывался изъ пересохшаго горла. — Очень понятно, что я ничего не зналъ объ этой трогательной сценѣ! она, повидимому, какъ и весь рассказъ, есть плодъ чистой фантазіи... Однако, я, право, не вижу, изъ-за чего я буду съ такимъ телячьимъ терпѣніемъ выслушивать это пошлое сплетеніе интригъ?... Меня можетъ во всякое время дня найти въ моихъ комнатахъ судебный слѣдователь, котораго вы такъ любезно желали-бы навязать мнѣ на шею... А теперь подите-ка поживать, баронесса... вы страшно блѣдны и, какъ мнѣ кажется, съ трудомъ держитесь на ногахъ... Да, да, авторство, говорятъ, сильно изнуряетъ... Покойной ночи, мой прекрасный врагъ!..

— Дядя, прошу не уходить! воскликнулъ Майнау, загораживая дверь, къ которой гофмаршалъ торопливо направился. — Я съ неслыханнымъ терпѣніемъ нѣсколько часовъ сряду выслушивалъ, какъ ты безчестилъ меня и мою семью, теперь требую, чтобы и ты въ моемъ присутствіи выслушалъ конецъ рассказа Ліаны. Если ты этого не сдѣлаешь, то потеряешь въ моихъ глазахъ послѣдніе остатки уваженія къ твоей рыцарской чести...

— Трусъ! прошипѣлъ сквозь зубы гофмаршалъ, бросаясь опять въ кресло.

Молодая женщина начала рассказывать эпизодъ у постели умирающаго дяди Гисберта. Въ комнатѣ царствовала мертвая тишина; но какъ только Ліана дошла до той минуты, когда умирающій съ такимъ усиліемъ сталъ прикладывать двѣ печати къ своей запискѣ, дядя и племянникъ оба вскрикнули.

— Это ложь, гнусная ложь! заоралъ гофмаршалъ.

— А-а! воскликнулъ Майнау, точно яркій свѣтъ освѣтилъ

передъ нимъ глубокой мракъ. — Дядя, герцогиня и ея сзита будутъ призваны въ свидѣтели, что они видѣли у тебя на пальцѣ смарагдовый перстень съ печатью, о которомъ ты такъ подробно распространялся, передавая имъ, какъ дядя Гисбертъ торжественно вручилъ тебѣ его 10 сентября... А существуетъ ли, Ліана, та записка, которой онъ хотѣлъ, такъ-сказать, придать видъ законнаго документа?

Молодая женщина молча, дрожащими руками сняла съ своей шеи цѣпочку и подала ее мужу.

Серебряная книжечка была наглухо заклепана; при ней не нашлось ни замочка, ни пружинки. Майнау взялъ перочинный ножикъ и засунулъ лезвіе его между двумя крышками; онъ нажалъ такъ сильно, что одна изъ нихъ треснула пополамъ, но такъ счастливо треснула, что оба поднявшіеся конца не тронули печатей. Въ этомъ маленькомъ пространствѣ лежала записка, и именно въ томъ видѣ, какъ ее положила туда индіанка, осыпавъ горячими поцѣлуями.

— Эти печати, сохраненныя при помощи такой умной мѣры, должны служить для тебя, дядя, и для меня неопровержимымъ доказательствомъ. Ты самъ объявилъ однажды, что оттискъ перстня имѣетъ въ твоихъ глазахъ больше значенія, чѣмъ собственноручная подпись.

Не послѣдовало ни отвѣта, ни звука.

— Посмотрите, вотъ даже и изъянъ на камнѣ... онъ ясно видѣнъ и теперь, а завтра, при дневномъ свѣтѣ, мы, съ помощію лупы, будемъ имѣть возможность полюбоваться и прекрасной мужской головой... А вотъ подъ числомъ и два раза подчеркнутая приписка: „Писано въ Шенвертѣ, 10 сентября“.

Майнау въ сильномъ волненіи приложилъ руку къ глазамъ, затѣмъ развернулъ бумагу.

— Ко мнѣ адресовано! ко мнѣ!.. вскрикнулъ онъ, видимо потрясенный.

Подойдя ближе къ лампѣ, онъ громко прочелъ содержаніе записки. Умирающій въ самомъ началѣ заявлялъ, что, вслѣдствіе умственнаго и физическаго разстройства, онъ попалъ въ неволю къ брату и патеру. Далѣе онъ говорилъ, что несмотря на возбужденное въ немъ сомнѣніе въ вѣрности индіанки, онъ все-таки желалъ составить духовное завѣщаніе въ ея пользу; но обстоя-

тельства такъ сложились, что онъ не могъ этого исполнить; подкупили даже доктора, который объяснялъ горячечнымъ бредомъ его просьбу пригласить кого-либо изъ административныхъ лицъ. Были минуты, когда всѣ точно сговаривались представлять въ самыхъ черныхъ краскахъ нравственное паденіе отвергнутой имъ женщины и преступный характеръ его прежнихъ отношеній къ ней. Находясь въ состояніи безграничной слабости и доводимый нерѣдко галлюцинаціями до окончательнаго безумія, онъ поневолѣ долженъ былъ покориться... Но теперь онъ знаетъ, что его обманули самымъ безсовѣстнымъ образомъ; онъ знаетъ, что у него родился сынъ, существованіе котораго скрыли отъ него; онъ знаетъ, наконецъ, что братъ преслѣдуетъ чувственной страстью любимую имъ женщину и имѣетъ намѣреніе лишить ее всего, съ цѣлью крѣпче держать несчастную въ своихъ рукахъ... Между всѣми негодьями, которые заковали его въ желѣзныя цѣпи, онъ не видитъ ни одного, способнаго къ чувству состраданія; но онъ вспомнилъ, въ настоящую минуту, о забросившемъ его, по непонятной причинѣ, молодомъ племянникѣ съ „пламенной головой и великодушнымъ сердцемъ“. Предъ лицомъ приближающейся смерти онъ обращается къ племяннику съ своей послѣдней просьбой. Прежде всего онъ считаетъ своимъ долгомъ заявить ему, что индіанка, втеченіи всей своей жизни, отличалась безукоризненнымъ поведеніемъ и что до вступленія съ нимъ въ связь она не была баядеркой, какъ про нее сочинили; затѣмъ объявляетъ, что признаетъ маленькаго Габріеля своимъ сыномъ и умоляетъ племянника защищать оба эти несчастныя, преслѣдуемые существа, настаивая, чтобы имъ выдали безспорно третью часть всего наслѣдства послѣ него и присвоили-бы мальчику фамилію его отца... Фрау Лонъ, этой вѣрной женщинѣ, онъ поручалъ, въ видахъ предосторожности, лично передать племяннику записку, а для того, чтобы отнять всякій поводъ къ сомнѣнію въ ея достовѣрности, онъ, вслѣдъ за приложеніемъ къ ней своей печати, передаетъ смарагдовый перстень въ коварныя руки своего безчеловѣчнаго брата.

— Прекрасно, прекрасно!.. этотъ милый скиталецъ очень лестно меня обрисовалъ... хорошо онъ меня отблагодарилъ за мои неутомимыя заботы и цѣлый рядъ бессонныхъ ночей! произнесъ гофмаршалъ, вставая на ноги съ нервнымъ подергиваньемъ въ лицѣ,

между тѣмъ какъ Майнау пряталъ документъ къ себѣ въ карманъ.— Какое въ колыбельѣ, такое и въ могилку! — безхарактерный человекъ, которымъ двѣ фальшивыя бабы вертѣли, какъ малымъ ребенкомъ... Ва! меня злитъ одно, что такая тварь, какъ Лонъ, осмѣлилась меня провести!..

Майнау далеко отошелъ отъ гофмаршала, желая показать ему, что онъ считаетъ прерванными всѣ сношенія съ этимъ „строгочестнымъ и самымъ почтеннымъ“ представителемъ ихъ рода.

— Значить, завтра, въ качествѣ довѣрителя Гисберта фон-Майнау, я представлю въ судъ вотъ *это*.

Онъ приложилъ правую руку къ боковому карману.

— Ну, мы еще посмотримъ... Вѣдь у насъ также есть свои документы. Дѣло покажетъ, кто побѣдитъ: ты-ли, съ твоимъ клочкомъ бумаги, или церковь съ запиской, которая хранится въ ящикѣ съ рѣдкостями. Не забудь, что у меня тоже есть свидѣтель, почище ключницы Лонъ,—нашъ патеръ... Гмъ! мнѣ сдается, что этотъ знаменитый автографъ, такъ нѣжно спрятанный у тебя на сердцѣ, доставитъ тебѣ больше тревогъ, чѣмъ ты предполагаешь... А пока позаботься объ этой дамѣ, что стоитъ подлѣ тебя. Недостойная интрига, которую она такъ любезно и съ такой готовностью взялась вывести на сцену, повидимому, немного ее разстроила.

Уже въ то время, когда Майнау читалъ завѣщаніе дяди Гисберта, Ліана чувствовала, что нервный ознобъ пробѣгаетъ по всему ея тѣлу. Ей показалось, будто комната вдругъ наполнилась кровавымъ туманомъ, который клубился, страшно искажая лицо сидѣвшаго противъ нея гофмаршала... Вслѣдъ затѣмъ у нея потемнѣло въ глазахъ. Болѣзненно улыбнувшись, она протянула руки въ ту сторону, гдѣ стоялъ Майнау, и лишь только онъ успѣлъ обхватить ее, какъ она глухо вскрикнула и упала безъ чувствъ... Пять минутъ спустя въ городъ понеслась карета за лучшими докторами, для опасно заболѣвшей баронессы фон-Майнау.

ГЛАВА XXVIII.

Осень была ясная, теплая; шенвертская долина развернулась во всей своей красотѣ. Мягкій, прохладный вѣтеръ далеко разносилъ оттуда ароматы резеды и поспѣвающихъ фруктовъ. Дикій

виноградъ раскинулъ свои густые пурпурово-зубчатые листья вдоль сѣрыхъ стѣнъ башенъ замка и прихотливо извивался по величественнымъ столбамъ аркъ крытыхъ аллей.

Два окна въ нижнемъ этажѣ замка были плотно завѣшаны голубыми занавѣсями; одна половина рамы стояла отворенная; ароматическій послѣобѣденный вѣтерокъ, вздувая тяжелыя шелковыя складки занавѣсей, по временамъ раздвигалъ ихъ, какъ-бы рукой шаловливаго ребенка, и, пропуская украдкой солнечный лучъ сквозь голубую ткань, причудливо освѣщала красно-золотистыя волны волосъ, рассыпавшихся по бѣлому одѣялу...

Нѣсколько недѣль сряду жизнь и смерть отчаянно боролись изъ-за молодого, истощеннаго недугомъ существа; наконецъ, накупивъ, доктора получили надежду на спасеніе, и въ ту минуту, когда солнце снова коснулось своими тонкими лучами ровно дышавшей груди больной, ея бѣлокурыя рѣсницы поднялись и изъ слабыхъ глазъ впервые вылетѣлъ сознательный взглядъ.

Взглядъ этотъ упалъ на Майнау, который сидѣлъ у ногъ постели. Это мѣсто сдѣлалось исключительно его съ той минуты, когда онъ принесъ сюда безчувственное тѣло жены; тутъ въ первый разъ втеченіи своей безпечной, преданной исключительно наслажденіямъ жизни ему довелось пережить всѣ степени того смертельнаго страха, который мы испытываемъ, сидя у постели страстно любимой нами женщины, когда мы готовы скорѣе сами умереть, лишь-бы только спасти ее; когда намъ кажется, что каждый нервъ нашъ терпитъ адскія муки при одной мысли, что ея сердце можетъ перестать биться и унести съ собою все наше счастье!..

— Рауль! прошептала больная.

Что, если-бы Майнау сказали въ рудисдорфской церкви, во время его вѣдчанія, когда онъ такъ равнодушно выслушалъ: „да“, произнесенное Ліапой, что чрезъ самое короткое время тихій звукъ того-же самаго голоса повергнетъ его въ море блаженства!.. Онъ осторожно взялъ худенькую руку жены и покрылъ ее дощелуями, затѣмъ приложилъ палецъ къ губамъ. Больная обвела улыбающимся взглядомъ всю комнату, и вдругъ глаза ея расбрылись и засіяли восторгомъ.

У стола, съ ложкой въ одной рукѣ и стеклянкой лекарства въ другой, стояло некрасивое существо съ пламенно-рыжими, жест-

кими волосами, съ лицомъ, усѣянными веснушками, — словомъ, ея Ульриха.

Еще въ ту страшную ночь Майнау по телеграфу вызвалъ сестру, и эта безобразная дѣвушка съ умной, разсудительной головой, съ сердцемъ, полнымъ самоотверженія и почти материнской любви къ его молодой женѣ. эта дѣвушка была все время его опорой и главной помощницей. Ничья рука, кромѣ ея руки, не смѣла коснуться Ліаны. Пришлось и Майнау прсвести много бессонныхъ ночей, но онъ не ропталъ и съ радостью переносилъ всѣ труды.

И мужъ, и сестра знаками умоляли больную не говорить; но она прошептала опять съ улыбкой: „Здоровъ-ли мой мальчикъ?“

— Лео здоровъ, отвѣчалъ Майнау.—Онъ ежедневно пишетъ по полудюжинѣ самыхъ нѣжныхъ писемъ къ своей больной мамѣ. Вотъ онѣ лежать нераспечатанныя.

— А Габріель?

— Живетъ въ замкѣ, въ своей собственной комнатѣ, рядомъ съ комнатою учителя, который даетъ ему уроки. Онъ пламенно ждетъ той минуты, когда ему дадутъ позволеніе поцѣловать руку его прекрасной защитницы.

Глаза больной закрылись и она уснула благодѣтельнымъ сномъ выздоровленія.

Недѣлю спустя, Ліана, въ первый разъ, опираясь на руку мужа, встала, чтобы пройтись по своимъ комнатамъ. Хотя это былъ и послѣдній сентябрьскій день, но небо все еще походило на хрустальный лазурный сводъ. Засохшій листь изрѣдка, крутятся, падалъ на землю. Верхушки штамбовыхъ розъ пышно красовались своими безчисленными цвѣтами, а на зеленыхъ лужайкахъ росла, какъ весной, пушистая молодая трава. Миръ былъ такъ хорошъ, точно ночи и зимы не существовало.

Ліана остановилась въ гостиной передъ стеклянной дверью.

— Ахъ, Рауль, сказала она, — какое наслажденіе жить и...

— И, Ліана?

— И любить, докончила она, прижавшись къ груди мужа. Но въ ту-же минуту она вздрогнула и стала прислушиваться къ глухому стукѣ какихъ-то колесъ.

— Это Лео катается на своей парѣ козловъ по колонадѣ, успокоилъ ее Майнау.—Не тревожься, кресло на колесахъ, звукъ

котораго чудился тебѣ и день и ночь въ бреду, уже давно катается не въ шенвертскомъ замкѣ...

Онъ въ первый разъ заговорилъ при женѣ о неприятномъ прошломъ и вдругъ закусилъ себѣ губы.

— Я обязанъ для твоего-же спокойствія, Ліана, все тебѣ рассказать, продолжалъ онъ, — даже докторъ совѣтовалъ мнѣ ничего не скрывать отъ тебя, но я не въ силахъ касаться этого предмета, точно также, какъ не въ силахъ войти въ индійскій садъ, гдѣ случилось такъ много ужаснаго. Ульрика, наша мудрая, разумная сестра, расскажетъ тебѣ все, что ты должна знать.

Ліана опять легла на кушетку подъ голубой атласной балдахинъ... Суммы страданій, которыя она вынесла въ промежутокъ времени между этимъ днемъ и тѣмъ, когда она въ первый разъ переступила порогъ голубого будуара, достаточно было бы для наполненія цѣлой жизни женщины; и, однако, она хотѣла, чтобы изъ цѣпи, такъ быстро и крѣпко связавшей два равнодушныя прежде другъ къ другу сердца, не выпало ни одного звена... Но у нея не доставало мужества коснуться послѣднихъ тяжелыхъ событій; послѣ той минуты, когда она упала безъ чувствъ на руки Майнау, она не помнила ничего; послѣднее воспоминаніе, которое врѣзалось въ ея душу, была фигура гофмаршала, съ дерзкой, насмѣшливой улыбкой стоявшая противъ ея мужа. Этотъ страшный призракъ, вмѣстѣ съ запахомъ жасмина, исходившимъ, какъ ей казалось, изъ атласныхъ стѣнъ будуара, преслѣдовалъ ее въ продолженіи всей болѣзни и не давалъ ей покоя даже теперь...

Ульрика сидѣла подлѣ нея; въ будуаръ вошла фрау Лонъ съ корзиной винограда, который Майнау приказалъ нарѣзать для дамъ.

— Это изъ шпалерника, лично принадлежавшаго г. гофмаршалу, сказала она; — это лучший сортъ винограда въ цѣломъ саду. Первый сборъ его посылался ея свѣтлости герцогинѣ, а остальное продавалось за большія деньги.

Майнау заранѣе далъ надлежащія инструкціи ключницѣ, и потому теперь она такъ смѣло заговорила о томъ, о чемъ до сихъ поръ строго было запрещено упоминать, т. е. о прошломъ.

— Когда гофмаршалъ уѣхалъ изъ Шенверта? прямо спросила Ліана.

— Какъ разъ на слѣдующее утро, сударыня. Ночью, когда онъ шелъ къ себѣ колонадой, то былъ такой злой, задорный, какимъ я его отъ роду не видала. Гмъ! я хорошо знала, гдѣ у него болячка... Мы всѣ стояли толпой въ сѣняхъ. „Что вы тутъ торчите, разиня ротъ, и подслушиваете?“ крикнулъ онъ. Мы такъ всѣ и разсыпались. „Пошелъ сейчасъ къ г. духовнику, сказалъ онъ, обратившись къ Антону,—и доложи, что я поворнѣйше прошу его пожаловать ко мнѣ въ спальню.“ Антонъ точно окаменѣлъ, а мы шмыгнули вонъ. „Ну, чего стоишь?“ гаркнулъ онъ на малаго.—Тотъ, наконецъ, собрался съ духомъ и доложилъ, что г. придворный духовникъ не можетъ придти, потому что уѣхалъ. Я стояла подъ лѣстницей. Въ жизнь свою не забуду его лица!.. Антону пришлось тащить его вверхъ по лѣстницѣ; въ постель онъ не легъ, а всю ночь укладывался и только раза два отворялъ дверь въ темную комнату,—вѣрно, думалъ, что іезуитъ тамъ сидитъ. На другой день, ровно въ семь часовъ утра, онъ выѣхалъ изъ воротъ замка.

— Жалкое созданье этотъ гофмаршалъ, сказала Ульрика, въ то время, когда фрау Лонъ понесла остальной виноградъ на площадку, гдѣ Лео, изображая кучера, каталъ на своихъ козлахъ Габріеля.—Онъ даже съ внукомъ не простился... точно забылъ о немъ. Только нѣсколько дней спустя онъ заявилъ о своемъ существованіи, приславъ сюда своего адвоката съ требованіемъ выдать ему третью часть наслѣдства дяди Гисберта. Шенвертъ будетъ продаваться; послѣ его продажи Майнау не переступить его порога; одинъ видъ пруда, даже издали, приводитъ его въ неописанное волненіе. Во Франконію онъ теперъ не поѣдетъ, но впоследствии непременно, потому что онъ хочетъ во что-бы то ни стало самъ управлять всеми своими имѣніями. Знаешь-ли, душка, гдѣ мы въ эту зиму устроимъ рождественскую елку? Въ бѣлой залѣ въ Рудисдорфѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ папа намъ всегда ее устраивалъ. Майнау взялъ въ аренду на нѣсколько лѣтъ замокъ и паркъ у нашихъ кредиторовъ; тамъ ты совершенно поправишься. Я отъ васъ прямо поѣду туда, чтобы все заранѣе приготовить. Новая мебель ужъ давно заказана. Магнусъ пишетъ мнѣ, что старая Лена носится, какъ сумасшедшая, по замку отъ радости, что наступили прежнія, хорошія времена... Мама, конечно, съ нами жить не будетъ; она точно такъ-же счастлива, какъ

и Лена, потому что Майнау предоставилъ ей на выборъ: или жить въ Рудисдорфѣ, или переселиться въ Дрезденъ, съ тѣмъ, что онъ возьметъ на себя всѣ ея расходы. Само собой разумѣется, что она ни одну секунду не колебалась, и останется въ Рудисдорфѣ только до вашего пріѣзда туда, чтобы приготовить тебѣ и мужу приличную встрѣчу; затѣмъ, какъ она ко мнѣ пишетъ, взойдетъ новая заря для одинокой, незаслуженно-страдающей женщины... Это вѣдь дѣло взгляда, дитя мое... Фрау Лонъ ѣдетъ съ нами; Майнау, зная ея неопытную вѣрность, непременно желаетъ, чтобы она находилась при тебѣ; только теперь онъ не хотѣлъ-бы разлучить ее съ Габріелемъ, такъ-какъ мальчикъ долженъ еще нѣсколько времени пользоваться уроками взятаго вами превосходнаго учителя, а затѣмъ, онъ, съ именемъ молодого фон-Майнау, отправится въ Дюссельдорфъ для усовершенствованія своего художческаго таланта. Твой спаситель, егеръ Даммеръ, назначенъ лѣсничимъ въ Волькерсгаузенъ, получаетъ отличное жалованье и черезъ два мѣсяца обзаведется хорошенькой лѣсничихой. Кажется, я передала все, что хотѣлъ сообщить тебѣ твой повелитель и супругъ; онъ льститъ себя надеждой, что все устроилъ согласно съ твоей волей. Ты знаешь, моя ненаглядная, что я не принадлежу къ числу сантиментальныхъ людей, но я готова, право, запѣть благодарный гимнъ, видя, какъ любятъ мою баловницу. Подумай только, — я, Ульрика, графиня фон-Трахенбергъ, самолично взяла въ аренду у кредиторовъ главныя надворныя строенія въ Рудисдорфѣ и хочу завести тамъ фабрику искусственныхъ цвѣтовъ въ большихъ размѣрахъ; Майнау вполне одобряетъ мой планъ и даетъ мнѣ, само собой разумѣется, заимообразно, нужный для этого дѣла капиталъ; онъ убѣжденъ не менѣе меня, что мнѣ удастся, съ помощью энергическаго труда, мало-по-малу освободить имѣніе отъ себестра, вызваннаго мотовствомъ и беспорядочной жизнью. Подай мнѣ Господь силы для этого!

Она замолчала, между тѣмъ какъ Ліана, скрестивъ руки на груди и закрывъ глаза, восторженно улыбалась, сдерживая дыханіе, какъ-будто боясь, чтобы эти милые образы будущаго не развѣялись отъ ея дуновенія. Одна только мрачная тѣнь пронеслась передъ нею.

— А гдѣ іезуитъ, Ульрика? спросила она.

— Онъ безслѣдно пропалъ, отвѣчала сестра.—Всѣ предполагаютъ, что онъ бѣжалъ подъ защиту своего ордена. Теперь онъ для тебя не опасенъ, будь спокойна; онъ показаться на глаза людямъ не смѣетъ; происшествіе съ тобой надѣлало страшнаго шума; протестантское населеніе до такой степени возбуждено, что даже его покровительница герцогиня сочла болѣе удобнымъ на-время удалиться въ Меронъ, для изцѣленія своей слабой груди...

Въ будуаръ вошелъ Майнау въ сопровожденіи обоихъ мальчиковъ.

— Рауль! какъ мнѣ тебя благодарить? воскликнула Ліана.

Онъ засмѣялся и сѣлъ подлѣ нея.

— Тебѣ меня благодарить?—уморительно! Я, какъ честный, неисправимый эгоистъ, все обдумалъ, чтобы устроить для насъ счастливое будущее; но чтобы оно было такъ райски-блаженно, какъ я мечтаю,—это въ рукахъ моей второй жены.

ХОЛОСТЯКЪ.

Года бѣгутъ и все страшнѣй
Мнѣ та пора, когда безъ сллы,
Похоронивъ бывшихъ друзей,
Утративъ все, что было мило,
Бродя, какъ тѣнь, среди людей,
Я буду ждать—одной могилы.

Всѣмъ чуждый, старый холостякъ,
Забитый въ хаосъ столицы,
Увижу я чужой очагъ
Съ дѣтми и съ матерью-царицей
И взглядомъ зависти, какъ врагъ,
Смущу ихъ радостныя лица.

Умъ, утомясь среди тревогъ,
Начнетъ смотрѣть на все пугливо—
На бурный жизненный потокъ,
На беззавѣтные порывы,
И съ злобой выскажетъ упрекъ
Всему, что молодо и живо.

Быть можетъ, долго буду я
Среди страданія и скуки
Лежать и чуждая семья,
Смотря съ холодностью на муки,
Шептаться станеть про меня:
„Когда-жь онъ намъ развяжетъ руки?“

.

ЖИЗНЬ ГОРОДОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

V.

Внѣшняя жизнь городовъ такъ разнообразна, они состоятъ изъ такого множества частей, что, рисуя эскизъ этой жизни, необходимо принять какую-нибудь систему, которая дала бы возможность сгруппировать всѣ явленія, всѣ отдѣльные факты. Я намѣренъ сначала сказать о внѣшнемъ городѣ, объ улицахъ, садахъ, площадяхъ; потомъ я коснусь подземнаго города, водопроводовъ, кладбищъ; наконецъ послѣднюю часть моего очерка займетъ описаніе зданій, жилищъ. Я пишу не многотомное изслѣдованіе, а простые журнальные очерки и потому о многомъ мнѣ придется сказать вскользь, многое придется пропустить безъ вниманія, но, тѣмъ не менѣе, общій характеръ отношенія городовъ къ требованіямъ гигиены будетъ ясенъ: этотъ характеръ проглядываетъ во всемъ и всегда и для ознакомленія съ нимъ достаточно знать хотя нѣсколько фактовъ.

Говоря о гигиеническихъ условіяхъ жизни городовъ, прежде всего нужно-бы было коснуться вопроса собственно о мѣстности, среди которой построены города. Самая мѣстность городовъ иногда нездорова и служитъ не малою причиною въ дѣлѣ гибели здоровья населенія. Но, конечно, не могутъ же города быть перенесены на другія мѣста и потому эту часть вопроса приходится обходить, замѣтивъ только, что городамъ, помѣщающимся въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, нужно употреблять болѣе усилій для оздоровленія, чѣмъ городамъ, помѣщающимся среди здоровыхъ мѣстностей. Такъ городу, основанному на болотѣ

предстоитъ болѣе хлопотъ въ дѣлѣ оздоровленія, чѣмъ городу, построенному среди сухой мѣстности, и тому подобное. Вслѣдъ за вопросомъ о мѣстоположеніи городовъ, идетъ вопросъ о расположеніи улицъ. Улицы не только служатъ для удобнаго сообщенія въ городахъ, но онѣ являются проводниками воздуха, онѣ могутъ сдѣлать городской воздухъ болѣе холоднымъ или болѣе теплымъ, онѣ могутъ повліять на распредѣленіе свѣта и т. д. Длина улицъ была-бы безразлична въ гигиеническомъ отношеніи, если-бы всѣ длинныя улицы были перерѣзаны частыми площадями и скверами—этими резервуарами воздуха и свѣта и если-бы частыя перекрестныя улицы давали возможность для лучшей вентиляціи улицъ и удобнѣйшаго сообщенія. Въ главныхъ городахъ Европы и Америки самыя большія улицы простираются отъ 500 метровъ до 1 километра, но нѣкоторыя улицы черезчуръ сильно превзошли эту длину. Такъ въ Парижѣ 8 улицъ имѣютъ каждая болѣе 2 километровъ длины, а Оксфордская улица въ Лондонѣ со своими непосредственными продолженіями превзошла всѣ другія улицы въ мірѣ и простирается на 17 километровъ и перерѣзаетъ весь городъ. Этими длинными улицамъ всегда можно предпочесть въ гигиеническомъ отношеніи короткія улицы, дающія болѣе возможности для вентиляціи. Но гораздо болѣе значенія имѣетъ ширина улицъ. Древнія улицы въ южныхъ городахъ Европы, въ этой колыбели европейской цивилизаціи, были узкія, отъ 4 до 7 метровъ ширины; это дѣлалось для спасенія отъ излишняго солнечнаго жара и отъ пыли. Но эти-же узкія улицы перенеслись потомъ и въ другіе города западной Европы, хотя здѣсь уже ощущался и безъ того недостатокъ солнца и излишекъ не пыли, а сырости. Когда начались перестройки въ Парижѣ,—въ немъ были проведены очень широкія улицы, стоявшія громадныя затраты. Это было вызвано не столько сознаніемъ гигиеническихъ требованій, сколько желаніемъ блеснуть нѣсколькими красивыми бульварами и потому, когда одна часть города украшалась, другія оставались въ прежнемъ запущеніи. Этотъ примѣръ не остался безъ подражаній. Другіе города Франціи стали подражать столицѣ, не справляясь со своими средствами и не соображаясь съ климатомъ,—и вотъ въ нихъ возникли улицы въ 20 метровъ ширины, тогда какъ въ тѣхъ-же городахъ оставались цѣлыя массы переулковъ въ 3 ■

6 метровъ ширины. Тутъ была сдѣлана двойная ошибка: вмѣсто гигиеническихъ цѣлей на первый планъ выступали претензіи роскоши и расточительности, вмѣсто оздоровленія всего города деньги затрачивались на прихотливое украшеніе одной части города излишне широкимъ проспектомъ, тогда какъ другія части города оставались въ старомъ труппномъ состояніи. Бюджеты городовъ обременялись долгами; расходы падали всею тяжестью на бѣдное населеніе, которое даже не имѣло удовольствія жить на широкихъ улицахъ, такъ какъ здѣсь квартиры были страшно дороги. Вслѣдствіе этого вмѣсто пользы приносился вредъ. Фонсагривъ принимаетъ за норму для южныхъ городовъ ширину улицъ maximum, а для сѣверныхъ minimum въ 12 метровъ. Если же, говоритъ онъ, на югѣ будутъ проведены улицы шире, то нужно дѣлать, какъ въ Туринѣ, въ Алжирѣ, навѣсы, аркады или portici. На сѣверѣ же желательно имѣть какъ можно болѣе улицъ въ 14, 15 и даже 20 метровъ ширины. Въ Парижѣ теперь есть улицы, Кастильоне, Мира, Риволи, Рояль, С. Оноре, имѣющія 22 метра ширины, улица-же Тронше имѣетъ 28 метровъ ширины. Но если на югѣ принять за maximum 12 метровъ ширины для улицъ, то онѣ не могутъ быть уже 8 метровъ и, конечно, никакъ нельзя назвать въ Монпелье здоровою улицу Шаррю, имѣющую отъ 1 метра 75 до 2 метровъ 40, или улицу Эволь-Мажъ, имѣющую отъ 2 метровъ 20 до 3 метровъ ширины. И еще въ одной изъ этихъ улицъ находится госпиталь! Хорошо долженъ быть здѣсь воздухъ, отравляемый узкостью улицы и госпиталемъ. Нужно, конечно, уничтожить такъ называемые „глухіе переулки“ или „тупики“ и пассажи: и тѣ и другіе совершенно противны гигиеническимъ требованіямъ, а тупики, кромѣ того, и неудобны для сообщенія. О воздухѣ пассажировъ мы, петербуржцы, можемъ судить по нашему пассажиру, гдѣ иногда, особенно лѣтомъ, трудно дышать послѣ свѣжаго воздуха: здѣсь смѣшиваются всевозможные запахи и миазмы, начиная съ запаха газа и керосина и кончая запахомъ покойныхъ ямъ. А между тѣмъ даже въ Парижѣ осталось еще 208 глухихъ переулковъ и 255 пассажировъ! Тупики уцѣлѣли потому, что кто же станетъ заботиться о захолустныхъ частяхъ города, а пассажи строятся потому, что они красивы, а люди, какъ дѣти, любятъ погремушки.

Рядомъ съ вопросомъ о ширинѣ улицъ идетъ вопросъ о вышинѣ домовъ: широкая улица съ чрезмѣрно высокими домами можетъ быть нездоровѣе узенькой улицы съ очень низкими домами и на оборотъ. Еще Августъ ограничилъ въ Римѣ вышину домовъ 20 метрами 6, а Неронъ уменьшилъ ее до 17 метровъ 7. Въ настоящее время въ Парижѣ въ улицѣ въ 9 метровъ 42 шириною дома не могутъ быть выше 17 метровъ 54. Эта статья закона далеко не удовлетворительна, такъ какъ вообще гигиенисты полагаютъ, что дома своею вышиною не должны превосходить ширину улицъ. Къ сожалѣнію, это правило соблюдается съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже, такъ какъ ширина улицъ, по необходимости, не увеличивается, а дома растутъ все выше и выше. Домовладѣльцы стремятся извлекать все болѣе и болѣе выгодъ изъ своей поземельной собственности и, кажется, были-бы готовы воздвигнуть десяти-этажные дома, если-бы имъ дали на это разрѣшеніе. Довольно взглянуть на какой-нибудь Вознесенскій проспектъ, чтобы понять, какъ далеко устройство этой улицы отъ идеала гигиенистовъ. Самыя дурныя улицы въ этомъ отношеніи существуютъ въ Единбургѣ и въ Лионѣ, гдѣ очень высоки дома, достигающіе иногда до девяти этажей: здѣсь въ улицахъ видно господство не солнца и кислорода, а чернаго дыма и тумана.

Большое значеніе имѣеть и мостовая. Это понимали уже въ древности и любопытно посмотрѣть, какъ были устроены мостовыя въ старой Италіи. Память о нихъ сохранилась не только на бумагѣ,—Помпея, отрытая черезъ сотни лѣтъ изъ подъ груды пепла и земли, даетъ намъ ясное понятіе объ этомъ предметѣ. Эта мостовая состояла изъ большихъ многоугольниковъ лавы Везувія, скрѣпленныхъ между собою желѣзными скобами. Съ обѣихъ сторонъ улицы существовали тротуары, устройство которыхъ зависѣло отъ вкуса домовладѣльцевъ: кирпичъ, мраморъ, грубая мозаика, opus signinum, т. е. толченая черепица, залитая известью, все это шло на устройство тротуаровъ, представлявшихъ большое разнообразіе. По тротуарамъ и теперь можно узнать, гдѣ начинались въ Помпеѣ владѣнія одного хозяина и гдѣ кончались владѣнія другого. Послѣ введенія христіанства и нашествія варваровъ, какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, гигиена городовъ пришла въ упадокъ вообще; пришли въ упа-

докъ и такія удобства городского устройства, какъ мостовныя. Улицы городовъ оставались въ первобытномъ состояніи, ослѣпляя глаза пылью во время засухи и затопля грязью во время дождей. При отсутствіи мостовыхъ и тротуаровъ трудно было соблюдать чистоту и потому всевозможныя нечистоты валялись и гнили на этихъ улицахъ. Иногда эти улицы были просто непроходимы и представлялись сплошной полойной ямой. „Занятый великими планами, Филиппъ-Августъ, говорить одинъ историкъ, гулялъ однажды по своему королевскому дворцу и приблизился къ окну, у котораго онъ часто ставалъ, развлекаясь разсматриваньемъ видовъ на Сенъ. Въ это время ѣхали повозки, запряженныя многими лошадьми, едва тащившимся по улицѣ и мѣсившими грязь, которая издавала отвратительный запахъ. Король не выдержалъ и отошелъ отъ окна, но зловоніе преслѣдовало его даже и во внутреннихъ покояхъ. Съ этой минуты онъ задумалъ очень трудный, но очень необходимый планъ,—планъ, который не рѣшались исполнить его предшественники, вслѣдствіе большихъ расходовъ и важныхъ препятствій. Онъ создалъ буржуазію и претовъ города и своею королевскою властью приказалъ вымостить всѣ улицы и дороги города большими и крѣпкими камнями“. Такъ возникъ въ 1185 году въ Парижѣ знаменитый „королевскій перекрестокъ“, т. е. мостовая двухъ улицъ, перекрещивающихся у дворца: не порази обонянія короля эти повозки, всколыхавшія грязь, и, можетъ-быть, Парижъ утонулъ-бы въ ней еще пятьдесятъ, сто лѣтъ. Прежде чѣмъ появились въ Парижѣ эти первые зачатки мостовой, должно было пройти много вѣковъ, втеченіи которыхъ парижанъ отравляли зловоніе, грязь, пыль и тому подобныя неудобства, соединенныя съ отсутствіемъ мостовой. Съ этой поръ въ Парижѣ начали заботиться о мостовыхъ, но и теперь еще не найдено способа прочно и дешево мостить улицы. Различныхъ системъ мощенія улицъ существуетъ много, но куда еще не рѣшено, какой способъ удобнѣе, хотя вообще всѣ начинаютъ склоняться, главнымъ образомъ, въ пользу асфальтовыхъ мостовыхъ. Главныя способы мощенія улицъ, существующіе теперь, это: мощеніе булыжникомъ, выстилка плитою, шоссе по системѣ Макъ-Адама, т. е. устилка улицъ битымъ камнемъ, покрываніе улицъ асфальтомъ или цементомъ, наконецъ, торцовая, чугунная и тому по-

добныя мостовыя. Замѣчательно, что намъ принадлежитъ изобрѣтеніе торцовой, деревянной мостовой, а между тѣмъ гигиенисты имѣютъ основаніе говорить, что именно эта мостовая менѣ всего здорова въ болотистыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ она удерживаетъ въ себѣ сырость, и распространяетъ зловоніе и эта-то мостовая является на главныхъ улицахъ Петербурга. О томъ, что эта мостовая дѣйствительно сохраняетъ зловоніе и запахъ впитывающихся въ нее веществъ, можно судить, пройдя по Невскому въ солнечный день тотчасъ послѣ поливки мостовой; запахъ здѣсь ощутительнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой мѣстѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія стала сильно прививаться въ Лондонѣ, а потомъ и въ Парижѣ система Макъ-Адама, т. е. шоссированіе дорогъ. Этотъ способъ очень недорогъ и удобенъ, особенно при умѣнши поддерживать шоссе и исправлять его менѣ примитивными способомъ, чѣмъ это дѣлается у насъ, гдѣ шоссе является дѣйствительно невыносимымъ. Такъ, напримѣръ, у насъ не введено немедленное укатыванье починаемаго шоссе при помощи паровыхъ машинъ и каждому изъ насъ приходилось выносить втеченіи нѣсколькихъ дней пытку ѣзды по насыпанному, но не укатанному, какъ слѣдуетъ, шоссе, тогда-какъ въ Парижѣ починка производится втеченіи одной ночи и на другой день поправленное мѣсто уже не визжитъ и не скрипитъ подъ колесами экипажей и не мучаетъ лошадей выдающимися и выскакивающими подъ копытами осколками камней. Вслѣдствіе нашего неумѣнья поддерживать шоссе, оно у насъ и портится такъ скоро и, не столько укатанное, сколько утоптанное лошадьми, представляетъ массу ухабовъ и выбоинъ. Но шоссе имѣетъ свои неудобства; его нужно часто мести для удаленія пыли и грязи, его нужно часто поливать въ сухую погоду и, кромѣ того, въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, его нужно передѣлывать совершенно каждые три года. Въ послѣдніе годы асфальтъ началъ изгонять шоссированныя дороги въ Парижѣ и въ Лондонѣ и въ первомъ изъ этихъ городовъ есть уже отъ 5 до 6 километровъ улицъ, покрытыхъ асфальтомъ. Но сначала въ Парижѣ распускали асфальтъ, какъ это дѣлаютъ у насъ и до сихъ поръ, на улицахъ и вслѣдствіе этого распространяли очень непріятные для окрестныхъ жителей дымъ и запахъ. Это не могло не вызвать ропота и злобъ у тѣхъ, кому

приходилось, какъ жителямъ Малой Садовой въ прошломъ году, вдыхать втеченіи десятковъ дней отвратительнѣйшій воздухъ. Но въ Парижѣ въ настоящее время уже введенъ болѣе удобный способъ и асфальтъ привозится горячій на мѣсто и не мучаетъ жителей ни продолжительнымъ дымомъ, ни продолжительной вонью. Въ послѣднее время система асфальтовыхъ мостовыхъ начала сливаться съ шоссе, т.-е. битые камни или бетонъ заливаются асфальтомъ. Заливаніе португальскимъ цементомъ улицъ то-же начало вводиться въ Европѣ и главныя улицы Гренобла представляютъ образцовыя мостовыя въ этомъ родѣ. Эта система была-бы, можетъ быть, самою лучшею и самою прочною, если-бы цементъ не былъ слишкомъ скользокъ во время мелкихъ дождей и если-бы онъ не представлялъ затрудненій по своей крѣпости при мѣстныхъ починкахъ разныхъ подземныхъ трубъ. Вообще этотъ родъ мостовыхъ ждетъ еще усовершенствованій въ будущемъ. Превосходныя и прочныя чугуныя мостовыя, къ сожалѣнію, очень дороги.

Какъ необходимое дополненіе мостовыхъ и тротуаровъ, являются фонтаны-тумбы. При помощи ихъ можно поливать и обмывать улицы и если городъ хочетъ быть нѣсколько здоровѣе, то онъ долженъ строго слѣдить за обмываніемъ улицъ и за тѣмъ, чтобы это обмываніе было не простымъ официальнымъ исполненіемъ полицейскихъ распоряженій, а дѣйствительною гигиеническою мѣрою. Вѣдь нельзя-же сказать, что улицы будутъ чище, что пыли будетъ меньше, если какой-нибудь дворникъ выльетъ на мостовую двѣ банныя шайки грязной воды? Вѣдь нельзя-же думать, что городу будетъ полезно, если около рынковъ будутъ разливать на мостовую зеленщики и другіе лавочники протухлый расолъ отъ селедокъ, кислой капусты, соленыхъ огурцовъ и т. п? А все это до сихъ поръ еще дѣлается у насъ во многихъ улицахъ Петербурга и потому-то лѣтомъ у насъ стоитъ такая пыль, слышится такая вонь. Что за воздухъ на Сѣнной, около Никольскаго, Пустого, Мытнаго и другихъ рынковъ? Вы пожимаете плечами, когда „Петербургскій листокъ“ „обличаетъ“ эти „мелочи“; вы презрительно относитесь къ людямъ, слѣдящимъ за этою „грязью“; но повѣрьте, что эти мелочи, эта грязь отзываются на вашемъ здоровьи, на здоровьи вашихъ дѣтей, что каждое подобное „обличеніе“, какъ-бы ни было оно, по-

видимому, мелочно, способствуетъ, если его не пропустить мимо ушей, оздоровленію города, т.-е. способствуетъ и лично вашему здоровью. Мы пороку готовы называть подобныя статейки чѣмъ-то въ родѣ „сплетень“ и „личностей“, но именно изъ такихъ „сплетень“ и „личностей“ возникли тѣ замѣчательныя изслѣдованія, которыми обязана Европа Гринвуду, Мегью и которые глубоко уважаются англичанами, понимающими ихъ практическую пользу. Чѣмъ ближе, чѣмъ глубже мы изучимъ свою повседневную жизнь, тѣмъ легче будетъ намъ исправить сотни мелочей, мѣшающихъ нашему здоровью.

VI.

Европейскіе города только теперь начинаютъ освобождать свои главныя улицы отъ пыли, грязи и снѣга, соблюдая нѣкоторую чистоту и затрачивая на этотъ предметъ большія суммы. Но эта чистота соблюдается далеко не во всѣхъ кварталахъ, какъ мы увидимъ ниже, и далеко не во всѣхъ городахъ. Относительно чистотою пользуются только главныя улицы, главные кварталы и главные города. Но рядомъ съ вопросомъ о пыли, сорѣ и снѣгѣ идетъ вопросъ о предметѣ, о которомъ не принято говорить въ „порядочномъ“ обществѣ и который, вѣроятно, именно вслѣдствіе этого сильнѣе всего бьетъ намъ въ глаза на каждомъ шагу и заражаетъ разные переулки, площади, кварталы. Мы хотимъ сказать объ отсутствіи общественныхъ отхожихъ мѣстъ и о сопряженныхъ съ этимъ неудобствахъ. Забудемъ на минуту о неприличіи предмета и поговоримъ о немъ.

Этотъ предметъ занималъ, конечно, и древній цивилизованный міръ, любившій чистоту городовъ. Въ Помпеѣ ставили стѣны подъ охрану боговъ, рисовали на нихъ священныя изображенія, дѣлали надписи съ именами боговъ, чтобы застраховать эти стѣны отъ людской нечистоплотности. На нарушителей чистоплотности призывался гнѣвъ Юпитера, Юноны и двѣнадцати боговъ, какъ гласила надпись на термахъ Траяна. Быть можетъ, эти увѣщеванія и не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но давно прошли эти времена и никакое заклинаніе не остановитъ теперь

человѣка, если около этого заклинанія не будетъ стоять какой-нибудь полицейскій со своимъ роковымъ свисткомъ. Въ новѣйшихъ европейскихъ городахъ особенно на югѣ или тамъ, гдѣ много солдатъ, матросовъ, рабочаго люда, есть цѣлые кварталы, цѣлыя улицы, набережныя, представляющія нѣчто въ родѣ сплошнаго отхожаго мѣста. Не говоря уже о томъ, что въ этихъ мѣстахъ женщина постоянно рискуетъ натѣпуться на неприличныя сцены, нужно сказать, что здѣсь скверно дышать даже и зимою; весною-же воздухъ здѣсь окончателно заражается самыми злокачественными испареніями. Но такія излюбленныя мѣста грязи вы встрѣтите не только въ маленькаxъ городахъ или отдаленныхъ отъ центра города кварталахъ, нѣтъ, они встрѣчаются вездѣ. Такъ, въ Петербургѣ было подобное мѣсто за публичной библіотекой, затоплявшее подвалъ библіотеки; въ настоящее время вы увидите подобное мѣсто противъ Преображенскаго собора у закрытыхъ воротъ жандармскихъ казармъ; подобнымъ мѣстомъ является площадь противъ 6-й гимназіи; Щербаконь переулокъ почти весь является такимъ мѣстомъ; наконецъ, переулокъ противъ Соловьевскаго сквера и набережная за литейнымъ мостомъ—обращены въ сплошныя отхожія мѣста, а между тѣмъ около всѣхъ этихъ мѣстъ живутъ люди, здѣсь проходятъ массы народа. Тутъ дѣло идетъ не о простой щепетильности, не о простомъ „неприличіи“, не о какой-нибудь институтской гадливости, а просто о здоровьи города. Но европейскіе города, привлекая къ себѣ массы населенія, не подумали даже о томъ, что нужно устроить публичныя отхожія мѣста для этихъ массъ, иногда ночующихъ подъ открытымъ небомъ, не имѣющихъ угла и прибывающихъ изъ деревень, гдѣ живетъ просто, безъ всякихъ удобствъ, гдѣ все сходитъ съ рукъ при помощи благодѣтельной природы. Когда-же эти массы начали грязнить городскія улицы и площади, стѣны домовъ и заборы садовъ, то города начали издавать строгія предписанія. Но какъ-бы ни были строги эти предписанія, исполненіе ихъ было невозможно. Это понимали даже тѣ лица, которыя дѣлали предписанія, потому что каждому изъ нихъ приходилось хоть разъ въ жизни сдѣлаться нарушителемъ своего собственнаго предписанія. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи начали сознавать, что въ этому дѣлу слѣдуетъ отнестись иначе, что

нужно построить общественныя отхожія мѣста съ хорошей вентиляціей, съ хорошими водопроводами. А между тѣмъ „великииъ“ старымъ администраторамъ можно было, повидимому, понять эту „великую“ истину нѣсколько раньше, такъ-какъ даже въ древнѣйшій Римъ уже существовали подобныя учрежденія—*forica*—на форумахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ съ входящихъ взималась извѣстная плата. Впереди всѣхъ другихъ городовъ въ этомъ отношеніи стоитъ Парижъ, но и въ немъ на 850 километровъ всего протяженія публичныхъ дорогъ и на 1,825,274 человекъ жителей существуетъ около 687 публичныхъ отхожихъ мѣстъ, т. е. 1 мѣсто на 1,230 метровъ дороги и на 2,657 жителей: это недостаточно. Но все-же это нѣсколько больше, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ для населенія, положимъ даже въ 700,000 человекъ существуетъ 4 публичныхъ отхожихъ мѣста, т. е. 1 мѣсто на 175,000 человекъ: это уже совсѣмъ мало.

Сады—эти легкія городовъ—считались древними необходимою принадлежностью города. Всѣ знаютъ рассказы о всякихъ садахъ Вавилона, объ этомъ чудѣ минувшихъ вѣковъ, созданномъ, по словамъ Діодора Сицилійскаго, однимъ изъ сирійскихъ царей въ угоду своей любовницѣ, случавшей по зеленымъ горамъ своей родной Персіи. Римляне считали лѣса и деревья значительныхъ размѣровъ чѣмъ-то святымъ. Это-же уваженіе встрѣчается почти у всѣхъ варварскихъ народовъ, у древнихъ германцевъ, галловъ, англо-саксовъ, славянъ. Но, по мѣрѣ того, какъ выстраивались европейскіе города, деревья истреблялись все болѣе и болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникали эти города. Стараніе извлечь какъ можно болѣе выгодъ изъ своей городской поземельной собственности и возвести на мѣстѣ сада—домъ; привычка проводить узенькія улицы, не допускающія разведенія деревьевъ; необходимость добывать подешевле топливо, заставлявшая не только срубать старыя деревья въ своемъ саду, но даже истреблять всѣ молодыя побѣги деревьевъ, наконецъ, прихоть разныхъ префектовъ, мэровъ и правителей городовъ, приказывавшихъ очищать улицы отъ деревьевъ, палисадниковъ и кустарниковъ, все это вмѣстѣ уничтожало въ городахъ всякую растительность. Но этого мало. Съ развитіемъ промышленности, заводовъ и фабрикъ, уходъ за деревьями дѣлался въ городахъ все труднѣе и труднѣе: деревья

не могли уже расти безъ ухода подѣ вѣчной пылью и копотью отъ фабрикъ и заводовъ и большіе промышленные города стали представлять самый жалкій видъ, не давая возможности глазу отдохнуть на зелени деревьевъ, не давая возможности усталому и измученному жаромъ труженнику отдохнуть подѣ живительною тѣнью садовъ. Правда, сады оставались во многихъ большихъ западно-европейскихъ городахъ въ видѣ общественныхъ садовъ, въ видѣ садовъ при замкахъ, но у входовъ этихъ садовъ появлялись надписи: „входъ открытъ для людей въ приличной одеждѣ“, или „входъ по билетамъ“, или „гуляющіе не допускаются въ блузахъ“ и т. д. Говоря другими словами, эти сады сдѣлались доступными именно для тѣхъ классовъ общества, которые дышатъ наиболѣе чистымъ воздухомъ, которые имѣютъ возможность развести свои сады, которые не могутъ считать сады своею насущною потребностью и которыхъ садъ не спасаетъ отъ кабака, трактира, публичнаго дома. Посѣщеніе этихъ садовъ сдѣлалось привилегіей и потому они на половину и даже болѣе потеряли свое значеніе, какъ гигиеническое, а значитъ и морализующее учрежденіе города. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи стали сильно настаивать на необходимости садовъ и деревьевъ въ городахъ. Французъ Шеврель былъ одинъ изъ первыхъ гигиенистовъ, указывавшихъ на пользу садовъ и его мнѣніе теперь признается большинствомъ, несмотря на возраженія немногихъ медиковъ въ родѣ Жаннеля, старающагося доказать ничтожность вліянія деревьевъ въ дѣлѣ поглощенія угольной кислоты. Но если-бы даже и не было очень основательно опровергнуто его мнѣніе, то и тогда сады должны-бы считаться благотворными, такъ-какъ среди нихъ все-таки чище воздухъ въ промышленныхъ городахъ: сады не пропускаютъ въ себя всей копоти и дыма и даютъ тѣнь десяткамъ тѣхъ работающихъ людей, которые, при отсутствіи садовъ, поневолѣ бѣгутъ подѣ гостепріимный кровъ кабаковъ. Сознавъ снова всю пользу садовъ, общество начало разводить какъ частные, такъ и общественные сады. Дома, въ родѣ дешевыхъ мюльгаузенскихъ домовъ, стали выстроиваться съ садами, на площадяхъ начали возникать скверы.

Главная дѣятельность по этому предмету началась въ шестидесятыхъ годахъ въ Парижѣ. Въ 1868 году сѣнскій префектъ

насчитывалъ 1,783 гектара поверхности парковъ и скверовъ въ Парижѣ: изъ этого числа 87 гектаровъ уходили подъ 72 сквера и засаженныя деревьями площадки, 25 подъ помонскіе холмы, 8 подъ паркъ Монсо, 18 подъ паркъ Монтсури, 800 подъ венсенскій лѣсъ и 847 подъ булонскій лѣсъ, искалеченныя деревья котораго напоминаютъ теперь мучительный крикъ Вергилія по поводу сгубленной жатвы: „Barbarus has segetes“!.. Потому-же отчету 131 километръ улицъ былъ засаженъ 96,000 деревьями. Расходы на поддержаніе парковъ и скверовъ доходили до 325,000 фр. въ годъ или 40 сантимовъ на квадратный метръ. Въ 1872 году на бульварахъ было 102,154 дерева. Каждое дерево обходилось въ 184 франка. Повидимому, эта цѣна очень велика, но нужно замѣтить, что деревья въ Парижѣ сажались не кое-какъ, не на годъ, не на два. Съ деревомъ привозилось 15 кубическихъ метровъ вырытой земли; около cadaго дерева устраивался особый дренажъ; вездѣ дѣлались у деревьевъ плоскія рѣшетки и т. д. Всѣ дороги болѣе 26 метровъ шириною усаживались однимъ рядомъ деревьевъ съ каждой стороны; всѣ дороги болѣе 36 метровъ шириною усаживались двумя рядами деревьевъ съ каждой стороны и т. д.

Лондонъ тоже сталъ заботиться о перенесеніи въ городъ этой благодѣтельной роскоши деревень, хотя у него далеко не такъ много бульваровъ, какъ въ Парижѣ. Но все-же его парки даютъ убѣжище отъ дыма и копоти; главные изъ этихъ парковъ Сентъ-Джемсъ Паркъ, Гайдъ-Паркъ, Реджентъ-Паркъ и Гринвичъ-Паркъ. Другіе большіе города Англіи тоже начали основывать подобныя парки и скверы и въ этомъ отношеніи нельзя не упомянуть о благодѣтельномъ учрежденіи фабриканта сэра Тита Сальта въ Лидсѣ. Онъ потратилъ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы дать возможность своимъ фабричнымъ гулять и наслаждаться чистымъ воздухомъ въ паркѣ, подъ который ушло около пяти гектаровъ земли, засаженной деревьями и снабженной разлячными играми. Этотъ паркъ именно тѣмъ и замѣчательнъ, что онъ не предназначенъ исключительно для привилегированныхъ классовъ, а имѣетъ въ виду именно простой народъ, болѣе всего нуждающійся въ чистомъ воздухѣ. Въ Нью-Йоркѣ существуетъ двадцать три парка, занимающихъ 403 гектара пространства.

Главный его паркъ занимаетъ 344 гектара; изъ числа ихъ 17 заняты прудами; 71 километръ занимаютъ дороги для проѣзжающихъ въ экипажахъ; 8,849 метровъ заняты дорогами для ѣздящихъ верхомъ и 45 километровъ заняты дорогами для пѣшеходовъ. Здѣсь особенно замѣчательно, что расходы на паркъ покрываются съ избыткомъ доставляемыми имъ доходами и потому его содержаніе не обременяетъ города. Въ 1870 году число посѣщавшихъ паркъ лицъ въ экипажахъ доходило до 112,245 человекъ. Въ Туринѣ бульвары занимаютъ 36 километровъ въ длину и имѣютъ до 18,500 деревьевъ. Тиргартенъ въ Берлинѣ имѣетъ одно лѣ въ длину и одно лѣ съ четвертью въ ширину и т. д.

Но всѣ эти парки, скверы и бульвары далеко еще недостаточны и скорѣе являются исключеніями, чѣмъ общимъ правиломъ. У насъ въ Петербургѣ въ послѣднее время стали тоже разводить скверы и, надо думать, что это дѣлается съ сознаниемъ гигиеническихъ потребностей города и потому дѣлается не на годъ, не на два. Это очень важно, такъ-какъ Петербургъ уже пережилъ не разъ то время, когда его украшали деревьями; но тогда это дѣлалось безъ сознанія гигиенической пользы деревъ и потому насаженные деревья черезъ нѣсколько лѣтъ уничтожались снова. Многіе еще помнятъ бульваръ на Невскомъ проспектѣ посрединѣ; многіе помнятъ липы на Невскомъ проспектѣ по бокамъ; многіе помнятъ, когда измайловскій полкъ утопалъ въ зелени, которую потомъ истребили, теперь-же у казармъ этого полка красуются садикъ. Можно надѣяться, что теперь, съ развитіемъ гигиеническихъ свѣденій, разводимые скверы и сады будутъ умножаться, а не станутъ исчезать на нашихъ-же глазахъ. При этомъ нужно замѣтить, что насаженіе у насъ деревьевъ не вездѣ такъ превосходно, какъ въ новомъ саду у Адмиралтейства. Такъ жалко видѣть деревья по дорогѣ къ Митрофаньевскому кладбищу. Для чего ихъ сажали? Или мало, что погибли всѣ липы на Обводномъ каналѣ по дорогѣ къ Гутуевскому острову? Затраты велики и ихъ нельзя дѣлать городу безъ серьезной цѣли. Но, конечно, число существующихъ у насъ садовъ и скверовъ далеко еще недостаточно и кромѣ того они не всѣ доступны для всѣхъ, такъ входъ въ Лѣтній и Таврическій сады ограни-

чень одеждою и, къ сожалѣнiю, зависить отъ прихотей сторожей.

Говоря о садахъ, Фонсагривъ касается мелькомъ необходимости въ городахъ скамеекъ, общественныхъ часовъ и кіосковъ съ книгами въ садахъ. Скамейки становятся, дѣйствительно, необходимою въ обширномъ городѣ: не всѣ люди могутъ ѣздить, не всѣ могутъ пройти большія разстоянiя безъ отдыха и если они платятъ городу извѣстныя суммы для его благоустройства, то они въ правѣ и требовать для себя извѣстныхъ удобствъ. Но скамьи необходимы во всемъ городѣ, а не гдѣ-нибудь исключительно, какъ покуда у насъ на Невскомъ проспектѣ и на Морской; онѣ необходимы въ большомъ количествѣ, иначе это выйдетъ ребяческая шалость, казовый конецъ. Въ Парижѣ это поняли и устроили 8,428 скамеекъ, содержанiе которыхъ обходилось по 4 франка въ годъ за каждую. Во время осады было уничтожено 3,000 скамеекъ и теперь стараются не только замѣстить ихъ, но и увеличить ихъ число. Часы въ садахъ являются тоже необходимыми: въ городѣ, не имѣя часовъ, вы еще можете узнать время у какого-нибудь часовщика, въ саду же вамъ придется угадывать время или справляться о немъ у прохожихъ. Трудящiйся людъ, вышедшiй на извѣстный срокъ погулять въ саду; ильнки, отпущенныя съ дѣтьми до извѣстнаго часа; люди, которые должны быть въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ въ назначенное время и зашедшiе въ садъ для отдыха, всѣ эти и тому подобныя личности нуждаются въ общественныхъ часахъ и содержанiе подобныхъ часовъ далеко не дорого; помѣстить же ихъ можно всегда, такъ-какъ въ садахъ есть сторожевыя будки. Не бесполезны были-бы и кіоски съ книгами и газетами, чтобы каждый могъ за не большую плату читать въ саду и не таскать съ собой книгу изъ дому. Особенно это было-бы хорошо у насъ, теперь же бывали случаи, какъ рассказывалось въ одномъ изъ фельетоновъ „Голоса“, что сторожа даже не пускали въ Лѣтнiй садъ тѣхъ, у кого были книги. Продажа молока, минеральныхъ водъ, устройство разныхъ игръ въ родѣ стрѣльбы въ цѣль, гимнастики, кеглей, все это въ сущности составляетъ необходимыя принадлежности садовъ и, къ сожалѣнiю, все это очень мало еще развито и если гдѣ и существуетъ, то только какъ образчикъ того, что должно-бы было существовать повсемѣстно.

VII.

Чѣмъ болѣе начинаютъ населяться главные европейскіе города, тѣмъ значительнѣе дѣлается движеніе по этимъ безчисленнымъ проспектамъ, улицамъ, переулкамъ, площадямъ. Любопытныя статистическія цифры представилъ Будэнъ уже въ 1851 году о движеніи на улицахъ Парижа. Въ этотъ годъ 22,948 экипажей перевозили ежедневно около 200,000 человѣкъ или 57,000,000 человѣкъ въ годъ. Кромѣ того 32,321 экипажъ служилъ для перевозки клади. Въ 1867 году въ Парижѣ было 6,509 общественныхъ дилижансовъ, омнибусовъ и т. п. Въ 1870 году въ Парижѣ было 640 омнибусовъ съ 8,215 лошадьми. Каждый изъ этихъ экипажей проѣзжалъ въ день 90 километровъ и каждая лошадь дѣлала 15 километровъ. Въ этихъ омнибусахъ въ годъ проѣхало 105,651,155 человѣкъ, т. е. по 300,000 человѣкъ въ день. Въ Лондонѣ въ 1872 году омнибусы употребляли въ дѣло 7,623 лошади. Въ Нью-Йоркѣ было 10,000 общественныхъ экипажей, 260 омнибусовъ и 1,200 экипажей для клади. По этимъ цифрамъ легко судить, какъ велико движеніе въ этихъ городахъ и какъ трудно пѣшеходу лавировать между этою массою каретъ, дилижансовъ, омнибусовъ и грузовыхъ экипажей. При такомъ движеніи очень легко могутъ происходить несчастные случаи и города почти ничего еще не сдѣлали для предотвращенія этихъ несчастныхъ случаевъ, хотя статистика со своей обычной невозмутимой доказательностью уже успѣла вычислить всѣ шансы давленія, на которые можетъ разсчитывать каждый пѣшеходъ. Въ Парижѣ число случаевъ давленія экипажами нѣсколько болѣе, чѣмъ одинъ на каждый день. Въ Лондонѣ втеченіе пятилѣтняго періода, оканчивающагося 1870 годомъ, было 533 человѣка давленныхъ до смерти и 7,494 человѣка раненныхъ и искалеченныхъ экипажами, т. е. въ годъ 106 человѣкъ умерло подъ лошадьми и 1,498 возвращались домой искалеченными, значить, на день приходилось болѣе четырехъ несчастныхъ случаевъ. Въ Нью-Йоркѣ, гдѣ человѣческая жизнь не особенно бережется, несчастныхъ случаевъ бываетъ вдвое больше, чѣмъ въ Лондонѣ.

Такимъ образомъ, въ этихъ трехъ городахъ около 3,000 человекъ имѣютъ несчастіе быть ежегодно искалеченными или убитыми подъ экипажами. Это не очень утѣшительно. Отъ несчастій, правда, спасаютъ отчасти тротуары, но они спасаютъ только *отчасти*. Однако, и тротуары, уже извѣстные въ древней Помпеѣ, начали вводиться въ европейскихъ городахъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ Лондонѣ они явились вездѣ только въ 1823 году. Новѣйшая Европа относительно городского благоустройства рѣшительно шла назадъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій и не могла припомнить всего того, что выработалъ въ этомъ отношеніи древній міръ. Но тротуары нѣсколько защищаютъ пѣшехода только около домовъ и викакъ не могутъ служить защитой на переходахъ съ одной стороны улицы на другую. Особенно-же опасны эти переходы на перекресткахъ большихъ улицъ. Конечно, каждый изъ насъ видалъ смущеніе женщинъ, старающихся перейти Невскій проспектъ у Гостиннаго двора или на углу Большой Морской и провожаемыхъ на другую сторону улицы подъ дышлами каретъ и подъ мордами рысаковъ услужливыми поллицейскимъ. Можетъ быть, мы даже не разъ смѣялись надъ ужасомъ этихъ „слабыхъ созданій“, но теперь доктора начинаютъ убѣждаться, что этотъ ужасъ начинается въ большихъ городахъ переходить въ серьезную болѣзнь. Недавно нѣмецкій докторъ Вестфаль публиковалъ свое изслѣдованіе нервной болѣзни, выражающейся чувствомъ страха и парализующей тоски, ощущаемомъ нѣкоторыми личностями, какъ только онѣ сходятъ съ тротуара для перехода улицы или площади. Онъ назвалъ эту болѣзнь агорафобіей. Ея изслѣдованіемъ занялся теперь Бенедиктъ, приписывающій ее аномальному устройству сѣтчатой оболочки глаза. Но развивается-ли эта болѣзнь отъ аномальнаго строенія глаза, является-ли она вслѣдствіи постоянного страха, переходящаго въ мацію, она все-таки есть явленіе, вызванное и поддерживаемое излишнимъ движеніемъ въ большихъ городахъ, — движеніемъ, для спасенія отъ котораго города не сдѣлали почти ничего: тротуары и тумбы у тротуаровъ, конечно, не могутъ служить даже защитой отъ взбѣсившейся лошади. Это обстоятельство навело на мысль устроить для пѣшеходовъ переходные мостики, подъ которыми могли-бы ѣздить экипажи, но несмотря на то, что эти мостики могли-бы обойтись очень не дорого, въ

Парижъ поговорили о нихъ и только. Улучшеній и приспособленій въ этомъ отношеніи приходится ждать отъ будущаго.

Кромѣ мостовъ для пѣшеходовъ, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ большіе города устроятъ подземныя или висячія желѣзныя дороги. Недавно уже въ Нью-Йоркѣ Вандербиттъ предложилъ устроить подземную желѣзную дорогу.⁴ Туннель ея будетъ открытъ въ Сити-Голль-Паркѣ и пройдетъ черезъ центральную улицу; на пути будетъ устроено десять станцій и вся дорога займетъ одну милю протяженія. Кромѣ того теперь-же проектируется въ этомъ городѣ висячая желѣзная дорога на аркахъ; каждая арка будетъ устроена на разстояніи 50 метровъ. При дорогѣ будетъ телеграфъ и пневматическій приѣмникъ для передачи писемъ и мелкихъ посыловъ. Расходы предполагаются по 500,000 долларовъ на милю. Кромѣ того въ большинствѣ большихъ городовъ начинаютъ все болѣе и болѣе заботиться о поясахъ желѣзныхъ дорогъ: при помощи поясныхъ, окружающихъ городъ, желѣзныхъ дорогъ, можно будетъ значительно уменьшить движеніе въ городѣ. Множество людей, только проѣзжающихъ черезъ городъ съ одной желѣзной дороги на другую, множество товаровъ, перевозимыхъ съ одной станціи на другую, могли-бы миновать городъ при помощи соединительныхъ между желѣзными дорогами линій. Желѣзнодорожныя дороги тоже могутъ служить не малымъ подспорьемъ для облегченія движенія. Проходя по одной линіи и не выбиваясь изъ своей колеи, ихъ вагоны не такъ опасны, какъ омнибусы и дилижансы.

Рядомъ съ вопросомъ о движеніи стоитъ вопросъ о шумѣ. Представьте себѣ провинціала, привыкшаго къ тихой и мирной жизни, перенесеннымъ куда-нибудь въ Парижъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ. Его положеніе достойно кисти Гогарта, остроумно изобразившаго впечатлѣніе, производимое на человѣка лондонскими „музыкантами“. Кто эти музыканты? Вотъ раздаются тяжелые звуки кузнечнаго молота, рядомъ, не останавливаясь, постукиваетъ своимъ молоткомъ сапожникъ, далѣе гремитъ мѣдникъ листами желѣза и мѣди, тутъ выкрикиваетъ мальчишка „вотъ спички духовныя, восковыя, безопасныя“, за нимъ медленно шествуетъ съ лоткомъ продавецъ ягодъ и кричитъ „малина садовая“, старая баба выкрикиваетъ гнусавымъ голосомъ „башмаковъ, башмаковъ“ гдѣ-то гремитъ барабанъ, дребезжатъ дрожки, кареты и коляски,

глухо рокочетъ возъ съ пустыми бочками, звонятъ колокола къ обѣдни и визжитъ и коетъ шарманка или заливается осипшій голосъ уличной пѣвицы. Мы, повидимому, привыкли ко всѣмъ этимъ звукамъ, мы, повидимому, не замѣчаемъ ихъ и спимъ спокойно подъ этотъ шумъ и гамъ. Нечего говорить о томъ, что этою привычкою мы только доказываемъ, что нашъ слухъ притупленъ, что мы уже не можемъ подобно первобытному человѣку, подобно дикарю уловить малѣйшіе оттѣнки звуковъ и угадать, приложивъ ухо къ землѣ, не крадется-ли кто вдали и кто именно, — но и самая наша привычка къ этому хаосу звуковъ, послѣ котораго на насъ не вліяютъ никакія оперы, если въ нихъ не введено сотни мѣдныхъ инструментовъ, десятка барабановъ и нѣсколькихъ колоколовъ, — эта привычка оказывается несостоятельною, когда намъ приходится слечь въ постель. Спросите, что чувствовали страдающіе ревматизмомъ или нервнымъ разстройствомъ, что чувствовали раненные, что чувствовали родильницы, когда ихъ дома дрожали отъ несущихся экипажей, когда ихъ оглушалъ внезапный барабанный бой, когда ихъ окны звенѣли отъ пушечныхъ выстрѣловъ, когда на ихъ дворѣ визжала дрянная скрипка, высвистывала ужасающія мелодіи флейты, изнывала за душу таяущій кларнетъ, сопровождаемые подвываніемъ сентиментальной дворовой собаки.

„Въ замѣкъ Геденъ, говоритъ Амбруазъ Паре, каждый пушечный выстрѣлъ, производилъ на раненныхъ такое-же дѣйствіе, какъ ударъ палкою по головѣ“. „Я лечилъ молодую провинціалку, говоритъ Фонсагривъ, у которой вслѣдствіе парижскаго шума сдѣлались опасные нервные припадки“. А сколько несчастныхъ случаевъ во время родовъ бываетъ отъ внезапнаго шума? Какъ вліяетъ онъ на дѣтей? Но гдѣ-же спасеніе отъ этого? Городамъ приходится, для избавленія себя отъ излишняго шума, подумать объ устройствѣ лучшихъ мостовыхъ: шоссе, асфальтъ, торцовая мостовая, чугунная мостовая спасаютъ отчасти отъ шума; желѣзно-конныя дороги, дѣлая ненужными дрожки и омнибусы, тоже способствуютъ къ удаленію шума; широкія улицы и невысокіе дома значительно меньше передаютъ звуки, чѣмъ узкія улицы и высокіе дома, дѣлающіе изъ улицъ какіе-то глухіе тоннели; наконецъ, во Франціи слишкомъ часто гремятъ барабаны, призывая солдатъ въ казармы, и этого можно было-бы

избѣжать; точно такъ-же можно избѣжать излишней пушечной стрѣльбы, дворовыхъ музыкантовъ, слишкомъ скорой ѣзды экипажей и т. д.

VIII.

Если въ чемъ нибудь новѣйшіе города очень сильно ушли впередъ въ сравненіи съ старыми городами, то это въ отношеніи освѣщенія.

Освѣщеніе городовъ не столько касается гигіены, сколько безопасности, непріятныхъ столкновеній и несчастныхъ случаевъ. Въ первое время ночное освѣщеніе городовъ было очень просто: ихъ освѣщала луна, — когда луны не было видно, города утопали во мракѣ, представляя много удобствъ для воровъ и бродягъ. Только въ 1524 году Францискъ I издалъ приказъ, чтобы горожане ставили въ окнахъ своихъ домовъ въ нижнемъ этажѣ зажженную свѣчку въ фонарѣ съ девяти часовъ вечера. Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1558 году, парламентъ приказалъ повѣсить на углахъ парижскихъ улицъ большіе фонари, если-же улица длинна, то фонари могли вѣшаться и по срединѣ улицы. Ихъ зажигали съ десяти часовъ вечера и гасили въ четыре часа утра. Скоро ихъ смѣнили новымъ образцомъ фонарей, но эти первыя попытки имѣли мало успѣха. Въ 1662 году были введены ручные фонари и факелы и только въ 1667 году были окончательно устроены въ Парижѣ общественные фонари. Ихъ было сдѣлано до 5000. Освѣщался городъ исключительно зимою, съ сентября по апрѣль. Примѣру Парижа послѣдовали и другіе важнѣйшіе города Франціи. Въ 1745 году висячіе фонари стали смѣняться фонарями на столбахъ. Уже въ 1799 году Филиппъ Лебонъ сдѣлалъ предложеніе освѣщать улицы газомъ, но его проектомъ воспользовались прежде всего не французы, а англичане. Уже въ 1802 году нѣкоторыя бирмингамскія фабрики и лондонскія улицы были освѣщены газомъ, а въ 1810 году уже рѣшились освѣтить газомъ весь Лондонъ. Въ Парижѣ только въ 1820 году удалось основать компанію для освѣщенія улицъ газомъ, но предпріятіе этой компаніи пошло въ ходъ не ранѣе 1829 года. Съ этой поры господство газа было упрочено. Въ

1855 году Парижъ уже потреблялъ 40 милліоновъ кубическихъ метровъ газа. Интересно взглянуть на быстроту возрастанія газового освѣщенія:

въ 1860 году	75,000,000	кубичес.	метровъ.
„ 1861 „	84,000,000	„	„
„ 1862 „	92,000,000	„	„
„ 1863 „	100,000,000	„	„
„ 1865 „	116,000,000	„	„
„ 1867 „	136,569,762	„	„

Такимъ образомъ, въ десять лѣтъ потребленія газа утроилось. Число газовыхъ рожковъ было:

въ 1860 году	21,248
„ 1867 „	35,617

Десять газовыхъ заводовъ заняли массу рукъ: 2,700 работниковъ, 500 зажигателей фонарей, 43 машины въ 500 лошадиныхъ силъ, 50 газометровъ, вмѣщавшихъ 350.000 кубическихъ метровъ, — вотъ что теперь понадобилось Парижу для ночного освѣщенія улицъ, довольствовавшихся когда-то однимъ маслянымъ фонаремъ на углу улицы.

Нѣкто Сервье составилъ таблицу, показывающую, сколько расходуется газа въ главныхъ городахъ Европы на каждого чело-вѣка. Изъ этой таблицы оказывается, что

въ Лондонѣ на 1 жителя	расходуется	63	куб. метра.
„ Берлинѣ „ „ „	„	79	„ „
„ Парижѣ „ „ „	„	63	„ „
„ Мадридѣ „ „ „	„	15	„ „

и т. д.

Всѣ эти цифры показываютъ, что ночное освѣщеніе городовъ начинается дѣлаться болѣе или менѣе удовлетворительнымъ. Это очень важно: едва-ли можно приписать одному усилію полицейскаго надзора то обстоятельство, что въ настоящее время въ большихъ европейскихъ городахъ случается на улицахъ ночью меньшее число тѣхъ дерзкихъ грабежей и убійствъ, которыми изобиловало старое время, — хорошо освѣщенная улица сама является въ нѣкоторой степени охранительницею проходящихъ; она даетъ имъ возможность быть осторожнѣе и заставляеть грабителя быть менѣе отважнымъ.

Но какъ-бы ни было хорошо газовое освѣщеніе, оно все-таки

заставляетъ гигиениста остановиться на слѣдующихъ вопросахъ: какъ вліяетъ оно на зрѣніе? на-сколько оно пропитываетъ почву отвратительнымъ запахомъ? на-сколько оно опасно въ дѣлѣ взрывовъ? какъ оно измѣняетъ атмосферу?

Что касается вліянія газа на зрѣніе, то оно далеко не благотворно, но это вредное вліяніе замѣтно только тогда, когда приходится работать при газовомъ освѣщеніи, а не тогда, когда оно служитъ просто для освѣщенія улицъ и разливаеетъ довольно равномерный свѣтъ. Гораздо сильнѣе замѣчается вліяніе газа на зараженіи воздуха есквернымъ запахомъ и главнымъ образомъ на отравленіи растительности. Запахъ газа кое-какъ еще ослабляютъ при помощи разныхъ способовъ, но уничтожить вліяніе газа на растительность до сихъ поръ не удалось и это чрезвычайно важно, такъ-какъ въ городахъ и безъ того деревья растутъ плохо. Въ 1862 г. началъ вянуть въ Парижѣ одинъ изъ итальянскихъ тополей, тогда какъ соуднее съ нимъ дерево было здорово. Это заставило Жирардена (изъ Лилля) сдѣлать изслѣдованіе земли изъ подъ обонихъ деревьевъ и оказалось, что земля около тополя была отравлена газомъ. Подобныя-же изслѣдованія были сдѣланы въ Тиргартенѣ, въ Берлинѣ. Противъ отравленія земли думали найдти спасеніе въ чугунныхъ трубахъ, но въ Гамбургѣ деревья продолжаютъ гибнуть отъ газа, хотя онъ проведенъ сквозъ чугунныя трубы. Это заставило въ Парижѣ дѣлать особый довольно сложный дренажъ для газа, чтобы удалить его вліяніе на деревья.

Взрывы газа довольно не рѣдки и особенно памятны взрывы газа на Васильевскомъ островѣ и на Аустерлицкомъ мосту въ 1855 году.

Фонсагривъ замѣчаетъ такъ-же, что чрезмѣрное количество сжигаемаго въ городахъ газа, придаетъ слишкомъ много жара температурѣ городовъ въ лѣтнее время. Все это заставляетъ думать, что, можетъ быть, со временемъ газъ вытѣснится электрическимъ освѣщеніемъ, надъ устройствомъ котораго работаютъ теперь многіе ученые. Но покуда приходится только разрабатывать разные способы, удаляющіе тѣ или другія вредныя вліянія газа.

На этомъ приходится остановиться въ описаніи внѣшнихъ частей города. Но нужно замѣтить, что не только многое упущено изъ вида, даже въ главныхъ городахъ западной Европы въ от-

ношеніи улицъ, садовъ, площадей и т. д., но что и въ этихъ городахъ есть цѣлыя кварталы, гдѣ почти ничего не сдѣлано для того, чтобы соблюсти хотя нѣсколько гигиеническія требованія. Если сравнить отдаленные кварталы западно-европейскихъ городовъ съ центральными, то мы увидимъ, что въ воздухѣ первыхъ заключается гораздо болѣе органическихъ веществъ, чѣмъ во вторыхъ. Одинъ изъ такихъ кварталовъ Лондона, Leven-Dials, представляетъ страшную картину, изображенную еще перомъ Диккенса. Непроходимая грязь стоитъ въ этихъ улицахъ. Цѣлыя кучи нечистоты виднѣются вездѣ. Жалкія лавчонки съ старьемъ, собраннымъ и выловленнымъ богъ-знаетъ гдѣ, тянутся здѣсь рядами: разноцвѣтныя и жалкія лохмотья, покрытое ржавчиной желѣзо, полусгнившія одежды и обувь неизвѣстныхъ эпохъ выставлены здѣсь для мнимой продажи. Все это, быть можетъ, взято отъ умершихъ въ заразительной болѣзни; все это, быть можетъ, хранить въ себѣ впитавшійся ядъ; все это пахнетъ гнилью и грязью, помойной ямой и сырымъ подваломъ. Отъ этихъ грязныхъ ямъ, называемыхъ лавками, несетъ нестерпимую воню. Рядомъ съ лавками помѣщаются кабаки, распространяющіе испаренія джина и водки, захватывающія духъ. Тутъ, въ раскрытыя двери видна черная блестящая грязь, оставленная и отполированная спинами посятителей этихъ мѣстъ. Вокъ о бокъ съ кабакомъ находятся на открытомъ воздухѣ лотки съ съѣстными припасами неизвѣстнаго рода, названія, цвѣта и запаха. Лѣстницы, выходящія на улицу, не знавшія никогда метлы, на-половину изломаны и издають запахъ отхожихъ мѣстъ. На окнахъ сушится разное тряпье, ватныя одѣяла, грязныя подушки, подстилки и лохмотья бѣлья, только-что выстираннаго и издающаго отвратительный ароматъ. Можно-бы наполнить цѣлыя томы описаніемъ этихъ кварталовъ главныхъ западно-европейскихъ городовъ, кварталовъ, которые у насъ можно встрѣтить развѣ только среди непривыкшаго къ чистотѣ и берегущаго всякій хламъ еврейскаго населенія въ Польшѣ. Впрочемъ, объ этихъ западно-европейскихъ трущобахъ, притонахъ пьянства, воровства и разврата, и были написаны цѣлыя томы; западно-европейская публика переплатила очень много денегъ за эти произведенія и если-бы она пожертвовала хотя половину этихъ денегъ на перестройку этихъ кварталовъ, то ихъ вѣрно давно-бы не существовало. Къ несчастію, ее интересуютъ

описанія этихъ кварталовъ и нисколько не интересуютъ сами эти кварталы. Коснувшись уличной грязи нѣкоторыхъ частей большихъ городовъ, я не могу не выписать одного очень комичнаго факта, касающагося грязи и приводимаго г. Цимерманомъ въ его книгѣ о „Соединенныхъ Штатахъ“.

„Блуждая въ толпѣ по кривымъ улицамъ старой части города, пишетъ онъ, мы прежде всего были поражены нескончаемою грязью на разбитой колесами мостовой, такъ что мѣстами нельзя было и разобрать, имѣлась-ли тамъ вообще какая-нибудь мостовая. Проходя осторожно по тротуару, мы невольно остановились передъ кучею весьма страннаго свойства. У самаго края тротуара лежитъ груда грязи, какъ видно, тщательно убитая лопатой въ видѣ могилы. Мало того, на одномъ концѣ изъ груды выглядываетъ черная шляпа, на другомъ-торчитъ пара сапогъ, а посреди воткнута дощечка съ надписью: „Эта могила сооружена въ честь такого-то!“... Народъ проходитъ мимо, торговцы стоятъ тутъ-же возлѣ своихъ магазиновъ, негръ на тротуарѣ заколачиваетъ ящикъ съ товарами, — и никто изъ нихъ не обращаетъ даже вниманія на странную кучу. Вотъ и полисменъ пробирается своей валкой походкой, какъ будто и не замѣчая могилы. А намъ показалось даже, что отъ нея несетъ уже сираднымъ запахомъ трупa. Мы послѣшили уйти, своротивъ въ сосѣднюю улицу. Смотримъ — и тутъ такая-же могила, а тамъ далѣе-еще третья! Въ нашей памяти разомъ возникли газетные рассказы о ножахъ, револьверахъ и убійствахъ среди бѣла дня въ Нью-Йоркѣ, — о равнодушіи жителей, привыкшихъ будто-бы къ подобнымъ явленіямъ до такой степени, что перестали даже интересоваться ими. Вернувшись подъ вліяніемъ такихъ смутныхъ впечатлѣній въ гостиницу, мы рассказали хозяину о томъ, что видѣли. — „Да это совсѣмъ не то, что вы думаете“, сказалъ онъ, разсмѣявшись: „это просто невинныя шалости мальчишекъ. Улицы у насъ, какъ вы видите, ужасно грязны. Жители и подрядили полисменовъ съ тѣмъ, чтобы они распорядились вывозкою сора и грязи. Полисмeны деньги-то взяли, а улицъ все-таки не метутъ и грязь не убираютъ. Вотъ ребяташки по вечерамъ, пользуясь темнотой, сгребаютъ грязь, дѣлаютъ изъ нея могилы, а на дощечкахъ выставляютъ имена мѣстныхъ полисменовъ. Это, какъ видите, пасквиль и больше ничего“.

IX.

Подземный городъ, въ описаніи котораго долженъ я. перейти теперь, главнымъ образомъ, состоятъ изъ дренажа почвы, сточныхъ трубъ и кладбищъ. Дренажъ является необходимымъ, особенно въ городахъ, построенныхъ на болотѣ и находящихся постоянно подъ вліяніемъ сырости. Такіе города безъ дренажированія почвы становятся нездоровыми и ихъ подвалы дѣлаются приемниками сырости и гнили. Но вопросъ о дренажированіи почвы, вопросъ о вліяніи почвенной воды, вопросъ о гибельномъ положеніи подваловъ въ сыромъ городѣ,—все это начало занимать общество только въ послѣднее время, благодаря такимъ изслѣдователямъ, какъ, на примѣръ, Петенкоферъ. Холера, тифы и лихорадки, поглотивъ тысячи людей, наконецъ, заставили общество обратить вниманіе на причины этихъ болѣзней и неузнаніе, осушать почву, а вмѣстѣ съ нею и нижніе этажи домовъ, явилось главною причиною этихъ недуговъ. Но общество могло здѣсь сказать въ свое оправданіе, что оно невиновато въ томъ, что ученые изслѣдованія появились здѣсь такъ поздно.

Не могло-бы общество представить такого-же оправданія относительно водосточныхъ трубъ: древній міръ оставилъ намъ замѣчательные образцы работъ этого рода. „Конечно, говоритъ Фонтсагривъ, нѣкоторыя новѣйшія столицы, пользуясь открытіями наукъ и промышленности, запаслись, какъ Парижъ, такими подземными каналами, что не могутъ завидовать древнему Риму, но если взять всю сумму городовъ нашей эпохи и сравнить ихъ съ древними городами, то мы увидимъ, что склонность производить подобныя работы, имѣющія въ виду общественное благо, значительно уменьшалась“. Дейардъ въ 1848 году сообщилъ лондонскому архитектурному обществу, что при своихъ изысканіяхъ, онъ нашелъ въ древней ассирійской столицѣ слѣды гигантскихъ работъ по части подземныхъ трубъ, сообщавшихся съ частными домами. У египтянъ тоже находились подобныя сооруженія, очищаемыя преступниками. Тарвиній Старшій создалъ въ Римѣ сточныя трубы, часть которыхъ еще служитъ и теперь и носитъ названіе „Слоаса махіма“. Этотъ приемникъ, открывающійся въ

Тибръ и имѣющій 4 метра 27 въ діаметръ, построенъ изъ вулканическаго камня безъ помощи цемента. Плиій уже говорилъ объ этомъ сооруженіи съ величайшимъ удивленіемъ, потомъ начали слѣдовать примѣру Тарквинія, и римляне заносили всюду свое умѣнье строить сточныя трубы. Слѣды этихъ трубъ остались вездѣ, гдѣ были римляне, но во время нашествія варваровъ эти сооруженія пришли въ упадокъ, ихъ не ремонтировали. Однако, въ Парижѣ уже въ 1412 году стали чинить сточныя трубы, пришедшія въ упадокъ. При Людовикѣ XIV появляется уже 3 километра крытыхъ трубъ; къ концу XVIII столѣтія ихъ протяженія равняется 16 километровъ и затѣмъ число ихъ все растетъ и растетъ. Слѣдующія цифры показываютъ, какъ увеличивалось въ Парижѣ число сточныхъ подземныхъ трубъ.

Съ 1800—1831 годъ было построено 20 километ. трубъ.

„ 1832—1837	„	„	„	50	„	„
„ 1840—1854	„	„	„	65	„	„

Всего-же было трубъ 142 километра. Съ 1854 по 1867 г. цифра протяженія дошла до 492 километровъ, а въ настоящее время она дошла до 535 километровъ, изъ которыхъ 175 километровъ представляютъ возможность плавать на небольшихъ лодкахъ. Но все-таки еще остается сдѣлать около 490,809 метровъ подобныхъ трубъ, т. е. прибавить къ существующимъ трубамъ 390 километровъ. На это потребуется 15 лѣтъ работы и 45 милліоновъ франковъ. Но Парижъ можно почти назвать исключеніемъ въ этомъ отношеніи: другіе города Франціи нерѣдко находятся въ самомъ плачевномъ состояніи относительно устройства сточныхъ трубъ. Такъ, наприимѣръ, Марсель обставленъ въ этомъ отношеніи очень дурно. Монпелье, Руба, Лилль, Ліонъ, Бордо, Нантъ, Руанъ, всё эти большіе города имѣютъ недостаточное количество сточныхъ трубъ. Въ Англіи только Лондонъ вполне удовлетворительно снабженъ сточными трубами, въ другихъ-же большихъ городахъ въ сущности положено только основаніе подобныхъ сооруженій, хотя, какъ я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ, даже и первыя попытки подобныхъ сооруженій успѣли принести значительную пользу населенію. Съ правильнымъ устройствомъ сточныхъ подземныхъ трубъ соединено здоровье городского населенія и развитіе производительности деревень: тѣ жидкости, тѣ органическія вещества, которыя отравляли втеченіи сотенъ

лѣтъ и еще отравляютъ теперь города, могли-бы быть источникомъ обогащенія для поселянъ, давая имъ дешевыя и крайне плодотворныя удобрительныя вещества. Печально то, что, говоря обо всемъ этомъ, нужно постоянно оговариваться, что все это будетъ въ будущемъ, что въ настоящемъ видны только попытки, опыты и образцы того, что должно осуществиться послѣ и что могло-бы существовать теперь.

Третій отдѣлъ подземнаго города—кладбище. Въ древнія времена кладбища большею частью помѣщались за городомъ. Такъ дѣлалось у евреевъ, такъ дѣлалось у римлянъ: *intra muros civitatis corpus sepulturae dari non potest, vel ustrina fieri*. Помпея и Римъ представляютъ ясныя свидѣтельства того, какъ располагались кладбища въ древнемъ мірѣ. Дороги, шедшія къ первому изъ этихъ городовъ, заключаютъ по обѣимъ сторонамъ могилы. Такова была *via Ierulchorum*, ведшая изъ Помпеи въ Геркуланумъ и простиравшаяся на 250 метровъ. Знаменитый домъ Діомеда находился на этой дорогѣ. Въ Римѣ тоже вели подобныя дороги съ могилами по сторонамъ. Когда началось господство христіанства, дѣло должно было естественно измѣниться: глубокое уваженіе къ мертвымъ, отрадная вѣра въ загробную жизнь, все это заставляло христіанъ стремиться къ тому, чтобы мертвые лежали подъ сѣнью храмовъ, недалеко отъ живыхъ. Изъ этого возникло то, что мертвецы погребались у подножія храмовъ или въ самыхъ храмахъ. Кромѣ того города начали разрастаться и отдаленныя кладбища, находившіяся внѣ городскихъ стѣнъ, очутились внутри городовъ. Дѣло съ теченіемъ времени дошло до того, что стали возникать серьезныя опасенія за здоровье жителей городовъ. Уже въ 1747 году появляется записка Гагено „объ опасности погребеній въ церквахъ“ и записка Маре „объ обычаѣ погребать мертвыхъ въ церквахъ и въ центрахъ городовъ“. Здѣсь высказывались вредныя послѣдствія этихъ обычаевъ, отъ которыхъ мало-по-малу стали отказываться большіе города. Прежде чѣмъ я перейду къ разнымъ новѣйшимъ толкамъ о томъ, какъ и что дѣлать съ кладбищами, я намѣренъ коснуться парижскихъ кладбищъ, такъ-какъ эти кладбища характеризуютъ многіе недостатки, существующіе и на другихъ городскихъ кладбищахъ.

X.

Въ настоящее время васъ „съ душевнымъ прискорбіемъ“ извѣщаютъ вдовы и дѣти умершихъ „о кончинѣ ихъ любезнѣйшихъ супруговъ и родителей“, печатая эти извѣстія въ газетахъ. Прежде дѣло дѣлалось болѣе просто или, если хотите, болѣе затѣйливо: когда кто-нибудь умиралъ въ Парижѣ, на улицахъ являлся съ колокольчикомъ публичный „крикунъ“, одѣтый въ бѣлую одежду съ черными точками и изображеніями мертвой головы съ скрещенными подъ нею крестами—источниками дѣтскаго страха и трепета. По словамъ поэта Сентъ-Амана собаки вли при появленіи этой скорбной фигуры. Вѣстникъ, побрякивая колокольчикомъ, выкрикивалъ имя умершаго, мѣсто кончины, часть погребенія. Съ теченіемъ времени скорбный костюмъ вѣстниковъ былъ найденъ просто шутовскимъ и замѣнился черной длинной одеждой, каковую носятъ французскіе адвокаты. Число этихъ вѣстниковъ въ XIII столѣтіи доходило въ Парижѣ до двѣнадцати, а при Людовикѣ XIV до двадцати четырехъ. Во время революціи ихъ насчитывали до тридцати. Впрочемъ, они возвѣщали не объ одной кончинѣ людей, они кричали и о другихъ „необыкновенныхъ вещахъ“, о заблудившихся дѣтяхъ, о потерянной собакѣ. Въ небольшихъ городахъ западной Европы вы встрѣтите ихъ и теперь. Покойника въ старое время въ Парижѣ относили въ гробу на носилкахъ и только богатыхъ везли на дрогахъ подъ балдахиномъ, совершенно скрывавшимъ гробъ. Дроги были такъ тяжелы, что на случай несчастія брали цѣлую толпу разныхъ рабочихъ, которые помѣщались подъ драпировкой и часто во время дороги играли на гробу въ кости. Во время революціи всякія церемоніи отиѣнились и покойниковъ относили на кладбище на носилкахъ, при чемъ носильщики заходили въ кабаки по дорогѣ, оставляя покойниковъ на улицѣ. При Наполеонѣ I церемоніи были снова введены и погребенія мертвыхъ раздѣлились на ранги: перваго ранга погребенія стоили 4,282 франка, послѣдняго—16 франковъ. Въ прежнее время хоронили покойниковъ очень нерѣдко черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти въ тотъ-же день. Но кодексъ Наполеона постановилъ, что никто

не можетъ быть похороненъ ранѣе 24 часовъ послѣ смерти, кромѣ случаевъ, предусмотренныхъ полицейскими правилами. Хоронили около всѣхъ церквей и во всѣхъ церквяхъ, во всѣхъ госпиталяхъ и богадѣльняхъ. На старомъ планѣ Гомбу насчитывается болѣе десяти кладбищъ въ Парижѣ. Какъ они вліяли на жителей. видно изъ того, что при западномъ вѣтрѣ съ кладбища с. Северина несся сильный запахъ. Кромѣ повсемѣстныхъ католическихъ кладбищъ существовали еще отдѣльныя кладбища евреевъ, протестантовъ, гугенотовъ и т. д. Можно, не преувеличивая, сказать, что весь новѣйшій Парижъ, какъ и всѣ другіе города, возникъ на кладбищахъ. Когда начались улучшения нѣкоторыхъ кварталовъ Парижа, то всѣ были удивлены количествомъ находимыхъ въ землѣ костей. Каждый ударъ заступы заставлялъ наталкиваться на человѣческія кости. Ихъ сносили на старое западное кладбище, закрытое въ 1825 году и превращенное въ складъ костей; но въ одинъ прекрасный день увидели, что оно уже вмѣщало 1,110 кубическихъ метровъ костей, найденныхъ при проложеніи новыхъ улицъ. Такое скопленіе костей было неудобно и въ 1859 году эти остатки человечества перенесли въ катакомбы. Впрочемъ, тутъ удивляться нечему: Парижъ такой старый городъ, что въ немъ успѣли умереть миллионы и миллионы людей; даже и въ такихъ сравнительно юныхъ городахъ, какъ нашъ Петербургъ, вѣрѣдко приходилось наталкиваться на остатки человѣческихъ костей тамъ, гдѣ этого и не ждали. Я еще помню, какъ въ 1846 году вырывались кости на углу Сергіевской улицы и Фонтанки при постройкѣ новаго дома, — кости, вѣроятно, принадлежавшія тѣмъ массамъ рабочихъ, которые умирали во время постройки нашей столицы. А Парижъ кромѣ того пережилъ годы, когда гонимые протестанты принуждены были хоронить своихъ покойниковъ ночью, тайкомъ, иногда въ своихъ садахъ, на своихъ дворахъ, о чемъ безпрестанно доносили разные католики-шпіоны. На обыкновенныхъ кладбищахъ особенно замѣчательно хоронили бѣдняковъ: такъ на одномъ изъ нихъ — *cimetière des Innocents* — для нихъ вырывали гигантскую яму, въ которую все-какъ бросали мертвецовъ, иногда ихъ число доходило до 1500. Когда яма наполнялась, старые трупы вырывались и кости складывались въ особое мѣсто. Средняя цифра погребавшихся такимъ образомъ доходила до 2000 въ годъ.

Тифъ постоянно свирѣпствовалъ въ домахъ смежныхъ съ кладбищемъ и уже съ 1554 года начали тревожиться отъ этого соседства, но прошли еще столѣтїя. прежде чѣмъ городъ сталъ серьезно относиться къ вопросу о кладбищахъ.

Видя, что церкви не желаютъ прекратить заразу, парламентъ, послѣ долгихъ настояній разныхъ ученыхъ, рѣшился въ 1763 году изслѣдовать вопросъ о числѣ умирающихъ и способѣ ихъ погребенїя. Изслѣдованїе было сдѣлано добросовѣстно и въ 1765 году появился знаменитый парламентскїй актъ, гласившїй: „1) ни одно погребенїе на будущее время не должно дѣлаться ни подъ какимъ предлогомъ на существующихъ въ городѣ кладбищахъ; 2) никто на будущее время не будетъ хорониться въ церквяхъ; 3) будутъ избраны семь или восемь мѣстностей въ города, способныхъ вмѣщать и истреблять человѣческіе трупы“. Но какъ-бы ни было ясно и строго предписанїе, а исполнять его все-таки не стали: въ церквяхъ по-прежнему хоронили богачей, бѣдныхъ по-прежнему сбрасывали въ яму. Сотни предубѣжденїй и корыстныхъ расчетовъ заставляли однихъ нарушать законъ, другихъ видѣть нарушенїе и молчать. Но въ 1780 году случилось одно обстоятельство, заставившее задуматься посерьезнѣе о злоупотребленїяхъ. Одинъ изъ жителей улицы Лянжери вошелъ въ свой погребъ и былъ пораженъ такимъ запахомъ, что онъ побѣждалъ позвать сосѣдей. Когда онъ и сосѣди, заткнувъ носы платками, смоченными уксусомъ, вошли въ погребъ, они увидали, что одна стѣна проломана нагоромъ разбухшей земли, изъ которой виднѣлись трупы съ сосѣдняго кладбища. Полиція хотѣла затерѣть это дѣло, журналамъ не велѣли говорить о немъ, но въ рыночномъ кварталѣ нѣтъ тайнъ и скоро весь Парижъ говорилъ о случившемся. Пришлось такъ или иначе покончить съ этимъ кладбищемъ и вмѣсто него прибавился въ Парижѣ новый рынокъ, предназначенный для продажи овощей. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ: уничтожая это кладбище, вывозили съ него множество костей,—но въ послѣдующїя эпохи, при каждой перестройкѣ рынка, при каждомъ разрыванїи земли, въ 1808, 1809, 1811, 1830 годахъ и при Наполеонѣ III, всегда находились еще массы и массы костей, точно имъ нѣтъ конца, точно вся почва здѣсь состоитъ изъ этихъ остатковъ сопеднаго со сцены человѣчества. Отнимая у церквей имущество, револю-

ціонное правительство отняло у нихъ и кладбища и передало ихъ въ руки муниципальной власти, но хоронить въ это время приходилось такое множество народа, что порядка нельзя было ввести никакого. Только при Наполеонѣ I знаменитый префектъ Фрошо положилъ начала болѣе правильнаго устройства кладбищъ: было основано четыре кладбища—одно, святой Катерины, на юго-востокъ, другое, Вожирарское, на западѣ, третье, Монпартрское, на сѣверѣ и четвертое, отца Лашеза, на востокѣ. Потомъ кладбища св. Катерины и Вожирарское были замѣнены южнымъ, Монпарнасскимъ, кладбищемъ, а 1 января 1860 года съ присоединеніемъ городского округа къ Парижу присоединилось еще 15 кладбищъ и кромѣ того необходимость заставила открыть еще два новыхъ кладбища. Итакъ, Парижъ имѣетъ 20 кладбищъ и кромѣ того два небольшія отдѣльныя кладбища для нѣкоторыхъ больничныхъ покойниковъ.

Повидимому, этого очень довольно: 20 кладбищъ на одинъ городъ! Но въ этомъ городѣ чуть не два милліона жителей, этотъ городъ просуществуетъ еще сотни и сотни лѣтъ. Сколько народа умираетъ здѣсь ежегодно, сколько умретъ въ десятки лѣтъ? Пройдетъ немного времени и понадобятся ему еще и еще новыя кладбища. А гдѣ-же взять земли, когда она переисполнена и живыми-то до такой степени, что имъ часто нѣтъ мѣста, что они нерѣдко переселяются въ другія страны? Отчасти Парижъ сохраняетъ экономію въ мѣстѣ при погребеніи своихъ мертвыхъ. На кладбищахъ Парижа мѣста продаются, отдаются въ наймы и ссужаются. Такимъ образомъ не всѣ дѣлаются собственниками могилъ; одни нанимаютъ эти могилы на время, другіе па время кладутся въ эти могилы даромъ. Но теперь уже начали сильно задумываться надъ ошибкой, допущенной во времена Фрошо,—надъ продажей городомъ могилъ въ вѣчную собственность, въ собственность тѣхъ, которыхъ, можетъ быть, исчезнуть и имена, а не только-что потомки. Съ теченіемъ времени этихъ могилъ можетъ накопиться столько, что у города будутъ пропадать очень большіе участки земли, а между тѣмъ городъ и теперь въ ущербъ здоровью жителей долженъ тѣсниться, выростать въ вышину, набивать квартиры несоразмѣрнымъ количествомъ людей. Мѣстъ, уступленныхъ въ вѣчное владѣніе на всѣхъ парижскихъ кладбищахъ было въ январѣ 1874 года 67,216. Временной наемъ

могилъ дѣлается обыкновенно на 5 лѣтъ. Даровое погребеніе даетъ право лежать въ „общей ямѣ“ или въ „даровой траншеѣ“. Прежде, когда хоронили въ „общей ямѣ“, гроба набрасывались кое-какъ другъ на друга и были вѣчнымъ источникомъ зараженія. По правиламъ 1850 года вѣдно было вырывать открытыя траншеи на 1 метръ 50 глубины и помѣщать въ нихъ гроба на разстояніи 20 септиметровъ одинъ отъ другого. Надъ гробами ставятся тоже кресты, обозначающіе дѣйствительно, гдѣ кто лежитъ, чего нельзя было сдѣлать при существованіи общихъ ямъ. Когда траншея наполнится, ее закрываютъ и оставляютъ въ покоѣ на пять лѣтъ. Предполагается, что въ это время тѣло сгниетъ совершенно и останется только безвредный скелетъ. Затѣмъ траншею перерываютъ и снова приготавливаютъ къ принятію жертвоцовъ. Изъ 100 покойниковъ 10 хоронятся въ вѣчныхъ могилахъ, 27 въ временныхъ, 63 въ бесплатныхъ. Какъ растутъ парижскія кладбища, видно изъ того, что кладбище отца Лашеза при Фрошо занимало 17 гектаровъ; въ 1804 году оно увеличилось до 26 гектаровъ 50; въ 1874 году оно заняло 43 гектара 95 аровъ 56 сентіаровъ. Въ 1804 по 1874 годъ здѣсь похоронено 688,477 труповъ.

Въ Парижѣ, какъ и у насъ, кладбища посѣщаются массами народа, любопытными шалопаями и скорбящими родственниками умершихъ. Такъ-же здѣсь человѣчество высказываетъ свое тщеславіе въ пышныхъ и безобразныхъ мавзолеяхъ и говоритъ о своей глупости въ нелѣпныхъ надписяхъ. Вотъ надписи: „Она дала-бы своему мужу то, что пеликанъ далъ своимъ дѣтямъ“. — „X. умеръ трехъ мѣсяцевъ; его жизнь была полна самоотреченіемъ и самопожертвованіемъ“. Вотъ описаніе, что умершій оплакивается „отцомъ, матерью, теткою Урсулой, двоюродною сестрою Анною, друзьями и всѣми вообще знакомыми и всею семьей“. Такъ-же являются здѣсь и вирши въ родѣ тѣхъ, которыя красуются надъ одной изъ могилъ митрофаньевскаго кладбища на крестѣ, поставленномъ надъ тѣломъ жены какого-то писаря:

Милая моя супруга, спи
И меня къ себѣ въ гости жди,
Я ходить къ тебѣ не забуду,
А умру—тутъ-же буду.

Эти надписи вызываютъ смѣхъ, иногда онѣ вызываютъ него-

дованіе, какъ, напримѣръ, безграмотная надпись на могилѣ Кольцова, или такая-же безграмотная надпись на могилѣ одного почтеннаго ученаго, похороненнаго на Волковскомъ кладбищѣ, или старая надпись на одной изъ могилъ Малой Охты, гласящая о дурномъ отношеніи покойника къ роднымъ, которымъ все-таки пришлось поставить покойнику на свой счетъ памятникъ. Но какъ-бы ни были оригинальны, странны или смѣшны надписи на могилахъ, а кладбище, въ Парижѣ, какъ и вездѣ, вызываетъ суевѣрный страхъ въ народѣ. И вотъ однажды этотъ страхъ началъ принимать ужасающіе размѣры: случилось нѣчто достойное nera Эдгара По. Цѣлыя отряды солдатъ начали дѣлать ночные обходы на кладбищахъ, стараясь изловить невидимое существо, ускользавшее изъ рукъ, но оставлявшее по себѣ страшныя и необычайныя слѣды. Могилы разрывались, трупы растерзывались на части и валялись на дорожкахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появлялся этотъ невѣдомый посѣтитель. 16 ноября и 12 декабря 1848 года картины, представившіяся глазамъ солдатъ на южномъ кладбище заставили солдатъ въ ужасѣ оставить кладбище. По городу распространились самыя ужасающіе, самыя невѣроятныя слухи. Легенда все росла: говорили, что вампиръ посѣщаетъ кладбища, вырываетъ трупы и пожираетъ мертвыхъ. Тщетно усиливали бдительность, напрасно подкрѣпляли стражу полицейскими агентами, бесплодно спускали сильныхъ собакъ, — люди не встрѣчали никого, собаки не лаяли, а между тѣмъ въ одно утро нашли одиннадцать вырытыхъ тѣлъ, разрѣзанныхъ на куски, разбросанныхъ на значительномъ разстояніи, закинутыхъ на сучья деревьевъ. Центромъ этихъ ужасовъ было монпарнасское кладбище. Рѣшились приготовить нѣчто въ родѣ адской машины, состоящей изъ небольшой мортиры, заряженной гранатами, и отъ нее провели цѣлую массу проволокъ въ различныхъ направленіяхъ. Въ ночь съ 15 на 16 марта 1849 года сдѣлался взрывъ машины, а на слѣдующій день въ госпиталь Валь-де-Грасъ явился сержантъ-мажоръ Франсуа Бертранъ для излеченія довольно странныхъ ранъ, полученныхъ имъ въ спину. Это былъ вампиръ. Его нужно бы отдать въ руки врача душевныхъ болѣзней, но онъ предсталъ 10 іюля 1849 года передъ лицомъ военнаго суда. Это былъ кроткій человѣкъ, отличный солдатъ, кончившій образованіе въ одной изъ семинарій. Онъ не отрицалъ своихъ проступковъ, онъ

откровенно и скромно рассказывалъ все. Когда на него нападало „безуміе“, онъ покидалъ казармы, перебирался черезъ ограды кладбищъ, перескакивалъ черезъ проволоки адской машины, о существованіи которой онъ очень хорошо зналъ, распугивалъ собакъ, идя имъ прямо на встрѣчу и обращая ихъ въ бѣгство. Онъ, какъ это часто бываетъ съ душевно больными нервными людьми, доходилъ до какой-то сверхестественной силы,—голыми руками разрывалъ онъ лмы, разбивалъ гроба, растерзываетъ трупы, разрубалъ ихъ иногда саблею, иногда доходилъ до звѣрства, описывать которое отказываются руки. Потомъ онъ убѣгалъ и ложился гдѣ-нибудь на берегу рѣки, въ ямѣ, подъ дождемъ, подъ снѣгомъ и спалъ тѣмъ чуткимъ сномъ, который давалъ ему возможность слышать все, что происходило вокругъ него. Послѣ этихъ припадковъ на нѣсколько дней онъ чувствовалъ себя изломаннымъ... Его приговорили къ годичному заключенію. Онъ еще живъ и теперь; онъ выздоровѣлъ и можетъ служить образцомъ отличнаго поведенія.

Это страшная исторія. Но это исключительный случай. Попробуйте сопоставить рядомъ съ нимъ другой рассказъ и вы увидите, что кладбищами постоянно вызываются болѣе страшныя исторіи.

Въ Парижѣ предполагаютъ, что траншеи уничтожаютъ тѣла въ пять лѣтъ и потому послѣ пяти лѣтъ старыя траншеи идутъ снова въ дѣло. Но, пожалуй, еще въ первый разъ земля уничтожаетъ тѣла въ пять лѣтъ, во второй-же уничтоженіе совершается труднѣе, а въ третій оно дѣлается просто невозможнымъ: земля, насыщенная животными остатками, отказывается отъ заданной ей работы. Когда траншею переворачиваютъ въ третій разъ, — въ ней всегда находятся совершенно уцѣлѣвшія тѣла. Въ 1851 году рыли траншею на южномъ кладбищѣ, предназначенномъ для госпиталей; ямы имѣли 7 метровъ глубины и заключали въ верхнемъ слое скелеты, а въ нижнемъ цѣлыя трупы. Вѣтеръ, приносящій запахъ отъ этихъ ямъ, не можетъ благотворно дѣйствовать на здоровье, такъ-какъ ничто такъ не вредно, какъ испаренія, исходящія изъ могилъ. 27 сентября 1852 года три могильщика рыли траншею и не предприняли никакихъ предосторожностей: едва они дотронулись заступомъ до сосѣдней траншеи, какъ были поражены, точно ударомъ, и умерли на мѣстѣ. Но

мало того, что могли нерѣдко отравляють воздухъ, онѣ отравляютъ и воду, которая стекается въ колодцы и мѣшается съ водою Сены. Иногда эта вода просачивается наружу и образуетъ ключи. Вкусъ этой воды напоминаетъ вкусъ сѣры. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовались какіе-то шарлатаны: они стали эксплуатировать источники, берущіе свое начало на кладбищахъ, и стали предлагать эту воду, какъ цѣлительное лекарство отъ всѣхъ болѣзней! Если-бы изслѣдовать всѣ вліянія, производимыя нераціональнымъ устройствомъ кладбищъ, то они дѣйствительно стали-бы вызывать страхъ, но не суевѣрный страхъ невѣждъ, а вполне осмысленный страхъ передъ тѣмъ вредомъ, который они приносятъ своимъ дурнымъ устройствомъ: плохимъ выборомъ мѣста, скучиваньемъ покойниковъ, неглубокимъ зарываніемъ тѣлъ и т. д.

Особенно скверно устроено кладбище для бѣдныхъ въ Нью-Йоркѣ. На кладбищѣ для богатыхъ мѣста стоятъ отъ 3 до 4 тысячъ франковъ и потому массы покойниковъ хоронятся на бѣдномъ кладбищѣ Peter's Field, помѣщающемся на островѣ на рѣкѣ Гудзонъ. Здѣсь покойниковъ сваливаютъ буквально въ кучу въ одну яму, такъ что нѣтъ никакой возможности узнать, кто гдѣ похороненъ. Это, разумѣется, очень скверно въ гигиеническомъ отношеніи, такъ-какъ тѣла не могутъ быстро и исчезать, наваленныя въ кучу въ жалкихъ гробахъ въ землю островка, т.-е. въ землю значительно сырую.

Всѣ подобныя явленія заставили общество въ послѣднее время сильно заняться „кладбищенскимъ“ вопросомъ, даже у насъ стали усматривать, что нѣкоторыя кладбища уже вошли въ черту города, а другія скоро войдутъ, и потому позаботились о созданіи новыхъ кладбищъ на значительномъ разстояніи отъ Петербурга. Но въ западной Европѣ на этомъ нельзя остановиться: тамъ большіе города растутъ быстрѣе, тамъ мѣста меньше, тамъ можно опасаться, что скоро будетъ некуда хоронить покойниковъ безъ значительнаго вреда для городского населенія. Вотъ почему тамъ возникли разные, иногда странные, иногда эфемерные, планы и проекты новыхъ способовъ погребенія.

XI.

Еще „великій“ Гаусманъ представилъ свой проектъ о соединеніи всѣхъ кладбищъ Парижа въ одну обширную усыпальницу на очень далекомъ разстояніи отъ города. Его идея была не нова: еще въ 1783 и 1787 годахъ, архитекторъ графа д'Артура, Лабьеръ, предлагалъ купить 90 десятинъ между Ла Виллетою и Обервильеромъ и устроить здѣсь общее для всего Парижа кладбище. Проектъ былъ отвергнутъ. То-же случилось и съ проектомъ Гаусмана: всѣ стали говорить, что онъ хочетъ отправить покойниковъ въ изгнаніе, что онъ хочетъ лишить людей самаго чистѣйшаго наслажденія посѣщать усопшихъ и т. д. Теперь объ этомъ проектѣ начинаютъ опять толковать: хотятъ устроить одну громадную усыпальницу въ Марнъ-сюръ-Уазъ, въ долину Монморанси. Но парижане слишкомъ сильно любятъ посѣщать свои кладбища и потому сильно противятся исполненію этого плана, врича о ссылкѣ покойниковъ. Рядомъ съ Гаусманомъ явились утилитаристы, которые начали упрекать общество за предубѣжденія и за то, что оно лишаетъ почву костей, могущихъ служить удобреніемъ для полей съ хлѣбомъ и приносящихъ теперь пользу только кладбищенской не идущей въ дѣло травѣ. Конечно, и эти планы встрѣтились очень не сочувственно и утилитаристовъ называли варварами и дикарями. Затѣмъ явились проекты сжиганія мертвыхъ тѣлъ. Съ этой стороны подошли къ вопросу о кладбищахъ, главнымъ образомъ, англичане. Они видятъ въ нынѣшнихъ кладбищахъ не только лабораторіи тлетворныхъ испареній, но и цѣнные участки земли—*valuable parcels of land*,—отнимаемые у земледѣльческой культуры или какой-нибудь другой производительной эксплуатаціи. Это воззрѣніе высказывается даже духовными лицами; такъ еще недавно манчестерскій епископъ въ своей проповѣди коснулся вопроса о сожженіи труповъ. Онъ говоритъ, что, вѣроятно, въ будущемъ эта мысль усвоится всѣми, что превращеніе трупа въ пепель ничѣмъ не хуже предоставленія его гніенію и червямъ, что это вовсе не противорѣчитъ ученію о томъ, что земля въ землю и превратится, такъ-какъ пепель отъ сожженного трупа содержитъ въ себѣ всѣ неорганическія части, переходящія окончательно въ землю при гніеніи. Сжиганіе мертвыхъ тѣлъ было извѣстно и практиковалось еще въ глубо-

вой древности. Первые новые опыты были сдѣланы нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ и въ нихъ принималъ живое участіе извѣстный Граціолэ. Послѣ него вопросъ сталъ волновать умы въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Австріи. Особенно горячимъ защитникомъ сжиганія труповъ является Рекламъ, довольно извѣстный русской публикѣ. Теперь существуетъ уже нѣсколько проектовъ трупо-сжигательныхъ печей. Ихъ предполагается устраивать въ видѣ горизонтальныхъ цилиндровъ, по семи футовъ въ длину и пяти въ діаметрѣ; рассчитано, что въ главномъ цилиндрѣ при нагрѣваніи въ немъ воздуха до бѣлокалильнаго жара, трупъ будетъ окончательно превращенъ въ пепель втеченіи одного часа. Но и здѣсь главнымъ возраженіемъ является упрекъ за неуваженіе къ покойникамъ и можно навѣрное сказать, что эти проекты останутся проектами, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Юристы говорятъ между прочимъ, что возможность отрыванія труповъ служитъ довольно часто единственнымъ средствомъ открыть совершенное надъ нимъ преступленіе. Но этому дѣлу легко пособить временнымъ погребеніемъ тѣла. Гораздо труднѣе въ этомъ случаѣ возражать такимъ людямъ, какъ Фонсагривъ: вмѣсто всякихъ доводовъ противъ сожженія труповъ, онъ восклицаетъ: „Phosphate si l'on veut, mon phosphate m'est cher!“ Вѣдь мало ли что можетъ быть дорого тому или другому, — вкусы такъ различны. Но есть еще совѣты, которые могутъ быть исполнены безъ нарушенія обычаевъ, убѣжденій, вѣрованій и привычекъ народныхъ массъ. Эти совѣты просто касаются болѣе осмотрительнаго устройства кладбищъ.

Такъ нужно устраивать кладбища непременно внѣ города; мѣсто для нихъ слѣдуетъ выбирать на возвышенностяхъ, чтобы могилы не касались почвенной воды; нужно какъ можно щедрѣе насаживать на кладбищахъ деревья, очищающія воздухъ, слѣдуетъ избѣгать общихъ могилъ и могилы рыть глубже; дренажъ является необходимымъ условіемъ кладбищъ, хотя имъ до сихъ поръ совершенно пренебрегаютъ; Летеби совѣтуетъ кромѣ того насыпать въ полузасыпанную могилу слой отъ 4 до 5 сантиметровъ толщины, состоящій изъ мелкаго древеснаго угля, удерживающаго вредные газы, что и дѣлается на многихъ англійскихъ кладбищахъ, и т. д. Эти и тому подобныя практическіе совѣты должны соблюдаться обществомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно толкуетъ о

своемъ уваженіи къ покойникамъ. Если кладбища будутъ оставаться при прежнемъ устройствѣ, то они, въ концѣ концовъ, все таки сдѣлаются источникомъ заразы въ большихъ городахъ и тогда ихъ придется уничтожать правительствамъ насильно, какъ было уничтожено въ Парижѣ кладбище des Innocents, или прибѣгнуть къ тѣмъ способамъ, которые рекомендуются утилитаристами, англичанами и тому подобными людьми и отъ которыхъ теперь съ ужасомъ отворачивается общество. У насъ кромѣ того нужно усилить наблюдение за кладбищами: сравните чистоту и порядокъ петербургскихъ нѣмецкихъ кладбищъ съ чистотою и порядкомъ русскихъ и вы увидите громадную разницу. Но мало того, что русскія кладбища грязно содержатся, что на нихъ всюду виднѣется разрушеніе, — они и обворовываются чаще, чѣмъ иностранныя. Каждое лѣто на русскихъ кладбищахъ совершаются опустошенія бронзовыхъ крестовъ, рамокъ отъ образовъ, иконъ, лампадъ и т. п. Рядомъ съ этимъ идутъ тѣ сальныя и неприличныя сцены, о которыхъ столько разъ говорилось уже въ печати и которыя повторяются на кладбищахъ во всѣ праздники. Все это зависитъ отъ недостатка или, лучше сказать, отъ полного отсутствія наблюденія за порядкомъ на кладбищахъ, хотя, конечно, кладбищенскія церкви имѣютъ на это достаточно средствъ. И какъ не быть воровству, какъ не быть разгулу на кладбищахъ, когда, напримѣръ, около митрофаньевскаго кладбища сдѣлался въ послѣднее время сборный пунктъ проституткозъ самаго жалкаго разбора. Эти женщины, имѣющія на плечахъ одно рваное ситцевое платье, испитыя, грязныя, едва проспавшіяся богъ знаетъ гдѣ, бродятъ, какъ тѣни, около кладбищенскаго забора и ждутъ рабочихъ, матросиковъ, солдатъ. Тутъ идетъ беззастѣнчивый развратъ за рюмку вина, за грошъ, идетъ открыто, на чистомъ воздухѣ. Во имя самихъ этихъ несчастныхъ, во имя ихъ бѣдныхъ обожателей это нужно прекратить.

Вообще, если ужъ мы говоримъ о своемъ уваженіи къ своимъ жертвамъ, если мы считаемъ кладбище святымъ мѣстомъ успокоенія своихъ ближнихъ, то пусть оно будетъ дѣйствительно свято — не вредно живымъ, не грязно, не опошлено, не противно на видъ и пусть люди хотя послѣ смерти не отравляютъ жизнь своихъ собратій.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОЭТЪ НА ЧУЖВИНѢ.

(Отрывки изъ Фрейлиграта.)

Я позабыть давно у васъ, родные.
Еще къ борьбѣ въ далекомъ этомъ мѣрѣ
Готовлюсь я, а тамъ бойцы иные
Уже давно гарцуютъ на турнирѣ.

И снится мнѣ: ихъ лошади несутся
И шлемы ихъ подъ перьями сверкаютъ;
Вотъ и мечей удары раздаются,—
Тамъ въ рыцари кого-то посвящаютъ.

Отрекся я отъ рыцарства былого,
Но и теперь, припомнивъ латъ сверканье
И звуки шпоръ, я бросился-бы снова,
Какъ въ старину, на поле состязанья.

Еще мой мечъ здѣсь ржавчина не съѣла;
Я сталъ владѣть искуснѣй имъ съ годами
И былъ-бы радъ пустить его я въ дѣло
И силою помѣряться съ врагами.

Я отточилъ его въ уединеньи.
Я съ пѣснями пойду на бой желанный
И пусть мнѣ шлютъ враги мои къ сраженью
На корабль попутномъ вызовъ бранный.

Ну, рыцари, я жду турнировъ вашихъ
И вѣрьте мнѣ, заставитъ старый воинъ
Васъ высказать: „Да, точно, копій нашихъ
Томагаукъ его вполне достоинъ.“

За вожакѣмъ своимъ неторопливо
 Плелись мы вбродъ, когда вдали предъ нами
 На ворономъ конѣ съ косматой гривой
 Мелькнулъ ѣздокъ, взлелеянный степями.

Казалось, онъ былъ выбить изъ гранита.
 Весь въ голубомъ съ пурпурной бахромою,
 Въ цвѣтномъ платьѣ, онъ ѣхалъ сановито,
 Съ копьемъ въ рукѣ, знакомою тропю.

Онъ на лету окинулъ насъ глазами
 И тщетно я манилъ его рукою,
 Напрасно звалъ: пришпорилъ онъ ногами
 Сильнѣй коня и пролетѣлъ стрѣлою.

Изъ подъ копытъ коня съ прибрежной кручи
 Со звономъ внизъ посыпались каменя...
 Да, сынъ степей, свободный и могучій,
 Сегодня-жъ ждетъ тебя отдохновенье.

Съ женой, съ дѣтьми такъ сладко увидаться:
 Погладить сынъ коня по шеѣ влажной,
 Проговорить: „позволь мнѣ покататься,“
 И за узду ухватится отважно.

Своей женѣ подъ кровлею родною
 Расскажешь ты, какъ жизнь идетъ далеко,
 Про подвиги, свершенные тобою,
 И, можетъ быть, о встрѣчѣ у потока.

Ты добрался до своего порога.
 Мнѣ слѣдъ копытъ въ травѣ легко замѣтить...
 И приведетъ къ жилищу та дорога,—
 Но некому меня тамъ съ лаской встрѣтить.

На солнышкѣ я грѣюсь въ часъ заката,
 Лѣсъ шелеститъ вокругъ меня вѣтвями,—
 А ты, мой другъ, въ роскошныя палаты
 Идешь теперь: весь залъ блеститъ огнями,

И рой гостей вокругъ тебя толпится
 И, красотой своею обольщенный,
 Готовъ онъ пасть къ ногамъ твоимъ, царца,
 Изъ-за одной улыбки благосклонной.

О, подари меня своимъ привѣтомъ,
Пусть онъ дойдетъ въ мое уединенье,
Пусть образъ твой возникнетъ предъ поэтомъ,
Хотя-бы онъ и не принесъ спасенья.

Я помню дни: сидишь ты передъ нами
За арфою; всѣ, слушая, нѣмѣютъ...
Твой взоръ горитъ и локоны волнами
За струнами блестящими темѣютъ.

Вотъ голосъ твой. И страстный и глубокий,
Онъ пышный залъ наполнилъ пѣснью жгучей...
Чу, вѣтерокъ рыдаетъ одинокій
И сходятъ мракъ и ночь на лѣсъ дремучій.

.

Передъ огнемъ вечернимъ на свободѣ
Сидитъ кружокъ видѣйцевъ молчаливый,
Но вдругъ одинъ—должно быть, старшій въ родѣ—
Заговорилъ и мрачно и тоскливо:

„Да будетъ миръ надъ тѣмъ, кого въ могилѣ
Зарыли мы въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ саванной
Граничить лѣсъ. Еще не заходили
Подобные изъ бѣлыхъ въ наши страны.

„Онъ, на своихъ собратьевъ не похожій,
Жилъ здѣсь и мы цѣнить его умѣли,
Когда онъ шелъ съ толпою краснокожей,
Какъ свѣтлый снопъ маиса между елей.

„Былъ страненъ онъ. Порою молчаливо
Подъ деревомъ вставалъ онъ на охотѣ
И вдругъ, нашъ крикъ слышавъ, торопливо
Шелъ на угадъ, какъ будто-бы въ дремотѣ.

„Порой одинъ стоялъ онъ у потока
И сквозь кусты собратья замѣчали,
Что говоритъ онъ что-то одиноко,
Но чуждыхъ словъ они не понимали.

„Да, тѣ слова не понимались нами,
Но тѣшили насъ ихъ звукъ разнѣромъ страннымъ.
И мнилось намъ, что ровными шагами
Идутъ войска по вымерзшимъ полянамъ.

„Не одного изъ словъ не понимая,
 Любили мы ихъ музыку живую,
 Такъ щить гремитъ по сучьямъ ударя,
 Когда онъ въ нимъ привѣшанъ въ бурю злую.

„Порою вдругъ онъ умолкалъ предъ нами
 И, увидавъ, что рѣчь намъ непонятна,
 Онъ закрывалъ лицо свое руками
 И тихо шелъ въ домишко свой обратно.

„Миръ, миръ ему! Къ востоку надъ могилой
 Построимъ мы шалашъ здѣсь одинокій,—
 Въ предсмертный часъ его желанье было
 Взглянуть хоть разъ на этотъ край далекій.

А. Ш.

ДВА МІРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

І.

Въ новой церкви Волковскаго кладбища отпѣвали старуху Лопатину. Церемонія кончилась; Софья Ивановна и гости направились къ экипажамъ. Дѣти Софьи Ивановны еще остались у памятника отца, но и они скоро пошли къ выходу, смотря по стонамъ и читая надгробныя надписи. Имъ попалось нѣсколько группъ, тоже кого-нибудь хоронящихъ или стоящихъ около могилъ. Въ бѣдномъ отдѣленіи кладбища, гдѣ нѣтъ ни деревца, а только выросли, какъ грибы, темныя кресты, въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ дороги работникъ ставилъ простой крестикъ на маленькую, еще свѣжую могилу; какая-то старушка что-то говорила ему, а на землѣ, около могилки, стояла на колѣняхъ женщина и, стиснувъ на груди руки, смотрѣла на нее потеряннымъ взглядомъ.

— Смотрите-ка, воскликнула Поленька, остановясь, — какое отчаяніе на лицѣ этой женщины!

Александръ взглянулъ и вздрогнулъ; смертельная блѣдность покрывала его лицо; онъ простоналъ:

— Умеръ! крикнулъ онъ и опрометью бросился въ сторону.

Поленька пристально посмотрѣла на молодую женщину.

— Вѣдь это наша бывшая портниха! прошептала она.

Братъ и сестра съ волненіемъ ждали, что будетъ дальше.

Когда Александръ подошелъ къ Машѣ, она отвернулась и махнула рукой; онъ всталъ около нея и заплакалъ.

— Викторъ, что это?

— Развѣ ты не догадываешься?

— Это Сашинъ ребенокъ?

Викторъ не отвѣтилъ—ему было горько. Онъ пошелъ тихими шагами дальше. Поленька послѣдовала за нимъ и обернулась. Александръ стоялъ все въ томъ-же положеніи—онъ, вѣрно, забылъ, что вокругъ него есть свидѣтели. Дарья Осиповна подошла къ нему и, указывая на Машу, что-то сказала. Александръ быстро отошелъ на дорогу.

— Это твой ребенокъ умеръ? встрѣтила его вопросомъ Поленька.

Александръ едва внятно отвѣтилъ: „да“.

— И Марья Михайловна его мать?

Александръ кивнулъ головой.

— Отчего-же она такъ несчастна?

Онъ не отвѣтилъ; всѣ нервы Поленьки задрожали.

— Ты, вѣрно, ее бросилъ, и не зналъ даже, что ребенокъ твой боленъ и умеръ?

— Молчи! молчи! умоляющимъ голосомъ воскликнула Александръ и скорыми шагами отошелъ отъ сестры. Поленька хотѣла послѣдовать за нимъ, но Викторъ схватилъ ее за руку.

— Оставь, Поля, теперь ужъ поздно!

Поленька послушалась, но еще разъ обернулась. Издали было видно, что Дарья Осиповна уговаривала Машу уйдти, а Маша сидѣла на землѣ, положивъ голову на могилу.

— Викторъ, вѣдь это нашъ племянникъ тамъ зарытъ! сказала Поленька и слезы полились изъ ея глазъ; — если-бы мы знали, что у насъ есть племянникъ, онъ-бы, можетъ быть, и не умеръ!

— Для него мы ничего больше не можемъ сдѣлать, отозвался Викторъ,—но мать его жива. Мы обо всемъ разузнаемъ, дамъ тебѣ слово; но теперь пойдемъ, Поля; посмотри, какъ мы отстаи.

Въ тотъ-же день Викторъ зашелъ къ брату, и тотъ сгоряча признался ему во всемъ. Викторъ не читалъ брату наставленій,—онъ думалъ только о томъ, какъ-бы облегчить положеніе Маши.

— Дай срокъ, говорилъ онъ сестрѣ,—я постараюсь найти возможность проникнуть къ пей!

— Все это такъ долго! воскликнула Поленька.— Пока ты будешь стараться, она и сама можетъ послѣдовать за ребенкомъ... Знаешь, что? Я къ ней поѣду; ужь меня-то она ни въ чемъ не можетъ заподозрить...

— Но какъ-бы мама не узнала?

Поленька задумалась.

— Я ничего не скажу мамашѣ, а все-таки поѣду къ Марьѣ Михайловнѣ. Мнѣ двадцать одинъ годъ—пора-же мнѣ, наконецъ, быть на-столько свободною, чтобъ поступать по совѣсти.

II.

На слѣдующій день братъ и сестра вышли изъ дому; на первой биржѣ Викторъ посадилъ Поленьку въ карету. Дорога казалась ей безконечною.

Наконецъ, желанный домъ былъ отысканъ. Поленькѣ никогда еще не приходилось подниматься по такой узкой, темной и крутой лѣстницѣ и видѣть такую трущобу; она даже и вообразить себѣ не могла, что въ Петербургѣ есть подобныя дома и что люди могутъ жить въ нихъ.

Когда она поднялась наверхъ и постучала въ дверь, къ ней вышла Дарья Осиповна и указала ей на ближайшую дверь, прося ее войти. Поленька вошла въ небольшую комнату, въ которой было холодно и пахло сыростью.

— Маша, иди скорѣй, говорила между тѣмъ Дарья Осиповна, — тебя какая-то барыня спрашиваетъ.

— Она у насъ бывала прежде?

— Нѣтъ, что-то не припомню.

Маша пошла къ двери, мать послѣдовала за ней; съ появленіемъ хорошо-одѣтой барыни, она надѣялась, что счастье опять повезетъ Машѣ, и хотѣла быть свидѣтельницей ея удачи послѣ столькихъ бѣдъ. Маша уже прошла пол-комнаты, когда Поленька обернулась и сдѣлала шагъ на встрѣчу къ ней. Маша измѣнилась въ лицѣ и пошатнулась; въ глазахъ ея блеснули ненависть и озлобленіе. Но она превозмогла себя и выговорила:

— Зачѣмъ вы пріѣхали?

Кровь такъ стучала въ виски Поленьки, вся обстановка и

сама Маша такъ подѣйствовали на нее, что, вмѣсто отвѣта, она заплакала. Маша замолчала; Дарья Осиповна остановилась въ недоумѣніи.

— Я пришла къ вамъ такъ поздно, наконецъ, проговорила Поленька, все плача,—потому, что очень недавно узнала обо всемъ... и меня ужасно мучить совѣсть...

Маша зло улыбнулась; слова замерли у Поленьки.

— Уйдите, глухо сказала Маша и тихо прибавила:—я знаю вашу совѣсть...

Поленька вздрогнула.

— Такъ вы мнѣ не вѣрите... начала она, но Маша перебила ее:

— Нѣтъ, ничему не вѣрю, что вы говорите!

— Такъ вы думаете, что и я безчестная? вырвалось у Поленьки восклицаніе.—Марья Михайловна, я просто хочу хоть чѣмъ-нибудь загладить вину брата.

— Предложить мнѣ деньги? съ ироніей сказала Маша.—Братецъ вашъ ужъ два раза предлагалъ мнѣ заплатить за мою любовь, но я отказывала.

Лицо Маши судорожно вздрогнуло.

— Это было давно, продолжала она,—и я потомъ жалѣла, что не унизилась до грязи и не взяла эти проклятыя деньги, но тогда мой сынъ былъ еще живъ... Онъ умеръ потому, что у меня ихъ не было... Теперь все кончено, унижаться мнѣ больше не для кого.

Маша повернулась и посмотрѣла сперва на мать, потомъ на Поленьку.

— Полина Александровна, сказала она глухимъ голосомъ,—для этой старушки я была единственною радостью въ ея жизни, и я вмѣсто радости дала ей позоръ и униженіе — (слезы потекли по исхудалымъ щекамъ Маши.)—Я отравила ей этотъ послѣдній годъ, я пренебрегла всеми ея просьбами и убѣжденіями, а она всегда учила меня добру. Я сдѣлала ей все это зло изъ-за безумной любви. Что-жь должна была она дѣлать?—прогнать меня и отвернуться отъ меня. А она-же еще утѣшаетъ меня и страдаетъ вдвойнѣ—и за себя, и за меня. Вотъ это мы называемъ любовью; а вы думаете, что можно измѣять сердце, измучить его, истерзать и потомъ швырнуть деньги? Но мы съ мамой умѣемъ только любить, а продаваться—не умѣемъ.

Маша пошла къ двери и еще разъ обернулась къ Поленькѣ:

— Вамъ ничего не стоитъ бросить мнѣ нѣсколько сотъ рублей, я это знаю; вамъ эти сотни не нужны, а совѣсть ваша будетъ спокойна; но и намъ эти деньги не нужны...

Маша вышла.

Поленька осталась, какъ прикованная къ мѣсту. Дарья Осиповна подошла къ ней и добрымъ голосомъ сказала:

— Простите мою дочку: она такъ несчастна, что сама не знаетъ, что говорить.

— Я не виновата въ томъ, что случилось, отозвалась Поленька,—и не хотѣла обидѣть вашу дочь. Мнѣ жаль ее, и я пришла узнать, нельзя-ли чѣмъ-нибудь помочь ей?

— Нельзя ничѣмъ помочь, отвѣтила Дарья Осиповна: — она слишкомъ убита: даже бѣдности своей не замѣчаетъ и работаетъ только для меня.

— Я, кажется, вмѣсто добра сдѣлала зло, уныло произнесла Поленька;—прощайте, скажите вашей дочери, что я совсѣмъ не такая... что въ мѣсяцъ не совсѣмъ сухая корка...

Дарья Осиповна ничего не могла отвѣтить Поленькѣ: она тоже была взволнована и тоже плакала.

— Что, ушла? спросила Маша, когда Дарья Осиповна вошла къ ней.

— Ушла.

— Это, вѣрно, онъ подослалъ ее ко мнѣ, и опять съ деньгами... Прежде за меня хотѣлъ мнѣ-же платить деньги, а теперь ужъ за мертвого сына...

— Она что-то не похожа на такую, которая-бы... хотѣла вступиться Дарья Осиповна за Поленьку.

— Мамошка, милая, не говори мнѣ про нихъ, имени ихъ не могу слышать! умоляющимъ голосомъ отозвалась Маша и низко наклонилась надъ работой.

III.

Возвратясь домой, Поленька прямо прошла къ Виктору.

— Неудачно! сказала она и махнула рукой.

— Сядь, милая Поля, какъ ты взволнована! Случилось что-нибудь особенно неприятное?

— Какъ тебѣ сказать... да; мы врядь-ли можемъ хоть что-нибудь для нея сдѣлать; она насъ слишкомъ ненавидитъ...

Викторъ внимательно слушалъ рассказъ Поленьки.

— А какъ живетъ, если-бы ты только видѣла! въ какой нуждѣ: холодно, сыро... И все это надѣлалъ Саша... Я ненавижу Сашу!

Викторъ хотѣлъ что-то сказать, вѣрно, въ защиту брата, но Поленька рѣзко остановила его.

— Не защищай его, возразила она,—я уже довольно наслышалась, что всѣ такіе, что онъ не исключеніе, что наша жизнь... и т. д.; мнѣ ужъ эта пѣсня надоѣла! Саша довольно умень, чтобъ понимать, что онъ дѣлаетъ. Онъ вѣдь постоянно красуется своими либеральными убѣжденіями. Кромѣ того, онъ юристъ—значитъ, онъ долженъ знать законы, по крайней мѣрѣ, я никогда не слышала о такихъ законахъ! Если Саша передъ своей совѣстью не стыдно, то пускай-бы онъ хоть законы свои лишній разъ почиталъ. Но онъ низкій, низкій человѣкъ.

— Но все-таки надо подумать, какъ помочь Марѣ Михайловнѣ, замѣтилъ Викторъ. — Она говорила, что Саша давалъ ей деньги?

— Да, но она и слышать о нихъ не хочетъ.

— Ну, такъ и не нужно предлагать ей, пока она не будетъ намъ вѣрить.

— Викторъ, робко произнесла Поленька,—знаешь, что мы могли-бы сдѣлать для Марьи Михайловны?

— Что?

— Поставить памятникъ на могилѣ ея сына. Кажется, онъ ей всего дороже, и тутъ ужъ насъ нельзя ни въ чемъ заподозрить...

— И этого мы не можемъ сдѣлать безъ ея согласія.

— Такъ я напишу ей! А теперь прощай, Викторъ; вѣдь я ужъ съ двухъ часовъ у тебя, и тетя Катя, въ послѣдній день, совсѣмъ разозлится...

Поленька встала сошла внизъ: Софья Ивановна уже отдавала приказаніе сходить за ней къ Виктору. Подойдя къ тетѣ, которая какъ-то неуютно прижалась въ уголъ дивана, Поленька освѣдомилась объ ея здоровьѣ.

— Слаба, едва-слышно отвѣтила тѣтя Катя и черезъ минуту прибавила:— Мегсі за вниманье!

Поленька сѣла около нея и больше не заговаривала; тѣтя Катя то-и-дѣло закрывала глаза, а это былъ знакъ, что она бесѣдовать не въ состояніи. Она любила, чтобъ ее обижали близкіе, отсутствіе Софьи Ивановны или Полины считала непростительнымъ невниманьемъ, но въ разговорахъ не нуждалась. Послѣдній мѣсяцъ болѣзни старухи Лопатиной очень тяжело отразился на здоровьѣ тѣти Кати. Съ ней начали дѣлаться частыя обмороки и доктора совѣтовали ей уѣхать за-границу. Испуганная мыслью о смерти, тѣтя Катя торопилась отъѣздомъ. Она сдѣлалась даже ласковѣе съ Софьей Ивановной и Поленькой, вслѣдствіе предложенія Софьи Ивановны взять за-границу Амалію Карловну. Амалія Карловна была тотчасъ-же отставлена отъ должности гувернантки, и произведена въ компаньонки тѣти Кати. Тѣтя Катя не спускалась больше внизъ къ обѣду и на короткое время принимала у себя Софью Ивановну и Поленьку. При нихъ она почти не говорила или съ разстановкой тянула слова умирающимъ голо... канунъ отъѣзда она нашла приличнымъ отобѣдать вмѣстѣ съ родственниками. Это было именно въ тотъ день, когда Поленька возвратилась отъ Маши. Обѣдъ проходилъ въ глубокомъ молчаніи. Никто не разговаривалъ и старался даже ѣсть какъ можно тише, чтобы не обезпечить больную. Въ концѣ обѣда тѣтя Катя объявила, что она уже въ послѣдній разъ обременяетъ родственниковъ своимъ присутствіемъ, но что ее за это, какъ больную, не помянуть лихою; потомъ она взяла Поленьку подъ руку и попросила отвести себя на верхъ.

— Благодарю тебя, душа моя; приди ко мнѣ пить чай. Когда Амалія Карловна кончатъ дѣла съ мамѣ, пусть тотчасъ-же поднимется наверхъ. Очень попроси отъ меня Лину не шумѣть въ корридорѣ и не забудь ей это повторить... До свиданья.

Внизу всѣ уже разошлись, столовая была пуста; въ залѣ слышались голоса Лины и Сашеньки. Поленька направилась къ нимъ, чтобы передать Линѣ горученіе тѣти Кати. Проходя чрезъ гостиную, она увидѣла Александра у одного изъ оконъ. Блѣдное лицо его было натянуто-холодно; онъ неопредѣленно

смотрѣлъ куда-то въ даль. Услышавъ легкіе шаги, онъ обернулся.

— А, Полина, ты уже вернулась? мнѣ нужно сказать тебѣ два слова.

— Хорошо, я слушаю.

Александръ оглянулся.

— Не здѣсь; я надѣюсь, что ты и меня удостоишь своимъ посѣщеніемъ...

— И здѣсь намъ никто не помѣшаетъ... мамá у себя, остальные ушли...

— Такъ ты отказываешься подняться въ мои комнаты? обиженно произнесъ Александръ;—однако, и я тебѣ такой-же братъ, какъ Викторъ.

— Викторъ мой другъ, замѣтила Поленька.

— Ахъ, извини, я и забылъ!.. съ язвительной горечью воскликнулъ Александръ.—Ну, все-равно, сядемъ хоть здѣсь; я не обезпокою тебя длинной рѣчью.

— Пойдемъ ко мнѣ.

Они вошли въ кабинетъ Поленьки; Александръ отвѣсилъ ей церемонный поклонъ.

— Благодарю, что я еще не совсѣмъ изгнанъ, сказалъ онъ и развалился въ кресло.

Братъ и сестра замолчали. Небрежная поза Александра составляла странный контрастъ съ его взволнованнымъ лицомъ. Сердце Поленьки ныло отъ томительнаго ожиданія, что Александръ непременно скажетъ ей что-нибудь недоброе.

— Душевно сожалѣю, прервалъ онъ молчаніе,—что ты еще разъ была встревожена однимъ случаемъ, который собственно долженъ-бы былъ... однимъ словомъ, я говорю объ этой нелѣпой сценѣ на кладбищѣ.

— Нелѣпой? отозвалась Поленька.—Я не нахожу нелѣпнымъ сожалѣть о своихъ злыхъ поступкахъ.

— Ха, ха! Полина, принужденно засмѣялся Александръ,—ты совершенная квакерша!.. Еще два слова—и ты будешь читать мнѣ мораль. *C'est ridicule, chère Pauline.*

Поленька вспыхнула и замолчала; она чувствовала, что готова наговорить брату рѣзкихъ словъ, и рѣшилась не подбавлять

лишней горечи къ ихъ натянутымъ отношеніямъ, которыя каждую минуту могли лопнуть.

— Рѣчь теперь идетъ не обо мнѣ, холодно сказала она;— продолжай.

— Я увѣренъ, что ты не передала ничего маменькѣ, снова началъ Александръ, — и мнѣ нечего просить тебя сохранить въ тайнѣ...

Поленька кивнула головой.

— Очень тебѣ благодаренъ, но я хочу дать тебѣ нѣкоторое поясненіе насчетъ Алексѣевой...

Слово: „Алексѣевой“, произнесенное съ какой-то особенной небрежностью, возмутило Поленьку; она посмотрѣла на брата съ такимъ негодованіемъ, что онъ потупился, но тотчасъ-же рѣшительно и дерзко поднялъ голову.

— Эту Алексѣеву, повторилъ онъ, — я чрезвычайно любилъ; я окружилъ ее всевозможными удобствами и роскошью; я долго идеализировалъ ее, но, къ несчастью, она не оправдала ни моихъ ожиданій, ни моей любви...

Полина молчала.

— Я разошелся съ ней, но все-же любилъ ее и заботился о ней. Я много разъ предлагалъ ей деньги.

— Которыхъ она не брала? торопливо перебила его Поленька.

— А-а, твой другъ ужъ все передалъ тебѣ!

— Да, передалъ.

— Которыхъ она не брала, съ раздраженіемъ повторилъ Александръ, отчеканивая каждое слово. — Ну, что-жъ изъ этого?

— Ничего.

Оба снова замолчали.

— Я люблю ее и до сихъ поръ, какъ-бы нехотя сознался Александръ. — Ты видѣла это на кладбищѣ. Мнѣ очень жаль, что ты это видѣла, но что дѣлать, съ сердцемъ неладишь, — я ее люблю. Я опять хочу встать съ ней въ прежнія отношенія... Понимаешь-ли ты меня, Полина?

— Нѣтъ, ничего не понимаю.

— Зная твой нѣсколько экзальтированный характеръ, я боюсь, что ты захочешь вмѣшаться въ наши отношенія. Но, другъ мой, любовныя отношенія всего лучше восстанавливаются, когда въ нихъ не вмѣшиваются постороннія лица. Такъ-какъ это дѣло

касається мене одного, то я и прошу тебя предоставить его мнѣ.

— Какъ-же ты смѣешь вмѣшиваться въ мои дѣла? вдругъ перебила его Поленька. — Я тебя довольно презираю, чтобъ не спрашивать твоихъ совѣтовъ! Что я захочу, то и сдѣлаю, и никакіе расчеты твои меня не остановятъ.

Она встала.

— Александръ, сказала она. — въ моихъ глазахъ ты лгунъ и обманщикъ. Я тебѣ кланяюсь единственно для того, чтобы не огорчать мать; но я тебѣ больше не сестра и ты мнѣ не братъ!

Лицо Александра перекосилось, рука судорожно ухватилась за пуговицу; онъ ничего не отвѣтилъ, пошелъ къ двери и взялся за ручку.

— Итакъ, мы чужіе, сказалъ онъ, будто въ раздумьѣ; отвѣта не было; — итакъ, всѣ родственные узы порваны изъ-за...

Онъ остановился, пожалъ плечами и сдѣлалъ презрительную гримасу. Поленька махнула рукой.

— Пожди, едва внятно прошептала ея блѣдныя губы.

Дверь отворилась и съ силой захлопнулась. Поленька вздрогнула и опустилась на диванъ.

IV.

Александръ былъ крайне раздосадованъ. Онъ прибѣжалъ къ себѣ и долго не могъ успокоиться. Ему стоило три дня страшной борьбы, чтобъ рѣшиться говорить съ сестрой о Машѣ, и онъ долженъ былъ сознаться, что потерпѣлъ совершенное пораженіе. Когда онъ увидѣлъ Машу на могилѣ сына, неожиданность поразила его; всякіе расчеты вылетѣли у него изъ головы, совѣсть мучительно упрекнула его. Придя домой, онъ еще былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, онъ нервно рыдалъ, вспоминая, какъ Мама съ отвращеніемъ отвернулась отъ него. Когда Викторъ вошелъ къ нему и сталъ его разспрашивать, Александръ въ нѣсколькихъ словахъ сказалъ ему, въ чемъ дѣло, и далъ прочесть письмо Машы. Это отрезвило его.

— Ты, однако, не думай, замѣтилъ онъ съ холодной сдержанностью, — что я одинъ тутъ виноватъ. Она несносная дѣвушка, съ самымъ тяжелымъ характеромъ.

Викторъ ничего не возразилъ, онъ молча протянулъ брату руку и вышелъ.

— Дуракъ! обозвалъ себя Александръ, — дернуло меня дать ей адресъ! Ну, какъ онъ пойдетъ къ ней, неужели она будетъ молчать?.. Да нѣтъ, онъ не пойдетъ, онъ понимаетъ, что это было бы глупо... Да онъ и не опасенъ, хомякъ!..

Александръ нѣсколько успокоился, но не могъ простить себѣ своей оплошности. Вдругъ ему вспомнились слова Полины: „Это твой ребенокъ умеръ?“ и въ его головѣ мелькнула мысль, что Полина непременно постарается проникнуть къ Машѣ. Онъ не думалъ, что она сдѣлаетъ это такъ скоро, но онъ былъ увѣренъ, что она это сдѣлаетъ. Нужно было во что-бы то ни стало устранить ее, а то она могла-бы узнать о немъ много вещей, бросающихъ на него очень невыгодную тѣнь. Послѣ трехъ сутокъ самыхъ разнообразныхъ плановъ, какимъ образомъ ловко оградиться отъ возможнаго вмѣшательства Полины, Александръ рѣшился запретить ей вторгаться въ его дѣла, и если она будетъ упорствовать, пригрозить ей тѣмъ, что онъ все скажетъ Софьѣ Ивановнѣ. Конечно, онъ этого вовсе не желалъ и не исполнилъ-бы своей угрозы, но онъ мало зналъ характеръ сестры, и говорилъ себѣ, что этия охладить ея пылъ. Вышло, однако, не такъ. Онъ разыгралъ пошлую роль. Ледяное спокойствіе сестры приводило его въ ярость; оно, наконецъ, взорвало его и онъ уже окончательно потерялся. Только когда онъ былъ за дверью сестры, онъ смутно почувствовалъ, что навсегда погибъ въ ея мнѣніи. Только когда Поленька нанесла его самолюбію вторую рану, онъ понялъ, что она такое.

„Да она просто *bas-bleu*, педантка, квакерша! думалъ онъ. — Кому-бы могло придти въ голову, что подъ этой эфирной наружностью скрывается чортъ-знаетъ что!.. Дуракъ! ничего этого я не видѣлъ раньше!.. Это все моя проклятая любовь меня такъ изуродовала. Не подумать о сестрѣ, не сдѣлать должной оцѣнки характера дѣвушки, съ которой приходится сталкиваться каждый день!.. Разъ въ жизни любилъ искренно, и въ какіе-нибудь два года надѣлалъ тысячу пошлостей и глупостей! Чортъ съ ней, съ искренней любовью!.. Вотъ ужъ никогда больше не поддамся на эту удочку“.

Яркая краска вдругъ разлилась по всему лицу Александра; онъ вспомнилъ, какъ часто высказывалъ при сестрѣ крайне-ли-

беральныя взгляды и рѣзкія мнѣнія. Ему теперь показалось, что въ молчаніи Поленьки и въ ея улыбкѣ было недовѣріе и тонкая иронія. Теперь она, конечно, тоже смѣется надъ его идиотскимъ объясненіемъ съ ней и, хотя-бы только на зло ему, непременно отправится къ Машѣ.

— Неужели-же я сталъ совершеннымъ дуракомъ и не съумѣю изъ всего этого вывернуться? спрашивалъ онъ себя.— Единственное средство—написать Машѣ доброе и ласковое письмо и здѣтъ ея гордость.

Онъ написалъ страницы полторы и перечелъ написанное.

— Теперь извольте подвѣзжать, Полина Александровна!

V.

Поленька рано проснулась на другое утро. Она написала письмо Машѣ и пошла къ Виктору, чтобъ попросить бросить его въ ящикъ. Въ то-же утро Лопатины проводили тетю Катю на желѣзную дорогу.

— Теперь нужно скорѣй похлопотать о гувернанткѣ, замѣтила Софья Ивановна, садясь въ карету.

— Я думаю, самое лучшее—обратиться къ начальницѣ женской гимназіи?

— Конечно, это очень хорошая мысль; завтра-же мы поѣдемъ къ начальницѣ ближайшей гимназіи. Я-бы поѣхала сегодня, да нужно распорядиться по дому и написать сестрицамъ.

Предвидя скорый отъѣздъ тети Кати и, вслѣдствіе этого, свое совершенное освобожденіе отъ какого-бы то ни было родственнаго ига, Софья Ивановна пригласила своихъ двухъ родственницъ и подругъ юности пріѣхать съ дѣтьми провести у ней зиму. Приглашеніе было принято съ радостью, и родственницы ожидали только увѣдомленія, когда имъ можно будетъ пріѣхать. Несмотря на свой глубокой трауръ, Софья Ивановна была такъ весела, оживленна и болтлива, какъ еще никогда не бывала.

Вечеромъ къ Линѣ пришли подруги, но Поленька не хотѣла оставаться съ дѣтьми; къ ней тоже пришло дорогой гость.

— Мамаша, можно мнѣ попросить Ивана Николаевича въ свой кабинетъ, онъ никогда еще у меня не былъ? спросила Поленька.

Софья Ивановна подумала.

— Пожалуй, проси, сказала она и подумала: „Вѣдь теперь ужъ рѣшительно некому ходить по дому и все вынюхивать и высматривать!“

— Наконецъ-то, мы опять вдвоемъ! воскликнулъ Ветловъ.— И даже въ твоей комнатѣ.

Онъ обнялъ Поленьку и сталъ ходить съ ней по комнатѣ. Полина торопливо передавала ему исторію съ Машей.

На слѣдующій-же день Софья Ивановна и Поленька поѣхали справиться о гувернанткѣ къ директрисѣ ближайшей женской гимназіи. Ихъ приняла немолодая женщина, и, повидимому, обрадовалась, узнавъ о причинѣ ихъ визита.

— Я могу рекомендовать вамъ отличную дѣвушку, которую знаю уже пятнадцать лѣтъ, сказала она послѣ предварительныхъ разспросовъ;—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ она отошла отъ мѣста, на которомъ прожила четыре года. Все семейство уѣхало за-границу и отецъ непременно хотѣлъ взять для дѣтей парижанку; такъ бѣдная Нелли и осталась не причемъ.

— Она не русская?

— Русская, и по наружности, и по имени: ее зовутъ Надеждой Васильевной Пеповой, но мы привыкли называть ее Нелли. Она воспитывалась у меня въ пансіонѣ,—прежде я держала пансіонъ,—и была у меня съ девяти лѣтъ; теперь ей двадцать четыре.

„Ну, слава-богу, подумала Полина,—не старая дѣва!“

— Вы не думаете, что она немножко молода? замѣтила Софья Ивановна:—племянница моя довольно буйнаго нрава.

— Не безпокойтесь, Надежда Васильевна не дастъ ребенку вертѣть собой! Она дѣвушка съ характеромъ и обладаетъ большими познаніями. Она пріобрѣла ихъ отчасти у меня, отчасти у одной дамы, въ которой, по окончаніи курса, поступила компаньонкой. Эта дама превосходно знала иностранные языки и занималась какими-то литературными трудами. Она чрезвычайно полюбила Нелли, и черезъ нѣсколько времени Нелли изъ компаньонки стала ея помощницей. Нелли проработала съ нею цѣ-

ныхъ три года, вплоть до смерти этой дамы, и превосходно окончила свое образованіе. Потомъ, въ ожиданіи новаго мѣста, она переѣхала къ отцу. Онъ еще живъ, и теперь она опять у него. Но она не любитъ у него жить: бѣдный старикъ имѣетъ несчастную слабость—онъ немножко пьетъ.

Безпокойство отразилось на лицѣ Софьи Ивановны; директриса это замѣтила.

— Я вамъ рассказала всю исторію Нелли, сказала она,— чтобъ вы знали, кого берете въ домъ, и могли вполне довѣрять ей. Насчетъ отца не беспокойтесь: онъ никогда не ходитъ навѣщать свою дочь, когда она на мѣстѣ. Она тоже не часто навѣщаетъ его и бываетъ только у меня да теперь еще у одной своей подруги, которая недавно овдовѣла и пріѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ. Что-жь, подходитъ къ вамъ моя protégée?

— Мнѣ-бы хотѣлось поговорить съ нею; когда могу я ее видѣть?

— Хоть черезъ часъ; она живетъ недалеко отсюда, я пошлю сказать ей, чтобъ она къ вамъ явилась.

— Мама, можетъ быть, мы могли-бы зайти къ ней сами, чтобъ ее не беспокоить? спросила Полина.

— Конечно, если она не стѣснится принять насъ.

— Нисколько! отецъ ея живетъ небогато, но очень прилично.

Директриса дала адресъ Надежды Васильевны.

— Какая счастливая мысль пришла тебѣ въ голову—посмотрѣть, какъ живетъ эта дѣвушка, замѣтила по дорогѣ Софья Ивановна, Полина немножко покраснѣла.

— Я не для этого хотѣла идти къ ней, отозвалась она,— но мнѣ всегда совѣстно, когда гувернантокъ заставляютъ бѣгать наниматься.

Софья Ивановна не совсѣмъ поняла мысль своей дочери, но согласилась съ ней.

— Если эта дѣвушка намъ понравится, то мы и искать больше не будемъ. Неправда-ли, Полина, зачѣмъ намъ искать лучшаго отъ хорошаго?

— Разумѣется! Мама, кажется, это здѣсь.

На ихъ звонокъ имъ отворила дверь молодая дѣвушка въ

на ней было простое черное платье безъ оборокъ и волановъ, бѣлые воротничекъ и рукавчики; на груди въ два ряда лежала черная цѣпочка.

На эту-то женщину и заглядѣлись Лопатины. Софья Ивановна даже сказала Надеждѣ Васильевнѣ нѣсколько совершенно ненужныхъ фразъ, чтобъ имѣть время взглянуть на ея подругу.

Сѣвъ въ карету, она спросила Поленьку:

— Ты замѣтила подругу нашей гувернантки?

Софья Ивановна уже считала Нелли членомъ своего дома.

— Да, какая красивая!

— Неправда-ли? Какая-то необыкновенная красота; точно та испанка, которая виситъ у насъ въ гостиной.

— Дѣйствительно, есть немножко сходства, только у нашей испанки глупое лицо...

— А у этой умное, строгое такое, согласилась Софья Ивановна;—но и Надежда Васильевна славная; не такая красивая, а, должно-быть, хорошая дѣвушка.

Когда вечеромъ Полина осталась одна въ своей комнатѣ, къ ней, по обыкновенію, вошла Анисья Степановна, чтобъ освѣδο- миться, не нужно-ли чего.

— Благодарю васъ, ничего не надо.

— Что это вы все грустите, Полина Александровна? ужъ не по бабенкѣ-же?

— Нѣтъ, не по бабенкѣ; такъ, что-то не по себѣ.

— Я вижу, что вы все о чемъ-то печалитесь; совсѣмъ вы не такъ смотрите, когда веселы.

— Анисья Степановна, вдругъ сказала Поленька,—знаете-ли, кого я надняхъ встрѣтила?

— Кого-съ?

— Нашу бывшую портниху, Марью Михайловну.

— Гдѣ-жь вы ее встрѣтили? гдѣ она теперь?

— Въ Коломнѣ живетъ, у меня есть ея адресъ. Она въ большой нуждѣ, Анисья Степановна: ей не повезло на томъ мѣстѣ... знаете... Я ужъ не помню, что она тогда намъ говорила.

— А теперь что-жь она говорить?

— Такъ, немного; говорить, что не повезло... Впрочемъ, ей, ^{кажется}л, непріятно было меня встрѣтить, она немного говорила со мной.

— Мы не хотимъ долше задерживать васъ, сказала Софья Ивановна;— когда можете вы прїѣхать къ намъ?

— Я свободна хоть завтра; но вы позволите мнѣ прежде, чѣмъ заключить окончательныя условія, провести у васъ недѣли двѣ? Я ознакомлюсь съ характеромъ моей ученицы и увижу, могу-ли быть ей полезна.

Проходя черезъ кухню, обѣ Лопатины молча раскланялись съ особой, названной Таней. Она сидѣла на подоконникѣ, прислоняясь головой къ стѣнкѣ и скрестивъ на груди руки. Глаза ея разсѣянно глядѣли въ окно, но когда Софья Ивановна показала на порогѣ, она обратила ихъ на нее, быстро и пристально взглянула сперва на Софью Ивановну, потомъ на Поленьку, и отвѣсила имъ серьезный поклонъ. Софья Ивановна и Поленька, въ свою очередь, не разъ взглянули на эту необыкновенно-оригинальную особу прежде, чѣмъ за ними захлопнулась дверь.

Всѣ люди вообще, и на улицахъ, и въ театрахъ, и во всѣхъ людныхъ мѣстахъ, заглядывались на Татьяну Павловну Висленеву, да и нельзя было не заглядываться на нее; ея лицо и вся фигура бросались въ глаза. Она была высока и стройна, имѣла смуглое лицо и черные волосы, которые гладко ложились на ея высокій лобъ и низко спускались на шею. Глаза ея были такъ черны, какъ только могутъ быть черны человѣческіе глаза; большіе зрачки казались еще больше отъ синеватыхъ бѣлковъ. Прямой носъ ея былъ даже слишкомъ хорошъ со своими небольшими, подвижными ноздрями. Въ уголкахъ рта и въ ямкахъ надъ бровями видѣлась больше чѣмъ сосредоточенная серьезность, можно-бы сказать—видѣлось страданье. Въ глазахъ ея, когда она задумывалась, проглядывало нѣсколько тупое выраженіе; они лишались своего блеска и какъ-то упорно не двигались. Но когда Татьяна Павловна говорила, лицо ея измѣнялось: оно дѣлалось оживленнымъ, выразительнымъ, подвижнымъ. Она довольно часто улыбалась, что придавало веселое и даже ласкающее выраженіе ея большимъ глазамъ. Татьяна Павловна не была худа; напротивъ, въ формахъ ея видѣлась нѣкоторая округленность, но кости ея были чрезвычайно гибки и тонки. Въ походкѣ ея, въ манерахъ, въ каждомъ движеніи была грація, бессознательная и врожденная, отъ которой она не могла-бы отдѣлаться, если-бы даже хотѣла. Одѣвалась она вѣчно:

— Коли не знаєшь, такъ прочти; можетъ быть, тамъ есть что-нибудь доброе.

Маша продолжала молчать и работать, но видно было, что она взволнована. Наконецъ, желаніе узнать, что сказано въ письмахъ, взяло верхъ. Она подошла къ подоконнику и распечатала письмо Александра.

„Милая Маша, писалъ онъ, — лишнее говорить, что я испыталь, когда увидѣлъ тебя! Ты сама должна сознать, что еще минута — и я-бы помѣшался отъ горя! Я пришелъ домой и захворалъ. Твоимъ упорствомъ ты насъ погубишь; мало тебѣ сына, нужно и меня... Богъ тебѣ судья, Маша, нѣтъ въ тебѣ сердца!.. А все-же я прихожу къ тебѣ еще и еще, и умоляю тебя не губить себя. Я знаю, что ты въ нуждѣ, я это видѣлъ... Я люблю тебя и ты имѣешь полное право честно взять отъ человѣка, любящаго тебя, все, въ чемъ ты нуждаешься. Я не прошу больше о любви, но я прошу тебя позволить мнѣ помочь тебѣ въ твоемъ бѣдственномъ положеніи. Неужели ты хочешь дожидаться той минуты, когда чужая рука протянетъ тебѣ милостыню и ты должна будешь принять ее? Я знаю, что одна особа готова подать тебѣ эту милостыню, и, вѣроятно, скоро будетъ искать случая повидать тебя. Неужели у тебя поднимется рука взять отъ чужой то, что ты отказывалась взять отъ меня болѣе полугода?

„Моя сестра разжалобилась надъ твоей судьбой, и какъ я ее ни увѣрялъ, что ты никогда не унизишься и не возьмешь подаенія, кажется, она вовсе въ этомъ не убѣдилась. Прощай, Маша, подумай о моихъ словахъ; неужели тебѣ такъ трудно взять хоть бездѣлицу отъ человѣка, такъ недавно близкаго тебѣ? Любящій тебя Александръ“.

Маша опустила письмо на колѣни и задумалась. Дарья Осиповна, съ безпокойствомъ наблюдавшая за ней во время чтенія, чуть не вскрикнула отъ отчаянія, что надежды ея опять разбились. Какъ ни привыкла Дарья Осиповна страдать, а все-же чувствовала, что силы начинаютъ измѣнять ей. Со смерти ребенка она не могла равнодушно и тупо-покорно смотрѣть на Машу. Мысль потерять и ее, послѣдняго человѣка и самаго любимаго, туманила ей разсудокъ. А Маша съ каждымъ днемъ слабѣла и худѣла. Дарья Осиповна даже больше не молилась, — молитвы ея переходили всегда въ отчаянный ропотъ. Да, теперь она уже роптала;

кресть казался ей слишкомъ тяжелымъ, молча нести его дольше она не могла. Прїѣздъ Поленьки на минуту воскресилъ ея надежды, но прїемъ Маши и потомъ ея просьба никогда не упоминать о Лопатиныхъ повергли Дарью Осиповну въ прежнее состояніе полнѣйшаго отчаянія. Письма съ черными ободками опять воскресили надежды Дарьи Осиповны. Она тревожно ходила изъ комнаты въ комнату, глядѣла на нихъ, вертѣла ихъ въ рукахъ, даже достала изъ кармана очки и сама хотѣла прочесть ихъ, но не рѣшилась. Она не вытерпѣла и спросила тогда Машу, что она будетъ дѣлать съ письмами. Когда она увидѣла въ щель двери, что Маша сѣла на подоконникъ и взяла письмо, она много явилась въ комнату и съ трепетомъ слѣдила за Машей. Когда письмо упало на колѣни Маши, Дарья Осиповна почувствовала, что въ головѣ ея помутилось.

„Нѣтъ, лучшаго не будетъ!.. все то-же и то-же до самой могилы!“

— Мама! вѣдь опять деньги предлагаетъ! воскликнула Маша съ горечью.

Дарья Осиповна вздрогнула.

— Ну, и бери, сказала она чуть слышно.

— Что? съ удивленіемъ спросила Маша.

Дарья Осиповна вспыхнула до самыхъ сѣдыхъ волосъ своихъ и не повторила сказаннаго: у нея не хватило духа.

Маша ничего больше не прибавила; она задумалась и не трогала другого письма. Ее поразило то мѣсто въ письмѣ Александра, гдѣ онъ говорилъ о Полинѣ. Онъ, видимо, не зналъ, что она была у нея,—значить, она приходила сама отъ себя, а не онъ подослалъ ее; она ему, вѣроятно, даже не призналась, что была у нея.

„Зачѣмъ-же она приходила, вѣдь она совсѣмъ не знаетъ меня? Видно, какъ братъ говоритъ, хотѣла мнѣ подать милостыню. А ему все-таки не хочется, чтобъ она меня видѣла. Экій онъ злой, не хочетъ даже, чтобъ меня и пожалѣлъ кто-нибудь!“

Маша вспомнила, какъ Поленька плакала, какъ у нея не нашлось словъ возразить ей, какъ она краснѣла и блѣднѣла, какъ прижалась къ стѣнѣ и закрыла лицо руками. Въ первый разъ вспомнила Маша все это подробно и ей стало жаль Поленьку.

— Кто знаетъ! можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ добрая, въ раздумьѣ произнесла она.

— Ты мнѣ говоришь? спросила Дарья Осиповна.

— Я говорю, сестра-то его, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ добрая?

Дарья Осиповна опустила въ ногамъ дочери и положила голову на ея колѣни. Ей почему-то показалось, что не все еще погубило.

— Мама, что съ тобой? съ испугомъ воскликнула Маша.

— Вѣдь ты для меня все равно, что Сапа для тебя былъ! Я все готова для тебя вынести... даже униженіе...

— Мама, потерпи еще хоть немножечко, хоть нѣсколько дней, можетъ быть, работа пойдетъ.

Дарья Осиповна махнула рукой.

— Ты мнѣ хоть письмо-то почитай.

Маша прочла матери письмо Алѣксандра. Дарья Осиповна выслушала его внимательно, но не вывела изъ него никакого заключенія.

— Слушай-же, теперь я и это буду читать, сказала Маша, разрывая конвертъ.

„Многоуважаемая Марья Михайловна, писала Полина, — я не могу удержаться, чтобъ не написать нѣсколько словъ. Сдѣлайте одолженіе прочтите ихъ, и не отбрасывайте, какъ отбросили мои слова. Когда я явилась къ вамъ и тѣмъ неволью причинила вамъ непріятность, у меня и въ головѣ не было обидѣть васъ. Я совершенно случайно узнала о томъ горѣ, которое постигло васъ, и хотѣла спросить, не могу-ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезна. Я вовсе не имѣла въ виду предложить вамъ денегъ, я сама не знала, чѣмъ именно могла-бы помочь вамъ.

„Конечно, я поняла, что вы не хотите больше видѣть меня. и я не ропщу на васъ. Я признаю всю глубину обиды, которуя нанесъ вамъ человекъ, носящій со мной одно имя. Я не говорю вамъ, въ какихъ я отношеніяхъ съ этимъ человекомъ: вы можете не повѣрить мнѣ, какъ не повѣрили ни одному моему слову. Но въ какихъ-бы отношеніяхъ я ни была съ братомъ, ребенкомъ его—мой родной племянникъ, и я не могу примириться съ мыслию, что онъ для меня навсегда потерянъ. Какъ къ матери моего племянника, обращаюсь къ вамъ съ просьбой—позволить мнѣ поста-

вить крестъ на его могилѣ. Это дастъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть утѣшеніе знать, гдѣ лежитъ тотъ ребенокъ, который былъ-бы дорогъ не только мнѣ, но и моему старшему брату. Вы, вѣрно, знаете, что у меня есть еще братъ; тотъ совсѣмъ не такой, какъ Александръ; того я люблю, тотъ мой другъ. Онъ-бы, конечно, тоже любилъ вашего сына... но... минувшаго не вернешь!.. Исполните мою просьбу и дайте мнѣ ваше согласіе. Еще въ одноѣмъ не откажите мнѣ: у васъ, вѣрно, есть портретъ вашего сына—позвольте мнѣ прислать за нимъ, чтобъ сдѣлать съ него для меня снимокъ.

„Настоятельно прошу васъ дать мнѣ отвѣтъ, каковъ-бы онъ ни былъ. Пишите на имя брата Виктора, онъ передастъ мнѣ письмо. Жму вамъ крѣпко руку и кланяюсь вашей матушкѣ. Поблагодарите ее за тѣ добрыя слова, которыя она сказала мнѣ на прощанье. Истинно-преданная вамъ Полина Лопатина“.

— Что-жь, Маша, развѣ ты и тутъ откажешь? спросила, наконецъ, Дарья Осиповна.

— Все это непонятно, отвѣтила Маша и залилась слезами.

Дарья Осиповна не мѣшала ей плакать и не мучила ее разспросами; слезы Маши были для нея опять-таки добрымъ знакомъ—значить, Маша ужъ не такъ упорствуетъ въ своемъ горѣ и сердце ея уже начинаетъ возвращаться къ жизни. Ребенокъ Маши умеръ, и она никогда больше не можетъ увидѣть его, такъ не все-ли ей равно — стоитъ-ли надъ его могилой дорогой крестъ или простая палка съ перекладиной, а между тѣмъ Маша плакала именно потому, что ей не было все равно, что возвышается надъ могилой ея сына. Для него она уже пережила разъ страшное искушеніе, противъ котораго не устояла: когда она оставила всѣ вещи, данныя ей Александромъ, она не могла оставить кроватку сына. Теперь ея воображенью рисовался бѣлый мраморный крестъ подъ плакучей ивой, желѣзная рѣшетка и душистые цвѣты на хорошо-убранной могилкѣ, и рядомъ съ этимъ пустой, заброшенный холмикъ. Искушеніе было сильное, и какъ Маша ни старалась побороть его разными доводами, оно почти одолевало ее. Пока Маша боролась изъ-за возможности увидѣть красиво-убранную могилу сына, Дарья Осиповна мечтала о лучшемъ будущемъ Маши.

„Если она откажетъ, думала она, —такъ я не откажу. Я са-

на пойду къ этому хорошему брату и попрошу вызвать мнѣ Полину Александровну. Креста пускай не ставитъ, а я не постыжусь протянуть ей руку; пусть дастъ мнѣ подаяніе... Она его отъ сердца дастъ—какое-жь тутъ униженіе?.. Машѣ я ничего не скажу, а такъ, незамѣтно, буду ее поддерживать“.

II.

Вставъ по обыкновенію, Маша ничего не упомянула о томъ, что было наканунѣ, и принялась за работу. Дарья Осиповна выжидала, а Маша молчала, но мысль о письмѣ Поленьки не покидала ее.

„Еще денекъ потерплю, думала она,—а если не выдержу, напишу Полинѣ Александровнѣ“.

Между тѣмъ Дарья Осиповна куда-то пропала. Она купила на послѣднія деньги говядины и дровъ.

„Будетъ ей все черныи хлѣбъ жевать; пускай сегодня всѣ деньги поѣсть, а завтра, съ самаго утра, я такъ и отправлюсь къ Полинѣ Александровнѣ!“

Дарья Осиповна начала разводить огонь, чего въ послѣдніе дни не дѣлала; Маша явилась въ кухню.

— Ты, кажется, варить собираешься?

— Да, супу хочу сварить.

— Развѣ у тебя есть деньги?

— А какъ-же! Я кое-у-кого долги собирала, теперь на цѣлую недѣлю хватить, хоть такъ, сложа руки, сиди! солгала Дарья Осиповна.

Маша ушла, а у Дарьи Осиповны неловко повернулось сердце: она въ первый разъ солгала Машѣ. Слезы такъ и мутили ее глаза. Она утѣшилась немножко только за обѣдомъ, когда Маша съѣла цѣлую тарелку супа и легкій румянецъ заигралъ на ее щекахъ.

— А хорошо поѣсть горячаго! вздохнула она.

Эта минута многое искупила для Дарьи Осиповны и еще болѣе утвердила ее въ принятомъ рѣшеніи.

Въ концу дня Маша не выдержала и, зная заранѣе, что скажетъ ей мать, все-таки обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Я хочу написать Полинѣ Александровнѣ, какъ ты объ этомъ думаешь?

— Что-жь, въ добрый часъ...

— Пусть Сашѣ хоть въ землѣ весело будетъ лежать...

— Пускай ему добрые люди крестикъ поставятъ, отозвалась Дарья Осиповна, едва помня себя отъ радости.

— И портретъ его я, такъ и быть, ей дамъ. Всѣ три портрета пошлю, какой хочеть, такой и сниметь.

— Вотъ и ладно.

Маша не потратила много времени на отвѣтъ; когда она кончила, она подозвала мать.

— Приди, послушай, не написала-ли я чего-нибудь обиднаго.

„М. г., Полина Александровна. Еще вчера я получила ваше письмо и не могу скрыть, что оно доставило мнѣ большую радость. Если вы, дѣйствительно, отъ сердца желаете почтить память моего ребенка, зная, кто былъ его отецъ, то я никакъ не могу воспрепятствовать вашему доброму желанію. Напротивъ того, я принимаю его съ глубокой благодарностью, и, какъ доказательство моей благодарности, посылаю вамъ портретъ моего сына. Простите меня, что я такъ грубо отвѣтила на ваше доброе расположеніе, но я была въ такомъ горѣ, что сама себя не помнила. Теперь я спокойна, работаю, положеніе мое совсѣмъ не худо; а когда я буду знать, что могила моего сына убрана цвѣтами, что о ней заботятся, мнѣ будетъ совсѣмъ хорошо,—большаго отъ жизни я не требую. Остаюсь, и т. д.“

— Ну, что-жь, хорошо. Запечатай въ конвертъ, я завтра отнесу.

— Какъ?

— Да, я сама отнесу, что намъ лишнія деньги за почту платить!

— А если ты встрѣтишь его?

— Не безпокойся, онъ меня не увидитъ, я пройду чернымъ ходомъ.

Дарья Осиповна взяла письмо и свертокъ и съ утра вышла изъ дому. Чѣмъ ближе подходила она къ Литейной, тѣмъ сильнѣе билось ея сердце. Она подошла ни жива, ни мертва къ бо-

гтому дому Лопатинныхъ. Дворникъ указалъ ей, какъ пройти къ Виктору. Она позвонила и отдала лакею письмо; тотъ попросилъ ее подождать. Дарья Осиповна дождалась недолго; Викторъ самъ вышелъ къ ней и попросилъ ее въ кабинетъ. Онъ ласково усадилъ ее въ кресло и началъ разспрашивать объ исторіи между Александромъ и Машей.

— Дарья Осиповна, извините меня за нескромный вопросъ, спросилъ Викторъ, выслушавъ рассказъ, — но скажите мнѣ откровенно, какъ-же идутъ теперь ваши дѣла? поправились-ли вы хоть немножко?..

— Какъ вамъ сказать... промолвила Дарья Осиповна и замаялась; у ней вдругъ не хватило духа отвѣтить прямо и признаться въ правдѣ; — дочь моя работаетъ...

— Все на такихъ-же неплатящихъ?

Отвѣта не было, только щеки Дарьи Осиповны покраснѣли.

— Дарья Осиповна, вы старушка, началъ опять Викторъ, — и можете болѣе безпристрастно судить, чѣмъ ваша дочь, о людскихъ отношеніяхъ, о томъ, что не всѣ-же люди дурные и что бываютъ такіе случаи въ жизни, когда очень важна хоть ничтожнѣйшая помощь. Почему-же вы не позволите мнѣ помочь вамъ? Что-жь, развѣ и вы боитесь, что я приду съ какими-нибудь нечестными требованіями?..

— Я-бы и взяла отъ васъ немного денегъ, нужда приходитъ мнѣ не въ мочь, съ трудомъ произнесла Дарья Осиповна, — но Маша будетъ отъ этого несчастна, она этого никакъ не хочетъ.

— Горю легко помочь, съ улыбкой замѣтилъ Викторъ: — вы ей этого не скажете.

Онъ досталъ нѣсколько сторублевыхъ бумажекъ и подаль ихъ Дарьѣ Осиповнѣ.

— Нѣтъ, столько не возьму! съ смущеніемъ воскликнула она, — никакъ нельзя... и одной не возьму; нѣтъ! такъ не годится...

Ничто не заставило Дарью Осиповну взять болѣе двухъ двадцати-пяти-рублевыхъ бумажекъ. Прежде, чѣмъ она спрятала ихъ, она сжала ихъ въ рукѣ; слезы потекли по ея щекамъ.

— Можетъ быть, этими двумя бумажками вы спасаете жизнь моей дочери, сказала она и съ глубокой благодарностью посмотрѣла на Виктора.

— Не я, такъ другой-бы нашелся! Когда есть деньги, ничего не стоитъ дать ихъ. А теперь подождите немножко, я схожу за сестрой.

Викторъ скоро вернулся съ Поленькой; она прочла письмо и развернула портреты.

— Ахъ, какіе чудесные! кто ихъ рисовалъ?

— Моя дочь, вѣдь она художница-съ.

— Какой красавчикъ былъ мой племянникъ! Ну, Дарья Осиповна, порадовала меня ваша дочь! Вы ей такъ и скажите, что она мнѣ счастливый день сегодня доставила. Какъ вы думаете, она захочетъ меня повидать?

— Никакъ не могу вамъ этого сказать, ужъ вы меня извините.

— Мнѣ хочется, чтобъ она сама выбрала памятникъ. Постойте, я ей напишу.

Поленька написала нѣсколько словъ и передала ихъ Дарьѣ Осиповнѣ. Скоро новые знакомые простились, и Дарья Осиповна поспѣшно пошла домой. Поленька долго смотрѣла на портреты своего племянника.

— А вѣдь Марья Михайловна въ самомъ дѣлѣ художница. Смотри, какой рисунокъ!

— Да, сказалъ Викторъ,—можетъ быть, она еще и не пропадетъ! Сверни портреты, я отвезу ихъ въ фотографу.

Возвратясь домой, Дарья Осиповна застала Машу счастливою: въ ея отсутствіе приходили двѣ дѣвицы и заказали два платья по выгодной цѣнѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Нелли сошлась съ Лопатинными. Только неопредѣленное положеніе Сашеньки производило на нее непріятное впечатлѣніе, и въ день заключенія условій она рѣшилась поговорить о Сашенькѣ съ Софьей Ивановной.

— Какъ желаете вы, чтобъ я вела Сашеньку? спросила она.

— Она бѣдная дѣвочка, сказала Софья Ивановна, пожавъ

плечами; — я взяла ее потому, что мнѣ собственно ничего не стоитъ держать ее въ домѣ и поучить...

Софья Ивановна остановилась.

— Да, видно, что Сашенька—дѣвочка бѣдная и загнанная, но она совсѣмъ не глупая. Не позволите-ли вы мнѣ подготовить ее въ гувернантки?

— Конечно! это даже будетъ очень достойно съ вашей стороны, если вы поинтересуетесь бѣдной дѣвочкой.

— Только я должна буду останавливать Лину, чтобъ она такъ небрежно не обращалась съ Сашенькой; вы мнѣ и это разрешаете?

— Отъ всего сердца. А мать Сашеньки какъ будетъ счастлива! Ея родители крайне бѣдные люди.

— Очень рада оказать услугу бѣднымъ людямъ, съ улыбкой возразила Нелли.

— Какое у васъ доброе сердце, м-ше Нелли; мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ и вамъ у насъ было хорошо.

— Помилуйте, Софья Ивановна, можетъ-ли мнѣ быть худо!

— Отчего-же вы покраснѣли?

— Я часто краснѣю; я никакъ не могу отъ этого отучиться.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что у васъ есть что-то на умѣ, чего вы не хотите сказать мнѣ. Смѣлѣй!

— У меня есть подруга, которую я очень люблю; вы видѣли ее, когда были у меня.

— Эта красивая дама въ черномъ?

— Да. Позвольте мнѣ приглашать ее иногда къ себѣ?

— М-ше Нелли, какая-же вы, душенька, смѣшная! конечно, пригласите ее, скажите ей, что всѣ мы будемъ очень рады имѣть ее своей гостьей...

Вечеромъ во всемъ домѣ была радость и оживленіе—пріѣхали родственницы. Лина тотчасъ-же познакомилась со своими троюродными сестрами и братьями и увела ихъ къ себѣ; всѣ остальные суетились и постоянно бѣгали сверху внизъ. Одна Сашенька осталась въ залѣ и робко перелистывала какую-то книгу. Нелли взяла ее подъ руку и, ходя съ ней, между прочимъ сказала, что, по желанію Софьи Ивановны, она должна подготовляться въ гувернантки. Для этого она должна много учиться, но Нелли всегда будетъ очень рада помогать ей.

Татьяна Павловна не замедлила отозваться на приглашеніе Нелли. Она пришла провести съ ней нѣсколько часовъ въ ближайшее воскресенье. Софья Ивановна просила ее остаться обѣдать, но Татьяна Павловна отказалась, говоря, что не предупредила свою тетку. На недѣлѣ, вечеромъ, Татьяна Павловна опять зашла къ Нелли и опять не хотѣла остаться къ чаю. Софья Ивановна взяла съ нею слово провести съ ними вечеръ, въ первую субботу. Татьяна Павловна общалась и явилась. Когда она вошла, старушки уже сидѣли за картами, дѣти съ гувернантками и Поленькой бѣгали и хохотали. Татьяна Павловна присоединилась къ нимъ, но скоро нашла, что игра ихъ очень скучная, и предложила другую. Шумная игра, которою руководила сама Татьяна Павловна, была въ полномъ разгарѣ, когда въ дверяхъ залы показались Викторъ и Ветловъ. Татьяна Павловна немножко сконфузилась и остановилась.

— Что-жъ вы! воскликнула Лина въ порывѣ увлеченія, — вѣдь это только Викторъ и Иванъ Николаевичъ!

Для Татьяны Павловны, которая не знала ни того, ни другого, поощрительное *только* Лины ровно ничего не значило, но она все-же продолжила игру на нѣсколько минутъ. Когда игра кончилась, Поленька представила ей Виктора и Ветлова, но тотчасъ-же стала ходить съ Ветловымъ по залѣ. Татьяна Павловна сѣла къ ближайшему столу, на которомъ лежали кипсеки, и между нею и Викторомъ завязался самый свѣтскій разговоръ. Скоро всѣхъ позвали въ столовую, и вечеръ прошелъ въ общихъ бесѣдахъ.

II.

Памятникомъ на могилѣ ребенка Поленька нашла себѣ доступъ къ сердцу Маши, и знакомство ихъ все болѣе и болѣе теряло свой натянутый характеръ. До первыхъ снѣговъ, Маша ходила каждое воскресенье на могилу сына, и радовалась, что ему хорошо лежать подъ душистыми, послѣдними цвѣтами. Зная, что Маша проводитъ часть воскресенья на кладбищѣ, Поленька не разъ просила у Софьи Ивановны карету, подѣ предложить навѣстить бабенку, оставалась у старухи нѣсколько минутъ и потомъ отправлялась отыскивать Машу. Въ первыхъ встрѣчи

ихъ разговоръ вертѣлся исключительно на ребенкѣ, потомъ на самой Машѣ и на ея жизни до знакомства съ Александромъ; наконецъ, былъ затронутъ и этотъ печальный предметъ. Сперва въ общихъ чертахъ, а потомъ и въ частности, Поленька узнала всю исторію любви Маши, ея разрывъ съ Александромъ изъ-за Юли, письмо Александра, въ которомъ онъ лгалъ Машѣ даже въ минуту горя.

— Я такъ и не узнала, замѣтила какъ-то Маша, — ошиблась ли я и обвинила его понапрасну, или въ самомъ дѣлѣ онъ обманывалъ меня.

Поленька ничего не отвѣтила: у нея не хватило духа нанести Машѣ послѣдній ударъ.

Въ другой разъ Маша съ грустью сказала ей.

— Изъ всего зла, которое сдѣлалъ мнѣ вашъ братъ, самое чувствительное для меня — его выдумка, чтобъ я опять училась рисованью. Вы вообразить себѣ не можете, какое это страданье не заниматься тѣмъ, что любини! Это страданье иногда такъ переполняло мою душу, что мнѣ хотѣлось умереть. Потерявъ Александра, я не потеряла его одного, — я потеряла всю мою жизнь. вмѣсто надеждъ, у меня осталось тогда одно только отчаяніе... Но теперь мнѣ ужъ гораздо лучше, я ужъ опять начинаю свыкаться съ моимъ положеніемъ...

Поленька не вѣрила Машѣ, что она начинаетъ свыкаться со своимъ положеніемъ; Маша скорѣе свыкалась съ личнымъ горемъ, но никакъ не могла заставить себя примириться съ мыслью, что ей никогда не будетъ возможно осмыслить свою жизнь.

Въ началѣ ноября Маша съ матерью переѣхали изъ Коломны въ Ивановскую, въ маленькую, но сухую и теплую квартиру. Маша уже на-столько сблизилась съ Поленькой, что не отказалась взять нѣсколько старой мебели, въ безчисленномъ количествѣ валавшейся въ сараѣ Лопатинныхъ. Викторъ взялся устроить ея перевозку, подъ предлогомъ, что одолжаетъ ее бѣдному пріятелю.

Маша снова была швея Алексѣева, снова жила очень прилично и могла принять къ себѣ любую барыню. У ней было тепло и чисто; сама она была порядочно одѣта, хотя неизмѣнно носила черное. Дарья Осиповна была опять прежняя дѣятельная старушка, но теперь она уже любила двухъ дѣвушекъ, почти одинаково сильно: свою дочь и Поленьку. Въ Поленькѣ она видѣла

ловну; въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, какъ она посѣщала ихъ домъ, онъ видѣлъ ее разъ десять; онъ говорилъ съ нею всегда въ присутствіи другихъ и вещи крайне обыкновенныя. Онъ видѣлъ, что она красивая женщина; онъ думалъ, что она, должно быть, женщина неглупая, потому-что она держала себя просто, любезно и съ тактомъ. Вотъ все, что онъ могъ замѣтить въ ней въ эти три мѣсяца. А между тѣмъ Татьяна Павловна не только поселилась въ сердцѣ Виктора, но и начала тиранически распоряжаться имъ. Когда Викторъ долго не видѣлъ ее,—а долго онъ называлъ пять—шесть дней,—ему становилось тоскливо и неотступное желаніе увидѣть ее доходило до болѣзненности. Мысль о ней стала ему присуща и поднимала въ немъ цѣлый хаосъ противорѣчій. Онъ упрекалъ себя, что онъ влюбился, какъ самый пошлый мальчишка, не зная, стоитъ-ли женщина его любви. Онъ вспоминалъ, какъ разумно и спокойно онъ всегда рассуждалъ о любви, какъ неоднократно говорилъ сестрѣ, что любовь можетъ возникнуть только вслѣдствіе долгаго знакомства, сходства убѣжденій, взаимнаго уваженія и разумнаго сознанія, что одинъ человѣкъ подходитъ къ другому и что любовь ихъ обѣщаетъ прочный союзъ. А теперь?

Дуэтъ кончился; по общей просьбѣ, Татьяна Павловна запѣла арію нищей изъ Пророка. Несмотря на легкое нездоровье, Татьяна Павловна была въ этотъ день, какъ говорится, въ ударѣ. Всѣ были въ восторгѣ. Съ послѣдними звуками аріи, Викторъ всталъ и вошелъ въ залу. Татьяна Павловна молча протянула ему руку; глаза ея блестѣли, щеки разгорѣлись; она слегка кашляла въ платокъ.

— Ну, Татьяна Павловна, говорилъ теноръ,—только сегодня вы выказали всѣ ваши силы. Поздравляю!.. Не-правда-ли, Викторъ Александровичъ, какъ превосходно?

— Таия чудесно поетъ, когда немного народа, она всегда такъ поетъ, когда одна, замѣтила Нелли.!

— Mais c'est un crime! воскликнулъ теноръ,—вы-бы должны пѣть на сценѣ!.. Съ такими средствами...

Татьяна Павловна улыбнулась.

— Увѣряю васъ, хоронить такой голосъ просто преступленіе, продолжалъ дилетантъ; — и не одинъ голосъ: вы созданы для

сцены. Вы-бы производили фуроръ; вся публика была-бы у вашихъ ногъ! Съ вашей фигурой, съ вашей осанкой...

— Только-бы играть королевъ на подмосткахъ! шутя замѣтила Татьяна Павловна.

— Вы шутите, а я говорю совершенно серьезно,—vous êtes née artiste.

— Но со дня моего рожденія прошло уже четверть вѣка, и въ это время мое призваніе успѣло ступеваться.

— Нисколько, нисколько, вамъ-бы и теперь стоило весьма немного труда...

— Что объ этомъ говорить! перебила его Татьяна Павловна;— хотя вы и увѣряете, что мое призваніе быть на сценѣ, но я не чувствую никакого влеченія къ жизни актрисы.

— Помилуйте, а слава?

— Я очень хорошо знаю, какой цѣной она достается. Чтобы достигнуть славы, одного голоса недостаточно; за сценой нужно кланяться и унижаться, на сценѣ нужно выставляться на показъ... Нѣтъ, положительно жизнь актрисы совсѣмъ не по мнѣ.

— Madame, n'a point d'ambition, замѣтилъ съ легкой ироніей теноръ.

— Absolument aucupe, возразила Татьяна Павловна, рѣшительно покачавъ головой, и прекратила разговоръ, сдѣлавъ подошедшей Поленкѣ какой-то вопросъ.

Радостное чувство овладѣло Викторомъ, какъ-будто ему сказали что-то очень пріятное, что онъ уже давно желалъ услышать. Въ этотъ-же вечеръ онъ улучилъ минуту и снова завелъ съ Татьяной Павловной разговоръ объ артистической дѣятельности. Она очень рѣзко высказалась о положеніи артистовъ въ обществѣ.

— Интересно-бы знать, что привело васъ къ такимъ взглядамъ? мелькомъ спросилъ Викторъ.

— Право, не знаю, отвѣтила она, подумавъ;— вѣрно, этому способствовали всѣ условія моей жизни.

— Значить, жизнь ваша была серьезная?

— Да, жизнь съ молоду не казалась мнѣ вѣчной шуткой. Впрочемъ, не думайте, чтобъ въ жизни моей было что-нибудь необыкновенное; нѣтъ, она прошла очеь обыкновенно, какъ проходятъ жизни многихъ. Удачи смѣнялись неудачами; неудачъ было, можетъ быть, больше, чѣмъ удачъ,—вотъ и все.

IV.

Нѣсколько времени спустя Татьяна Павловна встрѣтилась съ Софьей Ивановной на ихъ лѣстницѣ.

— Ну, что ваша новая квартира?

— Еще холоднѣе прежней; я просто не знаю, что дѣлать!.. Обѣда съ этими меблированными комнатами: мерзнешь и забнешь цѣлыми днями...

— Такъ, по крайней мѣрѣ, почаще къ намъ приходите; что вамъ дома сидѣть—мужъ не ревнуетъ, дѣти не плачутъ!..

— Вы видите, я и то злоупотребляю вашей добротой.

Татьяна Павловна поднялась къ Нелли; Софья Ивановна заглянула къ дочери.

— Знаешь, Полина, чего я сейчасъ чуть-чуть не сдѣлала?

— Чего-же, мама?

— Чуть-чуть не пригласила Татьяну Павловну погостить у насъ до ея отъѣзда за-границу. Ей мученье съ этими меблированными комнатами: опять она попала въ холодныя...

— Это очень хорошая мысль; что-жъ вы ее не пригласили?

— Я не хотѣла этого сдѣлать такъ вдругъ, ни съ кѣмъ не посоветовавшись.

— Теперь вы все можете дѣлать, что захотите, и ни у кого не спрашивать.

— Хоть на старости лѣтъ пришлось пожить! воскликнула Софья Ивановна.—Мнѣ кажется, что за это время я даже помолодѣла, неправда-ли, Поленька? Однако, если ты тоже хочешь, чтобы Татьяна Павловна у насъ погостила, такъ заови ее послѣ обѣда сюда, и я приду.

— Хорошо.

— Она мнѣ очень нравится, она милая женщина и артистка, а главное—никогда не жеманится и не заставляетъ себя просить пѣть... Какъ ты думаешь, перешла Софья Ивановна на интересовавшій ее вопросъ,—была она счастлива со своимъ мужемъ?

— Я, право, не знаю.

— Она тебѣ не говорила?

— Нѣтъ не говорила, хотя сказала, что очень любила мужа.

— Что-то не видно, чтобъ она о немъ очень печалилась; всегда такая ровная, спокойная, и не вспомнить о немъ.

— Мамаша, развѣ можно по этому судить о чувствахъ чело-вѣка! да и па что намъ непременно докапываться до ея чувствъ!

— Конечно, вѣдь я только такъ, между нами...

Викторъ обрадовался, неожиданно увидя Татьяну Павловну за обѣдомъ, но обстоятельства готовили ему еще большую неожиданность: вечеромъ онъ узналъ отъ Поленьки, что Татьяна Павловна переѣзжаетъ къ нимъ и будетъ гостить у нихъ до своего отъѣзда за-границу.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ пріѣзда Татьяны Павловны, случилось ничтожнѣйшее обстоятельство, которое, однако, вѣроятно, имѣло большое значеніе въ жизни Виктора. За обѣдомъ Поленька довольно сильно порѣзала себѣ большой палецъ правой руки. Она тотчасъ-же обернула его тряпкой и не обратила на порѣзъ особеннаго вниманія. Встали изъ-за стола; Викторъ ушелъ-было къ себѣ, но тотчасъ-же вернулся.

— Покажи-ка мнѣ твой палецъ, Поленька?

— Ты, кажется, ходилъ за пластыремъ?

— Да; осторожно, не дергай, поди лучше, отмочи.

Поленька ушла къ себѣ.

— Вы, кажется, очень заботитесь о маленькихъ недугахъ вашей сестры, замѣтила Татьяна Павловна.

— Въ особенности о ея пальцахъ. Въ ней я теряю единственнаго и самаго терпѣливаго помощника.

— Такъ вотъ оно что! а я-то думала, что ваши заботы безкорыстны. О, люди, эгоисты! пошутила Татьяна Павловна.

Поленька вернулась и протянула брату палецъ.

— Порѣзъ порядочный, ты сегодня не можешь писать. Экая досада, а у меня слѣшная работа накопилась.

— Да, да, я знаю. Постой я попробую.

Поленька стала выводить нетвердыя буквы. Видно было, что ей больно писать.

— Оставь, Поля, я не хочу, чтобы ты себя мучила.

— Попроси Татьяну Павловну; можетъ быть, она согласится замѣнить меня на сегодня.

— Съ удовольствіемъ, отозвалась Татьяна Павловна.

— Вы соглашаетесь дѣлать выписки? съ изумленіемъ спросилъ Викторъ.

— Почему-же нѣтъ?

— Очень вамъ благодаренъ, вы окажете мнѣ большую услугу. Когда вы свободны?

— Хоть сейчасъ; впрочемъ, я не люблю приниматься за работу тотчасъ послѣ обѣда. Черезъ полчаса я къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ я пойду, приготовлю книги.

Викторъ побѣжалъ наверхъ; ему было странно думать, что черезъ полчаса Татьяна Павловна придетъ къ нему, возьметъ его работу. Ему вдругъ показалось, что въ его кабинетѣ ужасный беспорядокъ; онъ сталъ собирать бумаги, разставлять на мѣсто мебель, даже схватилъ султанъ и обмахнулъ каминъ, но тутъ-же расхохотался и оставилъ уборку въ покоѣ. Прошло еще не совѣмъ полчаса, а онъ ужъ много разъ посмотрѣлъ на часы, и, не имѣя больше терпѣнія дожидаться, вышелъ изъ комнаты. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ цѣлую компанію, сопровождавшую Татьяну Павловну.

— Вотъ мой и кабинетъ, замѣтилъ онъ, отворяя передъ Татьяной Павловной дверь. Она бросила быстрый взглядъ на комнату.

— Какъ у васъ въ домѣ все роскошно! невольно сорвалось у нея, — даже и эта комната...

— То-есть какъ-же и эта комната? Въ ней, кажется, нѣтъ лишней роскоши.

— Да; видно, что ея хозяинъ устранилъ всю мишурную роскошь: нѣтъ фарфора, нѣтъ бронзы, мебель самаго скромнаго цвѣта...

Татьяна Павловна остановилась.

— Но?... ваша фраза непременно предполагаетъ *но*, Татьяна Павловна.

— Вся эта простота такъ массивна и драгоценна... не договорила Татьяна Павловна.

Викторъ весь вспыхнулъ; ему стало неловко. Татьяна Павловна это замѣтила.

— Извините, Викторъ Александровичъ, мое замѣчаніе было

совершенно неумѣстно; оно такъ только сорвалось у меня, потому-что мнѣ вспомнилась одна книга, которая носить ваше имя. Мнѣ вдругъ показалось страннымъ, что книга эта была написана здѣсь, въ этой комнатѣ...

— Вы читали мою книгу? когда?

— Дѣломъ я читала книгу съ вашимъ именемъ; вѣроятно, это ваша?

Викторъ подаль ей книгу. Изъ этой книги нужно было выписывать мѣста. Ему было неловко; замѣчаніе Татьяны Павловны навело его на цѣлый рядъ неприятныхъ размышленій; ему казалось, что она можетъ отнестись къ нему съ язвительной насмѣшкой и заподозрить искренность его убѣжденій. Онъ больше ничего не сказалъ ей, и она спокойно вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько времени Викторъ сошелъ внизъ. Татьяна Павловна работала тамъ такъ свободно, будто всю жизнь только и дѣлала, что занималась книгами. Она обернулась на звукъ шаговъ, но ничего не сказала ему.

— Татьяна Павловна, заговорилъ онъ.

— Что вамъ угодно?

— Вамъ, кажется, не въ первый разъ приходится дѣлать выписки?

— Вы правы, я уже много разъ дѣлала ихъ: сперва для отца, потомъ для мужа и для себя.

— Чѣмъ занимался вашъ батюшка?

— Какъ вамъ сказать—немножко всѣмъ. Онъ называлъ себя энциклопедистомъ, и это справедливо. Онъ былъ дилетантъ въ наукѣ и постоянно мѣнялъ свои занятія.

— Его больше нѣтъ въ живыхъ?

— Нѣтъ, онъ ужь давно умеръ.

— И не оставилъ послѣ себя никакой работы?

— Никакой. Я думала, что можно кое-что выбрать изъ кнѣпы его бумагъ, но не нашлось ничего, что-бы заслуживало печати. Онъ былъ уже старъ: когда умеръ, ему было около 70 лѣтъ.

— И, проработавъ всю жизнь, онъ ни до чего не добился?

— Нѣтъ; къ сожалѣнію, онъ только въ зрѣлые годы рѣзко перемѣнилъ свои занятія. Прежде онъ былъ помѣщикъ и хозяинъ. Онъ взялся за умъ слишкомъ поздно,—вотъ ничего и не вышло...

— Только то и вышло, что дочь его привыкла относиться къ жизни серьезно...

— Ну, и это еще много! махнувъ рукой, замѣтила Татьяна Павловна;—и дочь его до сихъ поръ не сдѣлала больше отца.

Она снова наклонилась надъ книгой и разговоръ прекратился.

„Странная дѣвушка! подумалъ Викторъ; онъ почему-то всегда называлъ ее мысленно дѣвушкой;—вотъ кто первый бросилъ въ нее искру сознательности. Возможно-ли, чтобъ она была такъ-же добра и умна, какъ она красива? Но могли-ли эти большіе, равнодушные глаза когда-нибудь глядѣть на человѣка со страстью... эта невозмутимо-спокойная грудь могла-ли нервно подыматься?.. Да была-ли она замужемъ?..“

Викторъ самъ едва-слышно разсмѣялся оттого, что ему пришла въ голову такая нелѣпная мысль.

— Что-съ? вы, кажется, что-то сказали? спросила Татьяна Павловна.

— Нѣтъ, ничего; можетъ быть, машинально повторилъ, читая, какое-нибудь слово.

— А-а, такъ это и съ вами случается?

— И вы тоже себя на этомъ ловите?

— Да, и мужъ мой имѣлъ эту-же привычку.

Виктору опять стало смѣшно: Татьяна Павловна какъ-будто угадала его мысли и давала ему прямое удостовѣреніе, что, дѣйствительно, была замужемъ.

— Вашъ мужъ былъ тоже ученый?

— Нѣтъ, онъ былъ учитель, но человѣкъ занимающійся.

— Знаете-ли, вы производите странное впечатлѣніе: совсѣмъ не кажется, что вы женщина.

— Неужели и вамъ тоже? спросила она съ любопытствомъ.

— Кому-же еще?

— Многимъ. У меня, наприимѣръ, былъ дядя, который совсѣмъ не хотѣлъ меня признать замужней женщиной. Онъ всегда называлъ меня: „моя дѣвочка“.

— Это совсѣмъ меня не удивляетъ.

— Неужели-же вы находите, что я похожа на дѣвочку?

— Не на дѣвочку, а на дѣвушку, только ужъ никакъ не на вдову.

— Это потому, что съ понятіемъ о вдовѣ у людей обычно-
«Дѣло», № 6.

венно связывается понятіе о необходимости слышать безконечныя жалобы, съ приправой слезъ и воспоминаній о счастливомъ прошломъ... Но, однако, если мы будемъ все болтать, то наша работа не очень подвигнется.

„Что за бѣда, хоть-бы совсѣмъ^ю остановилась!“ чуть-чуть не сорвалось у Виктора, но онъ благоразумно удержался и даже уткнулъ носъ въ книгу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

— Вотъ такъ-то и суждено погибнуть таланту Марьи Михайловны, говорила Полина Татьянѣ Павловнѣ уже въ концѣ марта, бесѣдуя съ нею съ глазу на глазъ;— вы можете себя представить, какъ это огорчаетъ меня!

— Вы увѣрены, что у нея большой талантъ?

— Какъ вамъ сказать... Я сужу больше по тому, что ей такъ тяжело отказаться отъ художественной карьеры. Я не видѣла ея рисунковъ.

— Что-жь вы не попросили ее...

— Не хочеть, съ живостью перебила Поленька.— Ни за что не хочеть показывать ихъ. Говорить, что ей слишкомъ тяжело смотрѣть на нихъ, что она унесла ихъ на чердакъ, чтобъ не имѣть искушенія и самой перебирать ихъ.

— Милая Полина, не сердитесь на меня за то, что я сейчасъ скажу вамъ. Я нахожу, что вамъ и думать нельзя сдѣлать что-нибудь для Марьи Михайловны прежде, чѣмъ вы не посмотрите ея рисунковъ, не покажете ихъ специалисту и не убѣдитесь, что она, дѣйствительно, можетъ добиться въ живописи до чего-нибудь порядочнаго. Изъ всего, что вы мнѣ сказали, я вижу, что вся жизнь ея была постоянной борьбой между артистическими стремленіями и необходимостью зарабатывать кусокъ хлѣба; что обстоятельства позволяли ей сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ и потомъ опять отбрасывали ее въ прежнее безвыходное положеніе. Эти рѣзкія перемѣны часто развиваютъ въ людяхъ очень несчастную черту— люди воображаютъ себя на вѣкъ загубленными талантами, когда въ сущности въ нихъ, можетъ быть,

не было не только таланта, но и порядочныхъ способностей. Марья Михайловна теперь тяжело—это очень понятно, но кто знаетъ, будетъ-ли ей легче, когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовъ, она придетъ къ току убѣжденію, что ея художественная страсть была только ни на чемъ не основаннымъ увлеченіемъ.

Поленька сама такъ увлеклась мыслью помочь Машѣ, что слова Татьяны Павловны чрезвычайно грустно подѣйствовали на нее.

— Нѣтъ ничего хуже и безчеловѣчнѣе, продолжала Татьяна Павловна,—какъ вытащить дѣвушку изъ обстановки, которая сравнительно не очень плоха, и дать ей въ замѣнъ привлекательное, но невѣрное будущее. Повѣрьте мнѣ, вы-бы могли сдѣлать Марья Михайловна ничѣмъ непоправимое зло, если-бы, не убѣдясь въ ея талантѣ, снова вывели ее на художественный путь. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовъ, она могла-бы остаться не при чемъ, а тогда взаться еще разъ за иголку было-бы ей слишкомъ тяжело... И была-бы она какая-нибудь жалкая учительница рисованія, съ горькимъ озлобленіемъ и разочарованіемъ... Что вы качаете головой?

— Я не могу допустить мысли, чтобъ это было возможно; вы рисуете мнѣ слишкомъ печальную картину.

Вмѣсто отвѣта Татьяна Павловна задумалась.

— Хорошо-же, сказала она, наконецъ, — мы добьемся отъ Марьи Михайловны того, что она покажетъ намъ св и рисунки. Боторый часъ?

— Четверть третьяго.

— Хотите идти къ ней сейчасъ?

— Какъ-же вы заставите ее рѣшиться...

— Я еще не знаю; но все равно, пойдемте. Я сейчасъ буду готова.

Дорогой обѣ молчали; подходя къ дому Маши, Татьяна Павловна свернула немного въ сторону.

— Пойдемте въ кондитерскую купить какого-нибудь угощенья, сказала она, — и если я скажу, что сегодня мое рожденье, вы меня не выдавайте.

— Желала-бы я знать, что вы придумали.

— А вотъ увидите.

Маша уже знала, что Татьяна Павловна знакома съ Полиной;

онѣ какъ-то встѣтились у нея и съ тѣхъ поръ были раза три вмѣстѣ. Угощенье было куплено и Татьяна Павловна передала его отворившей дверь Дарьѣ Осиповнѣ.

— Дарья Осиповна, мы пришли къ вамъ праздновать мое рождение.

— Честь имѣю поздравить; который-же это вамъ годъ пошелъ!

— Все равно! я и сама не знаю; счастливые годовы не замѣчаютъ!—Татьяна Павловна махнула рукой.

Маша вышла въ переднюю.

— О чемъ это вы тутъ хохочете?

— Видишь, пришли къ намъ праздновать рождение Татьяны Павловны. Цѣлый паветъ сластей принесли.

— Какая вы добрая, Татьяна Павловна...

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы находите, что я добрая?... Это мнѣ очень пріятно, говорила Татьяна Павловна, входя въ комнату.— Чѣмъ-же вы будете меня занимать?

— Право, не знаю...

— Есть у васъ гитара?

— Нѣтъ.

— Жаль, а то-бы мы могли спѣть. Что вы смѣтаетесь?

— Хорошъ у меня голосъ!...

— Ничего, вы-бы только подтягивали.

— Мы оторвали васъ отъ работы, замѣтила Поленька.

— Успѣю!

— Мы недолго будемъ сидѣть, не бойтесь. А все-же я-бы хотѣла, чтобъ вы какъ-нибудь необыкновенно заняли меня...

— Ну вотъ, посмотрите, какія я сшила платья.

Маша отворила шкафъ.

— Что мнѣ смотрѣть на платья! Мой черный капотъ прекрасно шить—значитъ, и эти такъ-же... А вотъ что! Вы какъ-то сказали мнѣ, что прежде вы рисовали...

Маша вздрогнула и покраснѣла.

— Я вамъ этого никогда не говорила, произнесла она.

— Ну, какъ-же не говорили! при Полинѣ Александровнѣ сказали. Неправда-ли, Полина Александровна?

— Кажется...

— Я что-то не помню, въ раздумьѣ покачала головой Маша.

— А я помню, и еще тогда хотѣла попросить васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна Павловна, сдѣлайте одолженіе... Я знаю, что вы хотите сказать, но, право...

Маша была взволнована. слезы дрожали на ея глазахъ; она отошла отъ швапа и нервно схватила работу; Поленькѣ стало жаль ее. Татьяна Павловна не отступала.

— Вотъ вы говорите, что я добрая, а вы такъ совсѣмъ не добрая; даже для моего праздника не хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе!

— Я очень хочу, я, право, очень хочу...

— Ну, такъ и сдѣлайте.

— Но у меня здѣсь нѣтъ рисунковъ, я далеко запрятала ихъ.

— Мы за ними сходимъ...

— Ахъ, право, я не могу понять, съ чего вамъ можетъ быть интересно видѣть ученическую мазню!

— Такъ вы отказываете мнѣ? вы не хотите доставить мнѣ удовольствіе?

Дарья Осиповна вошла въ комнату.

— Маша, что это съ тобой?

— Ничего.

— Это все я виновата, отозвалась Татьяна Павловна:—пристаю къ ней, чтобъ она показала вамъ свои рисунки, а она не хочетъ.

— И сама ихъ никогда не смотритъ, и другимъ не показываетъ. Ужъ разъ-то ты себѣ разрѣши, Маша, коли тебя такъ просятъ. Я за ними схожу, я знаю, куда ты ихъ положила.

Маша ничего не отвѣтила, Дарья Осиповна вышла.

— Вы сердитесь на меня? спросила Татьяна Павловна.

— За что-же? уныло возразила Маша.—Если это вамъ приятно, я рада.

Поленька все время молчала. У нея не хватило-бы духу такъ насиловать чувства Маши, а между тѣмъ она была довольна, что увидитъ ея рисунки. Дверь шелкнула и на порогъ показалась Дарья Осиповна съ двумя большими папками. Лицо Маши озарилось радостью; она бросилась къ матери и схватила у нея папки. Она съ любовью посмотрѣла на нихъ и тѣсно прижала ихъ къ своимъ колѣнямъ.

— Какія пыльные, какія заброшенныя! говорила она.—Такъ-

ли я о нихъ забстилась, когда онѣ были постоянно со мной! Машочка, дай-ка полотенце!

Она стала обтирать папки, въ которыхъ заключались всѣ ея сокровища.

— Что-жъ вы хотите смотрѣть? спросила она уже весело, и глаза ея горѣли отъ радости:— антикъ или мои собственные эскизы?

— И то, и другое. Сперва покажите антикъ.

Татьяна Павловна и Поленька сѣли рядомъ; Маша отошла на нѣкоторое разстояніе и стала вынимать одинъ за другимъ снимки съ античныхъ бюстовъ и фигуръ. Поленька посматривала на Татьяну Павловну, а Татьяна Павловна съ изумленнымъ любопытствомъ разсматривала работу Маши.

— Превосходно! воскликнула она, наконецъ.— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше!

— Это мои послѣдніе рисунки, замѣтила Маша.

— Вы много рисовали?

— Много: цѣлые дни, съ утра до ночи.

Изъ двери высунулась голова Дарьи Осиповны.

— Пожалуйте шоколадъ пить!

— Сейчасъ, мы только просмотримъ эту папку.

— Ой, тутъ много! воскликнула Маша.— Мы ее будемъ послѣ смотрѣть.

Маша покрасвѣлась; глаза ея искрились, губы горѣли. Нельзя было узнать въ ней обыкновенную, подавленно-печальную Машу. Поленька любовалась ею. Такъ вотъ какою зналъ ее Александръ! Живою, порывистою, красивою; какъ-же могъ онъ любить ее? какъ могъ онъ промѣнять ее на Юлію? Маша забыла свой шоколадъ, забыла, что передъ ней стоитъ цѣлая тарелка сладкихъ пирожковъ, которые составляли для нея рѣдкое лакомство. Она вся какъ-бы перепеслась въ то время, когда сидѣла за мольбертомъ или надъ эскизами. Татьянѣ Павловнѣ тоже хотѣлось поскорѣй посмотреть на фантазіи Маши. Вторая папка была наполнена наскоро-набросанными, невыработанными эскизами. Опытный глазъ нашелъ-бы въ нихъ много грубыхъ ошибокъ, но для дилетанта они могли показаться очень удовлетворительными.

— Ого, да вы иллюстрировали наших лучших писателей! воскликнула Татьяна Павловна.

— Да; когда я что-нибудь читаю, мнѣ сейчасъ хочется передать на бумагѣ сцену, которая всего болѣе поразила меня.

Татьяна Павловна отобрала три рисунка.

— Вотъ ваши chefs-d'oeuvres! Эта танцующая Тамара, рѣзкая и отчетливая, съ контрастомъ слитыхъ и темныхъ очерковъ пролетающаго демона. превосходна, и я, право, не знаю, чему отдать преимущество: ей или умирающему Рудину, или группѣ изъ „Затишья“! Поленька, посмотрите на выраженіе всѣхъ лицъ; вы, вѣрно, помните повѣсть „Затишье“? Посмотрите, можно-ли было вѣрнѣе передать удалство Веретьева и восторженность Марьи Павловны! Да всѣ, всѣ лица переданы превосходно, и не только лица. но даже эта туча, кажется, сейчасъ разразится молніей и громомъ!

Въ эту минуту Маша подняла довольно большой эскизъ; на немъ была изображена рѣка, старая лодка съ опущенными веслами, человекъ въ мужицкомъ платьѣ, стоящій въ ней на колѣняхъ и бросающій въ воду собачку съ кирпичемъ на шеѣ. Поленька ахнула; Татьяна Павловна судорожно схватила рисунокъ за уголь. Выраженіе лица Герасима (въ Муму) было подавляющее: отчаяніе, тупой ужасъ, безумное горе видѣлось въ его искаженныхъ чертахъ. Казалось, что вмѣсто собаки онъ бросаетъ въ воду горячо любимое дитя. Татьяна Павловна, Поленька и сама Маша долго смотрѣли на этотъ эскизъ. Веселость Маши прошла и замѣнилась почти такимъ-же выраженіемъ, какое было на лицѣ Герасима. Она быстро захлопнула папку и отбросила ее въ сторону.

— Вотъ моя Муму! воскликнула она съ отчаяніемъ и, прислонясь къ стѣнѣ, закрыла лицо руками и зарыдала.

Поленька подошла къ ней и стала утѣшать ее, а Татьяна Павловна взяла изъ папокъ нѣсколько рисунковъ и сдѣлала изъ нихъ свертокъ; потомъ она унесла папки.

— Возьмите ихъ, Дарья Осиповна, да простите меня, что я разогорчила Марью Михайловну. она плачетъ.

— Она всегда плачетъ, даже когда только вспомнить о своемъ рисованіи, а не то что увидить его... Далось ей, право, это рисованье!

— Вотъ и этотъ свертокъ спрячьте, я хочу его взять съ

собой. Скажите, Дарья Осиповна, вѣдь вы не будете отговаривать вашу дочь, если-бъ я стала убѣждать ее опять взяться за живопись?

— Татьяна Павловна, по душѣ скажу вамъ, ужь насъ съ дочкой горькій опытъ научилъ, что нужно имѣть деньги для того, чтобы учиться живописи. У насъ денегъ нѣтъ, а кто-же намъ дастъ столько, чтобъ мы могли прожить нѣсколько лѣтъ, не работая?

— Я съ вами согласна: Марья Михайловна никакъ не можетъ снова начать учиться, не имѣя вѣрнаго обезпеченія на нѣсколько лѣтъ. Ей было-бы не подъ силу снова начать на невѣрномъ и снова обмануться. Но если я найду ей вѣрное обезпеченіе лѣтъ на шесть, вы поможете мнѣ уговорить ее не губить своего таланта?

— Кто-же ребенку своему не желаетъ счастья? отвѣтила Дарья Осиповна вопросомъ.—А живопись для Маши—счастье, она одна можетъ сдѣлать изъ нея прежнюю Машу. Вы представить себѣ не можете, что это была за дѣвушка!

— Могу, Дарья Осиповна, очень могу. Вотъ вы увидите, что прежняя Маша еще воскреснетъ; а иска не говорите ей ничего.

Татьяна Павловна ушла, а Дарья Осиповна стала вытирать чашки.

Вмѣсто короткаго визита, гости отняли у Маши безъ малаго три часа, а когда онѣ ушли, Маша еще долго не могла приняться за работу.

— Завтра я повезу этотъ свертокъ на критику знающихъ людей, сказала Татьяна Павловна Поленькѣ,—а потомъ мы будемъ хлопотать о томъ, чтобы отправить Марью Михайловну за границу. Оставаться здѣсь ей едва-ли удобно: ее все будутъ тревожить воспоминанія о прошедшемъ.

— Сознайтесь, что вы не ожидали найдти въ ней такого таланта?

— Да, я, дѣйствительно, не думала, что она такъ даровита, а главное, съ такимъ стремленіемъ къ жизненной правдѣ. Это большая рѣдкость въ неразвитомъ художникѣ, а для хорошаго художника Марья Михайловна недостаточно развита; ей нужно будетъ поработать и надъ умственнымъ образованіемъ...

— Все это возможно, если-бы только она согласилась взять деньги... Татьяна Павловна, сдѣлайте мнѣ большое одолженіе..

— Извольте, какое?

— Я могу дать хоть сейчасъ тысячь десять Марьѣ Михайловнѣ,—онѣ уже давно лежатъ у меня въ столѣ,—но мнѣ-бы не хотѣлось предложить ей эти деньги отъ себя. Вы, вѣрно, понимаете, почему мнѣ-бы этого не хотѣлось?

— Понимаю, хотя думаю, что ее можно-бы убѣдить...

— На что дѣлать ей лишнюю неприятность! Предложите ей отъ своего имени.

II.

Прошло нѣсколько дней, а Татьяна Павловна уже снова пришла навѣстить Машу. Она нашла ее печальнѣе и блѣднѣе обыкновеннаго.

— Марья Михайловна, я много думала о васъ за эти дни, говорила съ знающими людьми и теперь пришла къ вамъ, чтобы поговорить и съ вами о нашемъ будущемъ.

— Благодарю васъ, Татьяна Павловна, что вы такъ беспокоитесь для меня, но я должна сказать вамъ, что въ моей жизни было большое несчастье, послѣ котораго я дала клятву не жить иначе, какъ на свой трудъ.

— Кто въ нашъ вѣкъ даетъ клятвы! пошутила Татьяна Павловна.—Но не въ томъ дѣло; мы сейчасъ разберемъ, благо-разумна-ли была ваша клятва, и если я докажу вамъ, что не совсѣмъ благоразумна, вы вѣдь не будете упрямо настаивать?

Маша молчала.

— Итакъ, извольте меня выслушать, а потомъ я буду слушать васъ. Вы, конечно, слишкомъ хорошо знаете, что на свѣтѣ есть люди разныхъ положеній. Вы знаете и то, что многіе, къ сожалѣнію, очень часто относятся къ низшимъ съ непростительной небрежностью...

— Не очень часто, перебила Маша,—а почти всегда.

— Ну, слава-богу, почти всегда. Но вы, можетъ быть, не знаете или не хотите знать того, что для многихъ людей богатство не составляетъ главнѣйшей цѣли жизни, что у нихъ есть

убѣжденія, которыя имъ гораздо дороже денегъ и которыя они ставятъ на первый планъ?

— Будто есть такіе люди? недоувѣрчиво спросила Маша.

— И вы это спрашиваете, послѣ того, какъ прочли чуть-ли не всѣ лучшія произведенія нашей литературы?

Маша махнула рукой.

— Прежде я тоже вѣрила тому, что тамъ написано, а теперь ужъ не вѣрю...

— Вотъ что значитъ принять дурную привычку основывать все на словахъ: вѣрю и не вѣрю! снова пошутила Татьяна Павловна.

Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— А какъ-же иначе? спросила она. — Я вѣрила въ добро. потомъ жизнь показала мнѣ, что его на землѣ нѣтъ, и я въ него больше не вѣрю.

— То-есть, вы создали въ своей головѣ то, что въ жизни найти крайне трудно, и назвали это добромъ. А когда этого не встрѣтили, то не спросили себя, не составили-ли вы себѣ ложнаго понятія о добрѣ; вы отвергли его существованіе и утратили въ него вѣру. Марья Михайловна, уже потому, что вамъ девятнадцать лѣтъ, что у васъ развита фантазія, что вы, какъ мнѣ кажется, способны увлекаться, я могу заключить о томъ, что вы называете добромъ,—искреннюю, преданную любовь, полную уваженія и довѣрія. Но это еще не все; кромѣ этой любви къ людямъ, есть еще любовь къ мыслямъ, къ тому, что считаешь справедливымъ и должнымъ, и отъ чего ни для кого въ мірѣ не отступишься, даже для любимаго человѣка. Какъ вы думаете, Марья Михайловна, есть такая любовь?

Маша вспомнила о своемъ разрывѣ съ Александромъ, вспыхнула и кивнула головой.

— Она есть не въ однихъ бѣдныхъ, она есть и въ богатыхъ, продолжала Татьяна Павловна;—не всѣмъ богатымъ доставляетъ удовольствіе утопать въ роскоши и въ своихъ капризахъ. Нѣкоторымъ самое богатство открыло глаза и заставило ихъ задуматься надъ участію бѣдныхъ. Чѣмъ больше вникали они въ эту участъ, тѣмъ больше привязывались къ мысли: тамъ, гдѣ только можно, облегчать ее...

— Это все милостыня, перебила Маша.

— Нѣтъ, это не милостыня. Между случайной подачей и сознательнымъ желаньемъ помогать людямъ выбиваться—большая разница. Тутъ недостаточно имѣть лишнюю копейку и чувствительные нервы. Тутъ нужно надъ многими подумать, многое почитать, а можетъ быть, и провести не одну бессонную, безотрадную ночь. Неужели вы думаете, что я стала-бы защищать милостыню?

Маша ничего не думала; слова Татьяны Павловны были ей странны и новы.

— Между милостыней и тѣмъ, чтобы помочь человѣку, не словами, а дѣломъ, нѣтъ ничего сходнаго. Милостыню я даю случайно, потому что оборванный человѣкъ неприятно поразилъ мои глаза; выбиваться человѣку я помогу потому, что, не сдѣлавъ этого, поступлю безчестно относительно своихъ убѣждений.

— Отчего-же вы хотите помочь выбиться, какъ вы говорите, именно мнѣ? Мнѣ вы ужъ и то помогли, а есть дѣвушки, положеніе которыхъ въ тысячу разъ хуже моего.

— Марья Михайловна, человѣку свойственно, во-первыхъ, брать ближайшее, во-вторыхъ, то, изъ чего, по его мнѣнію, выйдетъ всего больше хорошаго. Мы случайно встрѣтились; у меня есть возможность подать вамъ руку; зачѣмъ-же вы непременно хотите, чтобы я отвернулась отъ васъ и искала другихъ? Въ васъ я вижу задатки пойти въ искусствѣ по тому пути, который кажется мнѣ самымъ лучшимъ. Наконецъ, я чувствую къ вамъ личную симпатію, и мнѣ хотѣлось-бы видѣть васъ самихъ болѣе счастливою, чѣмъ вы теперь. Согласитесь, что у меня много доводовъ?

— За послѣдній отъ души благодарю васъ.—(Маша протянула ей руку.)—„Странно, думала она.—неужели Татьяна Павловна говорить правду?“

— Что-жь, продолжать нашъ разговоръ или на сегодня довольно? спросила Татьяна Павловна.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите! поспѣшно воскликнула Маша.

Извѣстно, что во всемъ можно убѣдить человѣка молодого, неупрямаго и, главное, инстинктивно стремящагося къ тому, чтобы быть убѣжденнымъ. Проблескъ возможности снова взяться за любимое занятіе сталъ смущать Машу; ей бессознательно хотѣлось, чтобы Татьяна Павловна убѣдила ее, хотя ей и страшно было.

опять промѣнять настоящее на вещь, уже два раза стоившую ей столько борьбы и страданій.

— Слушайте-же теперь мое практическое предложеніе: я дамъ вамъ въ долгъ десять тысячъ...

Маша вскочила.

— Что вы, Татьяна Павловна! Да какъ же я могу взять десять тысячъ?.. Боже мой, да когда-жъ я вамъ отдала-бы ихъ?!

— Постоите, дайте мнѣ докончить. Я дамъ вамъ десять тысячъ для того, чтобъ вы могли совершенно спокойно работать. Никто вамъ не говоритъ, чтобъ вы ихъ прожили, но вы все-же будете знать, что можете заниматься спокойно и не зависите ни отъ чьего каприза. Когда вы дойдете до того, что будете продавать свои картины, вы будете отеладывать излишекъ и отдадите мнѣ долгъ. Даю вамъ слово, что эти деньги пролежали-бы безъ употребленія; вамъ онѣ могутъ пригодиться; скажите: было ли бы разумно, если-бы вы отъ нихъ отказались?

Маша молчала. Предлагаемая сумма казалась ей чѣмъ-то ужасующимъ. Какъ-же она, нищая дѣвушка, можетъ взять столько денегъ? Татьяна Павловна смотрѣла-смотрѣла на игру физиономіи Маши и расхохоталась.

— Простите меня, Марья Михайловна, сказала она, — но мнѣ смѣшно, до чего денежные предразсудки дсвели людей! Такъ кажется просто: у васъ есть талантъ, но нѣтъ возможности развитъ его; вы случайно встрѣчаете меня, и я говорю вамъ: у меня есть лишнія деньги, возьмите ихъ и развейте свой талантъ, который припесетъ вамъ несравненно больше, чѣмъ вы возьмете. Если-бы все въ жизни дѣлалось по-человѣчески, вы-бы взяли деньги и тотчасъ-же принялись-бы за работу. Но такъ-какъ все въ жизни дѣлается шиворотъ-на-выворотъ, то вы, вѣроятно, долго будете колебаться и, какъ Гамлетъ, спрашивать себя: быть или не быть, т. е. взять или не взять.

— Ну, хорошо, отвѣтила Маша. — положимъ, я возьму деньги, положимъ, я ихъ истрочу, и вдругъ или не буду въ состояніи отдать ихъ, или умру; что тогда?

— Во всякомъ предпріятіи разсчитывается на жизнь, возражала Татьяна Павловна, — иначе никакія дѣла не были-бы возможны. Если вы останетесь въ живыхъ, то вы будете въ состояніи возратить ихъ; я въ этомъ увѣрена. Если-же вы умрете,

то какъ-бы я васъ ни бранила, вамъ будетъ все равно: вы этого не услышите... Но шутки въ сторону: если вы не будете въ состояніи возвратить этихъ денегъ, то вы все-таки никого не разорите и не пустите по міру. Если-же вы откажетесь взять ихъ, то добровольно убьете свой талантъ, между тѣмъ какъ онѣ не принесутъ никакой другой пользы, кромѣ той, что дадутъ нѣсколько лишнихъ процентовъ какому-нибудь миллионеру-банкиру.

— Но взять такую сумму!..

— Помѣстите ее здѣсь и берите только проценты да что необходимо изъ капитала; вѣдь вы умѣете жить очень экономно.

— Дарья Осиповна, пожалуйста-ка сюда! крикнула Татьяна Павловна.

— Погодите минуточку.

— Что это вы маму зовете? съ испугомъ спросила Маша.

— Надо-же и у вашей маменьки спросить, что она думаетъ о моемъ предложеніи!

— Ахъ, мама только о томъ и думаетъ, чтобы я была счастлива! Она какъ ребенокъ: по ней все хорошо, лишь-бы мнѣ было хорошо.

— Что вамъ угодно? спросила вшедшая Дарья Осиповна.

— Дарья Осиповна, вѣрите-ли вы, что можетъ доставлять отраду поступать такъ, какъ считаешь должнымъ?

— Какъ-же, это только и доставляетъ отраду.

— Я очень довольна, что мы сходимся въ мнѣніяхъ, и если-бы у Марьи Михайловны были ваши взгляды, мы-бы ужъ давно все покончили; а она, вотъ видите, чуть не плачетъ, и, я увѣрена, ужасно несчастна! Прощайте, Марья Михайловна, не хочу васъ больше мучить; передайте нашъ разговоръ вашей матушкѣ и не забудьте, что я говорила очень серьезно. Я найду къ вамъ надняхъ, чтобъ дать вамъ время хорошенько обдумать мое предложеніе.

Татьяна Павловна ушла; Маша передала матери очень подробно весь ихъ разговоръ.

— Что-жь ты на все это скажешь? спросила она, и тутъ только замѣтила, что Дарья Осиповна плачетъ. Маша бросилась ей на шею.

— Мамочка, я откажу! я не возьму, не плачь!

— Ахъ, Боже мой! съ испугомъ воскликнула Дарья Осиповна, — вѣдь это отъ счастья!

— Какъ отъ счастья?

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Дарья Осиповна не могла ничего выговорить, но потомъ она успокоилась. взяла дочь за руку и сѣла съ ней рядомъ.

— Маша, сказала она, — давно я ужъ не говорила съ тобой, какъ, бывало, прежде, отъ души, чтобъ еще больше не огорчать тебя, но дай ты мнѣ высказать тебѣ теперь все, что такъ долго лежало у меня на сердцѣ. Помнишь, что я всегда говорила тебѣ про Александра Александровича, и какъ предостерегала тебя? Тогда ты меня не послушала, потому что не вѣрила мнѣ; я тебя не упрекаю — молодому человѣку трудно повѣрить старому. Что было, то было, и теперь, слава-богу, прошло. Но жизнь твоя еще только-что начинается, и Господь опять посылаетъ тебѣ счастье. Маша, ты любила и не устояла противъ соблазна; онъ обманулъ тебя и ты честно разошлась съ нимъ, но все-таки всякій считаетъ тебя опозоренной. Больно тебѣ это слушать, а это такъ. Даже люди нашего состоянія, и тѣ отъ тебя отворачивались, когда узнавали, что ты жила съ богатымъ человѣкомъ; ты жила роскошно, онъ тебя наряжалъ. Когда вы развѣхались, ты только съ горя не замѣчала, что люди съ тобой съ презрѣніемъ да съ насмѣшкой говорили, а такіе-же бѣдняки, какъ и мы съ тобой. Теперь все это прошло, теперь не о чемъ плакать, а только ты людей не цѣнишь и о жизни совсѣмъ себя не тѣ понятія дѣлаешь!.. Приѣхала къ намъ Полина Александровна; вѣдь она знала, чѣмъ ты была для ея брата, а все-же урвалась отъ матери, приѣхала въ слезахъ, жалѣла тебя; ты ее, какъ собаку, приняла, даже и прощай ей не сказала. Она-бы просто могла на тебя плюнуть — пойми ты, вѣдь у тебя на лбу не написано, что ты честная и хорошая дѣвушка, — а она все-же ласкала тебя, и твоего сына племянникомъ называла, и съ тобою съ истинной добротой обращалась. Потомъ и Татьяна Павловна тебѣ вниманье оказывала, и, наконецъ, тебѣ безо всякой обиды деньги въ займы предлагаетъ... А ты вотъ задалась своимъ и слышать ничего не хочешь. Вѣрь мнѣ, Маша, во второй разъ въ жизни не найдешь ты такихъ людей; богъ-знаетъ, какъ и въ первый-то они

подвернулись; по-настоящему, намъ-бы теперь слѣдовало въ землѣ лежать, либо въ какомъ-нибудь углу перебиваться...

Маша встревоженно слушала слова матери. Ея положеніе представлялось ей въ новомъ свѣтѣ.

Она была встревожена и отъ волненія не могла заснуть, а Дарья Осиповна легла и уснула спокойно. Последнею мыслью ея было благословеніе Поленькѣ. Старуху Поленька никогда не могла обмануть своими деликатными хитростями; Дарья Осиповна видѣла, что и теперь устами Татьяны Павловны говорила Поленька, и догадывалась, чьи деньги оставались-бы мертвымъ капиталомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Весна приближалась. Всѣ обыватели дома Лопатинныхъ начали строить планы на лѣто. Родственницы собрались ѣхать во-свои; Софья Ивановна рѣшила провести лѣто гдѣ-нибудь на водахъ въ Германіи; Татьяна Павловна хотѣла подождать Лопатинныхъ, чтобъ ѣхать съ ними вмѣстѣ до Берлина; Викторъ предложилъ свои услуги, какъ бывалый путешественникъ. Всѣ беззаботно ожидали конца пріятно проведенной зимы, одна только Поленька внутренно тосковала. Софья Ивановна или дѣйствительно не замѣчала, или не хотѣла замѣтить ея любви къ Ветлову, и не вызывала Поленьку на объясненіе. Ветловъ не торопилъ ее; онъ даже никогда не хотѣлъ признаться, что ему тяжело оставаться въ неизвѣстности и что онъ желалъ-бы знать, что ожидаетъ ихъ въ близкомъ будущемъ, но Поленька сама чувствовала, что пора, очень пора опредѣлить ихъ отношенія. Полина знала, что Софья Ивановна всегда рада сдѣлать ей пріятное, но тутъ, въ вопросѣ о замужествѣ богатой дѣвицы съ бѣднымъ журналистомъ, устами Софьи Ивановны могли-бы заговорить всѣ общественные приличія и предрасудки. На этомъ вопросѣ могли-бы въ первый разъ серьезно столкнуться мать и дочь. Мать могла рѣшительно сказать: это невозможно; дочь, въ свою очередь, знала, что она матери не уступить. Поленька не боялась Софьи Ивановны, но она боялась, что ей придется причинить матери ничѣмъ незаслуженное горе и на старости лѣтъ лишить ее дочери. Поленька

терегла удобную минуту, чтобы поговорить съ матерью. Она была взволнована и встревожена. Утромъ ей все почему-то казалось, что лучше говорить вечеромъ, вечеромъ—что лучше утромъ, а сердце ея билось, она вся горѣла, слова останавливались въ горлѣ.

Быль вечеръ. Родственницы и дѣти уѣхали въ театръ; Татьяна Павловна ушла къ себѣ; Викторъ не было дома.

Поленька видѣла, что болѣе удобной минуты объясниться съ матерью она не дожидется. Софья Ивановна была одна въ своей комнатѣ и ужь болѣе часу писала письмо тетѣ Катѣ. По расчетамъ Поленьки, она, вѣроятно, его уже кончила. Сама Поленька ужь давно написала теткѣ страничку, которую Софья Ивановна должна была приложить къ своему письму. Поленька взяла свой листокъ и понесла его матери.

— А-а, Полина! я только-что собиралась къ тебѣ. Видишь: ужь адресъ надписываю.

Поленька молча протянула матери письмо.

— Ну, немного-же ты написала тетѣ!

— Довольно, мама, что-жъ я буду писать ей?

— Ты все свое, Поля! вѣдь я-же нахожу, что ей сказать на двухъ листахъ.

— Да, это удивительно! А я сижу цѣлый часъ и не могу выдумать больше одной страницы.

Софья Ивановна засмѣялась и запечатала письмо.

— Какая ты блѣдная! ты чѣмъ-нибудь разстроена?

— Нѣтъ, мамаша, ничѣмъ, отвѣтила Поленька, потупилась и тотчасъ-же опять прошептала:—мамаша!

— Что, мой другъ? вызывающе-ласково, какъ показалось Поленькѣ, спросила Софья Ивановна.

Поленька вдругъ рѣшилась и спросила:

— Вы не замѣчаете во мнѣ никакой пережѣны?

Софья Ивановна собственно замѣчала въ дочери пережѣну, но утѣшала себя увѣреніями, что это ей только такъ кажется, или, чаще всего, она старалась гнать отъ себя несовсѣмъ пріятныя размышленія.

— Нѣтъ, сказала она,—я ничего не замѣчаю.

— А пережѣна во мнѣ есть: я люблю Ивана Николаевича. Слова были сказаны прямо и категорично. Софья Ивановна

потерялась и не знала, что отвѣтить дочери. А Поленька какъ-будто сама испугалась ихъ и тоже замолчала, ожидая возраженія матери. Вмѣсто отвѣта Софья Ивановна заплакала.

— Что-же вы плачете, произнесла Поленька;—развѣ это несчастье?

— Конечно, отозвалась Софья Ивановна и покачала головой.

— А мнѣ казалось большимъ счастьемъ, что я полюбила такого человѣка, какъ Иванъ Николаевичъ, и что онъ меня любилъ...

— Полина, вѣдь я говорила тебѣ, чтобъ ты была съ нимъ осторожна,—помнишь, тогда, весной?

— Помню, и въ чемъ-же вы можете упрекнуть меня?

— Отчего ты меня не послушалась?

Что могла отвѣтить Поленька на такой наивный вопросъ?

— Мама, вѣдь вы сами всегда говорите, что суженаго и конемъ не объѣдешь! я васъ слушалась, а вышло совсѣмъ не такъ, какъ мы обѣ думали.

— Такъ теперь нужно поскорѣй поправить бѣду.

— Чѣмъ-же намъ ее поправить?

— Попросить Ивана Николаевича не бывать у насъ больше.

— Что? едва слышно спросила Поленька. Софья Ивановна не повторила.

— Мама, снова начала Поленька, уже спокойнѣе,—Иванъ Николаевичъ хочетъ жениться на мнѣ и я пришла просить вашего согласія. Онъ самъ хотѣлъ говорить съ вами, но я не допустила—я не могла перенести мысли, что вы можете оскорбить его отказомъ.

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ съ такой просьбой? плакала Софья Ивановна;—неужели-же ты сама не понимаешь, что это невозможно!

— Рѣшительно не понимаю...

— Полина, и охота тебѣ мучить насъ обѣихъ! Развѣ ты не понимаешь, что имя Лопатиной нельзя промѣнять на имя Ветлова.

— Ветловъ вамъ не нравится, вы не уважаете его, вы думаете, что онъ не сдѣлаетъ меня счастливою?..

— Что тебѣ въ томъ, уважаю-ли я его или нѣтъ! тутъ дѣло вовсе не идетъ о моихъ чувствахъ къ нему.

— Напротивъ, все только и зависитъ отъ вашихъ чувствъ! Не скрывайте отъ меня, скажите мнѣ откровенно: вѣдь Ветловъ вамъ нравится?

Софья Ивановна не отвѣтила.

— Вѣдь вы считаете его честнымъ человѣкомъ?

— Ахъ, милая Полина, я не могу согласиться на твой бракъ съ нимъ! Не могу, другъ мой... это несчастье для тебя, но я не могу...

Софья Ивановна опять заплакала, а Поленькѣ уже не было страшно говорить съ матерью: она была увѣрена, что мать ей уступить. Она припала головой къ ея груди и обвила ея шею руками.

— Я знаю, сказала она, — почему вы не можете: вы боитесь что наши родственники, а въ особенности тетя Катя и Саша, воспротивятся этому.

— Не одни они, всѣ люди скажутъ: выбирали, выбирали, да и выбрали.

Поленька улыбнулась.

— Тебѣ смѣшно, жалобно продолжала Софья Ивановна, — тебѣ все смѣшно, что-бы люди ни сказали, лишь-бы по твоему желанію дѣлалось; ты людей совсѣмъ не уважаешь.

— Я ничего не потеряю, если выйду замужъ за Ивана Николаевича. Вы знаете, мама, что у насъ талантъ искушаетъ все. У Ивана Николаевича нѣтъ знатнаго имени, нѣтъ богатства, нѣтъ вліятельной родни, но у него есть литературное имя, его считаютъ очень талантливымъ писателемъ. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многіе скажутъ, что Поленька Лопатина хорошо сдѣлала, что ждала до тѣхъ поръ, пока не дождалась умнаго человѣка, а не бросилась на шею первому гусару. И васъ похвалятъ за то, что вы отдали меня за порядочнаго человѣка. Вотъ, скажутъ, не хотѣла отдать дочь богъ-знаетъ за кого, только ради знатнаго имени.

— Ладно, ладно! съ улыбкой замѣтила Софья Ивановна.

— А развѣ неправда? Что-жъ вы можете противъ этого сказать?

— А то, что ты и на влюбленную-то непохожа! Сидишь тутъ и стараешься убѣдить меня, что тебѣ было-бъ большимъ

счастьемъ выйти замужъ за человѣка съ *литературнымъ* именемъ...

— За человѣка, котораго я люблю.

— Мало-ли кто кого любитъ!

— Я могла-бы отвѣтить вамъ, мало-ли чего изъ-за любви и не дѣлаютъ! Чѣмъ-же я не похожа на влюбленную? Не могу-же я кричать и плакать. Но, я очень прошу васъ вѣрить, что сильнѣе и больше любить человѣка, чѣмъ я люблю Ивана Николаевича, невозможно.

— Совсѣмъ не тебѣ нужно было говорить со мною!

— А кому-же? Кто другой могъ-бы говорить за меня? Я откровенно и прямо призналась вамъ, кого люблю, и прошу вашего прямого отвѣта; почему-же вы не хотите мнѣ дать его?

Софья Ивановна открыла-было ротъ, чтобы отвѣтить, но ничего не отвѣтила. Дочь ждала, а мать молчала.

— Мамаша, ну, скажите мнѣ хоть вотъ что: если-бъ не было ни свѣта, ни тети Катя, ни Саши, вы-бы дали мнѣ согласіе выйти за Ивана Николаевича? Отвѣтите мнѣ, прошу васъ.

Поленька остановилась противъ матери и съ настойчивой мольбой смотрѣла на нее. Софья Ивановна рѣшительно не знала, что отвѣтить.

— Сядь сюда, Полина, поговоримъ спокойно. Намъ нечего рѣшать между собой,—нужно, чтобъ все семейство было согласно; нужно спросить Виктора и Александра, что они объ этомъ думаютъ. Намъ съ тобой, другъ мой, нетрудно кашу заварить, да что изъ этого выйдетъ?..

— Что выйдетъ! воскликнула Поленька, — большое счастье для меня. Знаете, мамаша, я ужъ давно собиралась сказать вамъ о моей любви, да все откладывала. Не бойтесь, хлопотъ вамъ не будетъ: Викторъ уже все знаетъ, а Александру до меня нѣтъ дѣла.

— Поленька! съ упрекомъ воскликнула Софья Ивановна.

— Это правда, Александръ меня совсѣмъ не любитъ и я его не люблю. А тетѣ Катѣ мы пока ничего не напишемъ; лѣтъ, когда мы увидимся, я сама скажу ей.

— И тебѣ не страшно?

— Отчего-жъ мнѣ будетъ страшно?

Софья Ивановна не дала Поленькѣ прямого отвѣта, но уже

не говорила больше: это невозможно. Отличительная черта ее характера не изменила ей и в этом случае. Огорчить Поленку, объяснить ей яснее и резче, что Иванъ Николаевич хотя и хорошии человекъ, но совершенно неподходящая ей пара, у доброй Софьи Ивановны не хватило духа.

Скоро положеніе Полины совсѣмъ опредѣлилось: она стала невѣстой Ветлова. Для свѣта это было еще тайна, но въ домѣ всѣ объ этомъ знали.

II.

Жизнь подъ одной кровлей очень сближаетъ людей. Ежедневныя встрѣчи даютъ право на короткость, которая устанавливается какъ-то сама собой. Можно частенько говорить съ глазу на глазъ, не обращая на себя ничего вниманія, встрѣчаться будто случайно, обняками наводитъ разговоръ на то, что всего больше интересуетъ, незамѣтно добиваться довѣрія и дружбы.

Такъ сблизились Викторъ и Татьяна Павловна. Онъ уже знаетъ, что она перенесла много неудачъ въ своихъ попыткахъ къ дѣятельности, что она хочетъ уѣхать надолго за-границу.

Она говорила съ нимъ долго и часто и какъ-будто откровенно, но все-же сообщила ему только внѣшніе факты своихъ неудачъ. Была-ли она, по крайней мѣрѣ, вознаграждена въ своей личной жизни, была-ли она любима, какъ заслуживаетъ, и счастлива? Этого Викторъ не могъ заключить изъ ее словъ.

— Татьяна Павловна, рѣшился онъ однажды спросить ее, послѣ долгихъ колебаній,—но лично-то были-ли вы счастливы?

Мгновенная судорога передернула все лицо Татьяны Павловны, брови ее сдвинулись и въ уголкахъ рта обозначились двѣ легкія складки. Она опустила глаза и не отвѣчала. Викторъ подошелъ къ ней, и уже хотѣлъ извиниться за нескромный вопросъ, когда она произнесла тихимъ, грустнымъ голосомъ:

— Мужа своего я любила, очень, очень любила... но счастлива была недолго.

Викторъ судорожно взялъ ее руку и крѣпко прижалъ ее къ губамъ. Татьяна Павловна тихо отняла ее, пытливо посмотрѣла ему въ лицо, спокойно встала, прошла нѣсколько разъ по комнате и вышла.

Придя къ себѣ, Татьяна Павловна пожалѣла, что такъ откровенно разговорилась съ Викторомъ. Въ первый разъ, со времени ихъ знакомства, ей показалось, что онъ можетъ полюбить ее, и мысль эта была ей непріятна.

„Онъ всегда былъ простъ со мной, думала она,—точно будто былъ мнѣ братъ. Кто-жь зналъ, что и онъ можетъ влюбиться!.. Но и теперь это только предположеніе. Все равно, коль скоро оно явилось, нужно какъ можно скорѣй удалиться отсюда. Это такъ легко: Маша непременно приметъ предложеніе, и я уѣду съ ней. Въ глазахъ Поленьки и Виктора Александровича это будетъ достаточнымъ предлогомъ, остальнымъ можно сказать — первый попавшійся. Да, положительно, я уѣду съ ней, и мнѣ самой пора ѣхать, да и ей я могу оказать нѣсколько услугъ, а здѣсь мое пребываніе не только бесполезно, но и можетъ вызвать въ Викторѣ Александровичѣ такія чувства, которыхъ я вовсе не намѣрена раздѣлять!“

На слѣдующее-же утро Татьяна Павловна отправилась къ Машѣ за окончательнымъ отвѣтомъ.

— Что-жь вы мнѣ сегодня скажете? надѣюсь, не опечалите меня отказомъ?

— Я согласна, чуть слышно произнесла Маша. Татьяна Павловна обняла ее.

— Такъ и я васъ порадую: я ѣду съ вами. Мы направимъ нашъ путь прямо на Дрезденъ, и я оставлю васъ только тогда, когда вы ужь немножко обживетесь за-границей.

— Какъ! вѣдь вы хотѣли ждать Лопатиныхъ?

— Да, но теперь я рѣшила иначе. Мнѣ будетъ гораздо удобнѣе ѣхать съ вами.

— Какая вы добрая... начала было Маша.

— Не приписывайте это моей добротѣ: я это дѣлаю для себя. Сколько дней вамъ нужно, чтобъ собраться?

— Дней пять.

— Значитъ, въ субботу мы ѣдемъ?

— Хорошо, я и мама будемъ готовы.

Неособенно пріятно провела Татьяна Павловна послѣдніе пять дней у Лопатиныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она заподозрила Виктора въ возможности полюбить ее, она стала избѣгать его. Онъ это замѣтилъ и тоже чувствовалъ неловкость. Онъ понялъ, что

быль-бы отвергнуть, если-бы сдѣлалъ еще этотъ одинъ шагъ къ сближенію, и сторонился. Послѣ обѣда онъ не оставался въ залѣ, и даже уходилъ изъ дому, чтобъ не имѣть искушенія вернуться въ залу. Такимъ образомъ, онъ не присутствовалъ, когда Татьяна Павловна объявила о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, будто-бы къ теткѣ, и ничего не зналъ о немъ до той минуты, пока она виѣстѣ съ Поленькой, не постучала у дверей его кабинета, уже въ дорожномъ платьѣ.

— Я пришла проститься съ вами, я ѣду.

— Какъ! куда?

— Она ѣдетъ съ Машей, весело сказала Поленька:—мы ужъ это давно устроили; только ты никому не говори.

— Вы ѣдете за-границу?

— Да, въ Дрезденъ.

— Въ Дрезденъ... машинально повторилъ онъ, и какъ-то глупо осклабился, такъ-что Поленька съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Прощайте, Викторъ Александровичъ, я пришла только проститься.

— Благодарю васъ, прощайте, желаю вамъ счастливаго пути...

Онъ нагнулся и поцѣловалъ протянутую руку. Губы Татьяны Павловны едва слышно чмокнули воздухъ и она быстро вышла. Викторъ пошелъ тоже по направленію къ двери; Поленька ему что-то говорила, но онъ не слышалъ. Онъ вдругъ повернулся къ сестрѣ.

— Зачѣмъ ты не сказала мнѣ, что она уѣзжаетъ? шопотомъ спросилъ онъ.

— Поленька! идите-же, а то опоздаемъ! прозвучалъ голосъ Татьяны Павловны изъ глубины коридора.

— Сейчасъ, иду! отозвалась Поленька, а сама не двигалась и глядѣла на брата.

— Викторъ! важется, ты...

Зовъ Татьяны Павловны повторился, и Поленька присоединилась къ ней, не договоривъ фразы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Въ концѣ мая, отдѣльный семейный вагонъ далъ удобный пріютъ отправлявшимся за-границу Лопатинымъ. Настроеніе духа всѣхъ увъзжавшихъ было самое веселое; даже Викторъ смѣялся, шутилъ и долго махалъ платкомъ провожавшимъ ихъ знакомымъ, увѣряя, что онъ дѣластъ это отъ радости, что долго не увидитъ ихъ.

Въ то-же время, какъ Лопатины быстро ѣхали по желѣзной дорогѣ, какъ Поленька и Ветловъ шептались въ уголку, Софья Ивановна раскладывала пасьянсъ, дѣти играли съ Нелли и съ Анисей Степановной въ карты, а Викторъ дѣлалъ видъ, что дремлетъ, и мечталъ о встрѣчѣ съ Татьяной Павловной, — Маша прилежно работала въ мастерской одного изъ лучшихъ профессоровъ, а Татьяна Павловна у себя дома. Онѣ не жили на одной квартирѣ, но Татьяна Павловна ходила къ Алексѣевымъ обѣдать и ужинать. Машѣ посчастливилось устроиться очень хорошо. По пріѣздѣ въ Дрезденъ, Татьяна Павловна отправилась съ ней въ картинную галерею, и тамъ имъ указали имя и адресъ лучшаго дрезденскаго профессора, который немедленно принялъ ее въ число своихъ ученицъ. Жизнь ея шла мѣрно и опредѣленно — она рисовала съ утра и до сумерокъ. Со стоическимъ терпѣніемъ сидѣла она за своимъ мольбертомъ и думала только о томъ, чтобъ шагъ за шагомъ преодолѣть всѣ препятствія и добиться желанной цѣли.

Въ Дрезденѣ общественное положеніе Маши совершенно измѣнилось. Профессоръ пригласилъ ее къ себѣ, и чрезъ его семью она приобрѣла довольно обширный кругъ знакомыхъ, между которыми были и русскіе. Въ глазахъ своихъ новыхъ знакомыхъ, она была небогатая дѣвушка, по состоянію хорошо воспитанная, нѣсколько застѣнчивая, но милая и пріятная гостыя. Маша хотѣла-было отговориться отъ знакомствъ, но Татьяна Павловна убѣдила ее, что она должна-же, наконецъ, посмотрѣть на людей и потолковать между ними, а то у нея никогда не выработается трезваго взгляда на жизнь. Маша согласилась съ этимъ доводомъ,

и довольно часто проводила вечера въ гостяхъ. Съ Татьяной Павловной она все больше и больше сближалась, и Татьяна Павловна съ успѣхомъ внушала ей, что хорошему художнику необходимо и умственное развитіе, что онъ долженъ знать, что дѣлается въ мірѣ и какіе вопросы волнуютъ мыслящія головы. Маша всѣмъ сердцемъ поддавалась на это внушеніе: послѣ нѣсколькихъ часовъ рисованія она бралась за книгу.

II.

Несмотря на удобное путешествіе, переѣздъ изъ Петербурга въ Берлинъ чрезвычайно утомилъ Софью Ивановну. Она едва могла добраться до отеля и тотчасъ-же легла отдыхать. Часа черезъ три она проснулась и потребовала чаю. Все семейство собралось въ ея комнатѣ и за чаемъ стали разсуждать, что будутъ дѣлать дальше. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшили остаться дня четыре въ Берлинѣ. Софья Ивановна хотѣла хорошенько отдохнуть прежде, чѣмъ снова пускаться въ дорогу. Виктору это было крайне удобно: онъ могъ тотчасъ-же отправиться въ Дрезденъ.

Поленька стояла на балконѣ и дѣлала ему знаки; онъ вышелъ къ ней.

— Мнѣ-бы очень хотѣлось воспользоваться этими днями и по-видать Машу и Татьяну Павловну; какъ-бы намъ это устроить?

— Очень просто; мы скажемъ мама, что хотимъ ѣхать въ Дрезденъ за Татьяной Павловной и привезти ее сюда.

— Полина, не стой на солнцѣ! окликнула ее Софья Ивановна, — у тебя опять заболитъ голова.

Поленька вошла и навела разговоръ на Татьяну Павловну. Она выразила желаніе лично поѣхать за ней, въ сопровожденіи брата и Ветлова, и, къ большому ея удивленію, Софья Ивановна немедленно согласилась.

Свѣтъ на слѣдующее утро въ вагонъ, Поленька вздохнула такъ свободно, какъ ей еще никогда не дышалось. Два дня она могла быть полной госпожей своихъ поступковъ, громко называть Ветлова *ты*, къ имени его не прибавлять отчества, говорить, что придетъ ей на умъ. Въ вагонѣ: Викторъ не стѣснялъ ихъ, онъ сидѣлъ молча и глядѣлъ въ окно. Видно было, что мысли его

совсѣмъ не сосредоточены на окружающемъ, а увлекаютъ его въ ту даль, куда мчала его теперь желѣзная дорога; но чѣмъ больше приближался онъ къ желанной цѣли, тѣмъ печальнѣе становилось выраженіе его лица.

Было уже болѣе трехъ часовъ, когда поѣздъ остановился. Маша жила на противоположномъ концѣ города. Всѣ трое рѣшили пройти прежде къ ней и узнать отъ нея вѣрный адресъ Татьяны Павловны.

— Полина Александровна, какими судьбами! воскликнула Дарья Осиповна, увидя Поленьку.—Викторъ Александровичъ, да это вы! вотъ ужъ не признала! Мое почтеніе, сударь.

— Здравствуйте, Дарья Осиповна; этотъ сударь—мой женихъ. А гдѣ Марья Михайловна?

— Ея теперь нѣтъ дома, она приходитъ только въ шесть часовъ. Позвольте я за ней сбѣгаю.

— Нѣтъ, не беспокойте ее, мы зайдемъ еще разъ.

— Хоть минутку присядьте. Какъ-же вы это сюда попали?

Пошелъ перекрестный разговоръ и продолжался болѣе полчаса, прежде чѣмъ дошелъ до разспросовъ о Татьянѣ Павловнѣ.

— Она живетъ здѣсь не далеко, въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ домовъ. Постойте я принесу вамъ ея адресъ, онъ у меня записанъ русскими буквами.

Поленька встала.

— Благодарю васъ; такъ мы всѣ будемъ у васъ въ шесть часовъ, а теперь попытаемъ счастье,—сходимъ къ Татьянѣ Павловнѣ.

Сойдя съ лѣстницы, Поленька взяла Ветлова подъ руку.

— Пойдемъ, погуляемъ по городу, сказала она,—а къ шести часамъ сойдемтесь всѣ здѣсь; хочешь, Викторъ?

— Пожалуй, отозвался онъ, и они разошлись.

Онъ скоро нашелъ домъ, гдѣ жила Татьяна Павловна. На его звонокъ вышла старая нѣмка и объявила, что Татьяны Павловны нѣтъ теперь дома, но что она, вѣрно, скоро вернется. Викторъ вынулъ карточку и написалъ на ней нѣсколько словъ.

Викторъ побрелъ по дорогѣ, ведущей за городъ. Она была усажена каштановыми деревьями, густая тѣнь которыхъ спасала отъ жаркаго солнца. Викторъ снялъ шляпу и медленно шелъ, безпрестанно оглядываясь назадъ. Домъ Татьяны Павловны скоро

исчезъ у него изъ виду. Викторъ не хотѣлъ идти дальше и сѣлъ на первую скамейку. Викторъ еще сидѣлъ на скамьѣ, машинально чертя на пескѣ тростью безсвязныя буквы и фигуры, когда вдали замелькало свѣтлое платье и на темной зелени каштановъ ярко выступила соломенная шляпка. Звукъ дальнихъ шаговъ заставилъ Виктора повернуть голову, но онъ тотчасъ-же отвернулся, увидѣвъ свѣтлое платье.

„Однако, странно, подумалъ онъ, — какъ походка похожа на походку Татьяны Павловны!“

Женщина свернула съ аллеи и пошла полевъ. Викторъ схватилъ шляпу и почти бѣгомъ бросился за ней.

„Какое безуміе! можетъ-ли это быть Татьяна Павловна: вѣдь она въ траурѣ!“ думалъ онъ и все-таки быстро подвигался впередъ.

Онъ былъ отъ женщины въ какихъ-нибудь пятнадцати шагахъ разстоянія, когда разглядѣлъ низко-опускавшіяся на затылокъ черныя косы.

— Татьяна Павловна! крикнулъ онъ.

Женщина мгновенно остановилась, обернулась и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу.

— Викторъ Александровичъ, какъ вы пріѣхали? раздался знакомый голосъ.

— Сейчасъ; я пріѣхалъ съ сестрой и съ Ветловымъ.

— Гдѣ-же они?

Викторъ пояснилъ.

— А знаете, докончилъ онъ, —заграничный воздухъ неидетъ вамъ въ прокъ: вы какъ-будто похудѣли.

— Я этого не замѣчаю; впрочемъ, я всегда немного худѣю лѣтомъ.

— Я иду за вами по этой тропинкѣ и рѣшительно не знаю, куда она насъ выведетъ, перебилъ Викторъ.

— Она ведетъ насъ къ моей квартирѣ. Видите этотъ бѣлый домикъ?—я въ немъ живу.

— Неужели?

— Да; вы, вѣрно, были въ немъ съ улицы и не узнали его. Вотъ мои окна.

— Вы позволите мнѣ войти къ вамъ?

— Конечно.—(Она посмотрѣла на часы.)—Только намъ нужно будетъ скоро идти къ Машѣ.

Они дошли до дому, подъ говоръ Татьяны Павловны. Она рассказывала Виктору о томъ, что дѣлается въ Дрезденѣ и какое впечатлѣніе производитъ на нее нѣмецкая жизнь. Войдя къ ней, Викторъ протянулъ обѣ руки.

— Здравствуйте еще разъ, сказалъ онъ.—Знаете-ли, зачѣмъ мы сюда пріѣхали?

— Нѣтъ.

— Чтобъ отъ имени маменьки упросить васъ ѣхать съ нами на воды.

— Я, право, не могу принять это доброе приглашеніе, отвѣтила она:—мнѣ еще не хочется оставлять Дрездена, притомъ-же жизнь на водахъ такъ шумна...

— Можно жить на очень шумныхъ водахъ и все-же проводить время тихо; стоять только выходить гулять, когда всѣ сидятъ дома, и сидѣть дома, когда всѣ гуляютъ.

— Это довольно трудно! Кромѣ того, у меня есть другіе планы: мѣсяца черезъ два я хочу ѣхать въ Парижъ.

— Но въ эти два мѣсяца вы могли-бы посвятить намъ недѣльки двѣ-три; потомъ мы, вѣрно, долго не увидимся.

— Нѣтъ, не приглашайте меня, Викторъ Александровичъ, мнѣ, право, это очень неудобно.

— Татьяна Павловна, обратился онъ къ ней съ улыбкой,—позвольте мнѣ сдѣлать вамъ очень нескромный вопросъ: не потому-ли вы не хотите исполнить нашу просьбу, почему собрались въ три дня и уѣхали отъ насъ?

Татьяна Павловна смѣшалась подъ его пристальнымъ взглядомъ.

— Вы напрасно такъ поторопились уѣзжать отъ насъ; вы ошиблись въ своемъ предположеніи. Простите, что я долженъ буду затронуть очень щекотливую тему, но иначе между нами надолго осталось-бы непріятное недоразумѣніе. Я чувствую къ вамъ большую дружбу и уваженіе; вы мнѣ почти такъ-же дороги, какъ моя сестра, и я, конечно, желалъ-бы видѣть васъ счастливою. Я часто ласкаю сестру, и упустилъ изъ виду, что наше положеніе постороннихъ не позволяло мнѣ выразить вамъ тотъ маленькій знакъ симпатіи, который невольно вырвался у меня, когда вы

сказали мнѣ, что жизнь не дала вамъ много радостей. У меня выпрвалось движеніе, перешедшее границу того сочувствія, которое имѣетъ право оказывать вамъ чужой, а вы истолковали его ложно...

Викторъ посмотрѣлъ на Татьяну Павловну и опять улыбнулся. Тонъ его былъ ровный, взглядъ спокоенъ: онъ много времени готовился къ своей роли!

Татьяна Павловна совершенно сбилась съ толку; она не знала, вѣрить-ли Виктору или невѣрить?

„Почему-жь это и не правда?“ подумала она и послѣ нѣкотораго молчанія сказала:

— Я вамъ вѣрю, и благодарю васъ, что вы такъ прямо разрѣшили мои подозрѣнія; но я хочу сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Для меня было-бы большой неприятностью, если-бы кто-нибудь полюбилъ меня, а въ особенности человекъ, котораго я цѣню и уважаю, потому что я не могла-бы платить ему взаимностью. Я не могу никого полюбить: впечатлѣніе моей любви еще слишкомъ живо... Ну, да все это прошлое! махнула она рукой.—Теперь, повторяю, я не могу больше никого любить и потому я должна была удалиться, когда мнѣ показалось, что вы питаете во мнѣ такіа чувства, раздѣлить которыхъ я не могла-бы теперь.

— Пусть-же вамъ это больше не кажется! проговорилъ онъ.— Но, однако, намъ пора идти: друзья уже, вѣрно, ждутъ насъ.

Татьяна Павловна была очень довольна, что она ошиблась. А Викторъ уже надѣялся, что время изгладитъ въ сердцѣ Татьяны Павловны слѣды несчастной любви и откроетъ передъ нимъ новую жизнь. Онъ не ошибся.

Жизнь дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа начинала складываться въ опредѣленные рамки и періодъ ихъ тревогъ и колебаній приходилъ къ концу.

Наталья Алѣева.

СЪ СЕРБСКАГО.

Поднялись крутыя горы,
Въ небѣ тонуть ихъ вершины,
Зеленѣютъ между ними
Благодатныя долины.
По отвесамъ бродить стадо,
Вѣрный песь сторожко лаетъ,
На скаль пастухъ гнѣздится,
Въ рогъ трубить, неумолкаетъ!..

Въ рогъ трубить... Внизу деревня,
Яркимъ заревомъ пылая,—
Вся охвачена пожаромъ...
Рогъ трубить неумолкая...
Рогъ трубить... Въ огнѣ порою
Слышенъ говоръ вражій рати,
Крики женъ, дѣтей рыданья,
Гулъ моленій и проклятій...

Рогъ трубить... Отъ скаль нагорныхъ
Пробѣгаетъ зовъ могучій
И собираются юнаки,
Подымаясь словно тучи...
Въ горы, въ горы къ ихъ вершинамъ,
Гдѣ за каждую скалою—
Какъ орелъ, боецъ таится,
Ждетъ врага и рвется къ бою!..

В. И. Славяноскій.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ.

(Окончаніе.)

XI.

Первоначальное народное образованіе въ Норвегіи процвѣтаетъ почти такъ-же, какъ и въ Швеціи и сложилось оно почти при одинаковыхъ условіяхъ.

Я уже говорилъ, что природа западной и сѣверной частей скандинавскаго полуострова скупѣе, суровѣе и недоступнѣе, чѣмъ природа юга и востока этого полуострова. Эти-то непріятныя части страны и занимаетъ Норвегія. Здѣсь человѣкъ никогда не можетъ думать, что онъ „проживетъ какъ-нибудь“, „на авось“; тутъ нерѣдко онъ долженъ употреблять страшныя усилія и отказывать себѣ во всемъ, чтобы только существовать. Рыбная ловля, охота, горные промыслы, смолокурение, все это достается здѣсь не легко и весь этотъ трудъ совершается только ради того, чтобы не умереть съ голода: о прихотяхъ, о роскоши, объ излишествахъ тутъ нечего и думать. Безчисленные горы, озера и потоки не даютъ возможности населенію жить большими группами; города рѣдки и малы, только три изъ нихъ имѣютъ отъ 10 до 30,000 жителей; изъ 1,701,478 жителей въ 1865 году только 286,149, т.-е. менѣе 11% жили въ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, остальная-же часть населенія жила разбросанно отдѣльно, иногда даже вела кочевую жизнь; на одну милю приходилось не

болѣе 257 жителей, тогда-какъ во Франціи, напримѣръ, приходилось до 3,800 жителей на милю. Всѣмъ этимъ лицамъ, живущимъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга, трудно сообщаться между собою вслѣдствіе непроходимыхъ горъ, быстрыхъ рѣкъ, глубокихъ снѣговъ и частыхъ зимнихъ вьюгъ.

Такія условія жизни, какъ разъединенность населенія, бѣдность, непроходимость нѣкоторыхъ мѣстностей, не могутъ способствовать развитію образованія, но они способствовали норвежцамъ выработать особенно твердый, упорный и устойчивый характеръ. Можетъ быть, нельзя найти въ Европѣ ни одного народа, который былъ-бы такъ выносливъ и настойчивъ въ трудѣ, который менѣе-бы увлекался пустыми свѣтскими удовольствіями, который сохранилъ-бы такую чистоту семейной и патріархальной жизни, какъ норвежцы. „Главные черты характера жителей Норвегіи, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, — сильно развитая любовь къ отечеству, нравственная стойкость и смысленность рядомъ съ полнымъ отсутствіемъ стремленія ко всему идеальному; сильная энергія и страсть къ труду рядомъ съ пренебреженіемъ къ наслажденіямъ и удовольствіямъ. Эти качества подъ вліяніемъ окружающей природы служатъ главными источниками всѣхъ добродѣтелей и пороковъ населенія“.

Это населеніе собственно можно раздѣлить на двѣ группы: на земледѣльцевъ и пастуховъ, и на рыболововъ и моряковъ. Первые, то-есть люди, почти не покидающіе своихъ родныхъ горъ и лѣсовъ, сохраняютъ во всей чистотѣ народный характеръ, вторые виѣстѣ съ жителями городовъ являются какъ-бы соединительнымъ звеномъ между Норвегією и остальной Европой. Вообще западная Европа вліяла на Норвегію еще меньше, чѣмъ на Швецію.

Еще въ тѣ давнія времена, когда въ западной Европѣ царилъ во всей силѣ старый феодализмъ, сильно пренебрегавшій какими-бы то ни было развитіемъ или какими-бы то ни было правами низшихъ классовъ западно-европейскихъ народовъ, норвежцы пользовались личною свободою, вели самостоятельно свои дѣла, избирали королей, измѣняли законы страны. Этимъ людямъ такъ или иначе приходилось управлять своею бѣдною страной и въ то-же время бороться съ чужеземцами, старавшимися покорить страну. Вслѣдствіе этого народъ рано ознакомился съ учрежденіями страны, съ ходомъ общественныхъ дѣлъ и сталъ дорожить своими героическими преданіями и пѣснями, въ которыхъ говори-

лось, какъ геройски покупалъ онъ свою независимость отъ вѣшнихъ, чужеземныхъ вліяній, главнымъ образомъ, отъ владычества датчанъ. Эти преданія, эти пѣсни: это участіе въ общественныхъ дѣлахъ было своего рода образованіемъ, создавало особенную чисто-народную, устную литературу. Ея развитію сильно способствовали замкнутая жизнь, долгіе зимніе вечера, проводимые у семейнаго очага, постоянное присутствіе дѣтей дома, а не на фабрикѣ, не на заводѣ, не въ омутѣхъ городской жизни и т. д. Христіанство, введенное въ Норвегію въ концѣ X столѣтія, не застало, можетъ быть, здѣсь особенно развитыхъ людей, но оно не застало здѣсь и полныхъ дикарей, незнающихъ ни своихъ правъ и обязанностей, ни своей исторіи. Съ распространеніемъ христіанства началось и распространеніе грамотности и нравственнаго воспитанія: монахи въ Норвегіи еще болѣе, чѣмъ въ Швеціи, должны были не только проникать въ самыя отдаленныя уголки страны, заноса новую вѣру, но и готовить людей къ тому, чтобы они, въ свою очередь, могли поддерживать эту вѣру и пропагандировать ее между другими. Воспитывать провозвѣстниковъ новой религіи было необходимо; иначе она не могла укорениться въ странѣ: одно простое крещеніе было здѣсь недостаточно, такъ-какъ слѣдить за всѣми новообращенными не было никакой возможности. Эта эпоха—время введенія христіанства—была второю эпохою умственнаго развитія страны. Но если христіанство вообще положило здѣсь начала грамотности отдѣльныхъ лицъ, то лютеранство принесло, въ свою очередь, ученіе о необходимости, объ обязанности этой грамотности для всѣхъ, такъ-какъ безъ этого нельзя читать Библіи—этого источника и краеугольнаго камня христіанской религіи. Въ требованіи грамотности для всѣхъ—величайшая заслуга Лютера; въ то-же время въ этомъ требованіи было сильнѣйшее орудіе въ его рукахъ. Этимъ орудіемъ онъ не только давалъ возможность лютеранству одержать верхъ надъ католичествомъ, но и упрочилъ за народами, принявшими лютеранство, дальнѣйшія побѣды надъ народами, удержавшимися на сторонѣ католичества.

Послѣ принятія лютеранства грамотность въ Норвегіи начала распространяться повсемѣстно, но она сообразно съ характеромъ народа имѣла чисто-частный характеръ: какъ бродячіе пѣвцы и рассказчики распространяли въ странѣ героическія пѣсни, преда-

нія и сказки, какъ первые странствующие монахи заносили изъ села въ село, изъ фермы въ ферму первыя понятія о христіанствѣ, такъ заносили и грамотность путешествующіе учителя. Школа шла здѣсь сама къ дѣтямъ, потому что дѣти, въ большинствѣ случаевъ, не могли идти къ ней: норвежцы бѣдны и теперь, тогда-же они были еще бѣднѣе и потому имъ было тяжело содержать постоянно школу, снаряжать дѣтей для посѣщенія школы, строить отдѣльные дома для училищъ; пути сообщенія въ большей части Норвегіи затруднительны и небезопасны и теперь, но тогда они были еще хуже, и дѣтямъ трудно было проходить далекія разстоянія, которыя легче было пройти учителю; правительство Норвегіи было очень долго чужеземное, враждебное странѣ, и потому не оно, а само общество должно было заботиться объ умственномъ развитіи страны, которая только въ началѣ нынѣшняго столѣтія вполне освободилась отъ датскаго ига и примкнула, какъ самостоятельное государство, къ Швеціи. Все это содѣйствовало развитію подвижныхъ школъ, создавшихся частною инициативою, лицами, незнавшими никакого контроля, стоившими дешево и, конечно, обучавшими дѣтей съ грѣхомъ пополамъ.

Только въ концѣ первой половины XVIII столѣтія (въ 1739 и 1741 годахъ) появляются намеки на стремленіе правительства внести болѣе правильности въ дѣло народнаго обученія и превратить его изъ частнаго дѣла въ дѣло общественное. Законодатель говоритъ, что „цѣль народнаго образованія—прийти на помощь частному образованію, распространяя среди юношества свѣтъ истиннаго христіанства, доставляя свѣденія, которыя долженъ имѣть каждый членъ общества, и облегчая, на-сколько позволятъ обстоятельства, прогрессивное развитіе всѣхъ отраслей культуры“. Въ то-же время общинамъ предписывается основывать школы. Но эти приказы, какъ и всѣ тому подобныя распоряженія, было гораздо легче писать, чѣмъ исполнять, на дѣлѣ въ то время: бѣдность народа, недостатокъ хорошихъ путей сообщенія и тому подобныя причины становились преградой для основанія повсемѣстныхъ, постоянныхъ школъ.

Правильное развитіе постоянныхъ школъ относится къ позднѣйшему времени, къ 1827, 1848, 1860 годамъ и, наконецъ, къ 1869 году, то-есть ко времени, когда Норвегія не только окончательно освободилась отъ вліянія Даніи, но и успѣла нѣсколько

поправить свои дѣла подѣ влияніемъ новаго склада общественной жизни.

Новое политическое положеніе Норвегіи началось съ 1814 года, когда 4 ноября былъ утвержденъ основной законъ, выработанный и представленный собраніемъ 17 мая. Сосредоточивъ управленіе въ своихъ, а не въ чужеземныхъ рукахъ, Норвегія очень легко могла уже возвести народное образованіе на степень общественнаго, а не частнаго дѣла. Теперь для этого нужны были только деньги, и эти деньги явились: съ одной стороны, начали сильнѣе развиваться торговля и промышленность, съ другой—правительственное собраніе стало экономнѣе распоряжаться государственными доходами и эта экономія иногда доходила просто до крайней и поразительной скупости. Многие писатели, привыкшіе видѣть расточительность разныхъ западно-европейскихъ властей, въ родѣ парижскаго Гаусмана, очень зло подсмѣивались надъ копсечными расчетами „мелочныхъ торгашей“ Норвегіи. Но эта скупость имѣла себѣ оправданіе: страна была не только бѣдна, но она была истощена, на ней тяготѣли долги. Изъ нея долго высасывали иностранцы все, что можно было высосать; ея торговля и промышленность находились въ застоѣ. Это нужно было поправить. Уже къ 1848 году, несмотря на то, что государству приходилось дѣлать множество расходовъ на разные улучшенія, долги были уменьшены на 2,000,000 спеціесталеровъ и съ 1855 года стали ежегодно откладывать по 553,663 спеціесталера на погашеніе долговъ. Эта сумма довольно велика, если вспомнить, что всѣ государственные доходы и расходы Норвегіи не превышаютъ 5,023,000 спеціесталеровъ. Чтобы добиться такой экономіи въ расходахъ, Норвегіи пришлось, напримѣръ, сильно сократить число войскъ, которыя ей, дѣйствительно, теперь не особенно нужны, такъ-какъ трудно представить, чтобы ей пришлось вести съ кѣмъ-нибудь войну. Она стоитъ совершенно въ особенномъ положеніи, чѣмъ большинство другихъ западно-европейскихъ государствъ, и потому можетъ воздерживаться отъ излишнихъ расходовъ на этотъ предметъ. Но хорошо и то, что она поняла свое положеніе и что она не тратится на пенужное для нея войско, какъ это дѣлалось, напримѣръ, въ Папскихъ владѣніяхъ или какъ это дѣлается въ республикѣ Сан-Марино. Папскія владѣнія истощали народъ

на содержаніе войска, хотя все-таки войско это не могло быть на-столько сильно, чтобы спасти отъ гибели Римъ; то-же можно сказать и о республикѣ Сан-Марино,—она тяготитъ народъ войскою, оградить-же имъ себя не можетъ. Если сравнить, сколько войска держитъ Норвегія и другія западно-европейскія державы, въ мирное и военное время, то получатся слѣдующія цифры.

Въ мирное время:

Въ Папскихъ владѣніяхъ	1	солдаты	на	82	ж.	(въ 1865 г.)
„ Пруссія	1	„	„	87	„	„
„ Франція	1	„	„	92	„	„
„ Швеція	1	„	„	95	„	„
„ Италія	1	„	„	97	„	„
„ Давія	1	„	„	100	„	„
„ Норвегія	1	„	„	108	„	„

Въ военное время:

Въ Швейцаріи	1	солдаты	на	13,3	жителя.
„ Сан-Марино	1	„	„	13,5	„
„ Баварія	1	„	„	24,9	„
„ Швеція	1	„	„	27,3	„
„ Пруссія	1	„	„	30,3	„
„ Италія	1	„	„	42,3	„
„ Бельгія	1	„	„	47,3	„
„ Франція	1	„	„	48,5	„
„ Норвегія	1	„	„	66	„

Но этого мало: норвежцы не только держатъ мало войска, они сводятъ расходы на содержаніе до возможнаго мѣнѣшшаго. Тогда какъ содержаніе солдата обходится:

Въ Англіи	1,345	фр. въ годъ.
„ Папскихъ владѣніяхъ	865	„ (въ 1865 г.)
„ Австріи	577	„
„ Франціи	567	„
„ Италія	556	„
„ Бельгія	365	„
„ Пруссія	330	„

въ Норвегіи содержаніе одного солдата не превышаетъ 234 франковъ въ годъ.

Такая-же экономія соблюдается Норвегіею во всѣхъ государственныхъ расходахъ, а это очень важно, потому что страна

бѣдна и малопроизводительна. Это не Франція, гдѣ пять съ половиной миллиардовъ могутъ быть выплачены въ годъ, въ два безъ видимаго обѣдненія страны. Только при помощи такой эконومی во всѣхъ статьяхъ государственныхъ расходовъ могла создать эта бѣдная страна народныя школы и въ то-же время не обременить народъ чрезмѣрными поборами въ пользу этихъ школъ. Какъ ни была трудна эта задача, но Норвегія выполнила ее отлично и ея народное образованіе въ настоящее время не уступитъ народному образованію самыхъ передовыхъ государствъ западной Европы.

ХІІ.

Собственно народныя школы Норвегіи дѣлятся на подвижныя, на постоянныя первоначальныя и на постоянныя высшія школы.

Первоначально подвижныя школы помѣщались кое-какъ, гдѣ попало; теперь ставится въ обязанность, чтобы для этихъ школъ давалось приличное помѣщеніе. Эти школы устраиваются только въ томъ случаѣ, если жилища округа слишкомъ разбросанны или если школьная комиссія признаетъ невозможнымъ устройство постоянной школы. Тамъ, гдѣ жилища довольно близки одно отъ другого, такъ что въ школу могутъ ежедневно ходить до тридцати дѣтей, округъ обязывается имѣть или нанимать школьное помѣщеніе, то-есть основывать постоянную первоначальную школу. Если число дѣтей, могущихъ ходить въ одну школу, слишкомъ велико для того, чтобы ихъ обучалъ разомъ одинъ учитель, то ихъ раздѣляютъ на нѣсколько отдѣленій, которыя попеременно учатся въ школъ—это извѣстная американская half-time system. Въ Америкѣ она практикуется и тамъ, гдѣ учениковъ слишкомъ много, и тамъ, гдѣ дѣти должны дѣлить свое время между школой и фабрикой или мастерской. Эта система имѣетъ много недостатковъ въ педагогическомъ отношеніи, но она имѣетъ очень большое практическое значеніе и можетъ быть во многихъ случаяхъ незамѣнимою. Въ такихъ постоянныхъ орудныхъ школахъ учатъ читать, писать, считать, географіи или естественной исторіи, исторіи, религіи, пѣвию и каллиграфіи. Военныя упражненія и гимнастика вводятся по мѣрѣ возможности. Обученіе въ окружныхъ школахъ продолжается, по закону, не менѣе 12 недѣль и 9 не-

дѣль, если въ школѣ нѣсколько отдѣленій. Остальное время года употребляется на „продолженіе“ ученія, если этого пожелаютъ родители, и это „продолженіе“ занимаетъ шестнадцать и болѣе недѣль. Дѣти моложе четырнадцати лѣтъ и дѣти, достигнувшія этого возраста, но оказавшіе такъ мало успѣховъ, что они не могутъ принимать участія въ общемъ обученіи, получаютъ частные уроки до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ въ состояніи слѣдовать за общимъ курсомъ. Расходы на подобное подготовленіе оставшихъ возлагаются на родителей или опекуновъ. Каждая фабрика, мануфактура или заводъ, напимающіе тридцать рабочихъ или болѣе, обязаны имѣть школу, если только вблизи нѣтъ общинной школы. Дѣти сосѣднихъ жилищъ могутъ посѣщать фабричную школу, если только образованіе, даваемое ею, не совсѣмъ плохо. Родители должны покупать дѣтямъ книги для чтенія и все, что нужно для письма и счисленія; остальные принадлежности класса покупаетъ школа.

Высшая народная школа можетъ основаться съ согласія общинной администраціи. Такая школа можетъ возникнуть отдѣльно или присоединиться къ окружной школѣ или къ учительской семинаріи; она можетъ существовать при отдѣльномъ приходѣ или для нѣсколькихъ соединенныхъ приходовъ; нѣсколько округовъ могутъ придти въ соглашеніе для устройства общей высшей школы. Ученіе въ этой школѣ продолжается болѣе двухъ лѣтъ и она дѣлится на два отдѣленія; эти отдѣленія могутъ помѣщаться въ разныхъ мѣстахъ школьнаго округа. Въ высшей школѣ различныя предметы, которыми обучаютъ въ низшей школѣ, преподаются въ болѣе полномъ видѣ. Отечественный языкъ, географія, исторія, естественная исторія, рисованіе, геометрія—вотъ постоянныя предметы обученія высшей школы, но, по желанію, въ ней могутъ преподаваться математическія науки вообще, сельское хозяйство и одинъ изъ иностранныхъ языковъ. Иногда религиозное обученіе не входитъ въ число преподаваемыхъ въ высшей школѣ предметовъ, тогда посвящается нѣсколько часовъ на чтеніе библіи и на бесѣды о церковной исторіи. Въ высшую школу можно поступить не ранѣе двѣнадцати лѣтъ, причемъ нужно выдержать экзаменъ изо всего преподаваемаго въ низшей школѣ.

Въ Норвегіи существуетъ обязательность обученія: каждый ребенокъ восьми лѣтъ обязанъ посѣщать школу до конфирмаціи,

хотя онъ можетъ оставить школу и ранѣе, если выдержитъ экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ народной школѣ. Но въ то-же время дѣтямъ не навязывается непременно официальная школа: они могутъ обучаться и въ частной школѣ, и дома,—они обязаны только выдержать потомъ выпускной экзаменъ въ общественной школѣ. Прогулы допускаются только вслѣдствіе болѣзни дѣтей или уважительныхъ причинъ. Дѣти, прогуливающія классы безъ этихъ причинъ, обращаютъ на себя вниманіе школьнаго комитета, который можетъ наложить на ихъ родителей или опекуновъ штрафъ отъ 30 копеекъ до 7½ рублей. Подъ страхомъ такихъ штрафовъ запрещено хозяевамъ заставлять дѣтей работать въ то время, когда они должны посѣщать школу.

Одно изъ своеобразныхъ постановленій Норвегій, какъ и Швеціи, касается ограниченія власти порочныхъ, деморализованныхъ или слишкомъ беспечныхъ родителей и опекуновъ. Если родители или опекуны не заботятся о дѣтяхъ, если они дурно вліяютъ на дѣтей, если они деморализуютъ ихъ, то, по инициативѣ школьнаго комитета, поручается благотворительному бюро позаботиться о томъ, чтобы эти дѣти были вѣрены другимъ лицамъ, которыя берутъ на себя обязанность заботиться объ этихъ дѣтяхъ. Вообще Швеція и Норвегія очень часто прибѣгаютъ къ принудительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, когда дѣло касается блага подрастающаго поколѣнія: за непосѣщеніе школы дѣтьми, молодыми фабричными и прислугою налагаются штрафы на отцовъ, фабрикантовъ и хозяевъ; у деморализованныхъ отцовъ, опекуновъ, фабрикантовъ и хозяевъ отнимаются дѣти, работники и слуги изъ подъ власти; фабриканты обязываются содержать непременно школы и т. д. Это фактъ очень замѣчательный, именно потому, что во Франціи, когда рѣчь зашла о введеніи подобныхъ мѣръ, очень либеральные и развитые люди стали прежде всего толковать о томъ, что эти мѣры разрушаютъ семейный союзъ, что онѣ нарушаютъ права родителей, что онѣ ослабятъ повиновеніе и уваженіе дѣтей въ отношеніи отцовъ и старшихъ, а между тѣмъ едва-ли найдется другая страна въ Европѣ, гдѣ было-бы такъ-же сильно господство семейныхъ началъ и патриархальныхъ отношеній, какъ въ Швеціи и Норвегій. Если-бы французскіе общественные дѣятели серьезно слѣдили за тѣмъ, что

дѣлается въ другихъ страпахъ, то, вѣроятно, они иначе отнеслись-бы къ вопросу объ ограниченіи родительской власти въ извѣстныхъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что Швеція и Норвегія признали, что „по закону“ родители, опекуны, фабриканты и господа должны обучать подроставшее поколѣніе, и потому каждый недѣлающій этого является нарушителемъ закона и долженъ нести за это наказаніе. Тутъ наказывается не отецъ, не старшій, а просто нарушитель закона. Вѣдь и во Франціи наказался-бы отецъ или господинъ, который, наприѣръ, продалъ-бы кому-нибудь малолѣтнюю дѣвочку или который-бы приучалъ систематически вѣрннаго ему ребенка къ воровству, къ разбою? И развѣ кто-нибудь могъ-бы серьезно говорить о томъ, что, наказывая за это родителей, опекуновъ и хозяевъ, мы ослабляемъ семейный союзъ или нарушаемъ уваженіе къ старшимъ? Тутъ просто является наказаніе преступной личности того или другого гражданина. Но возвратимся къ предмету нашей статьи. Если дѣти не посѣщаютъ школы только вслѣдствіе бѣдности родителей, то благотворительное бюро обязано придти на помощь. Учителя обязуются вести правильныя отмѣтки насчетъ посѣщенія учениками школы и относительно успѣховъ дѣтей; при переходѣ ребенка изъ одного округа въ другой, эти отмѣтки пересылаются изъ стараго округа въ новый. Публичный экзаменъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, гдѣ-бы они ни обучались, производится ежегодно въ окружной школѣ и неявляющіеся на экзаменъ подвергаются штрафу въ 1½ рубля.

Подвижныя школы играли въ Норвегіи очень значительную роль и ихъ значеніе ослабѣвало только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе развивались постоянныя народныя школы. Какъ постепенно вытѣснялись онѣ постоянными школами, это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

въ 1840 г. были	7,133	подвиж. школы	222	постоян. школы
„ 1863 „ „	2,757	„ „	3,560	„ „
„ 1866 „ „	2,345	„ „	3,999	„ „

Эти цифры сами по себѣ ясно показываютъ, на-сколько совершеннѣе и полнѣе стало народное образованіе въ Норвегіи въ двадцати-шести-лѣтній періодъ. Но это станетъ еще яснѣе, если взглянуть, какое количество учителей было въ школахъ за это время и какое количество дѣтей посѣщало эти школы.

Всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ сельскихъ округахъ было:

въ 1840 году . . .	179,432	человѣвъ.
„ 1863 „ . . .	204,139	„
„ 1866 „ . . .	212,136	„

Изъ нихъ посѣщали постоянныя школы:

въ 1840 году . . .	15,154,	т. е.	9	изъ	100.
„ 1863 „ . . .	138,157	„ „	70	„	100.
„ 1866 „ . . .	158,484	„ „	75	„	100.

Не получали никакого образованія:

въ 1840 году . . .	9,222	челов.,	т. е.	5	изъ	100.
„ 1863 „ . . .	5,397	„ „	„	2	„	100.
„ 1866 „ . . .	5,514	„ „	„	2	„	100.

Число учителей было:

въ 1840 году . . .	2,112	человѣвъ.
„ 1863 „ . . .	3,015	„
„ 1866 „ . . .	3,118	„

Наконецъ, затраты на образованіе и жалованье учителей сильно увеличались въ это время. Расходы на народныя школы равнялись:

въ 1840 году . . .	336,120	франкамъ.
„ 1863 „ . . .	2,093,532	„
„ 1866 „ . . .	2,386,128	„

Жалованье учителей составляло:

въ 1840 году	393,798	фр.,	т. е.	186	фр.	на	человѣва.
„ 1863 „	1,667,808	„ „	„	552	„ „	„	„
„ 1866 „	1,876,236	„ „	„	600	„ „	„	„

Обученіе въ обязательной школѣ даровое, но если дѣти будутъ продолжать ученіе далѣе, то съ нихъ берется известная плата.

ХІІІ.

Приготовленіе учителей является необходимымъ условіемъ при правильной организаціи народнаго образованія, и потому Норвегія позаботилась объ устройствѣ учительскихъ семинарій. Въ каждой изъ пяти старыхъ епархій королевства существуетъ по одной учительской семинаріи, а въ 1867 году была открыта еще одна семинарія въ епархіи Гамарь. Въ пяти старыхъ семинаріяхъ

число воспитанниковъ доходитъ до 300 человекъ. Содержаніе этихъ училищъ стоитъ около 120,000 франковъ въ годъ. Курсъ ученія продолжается два года и предметы обученія слѣдующіе: религія, каллиграфія, арифметика, географія, естественная исторія, педагогика, умственные упражненія, пѣніе, музыка, гимнастика, военныя упражненія и практическія занятія въ первоначальной школѣ при семинаріи. Кромѣ этихъ большихъ семинарій (skollagar-seminarium) существуютъ еще учительскія школы (lagageskolor). Старыя изъ этихъ небольшихъ школъ составляютъ отдѣльныя учрежденія, новѣйшія-же постоянно примыкаютъ къ какой-нибудь постоянной народной школѣ. Курсъ ученія здѣсь продолжается годъ или восемнадцать мѣсяцевъ и предметы обученія менѣе многочисленны, чѣмъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Эти школы содержатъ на свой счетъ само государство. Учительская семинарія для дѣвушекъ задумана только въ послѣднее время и на нее дѣлался сборъ въ столицѣ.

Школьный комитетъ имѣетъ право назначать и смѣнять только помощниковъ учителей; учителя-же зависятъ отъ власти епархіи. Разъ отставленный отъ мѣста учитель не можетъ снова занять учительское мѣсто. Школьная комиссія предлагаетъ учителей въ высшія народныя школы, но утверждаетъ ихъ епархіальная власть. Начальники и профессора учительской школы назначаются королемъ. Minimum жалованья, назначаемого учителю, колеблется въ настоящее время между 3 и 6 франками въ недѣлю, занятую уроками. Кромѣ того, учителя получаютъ награды за каждаго воспитанника и исполняютъ иногда должность кистеровъ. Вообще учителю дается помѣщеніе для него и его семьи, мѣсто для сада и содержанія двухъ коровъ. Каждая десять лѣтъ представляются новыя правила для распредѣленія учительскихъ окладовъ и эти правила утверждаются епархіальными властями. Учительницы занимаютъ покуда только въ самыхъ маленькихъ школахъ и обучаютъ дѣвочекъ рукодѣльямъ.

Управленіе дѣлами народныхъ школъ сосредоточено главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства. Это объясняется своеобразнымъ раздѣленіемъ самой страны. Большинство населенія Норвегіи примыкаетъ къ лютеранской церкви, которая, какъ въ Швеціи и Даніи, удерживаетъ здѣсь епископальное устройство. Населеніе живетъ, большею частію, разбросанно и отдѣльныя поселенія и

фермы соединяются вмѣстѣ въ одинъ кирхшпилъ (Sogn); кирхшпили, въ свою очередь, составляютъ особые приходы (Prestegjald). Кирхшпилей въ 1760 году было 904, приходоѡ 412. Кирхшпилъ или приходъ иногда обнимаетъ нѣсколько квадратныхъ миль и составляетъ общину или паству, самостоятельно ведущую свои дѣла и имѣющую во главѣ священника, который заботится не только о духовныхъ дѣлахъ своего прихода, но и оказываетъ сильнѣйшее вліяніе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого священникъ является вліятельнымъ лицомъ и въ школьномъ устройствѣ.

Такъ въ школьной комиссіи, состоящей изъ начальника общиннаго совѣта, нѣсколькихъ членовъ этого совѣта и, по крайней мѣрѣ, одного учителя изъ прихода, пасторъ занимаетъ мѣсто предсѣдателя. Школьная комиссія обязана наблюдать за школами, за ходомъ обученія; она можетъ назначать особыхъ наблюдателей, обязанныхъ слѣдить, посѣщаютъ-ли дѣти школу; она должна представлять общинной администраціи свои мнѣнія о необходимыхъ субсидіяхъ на слѣдующій годъ. Пасторъ, конечно, вліяетъ болѣе всего на ея дѣятельность, но, кромѣ того, ему лично присвоено право наблюдать, какое образованіе получаетъ дитя въ школѣ, и онъ долженъ стараться, чтобы въ школѣ царствовали „порядокъ, усердіе и христіанскій духъ“. Когда комиссія представляетъ свои мнѣнія о субсидіяхъ администраціи общины, пасторъ получаетъ право присутствовать на собраніи общинной администраціи. Фабричныя школы находятся подъ прямымъ наблюденіемъ пастора. Конечно, каждый священникъ имѣетъ также достаточную долю вліянія на епархіальное начальство, а между тѣмъ епархія, въ свою очередь, сильно вліяетъ на школу.

Епархіальные представители не только назначаютъ школьную комиссію, но и предписываютъ этой комиссіи, какъ должна она относиться къ отдѣльнымъ фермамъ и домамъ, невошедшимъ въ общее раздѣленіе округа. Когда инспектора и общинная администрація дѣлаютъ замѣчанія насчетъ раздѣленія окружныхъ школъ, эти замѣчанія представляются на усмотрѣніе епархіи и только въ крайнемъ случаѣ представляются королю. Если община отказывается учредить школу безъ уважительныхъ причинъ, то на нее налагается штрафъ по 3 рубля за каждый день, покуда не устроятъ на ея счетъ школы, но и въ этомъ случаѣ верхов-

нымъ судьей является епархіальная власть. Отставка учителей, назначеніе новыхъ окладовъ жалованья, требованіе отчетовъ отъ школъ, наблюденіе за школами въ епархіальныхъ округахъ, наблюденіе за учительскими семинаріями—все это находится въ рукахъ епархіальныхъ властей.

Вотъ почему можно сказать, что духовенство и пасторы играютъ не только первенствующую, но просто первую роль въ школьномъ дѣлѣ въ Норвегіи. Нужно отдать имъ справедливость: они ведутъ это дѣло хорошо,—ведутъ его хорошо потому, что это все-таки одни изъ самыхъ образованнѣйшихъ и развитыхъ личностей среди населенія. Большею частію они начитанны, нравственны, хорошо знакомы съ потребностями страны и не фанатичны. Большею частію, они получаютъ не одно богословское образованіе, но вполнѣ знакомятся съ университетскою наукою, имѣютъ необходимыя естественно-научныя, сельско-хозяйственныя, экономическія и политическія знанія. Пасторъ не только средоточіе общины, но и примѣръ для нея, и плохо, если община, дѣлая дурное дѣло, можетъ сказать себѣ въ оправданіе: „да и самъ пасторъ не лучше поступаетъ“.

Правительство очень мало вмѣшивается въ школьныя дѣла: оно назначаетъ школьными инспекторами директоровъ высшихъ школъ и возлагаетъ на нихъ обязанность знать ходъ образованія въ странѣ и помогать совѣтами учителямъ, способствуя прогрессу обученія; оно дѣлаетъ нѣкоторыя назначенія, какъ назначеніе учителей и начальниковъ семинаріи; оно принимаетъ на себя извѣстную часть расходовъ на народныя школы и т. п.

Всѣ расходы на содержаніе первоначальныхъ школъ падали до 1861 года на долю общинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ получали субсидіи отъ государства вслѣдствіе недостатка средствъ въ общинахъ или вслѣдствіе желанія правительства поднять эти школы выше обыкновеннаго уровня. Законы 1861 года измѣнили эту часть школьнаго дѣла. Каждый уѣздный округъ (Amt) обязывался съ этого времени образовать школьную общину (Skolkommune), которая получала право требовать, подъ извѣстными условіями, субсидій въ размѣрѣ равняющемся двойнымъ взносамъ членовъ уѣзднаго округа. Въ 1867 году школьныя фонды получили такимъ образомъ:

Отъ уѣзднаго округа. . .	13,500	спеціесталеровъ
„ правительства . . .	27,000	„
Всего. . .	40,500	„

Эти государственныя субсидіи выдаются съ цѣлью усилить размѣры преподаваемыхъ предметовъ, доставить порядочныя жилища школамъ, увеличить жалованье учителей и т. д. Эти субсидіи тотчасъ-же произвели желанное дѣйствіе: уже черезъ два года, т. е. въ 1863 году, число дѣтей, обучающихся въ постоянныхъ народныхъ школахъ, увеличилось съ 48 до 70 процентовъ, а число учителей поднялось съ 34 на 49 процентовъ.

Въ настоящее время въ Норвегіи почти весь народъ умѣетъ, по крайней мѣрѣ, читать и писать, такъ-какъ умѣнье читать и писать поставлено непремѣннымъ условіемъ при конфирмаціи: безграмотный человѣкъ, по закону, не долженъ допускаться до перваго причащенія, и это, конечно, является очень сильной побудительной причиною для обученія дѣтей. Норвежцы—эти дѣти природы, пастухи, моряки, горцы—очень набожны и преданы религіи, и для каждаго изъ нихъ было-бы истиннымъ несчастіемъ невозможность конфирмоваться. Эта мѣра очень важна, такъ-какъ она служитъ гарантіей въ томъ, что человѣкъ исповѣдуетъ извѣстную вѣру съ полнымъ пониманіемъ догматовъ и требованій этой вѣры, которая не представляется ему чѣмъ-то чуждымъ, темнымъ и непонятнымъ, какъ это бываетъ въ католическихъ странахъ, гдѣ народъ не только не знаетъ своей вѣры по безграмотности, но и потому, что даже самое богослуженіе совершается на непонятномъ для него латинскомъ языкѣ.

XIV.

Рука объ руку съ развитіемъ народнаго образованія въ Швеціи и Норвегіи шло уменьшеніе преступленій. На-сколько зависѣло это уменьшеніе прямо отъ образованія—трудно сказать, но нельзя отрицать того, что образованіе способствовало смягченію нравовъ и развитію благосостоянія, а значить вліяло и на число преступныхъ дѣйствій, являющихся слѣдствіемъ грубости нравовъ и бѣдности. Несмотря на то, что цифра населенія въ обоихъ государ-

ствахъ сильно увеличилась, цифра преступниковъ понизилась. Въ Норвегii приходился:

Въ 1840 году 1 преступникъ на 1,290 жителей

„ 1856—1857 г. 1 „ „ 2,170 „

Въ Швеции было:

Въ 1840 году 1 преступникъ на 1,375 жителей

„ 1856—1856 г. 1 „ „ 1,835 „

По отчетамъ министра юстиціи за 1845 и 1864 годы, въ Швеции получаютъ слѣдующія цифры преступленій. Въ 1845 году, при 3,316,536 жителей, было заключено въ тюрьму по приговору судовъ 15,483 человекъ или одинъ на 214 жителей. Въ 1864 году, когда населеніе дошло до 4,114,141 человекъ, это наказаніе постигло только 11,998 человекъ, т. е. одного изъ 342 жителей, хотя законы страны стали строже и, кромѣ того, изъ лицъ, попавшихъ въ тюрьму, 298 попали за долги. Въ 1845 году было 1,732 человекъ, наказанныхъ за нарушеніе законовъ нравственности, въ 1864 году подобныхъ преступниковъ было 938. Въ 1845 году преступленій противъ частныхъ лицъ было 21,661, а въ 1864 только 3,874. Только число дѣтубійствъ повисилось, главнымъ образомъ въ столицѣ, съ 56 до 72 случаевъ, что объясняется болѣе сильнымъ развитіемъ промышленности, привлекая въ городъ довольно значительныя массы людей. Даже пьянство—этотъ страшный порокъ шведовъ и норвежцевъ—значительно ослабѣваетъ въ послѣдніе годы: правда, аресты за пьянство сдѣлались чаще, но это потому, что полицейскія постановленія относительно пьянства сдѣлались строже; количество-же выкуриваемой водки сдѣлалось значительно меньше.

Таково народное образованіе въ Швеции и Норвегии, таковы результаты, вызванные такъ или иначе процвѣтаніемъ этого дѣла.

Мы видѣли, что первой клѣточкой шведскаго и норвежскаго народнаго образованія была подвижная школа, что эта школа начала исчезать только тогда, когда начало развиваться достаточное количество постоянныхъ школъ, что постоянныя школы далеко не могли-бы такъ сильно развиваться и такъ успѣшно дѣйствовать

безъ этого подспорья. Подвижная школа развила въ народѣ привычку къ ученью, она готовила учениковъ въ постоянной школѣ, она вносила понятіе о школѣ въ самыя отдаленныя захолустья, она давала самымъ бѣднымъ людямъ возможность научить грамотѣ своихъ дѣтей. Подвижная школа играла такую-же роль, какую играла ланкастерская школа, какую до сихъ поръ играютъ воскресныя школы, вечерніе классы, школы, гдѣ господствуетъ *half-time system*, и т. п. Когда непріятель вторгается въ какую-нибудь страну, населеніе вооружается чѣмъ попало — топорами, вилами, дрекольемъ. Это плохое, крайне не совершенное оружіе, но и съ нимъ можно дать первый отпоръ врагу и его можно употребить въ дѣло, если подъ рукою нѣтъ болѣе совершеннаго оружія. *A la guerre comme à la guerre*, говорятъ французы. Подвижная школа именно такое оружіе, и при помощи его Швеція и Норвегія дали первый отпоръ невѣжеству.

Но отчего-же, спросятъ читатели, не всѣ народы пользовались этимъ средствомъ, отчего только Швеція и Норвегія пустили его въ дѣло?

Причинъ этому явленію много. Возьмемъ въ примѣръ Пруссію.

Эта страна, нужно ей отдать полную справедливость, сильно заботилась о народномъ образованіи. Она заботилась о немъ уже въ то время, когда у нея еще не было подъ рукою никакихъ народныхъ учителей, кромѣ вистеровъ и отставныхъ инвалидовъ, а все-таки она не прибѣгала къ помощи подвижной школы. Но отчего-же? Пруссія составила изъ мелкихъ разноплеменныхъ владѣній; принимаясь за развитіе народнаго просвѣщенія, она прежде всего заботилась о сліяніи этихъ племенъ и народностей въ одно цѣлое. Сдѣлать это было возможно только тогда, когда школы находились-бы подъ постояннымъ контролемъ государства, когда онѣ, кромѣ развитія грамотности, преслѣдовали-бы и чисто-патриотическія или политическія цѣли. Народная школа, если можно такъ выразиться, должна была создать Пруссію. Подвижная школа не давала для этого средствъ. За ней, по самому ея характеру, не можетъ быть правильнаго надзора или этотъ надзоръ будетъ слишкомъ дорого стоить, будетъ слишкомъ затруднителенъ. Самый учительскій составъ подвижной школы не можетъ быть набранъ сплошь изъ семинаристовъ нормальныхъ школъ: учитель, имѣющій право занять мѣсто въ постоянной школѣ, конечно,

предпочтеть эту школу подвижной, такъ-какъ, служа въ послѣдней, онъ въ сущности не будетъ имѣть ни своего угла, ни своей семьи, ни своего скарба. Тутъ нужно или самопожертвованіе, или безъисходность положенія, или увлеченіе извѣстной любимой идеей, — ни того, ни другого, ни третьяго нельзя требовать отъ семинаристовъ нормальной школы. Но этого мало. Подвижная школа должна дѣлать въ короткій срокъ то, что дѣлаетъ постоянная школа въ болѣе долгій срокъ: она должна скупю рассчитывать свое время, обучая дѣтей грамотѣ, письму и счисленію. и не тратить времени ни на что постороннее, иначе она должна превратиться въ осѣдную школу и учитель долженъ гостить слишкомъ долго въ одномъ мѣстѣ, тогда какъ другія мѣстности остаются безъ школы. Могла-ли-бы согласиться на это Пруссія, когда въ ея программу первоначальныхъ школъ входитъ такая масса занятій пѣніемъ, изученіемъ религіи, духовныхъ пѣсень и афоризмовъ? Отказаться отъ этой программы Пруссія не могла-бы, потому что она строго преслѣдуетъ извѣстную, опредѣленную и осмысленную цѣль: ей нужно сліяніе всѣхъ подвластныхъ ей народностей въ одно могучее и плотное политическое цѣлое, — сліяніе при помощи развитія прусскаго патриотизма и протестантской религіи. Отказаться отъ преслѣдованія этой цѣли — значитъ отказаться отъ образованія сильнаго государства. Можно сочувствовать или не сочувствовать этимъ стремленіямъ, но нельзя отрицать того, что эти стремленія были постоянно въ сознаніи Пруссіи и что она умно и расчетливо употребляла всѣ зависящія отъ нея средства для осуществленія этихъ стремленій на дѣлѣ, — и народная школа считалась ею однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для достиженія предназначенной цѣли. Представьте, что Пруссія прибѣгнула-бы въ настоящее время къ помощи подвижной школы. Могла-ли-бы она положиться на эту школу, когда въ государствѣ идетъ послѣдняя борьба умирающаго католицизма противъ все усиливающагося протестантизма? Не стала-ли-бы Пруссія подозрительно смотрѣть на каждого учителя подвижной школы, стараясь подмѣтить въ немъ ловко маскирующагося приверженца католической партіи? Вы, можетъ быть, помните, что Ланкастеръ могъ устроить свои школы, только устранивъ изъ нихъ всѣ отѣнки разныхъ религіозныхъ сектъ, господствующихъ въ Англіи. Это-же пришлось-бы дѣлать и подвижной школь среди населенія,

исповѣдующаго различныя религіи. Но кто-же поручился-бы, что она, ускользя отъ бдительнаго надзора, не будетъ подъ сурдинкою дѣйствовать въ пользу той или другой религіи, въ пользу той или другой секты?

Вотъ тѣ чисто-вѣщныя причины, которыя никогда не заставили-бы Пруссію или Англію или Австрію прибѣгнуть къ помощи подвижной школы, какъ къ общему явленію въ дѣлѣ народнаго образованія. Подобная школа можетъ, пожалуй, явиться въ этихъ государствахъ, но только какъ случайный, частный и исключительный фактъ, на который общество посмотреть и косо, и подозрительно.

Въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ государство состоитъ почти сплошь изъ одноплеменнаго населенія, гдѣ ярко преобладаетъ одна религія, гдѣ никто не можетъ думать ни объ отдѣленіи, ни о какомъ-нибудь измѣненіи склада общественной жизни, гдѣ все давно ровно и постепенно вошло въ опредѣленныя рамки, гдѣ, такъ-сказать, общество дошло до „тихаго пристанища“ и только думаетъ, какъ-бы украсить и улучшить это пристанище, — никто не могъ и не можетъ смотрѣть косо и подозрительно на такое явленіе, какъ подвижная школа. Не вздумаетъ-ли учитель проводить въ ней непатріотическія идеи? Можетъ быть, если онъ не слишкомъ дорожитъ своею особою, которую могутъ за подобную продѣлку не только выгнать изъ перваго встрѣчнаго дома, но и наградить здоровыми пинками. Не станетъ-ли онъ проповѣдывать католичество, искажая догматы господствующей религіи? Но кто-же его станетъ слушать, когда догматы господствующей религіи извѣстны всѣмъ и каждому, допущенному уже до перваго причащенія? Вообще трудно сказать, чтобы у шведскаго и норвежскаго общества были какія-нибудь основанія недружелюбно относиться къ подвижной школѣ, и если оно спѣшитъ ее смѣнить, гдѣ возможно, постоянной школой, то только потому, что постоянная школа является болѣе совершенною формою народнаго училища.

Кромѣ указанныхъ, чисто-вѣщныхъ причинъ, не позволяющихъ подвижной школѣ привиться въ различныхъ странахъ, существуютъ еще внутреннія, историческія причины, обуславливающія возникновеніе подвижныхъ школъ. Въ Норвегіи и Швеціи народное образованіе было создано самимъ народомъ; оно возникло здѣсь, если можно такъ выразиться, вполне естественно, безъ искусствен-

ной агитаціи въ пользу этого дѣла, безъ насильнаго распростра-
ненія этихъ школъ, безъ долгихъ разсужденій и споровъ среди
великосвѣтскихъ салоновъ о пользѣ или вредѣ грамотности. Стран-
ствующій пѣвецъ народныхъ преданій, вызывающій желаніе узнать
побольше объ исторіи отчизны; путешествующій монахъ, изъ-за
куска хлѣба обучающій дѣтей религіи; крестьянинъ, случайно из-
бранный въ какой-нибудь сельскій совѣтъ и сознающій, что безъ
грамоты нельзя обойтись; грамотѣй, пишущій и читающій за извѣ-
стную плату письма, — вотъ первые люди, занесшіе въ народъ лю-
бовь къ грамотѣ, и обученіе грамотѣ началось именно при по-
мощи этихъ странствующихъ личностей, потому что это было всего
удобнѣе — не отрывало дѣтей отъ дома, не заставляло ихъ шлять-
ся по непроходимымъ дорогамъ, давало возможность родителямъ
бдительно слѣдить за обученіемъ, стоило дешево, не требуя ни-
какихъ затратъ на школу. А въ какое завидное положеніе ста-
новилась семья, гдѣ являлся грамотный! Около него собирались
въ долгіе зимніе вечера всѣ сосѣди, послушать, какъ онъ чи-
таетъ библію; къ его помощи прибѣгали, когда нужно было на-
писать что-нибудь далеко отлучившемуся отцу семейства; его при-
жѣру спѣшили послѣдовать и другіе и съ распростертыми объ-
ятіями принимали перваго встрѣчнаго странствующаго грамотѣя.
Подобныя школы въ Швеціи и Норвегіи были такимъ-же есте-
ственнымъ и популярнымъ явленіемъ, какими были въ остальной
Европѣ постоянныя школы у пасторовъ, кистеровъ, монаховъ,
такъ-какъ въ Швеціи и Норвегіи населеніе было разбросано, а
въ остальной Европѣ оно было скучено и часто группировалось
около сельскихъ церквей и монастырей.

Чѣмъ пристальнѣе станемъ мы всматриваться въ историче-
скія причины, создавшія подвижныя школы; чѣмъ ближе мы по-
знакоимся съ условіями, при которыхъ могутъ существовать эти
школы, тѣмъ скорѣе мы придемъ къ заключенію, что создать эти
школы искусственно очень трудно, что въ большинствѣ случаевъ
имъ не повезетъ, что онѣ часто не будутъ соответствовать тѣмъ
цѣлямъ и задачамъ, который преслѣдуются различными государ-
ствами въ народной школѣ, и что вслѣдствіе этого эти школы
будутъ не болѣе, какъ эфемерными, скоро исчезающими, случай-
ными явленіями. Немыслимо, напримѣръ, разсчитывать на ихъ
сильное развитіе тамъ, гдѣ въ программу народной школы вхо-

дить обученіе религіи и притомъ обученіе религіи духовными лицами, — тамъ подвижная школа будетъ постоянно требовать, какъ дополненіе, постоянную школу и потому затраты на первоначальное образованіе не уменьшатся, а увеличатся. Немыслимо такъ-же, что-бы обученіе религіи спокойно ввѣрили странствующему учителю, легко ускользающему отъ контроля, тамъ, гдѣ есть много сектъ и гдѣ, какъ у насъ, люди отдѣляются отъ православія ради спора о какой-нибудь буквѣ; кромѣ того религіозныя свѣденія подобнаго учителя въ большинствѣ случаевъ могутъ быть неполны и даже извращены и трудно сказать чѣму онъ научить дѣтей. Немыслимо рассчитывать на успѣхъ обученія дѣтей въ подвижной школѣ тамъ, гдѣ родители или не привыкли, или не имѣютъ ни времени, ни возможности слѣдить за ученьемъ дѣтей въ то время, когда подвижная школа перенесется въ другое мѣсто, — тутъ подвижной школѣ, при ея возвращеніи на старое мѣсто, придется снова начинать съ „азвъ“; въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ людямъ приходилось по неволѣ замыкаться на долгіе зимніе мѣсяцы въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, гдѣ чтеніе библіи вошло въ обычай и поповѣдывалось съ церковныхъ кафедръ, каждая мать и каждый отецъ слѣдили за тѣмъ, чтобы ихъ ребенокъ, по крайней мѣрѣ, читалъ вслухъ по вечерамъ и списывалъ заданное учителемъ. Немыслимо существованіе подвижной школы и тамъ, гдѣ цѣлыя деревни состоятъ изъ курныхъ избъ, гдѣ не только нельзя найти помѣщенія для учителя, но даже нельзя требовать, чтобы дѣти дома занимались чтеніемъ и письмомъ, во время отсутствія учителя; въ Швеціи и Норвегіи деревенскія постройки, въ большинствѣ случаевъ, очень недурны и уютны — это деревянные дома, но они, какъ и въ Швейцаріи, не лишены удобствъ. Такихъ препятствій найдется много и какъ-бы ни было мелко каждое изъ нихъ отдѣльно, а все-таки въ общемъ они не позволятъ привить искусственно то, что не возникло и не могло возникнуть естественнымъ путемъ, хотя у насъ, если хотите, и были своеобразныя подвижныя школы, — но это школы старыхъ расколоучителей, сектаторовъ, распространявшихъ тайкомъ втеченіи цѣлѣхъ столѣтій тѣ или другіе догматы своихъ сектъ.

А. Михайловъ.

НА РОДИНѢ.

(Изъ Мориа Гартмана.)

I.

Трава и кусты у дороги
Сверкали росю noctной,
Когда я присѣлъ на порогѣ
И ждалъ пробужденья родной.

Еще оставались закрыты
И окна, и двери жилинны,
А слезы отъ радости скрытой
Катились изъ глазъ у меня.

Отъ утренней сладкой дремоты
Будить не хотѣлось мнѣ мать,—
Не разъ по ночамъ отъ заботы
Пришлось обо мнѣ ей рыдать.

На скорбь, на работу дневную
Сонъ утренній силы дарить,—
Такъ пусть и на радость живую
Ее онъ теперь укрѣпитъ.

Въ волненьи припаде я устами
Къ порогу жилья своего,—
Вчера еще, вѣрно, ногами
Касалась она до него.

Здѣсь дѣти нужды и страданья
Сбирались толпами не разъ
И ждали ея состраданья,
Надеждой святой оживаясь.

Здѣсь часто стоялъ я, бывало,
Когда, при раздачѣ даровъ,
Привѣтомъ она укрѣпляла
Скорбящихъ, больныхъ бѣдняковъ.

Казалась какой-то святою
Она горемычнымъ друзьямъ,
Не вѣдая чистой душою
Цѣны своимъ добрымъ дѣламъ.

Бывало, очагъ остываетъ,—
А масса голодныхъ людей
Ужъ розданный хлѣбъ орошаетъ
Слезой благодарной своей.

Лѣса еще листьевъ не сбросятъ,
Снѣга не покроютъ полей,—
А на зиму нищій уносить
Одежду отъ этихъ дверей.

И если участьемъ былъ связанъ
Съ большимъ челоѳчествомъ я,—
Я знаю, кому я обязанъ
Тѣмъ чувствомъ, согрѣвшимъ меня.

И если мнѣ грудь озаряла
Хоть искра священной любви,
То вѣрно та искра запала
Изъ страстной родимой груди.

Тяжелый свой путь совершая,
За славой она не гналась
И, ей свою пѣснь посвящая,
Невольно я плакалъ не разъ.

II.

Сидѣлъ я долго одиноко,
Отбросивъ посохъ старый свой
И слезы смывъ съ лица водой
Вблизи бѣгущаго потока.

Мнѣ показалось, что сіяли,
Какъ встарь, поля въ лучахъ дневныхъ,
Что прекратились въ этотъ мигъ
Мгновенно всѣ мои печали.

У ногъ мопхъ, хвостомъ виляя,
Лежалъ нашъ старый вѣрный пѣсь,—
Онъ первый мнѣ привѣтъ принесть,
Пришельца радостно встрѣчая.

Мой аргусъ послѣ дней разлуки
Въ глаза съ участьемъ мнѣ смотрѣлъ
И точно угадать хотѣлъ
Всѣ мной испытанныя муки.

Онъ мнѣ лизалъ тихонько ноги,
Какъ будто тайно говоря,
Что здѣсь въ затишьи долженъ я
Стряхнуть съ нихъ пыль чужой дороги.

Но вотъ въ дому проснулись люди.
Пѣсь всталъ. Я подбѣжалъ къ дверямъ,—
Я крикнулъ—и пронесся тамъ
Восторга крикъ изъ милой груди.

И вотъ родная дверь открылась,—
Мнѣ мнилось: пересталъ смущать
Мнѣ сердце страшный сонъ,—а мать,
Казалось, сладкимъ сномъ забылась.

A. III.

ПИСЬМА Д-РА ЛИВИНГСТОНА

КЪ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ „НЬЮ-ІОРКЪ ГЕРАЛЬДЪ“.

Невольничество, гаремы, домашняя жизнь и земледѣіе Мисси. Населенія центральной Африки.

Желая дать вамъ понятіе о торговлѣ невольниками въ этой странѣ и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя ведетъ за собой это зло, я долженъ воздерживаться отъ полнаго изображенія истины изъ опасенія, чтобъ меня не заподозрили въ преувеличеніи. Однакожь весьма трудно создать въ воображеніи болѣе печальную картину, чѣмъ та, какую представляетъ сама дѣйствительность, и потому мнѣ кажется, что преувеличеніе совершающихся здѣсь ужасовъ невозможно.

Сдѣланныя Бекеромъ замѣтки о варварскихъ поступкахъ торговцевъ невольниками Бѣлаго Нила, совершенно согласны съ тѣмъ, что мнѣ приходилось видѣть въ средѣ торговцевъ невольниками арабами и португальскими метисами. Тѣ сцены, при которыхъ я присутствовалъ и которыя составляютъ обыкновенныя приключенія въ невольничьей торговлѣ, были до того ужасны, что я постоянно старался изгнать ихъ изъ моихъ воспоминаній. Обыкновенно мнѣ удается въ продолженіи нѣкотораго времени забывать неприятныя вещи, но сцены невольничества не уступаютъ усиліямъ моей воли; онѣ вдругъ представляются моему воображенію, такъ что иногда я пробуждаюсь среди ночи и съ ужасомъ вижу ихъ передъ моими глазами во всей ужасающей дѣйствительности.

Быть можетъ, иные люди увидятъ въ этихъ словахъ признакъ слабого и недостаточно развитого философскаго ума, такъ-какъ существуетъ мнѣніе, что вся человѣческая семья пережила рабство, какъ

необходимую форму прогресса для того, чтобъ выйти изъ состоянія канибализма, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ. Идолопоклонство и невольничество составляютъ, по смыслу этого мнѣнія, основную часть прогресса человѣчества. Защитники этой теоріи указываютъ много интересныхъ фактовъ, которые, конечно, говорятъ въ ихъ пользу. Всякій научно-образованный человѣкъ съ удовольствіемъ принимаетъ къ свѣденію новый фактъ, хотя-бы даже онъ не въ состояніи объяснить его или согласовать съ другими, извѣстными уже фактами. Сознывая въ этомъ случаѣ свое безсиліе, онъ ставитъ его въ разрядъ замѣчательныхъ открытій. Нельзя удержаться отъ удивленія усердію, силѣ воли большей части неустрашимыхъ изслѣдователей научной истины. Эти истинные и благородные ученые—примите это къ свѣденію—не имѣютъ никакой предвзятой идеи; они повсюду слѣдуютъ за истиной туда, куда она можетъ ихъ привести. Почти всѣ они сильно желаютъ, чтобъ образованіе сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ членовъ человѣчества и большинство ихъ горячо работаетъ надъ распространеніемъ знанія между массами своими совѣтами, учеными трудами и всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Такіе люди ничѣмъ не угрожаютъ прогрессу человѣчества. Но существуютъ другіе, которые превращаютъ науку въ сумасшествіе; это маленькій оборышъ ученыхъ геніевъ въ зародышѣ, старающихся идти по слѣдамъ дѣйствительныхъ ученыхъ. Даже лошадь разразилась-бы хотомъ,—извините меня за это выраженіе,—видя ихъ надутую гордость, и какъ они взбираются на ходули для того, чтобъ изъ очень обыкновеннаго факта вывести самое удивительное заключеніе; и чѣмъ удивительнѣе ихъ выводы, тѣмъ счастливѣе они. Такіе господа готовы утверждать съ энергіей, достойной лучшей участи, что рабство необходимо, что оно переходная ступень и проч. Но если справедливо, что наша глупая человѣческая раса должна еще переживать періодъ ужаснаго рабства и невольничьей торговли, то слѣдуетъ отчаяваться въ ней и можно желать, чтобъ она исчезла, какъ можно скорѣе.

Во время моего пребыванія въ Англіи у меня очень часто спрашивали: „согласны-ли африканцы работать?“ „Да, если имъ будутъ платить“, отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ производилъ всегда одинаковое дѣйствіе. Я видѣлъ, какъ у моего вопрошателя вытягивалось лицо, и приходилъ къ той мысли, что, можетъ быть,

съ моей стороны негуманно такое требованіе, что, можетъ быть, гораздо было-бы лучше заставитьъ африканцевъ работать даромъ,—однимъ словомъ, сдѣлаться рабовладѣльцемъ. Я сильно подозреваю, что часть симпатіи, которая чувствовалась въ Англіи къ дѣлу, называемому простяками „дѣломъ Юга“, во время гражданской войны въ Америкѣ, вытекала изъ тайнаго желанія имѣть рабовъ.

По крайней мѣрѣ, одинъ англичанинъ пытался осуществить эту прекрасную теорію—пользоваться безвозмездно плодами трудовъ низшей расы. Онъ имѣлъ брата, который былъ представителемъ въ парламентѣ одного большого города въ Англіи. Мать его, послѣ своей смерти, оставила ему въ наслѣдство 2,000 фунт. ст.; онъ употребилъ эти деньги на покупку, на мысѣ Доброй Надежды, фургона, двухъ быковъ и мелочнаго товара, состоявшаго преимущественно изъ бумажныхъ табакерокъ съ зеркальцами сверху крышки и внутри. Въ этомъ заключалось, по его мнѣнію, именно то, что онъ считалъ двигателемъ войны. Затѣмъ онъ отправился въ путь и пробрался къ мѣсту моей миссіи, болѣе тысячи километровъ во внутрь страны; тогда только онъ замѣтилъ, что въ замѣнъ его табакерокъ нельзя даже достать съѣстныхъ припасовъ. Я спрашивалъ у него, зачѣмъ онъ израсходовалъ свои деньги на покупку такихъ бесполезныхъ предметовъ; на это онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему случилось читать одно путешествіе, гдѣ было сказано, что туземцы любятъ смотрѣться въ зеркало и что они очень любятъ табакъ; вслѣдствіе этого онъ рассчитывалъ пріобрѣсти много слоновой кости за свои драгоценныя табакерки. Бесѣдуя съ нимъ, мнѣ показалось даже, что онъ надѣялся сдѣлаться предводителемъ какого-нибудь племени; по крайней мѣрѣ, однажды онъ сказалъ мнѣ, что у него есть одинъ знакомый молодой человѣкъ, который именно питалъ подобную надежду, и, признаюсь, я подумалъ, что, говоря такимъ образомъ, онъ высказывалъ свою собственную мысль. Кромѣ пресловутыхъ табакерокъ, у него не было никакихъ средствъ къ существованію и онъ жилъ у меня около двухъ мѣсяцевъ, но наши съѣстные припасы быстро исчезали. Я только-что женился и моя молодая жена не могла допустить мысли, чтобъ уклониться отъ обязанности гостепріимства, въ отношеніи соотечественника. Но это затрудненіе уладилось, наконецъ, вслѣдствіе моего внутренняго побужденія

посѣтить другое племя. — „О! сказалъ нашъ гость, — я буду вамъ сопутствовать“. — „Лучше будетъ, если вы здѣсь останетесь“, отвѣчалъ я ему на это заявленіе, не объясняя причины. Онъ не хотѣлъ насъ оставить безъ того, чтобъ не подарить нѣсколько дюжинъ своихъ табакерокъ, которыя я никогда не могъ употребить въ дѣло. Онъ часто повторялъ, что негры невѣжественны и тупоумны, но, „чортъ ихъ возьми, восклицалъ онъ, — они превзойдутъ въ хитрости англичанина“.

Къ счастью, такихъ безтолковыхъ личностей, какъ этотъ англичанинъ, немного; но тѣмъ не менѣе странно, почему такъ много людей, сожалѣющихъ объ эмансипаціи невольниковъ на Ямайкѣ и въ южныхъ Соединенныхъ Штатахъ? Есть извѣстныя личности, которыя не могутъ говорить объ этой эмансипаціи безъ того, чтобъ не осуждать ее въ напыщенныхъ тирадахъ, какъ великую ошибку, хотя блаженной памяти преподобный докторъ Чаннингъ, который изучалъ этотъ предметъ въ продолженіи всей своей жизни и понималъ его лучше многихъ прославленныхъ изслѣдователей этого вопроса, заявилъ, что южные плантаторы сдѣлали величайшее безразсудство, возстановляя невольничество. Послѣдующія событія доказали, что онъ былъ правъ, и если-бы южные штаты вздумали когда-нибудь снова возстановить невольничество, это привело-бы страну къ окончательному упадку. Быть можетъ, не совѣмъ почтительно сравнивать доказательства такъ-называемыхъ философовъ, которые, ставя въ примѣръ древній міръ, полагаютъ, что невольничество совершенно естественно и необходимо для человѣка съ сужденіемъ нѣкоторыхъ туземцевъ племени маньема, въ Бамбаррѣ; но, посмотрите, нѣтъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, между ними извѣстной аналогіи? Маньемы убили однажды обезьяну изъ породы горилла, который называется въ этой странѣ- „соко“; у этого животнаго были проколоты уши для вставки колецъ, что вызвало въ населеніи большое движеніе, возникъ продолжительный и серьезный споръ объ этомъ фактѣ и, наконецъ, было сдѣлано такое заключеніе, что, очевидно, это былъ умершій чловѣкъ, который воскресъ потомъ въ образѣ „соко“. По крайней мѣрѣ, въ пользу этой теоріи было хотя одно доказательство — проколотыя уши, и трудно было отыскать равносильное доказательство въ пользу противнаго мнѣнія.

I.

Теперь я постараюсь изобразить вамъ то высшее счастье, для достиженія котораго арабы дѣлаютъ всевозможныя варварства въ центральной Африкѣ. Однажды я бесѣдовалъ съ однимъ арабскимъ принцемъ изъ расы метисовъ; онъ доказывалъ мнѣ (это, впрочемъ, общее убѣжденіе въ странѣ), что женщины дурны, по-ложительно дурны. Я, конечно, допускалъ, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно стоятъ этого мнѣнія, но что вообще встрѣчается много женщинъ хорошихъ и вѣрныхъ своимъ мужьямъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ на это, что англичане потому и предоставляютъ своимъ женщинамъ столько свободы, что они не знаютъ ихъ такъ хорошо, какъ знаютъ ихъ арабы. „Нѣтъ, нѣтъ, прибавилъ онъ, — хорошихъ женщинъ не существуетъ. Ни арабская женщина, ни англичанка не можетъ быть хорошей. Всѣ онѣ злыя“. Затѣмъ онъ сталъ прославлять разсудительность и осторожность своихъ соотечественниковъ, которые никогда не дозволятъ своимъ женамъ видѣть другого мужчину, кромѣ мужа. Я отвѣтилъ ему, смѣясь, и сравнилъ его соотечественниковъ съ тюремными зрителями или съ животными низшаго разряда, указывая въ особенности на быка, который такъ деспотически царствуетъ надъ стадомъ своихъ самокъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что пригласилъ меня въ свой гаремъ, желая доказать мнѣ, что онъ можетъ быть такъ-же либераленъ, какъ и англичанинъ.

Капитанъ С... корвета Х... тоже принялъ приглашеніе, чтобъ засвидѣтельствовать свое почтеніе женамъ-невольницамъ принца и разломить съ ними хлѣбъ.

Мать принца, толстая дама, казавшаяся съ виду около сорока-пяти лѣтъ, первая вышла къ намъ въ залу, гдѣ мы находились съ ея сыномъ. Она, вѣроятно была очень красива въ молодости, такъ-какъ и теперь еще были слѣды ея красоты. Она подала намъ руку, освѣдомилась о нашемъ здоровьѣ и, чтобъ намъ понравиться, сѣла въ кресло; легко, однакожь, было видѣть, что она предпочла-бы помѣститься на коврѣ. Затѣмъ она спросила у капитана, знаетъ-ли онъ адмирала Вьевиль, который командовалъ когда-то флотскою станціей у Капа. Много лѣтъ тому назадъ одно англійское судно подверглось крушенію на бе-

регахъ острова, на которомъ она жила въ то время; эта превосходная женщина приняла въ свой домъ всѣхъ дамъ разбитаго экипажа и обращалась съ ними чрезвычайно любезно. Адмиралъ являлся въ ней по этому поводу и благодарилъ ее лично, а потомъ написалъ къ ней благодарственное письмо. Она изъявила желаніе написать къ нему, чтобъ напомнить ему о себѣ, и капитанъ обѣщалъ ей доставить ей письмо по назначенію. Повидимому, эта дама не оправдывала дурного мнѣнія ея сына о женщинахъ.

Вскорѣ послѣ того поднялась красная занавѣсь, образовавшая дверь противъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и въ залу вошла черная жена принца, великолѣпно одѣтая. Она подошла къ намъ, мило подпрыгивая, и съ очаровательною улыбкой, предложила намъ пирожекъ; каждый изъ насъ отломилъ отъ него кусокъ, который приличіе требовало тотчасъ же съѣсть. Приемы ея были чрезвычайно граціозны; она разговаривала и держала себя совершенно какъ англичанка, принимающая друзей своего мужа и желающая поставить ихъ въ непринужденное положеніе. Ея чудные, большіе глаза, черные, какъ гагаты, до того приковывали къ себѣ наше вниманіе, что мы нѣсколько времени не замѣчали ея костюма, въ которомъ видна была ея особенная заботливость. На головѣ у нея была надѣта красная, высокая шляпа, чрезвычайно похожая на головной уборъ іудейскихъ первосвященниковъ или нѣкоторыхъ католическихъ патеровъ. Ея красная кофта, шитая золотомъ, плотно охватывала ея бюстъ и спускалась до талии; между кофтой и юбкой изъ индійскаго бѣлаго муслина, усѣяннаго шитыми краснымъ полкомъ кружками, виднѣлся промежутокъ голаго тѣла, въ ширину одного пальца. Панталоны ея, украшенные серебряными кольцами, доходили почти до пятъ; на ногахъ у нея были широкія желто-зеленныя туфли, съ высоко вздернутыми вверхъ носками. Вокругъ ея шеи извивались золотыя и серебряныя цѣпи. Уши были увѣшаны кругомъ продѣтыми кольцами. Золотыя и серебряныя браслеты прекрасной индійской работы покрывали ея руки и всѣ пальцы были въ перстняхъ, украшенныхъ блестящими, драгоценными камнями. Только женщина могла бы описать такой богатый и красивый нарядъ, и потому я останавливаюсь. Къ ней очень не шли короткіе волосы, которые она носила по существующему обычаю; мода подстригать волосы была принята для того, чтобъ они скорѣе сохли послѣ бани.

Въ то время, какъ мы разговаривали съ первою дамою герема, въ залу вошла вторая жена принца и мы должны были снова начать ту-же церемонію разламыванія пирожка. Она была одѣта такъ-же роскошно, какъ и первая; на видъ ей казалось около восемнадцати лѣтъ; ростомъ она была немного выше первой и имѣла прелестныя формы. Ея короткіе волосы были напомажены и тщательно причесаны; по обѣимъ сторонамъ лица, до ушей, спустились небольшіе два локона, кокетливо завитые, которые придавали ей пріятное выраженіе женственной миловидности. Она говорила мало, но ея прелестные глаза, казалось, какъ-будто говорили за нее; они были черные и блестящіе.

Вскорѣ вошла и третья дама и раздѣлила съ нами свой пирожокъ. Ее нельзя было назвать красивою сравнительно съ первыми двумя гурисками, но она была дочерью главнаго начальника этого округа. Всѣ три женщины имѣли темный цвѣтъ лица. Принцъ замѣтилъ намъ, что у него только три жены, хотя его высокое положеніе позволяло ему имѣть ихъ двѣнадцать.

„О! если-бы мы могли видѣть себя такими, какими мы кажемся другимъ, отъ сколькихъ заблужденій и ложныхъ идей мы-бы избавились“. Такъ выражается шотландскій поэтъ, но есть разница въ манерѣ смотрѣть на людей. Священники видятъ въ людяхъ лучшія ихъ стороны, вѣроятно, потому, что въ ожиданіи ихъ посѣщенія кладется обыкновенно на столъ библія или какой-нибудь молитвенникъ и все принимаетъ въ ихъ присутствіи привѣтливый видъ. Адвокаты видятъ людей въ болѣе дурномъ свѣтѣ, быть можетъ, вслѣдствіе того, что имъ часто стоитъ много труда удерживать своихъ раздраженныхъ кліентовъ отъ безконечныхъ процессовъ. Только медики видятъ людей такими, какими они представляются въ дѣйствительности, такъ-какъ передъ ними не считаютъ нужнымъ сдерживаться. Такъ, напримѣръ, прежде, чѣмъ принцъ заговорилъ о своемъ правѣ имѣть двѣнадцать женъ, его мать упрашивала медика убѣдить ея сына въ томъ, что онъ разстраиваетъ себя своей любовью къ тремъ женамъ.

Высказанная здѣсь мною мысль только вводное предложеніе, и потому я возвращаюсь къ моему предмету. Во время нашей бесѣды съ принцемъ и его дамами, въ залѣ появилась черная служанка съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли кубки съ сорбетомъ; она была такъ-же одѣта, какъ и ея госпожи, но ея костюмъ

былъ менѣе богатый. Потому намъ предложили цвѣты и бетелевыя орѣхи. Первая дама предложила каждому изъ насъ по одному орѣху, завернутому въ древесный листъ; мы приняли ихъ, чтобъ сдѣлать ей удовольствіе. Бетелевый орѣхъ имѣетъ немного горькій и вяжущій вкусъ, поэтому, вѣроятно, здѣсь вошло въ привычку жевать его, какъ презервативное, тоническое средство противъ лихорадки. Затѣмъ та-же первая дама приготовила для себя и для своихъ подругъ по большому жевальному шарикѣ, прибавивъ туда извести. Эта смѣсь выдѣляетъ очень много слюны, которая принимаетъ кирпично-красный цвѣтъ и окрашиваетъ ихъ прекрасные зубы и ихъ губы, что, конечно, не возвышаетъ ихъ красоты. Но что вы хотите? Такова мода, и казалось весьма имъ естественнымъ плевать на полъ и заплевывать всю комнату красноватою слюной. Мать принца не примѣшивала извести къ бетелевому орѣху и потому сохранила бѣлизну зубовъ. Я спрашивалъ у нея причины этой аномалии; она отвѣчала мнѣ, что она совершила путешествіе въ Мекку и приобрѣла право названіе гаджи.

Вся эта сцена представляла своеобразную и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятную картину. Женщины желали намъ понравиться и онѣ какъ нельзя болѣе успѣли въ этомъ.

Мы вышли очарованными внѣшнимъ представленіемъ гаремной жизни; но или мнѣ (по мнѣнію арабовъ) недостаетъ ума и разсудительности, или по другой причинѣ, только я не отказался бы отъ системы моногаміи, послѣ испытанія ея въ продолженіи восемнадцати лѣтъ; я не промѣнялъ-бы домъ моногаміи, населенный шумящими и веселыми дѣтьми, на всѣ гаремы полигаміи въ Африкѣ и въ цѣломъ мірѣ. Я старался изобразить вамъ эту сцену въ ея наиболѣе блестящемъ видѣ потому, что для арабскихъ метисовъ гаремъ составляетъ высочайшее благо и для достиженія его они совершаютъ всевозможныя варварства, неизбѣжныя въ торговлѣ невольниками. Уклоняясь немного отъ разсказа о моемъ посѣщеніи гарема, я прибавлю, что, спустя нѣкоторое время послѣ него, принцъ скрылся на нашемъ Стамерѣ съ тѣмъ, чтобъ мы защитили его отъ преслѣдованія его заимодавцевъ; онъ былъ обманутъ однимъ полковникомъ, Абу, который путешествуетъ по свѣту, представляя себя преслѣдуемымъ христіаниномъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ немъ столько-же христіанства, сколько его во всякомъ столбѣ.

II.

Въ восьмидесяти миляхъ къ юго-западу, на южной оконечности озера Танганьика, находится укрѣпленная деревня начальника Шитимба. Во время моего пребыванія въ этой мѣстности возникла борьба между арабами, имѣвшими въ своемъ распоряженіи шестьсотъ ружей и начальникомъ одного племени, расположеннаго на западѣ отъ Шитимба. Арабы, узнавъ о томъ, что въ этой странѣ живетъ англичанинъ, спрашивали, конечно, гдѣ онъ находится, но туземцы, боясь, чтобъ со мной чего-нибудь не случилось, положительно отвѣчали, что они никогда меня не видали, и въ то-же время совѣтовали мнѣ скрыться на ближайшемъ островѣ. Но такъ-какъ они не объясняли мнѣ причины своихъ опасеній, то я заподозрилъ ихъ въ намѣреніи задержать меня у себя въ качествѣ плѣнника, что имъ очень легко было сдѣлать, завладѣвъ моими лодками, тѣмъ болѣе, что островъ находился въ разстояніи одной мили отъ берега. Однакожь, такъ или иначе, но слѣдовало мнѣ принять мѣры, чтобы избѣгнуть угрожающей опасности.

Озеро, на берегу котораго теперь находился, окончивалось глубокою впадиной въ видѣ кубка, котораго перпендикулярныя стороны возвышаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на двѣ тысячи футовъ надъ поверхностью воды. На скалахъ краснаго глинистаго сланца пробивалась тамъ и сямъ богатая растительность, и великолѣпныя каскады стремительно спускались съ высоты бездны; пейзажъ здѣсь восхитителенъ. Стада слоновъ, буйволовъ и антилопъ представляютъ собой живую картину, и укрѣпленныя деревни, спрятанныя въ гущѣ пальмъ на берегахъ озера, составляютъ какъ-бы реальное изображеніе рая Ксенофонта.

Обсудивъ свое положеніе, я рѣшился оставить деревню Памбетта, расположенную на берегу озера, гдѣ проживалъ въ это время, и уже намѣревался пробраться вверхъ по крутой тропинкѣ, по которой мы въ нее спустились, когда жена начальника подошла къ намъ и сказала своему мужу и собравшейся вокругъ насъ толпѣ, которая смотрѣла на наши приготовленія въ путь: „зачѣмъ пускаете вы отсюда этого человѣка? Онъ непременно попадетъ въ руки мазиту (здѣсь называютъ ихъ также

багуба); вы это знаете и молчите“. Теперь только узналъ я, съ въ чемъ дѣло, и увѣрился, что мазиту грабили деревни, расположенныя на вершинѣ той впадины, въ глубинѣ которой мы находились. Мы ожидали шесть дней, впродолженіи которыхъ ставили часовыхъ на одномъ муравейникѣ, находящемся за увѣрленіями селенія, ожидая каждую минуту нападенія непріятеля. Когда, наконецъ, мы вышли на возвышенность, то увидѣли хорошо извѣстные всѣмъ намъ слѣды пребыванія мазиту; они, обыкновенно, подвигаются прямо черезъ страну, не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво, и не обращаютъ вниманія на тропинки, проложенныя туземцами; мы могли также видѣть слѣды ихъ грабежа, но кровопролитія не было. Такимъ образомъ, мы убѣдились, что извѣстія, сообщенныя доброю женщиной, и остановившія наше путешествіе, были совершенно вѣрны.

Отсюда я отправился по изгибамъ оконечностей озера и прибылъ въ деревню Карамбо, находящуюся въ устьѣ большой рѣки, переѣздъ черезъ которую мнѣ былъ воспрещенъ тамошнимъ начальникомъ. „Потому, сказалъ онъ,—что арабы дерутся теперь съ людьми, которые живутъ на западѣ, и что между ними двое уже убитыхъ, хотя они приходятъ только за тѣмъ, чтобъ достать слоновой кости. Вы хотите идти къ западной сторонѣ озера, и тѣ люди, которые убили арабовъ, подумаютъ, что и вы арабы, я не смѣю допустить васъ рисковать собой“. Я не очень вѣрилъ его словамъ и сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній; Карамбо приложилъ палецъ къ горлу и сказалъ: „Я вамъ позволяю перерѣзать мнѣ горло, если вы когда-нибудь узнаете, что я вамъ солгалъ“. Въ этотъ самый день два арабскихъ невольника явились въ селеніе искать слоновой кости и подтвердили все, что сказалъ намъ Карамбо.

Я очень сильно страдалъ лихорадкой и ея припадки еще не совсѣмъ прекратились, между тѣмъ у меня не было никакого лекарства; я приписываю раздраженію, возбужденному этою болѣзнью, мою безмысленную подозрительность, съ которою я относился къ добрымъ намѣреніямъ туземцевъ, желавшихъ оказать мнѣ услугу. Можетъ быть, та-же причина мѣшаетъ многочисленнымъ современнымъ путешественникамъ сказать доброе слово въ пользу туземцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда имъ приходится убѣждаться въ томъ, что дикари обманываютъ чрез-

вычайно рѣдко, если кто обратится къ ихъ чести, неизвѣстно почему, европейскіе путешественники относятся съ какижъ-то презрѣніемъ къ этому явленію и считаютъ его аномаліей въ характерѣ черныхъ! Но, въ сущности, и въ насъ самихъ гнѣздится смѣсь аномалій, и уже по одному этому намъ не слѣдовало-бы кичиться и сознаваться, что мы встрѣтили другой народъ, который похожъ на насъ. Въ качествѣ современныхъ путешественниковъ, мы кичимся своимъ превосходствомъ надъ туземцами; а между тѣмъ не прискорбно-ли видѣть на всякомъ шагу, какъ наше величіе и благородство превращаются въ отвратительныя хитрости?

Не имѣя возможности идти къ сѣверу, я направился къ югу, по протяженію около ста пятидесяти миль; потомъ я повернулъ къ западу; въ этомъ направленіи я намѣревался идти до тѣхъ поръ, пока не пройду мѣстность, охваченную волненіемъ, чтобы затѣмъ, взявъ снова прежнее направленіе къ сѣверу. Но, пройдя около шестидесяти миль въ направленіи къ западу, я узналъ, что лагерь арабовъ находится въ двадцати миляхъ къ югу, и приблизился къ этому мѣсту съ цѣлью получить какія-нибудь извѣстія. Меня приняли превосходно, такъ какъ отрядъ состоялъ большею частью изъ лицъ, которыхъ я зналъ въ Занзибарѣ; эти люди не были похожи на тѣхъ разбойниковъ, какихъ я встрѣтилъ потомъ въ Маниуэма. Арабы боялись, чтобъ начальникъ, съ которымъ они вели борьбу, не убѣжалъ къ югу, и чтобъ я, идя впередъ по этому направленію, не попалъ къ нему въ руки. Здоровье мое значительно поправилось, и я совершенно положился на ихъ слова. А такъ-какъ они намѣревались сдѣлать здѣсь покупку слоновой кости, то они охотно повѣрили мнѣ, когда я сталъ имъ говорить, что продолжать здѣсь непріязненныя дѣйствія, — значитъ положительно закрыть рынокъ. Никто, конечно, не можетъ думать о продажѣ, имѣя въ виду быть встрѣченнымъ ружейными выстрѣлами. Необходимо было заключить миръ; но какъ предварительныя условія, состоявшія въ разсужденіяхъ о кровосмѣшеніи, о свадьбѣ дочери начальника и проч., длились три мѣсяца съ половиной, то все это время я провелъ у Шитимбы.

Ограда его селенія расположена на берегу небольшого ручья. Съ одной стороны, вокругъ источника, находится густая и высокая роща, а съ другой открыта довольно хорошо обработанная

равнина. Климатъ холодный. Страна находится на высотѣ четырехъ тысячъ семи сотъ футовъ надъ уровнемъ моря; въ ней много лѣсовъ и вдали видны цѣпи холмовъ. Арабы расположили свой лагерь къ западу отъ ограды. Одна изъ женъ Шитимбвы уступила мнѣ свое жилище. Самъ Шитимбва—старикъ съ сѣдыми волосами и такою-же бородой; онъ обладаетъ ровнымъ характеромъ и всегда спокоенъ. У него было пять женъ. Избушка, въ которой я поселился, находилась рядомъ съ прочими, такими-же строениями, окружающими центральный дворъ, гдѣ жилъ Шатимбва; я часто садился у дверей читать или писать и, такимъ образомъ, имѣлъ случай изучать домашнюю жизнь центральной Африки, не навлекая на себя подозрѣнія въ шпионствѣ за семействомъ моего хозяина. Первая жена, мать наслѣдника Шитимбва, была уже пожилая женщина; она распорядилась всѣмъ домомъ въ качествѣ самостоятельной госпожи. Прочія четыре жены были молоды; онѣ обладали прекрасными формами и имѣли пріятный видъ; ничто въ нихъ не напоминало мнѣ типа восточной Африки. Три изъ нихъ имѣли по одному ребенку, что въ сложности съ наслѣдникомъ составляло четверо дѣтей. Первая жена относилась, повидимому, съ большимъ уваженіемъ къ своему мужу, такъ что, при его приближеніи, она всегда поднималась съ мѣста, чтобы дать ему дорогу, и даже становилась на колѣни, когда онъ проходилъ около нея.

Въ это время года туземцы сѣютъ и полютъ въ своихъ огородахъ и на поляхъ ежедневная работа почти у всѣхъ семействъ распредѣлялись болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ: между тремя и четырьмя часами утра, когда лай гіенъ и ревъ львовъ и леопардовъ возвѣщаютъ жителямъ о проведенной ими голодной ночи, пробуждается гомонъ человѣческихъ голосовъ. Это шумятъ хозяйки, встряхивающія палками, которыя онѣ покрываютъ вечеромъ золой и утромъ разводятъ ими пылающій огонь, вокругъ котораго собираются старыя и молодыя, потому-что въ это время холодъ бываетъ весьма чувствителенъ. Нѣкоторыя курильщицы закуриваютъ свои трубки и оглашаютъ избушки сильнымъ, удушливымъ кашлемъ. Когда начинаютъ пѣть пѣтухи (около четырехъ часовъ), женщины перекликаются между собою, чтобы отправиться вмѣстѣ на работу. Онѣ идутъ группами въ свои огороды, разговаривая громко и постоянно, съ цѣлью испугать львовъ

и буйволовъ, которые не вошли еще въ свои логовища; туземцы убѣждены въ томъ, что человѣческій голосъ непремѣнно достигнетъ этого результата.

Огороды или плантаціи находятся обыкновенно въ разстояніи двухъ миль отъ селенія. Такъ далеко ихъ устраиваютъ потому, чтобы охранить отъ опустошенія, которое производятъ, обыкновенно, козы и прочія домашнія животныя, а часто и для того, что на берегахъ нѣкоторыхъ небольшихъ ручьевъ находится превосходная черноземная почва. Туземцы предпочитаютъ эту землю для посѣва маиса и дура, тогда какъ для желкаго сорта проса, называемаго здѣсь милеза, выбираютъ обыкновенно мѣста въ лѣсу, гдѣ, съ цѣлю удобренія, сожигаются на поверхности почвы древесныя вѣтви. Заботливымъ хозяевамъ приходится пробѣгать къ различнымъ мѣстамъ, приспособленнымъ для разнаго рода растений, значительное разстояніе и онѣ приходятъ въ свои сады не прежде ранняго утра. Онѣ приносятъ съ собой огонь; потомъ начинаютъ съ того, что собираютъ сухія вѣтки и разводятъ яркое пламя, куда ставятъ горшковъ съ овощами, — нѣчто въ родѣ бобовъ, которые требуютъ долгаго кипѣнія, и все семейство принимается съ видимымъ удовольствіемъ за эту первую дневную работу. Мужъ, находящійся во главѣ маленькаго эскадрона своихъ женъ, съ пикою въ рукахъ и топоромъ на плечѣ, принимается обрубать молодые отростки отъ пней, оставленныхъ въ почвѣ во время корчовки; на его обязанности лежитъ расчистка кустарниковъ. Равнымъ образомъ, онъ нарубаеъ вѣтвей и дѣлаеъ изъ нихъ нѣкотораго рода изгородь вокругъ своей плантаціи, такъ-какъ замѣчено вообще, что немногія дикія животныя осмѣливаются перепрыгивать черезъ все то, на чемъ видны явные слѣды человѣческой руки.

Въ особенности отъ свиней приходится тщательно защищать растенія арахиды, которое онѣ чрезвычайно любятъ. Эту плантацію окружаютъ обыкновенно многими ямами, глубокою канавою и землянымъ валомъ. Если какое-нибудь другое животное придетъ повортиться на счетъ семейства, мужъ заботливо разсмотритъ тропинку, проложенную похитителемъ, и выроетъ на ней глубокую яму, которую прикроетъ вѣтвями, къ которой съ любопытствомъ приходятъ каждый день, чтобы посмотрѣть, не попался-ли звѣрь въ ловушку. Женщины, съ своей стороны, сильно работаютъ заступомъ и каж-

дый день прибавляютъ къ своимъ помѣстьямъ новыя клочки дѣвственной почвы. Дѣти также помогаютъ имъ; они занимаются вытаскиваніемъ дурныхъ травъ, складываютъ, ихъ въ кучи съ тѣмъ, чтобъ ихъ сжечь послѣ того, какъ онѣ высохнутъ. Туземцы, повидимому, знаютъ и со вниманіемъ изучаютъ всѣ полевныя растенія. Главнымъ побудительнымъ мотивомъ къ этому служить то, что все принадлежитъ имъ; они могутъ взять въ собственность столько земли, сколько въ состояніи обработать; чѣмъ шире они раздвигаютъ свои плантаціи, тѣмъ болѣе приобрѣтаютъ средствъ къ существованію и къ сохраненію лишней копейки.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки всѣми почти работами исключительно занимаются женщины. Существуетъ мнѣніе, что мужчины обращаются съ ними варварски; но этого не замѣчается ни здѣсь, ни вообще въ центральной Африкѣ; я прибавлю даже, что женщины пользуются большимъ авторитетомъ. Законъ и обычай требуютъ, чтобъ мужчины занимались разработкою земли; но въ полотьѣ и посѣвѣ принимаетъ участіе вся семья. Когда женщины находятся въ полѣ, маленькія дѣвочки ухаживаютъ за грудными дѣтьми; для этого ихъ помѣщаютъ въ извѣстнаго рода шалашъ вышиною отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ, съ отверстіемъ вверху; впрочемъ, и все семейство поселяется въ такомъ шалашѣ, когда дуру начинаетъ созрѣвать, съ тѣмъ, чтобы отпугивать отъ поля птицъ во время дня и антилопъ ночью. Около двѣнадцати часовъ жара дѣлается слишкомъ сильна для того, чтобъ можно было продолжать работу, и все семейство собирается подъ тѣнью шалаша или дерева, оставленнаго для этой цѣли. Тогда мать семейства раздаетъ похлебку, которая успѣла уже сготовиться; она разливаетъ ее въ каждую пару рукъ, ибо здѣсь считается невѣжливымъ брать что-нибудь одной рукой. Всѣ ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ и съ такимъ удовольствіемъ, что употребленіе рукъ вмѣсто ложки навсегда входитъ въ привычку. Мать занимается своимъ ребенкомъ и въ то-же время съѣдаетъ свою порцію.

Ребенокъ дѣлается обыкновенно фаворитомъ всѣхъ; его показываютъ первый разъ только тогда, когда онъ превратится въ дѣйствительный шарикъ жира, и всякій охотно отдаетъ всѣ свои стеклышки для его украшенія. Когда бѣдныя матери не имѣютъ грудного молока, онѣ размѣшиваютъ въ ладони немного муки съ

водой и этимъ кормятъ своихъ ребятъ. Впрочемъ, въ центральной Африкѣ дѣти пользуются превосходнымъ здоровьёмъ. Я замѣтилъ это на моихъ собственныхъ дѣтяхъ; здоровое состояніе дѣтей, вѣроятно, зависитъ отъ чистаго воздуха и хорошаго климата. По окончаніи обѣда, мать, часто въ сопровожденіи дочери, отправляется въ лѣсъ, чтобъ набрать тамъ сухихъ дровъ; въ этомъ случаѣ она несетъ своего маленькаго ребенка на спинѣ, плотно къ ней привязаннаго; этимъ легко объясняется, почему въ Африкѣ встрѣчается такое громадное количество сплюснутыхъ носовъ. Потомъ съ связкою дровъ на головѣ и окруженная дѣтьми, которыя несутъ заступъ, она возвращается въ селеніе.

У каждой женщины своя особенная кладовая, куда она складываетъ продукты своего огорода. Всѣ эти кладовыя, также, впрочемъ, какъ и избушки, имѣютъ форму улья, разница заключается только въ ихъ объемѣ и высотѣ; стѣны кладовыхъ вышиною въ двѣнадцать футовъ; онѣ утверждены на платформѣ, поднятой около восемнадцати дюймовъ отъ земли; въ діаметрѣ онѣ имѣютъ пять футовъ; крыши деревянные, покрытыя травой. Дверь находится почти подъ самой крышей и туда можно взобраться не иначе, какъ посредствомъ лѣстницы. Первое занятіе хозяйки, когда она воротится домой, состоитъ въ томъ, чтобъ сходить въ кладовую и взять тамъ проса или зеренъ дуро въ достаточномъ количествѣ для семейства. Потомъ она владеть эти зерна на солнцѣ для сушки, а сама въ это время ложится немного отдохнуть, такъ-какъ она работала безъ устали съ самаго утра.

Въ свободное отъ работы время нѣкоторыя женщины отдыхаютъ, а другія расчесываютъ волосы своимъ мужьямъ или своимъ сосѣдкамъ, иныя навизываютъ на снурокъ бусы. Признаюсь, я предпочелъ-бы лучше видѣть ихъ болѣе безопасными, потому что негритянка, покоющаяся подъ пальмовымъ деревомъ, производитъ такое-же пріятное ощущеніе, какъ и бѣлая женщина, растянувшаяся на своемъ диванѣ; но негритянки любятъ работать. Дѣти здѣсь вполне пользуются жизнью такъ, какъ-бы должно пользоваться всякое человѣческое существо. Въ Африкѣ не истощаютъ жизненныхъ соковъ маленькихъ дѣтей, какъ это дѣлаютъ въ Англіи булавочники, стекольщики, фабриканты кирпичей и пр. Когда оканчивается уборка полей, здѣшніе поселяне имѣютъ болѣе

досуга и развеселяютъ себя не много туземнымъ пивомъ, называемымъ „помбъ“.

Когда зерна, разсыпанныя на солнцѣ, совершенно высохнутъ, ихъ толкутъ въ деревянной ступѣ, чтобы отдѣлить отъ нихъ кожицу; приэтомъ ихъ очищаютъ также отъ шелухи и пыли и затѣмъ смалываютъ въ жерновахъ. Приготовление муки оканчивается довольно поздно, послѣ полудня, и тогда женщины отправляются за водой; онѣ берутъ съ собой большія глиняныя вазы, наполняютъ ихъ водой изъ какого-нибудь ручья, и, несмотря на то, что онѣ вѣсятъ отъ 45-ти до пятидесяти фунтовъ, ставятъ ихъ на голову и приносятъ домой, не поддерживая ихъ ни одною рукой. Туземцы весьма рѣдко ѣдятъ говядину; обыкновенно-же готовится мука съ водой въ видѣ жидкой кашицы, въ которую кладутъ листья нѣкоторыхъ дикихъ или культурныхъ растений для приданія ей пріятнаго запаха; иной разъ прибавляютъ туда арахидовой муки. Повидимому, негры понимаютъ необходимость подправлять свою мучную пищу маслянистыми веществами, такими, напримѣръ, какія заключаются въ арахидѣ. Нѣкоторые изъ нихъ примѣшиваютъ къ хлѣбнымъ зернамъ пригоршню рисовыхъ зеренъ и вмѣстѣ смалываютъ въ муку.

Пока женщины занимаются домашнею страпней, мужчины плетутъ рогожи, которыя служатъ имъ вмѣсто постели, готовятъ кожи для одежды, починяютъ ручки заступовъ или дѣлаютъ новыя деревяшки; потомъ, вечеромъ, они возвращаются къ своимъ семействамъ и ужинаютъ передъ тѣмъ, какъ нужно ложиться спать.

Негры отличные земледѣльцы и хорошо умѣютъ выбирать землю для посѣва того или другого растенія. Когда епископъ Маккензи отправлялся въ центральную Африку, онъ имѣлъ намѣреніе учить туземцевъ земледѣлію, но, по прибытіи своемъ въ эту страну, онъ сказалъ имъ: „теперь я вижу, что они гораздо лучше знаютъ это дѣло, чѣмъ я“. Сопутствовавшій ему миссіонеръ, желая также быть полезнымъ чѣмъ-нибудь дикимъ африканцамъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Англіи выучился дѣлать корзинки, но когда онъ увидѣлъ у туземцевъ превосходныя работы этого рода, то не счелъ нужнымъ говорить имъ о своемъ талантѣ, который былъ несравненно ниже ихъ искуснаго мастерства.

Я обрисовалъ вамъ въ простыхъ и истинныхъ словахъ ежедневную жизнь населеній центральной Африки. Это описаніе представляетъ такъ-же вѣрно жизнь африканскаго поселенна, какъ вѣрно была изображена, въ моемъ предъидущемъ описаніи, жизнь арабскаго гарема. Обыкновенно путешественники по другимъ частямъ Африки представляютъ населеніе ихъ въ гораздо худшемъ свѣтѣ. Племена, живущія ближе къ южной сторонѣ и весьма часто посѣщаемы арабами покушниками невольниковъ, находятся, какъ говорятъ, въ постоянной борѣбѣ между собой, такъ-что мужчины исключительно занимаются воровствомъ и грабежомъ; женщины въ то-же время обрабатываютъ земли слишкомъ мало для того, чтобъ запастись достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ на цѣлый годъ. Вотъ почему тамъ гнѣздится торговля невольниками. Капитанъ Спеке видѣлъ въ Юргандѣ такіе образцы дикаго состоянія и грубости нравовъ, которыхъ я не встрѣчалъ нигдѣ.

Тѣ племена, которыя я посѣщалъ, не стерпѣли-бы такой отвратительной рѣзни, какая была произведена въ Юргандѣ начальникомъ Мтеза: тамъ были избиты дочери всѣхъ главныхъ начальниковъ страны. Въ другомъ мѣстѣ подобное кровавое происшествіе неминуемо привело-бы къ убійству самого начальника.

Въ такихъ случаяхъ другія племена центральной Африки имѣютъ еще болѣе рѣшительный исходъ, нежели убійство начальника, — это поголовный побѣгъ. Такимъ образомъ, тиранъ не имѣетъ надъ кѣмъ властвовать, потому что все населеніе преспокойно переходитъ къ другимъ начальникамъ. Напримѣръ, племена, подчиненныя Моколола, терпѣли очень много угнетеній отъ своего начальника, хотя у нихъ никогда не случалось ничего подобнаго указанной выше поголовной рѣзнѣ, совершенной по приказанію Мтезы, по тѣмъ не менѣе большая часть населенія эмигрировала къ сѣверу.

Весь опытъ, пріобрѣтенный мною во время моего пребыванія въ Африкѣ, даетъ мнѣ право сказать, что негры, неиспорченные еще сближеніемъ съ торговцами невольниковъ, чрезвычайно привѣтливы и разсудительны. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ проступки, заслуживающіе наказанія, не придавая имъ большого значенія; другіе совершаютъ превосходные поступки, нисколько не гордясь ими; такъ что если сравнить въ общей сложности ихъ дурныя и хорошія дѣйствія, то можно сказать, что у

нихъ, также какъ и у насъ, есть люди очень дурные и очень хорошіе. Этотъ способъ оцѣнки нравственнаго состоянія туземцевъ былъ-бы гораздо рациональнѣе, нежели обычное повтореніе стереотипныхъ фразъ, что африканцы представляютъ любопытную смѣсь худого и хорошаго. Во всякомъ случаѣ, у нихъ есть весьма замѣчательное качество — честность. Этимъ качествомъ обладаютъ даже канибалы-менуэмы; я помню, что разъ мы принуждены были, съ однимъ торговцемъ невольниками въ Бамбарѣ, ввѣрить имъ нашихъ козъ и куръ, такъ-какъ невольники моего сожителя постоянно воровали ихъ у насъ.

Другая черта ихъ характера — довѣрчивость. Въ этомъ отношеніи племена центральной Африки составляютъ противоположность съ индѣйцами сѣверной Америки; они не похожи также и на своихъ соотечественниковъ, — тѣхъ именно, которые имѣли сношенія съ магометанами, португальцами и голландцами. Какъ только эти туземцы замѣтятъ превосходство европейцевъ дѣлать зло, они тотчасъ-же слѣдуютъ ихъ примѣру и оказываются способными дѣйствовать подѣ влияніемъ дурныхъ совѣтовъ. Послѣ кровавой рѣзни въ Ніянгве, при которой, къ несчастью, я долженъ былъ присутствовать, четырнадцать начальниковъ, которыхъ селенія были разрушены и убито значительное число ихъ подданныхъ, обратились къ моему покровительству и просили меня примирить ихъ съ арабами. При этомъ они изъявили желаніе, чтобы я переправился вмѣстѣ съ ними на другой берегъ рѣки Люалабы и раздѣлилъ между ними страну, съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ они должны строить новыя селенія и разрабатывать новыя плантаціи. Миръ скоро былъ заключенъ, потому что арабы не находили никакого оправданія въ убійствахъ, въ которыхъ они сами были виновны, такъ что каждый изъ нихъ въ отдѣльности слагалъ отвѣтственность на своего сосѣда. Обѣ стороны упрасивали меня присутствовать при церемоніи, происходившей въ честь возстановленія мира, и если-бъ я не зналъ природной довѣрчивости африканцевъ, то могъ-бы видѣть въ этомъ фактѣ могущество моего личнаго надъ ними влиянія. Но все, что могло расположить ихъ въ мою пользу, это — моя умѣренность въ обращеніи съ ними, мои обычныя добрыя отношенія къ нимъ; можетъ быть, они знали также, что я прилагалъ всевозможныя старанія объ улучшеніи судьбы невольниковъ въ Занзибарѣ.

III.

Племя маньимовъ очень хорошо понимаетъ, что въ религiи арабовъ мало нравственныхъ началъ; этому и надо приписать, почему ислаимзмъ никогда не могъ проникнуть въ восточную Африку. Весьма прискорбно, что достопочтенный епископъ центральной Африки, посвященный въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, предпочелъ остаться въ Занзибарѣ, вмѣсто того, чтобы отправиться прямо въ свою епархію, гдѣ, конечно, онъ не преминулъ бы воспользоваться природной довѣрчивостью туземныхъ племенъ для распространенія между ними христіанства.

Вотъ балтиморскій архіепископъ поступилъ иначе: говоря напутственное слово миссіонерамъ, отправлявшимся въ Африку, онъ упомянулъ „о лихорадкахъ и горячкахъ“, ихъ ожидающихъ, но не прибавилъ: „Дѣти мои, когда вы почувствуете первый ознобъ, спасайтесь скорѣе!“ И вотъ одинъ изъ миссіонеровъ въ Занзибарѣ, не обращая вниманія на лихорадки и горячки, ради своего удовольствія, предпринимаетъ небольшое путешествіе на военномъ кораблѣ на Сешельскіе острова. Достопочтенный отецъ, конечно, вполне заслуживалъ такого вниманія, и нѣтъ расхода, которое правительство пожалѣло-бы сдѣлать для сохраненія его драгоценной жизни. Натура челоуѣка немощна. Занзибаръ самое вредное по климату мѣсто между всѣми стоянками восточнаго берега Африки, и правительство, отдавая въ распоряженіе почтенныхъ миссіонеровъ военное судно, съ цѣлью облегчить имъ исполненіе ихъ миссій, просто мѣшаетъ имъ заниматься дѣломъ.

Въ послѣднія восемь лѣтъ пожертвовано много денегъ для облегченія миссіонерамъ распространенія евангелія въ центральной Африкѣ, но изъ этого почти ничего не вышло. Грустно сказать, но мнѣ кажется, что множество случаевъ доказали, что много есть людей, играющихъ въ миссіонеры; они довольствуются наблюденіемъ за своей епархіей при помощи зрительной трубы. Между тѣмъ была-бы охота, а дѣло здѣсь можно дѣлать; доказательства на лицо.

Около 1868 г. въ столицѣ Мадагаскара находилось двѣнадцать христіанскихъ обществъ, членами которыхъ были все туземные жители; такой великолѣпный результатъ полученъ отъ тру-

довъ вольныхъ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ въ этой мѣстности втеченіи почти пятидесяти лѣтъ. Самыя жестокія мученія, самыя страшныя пытки не могли поколебать вѣры мальгашскихъ христіанъ. Первые миссіонеры вынуждены были почему-то покинуть островъ; но новообращенные, обладая библіями на родномъ ихъ языкѣ, продолжали собираться втайнѣ для совершенія обычныхъ молитвъ, хотя неминуемая смерть ожидала всѣхъ ихъ, въ случаѣ открытія такихъ сборищъ. Переимѣна правительства позволила миссіонерамъ вернуться на ихъ прежній постъ; затѣмъ королева Викторія, лично вмѣшавшись въ это дѣло, выговорила у преемника старой королевы Мадагаскара свободу христіанскаго исповѣданія. Тогда протестантское общество отправило немедленно миссіонеровъ въ Таматаву, главный портъ острова, гдѣ находятся тысячи язычниковъ, для распространенія тамъ христіанской вѣры; отпуская этихъ новыхъ проповѣдниковъ, энергическій епископъ съ мыса Доброй-Надежды предварилъ ихъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла уже основанныхъ церквей. Но не успѣли эти ревностные люди сойти на берегъ, какъ отъ имени ихъ полетѣли самыя настойчивыя просьбы въ Лондонъ, чтобы имъ разрѣшили отправиться въ столицу острова.

Я вовсе не осуждаю руководителей упомянутаго мною общества въ недостаткѣ сознанія, что они поступили далеко не похристіански, завладѣвъ, такъ-сказать, плодами трудовъ ихъ предшественниковъ, тогда-какъ у нихъ подъ рукою были милліоны идолопоклонниковъ, ожидавшихъ просвѣщенія. Тутъ скорѣе все произошло отъ недостатка взаимнаго согласія. Точно такой-же фактъ произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ганолулу. М-ръ Эллисъ, почтенный проповѣдникъ христіанства племени мальгашей, въ началѣ нынѣшняго столѣтія работалъ въ Ганолулу, какъ вдругъ туда-же прибыло нѣсколько американскихъ миссіонеровъ-пресвитеріанъ, искавшихъ поприща для своей дѣятельности. М-ръ Эллисъ немедленно уступилъ имъ свой домъ, свою церковь, свою школу, основанную имъ типографію и покинулъ страну. Американцы съ жаромъ и успѣхомъ проповѣдывали евангеліе въ Оуихи—какъ называлъ этотъ островъ капитанъ Кукъ—и благодаря имъ, христіанство и образованіе распространились по всей группѣ Сандвичевыхъ острововъ. Но въ послѣднее время оказалось, что обращенные туземцы будто-бы нуждаются въ англиканскомъ епи-

скопѣ; къ нимъ отправили одного изъ нихъ,—человѣка необразованнаго; онъ, не обращая вниманія на американскихъ миссіонеровъ, успѣхъ которыхъ свидѣтельствовали объ ихъ истинно апостольскомъ духѣ, обошелъ весь портъ Ганолулу съ бумажной шляпой на головѣ и всюду заявлялъ, что онъ, вновь прибывшій, есть настоящій, единственный епископъ.

Миссіонеры должны быть людьми благосовитанными; а между тѣмъ, не странно-ли видѣть, какъ эти милые братья безъ церемоніи водворяются среди стада, собраннаго ближнимъ втеченіи пятидесяти лѣтъ страшныхъ трудовъ и лишеній, и ведутъ себя, какъ дикіе, которыхъ они сами же такъ жестоко осуждаютъ. Мнѣ, быть можетъ, не слѣдовало-бы этого говорить, но проживая здѣсь, въ Уніаніэмбе, въ невольной праздности, въ ожиданіи людей, которыхъ м-ръ Стэнлей долженъ былъ прислать мнѣ съ берега,—а ждать приходилось цѣлыхъ два мѣсяца, такъ-какъ люди должны были пройти разстояніе въ 500 миль,—я разсуждалъ, какъ это могло случиться, что въ центральной Африкѣ не появилось до сихъ поръ ни одного миссіонера, тогда какъ англиканская церковь и англійскіе университеты хлопочуть о распространеніи евангелія между всѣми дикими племенами?

Вотъ тогда-то именно и пришли мнѣ на память новые миссіонеры, отправившіеся въ Танариву, столицу Мадагаскара, чтобы отнять нѣсколько вѣрующихъ у людей, положившихъ на дѣло ихъ обращенія множество трудовъ и даже рисковавшихъ своею жизнію, вмѣсто того, чтобы идти самимъ проповѣдывать евангеліе язычникамъ въ Таматавѣ или тысячамъ мальгашей въ Бембатурскомъ заливѣ. Потомъ мнѣ вспомнилось происшествіе, случившееся въ Ганолулу. Мнѣ, конечно, могъ на это отвѣтить: „Но вѣдь туземцы-христіане желали имѣть епископа“. Всѣ мы, хорошо знакомые съ ними, отлично понимаемъ, что означала эта просьба. Ужъ если дѣло дойдетъ до религіозныхъ преній, то въ умныхъ Зулу недостатка не будетъ. Я увѣренъ, что почтенные епископы англиканской церкви, выказывающіе такой живой интересъ къ судьбѣ „миссіи въ центральной Африкѣ“, пожалѣютъ непременно, что всѣ ихъ усилія увѣнчались только созданіемъ капелана для занзибарскаго консульства, и, что-бы они ни толковали въ публикѣ для извиненія своей неудачи, они сочтутъ себя очень счастливыми въ тотъ день, когда

узнаютъ, что миссія перенесена въ центральную Африку, единственную арену, достойную ея дѣятельности.

Если бы я имѣлъ право обратиться къ тѣмъ миссіонерамъ, которые колеблются прибыть сюда, я бы имъ сказалъ: „Придите, братья; послѣ перваго опыта вы сами-же удивитесь, что считали особеннымъ мужествомъ пуститься въ эти мѣста. Язычники, ожидающіе васъ,—люди съ большими недостатками, но у нихъ также есть много качествъ, которыя поневолѣ вызовутъ ваше уваженіе“. Я никогда не видывалъ у арабовъ, чтобы матери продавали своихъ дѣтей, хотя одинъ писатель и предполагаетъ, что обычай этотъ есть обще-народный, желая придать болѣе достовѣрности выдуманному имъ хорошенькому разсказу. Очень можетъ стать, что авторъ книги видѣлъ, какъ на базарѣ продавали ребенка по суевѣрному предрасудку, т. е. такого ребенка, у котораго, по несчастію, зубы прорѣзались въ верхней челюсти раньше, чѣмъ въ нижней. Но что-же дѣлать? этотъ суевѣрный предрасудокъ существуетъ, и здѣсь все убѣждены, что если такое дитя останется въ своей семьѣ, то навлечетъ на нее всевозможныя бѣдствія.

Судить о народѣ по одному частному факту невозможно; такъ, напр., случилось съ однимъ французомъ, посѣтившимъ Англій въ ноябрѣ мѣсяцѣ; онъ увидѣлъ повѣсившагося англичанина и поспѣшилъ напечатать, что самоубійство очень распространено въ Англии въ ноябрѣ мѣсяцѣ и что на всѣхъ деревьяхъ по большимъ дорогамъ можно видѣть трупы повѣсившихся. Развѣ не подвидываютъ дѣтей въ Англии? и вѣдь никто-же не станетъ выводить изъ этого факта заключеніе, что все матери въ Англии чудовища по чуждымъ.

Я не намѣренъ, конечно, скрывать, что каждой миссіи, водворяющейся въ новой странѣ, приходится бороться со многими трудностями. Лѣса, которые опоясываютъ островъ Мадагаскаръ, послужили могилой для множества храбрыхъ піонеровъ европейской цивилизаціи, прежде, чѣмъ они успѣли добраться до возвышенностей внутри страны, и это потому, что они не знали, что можно, въ извѣстныя времена года, безопасно проходить черезъ эти лѣса. Но общество миссіонеровъ въ Лондонѣ своей энергіей побѣдило, наконецъ, все препятствія и добилось завидныхъ результатовъ. Въ Африкѣ удобнѣе всего было-бы начать

Обращеніе въ христіанство съ племя, живущихъ на восточномъ берегу, не подвергаясь никакой опасности, по крайней мѣрѣ, относительно жизненнаго продовольствія, такъ-какъ отсюда легко имѣть постоянныя сообщенія съ Европой. Но тѣ племена, которыя приходилось сталкиваться съ арабами и португальцами, испытать горечь неволи и быть свидѣтелями религиозныхъ распрей между этими полуобразованными людьми,—такія племена очень нерасположены къ иноземцамъ, и человѣку мало будетъ цѣлой жизни для искорененія всѣхъ пороковъ и предразсудковъ, порожденныхъ притязаніями на цивилизацію.

Для того, чтобы цивилизовать материкъ, надо начать его съ центра, и миссіонеры, рѣшающіеся взять на себя эту задачу, должны обладать умомъ и мужествомъ Робинзона Крузе. Мнѣ случалось встрѣчать людей, которые, находясь еще на родинѣ, выражали желаніе жертвовать всѣмъ, даже жизнью, на служеніе евангелію, а приди на мѣсто, впадали въ отчаяніе, если у нихъ разбивалось стекло портрета жены, или считали себя въ страшно-бѣдственномъ положеніи, когда у нихъ недоставало сахара къ чаю. Дѣти, читающія похожденія героевъ капитана Майнъ-Рида и мечтающія быть на ихъ мѣстѣ, очень напоминаютъ мнѣ такихъ господъ миссіонеровъ.

Арабы, рожденные на материкѣ, по большей части, происходятъ отъ матерей невольницъ; вотъ почему они вообще лживы, безчестны и лѣнны; это страшные мародеры и, подобно голландскимъ боерамъ южной Африки, они храбры тогда только, когда туземцы, на которыхъ они нападаютъ, не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія. Въ чемъ-же заключается обращеніе въ магометанство? Въ слѣдующемъ: невольниковъ заставляютъ учить наизусть нѣсколько молитвъ изъ корана по-арабски, съ тою цѣлію, чтобы эти невольники могли рѣзать животныхъ на пищу своимъ хозяевамъ, не оскверняя мясо нечестивыми руками; затѣмъ ихъ облачаютъ въ длинную коленкоровую одежду, а на голову надѣваютъ бумажный колпакъ. Вѣрный мусульманинъ, такимъ образомъ, готовъ; но надо сознаться, что новообращенные, очень похожіе на толстыхъ бабъ въ ночной рубашкѣ, становятся такъ-же лживы и подлы, какъ ихъ хозяева. При наступленіи опасности, и хозяинъ, и рабъ ищутъ наперерывъ спасенія въ бѣгствѣ. По этой причинѣ они имѣютъ обыкновеніе носить

довольно короткую одежду, которая-бы не мѣшала имъ, дать тягу; въ этомъ убѣдился собственнымъ горькимъ опытомъ бѣднѣйшій Джеми-бенъ-Абдула; несмотря на то, что у него была свита изъ 80 вооруженныхъ невольниковъ, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ защищать своего хозяина.

IV.

Прежде, чѣмъ я скажу вамъ нѣсколько словъ о возвышенной равнинѣ внутренней Африки, позвольте мнѣ упомянуть о томъ, что арабы совѣтовали Спикку, для избѣжанія опасностей въ его путешествіи носить костюмъ, подобный тому, какой носятъ ихъ невольники, но онъ, обладая достаточнымъ мужествомъ, отказался отъ этого страннаго наряда. Между тѣмъ, какъ другой путешественникъ, докторъ Рошеръ, носилъ этотъ костюмъ, и, вѣроятно, заплатилъ за это жизнью. Туземцы принимали его за араба, а не за европейца. Его проводникъ арабъ представилъ его Матакѣ, начальнику вейевъ, подъ видомъ бѣднаго араба. Въ это самое время я находился вмѣстѣ съ партіей арабскихъ негочантовъ въ южной оконечности озера Ніасса.

Это случилось за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ докторъ Рошеръ достигъ береговъ открытаго мною озера. Сопутствовавшіе ему арабы никому не говорили, что онъ европейецъ. Спустя нѣсколько времени, я проходилъ по тому пути, по которому слѣдовалъ докторъ Рошеръ. Толпа со всѣхъ сторонъ выходила во мнѣ на встрѣчу; всѣ единогласно говорили, что въ этой странѣ никогда никто не видѣлъ бѣлаго человѣка; самъ Матака раздѣлялъ это мнѣніе. Когда проводникъ Рошера, арабъ, возвратился въ Занзибаръ послѣ смерти доктора, то здѣшній султанъ немедленно отправилъ его къ Матакѣ съ требованіемъ наказанія убійцы, но тотъ отвѣчалъ, что „не стоитъ подвергать смертной казни за убійство какого-нибудь несчастнаго араба“. Если-бы бѣднѣйшій Рошеръ путешествовалъ, какъ европейецъ, то нѣмъ англичанина охраняло-бы его и, можетъ быть, онъ жилъ-бы и до сихъ поръ.

Я часто беспокоился о немъ и надѣялся разузнать что-нибудь отъ туземцевъ, которые никогда не преминутъ замѣтить бѣлаго

человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ я почти отчаявался въ возможности открытія того пунята озера, который посѣтилъ Рошеръ. Мѣстность Нюссеева, обозначенная въ депешѣ полковника Ригби по указанію слугъ Рошера, была мнѣ совершенно неизвѣстна. Впослѣдствіи я открылъ, наконецъ, что Нюссеевой называется также рѣка Лосефъ, которая впадаетъ въ озеро почти противъ самаго Нютакота, расположеннаго на западномъ побережьѣ. Начальникъ этой мѣстности принялъ чрезвычайно привѣтливо Рошера, и когда этотъ несчастный былъ убитъ, онъ пріютилъ у себя его слугъ, а впослѣдствіи помогъ арабскому проводнику схватить убійцъ, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ Занзибаръ. Онъ вообще человѣкъ хорошій; недавно его соплеменники произвели грабежъ; когда онъ узналъ объ этомъ, онъ отпустилъ плѣнныхъ съ ихъ скотомъ. Я похвалилъ его за этотъ справедливый поступокъ, и онъ тотчасъ обратился съ торжествующимъ видомъ къ грабителямъ, которые, я полагаю, были озлоблены потерей ихъ добычи, и сказалъ имъ: „видите-ли, самъ этотъ бѣлый человѣкъ одобряетъ мое рѣшеніе“.

Вся эта возвышенная равнина (3,500 футовъ надъ уровнемъ моря) отличается сравнительно холоднымъ климатомъ. Низшая температура въ сухое время разнообразится между 9 и 12° по Реомюру; высшая доходитъ до 19. Въ этой мѣстности часто случаются лихорадки. Здѣсь эта болѣзнь замѣняетъ нашъ насморкъ и наши грудныя болѣзни; но она не такъ опасна, если вы не лѣнны или не принуждены вести сидячую жизнь. Поверхность страны выпуклая и похожа на громадныя, какъ-бы застывшія волны; хребты этихъ волнъ образуютъ небольшіе холмы, покрытые деревьями и кустарникомъ; мѣстами видны округленныя массы свѣтло-сѣраго гранита, составляющаго общую скалистую почву страны. Въ болѣе низменныхъ частяхъ находится множество источниковъ; здѣшняя трава составляетъ превосходный кормъ для скота, котораго здѣсь очень много. Травы, достигающія въ низменныхъ и теплыхъ мѣстахъ высоты отъ пяти до шести футовъ, здѣсь не растутъ длиннѣе одного и двухъ футовъ. Изъ хлѣбныхъ растений сѣются обыкновенно рожь и рисъ, для созрѣванія первыхъ требуется не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

Заваявшись здѣсь сельскимъ хозяйствомъ, миссіонеръ скоро можетъ сдѣлаться независимымъ въ матеріальномъ отношеніи и не

будетъ нуждаться въ помощи европейскіхъ благодѣтелей. Въ Каражевѣ кофе растетъ въ дикомъ состояніи, но миншени его обрабатываютъ. Сахарный тростникъ воздѣлывается повсемѣстно. Для выдѣленія сока изъ сахарнаго тростника, составляющаго здѣсь общеупотребительное лакомство, тростникъ давятъ сперва въ деревянной чашкѣ, а затѣмъ выжимаютъ сокъ руками. Сокъ этотъ, приведенный, посредствомъ кипяченія, въ состояніе сиропа, удовлетворительно замѣняетъ сахаръ; но у меня не было извести для выдѣленія испаряющейся кислоты, и потому его нельзя было сохранять долгое время. Лукъ и рѣдиска разводятся здѣсь въ большомъ количествѣ; арабы имѣютъ у себя лимонныя, апельсиныя и каштановыя деревья и получаютъ съ нихъ плоды; они разводятъ арбузы и начинаютъ уже заниматься виноградниками. Я полагаю, что всѣ европейскія овощи произрастали-бы здѣсь превосходно при тщательномъ выборѣ времени посѣва и если-бы возможно было при перевозѣ зеренъ сохранить ихъ отъ прикосновенія воздуха, а всего болѣе отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, въ жестяныхъ коробкахъ или какъ-нибудь иначе.

Путешественнику по центральной Африкѣ слѣдуетъ отказаться отъ многихъ предметовъ комфорта, если они тяжелы и громоздки; онъ долженъ имѣть съ собою только легкіе инструменты, нѣсколько книгъ, одежду, мыло и башмаки. Я говорю о мылѣ потому, что не встрѣтилъ здѣсь того растенія, которое сжигала моя жена и изъ его золы дѣлала мыло. Четырехъ хорошихъ костюмовъ изъ сѣраго сукна мнѣ было достаточно на пять лѣтъ, и я могъ-бы ихъ носить и болѣе продолжительное время, если-бы встрѣчалась въ томъ надобность: арабы, купившіе ихъ у моихъ слугъ, носили ихъ еще довольно долго послѣ того, какъ я ихъ бросилъ. Человѣкъ энергическій и любящій трудъ скоро можетъ окружить себя комфортомъ и это стоитъ небольшихъ издержекъ; при этомъ въ немъ пробудится пріятное сознаніе, что онъ оставилъ свою страну для выполненія благородной задачи.

Что касается меня, я неизмѣнный другъ неразвитаго человѣка и ищу его повсюду, не заботясь о томъ, какъ его зовутъ и какою цвѣтъ его лица. Теперь уже шесть лѣтъ, какъ я отдѣленъ отъ всего образованнаго міра; молчаніе большей части моихъ друзей часто напоминаетъ мнѣ старую поговорку: „вонъ изъ глазъ, вонъ изъ сердца“. Ужасныя сцены невольничества произвели на

мой умъ глубокое и печальное впечатлѣніе. Съ извѣстной точки зрѣнія, зло, омрачающее Африку, непреодолимо. Когда я прибылъ къ мокололамъ и къ другимъ народностямъ внутри страны, я былъ проникнутъ надеждой, что Африку можно подчинить процессу перерожденія. Но я не зналъ тогда, что меня окружали со всѣхъ сторонъ португальцы и торговля невольниками, ставшая преграды всякому прогрессу. Теперь я знаю, что предстоитъ много трудностей, но точно также убѣжденъ, что есть возможность преодолѣть ихъ, хотя для этого потребуются значительныя средства.

Связка газеты „New-York Herald“ 1871 г., полученная мною, представляетъ мнѣ вещи въ менѣе мрачномъ свѣтѣ. Развитіе торговли, кажется, связываетъ новыми узами народы, замне отдаленные другъ отъ друга географическимъ пространствомъ. Здѣсь оттого все въ застоѣ, что племена живутъ изолированно; они встрѣчаются между собой, какъ встрѣчались наши предки, для того только, чтобъ драться. Начальникъ каждой деревушки, состоящей изъ полдюжины домовъ, прохаживается около своихъ плантацій, не имѣя другого оружія, кромѣ длинной палки, украшенной съ обоихъ концовъ магическими эмблемами; онъ наслаждается тѣмъ, что его называютъ „мологве“ — начальникъ, или, въ буквальный значеніи, свободный гражданинъ и собственникъ; онъ не желаетъ ничего другого, кромѣ убійства всѣхъ прочихъ начальниковъ. Проводники, взятые нами для указанія дороги чрезъ непроходимые лѣса, раздѣляющіе разные округа, какъ они ни были веселы и безпечны въ началѣ дороги, приближаясь къ другимъ селеніямъ, показывали сильное безпокойство и ни за что въ свѣтѣ не соглашались слѣдовать за нами до самыхъ селеній изъ боязни быть убитыми и съѣденными. Разставаясь съ нами, они приглашали насъ зайти къ нимъ на возвратномъ пути и жить у нихъ, и затѣмъ поспѣшно уходили домой.

Взаимный обмѣнъ идей между различными національностями, влияние ихъ одной на другую всегда способствовали истинному прогрессу. Уничтоженіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ, вѣроятно, приведетъ къ освобожденію трехъ милліоновъ рабовъ въ Бразиліи. Нужно надѣяться, что и для бѣдной Африки, перенесшей столько испытаній, наступитъ лучшее время и, безъ сомнѣнія, она перестанетъ быть всемірною пустыней. Государственные люди, философы и пресса должны употребить всевозможныя

усилія для прекращенія торговли невольниками на берегахъ восточной Африки. Не должны-ли, въ самомъ дѣлѣ, государственные люди быть первыми между всѣми миссіонерами?

Признаюсь, я долго смотрѣлъ на нихъ, какъ на такихъ людей, у которыхъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ стремленія къ пріобрѣтенію почестей и власти. Но, къ моему удовольствію, скажу, что мнѣ, при болѣе тѣсномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ, привелось встрѣтить исключенія. Лордъ Пальмерстонъ, напримѣръ, четырнадцать лѣтъ работалъ надъ уничтоженіемъ вывоза негровъ изъ западной части Африки. Мое продолжительное пребываніе въ этой несчастной странѣ отняло у меня всякую охоту къ политикѣ партій; но я смѣю могу сказать, что въ мое время великіе государственные люди Англіи имѣли въ виду сдѣлать добро въ большомъ размѣрѣ. Ихъ неуспынный трудъ, ихъ искреннее желаніе дѣлать добро, и только добро, внушаютъ мнѣ къ нимъ глубокое уваженіе, такъ что всю мою жизнь я буду уважать лорда Пальмерстона, лорда Кларендона и президента Соединенныхъ Штатовъ Линкольна. Пусть наша раса продолжаетъ эти истиннѣ христіанскія дѣянія, и пусть исчезнутъ навсегда хитрости старыхъ дипломатовъ и ихъ желаніе обманывать другъ друга.

Я съ радостью узналъ о томъ, какія почести были оказаны м-ру Сьюарду въ благодарность за его великое дѣло, исполненное имъ вмѣстѣ съ президентомъ Линкольномъ. Нужно-ли упоминать о томъ, что въ то время, какъ государственные люди Англіи горячо работали надъ уничтоженіемъ вывоза негровъ съ западнаго берега Африки, рабовладѣльцы южной Америки, стоявшіе тогда во главѣ правительства Соединенныхъ Штатовъ, препятствовали осуществленію ихъ плановъ? Къ счастью, вывозъ негровъ изъ западной Африки теперь уже исчезъ, а какъ вы тоже отдѣлались разъ на всегда отъ невольничества, нужно надѣяться, что вы присоединитесь ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ, чтобы прекратить эти преступленія противъ челоуѣчества, которыя омрачаютъ еще восточный берегъ Африки. Если хедивъ вмѣстѣ съ Бекеромъ достигнуть уничтоженія торговли невольниками на Нилѣ, тогда несомнѣнно ему будетъ принадлежать титулъ благодѣтеля челоуѣчества. Мнѣ-же въ моемъ уединеніи остается только благословлять всякаго американца, англичанина или турка—кто поможетъ излечить страшную язву, разъѣдающую еще одну часть свѣта.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О. И. СЕНКОВСКІЙ.

Извѣстно, что очень немногіе изъ русскихъ замѣчательныхъ писателей развили вполне свои умственные силы и сдѣлали все, что могли сдѣлать со своими дарованіями. Самый разительный примѣръ такихъ неудачъ представляетъ собою Сенковскій. Въ немъ не было творческаго таланта, но способности его были вполне блестящія, энергія неутомима, познанія громадны и разносторонни. Съ такими данными онъ могъ сдѣлать очень много въ русской литературѣ, но сдѣлалъ сравнительно чрезвычайно мало. Онъ растратилъ свои способности на пустяки, промоталъ ихъ на мелочи. Уже по одному этому его личность и дѣятельность стоятъ того, чтобы остановиться на нихъ.

Къ сожалѣнію, біографическихъ матеріаловъ о Сенковскомъ обнаружено очень мало, а между тѣмъ его литературная и общественная дѣятельность можетъ быть понятна только при знакомствѣ съ его личною жизнью и его характеромъ.

Сенковскій, подобно Булгарину, былъ полякъ. Онъ производилъ себя отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Великой Польши. Враги его доказывали, что это ложь, но какъ-бы то ни было, отецъ Сенковского былъ большой баринъ, жившій въ роскоши и промотавшій все свое состояніе, кромѣ имѣнія жены своей, въ пятидесяти верстахъ отъ Вильно. Здѣсь-то въ 1800 г. родился Осипъ Ивановичъ Сенковскій, который какъ-будто наследовалъ мотовскія наклонности своего отца, и онъ былъ расточителемъ не только въ своемъ хозяйствѣ, но также точно безъ толку расто-

чалъ свои дарованія. А дарованія мальчика оказались блестящими; силою своей памяти, богатствомъ фантазій, быстротой соображенія онъ поражалъ всѣхъ; семья гордилась имъ, а самъ онъ постепенно проникался сознаниемъ своихъ необыкновенныхъ способностей. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ своей любящей матери, которая до конца своей жизни (въ сороковыхъ годахъ) съ увлеченіемъ слѣдила за успѣхами сына, и, какъ всегда бываетъ при подобныхъ отношеніяхъ, своими неумѣренными восторгами много содѣйствовала развитію въ немъ черезчуръ высокаго понятія о своихъ силахъ и чрезмѣрнаго, предпринимчиваго самолюбія. Да и какъ было не развиться въ мальчикѣ этимъ свойствамъ! Ему всѣ изумлялись, его всѣ хвалили, и самъ онъ видѣлъ, что это изумленіе, эти похвалы не напрасны. Онъ постоянно обгонялъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Еще дома, подъ руководствомъ своего дяди по матери, виленскаго профессора Гроддека, онъ превосходно выучился по-гречески и по-латыни. Его отдали въ минскій коллегіумъ, но онъ оставался здѣсь недолго: ему нечему уже было учиться въ коллегіумѣ, и онъ перешелъ въ виленскій университетъ. Сильная память и быстрый умъ пылкаго юноши дозволяли ему не ограничиваться въ университетѣ одною какою-нибудь спеціальностью; онъ бросался съ жадностью на самые разнообразныя отдѣлы знанія. Подъ руководствомъ своего дяди Гроддека онъ превосходно изучилъ классическую древность. „Мой наставникъ въ греческой литературѣ, писалъ онъ впоследствии, — былъ одинъ изъ ученѣйшихъ вѣмцевъ, мастеръ на своды, на разночтенія, извѣстный въ греко-латинскомъ мірѣ комментаторъ и издатель нѣсколькихъ трагедій Софокла и Эврипида. Эрудиція его казалась намъ еще огромнѣе его горба... Первою нашею любовью былъ Гомеръ; мы обожали этого слѣпого, нищаго старика, мы проводили цѣлыя ночи въ обществѣ необыкновеннаго ювійскаго бродяги, слушая его болѣе живописныя разказы“. Кафедру исторіи занималъ тогда знаменитый историкъ-филологъ Делевель, который вмѣстѣ съ Гроддекомъ направлялъ умы слушателей къ изученію Востока. Сенковскій принялся за изученіе арабскаго, еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ. Знаменитый, краснорѣчивый физиологъ, профессоръ Снядецкий, увлекъ Сенковскаго къ изученію естественныхъ наукъ, которыя онъ излагалъ въ блестящей популярной

Фориѣ, усвоенной впоследствии и его ученикомъ. Снядецкій-же повлиялъ и на направленіе литературныхъ дарованій Сенковскаго. Онъ обладалъ большимъ остроуміемъ, но пользовался своимъ юморомъ только для забавы и развлечения. Въ его домѣ собиралось веселое общество молодыхъ литераторовъ и ученыхъ, носившее характерное названіе „товарищества шалуновъ“. Въ польскомъ аристократическомъ обществѣ такіе кружки были далеко не рѣдкостью. Люди свѣтскіе, умные, но совершенно праздные, неимѣвшіе никакого серьезнаго дѣла, неимѣвшіе даже никакой профессіи, эти обезпеченные павычи въ старой Польшѣ убивали свои досуги, проматывали свои силы и имѣнія на охотахъ, пирахъ и оргіяхъ. Но когда европейская образованность начала проникать въ массу польскаго общества, то панская интеллигенція не могла уже удовлетворяться однѣми дѣдовскими потѣхами. Ея веселье и ея смѣхъ приняли уже нѣсколько другое направленіе. „Товарищество шалуновъ“ оказало огромное вліяніе на будущую дѣятельность Сенковскаго, который былъ его непремѣннымъ членомъ и сотрудникомъ издававшагося имъ юмористическаго журнала. Журналъ, подобно своимъ редакторамъ и сотрудникамъ, не имѣлъ никакого направленія; онъ издавался для забавы. Издатели и сотрудники, забавляя другихъ, забавлялись сами и соперничали другъ съ другомъ въ остроуміи. Девятнадцатилѣтній Сенковскій и тутъ оказался первымъ. Онъ сыпалъ остротами, болталъ безъ умолку, представлялъ въ каррикатурѣ самыя серьезныя вещи; это вошло у него въ прочную привычку, отъ которой онъ никогда не могъ да и не хотѣлъ отдѣлаться, такъ-какъ эта привычка, съ одной стороны, гармонировала съ отсутствіемъ солидныхъ убѣжденій, а съ другой — онъ считалъ себя великимъ юмористомъ, какимъ вовсе не былъ и не могъ быть. Съ нимъ въ сущности произошло то-же, что и со многими русскими известными дѣятелями, напримѣръ, съ Гоголемъ. Воспитаніе и другія обстоятельства не позволили ему въ юности, по крайней мѣрѣ, въ приблизительной точности оцѣнить дѣйствительные размѣры своихъ способностей. И дома, и въ минскомъ коллегіумѣ, и въ виленскомъ университетѣ, и въ веселомъ кружкѣ Снядецкаго онъ легко пожиналъ лавры и былъ первымъ. Естественно, что при своей неутомимой предприимчивости и громадномъ самолюбіи, онъ развилъ въ себѣ и стремленіе быть первымъ всегда и во всемъ,

за что ни возьмется, и увѣренность, что у него хватитъ силъ на достиженіе такого первенства. Въ университетѣ онъ хорошо познакомился съ естественными науками, съ исторіей, съ новѣйшими, классическими и восточными языками. Его знанія уже въ это время были обширны, и при надлежащемъ направленіи своихъ способностей онъ могъ выработаться въ отличнаго профессора, въ блестящаго и полезнаго популяризатора науки. Но Сенковский хваталъ дальше; онъ не довольствовался скромною ролью работника, но хотѣлъ быть творцомъ; онъ мечталъ не объ улучшеніи существующихъ, но объ открытіи новыхъ путей въ области знанія. И это стремленіе мотивировалось едва-ли не исключительно самолюбіемъ. Въ пламенномъ, трудолюбивомъ, остроумномъ юношѣ играли страсти, но не было теплаго, безкорыстнаго чувства. Сенковский никогда не былъ даже патриотомъ; особенной религіозности въ его семействѣ тоже не было, и Сенковский выросъ индифферентистомъ. Не имѣя возможности развиться ни въ патриотическую, ни въ религіозную формѣ, начатки симпатическихъ, безкорыстныхъ чувствъ глохли уже въ тотъ періодъ жизни, въ которомъ только и возможно ихъ развитіе. Къ индифферентизму присоединились наклонность къ юмору и скептицизмъ, которые взаимно питали и поддерживали другъ друга, подавляя въ душѣ всѣ другіе мотивы, кромѣ эгоистическихъ. Слава сдѣлалась девизомъ жизни, а преувеличенное понятіе о своихъ силахъ поддерживало убѣжденіе, что при такихъ данныхъ нѣтъ ничего легче, какъ „придти, увидѣть, побѣдить“.

Въ 1818 г. Сенковский издалъ ученый переводъ арабскихъ басенъ, — переводъ, обратившій вниманіе на девятнадцатилѣтняго ориенталиста. Мать, нѣкоторые литераторы и ученые общества составили сумму, необходимую для его поѣздки на Востокъ, и въ 1819 г. Сенковский отправился въ Турцію и Египеть. Съ дороги началъ онъ присылать въ виленскіе журналы свои путевныя письма, въ которыхъ бѣгло, но живо говорилъ о торговлѣ, земледѣліи, бытѣ западныхъ губерній, но не могъ удержаться отъ сатирическихъ выходокъ насчетъ „патріархальной“ жизни помѣщиковъ. Паны оскорбились; но Сенковский на этомъ не остановился и напечаталъ парадоксальную статью „О происхожденіи польской шляхты“, доказывая, что народъ и дворянство, поляки и *лечи*, разнаго происхожденія, и что послѣдніе ведутъ свое начало отъ

азіатовъ, владычествовавшихъ надъ славянами, отъ аваровъ, остатки которыхъ еще сохранились на Кавказѣ, и отъ *леховъ*, или нынѣшнихъ лезгинъ. У Сенковского это было парадоксальнымъ увлеченіемъ въ родѣ тѣхъ, какими цѣлую жизнь былъ одержимъ Вельтманъ. Не разъ поддаваясь такимъ увлеченіямъ, разбиваемый критикой и насквозь проѣденный скептицизмомъ, Сенковский въ послѣдствіи излагалъ, ради потѣхи и мистификаціи, самыя парадоксальныя теоріи, притворяясь, что вѣритъ имъ; но въ это время, если онъ и не вполне вѣрилъ, то, по крайней мѣрѣ, не старался дурачить читателей мистификаціей и не писалъ пасквилей въ формѣ парадоксальныхъ изслѣдованій. Статья о шляхтѣ возмутила всѣхъ читавшихъ ее поляковъ, а Лелевель предалъ ее проклятію. Съ этого момента у Сенковского порвались послѣднія нравственныя связи съ польскимъ обществомъ, но онъ мало заботился объ этомъ и рѣшился дѣйствовать въ Россіи. Въ декабрѣ 1819 г. Сенковский представился русскому посланнику въ Константинополь, барону Строганову, и очаровалъ этого просвѣщеннаго вельможу, который и денежными средствами, и своимъ вліяніемъ много облегчилъ трудности дальнѣйшаго путешествія молодого ученаго, причисленнаго къ посольству и получившаго награду „за успѣхи въ наукахъ“. Отправившись въ Сирію, Сенковский поселился въ одномъ маронитскомъ монастырѣ, и здѣсь, подъ руководствомъ ученѣйшаго изъ маронитовъ, Арнды, принялся за изученіе восточной премудрости. „Съ жадностью къ наукѣ, рассказываетъ онъ въ послѣдствіи о себѣ отъ имени мнимаго Осипа Морозова,—съ тою довѣренностью къ своимъ силамъ, съ тѣмъ презрѣніемъ здоровья и упрямствомъ въ достиженіи возмечтанной цѣли, которыя легко себѣ представить въ неопытномъ человѣкѣ лѣтъ двадцати, безъ проводника и пособія, я бросился въ этотъ неизмѣримый чертогъ природы—одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ чертоговъ, воздвигнутыхъ ею на землѣ, въ ознаменованіе своего могущества, — не разсуждая объ опасности не выйти изъ страшнаго лабиринта заоблачныхъ вершинъ, на которыхъ можно замерзнуть среди лѣта, и раскаленныхъ пропастей, гдѣ органическая жизнь жарится въ самой страшной духотѣ, какую только солнце производитъ. Ограниченныя средства повелѣвали мнѣ узнавать скорѣе все, что я могъ узнать въ томъ краю, и не забывать ничего, однажды пріобрѣтеннаго памятю. Съ потомъ

чела перетаскивалъ я свои книги съ одной горы на другую — книги были все мое имущество — и рвалъ свое горло въ глуши, силясь достигнуть чистаго произношенія арабскаго языка, котораго звучность въ устахъ друга или бедуина, похожая на серебряный голосъ колокольчика, заключеннаго въ человѣческой груди, плѣняла мое ухо новостью и приводила въ отчаяніе своею неподражаемостью. Уединенныя ущелья Кесревана, окружая меня колоннадою черныхъ утесовъ, вторили моимъ усиліямъ; я нерѣдко самъ принужденъ былъ улыбнуться надъ своимъ тщеславіемъ лингвиста при видѣ, какъ хамелеоны, весело пробѣгавшіе по скаламъ, останавливались подлѣ меня, раскрывали ротъ и дивились пронзительности гортанныхъ звуковъ, которые съ такимъ напряженіемъ добывалъ я изъ глубины легкихъ. Возвратясь въ конурку, занимаемую въ какомъ-нибудь маропитскомъ монастырѣ, я такъ-же отчаянно терзалъ свои силы надъ сирскими и арабскими рукописями, отысканными въ скудной библиотекѣ грамотнаго монаха, поспѣшно списывалъ любопытнѣйшія изъ нихъ, читалъ наскоро тѣ, которыхъ не успѣвалъ списать, дѣлалъ извлеченія, отмѣчалъ найденныя въ нихъ живописнѣйшія фразы или слышанные идиотизмы разговорнаго языка и твердилъ ихъ наизусть всю ночь. Два, много три часа отдыха на голой плитѣ, съ словаремъ вмѣсто подушки, были достаточны для возобновленія бодрости къ новымъ, столь-же насильственнымъ занятіямъ, которыя прерывались только охотою за бѣгающимъ по стѣнамъ велик скорпіономъ или *abu-борейсомъ*, ящерицею невинною, даже красивою, но поселявшюю во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Исчерпавъ въ нѣсколько дней мудрость бѣдной обители, я отправлялся далѣе искать новыхъ упражненій и раздѣлять съ другими отшельниками блюдо вареной въ деревянномъ маслѣ чечевицы. Такъ провелъ я шесть или семь мѣсяцевъ, пока неумѣренное напряженіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, грубая и нездоровая пища, усталость и лишенія всякаго рода не остановили моей пылкости опасною болѣзнию, которая заронила въ мою грудь зародышъ постояннаго страданія, быть можетъ, преждевременной смерти... Усилія мои въ изученіи мѣстнаго арабскаго нарѣчія увѣнчались успѣхомъ, который льстилъ моему самолюбію; я сознаюсь въ этомъ безъ ложной скромности, такъ-же смѣло, какъ-бы сказалъ, что выучился работать скобелемъ, если-бы когда-нибудь занимался

столярнымъ дѣломъ. Между этимъ упражненіемъ и наукою языковъ я усматриваю большое сходство: первое — механическое дѣло руки, вторая — механическое дѣло органовъ памяти, жеванія и глотанія. Но преодолимая трудность всегда дѣлается для насъ, даже въ столярномъ ремеслѣ, источникомъ самодовольства и гордости: я считалъ себя почти равнымъ Аристотелю, когда аравитяне, которые къ своему языку проникнуты почти настоящимъ обожаніемъ любовниковъ и новые каламбуры, быть можетъ, весьма основательно цѣнятъ такъ-же высоко, какъ мы новыя мысли, называли меня *фейлусуфъ*, философомъ, за то, что я хорошо произносилъ ихъ гортанныя буквы, или спорили со мною о томъ, что я не франкъ, а арабскій сынъ. Мнѣ удалось сострять десятковъ дурныхъ арабскихъ стиховъ, которые имѣли большой успѣхъ въ окологдѣ, и слава моя распространилась на нѣсколько сосѣднихъ горъ. Шейхи маронитовъ и друзовъ часто заѣзжали ко мнѣ выкурить трубку *джебели* съ любопытнымъ франкомъ и освѣдомиться о политическихъ новостяхъ Европы: здоровъ-ли папа, что дѣлаетъ китайскій императоръ, и проч.“. Въ чалмѣ и восточной одеждѣ, изыясняясь на чистѣйшемъ сирійскомъ діалектѣ, Сенковскій изъ Сиріи отправился въ Египетъ и Нубію, подвергаясь серьезнымъ опасностямъ, такъ-какъ въ это время готовился разрывъ Россіи съ Портою и русскіе подданные возбуждали къ себѣ страшную ненависть. О предприимчивости Сенковского можно судить по тому, что, несмотря на крайне тревожное время, онъ рѣшился увезти въ Россію знаменитый древній зодіакъ, изваянный на камнѣ, вдѣланномъ въ потолокъ дендерскаго храма. Съ помощью своего слуги, онъ вырубилъ камень изъ потолка и нагрузилъ его на барку, чтобы черезъ Александрію везти въ Россію, но вѣсть о греческомъ возстаніи и о разрывѣ съ Портою заставила его бросить это предпріятіе и вернуться въ Россію.

Въ концѣ 1821 г. Сенковскій пріѣхалъ въ Петербургъ. На Востокѣ онъ прожилъ около двухъ лѣтъ, и въ это время онъ изучилъ арабскій и турецкій языки въ такой степени, что говорилъ и писалъ на нихъ прозой и стихами, какъ на своемъ природномъ. Въ то-же время онъ выучился языкамъ итальянскому, новогреческому, персидскому, сирскому, изучилъ вѣрованія, литературу и обычаи мусульманскаго Востока, и двадцати-одного года отъ роду былъ уже однимъ изъ первыхъ ориенталистовъ Европы. Въ Пе-

тербургъ онъ принялся за языки монгольскій, манджурскій и китайскій; по-англійски, по-нѣмецки, по-французски онъ зналъ также хорошо, какъ по-русски; литовскій языкъ и языкъ басковъ были тоже извѣстны ему; чтобы перевести эдмундову Сагу, онъ въ полтора мѣсяца выучился по-исландски. Менѣе чѣмъ въ два года онъ освоился съ русскимъ языкомъ, котораго раньше не зналъ, и началъ такъ хорошо писать по-русски, что сдѣлался однимъ изъ лучшихъ прозаиковъ своего времени. На него смотрѣли, какъ на восімое чудо въ свѣтѣ, и когда онъ пріѣхалъ съ Востока въ Петербургъ, его слава уже была упрочена. Черезъ своего земляка, Булгарина, онъ сошелся съ литераторами. Въ „Полярной Звѣздѣ“, въ „Сынѣ Отчества“ и другихъ изданіяхъ стали появляться его путевныя письма о Востокѣ, увлекавшія публику живымъ, остроумнымъ изложеіемъ и обратившія на себя вниманіе извѣстныхъ европейскіхъ оріенталистовъ разбросанными въ нихъ учеными замѣтками. Когда Сенковскому было только двадцать-два года, петербургскій университетъ избралъ его ординарнымъ профессоромъ, и вскорѣ цѣлымъ рядомъ ученыхъ трудовъ по исторіи и филологіи Востока онъ упрочилъ свою славу, какъ одного изъ первыхъ оріенталистовъ Европы. Но самолюбіе Сенковскаго не удовлетворялось этимъ, и онъ во что-бы то ни стало желалъ выставить себя чудомъ лингвистики и наполнить своею ученою славою не только міръ спеціалистовъ, но и обыкновенную публику. Для достиженія первой цѣли онъ брался часто за самыя трудныя, но совершенно безплодныя задачи. Напечатавъ, напр., сборникъ татарско-джагатайскихъ стихотвореній, онъ приложилъ къ нимъ свой переводъ стихами-же на турецко-османскій и арабскій языки и свое предисловіе на персидскомъ! Для того-же, чтобы изумить своею ученостью обыкновенную публику, онъ уже въ это время нападалъ на знаменитыхъ оріенталистовъ и полемизировалъ съ ними не въ ученыхъ изданіяхъ, а гдѣ-нибудь въ „Сѣверной Пчелѣ“, въ которой онъ помѣстилъ свой безпощадный и бойкій разборъ книги Гаммера. Въ 1824 г. Сенковскій удружилъ снова своимъ соотечественникамъ, напечатавъ „Сборники изъ турецкихъ историковъ, касающихся польской исторіи“. Въ книгѣ увидѣли пасквиль. „Эта книга, рассказываетъ Булгаринъ,—произвела величайшее негодованіе во всѣхъ провинціяхъ, составлявшихъ древнюю Польшу; всѣ ложные и превратные рассказы турецкихъ ис-

ториковъ относительно сношеній Турціи съ Польшей представлены были Сенковскимъ, какъ сущая правда, и польскія побѣды надъ турками превращены въ пораженія“. Біографъ Сенковского, оріенталистъ Савельевъ, утверждаетъ, что это былъ возможно-буквальный переводъ турецкаго текста, а не мистификація. Но если это и справедливо, то во всякомъ случаѣ, издавая свой переводъ, Сенковскій имѣлъ въ виду вывести поляковъ изъ себя, надѣлать шуму. Онъ давно уже подсмѣивался надъ поляками, а они считали его отступникомъ и брапили, на чемъ свѣтъ стоитъ. Сенковскій отомстилъ имъ своими турецкими историками. Нельзя сказать, чтобы онъ ненавидѣлъ все польское, но онъ относился къ нему съ той-же скептической насмѣшливостью, какъ и ко всему другому. Его скептицизмъ и раздражительность возрастали. Они давно уже укоренились въ натурѣ его и постепенно усиливались подъ вліяніемъ обстоятельствъ. На Востокъ онъ отправился энтузіастомъ, мечтая, подъ вліяніемъ Гроддека, найти „тамъ сокровища, еще невѣдомныя нынѣшнему разуму“. Но ничего особеннаго онъ на Востокѣ не нашель, не открылъ, только преисполнился скептицизмомъ къ увлеченіямъ оріенталистовъ да обогатился разнообразными знаніями. Но, какъ самъ онъ признается въ вышеприведенномъ отрывкѣ, эти знанія были только дѣломъ памяти. Сенковскій зналъ множество языковъ, но онъ не былъ филологомъ-теоретикомъ; онъ оказался даже неспособнымъ понять значеніе санскрита и филологическаго движенія въ Германіи, начатаго трудами В. Гумбольдта. Но не понимая и отрицая идеи и выводы другихъ, Сенковскій увлекался страстнымъ желаніемъ сдѣлать что-нибудь новое, но былъ не въ силахъ создать никакой системы, никакой теоріи. Это должно было раздражать его. Житейская обстановка тоже неуспокоительно дѣйствовала на него. Передъ отъѣздомъ на Востокъ Сенковскій влюбился въ какую-то польку и женился на ней. Жена оказалась вѣдьмой; она отравляла жизнь мужа; ходили слухи, что она била его; однажды, говорили злые языки,—на Невскомъ проспектѣ она отхлестала его своимъ зонтикомъ. При своей наклонности къ роскоши и разсѣянной жизни, Сенковскій постоянно нуждался въ деньгахъ и изъ-за нихъ, а также по своему обычному честолюбію, хлопоталъ о служебной карьерѣ. Онъ постоянно лѣзъ, такъ-сказать, на глаза и напрашивался на важ-

ныя порученія. „Свою кафедру, говоритъ его современникъ, — онъ считалъ только ступенью къ достиженію высшаго служебнаго положенія. Онъ, какъ случалось ему и проговариваться, хотѣлъ быть первымъ драгоманомъ при турецкомъ посольствѣ, а тамъ, со временемъ, онъ принялъ-бы постъ повѣреннаго въ дѣлахъ, хотя бы и посланника. Въ крайнемъ случаѣ, онъ удовольствовался-бы мѣстомъ директора азіятскаго департамента и даже начальника института восточныхъ языковъ. Онъ дѣлалъ что могъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Въ турецкую кампанію онъ составилъ турецко-русскій учебникъ и пожертвовалъ его въ пользу арміи“. Передъ персидской войной онъ представилъ на высшее благоусмотрѣніе проектъ, въ которомъ разъяснялъ, „сколько славы для Россіи и пользы для науки можетъ произойти, если при заключеніи мира съ Персіей въ число контрибуціи и трофеевъ взяты будутъ у персіянъ рѣдкія рукописи, безъ пользы хранящіяся въ ихъ библіотекахъ“. Предложеніе Сенковскаго было принято и выполнено, но самъ онъ лично ничего оттого не выигралъ. Служебныя заискиванія ему рѣшительно не удавались. Министерство командировало его на ревизію училищъ въ бѣлорусскія губерніи. Сенковскій открылъ здѣсь множество злоупотребленій, нашелъ слѣды польской интриги среди молодежи, отбиралъ либеральныя стихи и т. д. Но все это не повело ни къ чему, имъ остались недовольны. „Около того-же времени, рассказываетъ цитированный уже нами современникъ его, — Сенковскій подавалъ кому слѣдовало разныя мысли, очень важныя въ правительственномъ отношеніи; но ихъ присвоили себѣ другіе, дали имъ большее развитіе и примѣненіе, творцу-же своему эти мысли не принесли никакой существенной пользы“. Въ университетѣ Сенковскому тоже не везло, и онъ очень скоро охладѣлъ къ профессорской дѣятельности. „Въ мое время, съ 1835 по 1847 г., говоритъ одинъ изъ его слушателей, — какъ ему самому, такъ и студентамъ были его лекціи въ тягость: онъ часто манкировалъ, или, пришедъ на лекцію, черезъ 5—10 минутъ, корча гримасы и проговаривая сэвось зубы слово мегрень, уѣзжалъ домой; а студенты, завидя его, часто скрывались на лекціи другихъ преподавателей... Могли-ли студенты любить того, кто ихъ не любилъ, кто не входилъ въ ихъ учебныя нужды, не былъ ихъ предстателемъ и защитникомъ?“ „И между товарищами-про-

фессорами, говоритъ почитатель его, Григорьевъ, — стоялъ Сенковскій совершенно особнякомъ: на нихъ смотрѣлъ онъ съ высоты своего величія, они боялись его и не любили“. Съ начальствомъ онъ тоже не ладилъ, вслѣдствіе своей гордости. Сенковскій безъ труда могъ отступать отъ нравственныхъ принциповъ, но до личнаго униженія онъ никогда не доходилъ. Большая часть членовъ университетскаго совѣта всегда была враждебна ему, и въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ своей службы въ университетѣ онъ не получалъ никакихъ наградъ. Когда однажды хотѣли представить его къ какому-то незначительному отличію, онъ написалъ на присланной къ нему бумагѣ: „Не желаю. Я имѣю уже то отличіе, что не имѣю никакого знака отличія“. Оставляя университетскую службу, Сенковскій оригинально отомстил университету. Мы приведемъ разсказъ современника и очевидца этой исторіи, выпустивъ изъ него нѣкоторыя очевидныя неточности.

„Въ университетѣ былъ торжественный актъ, на которомъ Сенковскій долженъ былъ прочесть свою диссертацию „О древности имени русскаго“. Собралось много почетныхъ лицъ; извѣстные въ то время писатели и ученые были въ полномъ комплектѣ; ректоръ и профессора въ парадныхъ мундирахъ. Собраніе происходило въ большой университетской залѣ; сама эта зала и даже хоры были полны. По прочтеніи отчета, у юпитра, передъ рядами кресель, сталъ какой-то господинъ, нѣмецъ, и заявилъ, что онъ адъюнктъ профессора Сенковскаго, что послѣдній нездоровъ и диссертацию свою поручилъ прочитать ему. Съ первыхъ же страницъ было видно, что положенія свои авторъ основываетъ на этимологіи собственныхъ именъ, названій странъ, городовъ, рѣкъ и самыхъ народовъ. Но этимологіи эти были крайне натянуты и эксцентричны... Все это, какъ прелюдія, вело къ тому заключенію, что славянская нація, и во главѣ ея русское племя, есть первенствующая между народами, какъ самая древняя; что вся Европа и большая часть Азіи въ отдаленной древности были скифскія, главное-же изъ племенъ скифскихъ — славяне, у древнихъ прозванные *скифами-хвастунами*, потому что съ незапамятныхъ временъ привыкли превозносить и славить сами себя. Что касается собственно имени русскаго, то, по словамъ автора, рукописи, заключающія самые убѣдительные доводы древности

этого имени, находятся въ Испаніи и заперты въ одной башнѣ извѣстнаго мавританскаго дворца, Альямбры, куда авторъ и посылаетъ желающихъ повѣрить его сказаніе. Не менѣе странные выводы дѣлалъ авторъ изъ аналогій слова *скальдъ*. Онъ отнесъ его къ корню *скиолдъ*, изъ котораго нѣмецкое *шмьлдъ*, т. е. щить, а какъ *щитъ* есть почти *скитъ*, то отъ послѣдняго до названія *скифъ* или *славянинъ* уже только разстояніе на одну букву. Изъ этого заключеніе, что и скандинавы были славяне, а саги были поэмы, прямо или косвенно относящіяся къ исторіи славянъ, и стоитъ только умѣть высмотрѣть въ обоихъ языкахъ натуральное сродство и опредѣлить законы обоюдныхъ отступленій и измѣненій звуковъ, чтобы съ помощью славянскаго языка понимать и даже комментировать скандинавскія саги и наоборотъ. До этихъ поръ всѣ слушали терпѣливо, удивляясь лишь странности и необыкновенной смѣлости выводовъ; только нѣкоторые, ближе знавшіе Сенковского, чувствовалась уже горькая иронія и дѣлалось яснымъ, что онъ, по тривіальному, но энергичному выраженію, „дурачить“ почтенное собраніе... Но когда адъюнктъ, читая съ невозмутимою германскою флегмою, перешелъ къ тому мѣсту, гдѣ авторъ утверждаетъ, что вся древняя исторія есть ничто иное, какъ хроника славянскаго племени, и что лѣтописцы только перепутали географическія данныя и названія мѣстностей; когда сказалъ, что кампаніи Кира происходили въ Бѣлоруссіи и главное сраженіе выиграно имъ близъ города Орши, что подтверждается, кромѣ другихъ, этимологическихъ доводовъ, тѣмъ, что и Наполеонъ въ 1812 г. признавалъ Оршу важнымъ стратегическимъ пунктомъ, — когда это было прочитано, то удержаться долѣе отъ смѣха стало невозможнымъ. Первый, припадкомъ гомерическаго хохота, разразился сидѣвшій важно за столомъ университетскаго совѣта профессоръ и деканъ Ивановскій, а за нимъ грянулъ и всеобщій смѣхъ. Почетные посѣтители вышли, а между тѣмъ нѣмецъ, совѣстливо выполняя свой долгъ, дочитывалъ до конца свою тетрадь, хотя никто не могъ уже слышать ни слова. Между собраніемъ пошли толки и разсужденія; одни говорили, что за такую кровную обиду, учиненную цѣлому ученому сословію, слѣдуетъ автора примѣрно наказать; другіе, напротивъ, утверждали, что это невозможно, потому что невозможно уличить автора въ умысленной мистификаціи, въ томъ,

что онъ и самъ не убѣжденъ, что Киръ сражался подъ Оршей. Кончилось тѣмъ, что диссертація о древности имени русскаго не была напечатана (какъ это всегда дѣлалось) въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ“.

Нѣкоторые заподозрили справедливость этого разсказа и указали въ немъ хронологическую неточность, которая нами выпущена, но никакихъ опровергающихъ аргументовъ никто не привелъ. Намъ кажется, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, разсказъ этотъ вполне правдоподобенъ и такія выходы были рѣшительно въ духѣ Сенковскаго.

Сенковскій оставилъ университетъ въ 1847 г., когда его литературная слава клонилась уже къ паденію, и мы должны вернуться снова къ первымъ годамъ его петербургской жизни.

Сенковскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, не звалъ ни Россіи, ни русской литературы, ни русскаго языка. Послѣднему онъ выучился скоро, но чтобы принять дѣятельное участіе въ литературѣ, необходимо было сперва хорошо познакомиться съ нею и со страню. Независимо отъ связей съ писательскими кружками и чтенія, Сенковскій слѣдилъ за литературой и по своей ценсорской должности, которую онъ занималъ съ 1828 по 1833 г. Но при всемъ томъ онъ былъ не въ состояніи понять русской литературы, * принять къ сердцу ея жизненные стремленія. Онъ не могъ знать и русскаго общества, живя исключительно въ Петербургѣ и вращаясь, кромѣ литературныхъ кружковъ, среди однихъ иностранцевъ. Въ 1828 г. Сенковскій развелся со своею мучительницей-женой и вскорѣ-же вступилъ во второй бракъ съ дочерью банкира Ралля, Аделаидою. Это была пречувствительная нѣмочка, написавшая нѣсколько пречувствительныхъ повѣстей. Домашняя жизнь Сенковскаго совершенно преобразилась. Изъ мучимаго раба онъ сразу поднялся на степень божества, и семейная обстановка превратилась въ культъ этому божеству, этому „генію“, „великому человѣку“, какъ жена пазываетъ его въ своихъ запискахъ объ его жизни. Подъ вліяніемъ жены, Сенковскій сблизился болѣе всего съ нѣмецкимъ обществомъ столицы. Петербургскіе нѣмцы, конечно, мало могли оказать ему услугъ въ дѣлѣ знакомства съ Россіей, которой онъ не зналъ и считалъ ее еще варварской страной. Но это было вовсе не польское національное чувство, какъ утверждаютъ кн. Одоевскій и, съ его голоса,

г. Бартенева. Мы уже видѣли, какимъ полякомъ былъ Сенковский въ своихъ сочиненіяхъ и при своей ревизіи бѣлорусскихъ училищъ. Онъ равно былъ чуждъ и Россіи, и Польшѣ. Будучи индифферентнымъ космополитомъ, онъ смотрѣлъ на Россію и ея литературу съ высоты величія образованнаго европейца. Онъ былъ убѣжденъ, что со своими талантами, въ которыхъ онъ былъ слишкомъ увѣренъ, и со своими знаніями, которыя онъ считалъ необыкновенными, онъ способенъ играть первенствующую роль въ русской литературѣ. Долго онъ готовился къ этой роли, приглядываясь къ чуждой ему литературѣ, изучая ее, вырабатывая свой языкъ. Первые шаги его на этомъ поприщѣ были довольно робки. Послѣ путевыхъ писемъ о Востока онъ напечаталъ нѣсколько хорошенькихъ восточныхъ повѣстей, назвалъ ихъ переводами съ арабскаго („Бедуинъ“, „Деревянная красавица“, „Смерть Шанфарія“, „Антаръ“ и др.). Въ 1830 г. онъ издалъ удачно передѣланный имъ романъ англійскаго писателя Моріера, „Хаджи Баба Исфгани въ Лондонѣ“. Въ 1833 г. вышло лучшее изъ его беллетристическихъ произведеній, „Фантастическія путешествія“, подъ псевдонимомъ *барона Брамбеуса*. Въ массѣ публики книга имѣла рѣдкій успѣхъ, и Сенковский окончательно убѣдился, что масса поддержитъ его, если онъ выступитъ на журнальное поприще. Онъ затѣялъ изданіе „Всеобщей Газеты“, но это предпріятіе не состоялось. Тогда онъ сошелся съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, который поручилъ ему изданіе альманаха „Новоселье“. Альманахъ вышелъ со статьями всѣхъ лучшихъ тогдашнихъ писателей; но масса публики увлеклась въ альманахѣ не этими статьями, а главнымъ образомъ „Большимъ выходомъ у сатаны“, Барона Брамбеуса. Вскорѣ послѣ выхода „Новоселья“ книгопродавецъ Смирдинъ объявилъ объ изданіи съ 1834 года большаго журнала, „Библиотеки для чтенія“. Сотрудниками были объявлены всѣ литературныя знаменитости, около 80, изъ которыхъ многія, какъ оказалось впоследствии, никогда и не думали общать своего сотрудничества Сенковскому, бывшему душою предпріятія. Редакторами были названы Гречъ и Сенковский, но первый былъ только номинально, какъ впоследствии Крыловъ. Содержаніе журнала было обѣщано энциклопедическое; онъ раздѣлялся на семь отдѣловъ—русская словесность, иностранная сло-

весность, науки и искусства, промышленность и сельское хозяйство, критика, литературная летопись и смѣсь. Каждая изъ двѣнадцати книжекъ должна была заключать въ себѣ 25 листовъ. Такимъ образомъ, и репутація Смирдина, и мнимое соединеніе въ одномъ журналѣ всѣхъ литературныхъ знаменитостей, и всесторонняя программа, и небывалый по величинѣ объемъ книжекъ— все должно было привлекать подписчиковъ. Для привлеченія-же сотрудниковъ было принято за правило платить за всѣ помѣщаемыя статьи, что до той поры рѣдко бывало, и платить щедро. Многіе получали 250—300 р. ассигнаціями за листъ прозы, и до 5 рублей за стихъ. Подписка пошла бойко, а послѣ выхода первыхъ книжекъ еще болѣе усилилась и дошла до небывалой цифры 5,000 подписчиковъ, въ то время, какъ другіе издатели считали идеаломъ 1,000, даже 500 подписчиковъ. Независимо отъ внутреннихъ свойствъ новаго журнала, необыкновенному успѣху его много содѣйствовали и внѣшнія обстоятельства. Основанный Пушкинымъ „Современникъ“ и „Сынъ Отечества“ Греча не были журналами. „Телеграфъ“ Полевого прекратился въ 1833 г., въ 1836 г. былъ запрещенъ и „Телескопъ“. Для „Библиотека“, такимъ образомъ, поле было расчищено и успѣхъ ея былъ обезпеченъ тѣмъ болѣе, что главный и почти единственный двигатель ея былъ вполне способенъ сдѣлать изъ нея журналъ въ полномъ значеніи этого слова.

Этимъ двигателемъ былъ Сенковский. Онъ подъ разными псевдонимами писалъ во всѣхъ отдѣлахъ, писалъ обо всемъ,—объ электричествѣ, о Кукольникѣ, о скандинавскихъ сагахъ, о гомеопатіи, о свѣтѣ, о ниневійскихъ древностяхъ, о теоріи звука, объ исторіи грузинъ, о Декартѣ, о фотографіи, о минеральныхъ водахъ, о нѣмецкой философіи, о гекзаметрѣ, о геологіи, объ иностранныхъ литературахъ и т. д., и т. д., не говоря уже о повѣстяхъ, романахъ и фельетонахъ (*Женская Жизнь, Любовь и Смерть, Идеальная Красавица, Умницы* и др.). Сочиненія Сенковского изданы въ девяти томахъ, но если-бы напечатать все, помѣщенное имъ въ „Библиотеку для Чтенія“, то, по всей вѣроятности, къ изданнымъ уже томамъ пришлось-бы прибавить еще томовъ десять. Но этимъ дѣятельность Сенковского не ограничивалась. Сенковский не только прочитывалъ всѣ присылаемыя статьи, но даже поправлялъ, измѣнялъ ихъ, передѣлывалъ; не

разъ случалось, что онъ не дочитывалъ рукописи; сюжетъ врался ему, а исполненіе нѣтъ, онъ отдиравъ и бросалъ половинку оригинала и придѣлывалъ свое окончаніе. Авторы злились; эти передѣлки нерѣдко бывали неудачны, даже нелѣпы, но журналъ за то получалъ опредѣленный характеръ, единство направленія. Каково-бы ни было это направленіе, но выдержанность его была рѣшительно небывалымъ еще у насъ и вполне отраднымъ явленіемъ. Сенковскій не читалъ русскихъ журналовъ, но за періодическими изданіями Европы онъ слѣдилъ постоянно. Иностран-ныхъ книгъ и журналовъ онъ читалъ множество. дѣлалъ изъ нихъ извлеченія, переводилъ, передѣлывалъ, выбиралъ то, что слѣдовало перевести. „Не задолго до кончины Сенковскаго, рассказываетъ Дружининъ, — намъ случилось взять изъ его библиотеки коллекцію старыхъ англійскихъ журналовъ, явившихся въ свѣтъ во время наибольшаго успѣха „Библиотеки для Чтенія“. Пробѣгая эти „обозрѣнія“, „магазины“ и періодическія энциклопедіи, мы, такъ-сказать, были перенесены въ мастерскую журналиста Сенковскаго, къ блистательной порѣ его редакторской дѣятельности. Намъ сдѣлался ясенъ главный трудъ его жизни, предъ нами раскрылась вся тихая, темная, никѣмъ неизвѣстная особенность его журнальныхъ занятій. Каждая книжка этихъ забытыхъ, разрозненныхъ, запыленныхъ изданій служить памятникомъ заботливости, неусыпности, трудолюбія, какими обладалъ бывшій редакторъ „Библиотеки для Чтенія“. Всѣ статьи прочтаны, исчерчены справками и дополненіями, указаніями для компиляторовъ, поясненіями для читателя. Во многихъ мѣстахъ, многословныхъ или не близко относящихся къ главному предмету статьи, цѣлыя страницы текста зачерпнуты и замѣнены умнымъ, оживленнымъ сокращеніемъ всего въ нихъ сказаннаго. Почеркъ Сенковскаго, почеркъ такъ намъ памятный, вездѣ пестритъ собою поля книжки, всегда четкій, всегда ровный, всегда щеголеватый. И что замѣчательнѣе всего: и поправки, и сокращенія, и вставки, и прибавленія редактора — *всѣ на англійскомъ языкѣ*, самымъ легкомъ и правильномъ, безъ одной грамматической ошибки, безъ одного сколько-нибудь тяжелаго оборота рѣчи! Сенковскій не хотѣлъ дѣлать своихъ замѣтокъ по-русски, для того, чтобъ его слогъ не составилъ диспарата съ слогомъ переводчика, къ тому же онъ такъ зналъ иностранные языки, что, кажется, ему ничего

не значило даже думать по-французски, по-нѣмецки, по-англійски. Занимаясь своимъ журналомъ, Осипъ Ивановичъ не хотѣлъ признавать въ трудѣ редактора ни излишествъ, ни гибельной роскоши. Пока въ немъ жила энергія, онъ не берегъ себя и не гонялся за отдыхомъ. Немногіе изъ страстнѣйшихъ ученыхъ труженниковъ провели безъ сна столько ночей, сколько ихъ провелъ веселый и остроумный баронъ Брамбеусъ. Онъ не берегъ своихъ силъ, онъ обращалъ ночь въ день и для капитальнаго труда, и для передѣлки плохой повѣсти, и для того, чтобъ подбавить жизни въ мелкія статейки своей смѣси. Никогда не обладая желѣзнымъ здоровьемъ, имѣя всѣ средства беречь себя и трудиться въ мѣру, онъ не думалъ ни о здоровьѣ, ни о раздѣленіи своего нескончаемаго труда съ надежнымъ помощникомъ. Онъ самъ держалъ даже корректуру, и наканунѣ выхода книжки проводилъ день, а нерѣдко и ночь въ типографіи. Выпустивъ книгу, онъ отдыхалъ день или два, а потомъ снова садился за работу; „я былъ и редакторомъ, и сотрудникомъ, и корректоромъ, и подчасъ переводчикомъ“, говорилъ онъ впоследствии.

Что-же сдѣлалъ существеннаго, полезнаго, этотъ неутомимый дѣятель?

Сдѣлалъ онъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, что былъ въ состояніи сдѣлать при другихъ условіяхъ своего личнаго развитія. Главная причина популярности Сенковского заключалась въ его остроуміи, которымъ преисполнены главнымъ образомъ его рассказы и фельетоны. Трескучіе эффекты, остроуміе, юморъ Сенковского были вульгарны, но за то приходились вполне по вкусу читающей массы. Какъ долженъ былъ увлекать эту массу, напр., „Большой выходъ у сатаны“. Эту повѣсть называютъ сатирою на іюльскую революцію. Дѣйствительно, Сенковский въ ней имѣлъ въ виду главнымъ образомъ событія 1830 г., но читатель увлекался не этой основной идеей, а тѣми чисто-площадными остроумными частностями, которыя могли быть нанизаны и на всякую другую идею. Сатана потребовалъ къ себѣ для доклада „оберъ-предсѣдателя мятежей и революцій, перваго лордъ-дьявола журналистики, великаго чорта словесности и главноуправляющаго супружескими дѣлами.—Предсталъ чортъ старый, гадкій, оборванный, отвратительный, съ вьклокоченными волосами, съ однимъ выдолбленнымъ глазомъ, съ однимъ сломаннымъ рогомъ, съ ког-

тами, какъ у гиены, съ зубами безъ губъ. какъ у трупа, и съ большимъ пластыремъ, прилѣпленнымъ сзади, пониже хвоста“. Дѣлая свой докладъ, онъ говоритъ сатанѣ: „подвизаясь за вашу славу, теперь вновь я опасно раненъ, именно въ стычкѣ, послѣдовавшей близъ Кракова, когда съ остатками одной достославной революціи я принужденъ былъ уходить бѣгомъ на австрійскую границу. Если ваша мрачность не вѣрите, то, съ вашего позволенія, извольте посмотрѣть сами... И обратясь спиною къ сатанѣ, онъ поднялъ рукою вверхъ свой хвостъ и показалъ пластырь, прилѣпленный у него сзади. Сатана и все адское собраніе расхохотались, какъ сумасшедшіе. Ха, ха, ха, бѣдный мой оберъ-предсѣдатель мятежей! воскликнулъ мрачный повелитель ада. Кто же тебя уязвилъ такъ безчеловѣчно?—Донской казакъ, ваша мрачность, своимъ длиннымъ копьемъ“ (сочин. Сень., т. I, стр. 396—398). Тремя страницами, на которыя растянута эта пошлость, Сенковский не удовольствовался. Черезъ нѣсколько страницъ тотъ-же бѣсъ, вспоминая свою достославную рану, снова говоритъ сатанѣ: „насъ разбили и разогнали и въ замѣшательствѣ брадатый казакъ, который вовсе не знаетъ толку въ *достославныхъ* революціяхъ, кольнулъ меня жестоко а posteriori, какъ вы сами лично изволили свидѣтельствовать“ (стр. 402). Это самое смѣшное мѣсто въ сатиру на революцію. Когда дѣло доходить до журналистики, то читатель хохочетъ снова, но тоже не надъ журналистикой, а надъ пошлостями, подобными предыдущей. Бѣсъ журналистики, „Бубантусъ, оборотился къ сатанѣ задомъ и поклонился въ поясъ: подъ землею это принятый и самый вѣжливый способъ изъявленія благодарности за приглашеніе садиться. Онъ окинулъ взоромъ залу, и нигдѣ не видя стула, снялъ съ головы своей бумажный, шпицеобразный колпакъ, поставилъ его на полъ, присѣлъ, сжался, прыгнулъ на десять аршинъ къ верху, вскочилъ и сѣлъ на самый флюгеръ его, — сѣлъ удивительно ловко, ибо вдругъ попалъ онъ своимъ gestum на конецъ прутика и воткнулся на него ровно, крѣпко и удобно“ (стр. 410). И почти всѣ, самыя популярныя мѣста „сатиры“ Сенковского были изображеніемъ совершенно неестественныхъ, но смѣшныхъ положеній, и преимущественно физическихъ. Возьмите, напр., одинъ изъ лучшихъ его рассказовъ, „Сантиментальное путешествіе“. Брамбеусъ провалился черезъ кратеръ Этны въ подземный

міръ; летѣлъ, летѣлъ, пробилъ что-то головою, какъ - будто это былъ полъ комнаты. „Свѣтъ исчезъ передъ моими глазами, надъ головою раздался пронзительный крикъ, какъ-бы испуганной женщины, и мое лицо, грудь и плечи были придавлены навалившеюся на меня тяжестью страннаго рода — широкою, теплою, мягкою, которая зажала мнѣ ротъ и пресѣкла дыханіе. Кто-то, казалось, сидитъ на моемъ лицѣ и еще кто-то“... Это губернаторша, на балъ къ которой такъ нечаянно прилетѣлъ Брамбеусъ. „Она кричала: „ай, ахъ, ай, ай, воръ, измѣнникъ, разночинецъ!“ я задыхался и гнѣвно шевелилъ головою, но чѣмъ болѣе дѣлалъ движенія, тѣмъ сильнѣе она меня жала колѣнями, душила и кричала. Съ отчаянія я укусилъ мягкую тяжесть; моя притѣснительница закричала: „ахъ, змѣй, кусается!“ и вскочивъ на ноги, упала въ стоявшія по близости кресла“ (т. II, стр. 221—225). Суть разказа въ томъ, что въ подземномъ мірѣ все идетъ вверхъ ногами, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, хотя Брамбеусъ и сохраняетъ сначала свои надземныя свойства. Жители ходятъ по своему полу, а онъ по ихъ потолку; любовь у нихъ выражается побоями, семейное счастье состоитъ въ невѣрности, идеаль юстиціи — неправосудіе и т. д. Читатели Сенковского, конечно, читали эту повѣсть съ великимъ увлеченіемъ, но едва-ли кто изъ нихъ подозрѣвалъ, что это сатира на Соединенные Штаты!.. Да и самъ Сенковский до того увлекся упомянутыми частностями, что, кажется, совсѣмъ забылъ о своей цѣли, объ идеѣ. Это, впрочемъ, случилось съ его повѣстями нерѣдко. Вотъ другой объемистый разказъ, „Путешествіе ученое“ (т. II, стр. 1—198), разказъ живой, талантливый. Брамбеусъ и одинъ ученый нѣмецъ открыли гіероглифы на устьяхъ Лены и перевели ихъ. Этотъ переводъ, рассказывающій о послѣднихъ дняхъ существовавшего тутъ въ древности царства, составляетъ содержаніе повѣсти. Въ немъ весь интересъ ея. А пѣль, идея? Она изложена на двухъ послѣднихъ страницахъ. Горный чиновникъ разъяснилъ Брамбеусу и нѣмцу, что найденные ими мнимые гіероглифы ничто иное, какъ кристаллы сталагмита. Ученый нѣмецъ и Брамбеусъ укоряютъ другъ друга въ неосмотрительности, но порѣшаютъ тѣмъ, что не ихъ „вина, если природа играетъ такъ, что изъ ея глупыхъ шутокъ выходитъ по грамматикѣ Шампольона очень порядочный смыслъ“ (стр. 198).

Идея, такимъ образомъ, пришта къ повѣсти въ видѣ искусственнаго хвостика. Повѣсть и безъ нея была-бы недурна, но осталась-бы безъ остротъ, а Сенковскій привыкъ острить на каждомъ шагу, острить безъ умолку, ничего не писать безъ остротъ. Остроуміе сплошь и рядомъ превращалось у него въ ремесло, часто не имѣло другой цѣли, кромѣ потѣхи, часто было скучнымъ фокусомъ, наборомъ словъ, лишеннымъ всякаго остроумія. Вотъ, напр., образчикъ подобнаго словоизверженія, претендующаго на сатиру. „Погода ужасна, усы наши обвисли, газеты безъ новостей, черные галстуки угрожаютъ паденіемъ и могутъ увлечь круглыя бакенбарды въ общую развалину, театры представляютъ однѣ только картины и фантази, картины ничего не представляютъ; въ словесности не знаешь куда дѣваться отъ предисловія, въ гостинныхъ отъ лотерейныхъ билетовъ, у себя дома отъ безвременныхъ гостей и историческихъ романовъ, на улицѣ отъ успѣховъ промышленности (!). Рѣка цѣлюю недѣлю несетъ ледъ, проза круглый годъ несетъ вздоръ“ и т. д. (II, 5). Впрочемъ, подобная пустая болтовня находила много почитателей.

Болтовня и неустанное остроумничанье Сенковскаго въ сущности не были безцѣльны. Онъ издавалъ свой журналъ и писалъ для массы, преимущественно для провинціальной, которая не доросла еще до того, чтобы любить серьезное чтеніе. О серьезныхъ предметахъ она могла читать только въ той легкой, фельетонной формѣ, въ какой излагалъ ей свои мысли и свѣденія Сенковскій. Его повѣсти, фельетоны, его потѣшныя рецензіи возбуждали въ этой массѣ неистовый восторгъ. „Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ, писалъ Гоголь, — читаютъ („Библіотеку“) и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: „какъ хорошо пишетъ!“ Помѣщики покупаютъ, подписываются и, вѣрно, читать будутъ“. Мы отчасти уже видѣли, какъ и чѣмъ смѣшилъ Сенковскій свою публику. Его юморъ нерѣдко имѣлъ цѣлью только потѣху, былъ не сатирой, а юмористическимъ фокусничествомъ. Подкладкою-же сатиры у Сенковскаго былъ скептицизмъ; онъ не вѣрилъ, не увлекался почти ничѣмъ и осыпалъ насмѣшками то, чѣмъ увлекались другіе. Политическаго отдѣла въ журналѣ не было и политическихъ вопросовъ Сенковскій касался только мимоходомъ. Какъ скептикъ, Сенковскій съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ относился ко всѣмъ обще-

ственнымъ движеніямъ и въ этомъ случаѣ пѣлъ въ унисонъ съ Гречемъ и Булгаринимъ. Но онъ никогда не предавался фальшивымъ ретрограднымъ восторгамъ, которымъ предавались они. Сенковский въ этомъ отношеніи былъ гораздо искреннѣе ихъ. Его эгоистическій скептицизмъ могъ еще нѣсколько возмущаться безнравственной французской философіей, но восторгаться онъ былъ рѣшительно не въ состояніи. Въ его сердцѣ не было никакихъ общественныхъ чувствъ, ни либеральныхъ, ни ретроградныхъ.

„Было-бы только мнѣ хорошо, а тамъ хоть трава не расти“, вотъ каковъ въ сущности былъ девизъ его... Сенковский пытался дать этому эгоистическому чувству теоретическую подкладку, осмыслить, облагородить его. Но на такое дѣло онъ былъ рѣшительно не способенъ. Врагъ всякаго идеализма, онъ былъ утилитаристомъ, но его утилитарная теорія, какъ и всѣ его теоріи, неопредѣлена, нецѣлостна, полна парадоксовъ. „Адамъ Смитъ, говоритъ онъ,—убилъ „мораль“ и „добродѣтель“ политической экономіею, которая теперь замѣняетъ для общества прежнее „нравоученіе“ или теорію добродѣтели. Этотъ положительный великобританецъ на мѣсто „морали“, которая надѣлала столько зла въ XVIII столѣтіи и въ заключеніе потрясла всю Европу, поставилъ *интересъ*. По его ученію, *трудъ* есть настоящее назначеніе общественнаго человѣка, *интересъ* есть начало труда, *строгая честность* есть наилучше постигнутый интересъ всякаго и корень всѣхъ успѣховъ труда, иначе *кредита*, а кредитъ есть *богатство*. Честь и слава Адаму Смиту! Онъ—геній, гораздо выше Сократа; онъ благодѣтель человѣчества, миротворецъ Европы. Посмотрите, какъ Европа усердно трудится, богатѣетъ, просвѣщается, очищается въ своихъ нравахъ, становится религіознѣе съ тѣхъ поръ, какъ „трудъ“ занялъ мѣсто „умозрѣнія“, „интересъ“ и теорія кредита мѣсто теоріи добродѣтели. Въ лексиконахъ новѣйшихъ языковъ остается еще одно кабалистическое слово, тоже завѣщанное намъ древними умозрителями; слово безъ опредѣленнаго значенія, безъ практическаго смысла; слово гибельное, донинѣ волнующее общества своею непонятностью, которая, естественно, служитъ основаніемъ множеству противорѣчащихъ и сумасбродныхъ теорій: это слово *свобода*. Великій будетъ человѣкъ тотъ, чей геній такъ же удачно замѣнитъ слово *свобода* другимъ словомъ съ положительнымъ практическимъ значеніемъ, какъ А. Смитъ замѣнилъ

слово *мораль* выраженіемъ—*наилучше постигнутый интересъ всякаго*, или *строжайшая честность*—корень кредита, дохода и богатства... Къ чему служило богатство при теоріяхъ добродѣтели? Къ умноженію разврата! Къ чему служить оно теперь, при теоріи труда и наилучше постигнутаго интереса трудящихся? Оно строитъ желѣзныя дороги, осушаетъ болота, разрабатываетъ землю и покрываетъ планету величественными памятниками промышленности человѣка, разливая довольство и уменьшая порокъ въ нижнихъ слояхъ общества. Мораль прошлаго вѣка говорила: „совершенствуй себя“, размышляя возносись духомъ, — и вѣкъ кипѣлъ пороками, сумасбродствами, преступленіями. Нравоученіе нынѣшняго столѣтія говоритъ: трудись, приобрѣтай богатство и употребляй его къ умноженію общественныхъ, т. е. твоихъ собственныхъ удобствъ, — и вѣку некогда предаваться порокамъ, сумасбродствамъ и преступленіямъ“ (Соч., т. IX, стр. 422—424). Въ приведенномъ отрывкѣ Сенковский противорѣчитъ самъ себѣ, искажаетъ теорію, извращаетъ факты, и изъ его изложенія можно вывести двѣ вполне противоположныхъ одна другой теоріи. И онъ по-возможности избѣгалъ разсужденія о подобныхъ общихъ вопросахъ. Въ этомъ случаѣ онъ скептически относился даже къ самому себѣ, не вѣрилъ даже въ собственныя силы. Вотъ, напр., какъ онъ разсуждаетъ о прогрессѣ. „Есть два мнѣнія о ходѣ ума человѣческаго. Одно утверждаетъ, будто умъ человѣческой идетъ впередъ, долженъ идти безостановочно. Другое мнѣніе говоритъ, будто умъ идетъ, идетъ, а потомъ поворачиваетъ назадъ; погода нѣсколько столѣтій, онъ опять начинаетъ идти впередъ; а тамъ опять поворачивается; словомъ, танцуетъ вѣчную польку, вертится, какъ веша въ колесѣ, подвигаясь все на одномъ мѣстѣ. Которое изъ двухъ мнѣній основательнѣе? Доказательства есть за и противъ на оба мнѣнія“. Сенковский излагаетъ эти доказательства, но самъ не рѣшается пристать ни къ той, ни къ другой сторонѣ (IX, 425—429).

Нерѣшительный въ разсужденіяхъ объ общественныхъ вопросахъ, Сенковский былъ еще болѣе нерѣшительнымъ въ вопросахъ литературныхъ. Въ немъ не было не только развитыхъ общественныхъ чувствъ, у него не было даже поэтическаго чутья, вкуса. „Поэтической стороны въ немъ не было, говорить Дружининъ. — Онъ зналъ русскихъ и чужестранныхъ поэтовъ, но никогда не

изучалъ ихъ съ любовью. Онъ хорошо зналъ гомеровы творенія, но они служили ему однимъ предлогомъ для филологическихъ тонкостей и историческихъ гипотезъ, помимо ихъ художественнаго величія. Онъ слѣдилъ за трудами шекспировскихъ комментаторовъ, до подробности зналъ исторію всѣхъ драмъ, Шекспиру приписанныхъ, но и въ твореніяхъ великаго поэта не имѣлъ онъ ни одной драмы, особенно любимой. Такимъ-же холоднымъ казался онъ намъ и въ отношеніи къ своимъ роднымъ польскимъ поэтамъ и къ первокласснымъ дѣятелямъ русской поэзіи. Мы слышали отъ него десятки любопытныхъ разсказовъ про частную жизнь Пушкина, десятки подробностей о мистическихъ причудахъ Мицкевича въ Парижѣ, но намъ не удавалось слышать отъ него ни одного восторженнаго слова по поводу Онѣгина, Каменнаго Гостя, Конрада Валленрода, сонетовъ Мицкевича. Не имѣя поэтическаго чутія, Сенковскій скептически относился ко всѣмъ эстетическимъ теоріямъ. „Критика нашего времени сдѣлалась картиною личныхъ ощущеній всякаго, говоритъ онъ.— О правилахъ нѣтъ и рѣчи. Одно только условіе—нравственность“ (т. VIII, 25). Иногда онъ даже прямо признается, что не понимаетъ даннаго явленія. „Я не знаю границъ, въ которыхъ должна удерживаться историческая драма, пишетъ онъ по поводу произведеній Кукольника и Розена,—ибо границы эти нигдѣ не опредѣлены“ (VIII, 3). Но самолюбіе не всегда дозволяло ему быть столь откровеннымъ, и онъ сплошь и рядомъ говорилъ пелѣности, въ родѣ того, что „историческій романъ есть плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія исторіи съ воображеніемъ“ (т. VIII, 44). Къ одной только новой французской литературѣ Сенковскій относился съ сознательнымъ убѣжденіемъ, видя въ ней ясную, противную ему тенденцію. Въ своихъ нападкахъ на Гюго и Ж. Занда, въ издѣвательствѣхъ надъ ними онъ унижался до самаго грязнаго цинизма. „Во всемъ, что написалъ В. Гюго, говоритъ онъ,—не найдется ни одной честной, невинной и святой мысли. Грѣхъ—его муза, ужасъ его спутникъ, стаи чудовищъ служатъ ему оригиналами“ (В. д. ч., т. XIV). Ж. Зандъ подвергалась постоянно еще болѣе бранчивымъ выходкамъ и служила предметомъ сальныхъ каламбуровъ. Сенковскій ставилъ себѣ въ положительную заслугу, что онъ „возсталъ противъ юной французской словесности, обративъ ум-

ственную дѣятельность молодого поколѣнія къ англійской литературѣ“ (соч., VIII, 254). Дѣйствительно, въ своемъ журналѣ онъ помѣщалъ переводы и обзоры сочиненій Гименсъ, Кольриджа, Диккенса, Тэккерея, Брума, мистрисъ Сомервилъ и др. Онъ болѣе другихъ журналистовъ знакомилъ читателей съ англійскою литературою, но онъ находился въ полномъ самообольщеніи, когда думалъ, что его выходки противъ „юной французской словесности“ оказывали какое-нибудь дѣйствительное вліяніе.

„Сенковскій, говорить его другъ и панегиристъ, Савельевъ, — въриль въ критику, чью-бы то ни было и въ свою особенно, и высказалъ свои мысли объ ней въ первой-же книжкѣ журнала“. Собственно говоря, онъ мало и занимался критикой, а писалъ только критическіе фельетоны въ жюль-жаненовскомъ родѣ. Хорошихъ книгъ онъ почти не касался, а выбиралъ для рецензій преимущественно разную литературную дрянь, безжалостно издѣвался надъ ея авторами, надъ опечатками, надъ неправильностью языка, надъ устарѣлыми выраженіями *сей, оный, поелику* и т. д., которыя онъ гналъ съ ожесточеніемъ впродолженіи десяти лѣтъ и, наконецъ, дѣйствительно изгналъ изъ литературы. Нѣкоторыя изъ этихъ рецензій и первыя главы его „Литературной лѣтописи“ отличаются самымъ бойкимъ остроуміемъ; но большая часть остальныхъ разборовъ — площадное фиглярство, основанное главнымъ образомъ на игрѣ словъ, на коверканіи собственныхъ именъ, на извращеніи смысла не совсѣмъ правильной конструкціи и т. д. Преслѣдуя литературную дичь, Сенковскій въ то-же время увлекался разными бездарными пошлостями, въ родѣ „Черной Женщины“ Греча, сочиненій Бернета, Очкина, Зотова, романовъ Булгарина, который „всегда будетъ занимать высокое мѣсто въ нашей словесности“ (т. VIII, стр. 52) и т. д. Тимофеева онъ приравнивалъ къ Пушкину, Зотова къ Лермонтову и т. д. Разбирая напыщенную до нелѣпности драму Кукольника, „Тассо“, Сенковскій совершенно растерялся и, не зная, какъ оцѣнить ее по достоинству, началъ наудачу хвалить. Сожалѣя о равнодушіи публики къ такому произведенію, онъ говоритъ, что это равнодушіе еще ничего не доказываетъ: точно такъ-же были встрѣчены первыя произведенія Байрона. Разказавъ содержаніе драмы и выписавъ изъ нея нѣсколько „превосходныхъ отрывковъ“, Сенковскій говоритъ: „всѣ эти удивительно поэтическія

мѣста приносятъ величайшую честь поэтическимъ дарованіямъ юнаго нашего Гете... Я такъ-же громко восклицаю: *великій Кукольникъ* передъ его видѣніемъ Тассо и кончиною Лукреціи, какъ восклицаю *великій Байронъ* передъ многими мѣстами твореній Байрона“ (VIII, 15—24). Ничто не доказываетъ, что это была мистификація, хотя впоследствии самъ Сенковский, понявъ грубость своей ошибки, старался выдать ее за мистификацію, объявляя, что онъ въ припадкѣ каприза бросилъ на улицу вѣнокъ, который и упалъ на голову подвернувшася тутъ Кукольника. Что Сенковский скоро разубѣдился въ величій Кукольника, это видно изъ рецензій на другія произведенія послѣдняго, напр., изъ разбора „Рука Всевышняго“ (VIII, 67).

Не понимая Кукольника, Сенковский не понималъ и Гоголя, хотя въ первомъ произведеніи его онъ отнесся благосклонно и писалъ: „Впродолженіи двухъ томовъ вы только и видите, что малороссійскихъ мужиковъ, казаковъ, дьячковъ, мастеровыхъ. Публика г. Гоголя „утираетъ носъ полою своего балахона“ и жестоко пахнетъ дегтемъ, и всѣ его повѣсти, или, правильнѣе, сказки, имѣютъ одинаковую фізіономію. Литература эта, конечно, невысока, эта публика еще одною степенью ниже знаменитой публики поль-де-коковой; однакожь, книга читается съ большимъ удовольствіемъ, потому что она написана слогомъ плавнымъ, пріятнымъ, исполненнымъ непринужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматическія ошибки. Самое замѣчательное качество манеры г. Гоголя—когда г. Гоголь не вдается въ сужденія объ ученыхъ предметахъ—есть то особенное малороссійское забавничанье, та простодушная украинская надсмѣшка, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени и которыя столько-же различны съ англійскимъ юморомъ, сколько съ французскими тюрлюпинадами, или съ тѣмъ, что во Франціи называется *gouguenardise*. Что это отнюдь не *esprit*, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; а тѣмъ, которые принимали манеру автора „Вечеровъ на Хуторѣ“ за *humour*, имѣемъ честь доложить, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ къ ихъ проникательности, что они, повидимому, не имѣютъ яснаго понятія объ юморѣ. Мы настаиваемъ на эти различія, которыя не каждому дано чувствовать въ равной степени, и хотя, слава-богу, не смѣшиваемъ малороссійской потѣхи съ юморомъ Стерна, Лема или Гогга, же-

лали-бъ, однакожь, двухъ вещей: чтобы г. Гоголь не оставлялъ своей манеры, потому-что она оригинальна, забавна и носить неподдѣльный отпечатокъ народности ума, и чтобы другіе не подражали его манерѣ, если они не родились въ Малороссіи, потому-что она такъ-же неподражаема и самобытна, какъ *esprit* и какъ юморъ. Дѣйствующія лица этихъ сказокъ принадлежатъ къ самымъ низкимъ сословіямъ и говорятъ языкомъ, приличнымъ своему званію; при всемъ томъ языкъ этотъ не поражаетъ читателя ни пошлыми оборотами бесѣды въ присядку, ни грубостью, слишкомъ вѣрною черной природѣ. Какъ не полюбить этихъ молодыхъ казачекъ, съ такими круглыми бровями, съ такимъ свѣжимъ и румянымъ лицомъ? Какъ не находить удовольствія въ картинѣ этихъ нравовъ, добродушныхъ, простыхъ, забавныхъ? Самая милая сказка—„Ночь передъ Рождествомъ“; она очень весела, очень *drôle*... вѣрнѣе мы не умѣемъ выразить ея свойства. Здѣсь часто попадаетъ и остроуміе, и вообще вы читаете ее съ наслажденіемъ и любопытствомъ съ начала до конца. „Иванъ Федоровичъ Шпонька“ есть единственная въ цѣломъ сочиненіи повѣсть, въ которой нѣтъ мужиковъ и казаковъ, и она именно столько занимательна, сколько нужно, чтобъ пожалѣть о томъ, что она не кончена“. „Тарасъ Бульба—повѣсть превосходно обдуманная, согрѣтая живымъ чувствомъ, исполненная характернаго мѣстнаго колорита“ (IX, 405). По поводу „Записокъ Сьумасшедшаго“ и другихъ юмористическихъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ „Арабескахъ“, Сенковский отозвался тоже съ похвалою о талантѣ Гоголя. Въ то-же время онъ вполне основательно подтрунивалъ надъ претензіей Гоголя сочинять научныя статьи. „Когда перо автора, писалъ онъ,—встрѣчаетъ предметы смѣшныя, фигуры каррикатурныя, оно является исполненнымъ силы и жизни. Карриатура—преимущество и недостатокъ его дарованія: недостатокъ, когда онъ желаетъ говорить, какъ знатокъ, о предметахъ важныхъ, потому что тогда статьи его выходятъ настоящія каррикатуры на исторію, архитектуру, музыку, живопись, скульптуру... Искренно сожалѣешь, что авторъ обманываетъ себя до того, что хочетъ провозглашать какія-то новыя истины по части наукъ и художествъ, блистать какимъ-то юнымъ слогомъ, быть высокопарнымъ“ (IX, 350). Это безпристрастный и довольно вѣрный отзывъ о научныхъ стать-

хъ Гоголя. Нѣтъ сомнѣнiя, что и въ первой изъ приведенныхъ ами выдержекъ Сенковский, конечно, ошибаясь въ значенiи Гоголя, все-таки былъ вполне искреннимъ и безпристрастнымъ, выказывая свое мнѣнiе о недостаткахъ его повѣстей. Но когда явились „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“, Сенковский уже не югъ относиться къ нимъ безпристрастно; онъ началъ бранить Гоголя и издѣваться надъ нимъ. Разбирая причины этой перелѣтны мнѣнiя, авторъ „Гоголевскаго періода“ приходитъ къ такому выводу: „Баронъ Брамбеусъ имѣлъ двѣ основательныя причины измѣнить тонъ своихъ сужденiй о Гоголѣ. Во-первыхъ, Гоголь явился однимъ изъ главныхъ участниковъ пушкинскаго журнала... Во-вторыхъ, что еще важнѣе, Гоголь былъ авторъ неблагопріятной ему статьи „О движенiи журнальной литературы“. Самъ баронъ Брамбеусъ обнаружилъ третью причину своего нерасположенiя къ автору „Ревизора“: онъ считалъ его, какъ юмористическаго писателя, своимъ соперникомъ. Дѣйствительно, въ одной статьѣ Полевого, поправленной Сенковскимъ, говорится, что друзья Гоголя готовятъ ему гибель, выдвигая его, какъ противовѣсъ Брамбеусу. Однакожъ, нѣтъ основанiя положительно утверждать, что эти личные мотивы руководили Сенковскимъ въ его нападкахъ на Гоголя. Въ то время, какъ Сенковский издѣвался надъ Гоголемъ, онъ, не понимая по-прежнему его важнаго значенiя въ литературѣ, все-таки считалъ его замѣчательнымъ талантомъ и отводилъ ему мѣсто подлѣ Диккенса (IX, 407). Въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“ онъ указывалъ тѣ-же, по его искреннему мнѣнiю, недостатки, какъ и въ первыхъ рассказахъ, которые онъ хвалилъ. Что-же за причина циническаго издѣательства надъ Гоголемъ? Это издѣтельство объясняется главнымъ образомъ полемическою запальчивостью. Поклонники Гоголя, какъ извѣстно, создали въ честь его чуть не культъ, а Б. Аксаковъ въ своей брошюркѣ провозгласилъ его русскимъ Гомеромъ. Для Сенковскаго это было уже черезчуръ. И вотъ его рецензія на „Мертвыя Души“. „Вы видите меня въ такомъ восторѣ, въ какомъ еще никогда не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенiя: объявляю вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какаго еще не бывало ни въ одной словесности. Поэма! Да еще какаяс поэма! Одиссея, Нейстовый Орландъ, Чайльд-Гарольдъ, Фаустъ, Онѣгинъ, съ позволенiя сказать, *дрянь* въ

сравненіи съ этой поэмой. Поэтъ! Да еще какой поэтъ! поэтъ, передъ которымъ Гомеръ, Аріосто, Пушкинъ, лордъ Байронъ и Гёте, съ позволенія сказать, то, чѣмъ Ноздревъ называетъ Чичикова. Это, можетъ быть, превосходить всѣ силы вашего соображенія, но это дѣйствительно такъ, какъ я вамъ докладываю. Никогда еще геній человѣческій не производилъ подобной поэмы. Никогда смертный родъ Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмой не въ шутку. Поэтъ провозглашенъ первымъ современнымъ поэтомъ не въ насмѣшку. Все это, увѣряю васъ, серьезно и очень серьезно. Можно стума сойти отъ радости, если хоть немножко любишь искусство, русскій языкъ и честь своей литературы“. Изъ названія „Мертвыхъ Душъ“ поэмою Сенковскій заключилъ, что и самъ Гоголь считаетъ себя Гомеромъ (IX, 407). Онъ разгорячился до того, что пустилъ даже инсинуацію (до чего онъ почти никогда не унижался), будто-бы брошюрка Аксакова написана по заказу самого Гоголя!..

Такимъ образомъ, литературно-критическая дѣятельность Сенковскаго была вполне неудачна. Онъ не понималъ того важнаго движенія, какое совершалось на его глазахъ въ литературѣ, не понималъ и началъ противодѣйствовать ему. Когда же, для ослабленія его журнальной диктатуры, были основаны „Московскій Наблюдатель“ и „Современникъ“, то Сенковскій началъ бороться съ своими противниками уже не по одному только непониманію, но и по комерческому расчету. Запальчивость доводила его до неблагоприятныхъ выходовъ. Мы уже видѣли, какъ онъ сплетничалъ о Гоголѣ по поводу брошюры Аксакова; теперь посмотримъ, какъ привѣтствовалъ онъ появленіе „Современника“. „Африканскій король ашантиевъ, говорятъ, объявилъ войну Англій и уже открылъ кампанію. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ исходѣ весны, тоже вступаетъ на поле брани“: онъ хочетъ издавать альманахъ или журналъ „Современникъ“. „Этотъ журналъ или альманахъ учреждается нарочно противъ „Библіотеки для Чтенія“: съ явнымъ и открытымъ намѣреніемъ при помощи Божіей уничтожить ее въ прахъ!“ „О вы, которые читаете разные русскіе журналы, скажите намъ по милости, который это уже журналъ возникаетъ съ этимъ благимъ намѣреніемъ? Четвертый, кажется! или пятый?“ „Библіотека для Чтенія“ поставила себѣ правиломъ не вступать въ полемику съ другими журналами; она только по-

звояетъ себѣ увѣдомить публику о программѣ новаго журнала“. „Но съ появленія первой его книжки водворяется глубокое и краснорѣчивое молчаніе: ни слова объ этомъ журналѣ, особенно, если онъ плохъ и смѣетъ еще браниться!“ Журналъ Пушкина будетъ содержать въ себѣ обзорѣнія русской журналистики. Этого не дѣлаютъ англійскіе *Reviews* и французскіе *Revue*s, — слѣдовательно, журналъ Пушкина самъ объявляетъ, что будетъ принадлежать къ „журнальной черни“, которая одна занимается литературною полемикою. „Какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда геній, каковъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, рожденный вить безсмертныя вѣнки на вершинѣ зеленого Геликона, наравъ тамъ горсть колючихъ остротъ, бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы виофанъ, которая объщаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! Берегитесь, неосторожный геній! Послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежитъ Михонское болото, — бездонное болото, наполненное черною грязью! Эта грязь — журнальная полемика, самый нижній и отвратительный родъ прозы, послѣ рифмованныхъ пасквилей“. Быть можетъ, Александръ Сергѣевичъ надѣется придать своему журналу болѣе занимательности войною съ „Библиотекою для Чтенія“, „но онъ ошибается въ расчетѣ: „Библиотека для Чтенія“ никогда не унижится до отвѣта другимъ журналамъ. И зачѣмъ вамъ отвѣчать, друзья? Не лучшей-ли вамъ отвѣтъ — молчаніе? Вообще, не бесполезно знать, что презрѣнія у насъ достанетъ для всѣхъ нападокъ, отъ кого-бы онѣ ни происходили“.

Впрочемъ, надо отдать справедливость Сенковскому, что, за весьма немногими исключеніями, въ родѣ сейчасъ приведенныхъ, онъ не пускался въ личную перебранку, избѣгалъ журнальной полемики и никогда не унижался до роли Булгарина и Греча. Что-же касается литературной критики, то убѣдившись въ своей неспособности къ ней, онъ передалъ ее въ руки Полевого и Губера, хотя и не могъ отстать отъ привычки „поправлять“ ихъ статьи.

Скептицизмъ Сенковскаго въ области научной былъ гораздо самонадѣяннѣе, чѣмъ въ области литературной. Шампольонъ, Кювье, комментаторы Гомера, нѣмецкіе философы, русскіе историки — никто не избѣгалъ скептическихъ нападокъ и насмѣшекъ

Сенковского. Вотъ что, напр., писалъ онъ по поводу полемике аллопатовъ съ послѣдователями Ганнемана. „Удивительно для меня, какимъ образомъ могутъ быть аллопаты, которые вправду сердятся, негодуютъ, пишутъ грозныя книги, вооружаются анафемою на гомеопатовъ и обратно. Полноте, господа, подайте другъ другу руку, помиритесь и смѣйтесь вмѣстѣ, смѣйтесь, что вы лечите людей! Какъ не смѣяться, когда они вѣрятъ вашему знанію и искусству... Смѣйтесь-же надъ нами добряками; вы авгуры, мы — „чернь непросвѣщенна“, которая слѣпо преклоняетъ колѣна предъ вашею чревоушчателною мудростью“ (соч., VIII, 439). Этотъ скептицизмъ долженъ былъ имѣть важное значеніе. Онъ отучалъ людей отъ слѣпого благоговѣнія передъ наукой и приучалъ ихъ къ самодѣтельности. Но Сенковский, разбивая, или думая, что разбиваетъ старыя авторитеты, въ то-же время самъ хотѣлъ прокладывать новыя пути въ наукѣ и дѣлать открытія въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія. Онъ, напр., не удовольствовался, чтобы написать изслѣдованіе о древнемъ гекзаметрѣ (т. VII, 217—230) и разобрать русскіе переводы Гомера, онъ самъ сталъ переводить его по-своему, по-новому, въ такомъ родѣ:

„Про мужа поразскажи мнѣ, муза, преувертливаго, который очень много
Скитался послѣ того, какъ Трои святой городишко разрушилъ“ (VII, 397) и т. д.

При своей самонадѣянности и богатой фантазіи, Сенковский доходилъ до самыхъ чудовищныхъ, парадоксальныхъ выводовъ. въ родѣ того, что лѣтопись Нестора писана по-польски, что еврейскій языкъ отличается отъ китайскаго только интонаціей, что Гомеръ составлялъ свои поэмы на бѣлорусскомъ нарѣчій, что древніе персы говорили тоже по бѣлорусски и гвоздеобразныя надписи ихъ могутъ быть прочитаны только по-бѣлорусски. Какъ ни странны эти парадоксы, они, однакожь, далеко не исключительное явленіе того времени, къ которому принадлежалъ Сенковский. Вельманъ, напр., въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ цѣлую жизнь развивалъ еще болѣе чудовищныя парадоксы и считалъ ихъ великими открытіями. Что-же касается Сенковского, то дойдя разъ до нелѣпныхъ выводовъ, онъ могъ защищать ихъ по одному уже самолюбію и по скептической привычкѣ: „свои выводы, дескать, нелѣпы; положимъ, но ваши выводы развѣ болѣе логичны? вовсе нѣтъ!“ и т. д.

Главнымъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ Сенковского была пѣмецкая „философія, самая мутная, самая глубокая философія, почерпнутая съ самаго дна умственного колодца, которая говоритъ о конечномъ въ безконечномъ, о безконечномъ въ конечномъ, о безконечномъ въ безконечномъ, объ элементахъ человѣческаго слова, абсолютномъ бытіи, объ *я* въ *не я*, о циркуференціи круга, котораго центръ *вездѣ*, а окружность *нигдѣ*, о великомъ Nichts“ (Б. д. Чт., т. XXII). Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ считать эти издѣвательства безцѣльнымъ шутловствомъ. Сенковский въ этомъ случаѣ руководствовался разумной идеей и нападалъ на философію во имя положительнаго знанія. Да и издѣвался-то онъ не надъ философами, а надъ ихъ послѣдователями, которые или дѣйствительно были, или казались ему философскими обезьянами. „Мы, говоритъ Сенковский, — весьма уважаемъ Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, какъ людей геніяльныхъ, какъ великихъ поэтовъ, — Канта даже какъ разсудительнаго и осторожнаго философа, который рѣдко забирается туда, куда уму человѣческому ходить не приказано, подъ опасеніемъ заплатить за попытку потерю здраваго смысла. Они были поэты своего рода, они творили системы, творили свои міры, строя ихъ на тѣхъ законахъ міра видимаго, какіе были извѣстны въ ихъ время. Но главное, они доискивались *истины*; ложными или хорошими путями, но они стремились къ истинѣ и повѣряли свои заключенія многолѣтнимъ и труднымъ сравненіемъ, долгимъ напряженіемъ ума. Они все знали, что человѣкъ могъ знать въ ихъ время, и, по крайней мѣрѣ, имѣли право судить о человѣческомъ знаніи. Что-же ихъ послѣдователи? О, эти и не думаютъ напрягать мысли, сравнивать, повѣрять, добиваться до собственныхъ своихъ умозаключеній. Учиться основательно, мучительно, всему, въ нынѣшнемъ роду извѣстному — на что имъ это! Шеллингъ и Гегель за нихъ учились и думали... Посмотрите, отступники отъ здраваго смысла, жрецы восторженной мудрости, которая отлетѣла съ земли вмѣстѣ съ жизнію Гегеля и умомъ Шеллинга, какъ опасно тащиться въ колеѣ геніевъ, посмотрите на Байрона. Быть можетъ, этотъ примѣръ будетъ для васъ понятнѣе германской философіи. Не то-ли самое мы видѣли въ николѣ Байрона? Какую породилъ онъ тучу подражателей, которые всѣ считали себя Байронами и поэтами, какъ вы считаете себя философами, равными

Шеллингу и Гегелю! Вы сами, стоя сбоку, смѣялись надъ этими карриатурами генія, надъ этими пародіями величайшаго изъ новѣйшихъ *поэтовъ чувства*. Какъ-же вы хотите, чтобы люди со здравымъ смысломъ, глядя на васъ со стороны, не смѣялись теперь надъ вами, когда вы точно такимъ-же образомъ передразниваете великихъ *поэтовъ мысли*? Поглядитесь въ зеркало: вы смѣшны! Обезьяна Банта, надѣвъ на себя его ночной колпакъ и кушая кофе изъ его чашки, тоже считала себя философомъ. Полноте мечтать, господа. Вамъ не суждено быть Шеллингами и Гегелями; такъ изучайте-же природу другимъ образомъ, осторожно, опытно, положительно, шагъ за шагомъ, какъ изучали ее всѣ люди, которые основали науки и раскрыли тайны природы самому Шеллингу и Гегелю. Можетъ статься, вы будете Гумбольдтами, Фарадеями, Гауссами. И знаете-ли, какая прекрасная роль въ человѣчествѣ, — роль Гумбольдта! (Соч., IX, 379—381). Всякая наука, которая, подобно метафизической философіи, недоступна пониманію массы, былъ: противна Сенковскому. Въ статьѣ „Наука и знанія“, излагая доводы защитниковъ науки для науки и утилитаристовъ, Сенковскій рѣшительно становится на сторону послѣднихъ. Онъ зло смѣется надъ старинными учеными, которые не пускали толпы въ свое святилище. „Что-же сдѣлали люди неученные? Они раскланялись съ ученымъ народомъ и рѣшились приступомъ взять святилище наукъ... Прощедшій вѣкъ, который сдѣлалъ наше-ствіе на все, сдѣлалъ его и на науку. Ученые возстали, вооружились, хорошо защищались, сражались такъ храбро, что по мирному трактату за ними оставлена часть неприкосновенныхъ владѣній, куда не позволено входить толпѣ даже и нынѣ. За то завоевали у нихъ многія обширныя и плодоносныя области. Умъ человѣческій принялся дѣлательно обрабатывать ихъ, и мы видимъ плоды завоеванія... Если наука — святое, великое дѣло, зачѣмъ-же вы хотите оттолкнуть миллионы братій вашихъ отъ ея живительнаго источника?.. И не должно-ли ожидать усѣховъ для самой науки, когда къ ней обратятся не сотни избранныхъ, часто безъ призванія, но миллионы призванныхъ, изъ среды которыхъ явятся избранные съ свѣжими идеями, свободнымъ умомъ, сознавая свое призваніе... Мы всегда были и всегда будемъ защитниками практическаго обобщенія науки“ (т. VIII, с. 338—348). Эти благородныя слова должны были имѣть большое значеніе въ

свое время, въ то время, когда не одни поэты, но и ученые говорили толпѣ: „подите прочь, какое дѣло намъ до васъ!“ И Сенковский не ограничивался одними словами. Цѣлью своего журнала онъ ставилъ популяризацію знаній, приготовленіе способныхъ читателей. „Гдѣ училища не успѣли еще приготовить большой массы образованныхъ читателей, говорилъ онъ, — тамъ можетъ дѣйствовать на умноженіе ихъ журналъ, котораго вліяніе медленно, но несомнѣнно“ (т. I, стр. LXXXIII). Сенковский владѣлъ удивительною способностью писать популярно, удобопонятно о самыхъ трудныхъ научныхъ предметахъ, и, благодаря этому, „Библиотека“ была вполнѣ полезнымъ и вліятельнымъ органомъ, посредствомъ котораго масса публики знакомилась со всевозможными отраслями знанія и съ современными успѣхами наукъ. Вотъ, напр., перечисленіе нѣкоторыхъ статей Сенковского, помѣщенныхъ въ „Библиотекѣ“: „Душевные болѣзни“, „Искусственныя минеральныя воды“; „Земной шаръ до потопа, по Кювье“; „Магнетизмъ земного шара“; „Теплота земного шара“; „Галлеева комета“; „Начало рѣкъ и ключей“, „Причины измѣненій земной поверхности, по Ляйелю“; „Г-жа Соммервиль и ея сочиненія“; „Зодчество насѣкомыхъ“, „Чувства и способности рыбъ“; „Статистика средняго человѣка, по Кетле“, „Германская философія“; „Финансы Англіи“; „Свободная торговля хлѣбомъ“; „Железныя дороги“; „Чахотка и ея леченіе“; „Новая сравнительная наука древностей“; „Гиббонъ и Боркъ“; „Новыя путешествія въ Среднюю Азію“; „Скандинавскія саги“, и т. д., и т. д. Популяризація естествознанія была главною заслугою Сенковского, который первый изъ нашихъ журналистовъ сообщалъ публикѣ объ открытіяхъ Фарадея и Грове (VIII, 5—7, 19, 48 и др.), излагалъ теорію единства физическихъ силъ (с. 35—43), знакомилъ читателей съ теоріей Ляйеля (с. 69) и т. д. Всѣ эти статьи, при всей своей популярности, составлялись въ истинно научномъ духѣ; Сенковский въ нихъ не фантазировалъ, не пытался дѣлать мнимыхъ открытій, не пытался блестятъ парадоксами, а, напротивъ, старался пріучать читателя къ точному, положительному мышленію. „Быть можетъ, мы находимся теперь въ точкѣ великаго перелома положительнаго знанія, говоритъ онъ въ одной статьѣ. — Быть можетъ, изъ этого хаоса понятій истечетъ лучъ яркаго свѣта, который озаритъ намъ путь къ великимъ

истинамъ природы. Но пока это наступить, намъ остается только слѣдовать за ходомъ новыхъ наблюдений и открытій и не спѣшить общими выводами“ (VIII, 8).

Такимъ образомъ, журнальная дѣятельность Сенковского имѣла въ извѣстныхъ отношеніяхъ положительное, полезное вліяніе на общество. Своимъ скептицизмомъ Сенковскій приучалъ читателя если не къ самостоятельному мышленію, то, по крайней мѣрѣ, къ мысли о возможности самостоятельнаго мышленія. Онъ доказывалъ, что наука не должна быть ни исключительнымъ достояніемъ ученыхъ, ни цѣлью для самой себя. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ пропагандистовъ въ нашемъ обществѣ положительнаго знанія. Наконецъ, онъ значительно расширилъ кругъ читающей публики и своимъ журналомъ исполнилъ извѣстное пожеланіе кн. Вяземскаго:

«Дай Богъ намъ болѣе журналовъ,—
 Плодять читателей они.
 Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
 Въ чести тамъ грамота, перо,
 Гдѣ грамота, тамъ просвѣщенье,
 Гдѣ просвѣщенье, тамъ добро.»

Въ этомъ отношеніи даже безцѣльное шутовство Сенковского имѣло свое значеніе, развивая это „повѣтріе на чтенье“.

Кромѣ „Библіотеки для чтенія“, Сенковскій работалъ много для плюшаровскаго „Энциклопедическаго словаря“, самый планъ котораго былъ составленъ имъ. Онъ былъ и главнымъ редакторомъ пяти послѣднихъ томовъ этого изданія. Гречъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ по поводу этого изданія о нѣкоторыхъ неблаговидныхъ поступкахъ Сенковского, повѣствуетъ, какъ онъ разорилъ Смирдина, какъ онъ разорилъ Плюшара и т. д. Неизвѣстно, на-сколько правды въ словахъ Греча, но, во всякомъ случаѣ, Сенковскій былъ несравненно выше его во всѣхъ отношеніяхъ и не мало встрѣчалъ въ своей дѣятельности помѣхъ отъ подобныхъ ему людей. „Многія условія, говоритъ Савельевъ,—не дозволяли Сенковскому воплѣ и во всемъ высказаться. Его критики и сатиры навлекали на него бездну непріятностей: печатныхъ полемикъ онъ принялъ за правило не читать.“

„Библіотека для Чтенія“ пользовалась популярностью около десяти лѣтъ. Съ начала сороковыхъ годовъ ея значеніе уже стало падать, такъ-какъ она отстала отъ новаго движенія, даннаго

литературѣ Гоголемъ и Бѣлинскимъ. „Отечественныя Записки“ отгѣснили „Библіотеку“ на задній плапъ. Скоро и самъ Сенковский принужденъ былъ оставить редакцію. Физическія силы его были истощены работою, а лѣтомъ 1848 г. его еще схватила холера, окончательно подорвавшая его здоровье. Оставивъ редакцію, онъ только изрѣдка помѣщалъ въ „Библіотеку“ свои статьи. Ему было предписано полное воздержаніе отъ работы, но живая натура Сенковского была изъ тѣхъ, для которыхъ бездѣтельность хуже смерти. Бросивъ журналистику, онъ обратился къ фотографіи, гальванопластикѣ, музыкѣ, акустикѣ, механикѣ, астрономіи. Онъ не только изучалъ эти отрасли знанія, но и хотѣлъ быть новаторомъ въ нихъ. Въ музыкѣ, напр., онъ задумалъ соединить въ одномъ инструментѣ возможно полный оркестръ, приближающійся къ вокальному хору. Онъ былъ занятъ надъ устройствомъ этого *оркестріона* нѣсколько лѣтъ сряду. „Наконецъ, рассказываетъ его біографъ,—послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ и огромныхъ издержекъ оркестріонъ былъ составленъ изъ сочетанія духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, съ сложною клавиатурою, смычками, мѣхами и нѣсколькими педалями. Но немногіе изъ артистовъ брались играть на такомъ сложномъ инструментѣ, который имъ надобно было нанередъ изучить, какъ новый. Жена изобрѣтателя, страстная къ музыкѣ, побѣдила трудности исполненія и нѣсколько разъ разыгрывала пьесы на оркестріонѣ. Эти пробы были музыкальнымъ торжествомъ Сенковского. Но достигнувъ цѣли и сдѣлавъ инструментъ, онъ охладѣлъ къ нему; увидѣлъ въ немъ недостатки, которые хотѣлъ исправить; потомъ, при переѣздѣ на новую квартиру, онъ разобралъ весь механизмъ, остались отъ него одни пустые шкафы, которые вскорѣ превратились въ шкафы для книгъ, для платья и въ альковъ съ кроватью! Это было въ его характерѣ. Онъ всегда съ жаромъ бросался на новыя знанія и новыя идеи, преодолевая всѣ трудности; но достигнувъ цѣли, уже не дорожилъ приобрѣтеннымъ: его влекло далѣе, къ новымъ путямъ и открытіямъ“. Купивъ себѣ домъ, Сенковский все передѣлалъ въ немъ по своимъ оригинальнымъ планамъ, построилъ изобрѣтенныя имъ печи и т. д. Это стремленіе къ новаторству, выражавшееся какъ въ житейскихъ мелочахъ, такъ и въ высшихъ сферахъ науки, доходило почти до умопомѣшательства. Онъ, напр., составилъ свою систему міра, приложивъ теорію звуковъ къ гар-

моніи міровъ! Онъ доказывалъ, что *гармонія міровъ* вовсе не поэтическая метафора, но что тѣ-же самые законы, которые управляютъ сочетаніемъ звуковъ въ музыкѣ, управляютъ и гармоніей мірозданія. Болѣе полстоны бумаги исписалъ Сенковский математическими выкладками, служащими основаніемъ его теоріи, но текста и выводовъ онъ составить не успѣлъ, будучи оторванъ другими дѣлами. Онъ жилъ роскошно, былъ неразсчетливъ, и его финансовыя дѣла постепенно разстраивались, особенно съ тѣхъ поръ, какъ подписка на „Библіотеку“ стала падать. Бросивъ на время свои ученныя занятія, онъ ударился временно въ промышленныя аферы, вступилъ въ компанію съ однимъ табачнымъ фабрикантомъ. „Пейкеръ запрещалъ все, что я ни напишу, писалъ онъ къ Фурману, — ну, рѣшительно все; не осталось болѣе ничего дѣлать, какъ обратиться отъ литературы къ промышленности, и я записался въ купцы, открылъ табачную лавочку и фабрику“. Но это предпріятіе только окончательно разорило Сенковского, и онъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Въ это время, въ 1856 г., Старчевскій предложилъ ему писать фельетонъ для „Сына Отечества“. Своею остроумной, хотя и пустой болтовней въ „Листкѣ“ „Сына Отечества“ Брамбеусъ привлекъ къ этой газетѣ читателей и положилъ прочное основаніе ея значительному успѣху въ публикѣ. Онъ истощилъ на эту работу свои послѣднія силы. Послѣдній фельетонъ онъ диктовалъ, когда уже началась предсмертная агонія. Онъ умеръ 4 марта 1858 г., 57 лѣтъ отъ роду.

Такъ погибъ одинъ изъ замѣчательныхъ талантовъ, не сдѣлавъ многого, что-бы онъ могъ сдѣлать. Сенковский, впрочемъ, не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Ту-же самую судьбу имѣлъ, напр., Надеждинъ, одаренный не менѣе Сенковского способностями и получившій самоучкою блестящее энциклопедическое образованіе. Да и одинъ-ли Надеждинъ!.. Возьмите, напр., Гулянова, ученаго тридцатыхъ—сороковыхъ годовъ. Онъ составилъ свою систему фізіологіи языковъ и общую грамматику; іероглифы и египетскія древности онъ зналъ, какъ лучшіе египтологи Европы; но, задавшись, подобно Сенковскому, мыслью быть новаторомъ въ наукѣ, онъ взялъ на себя столько трудовъ, составилъ столько плановъ, что ихъ, по замѣчанію Грановскаго, достало-бы на жизнь десяти трудолюбивыхъ ученыхъ. Разстроивъ работою

свои физическія силы, Гуляновъ мучился мыслью, что не успѣетъ обработать собранныхъ имъ матеріаловъ, что они погибнутъ послѣ его смерти, но, кромѣ Грановскаго, онъ никому не показывалъ своихъ трудовъ, опасаясь присвоенія ихъ. „Онъ не молодъ и болѣнъ, писалъ Грановскій въ 1838 г.; — очень можетъ быть, что все это умретъ съ нимъ. Я увѣренъ, что надъ многими его идеями станутъ смѣяться, и въ самомъ дѣлѣ, онъ смѣшны, но между ними есть такія, которыя не во всякую голову влѣзутъ“. Къ подобнымъ-же людямъ принадлежали Вельтманъ, а отчасти и Гоголь. Всѣ они были не въ состояніи оцѣнить размѣра и характера своихъ силъ, а потому и сбивались съ прямого пути. У Сенковскаго, кромѣ того, былъ другой существенный недостатокъ — неразвитость чувства, доводившая его до страшныхъ нелѣпостей при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній и бывшая причиною его полного общественнаго индифферентизма, переходившаго въ эгоистическое отвращеніе къ заботамъ о всякихъ другихъ интересахъ, кромѣ личныхъ. Вслѣдствіе этого индифферентизма, утилитаризмъ Сенковскаго терялъ значительную долю своего полезнаго вліянія. Распространяя полезныя знанія, пріучая читателей относиться критически къ научнымъ авторитетамъ, пропагандируя положительную науку, расширяя кругъ читающей публики, Сенковскій въ то-же время своимъ индифферентизмомъ, своею враждою къ движенію общественной мысли до извѣстной степени помогалъ дѣлу Булгарина и Греча...

С. Славринъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Подъ тропиками. Странствованіе по Венецуэлѣ, на Ориново, въ Британской Гвіанѣ и на Амазонкѣ съ 1845 по 1868 годъ. Карла Фердинанда Аппуна, С.-Петербургъ, 1873.

Этотъ обширный томъ содержитъ въ себѣ разностороннія изслѣдованія малозвѣстныхъ тропическихъ странъ южной Америки и составляетъ замѣчательное явленіе въ новѣйшей литературѣ путешествій. Мѣстность, избранная Карломъ Аппуномъ цѣлью его странствованій, чрезвычайно велика, и на изученіе ея едва-ли достаточно и тѣхъ двадцати лѣтъ, которыя потрачены неутомимымъ и отважнымъ нѣмецкимъ путешественникомъ. Задача его была сопряжена съ затрудненіями не совсѣмъ обыкновенными. Въ наше время путешественнику, быть можетъ, легче странствовать по центральной Африкѣ, руководясь указаніями и открытіями очень многихъ географовъ, чѣмъ блуждать среди первобытныхъ лѣсовъ тропической Америки, извѣстной намъ лишь по летучимъ замѣткамъ Шюмбурга и Александра Гумбольдта, описывавшаго иногда такія страны, которыхъ онъ лично не посѣщалъ. Со стороны туземнаго населенія и фауны тропики южной Америки также едва-ли не менѣе доступны, чѣмъ центральныя страны Африки. Между фауной Африки и тропической Америки существуетъ такая-же противоположность, какъ между мирнымъ африканскимъ негромъ и воинственнымъ индѣйцемъ. Та сомнительная цивилизація, которую пытались навязать индѣйцу южной Америки португальцы, а отчасти и другіе европейцы, еще болѣе затрудняетъ положеніе путешественника въ этой странѣ. Изъ всего сочиненія Аппуна ясно вытекаетъ тотъ грустный, но знакомый всѣмъ путешественникамъ выводъ, что вліяніе бѣлыхъ гибельно отражается на нравственности туземцевъ. Можно принять за общее правило, что чѣмъ изолированнѣе живетъ племя индѣйцевъ, чѣмъ болѣе грубо и дико оно, тѣмъ надежнѣе положеніе путешественника, попавшаго въ ихъ среду. Если племя уединено отъ сношеній съ бѣлыми, то, несмо-

тра на всю его воинственность, оно относится къ путешественнику чрезвычайно добродушно и нерѣдко очаровываетъ его дѣтской добротой, безграничнымъ гостепрѣимствомъ и услужливостью, вполне безкорыстной. Въ своемъ сочиненіи Аппунъ рассказываетъ множество примѣровъ высокой честности и человѣколюбія, которые онъ нашелъ у нѣкоторыхъ совершенно дикихъ и неукротимо воинственныхъ индѣйскихъ племенъ. Разставаясь съ однимъ изъ самыхъ свирѣпыхъ и опасныхъ индѣйскихъ племенъ, Аппунъ, между прочимъ, говоритъ: «я покидалъ въ высшей степени неохотно это прелестное мѣсто, гдѣ я пользовался большимъ гостепрѣимствомъ дѣтски-наивнаго и добраго народа, считаемаго цивилизаціею и дикимъ, и презрѣннымъ, гдѣ прожилъ необыкновенно веселые и беззаботные дни, воспоминаніе о которыхъ воскрешаетъ въ моей памяти счастливѣйшее время моей жизни» (стр. 228). Но далеко не столь пріятныя воспоминанія унесъ Аппунъ изъ странъ приморскихъ индѣйцевъ, которымъ приходилось часто сталкиваться съ португальцами. Коварство, обманъ, ложь, воровство, пьянство, развратъ составляли обычное явленіе у индѣйцевъ, которыхъ коснулась европейская полуцивилизациа и торгашеская политика бѣлыхъ. И индѣецъ, перенявъ эти качества у бѣлыхъ, спѣшилъ добросовѣстно примѣнить ихъ къ каждому путешественнику, съ которымъ онъ сталкивался. Борьба съ такими полуцивилизированными индѣйскими племенами въ высшей степени затрудняла путешествіе Аппуна и не разъ подвергала его жизнь величайшей опасности. Если принять еще въ расчетъ дикій характеръ окружающей природы съ ея хищной фауной, кишашей и въ первобытныхъ лѣсахъ, и среди исполинскихъ пустынь и знойныхъ саваннъ, то легко понять, какихъ трудовъ стоилъ каждый шагъ путешественнику, рисковавшему странствовать по этой мѣстности. Почти невѣроятно, до какой степени затруднительно и опасно было путешествіе Карла Аппуна. Кажется, ни одну минуту втеченіи 20 лѣтъ жизнь его не была въ полной безопасности. Вотъ переправляется онъ въ классической индѣйской широкѣ черезъ бурный потокъ, какъ на пути вдругъ вырастаетъ чудовищный водопадъ, грозящій вѣрной гибелью смѣльчаку, который попытается перешагнуть черезъ него. Страхъ и желаніе какъ можно скорѣе увидѣть новую мѣстность борются въ душѣ путешественника, но онъ колеблется недолго; увлекаемый отвагой индѣйцевъ, онъ смѣло кидается въ пѣнящіяся волны водопада и черезъ нѣсколько минутъ какимъ-то чудеснымъ образомъ снова появляется на поверхности здоровымъ и невредимымъ. Едва миновалъ онъ одинъ водопадъ, какъ уже видѣнъ другой, третій, цѣлый рядъ еще болѣе ужасныхъ и дикихъ водопадовъ, чрезъ которые, однако, путешественникъ проходитъ столь-же побѣдоносно. Но лишь только онъ выходитъ на берегъ, какъ его со всѣхъ сторонъ осаждаютъ самые страшныя, ядовитыя змѣи, которыми такъ богаты тропики южной Америки. Ни днемъ, ни ночью не оставляютъ въ покоѣ эти змѣи злополучнаго путешественника. «Когда я легъ вечеромъ, рассказываетъ

Аппунъ,—въ жилищѣ мирового судьи, въ приготовленную имъ койку, и уже собирався погасить свѣчу, въ пальмовой кровлѣ вдругъ раздался пронзительный пискъ и вслѣдъ за тѣмъ на меня упалъ какой-то длинный, въ нѣсколько дюймовъ толщины, предметъ. Это былъ молодой, илѣвнѣй около 5 футовъ длины, боа-констрикторъ, державшій въ пасти жалобно вопившую мышъ, въ погонѣ за которою онъ сдѣлалъ черезчуръ быстрый прыжокъ и потерялъ равновѣсіе. Съ быстротою молніи швырнулъ я съ постели змѣю и, сосокчивъ па полъ, убилъ ее, причемъ она не выпустила добычу изъ своихъ зубовъ» (стр. 86). Подобныя исторіи со змѣями случались съ Аппуномъ чуть не ежедневно, но всегда какой-то таинственный рокъ во-время спасалъ его и даже помогалъ ему избивать ихъ. Однажды онъ заблудился въ дѣвственномъ лѣсу Ориноко; всякій, кто имѣетъ хотя смутное понятіе о дѣвственномъ тропическомъ лѣсѣ южной Америки, пойметъ, что значить заблудиться въ немъ. Это почти неизбежная, безвыходная смерть отъ голода и изнуренія, если только какой-нибудь хищный звѣрь не сократитъ эти мучительныя и долгія страданія. Но счастье и тутъ не покинуло Аппуна: какими-то судьбами онъ выбрался на божій свѣтъ послѣ долгихъ скитаній, испытавъ цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ приключеній, избѣгнувъ и когтей свирѣпаго ягуара, и змѣй, и голодной смерти, отъ которой его спасали личинки жуковъ, найденныхъ имъ въ сгнившихъ древесныхъ стволахъ. И люди обходились съ Аппуномъ не менѣе сурово; нѣсколько разъ покушались они на его жизнь, но всякій разъ онъ оказывался неуязвимымъ для отравленныхъ индѣйскихъ стрѣлъ, ружей и ножей. Какъ-разъ въ самый моментъ, когда врагъ заносилъ надъ нимъ свою руку, счастливый Аппунъ ускользалъ отъ опасности. Всѣ эти приключенія и событія описаны очень живыми, красивыми и увлекательнымъ языкомъ и потому возбуждаютъ въ читателѣ сильное любопытство. Но, признаться сказать, всѣ они до такой степени необыкновенны и странны для постороннихъ зрителей, что скорѣе походятъ на сказочную шехеразаду, чѣмъ на дѣйствительность. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы заподозрить Аппуна въ преувеличеніяхъ и вымыслѣ; напротивъ, серьезный, положительный тонъ, которымъ проникнуто все его сочиненіе, солидность его познаній, наконецъ самый характеръ его занятій,—естественно-историческія изслѣдованія были исключительной цѣлью его путешествія,—предохраняющихъ отъ безотчетнаго увлеченія игрой воображенія, все это располагаетъ читателя скорѣе вѣрить, чѣмъ не вѣрить Аппуну. Но если-бъ изъ всего рассказаннаго этимъ путешественникомъ хотя половина была истиной, то все-таки его путешествіе—величайшій подвигъ, какой когда-либо совершенъ однимъ человекомъ на пользу науки. Провести 20 лѣтъ вдали отъ цивилизованнаго міра и среди величайшихъ опасностей, не щадя ни жизни, ни здоровья, ни денежныхъ средствъ, производить труднѣйшія науч-

ныя изслѣдованія—эта благородная настойчивость и энергія достойны одного лишь Ливингстона.

Путешествіе Карла Аппуна въ высшей степени плодотворно для этнографіи, зоологіи и ботаники. Его сочиненіе доступно для большинства не посвященной публики; избѣгая специальностей и научной терминологіи, Аппунъ своимъ прекраснымъ изложеніемъ приковываетъ вниманіе читателя къ самымъ сложнымъ и серьезнымъ вопросамъ естествознанія. Его характеристика растительнаго и животнаго міра исполнена жѣткой наблюдательности натуралиста и образной пластичности художника. Необыкновенно хороши нѣкоторыя его картины тропической природы, изображенной во всей ея дикой красотѣ. Этнографическіе наброски значительно слабѣе по производимому ими впечатлѣнію, но за ними нельзя не признать важнаго научнаго значенія. Изъ нихъ выносятся главнымъ образомъ то несомнѣнное положеніе, что быть южно-американскихъ индѣйцевъ, вообще говоря, гораздо счастливѣе или, лучше сказать, сноснѣе, чѣмъ ихъ краснокожихъ одноплеменниковъ, обитающихъ въ сѣверной Америкѣ. Южно-американскіе индѣйцы стоятъ выше своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ. Аппунъ вообще описываетъ ихъ съ самой привлекательной стороны, но продолжительныя наблюденія надъ ихъ умомъ и духовнымъ развитіемъ убѣдили его, что они были совершенно уединены отъ вліянія европейской цивилизаціи. При встрѣчѣ съ племенами внутреннихъ странъ съ ними повторялось то-же, что испыталъ Дю-Шалью во время своего путешествія по центральной Африкѣ, гдѣ, до его посѣщенія, ни одинъ негръ не видѣлъ бѣлаго человѣка. Онъ не возбуждалъ никакого страха въ населеніи, подобно тому, какъ на островахъ, гдѣ впервые появляется человѣкъ, бабочки и птицы доверчиво слетаются къ нему и садятся ему на плечи и на руки. Видъ бѣлаго человѣка возбуждалъ въ туземцахъ только сильное любопытство; они дотрогивались до его лица, тербели, какъ маленькія дѣти, его бороду, но при этомъ, однако, были чрезвычайно услужливы и добродушны. Незамѣтно было ни малѣйшаго признака, по которому можно было-бы обнаружить хотя малѣйшіе слѣды сношеній этихъ племенъ съ бѣлыми. Когда Аппунъ, плѣвившись однажды красотой индѣянокъ, подарилъ имъ нѣсколько нитокъ бусъ, то онѣ приняли ихъ съ величайшей благосклонностью, „и даже, рассказываетъ Аппунъ,—позволили поцѣловать себя, хотя ни одна изъ нихъ не понимала, что это значитъ; смотрѣвшіе-же на насъ индѣйцы разразились приэтомъ громкимъ хохотомъ, потому что поцѣлуи неизвѣстны ни у одного изъ этихъ племенъ“ (т. II, стр. 178). Но замѣчательно, что именно у этихъ дикихъ индѣйскихъ племенъ незамѣтно никакихъ признаковъ того страшнаго вымиранія, которое грозитъ стерѣть съ лица земли сѣверныхъ индѣйцевъ. Вотъ что говоритъ Аппунъ о макучахъ Гвианы: „Судя по тому, что я видѣлъ здѣсь, я могъ усомниться, по крайней мѣрѣ что ка-

сается тропической и южной Америки, въ справедливости мнѣнія, что индѣйская раса должна мало-по-малу вымереть, такъ-какъ во всѣхъ индѣйскихъ селеніяхъ мнѣ всегда приходилось видѣть цѣлую кучу дѣтей. Дѣйствительно, немногія женщины обладаютъ такимъ плодородіемъ, какъ индѣянки, хотя у нихъ почти никогда не рождается двойней. Во все мое девяти-лѣтнее пребываніе среди дикихъ племенъ, мнѣ пришлось слышать только объ одномъ подобномъ случаѣ, за то не проходитъ года, чтобы каждая индѣянка не произвела на свѣтъ одного ребенка. Вообще на каждую женщину приходится отъ восьми до десяти дѣтей, потому что хотя онѣ и выходятъ замужъ въ 12—14 лѣтъ, однако, уже на 25 году становятся безплодными“ (т. II, стр. 109).

Этотъ фактъ даетъ намъ поводъ коснуться одного вопроса, еще и до сихъ поръ возбуждающаго горячіе споры въ ученомъ мірѣ. Дѣло идетъ о томъ, слѣдуетъ-ли считать негровъ, индѣйцевъ и первобытныхъ обитателей южныхъ острововъ за низшую породу человѣческой расы или-же эти дикари по природѣ тождественны съ цивилизованными народами. Последователи перваго мнѣнія ссылаются, на примѣръ, на черепъ негра, въ которомъ они находятъ органическое несходство съ черепомъ европейца. И вѣсъ мозга, и форма черепа у негра и индѣйца не обнаруживаютъ высокаго умственнаго развитія. Конечно, нельзя не согласиться съ учеными, что дикари стоятъ значительно ниже европейцевъ, но, спрашивается, насколько эти недостатки присущи природѣ дикаго человѣка, насколько они составляютъ его исключительную особенность? Недавно французскій антропологъ, Брока, производилъ весьма обстоятельныя изслѣдованія надъ вѣсомъ мозга у различныхъ классовъ европейскаго населенія. Изъ этихъ наблюденій рѣзко обнаружился тотъ фактъ, что вѣсъ мозга замѣтно различается у людей, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества вообще, а въ частности у людей различнаго образованія. На основаніи своихъ изслѣдованій Брока пришелъ къ выводу, что образованіе и культура перерождаютъ органически человѣческую расу. Мы думаемъ, что эти изслѣдованія въ корнѣ разрушаютъ аргументацію ученыхъ, которые хотятъ видѣть въ черепѣ негра и индѣйца признакъ ихъ низшей породы. Нѣсколько большимъ коварствомъ отличается другой доводъ людей, причисляющихъ негра и индѣйца къ низшей породѣ. Такъ-какъ населеніе первобытныхъ обитателей Америки и южныхъ острововъ постоянно убываетъ и даже вырождается, то отсюда многіе путешественники вывели заключеніе, что физическая организація этихъ народовъ заключается въ себѣ какіе-то внутренніе, органическіе пороки, и потому дикари, при столкновеніи съ бѣлыми, одаренными высшей организаціей, должны погибать по закону естественной необходимости, подобно тому, на примѣръ, какъ низшая растительность, впервые возникающая на сушѣ, выдвинутой со дна океана, въ послѣдствіи должна уступить мѣсто растительности болѣе развитой, сильной и соответствующей новой обстановкѣ.

Невозможно отрицать того факта, что население большинства дивных народов очень быстро убывает и съ возрастающей скоростью приближается къ своей конечной гибели. Въ эпоху открытія сѣверной Америки въ ней считалось около 13 милліоновъ жителей индѣйской расы, а теперь ихъ едва наберется 2 милліона. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 1851 году, всѣхъ индѣйцевъ было 388,229, а въ 1858 году число ихъ понизилось до 314,622, такъ что ежегодная убыль простирается до 10,000 человѣкъ (,Schoolcraft. Hist. and Statistical information“, т. I). Въ Новой Зеландіи ежегодная убыль населенія составляетъ 20%, и было вычислено, что въ 2000-мъ году маорійцы должны совершенно исчезнуть. По извѣстіямъ Петермана, съ 1856 года туземное населеніе Австраліи уменьшилось на нѣсколько десятковъ тысячъ, а на Вандименовой Землѣ уже въ 1846 году умеръ ея послѣдній обитатель. На Сандвичевыхъ островахъ населеніе въ 1832 году простиралось до 130,313 человѣкъ, а въ 1853 г. оно равнялось 71,019. Населеніе Таити въ моментъ открытія было 100,000, а въ 1870 г. оно дошло до 5,000! (,Journal of the royal geograph. Society“, т. III, стр. 180). Подобное явленіе замѣчается почти во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ. Для того, чтобы объяснить его, вовсе нѣтъ необходимости надѣлать первобытнаго дикаря низшей физической организаціей, которая заключаетъ будто-бы въ самой себѣ зародышъ смерти. Причины, обуславливающія вырожденіе дикихъ, такъ очевидны и ясны, что ихъ не видитъ только тотъ, кто намѣренно закрываетъ глаза, желая оправдать безобразный способъ дѣйствій бѣлыхъ при столкновеніяхъ ихъ съ дикарями. Кромѣ чрезмѣрныхъ притѣсненій, которыя терпѣлъ дикарь отъ бѣлыхъ и которыя, конечно, оказывали дѣйствіе на уменьшеніе численности дикарей, существуютъ естественныя причины вымиранія дикихъ народовъ. Охотничьи и кочевыя племена ни въ какомъ случаѣ не могутъ уцѣлѣть въ сосѣдствѣ съ народами земледѣльческими; рано или поздно эти племена неизбѣжно вымрутъ, если только они не измѣнятъ образа жизни. Невозможно ничѣмъ оспаривать вполне справедливаго мнѣнія Кери, что дикія племена требуютъ во сто разъ больше мѣста для своего пропитанія, чѣмъ люди мирныхъ привычекъ. Одинъ индѣецъ выразилъ весьма характеристично эту мысль, когда, обратившись къ своему племени, сказалъ: „Развѣ вы не видите, что бѣлые питаются зерномъ, а мы мясомъ? Что это мясо требуетъ болѣе 12 мѣсяцевъ, чтобы поспѣть, и что къ тому-же оно рѣдко? Что каждое изъ тѣхъ чудесныхъ зеренъ, которыя они закапываютъ въ землю, возвращается имъ сторицей? Что мясо, которымъ мы живемъ, имѣетъ четыре ноги, чтобы бѣгать, а у насъ ихъ двѣ, чтобы ловить его, тогда-какъ зерна растутъ и остаются на томъ мѣстѣ, куда закопалъ ихъ бѣлый? Поэтому-то у нихъ много дѣтей и они живутъ долѣе, чѣмъ мы. Итакъ, я говорю каждому, кто хочетъ меня слушать: прежде, чѣмъ погибнуть отъ старости кедры, окружающіе нашу деревню, и сахарный тростникъ

перестанетъ давать намъ сахаръ, поколѣніе маленькихъ сѣятелей зеренъ истребитъ поколѣніе, питающееся мясомъ, если только наши охотники, съ своей стороны, не начнутъ засѣвать поля“ («Müller, Amerikanische Urreligion», стр. 41). Но если это обстоятельство само по себѣ чрезвычайно важно для рѣшенія вопроса о вымираніи индѣйцевъ, то, съ другой стороны, есть еще и другія тому причины, болѣе вѣсскія, обнаруживающія въ истинномъ свѣтѣ ту цивилизацію, которой такъ гордятся европейцы. Невидя въ дикарѣ равнаго себѣ существа, считая его немногимъ выше дикаго звѣря, европейскій колонистъ ничего не считалъ для себя недозволеннымъ или безнравственнымъ по отношенію къ туземцамъ. Клятвопреступленіе, нарушеніе договоровъ, звѣрскія жестокости были самыми обыкновенными орудіями пионеровъ европейской цивилизаціи въ борьбѣ съ первобытными обитателями. Стоитъ только вспомнить о захватѣ или такъ-называемой колонизаціи Новой Зеландіи. Прежде всего европейцы, вступая на новую землю, старались во что-бы то ни стало овладѣть ею и для этого пускались на всевозможные обманы. Такъ отъ племени криксовъ втеченіи 40 лѣтъ оттянуто было болѣе 28 милліоновъ моргеновъ земли; право-же собственности на оставшіяся земли торжественно закрѣплялось за ними при каждомъ договорѣ. Въ заключеніе-же они были истреблены до послѣдняго человѣка правильно организованнымъ войскомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ генерала Джексона, тогдашняго президента Соединенныхъ Штатовъ. Токвилль, между прочимъ, рассказываетъ, что племя осаговъ почти силой принуждено было отказаться отъ 29 милліоновъ моргеновъ земли за 1,000 долларовъ, которые выплачивались имъ втеченіи цѣлаго года («De la Democratie en Amer.», т. III, стр. 123). Но еще возмутительнѣе поступали англичане съ туземцами Новой Зеландіи. Нѣкто д-ръ Морисонъ купилъ тамъ 13 000 моргеновъ за 48 топоровъ. Другой аферистъ купилъ 5 миль самой отборной земли, гдѣ одинъ строевой лѣсъ стоилъ полъ-милліона стерлинговъ, за два жилета и чугунный горшокъ (Lang, New Zeland in 1839). Одинъ новозеландскій путешественникъ („Reise“, т. II, стр. 225) рассказываетъ, что 25 миссіонеровъ присвоили себѣ въ собственность 300,000 моргеновъ, не заплативъ ни гроша. Мы могли-бы привести множество подобныхъ примѣровъ насильственной экспроприаціи туземцевъ. Прежде всего они должны были покидать свои поселенія на приморскихъ берегахъ, а затѣмъ переселяться во внутрь страны все глубже и глубже, по мѣрѣ того, какъ умножались европейскіе колонисты. Даже племя хероковъ, возникавшая культура которыхъ подавала такъ много надеждъ, принуждено было отступить за Миссисипи и оставить всю воздѣланную имъ землю бѣлымъ колонистамъ. Вождь хероковъ, Пестрая Змѣя, такъ характеристично выразился по этому поводу, что мы считаемъ нелишнимъ привести его слова. «Когда бѣлый человѣкъ, сказалъ онъ,—согрѣлся нашимъ огнемъ и насытился нашимъ мясомъ, онъ сдѣлался очень боль-

шинъ, онъ всталъ на вершины горъ и его ноги покрыли равнины и долины, а руки распростерлись до береговъ моря отъ запада до востока. Тогда онъ сталъ нашимъ Великимъ Отцомъ *). Онъ любилъ своихъ красныхъ дѣтей, но онъ говорилъ имъ: посторонитесь немножко съ дороги, чтобы я какъ-нибудь не наступилъ на васъ. Одной ногой стоялъ онъ на краснокожемъ человѣкѣ, а другой попиралъ могилу его отцовъ. Но нашъ Великій Отецъ любилъ все-таки своихъ дѣтей и скоро онъ переимѣнилъ свою рѣчь. Онъ говорилъ много, но смыслъ его словъ всегда былъ одинъ и тотъ-же: сверните немного съ дороги, вы слишкомъ близко стоите около меня. Я слышалъ много рѣчей нашего Великаго Отца, но всѣ онѣ начинались и оканчивались этими словами». Гонимые съ одного мѣста на другое, безъ крова и родины, индѣйцы, естественно, должны были гибнуть. Подъ конецъ они были вытѣснены въ нездоровыя и дикія мѣстности, гдѣ терпѣли страшный голодъ и нужду, подобно лапландцамъ и эскимосамъ на мысѣ Мельвильскомъ. Въ такомъ-же положеніи были и австралійцы. Одинъ австраліецъ сказалъ европейцу: «Вы должны дать намъ. чернымъ, молока. коровъ и овецъ, потому что вы истребили опоссума и кенгуру. Намъ нечего ѣсть и мы голодны» (Вайцъ, *Antropol. der Naturvölk. I*, 183). Одинъ англійскій писатель говоритъ: «мы лишили индѣйцевъ ихъ прежней родины, отняли у нихъ возможность снискивать себѣ пропитаніе посредствомъ охоты и рыболовства, отрѣзали ихъ отъ всѣхъ средствъ къ существованію. которыя дало имъ благое Провидѣніе, и, такимъ образомъ, привели ихъ къ конечной гибели. Но недовольные и этимъ, мы отказываемъ имъ въ правѣ, которое признаемъ даже за преступниками — въ правѣ работать и жить». Если туземцы осмѣлятся потревожить бѣлаго поселенца въ его владѣніяхъ или посягнуть на его собственность, то ихъ преслѣдуютъ, какъ дикихъ звѣрей, и безпощадно избиваютъ. Такъ въ 1860 году индѣйцы въ Калифорніи, доведенные до отчаянія голодомъ, украли быка. Тотчасъ-же снаряжена была толпа вооруженныхъ бѣлыхъ, которые ночью напали на безоружныхъ и спавшихъ индѣйцевъ и умертвили 400 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Фактъ этотъ сообщенъ былъ между прочимъ въ газетѣ «Times», которая прежде всего отличается правдивостью. Подобныя варварства повторялись очень часто. Вильберфорсъ вычислилъ, что подобнымъ образомъ въ одномъ Массачузетсѣ и Коннектикутѣ было истреблено 180,000 туземцевъ (*Hist. of the protest. episcop. church in Amer*). Какъ въ сѣверной Америкѣ, такъ и въ Австраліи, поселенцы не оказывали никакой пощады туземцамъ. По словамъ Чуди, въ южной Америкѣ португальцы имѣютъ специально выдрессированныхъ собакъ для охоты за индѣйцами. Въ сѣверной Америкѣ были охотники, которые скальпировали каждого

*) Такъ называютъ индѣйцы президента Соединенныхъ Штатовъ.

убитаго индѣйца. Чтобы скорѣе покончить съ дикими, бѣлые прибѣгали къ самой утонченной жестокости. Вайцъ рассказываетъ, что правительству Соединенныхъ Штатовъ даже представленъ былъ формальный проектъ объ истребленіи индѣйцевъ. Португальцы южной Америки намеренно оставляли въ лѣсахъ платья лицъ, умершихъ отъ оспы и скарлатины, зная, что дикіе присвоятъ эти платья и. такимъ образомъ, болѣзнь распространится между ними. Не менѣе губительны для туземцевъ были торговые сношенія ихъ съ бѣлыми. Въ Азіи бѣлые распространяютъ опій, къ индѣйцамъ-же Америки и южныхъ острововъ ввозятъ водку, а приморскихъ туземцевъ южной Америки опиваютъ ромомъ вмѣстѣ съ опиумомъ или индѣйскимъ перцомъ, какъ говоритъ Апунъ. Спиртные напитки производятъ страшное опустошеніе между индѣйцами и высасываютъ ихъ послѣдніе жизненные соки. Индѣйцы сами очень хорошо понимаютъ это и одинъ изъ ихъ депутатовъ, между прочимъ, сказалъ президенту Сѣверо-американскихъ Штатовъ въ общественномъ собраніи: «когда впервые появились на нашей землѣ наши бѣлые братья, предки наши были многочисленны и счастливы. по со времени ввоза губительнаго спиртнаго яда, мы уменьшились въ числѣ, обѣдѣли и стали несчастливы». Пьянство разслабляло физическія силы народа и кромѣ того предрасполагало къ цѣлой массѣ пороконъ и болѣзней, которые прежде были совершенно неизвѣстны туземцамъ. На Таити, Сандвичевыхъ островахъ и приморскихъ берегахъ туземныя женщины вслѣдствіе пьянства обратились въ проститутки и, переставъ рождать дѣтей, погибали отъ сифилиса. Перемежающаяся лихорадка, сифилисъ и, особенно, оспа производили сильное опустошеніе между туземцами и истребили въ Америкѣ и Австраліи цѣлыя племена. Къ этому присоединилась та страшная истребительная война, которая началась со времени открытія Новаго Свѣта и продолжалась безъ перерывовъ до настоящаго времени. Жестокость, съ которою велась эта война, навсегда ляжетъ пятномъ на цивилизованной Европѣ. Прежде всего были истреблены гуанхи, затѣмъ жители вестъ-индскихъ острововъ; мексиканцы и другія племена не избѣгли также меча бѣлыхъ, и, наконецъ, теперь очередь дошла до обитателей южной Америки, Австраліи и приморскихъ обитателей тропической Америки. Къ сожалѣнію, Апунъ умалчиваетъ въ своемъ сочиненіи о тѣхъ безобразіяхъ, которыя совершались въ южной Америкѣ португальцами. Но Апунъ сообщаетъ очень много фактовъ систематическаго развращенія туземцевъ, совершающагося подъ покровомъ торговыхъ сношеній. Вотъ, наприимѣръ, что рассказываетъ онъ о гоахирахъ южной Америки: «Разъ въ недѣлю имъ дозволено приходитъ въ пограничныя форты венецуэльцевъ для мѣны лошадей, рогатаго скота, рыбы, плетеныхъ кожаныхъ уздечекъ и меду на ромъ, кукурузу, красную и шерстяную матерію, ножи, бусы и т. д. Въ продаваемый имъ ромъ предварительно прибавляютъ сильную дозу гвинейскаго перцу или даже опиуму, съ тою цѣлью, чтобы индѣйцы въ опьяненіи отдавали свой товаръ за бездѣвокъ. Муж-

чины (гоахиры) ходять полунагіе, въ одной рубахѣ и короткихъ штанахъ, женщины-же, большею частію, прикрыты лишь передникомъ или легкою короткою юбкою... Ни одинъ приходъ индѣйцевъ въ фортъ не бываетъ безъ того, чтобы дикари не объявляли до безчувствія, благодаря обилію въ окрестностяхъ форта пульперій, гдѣ гоахиры обмѣнивають на ромъ большую часть своихъ товаровъ. Молодые дѣвушки этого племени отличаются красивыми чертами лица и роскошными формами тѣла; отцы нерѣдко продають своихъ дочерей венецуэльцамъ, и съ этою цѣлью держать ихъ въ холѣ, чтобы показать товаръ лицомъ» (т. I, стр. 270). Итакъ, вотъ что приносятъ туземцамъ сосѣдство съ цивилизованными бѣлыми и вотъ почему индѣйцы, обитающіе внутри материка, сохранили свою естественную свѣжесть и не только не вымирають, какъ ихъ сѣверные и береговые соплеменники, но, напротивъ, сильно размножаются, по словамъ Аппуна. Эти племена лучше всего опровергають собой теорію, низшей организаціи дикарей, — теорію, которая была придумана для того, чтобы объяснить вымираніе туземцевъ, приходящихъ въ столкновение съ бѣлыми. Мы думаемъ, что приведенные нами факты ясно обнаруживаютъ истинныя причины этого вымиранія. Принявъ ихъ во вниманіе, мы не найдемъ ничего удивительнаго, что туземцы при своемъ столкновеніи съ бѣлыми утратили всякое довѣріе къ своимъ силамъ, любовь къ жизни и энергію, что самоубійства, и въ особенности дѣтоубійства возрастають у нихъ въ такой степени, что Лионъ считаетъ это обстоятельство вполне достаточнымъ для того, чтобы объяснить столь чувствительную убыль въ туземномъ населеніи Австраліи. Отрицая нелѣпныя воззрѣнія писателей, которые говорятъ, что европейская цивилизація сама-по-себѣ губительно вліяетъ на дикаря, что она умерщвляетъ его своимъ ядовитымъ дыханіемъ, однимъ своимъ прикосновеніемъ, мы должны признать, что не европейская цивилизація, но алчность и жестокость цивилизованныхъ бѣлыхъ привели обитателей Новаго Свѣта на край гибели. «Только грубое искаженіе исторической истины, говоритъ Вайцъ, — заставляетъ Скулькрафта видѣть въ борьбѣ индѣйцевъ съ бѣлыми борьбу варварства противъ цивилизаціи; напротивъ, это борьба права съ насиліемъ, безпомощной близорукости и слабости съ утонченнымъ коварствомъ и хищничествомъ».

Пережитое. Разказы, очерки, сцены и стихотворенія. Н. И. Куракина.
Изданіе третье, значительно дополненное. Спб., 1874.

Хотя разказы г. Куракина являются третьимъ изданіемъ, какъ гла-
силь обложка, но, по всей вѣроятности, большинство читателей встрѣтъ
съ нами въ первый разъ слышать имя этого автора. При той вялости,
съ какой наше общество слѣдитъ за текущей литературой, книга, выдер-

живающая три изданія, должна непремѣнно представлять собой явленіе выдающееся, и потому молчаніе критики о произведеніяхъ г. Куракина насъ поразило и мы чувствовали нѣкоторую неловкость, впрочемъ, только до тѣхъ поръ, пока не раскрыли его книги и не прочли въ ней первой страницы. Г. Куракинъ обладаетъ весьма разнообразными талантами: онъ пишетъ повѣсти, стихи, водевили, сцены всевозможныхъ сортовъ, шуточные и печальные, съ гражданскими мотивами и просто безъ всякихъ мотивовъ. Но на г. Куракинѣ вполне подтверждаются слова одного писателя, замѣтившаго, что обладать многими талантами—значить не имѣть никакого таланта. Кромѣ двухъ коротенькихъ очерковъ остальное содержимое его книги ниже всякой критики и намъ остается лишь пожать плечами, смотря на обложку, на которой красуется «третье изданіе». Кто могло плѣнить его безвкусное стихокропательство или его водевильныя упражненія, въ которыхъ каждая строчка обличаетъ собой бездарность, одержимую страстью къ сочинительству. Вотъ, напримѣръ, образчикъ поэтического творчества г. Куракина изъ его элегическаго стихотворенія названнаго имъ „Послѣдняя весна“ (стр. 85):

Природа празднуетъ; ожившіе лѣса
 Одѣлись въ новый зеленѣющій уборъ...
 Свободно дышетъ грудь, и, нѣги полный, взоръ
 Вперяется въ безоблачныя небеса.

.
 Забывшись, я смотрю въ сосѣдній домъ,
 Гдѣ весны ровесница жила;
 Я съ дѣтства съ нею былъ знакомъ,
 Любилъ ее... но вотъ въ постель слегла!..
 Открыли ихъ балконъ, и, близъ окна,
 Передо мною вновь явилася она,
 Я жадно такъ смотрѣлъ, не узнавалъ...
 Цвѣтущее лицо, что юностью цвѣло,
 На поцѣлуй манило и звало,
 Мертвѣло; я душой страдалъ,
 Страдалъ не отъ того, что собственное горе
 Меня осилѣло,—я къ горестямъ привыкъ... и т. д.

Ради Бога, что это такое? Мы не говоримъ объ избитости содержанія этой курьезной элегии, восплѣвающей «ровесницу весны, слегшую въ постель», но развѣ это стихи? Стихотворецъ, неспособный работать головой, долженъ, по крайней мѣрѣ, работать ухомъ и щадить слухъ читателя. Но г. Куракина не выручаетъ ни этотъ послѣдній, ни высшій органъ творчества. Вотъ, напримѣръ, другое его стихотвореніе: «Perpetuum mobile»:

Все въ свѣтѣ движется, живетъ,
 И только форму измѣняетъ,

Былынка (?).—та не исчезаетъ
И въ образъ иномъ цвѣтеть.

Въ концѣ всего—могла ждать (кого?),
Земля въ объятія принимаетъ (кого?),
Затѣмъ все снова возрождаетъ (кто?)
И вновь опять уже все иреть.
Мелькнуть года, вѣка *пройдутъ*,
Но свѣтъ лишь только то узнаеть,
Изъ пѣдръ земли что откапаеть,
И въ старомъ новости *найдутъ* (кто?).

Очень жаль, что безтолковость логическаго мышленія г. Куракина не позволяетъ намъ проникнуть въ смыслъ этой глубокомысленной философіи, облеченной въ стель аляповатую форму. Но сколько мы понимаемъ г. Куракина, онъ воображаетъ, что былынка можетъ цвѣсти въ различныхъ образахъ и что все уходитъ въ землю и возвращается только изъ земли, какъ единственной стихіи, съ которой связана судьба вселенной. Можемъ увѣрить г. Куракина, что эта философія совершенно нова и пока раздѣляется только имъ и никѣмъ болѣе. Всѣ остальные стихотворенія г. Куракина отличаются изумительнымъ безвкусіемъ поэтической концепціи и смѣшной мелочностью идеѣ. Таково его стихотвореніе: «Ты помнишь-ли?», обращенное къ товарищу его дѣтства. Вотъ какія воспоминанія удѣляли въ головѣ г. Куракина изъ всей поры его дѣтства:

Ты помнишь-ли всю грусть прощанья
И тотъ послѣдній дѣтства день?
Везли учиться... страхъ и *лень* (?)
Смѣнили всѣ очарованья...

Ты помнишь-ли?

Тотъ день, когда въ мундирѣ новомъ,
Надѣтомъ только въ первый разъ,
Къ роднымъ спѣши на показъ
Мы съ гордымъ и веселымъ взоромъ.

Ты помнишь-ли?

Потомъ, когда сошлисъ съ тобою,
Забывши *прочій* школьный кругъ,
Я сталъ тебѣ товарищъ, другъ,
Что говорили межъ собою.

Ты помнишь-ли?

Гостиница, время какъ дѣляли;
Свободной пельзуясь порой,
Какъ потихоньку мы съ тобою
Табакъ въ трубу тогда курили.

Ты помнишь-ли? и т. д.

Затѣмъ въ томъ-же грустномъ, элегическомъ тонѣ авторъ вспоминаетъ, какъ ихъ „обонхъ въ карцеръ заперали“ и какъ „въ углу они стояли“. Нечего сказать, сюжеты достойные поэзіи!..

Но и въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ г. Куракинъ безъ стиховъ ни на шагъ. Дѣйствующія лица въ его «оригинальномъ водевилѣ» („Лишняя комната“) нѣтъ-нѣтъ да и затрепачать стихами во вкусъ александринскаго райка, отчего, однако, нелѣпость самаго водевиля несколько не скрашивается. Отъ водевиля, по рутинѣ, идеи никакой не требуется, но отъ него требуется, по крайней мѣрѣ, занимательность интриги, веселый юморъ, забавность. Дѣйствующія-же лица г. Куракина тѣмъ только и забавны, что подчасъ городятъ что-то совсѣмъ несообразное, хотя авторъ не безъ искусства надѣлялъ ихъ чалой театральной внѣшностью и казенными приемами. Одно изъ его дѣйствующихъ лицъ здороваётся съ другой персоной слѣдующемъ стихомъ, написаннымъ, очевидно, подъ тактъ балалайки:

Мое уваженье
Позвольте принести,
Примите почтенье,
Но дайте присѣсть и т. д. (стр. 191).

Монологъ другой персоны прерывается ни къ селу, ни къ городу, длиннѣйшимъ и притомъ безграмотнымъ стихотвореніемъ:

Если только въ смыслѣ строгомъ
Взять мужей всѣхъ *ни подрятъ*,—
Кто-жь не грѣшенъ передъ Богомъ... и т. д. (стр. 210).

Въ ряду рассказовъ г. Куракина привлекаетъ особенное вниманіе одинъ („Находка“), какъ нѣчто чрезвычайно жалкое, избитое и бездарное. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что нѣкій чиновникъ Вѣлбровъ отличался прикѣрнымъ прилежаніемъ и канцелярской исправностью, но, обладая этими качествами, онъ не могъ осуществить своей завѣтной мечты — достигнуть поста столоначальника. „Дороги къ его повышенію, говоритъ г. Куракинъ,—не перебѣгалъ заяцъ, а что-то заколодило“ (стр. 87). Наконецъ, сама судьба сжалилась надъ Вѣлбровомъ и неожиданно увѣнчала его канцелярскія добродѣтели почетнымъ титуломъ. Дѣло въ томъ, что однажды начальникъ его канцеляріи обронилъ записку, собственноручно адресованную имъ къ своей метрессѣ, m-me Pigeon. Вѣлбровъ подымаетъ эту записку, относитъ ее къ генеральшѣ и при этомъ проситъ ее походатайствовать о своемъ повышеніи. Генеральша, однако, встрѣчаетъ очень сухо услужливаго чиновника и послѣ самыхъ униженныхъ просьбъ его, повелительно говоритъ ему: „удалитесь“, что и исполняетъ оторопѣвшій Вѣлбровъ. Но, прочитавъ письмо, написанное на французскомъ языкѣ, генеральша полюбопытствовала узнать, извѣстно-ли содержаніе этого письма чиновнику, и потому снова призываетъ къ себѣ Вѣлброва; она говоритъ ему, что рѣшается принять участіе въ его горь-

комъ положеніи, но предварительно желаетъ узнать, знакомъ-ли онъ съ какии-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Опасенія генеральши оказались напрасными, ибо, хотя Бѣлобровъ, снѣдаемый похвальнымъ любопытствомъ, распечаталъ письмо и жаждалъ проникнуть въ его смыслъ, но не успѣлъ въ этомъ, такъ-какъ рѣшительно не зналъ французскаго языка. и чистосердечно, хотя не безъ страха, сознался въ этомъ ея превосходительству. Обрадованная генеральша даетъ слово Бѣлоброву вознаграждать его какъ за услужливость, такъ, конечно, и за его невѣжество во французскомъ языкѣ. Черезъ нѣсколько дней Бѣлобровъ получаетъ желаемый постъ въ той-же канцеляріи и подъ начальствомъ того-же генерала, слегшаго, однако, на нѣсколько дней въ постель. Вотъ и все содержаніе „Находка“ г. Куракина. Никакого таланта въ обрисовкѣ характера не замѣчается, но авторъ, очевидно, претендуетъ на остроуміе и игривость. Такъ, рассказывая о томъ, что Бѣлобровъ былъ жильцомъ нѣкоей Каролины Ивановны, державшей въ качествѣ кухарки безносую чухонку, г. Куракинъ прибавляетъ: „Впрочемъ, жильцы Каролины Ивановны были довольны прислугой, мало обращали вниманія на носъ кухарки, *вѣроятно, потому, что у всякаго изъ нихъ былъ въ виду свой обожаемый носикъ*“ (!) (стр. 89). Къ этому можно прибавить еще, что г. Куракинъ относится къ негодяю Бѣлоброву съ искренней симпатіей, заставляетъ его дѣлать гадости совершенно безрасчетно. Авторъ смотритъ на поступокъ своего героя, распечатавшаго чужое письмо, безъ всякаго внутренняго омерзенія и искренно радуется съ своимъ Бѣлобровомъ, что послѣднему удалось такъ выгодно пустить въ оборотъ свою подленькую наклонность.

Въ книгѣ г. Куракина мы нашли только два очерка, достойныхъ печати. Первый очеркъ. „Изъ записокъ судебного пристава“. былъ-бы весьма недуренъ, если-бъ авторъ, не мудрствуя лукаво, рассказывалъ просто событія своей жизни и не вдавался въ анализъ своихъ ощущеній; второй-же, „Изъ путевыхъ впечатлѣній“, положительно хорошъ. Въ качествѣ судебного пристава, авторъ имѣлъ возможность наблюдать обыкновенную жизнь всевозможныхъ слоевъ общества съ самой существенной и характерной стороны. Нѣсколько избитый типъ лютаго домовладѣльца, очерченъ авторомъ довольно живыми красками, и вся эта сцена проникнута тономъ искренней, задушевной грусти. Разсказъ о невѣжественномъ «аблакатѣ» очень хорошъ и вполне современенъ. Плутуватый аблакатъ изъ крестьянъ сталкивается однажды съ своимъ землякомъ, отпѣтымъ пьяницей, только-что потерявшимъ мѣсто у одного легковаго извозчика и подвергшимся штрафу въ 5 руб. за прогуль. Аблакатъ предлагаетъ извозчику Ивану взыскать деньги чрезъ посредство мирового и, получивъ его согласіе, подаетъ прошеніе въ тотъ моментъ, когда хонянинъ Ивана уѣхалъ на-время съ своей квартиры, но формально не заявилъ объ этомъ мѣстной полицейской власти. Прежде всего аблакатъ уве-

личилъ искъ съ 5 до 30 рублей, и затѣмъ научаетъ сына отсутствовавшего хозяина принять повѣстку мирового, которому „подлецъ Иванъ“ подалъ просьбу на его отца. Все это устроилось благополучно и мирового судья постановилъ приговоръ о взысканіи съ старика-извозчика 30 руб. Получивъ исполнительный листъ, аблакаты являются съ нимъ къ Ивану и объявляютъ ему, что дѣло плохо, хозяинъ пріѣхалъ, да и цифра сказана облыжно. „Того и гляди самхъ потянуть,“ говоритъ аблакаты. — „Ишь ты! что же таперъ дѣлать?“ со страхомъ спрашиваетъ Ванюха. — „Да что ужъ тебя пугать? заварилъ я кашу, одинъ и расклебывать буду“, отвѣчаетъ аблакаты, и затѣмъ предлагаетъ Ванюхѣ вести исполнительный листъ къ ногаіусу и написать на этомъ листѣ передаточную надпись, въ силу которой исполнительный листъ переходитъ въ собственность аблакаты. Такимъ образомъ, аблакаты оскобсждаютъ струсувшаго Ивана отъ отвѣтственности, „да еще, говорятъ аблакаты, — въ правявокъ для поддержки своей коммерціи, ради своего слова, плачу тебѣ три рубля изъ собственныхъ денегъ“. Ванюха съ радости сталъ креститься, обнимать и цѣловать своего благодѣтеля. Дѣло дошло, наконецъ, до описи имущества, такъ какъ старикъ-хозяинъ не въ состояніи былъ уплатить взыскиваемой съ него суммы. Ничего не поппная, что вокругъ него происходитъ, онъ является то къ судбисму приставу, то къ мировому судѣ и клянется, что «никакого долга не имѣетъ и отъ роду въ судахъ не бывалъ». Но судья отвѣтилъ, что онъ не можетъ взмѣнить своего рѣшенія, такъ-какъ оно вошло уже въ законную силу; уважительныхъ же поводовъ къ пересмотру дѣла не было, ибо отвѣтчикъ числялся ео все время своего отсутствія на жительствѣ въ томъ же домѣ, откуда вызывался въ судъ. Между тѣмъ наступилъ день продажи дрожжекъ старика — его единственнаго имущества. Аблакаты не дремлетъ и тотчасъ отправляется къ „маклакамъ“, объявляетъ имъ, что дрожки стоятъ, для кого нужны, 70 р., а продаваться будутъ съ 30 р., и потому, если они не желаютъ, чтобъ онъ набивалъ цѣну, то пусть дадутъ ему отступного 15 р. Маклаки разсудили, что имъ, дѣйствительно, выгодна эта сдѣлка и потому они выдали изъ своей артельной кассы требуемую сумму и купили. Благодаря этому, дрожки за 33 рубля. „Несчастный старикъ, разсказываетъ авторъ, — и безъ того поставленный въ отчаянное положеніе изысканіемъ съ него ни за что, ни про что 30 р., былъ пораженъ, когда узналъ, что дрожки его проданы за такую ничтожную цѣну. — „Батюшки-свѣты! кормильцы мои! за что-же вы меня, старика, обижаете? Православный вы народъ или нѣтъ?“ говорилъ онъ, рыдая и помпуптно цѣпляясь то за одного, то за другого маклака, которые тащили изъ-подъ навѣса свою попку. — „Вѣдь за дрожки эти я въ лѣто 90 руб. заплатилъ, свои послѣднія трудовыя деньги внесъ. Сусѣдъ мой сейчасъ дастъ за нихъ 75 р. Пообождите маленько, блаженные, угваривалъ маклаковъ бѣдный старикъ, все лицо котораго было облято слезами, — вѣдь тутъ пропадетъ бо-

лѣе половины моего достоянiя," добавилъ онъ. — „Поздно старикъ! чего прежде-то зѣвалъ?“ отвѣтилъ ему хладнокровно одинъ изъ маклаковъ. Между тѣхъ появилась и лошадь, которую впрягли въ дрожки. Когда двинулись съ двора, обезумѣвшаго старика пасику могли оторвать отъ нихъ. — „Что-же ты, старина, не пригласилъ ко времени продажи своего сосѣда?“ спросилъ я убивающагося отвѣтника. — „Родимый мой, гдѣ-же мнѣ было знать это? Дуналь, что соберется народъ праведный, дадутъ побожески, анъ вышло, что всего лишился. Остался вотъ съ одной старої влячепкой, да съ сапями. Что наживалъ годами, теперь всего лишился!“ съ отчаянiемъ махнувъ рукой, проговорилъ старикъ“ (стр. 58).

Въ другомъ очеркѣ г. Куракина описывается выборъ старшины въ одноѣ повгородскомъ селѣ. Очеркъ этотъ можетъ быть названъ лучшимъ во всеї книгѣ, отчасти, быть можетъ, потому, что онъ слишкомъ коротокъ, и авторъ не успѣлъ излить всѣхъ своихъ личныхъ ощущенiй, во время прервавъ ихъ точкой. Ощущенiя эти сами по себѣ чрезвычайно странны. Авторъ умиляется тѣмъ, напримѣръ, что крестьяне, въ избыткѣ благодарности къ своему бывшему старшинѣ, пали предъ нимъ на колѣни и слезно стали молить его остаться старшиной и на слѣдующiй годъ.

Памятная книжка с.-петербургской губернiи, составленная секретаремъ статистическаго комитета А. Ф. Елчичежъ, изданная по распоряженiю комитета. С. Петербургъ, 1874 г.

Въ прошломъ году мы имѣли случай высказать мнѣнiе о полезномъ значенiи подобнаго-же труда г. Елчича. Предпринятое имъ въ настоящее время описанiе с.-петербургской губернiи отличается отъ предъидущаго болѣе подробнымъ развитiемъ статистическаго матерiала о промышленности губернiи. Къ сожалѣнiю, намъ снова приходится сдѣлать г. Елчичу тѣ-же упреки, которые высказаны были нами по поводу его прежняго труда. По самому характеру статистики, она не требуетъ отъ автора особеннаго таланта популяризацiи, чтобы заинтересовать собой читающую публику. Яркость классификацiи, рельефная группировка цифръ оживляютъ лучше всякихъ словъ и теоретическихъ разсужденiй смыслъ статистическихъ выкладокъ, но если у автора нѣтъ этихъ простыхъ качествъ, слова и теоретическiя соображенiя неизбѣжны для иллюстрацiи статистическихъ данныхъ.

Статистическiя цифры не заключаютъ въ самихъ себѣ цѣли; статистика но есть наука, это только методъ, извѣстный способъ аргументацiи. Какъ-бы ни была велика масса собранныхъ цифръ, но онѣ безплодны, пока за ними не видно идеи или пока ихъ можно пертѣть на разные лады и

извлекать изъ нихъ безчисленное множество противоположныхъ выводовъ,— что народъ умираетъ и рождается, что онъ заключаетъ браки, что онъ работаетъ. Если лаконизмъ г. Елачича и его безцвѣтная классификація статистическаго матеріала значительно суживаютъ кругъ его читателей, то для кабинетныхъ специалистовъ его работа, безъ сомнѣнія, имѣетъ нѣкоторую важность. Данныя о движеніи народонаселенія довольно полны, но для нихъ въ особенности можно пожелать болѣе строгой и явственной системы. Изъ таблицъ г. Елачича всегда бываетъ трудно замѣтить зависимость между фактами, которые констатируются статистическими данными, и только тщательная разработка этихъ данныхъ открываетъ въ нихъ болѣе или менѣе широкій смыслъ. Укажемъ, напр., на одинъ фактъ. въ подтвержденіе того, что самыя важныя сами по себѣ статистическія цифры теряютъ у г. Елачича всякій смыслъ вслѣдствіе того, что онъ не пытается разъяснять ихъ. Такъ въ одной таблицѣ движенія населенія въ С.-Петербургѣ съ 1866 по 1872 годъ, остается непонятной или, по крайней мѣрѣ весьма темной, вся графа о количествѣ заключаемыхъ браковъ. Мы говоримъ о весьма чувствительномъ пониженіи числа браковъ съ 1871 года по 1872 годъ. Вообще, начиная съ 1866 года, браки въ С.-Петербургѣ постепенно уменьшались, и хотя число ихъ въ 1869 году быстро поднялось, но затѣмъ опять стало сильно понижаться, такъ что въ 1872 году одинъ бракъ приходился на 179 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ 1871 году одинъ бракъ заключался на 159 человѣкъ. Конечно, подробный анализъ обнаружить всѣ причины этого явленія, но мы не понимаемъ, почему г. Елачичъ, сообщившій эти данныя, столь важныя по своему значенію, освободилъ себя отъ труда разъяснить ихъ. Самъ собою напрашивается вопросъ. почему браки, заключаемые въ Петербургѣ, уменьшаются въ такой сильной пропорціи, что почти однимъ этимъ уменьшеніемъ можно объяснить значительную убыль въ населеніи С.-Петербурга, не принимая даже во вниманіе обычныхъ факторовъ смертности. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ цѣлый рядъ другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ. Пристально всматриваясь въ таблицу г. Елачича, мы замѣтимъ пропорціональность между числомъ заключаемыхъ браковъ и, напр., рождаемостью или числомъ незаконнорожденныхъ, хотя для этого любопытнаго сравненія таблица г. Елачича не вполне пригодна, вслѣдствіе рутинной группировки цифръ. Такъ изъ таблицы его видно, что въ 1866 году одинъ бракъ приходился на 161 чел., а въ соотвѣтственной графѣ на одинъ бракъ значится 3, законнорожденныхъ; въ 1867 году одинъ бракъ приходится на 163 чел., а въ той-же графѣ на 1 бракъ значится 4, законнорожденныхъ. Такимъ образомъ, поверхностное разсматриваніе таблицы г. Елачича легко можетъ повести къ грубымъ ошибкамъ и, пожалуй, приведетъ къ тому выводу, что чѣмъ менѣе заключается браковъ, тѣмъ болѣе рождается законныхъ дѣтей. Въ статистику вкралось уже столько ни на чемъ

положительномъ не онованныхъ возрѣній, что и этотъ нелѣпный выводъ можетъ, пожалуй, быть принятымъ за истину и возбудить въ какомъ-нибудь читателѣ охоту разяснять его. Но ошибка эта прямо происходитъ отъ неразумной распланировки таблицы; вмѣсто того, чтобы сравнивать число браковъ въ 1866 году съ родившимися въ томъ-же самомъ году, слѣдуетъ, по весьма понятной причинѣ, сравнивать браки 1866 года съ законнорожденными 1867 года, браки 1867 года съ законнорожденными 1868 года и т. д. Для этого стоитъ только подвинуть графу законнорожденныхъ на одну цифру вверхъ, такъ, чтобы законнорожденные 1867 года приходились противъ цифры браковъ 1866 года и т. д. Точно такъ-же слѣдуетъ поступить и съ графой незаконнорожденныхъ, и тогда таблица г. Елачича получитъ вполнѣ точный смыслъ и представится въ слѣдующемъ видѣ:

	1 бракъ при ходится на:	на 1 бракъ за- коннорожд.::	1 незаконнорожд. на число браковъ:
		3,1	3,6
1866 . . .	161 чел.	4,1	3,5
1867 . . .	163 —	4,1	3,1
1868 . . .	182 —	3,1	3,2
1869 . . .	155 —	3,5	2,9
1870 . . .	167 —	3,4	3,0
1871 . . .	159 —	3,1	3,0
1872 . . .	179 —	—	—

И это понятно: чѣмъ болѣе заключается браковъ, тѣмъ менѣе рождается незаконнорожденныхъ и болѣе законнорожденныхъ. Конечно, этимъ все-таки не рѣшается вопросъ о причинахъ уменьшенія числа заключаемыхъ браковъ. Говоря объ убыли населенія С.-Петербурга, г. Елачичъ также ограничивается сообщеніемъ сырого матеріала и ни однимъ намекомъ не наводитъ читателя на обусловливающіе ее моменты. А между тѣмъ эта убыль принимаетъ огромные размѣры, и для статистика ничего не можетъ быть важнѣе раскрытія причинъ этого печальнаго явленія. Съ 1866 года населеніе С.-Петербурга упорно убываетъ, и въ послѣдніе годы на весьма значительную величину. Въ 1871 году убыль простиралась до 5,027 человекъ, а 1872 году она равна 5,849, такъ что въ Петербургѣ люди рождаются лишь для одной функціи—смерти. Несомнѣнно, что эта убыль объясняется оспенной и холерной эпидеміями, свирѣпствовавшими въ 1872 году, но и другіе факторы играютъ здѣсь весьма видную роль. Изъ числа этихъ факторовъ важнѣйшій—пониженіе числа заключаемыхъ браковъ, потому что хотя это пониженіе браковъ сопровождается увеличеніемъ числа незаконнорожденныхъ, но за то извѣстно, что смертность между незаконнорожденными гораздо значительнѣе, чѣмъ между законнорожденными. Поэтому, въ конечномъ результатѣ уменьшеніе браковъ неизбѣжно ведетъ къ убыли населенія. Къ сожалѣнію, г. Ела-

чичъ опустилъ въ своемъ трудѣ очень серьезный отдѣлъ о смертности между законнорожденными и незаконнорожденными и, такимъ образомъ лишаетъ наше мнѣніе о связи количества браковъ съ убылью населенія фактической опоры. Но въ этомъ случаѣ мы основываемся на общемъ статистическомъ законѣ, выведенномъ изъ наблюденій надъ всѣми западно-европейскими государствами. Вездѣ смертность между незаконнорожденными сильнѣе, чѣмъ между законнорожденными; во Франціи, напр., незаконнорожденныхъ умираетъ слишкомъ вдвое, чѣмъ законнорожденныхъ, точно также, какъ и въ Стокгольмѣ. И процентъ мертворожденныхъ между незаконнорожденными выше, чѣмъ между законнорожденными. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ нѣкоторыми статистиками, которые считаютъ въ числѣ причинъ столь громадной смертности между дѣтьми вообще значительное количество незаконныхъ рожденій. Итакъ, сводя къ одному результату все сказанное нами, мы видимъ цѣлую цѣпь условій, которыя неизбежно приводятъ къ убыли населенія. На первомъ планѣ стоятъ климатическія вліянія, болѣзни и эпидеміи, а затѣмъ первое мѣсто принадлежитъ пониженію числа браковъ, которое сопровождается непосредственно уменьшеніемъ законнорожденныхъ дѣтей и посредственно усиленной смертностью между дѣтьми вообще, такъ-какъ, сообразно уменьшенію браковъ, возрастаетъ число незаконныхъ рожденій, откуда смертность выхватываетъ наибольшее число жертвъ. Смертность между незаконнорожденными такъ, однако, велика, что усиленные незаконныя рожденія не въ состояніи уравновѣснить убыль законныхъ рожденій, происходящую отъ уменьшенія числа заключаемыхъ браковъ. Вообще, слѣдовательно, смертность между дѣтьми объясняется не только физическими, но и чисто нравственными моментами, ибо чѣмъ менѣе рождается незаконныхъ дѣтей, тѣмъ менѣе и смертность между дѣтьми вообще, и потому, чѣмъ менѣе заключается браковъ, тѣмъ выше смертность. Этотъ послѣдній выводъ, столь простой и удобопроверяемый статистикой западно-европейскихъ государствъ, съ большимъ трудомъ подтверждается таблицами г. Блаича. Между тѣмъ этотъ выводъ имѣетъ нѣкоторую практическую важность. У насъ, обыкновенно, смертность между дѣтьми приписывается неправильноному уходу за ними. Это, конечно, безусловно справедливо, но цѣлесообразный уходъ за дѣтьми требуетъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, т.е. такихъ средствъ, которыя обезпечиваютъ существованіе семьи и, слѣдовательно, даютъ возможность вступать въ бракъ. Поэтому, человеку, лишенному возможности вступить въ бракъ, остается лишь вспомнить упомянутый нами выводъ, если только въ немъ есть горячее желаніе содѣйствовать благополучію общества, среди котораго онъ живетъ. Ребенокъ, родившійся внѣ брака, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, умираетъ въ младенчествѣ и большая смертность дѣтей болѣе всего зависитъ отъ того, что они лишены благотворнаго и ничѣмъ незамѣнимаго органическаго вліянія любящихъ мистиниковъ матери.

Мы полагаемъ, что сопоставленіе собранныхъ г. Елачичемъ статистическихъ данныхъ въ указываемомъ нами смыслѣ было-бы полезно сообщенія годовъ, но пространныхъ цифръ относительно множества другихъ пунктовъ. Г. Елачичъ помѣстилъ, напр., длинную таблицу смертности по возрастамъ, начиная отъ первыхъ дней рожденія до глубокой старости, и даже не удовольствовался одной этой таблицей, но сталъ варьировать ее на разные лады, распредѣляя умершихъ то по мѣсяцамъ, то по вѣроисповѣданіямъ. Сидѣмъ увѣрить г. Елачича, что эта таблица не па-столько важна, чтобы стоило растягивать ее на 10 страницахъ; она даже и несомнѣнно понятна и покажется, конечно, многимъ читателямъ вѣскольکو загадочнымъ сфяпкомъ въ томъ необработанномъ видѣ, въ какомъ она помѣщена въ сборникѣ г. Елачича. Почему въ различные возрасты умираетъ различное количество людей? На-сколько это объясняется условіями фзіологическими и правильностью ухода и па-сколько влияетъ здѣсь число неравенство людей различнаго возраста? Почему смертность измѣняется по вѣроисповѣданіямъ? На всѣ эти вопросы таблицы г. Елачича не даютъ никакого отвѣта. Вѣсто всѣхъ этихъ пространныхъ таблицъ смертности, мы желали-бы видѣть простую таблицу смертности у законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, ибо сопоставленіе этихъ двухъ категорій цифръ пролило-бы вѣкоторый свѣтъ и па самыя причины смертности. Если-бъ г. Елачичъ не пренебрегъ почему-то такой таблицей, то на ней любопытно было-бы провѣрить тотъ выводъ изъ подобныхъ-же статистическихъ данныхъ западной Европы, что смертность между незаконнорожденными чрезвычайно свѣльна только въ первые годы, а затѣмъ незаконнорожденные дѣти переживаютъ законнорожденныхъ того-же возраста *).

Таблица смертности по возрастамъ, занявшая довольно много мѣста въ сборникѣ г. Елачича, едва-ли пригодна въ этомъ видѣ для какихъ-либо соображеній. Автору, очевидно, неизвѣстны самыя элементарныя приемы составленія статистическихъ таблицъ. Онъ привелъ длинный рядъ абсолютныхъ цифръ смертности въ различномъ возрастѣ и не далъ никакихъ критеріевъ для того, чтобы можно было судить, на-сколько велика или мала извѣстная цифра. Для этого безусловно необходимо было показывать, сколько лицъ достигло извѣстнаго возраста, а это, конечно, не представляеть никакихъ затрудненій. Эти дополнительные данныя показываютъ, что наибольшая смертность падаетъ на дѣтей до 1 года, затѣмъ она постепенно понижается до 10 лѣтъ, а потомъ возрастаетъ до 30. Довольно любопытна составленная г. Елачичемъ таблица браковъ по семейному состоянію. Наибольшее число браковъ заключается между холостыми и дѣвцами, а затѣмъ между вдовцами и дѣвцами, меньше между холостыми и вдовами, и вдовцами и вдовами.

*) См. Oettingen, «Moralstatistik», 661.

Остальныя таблицы г. Елачича не представляют интереса новизны и потому мы не будем на них и останавливаться. Замѣтить лишь, что и статистическія данныя о промышленности с.-петербургской губерніи отличаются тѣми-же недостатками и тою-же рутинной классификаціей, какъ и всѣ остальныя таблицы. Настоящій трудъ г. Елачича есть положительное злоупотребленіе статистикой и за нимъ можно признать лишь то значеніе что изъ него видно, какъ не должно составлять статистическихъ отчетовъ и какъ можно обезцвѣтить и лишить смысла самыя интересныя и любопытныя цифры.

Невѣрность по неволѣ, историческій романъ изъ XV столѣтія. Переводъ съ французскаго. Воронежъ. 1874.

Русская Абадонна. Оригинальная повѣсть. Соч. Михайла Кузнецова, автора «Проституціи и сифилиса въ Россіи». Воронежъ. 1871 г.

Двѣ эти книжки попали въ наши руки совершенно случайно. Столичная книжная торговля мало обращаетъ вниманія на то, что творится и печатается провинціалами, и только изрѣдка вы встрѣтите въ ней такіе вывезенные изъ провинціи перлы, какъ два романа, заглавія которыхъ выписаны выше. Перваго изъ этихъ романовъ, пробѣжавъ нѣсколько страницъ, мы читать не стали: романъ переводный, переведенъ грамотно, — чего-же больше требовать? За то вторую, «оригинальную повѣсть», мы прочли, и прочли съ истиннымъ удовольствіемъ. Одно ужъ заглавіе чего стоятъ! Авторъ, конечно, знаетъ, что *Абадонна* мужскаго рода, но онъ превращаетъ ее ради оригинальности въ женщину, и, чтобы повѣсть была окончателно «оригинальной», приплетае къ «Абадоннѣ» посредствомъ своего имени «Проституцію и сифилисъ въ Россіи». Эту послѣднюю книгу мы читали; книга сносная, но какъ-то трудно вѣрится, чтобы человѣкъ, написавшій такую хотя и не глупую, но все-таки посредственную вещь, какъ «Проституція и сифилисъ въ Россіи», могъ создать такое блестящее произведеніе, какъ «Русская Абадонна». Воронежъ имѣлъ до сихъ поръ только лириковъ, въ лицѣ Кольцова и Никитина, и знаменитаго критика въ г. Де-Пуле, теперь-же въ г. Кузнецовѣ онъ имѣетъ своего Жоржъ Занда. Такихъ необузданныхъ натуръ, какъ его главная героиня, Софья, вы не найдете ни у одного романиста. Это воплощенная, бѣшенная страсть. По ночамъ, на извозчикѣ она ѣздитъ къ своему любовнику, талантливому канцелярскому чиновнику, и «изливаетъ ему всю страсть свою» (стр. 7). Вотъ что она рассказываетъ о своей юности. «Во мнѣ кипѣла жгучая, молодая кровь; въ глазахъ сверкалъ огонь цыганки, я была вся страсть. Бывало, при лунномъ свѣтѣ, мчишься по кустарнику, какъ дикая коза, вся дрожишь, кровь приливаетъ въ голову, въ глазахъ темнѣть... и какъ

одурѣлая, кидается въ объятія какого-нибудь парня. Потомъ проходитъ это ошьяненіе, потомъ опять находить» (стр. 19). Поступивъ на содержаніе къ богатому старику, она полюбила бѣднаго, но благороднаго канцелярскаго чиновника, Жарова, зачала и родила отъ него «дважды незаконнаго сына» (стр. 29). Но сдѣлавшись отцомъ «дважды незаконнаго сына», софьянъ любовникъ воспылалъ новою страстью къ дочери ея содержателя и рѣшился, во что-бы то ни стало, сочетаться съ нею, т. е. съ дочерью софьянаго содержателя, узами законнаго брака. Она—дочь богача, онъ-же—бѣдный канцелярскій чиновникъ. Но своимъ умомъ, своими добродѣтелями онъ пробиваетъ себѣ путь къ карьерѣ, сидитъ въ губернскомъ правленіи за бумагами даже въ неприсутственное время, и когда-бы предсѣдатель ни зашелъ съ прогулки въ правленіе закурить папироску, онъ всегда находилъ Жарова за дѣломъ и съ готовыми спичками. Генералъ былъ добродѣтельный и вознаградилъ добродѣтель молодого человѣка, въ груди котораго отъ чрезвѣрныхъ запятій уже поселилась-было смертоносная болѣзнь. «Явясъ въ присутствіе и подписывая журналы, генералъ собственноручно написалъ на одномъ изъ журналовъ: Жарова уволить на 28 дней для поправленія здоровья и выдать 100 рублей въ награду за его отличную службу» (стр. 123—127). 28 дней возстановили здоровье Жарова, а на 100 руб. онъ сшилъ себѣ новую пару. Вскорѣ его сдѣлали секретаремъ. Но содержатель Софьи и отецъ его невѣсты, Тонички, не соглашался выдать свою дочь за него, несмотря даже на его секретарство. Тогда секретарь Жаровъ укралъ Тоничку и женился на ней, а черезъ годъ у нихъ родился сынъ Симеонъ (стр. 150).

Мы передали всѣ существенныя черты повѣсти господина Кузнецова, но чтобы вполнѣ насладиться оригинальными красотами ея, ее нужно прочесть всю. Одно только остается неяснымъ послѣ прочтенія: кто-же такая *русская Абадонна*? Мы думаемъ, что подъ ней авторъ разумѣетъ не Софью, не Тоню, не Жарова, не добродѣтельнаго генерала, а самого себя, Михаила Кузнецова, автора «Проституціи и сифилиса».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сельско-хозяйственный вопросъ. Переходный моментъ. Паше хозяйство, рассчитанное на пространство, пужается больше всего въ рабочихъ. Роль машинъ. Мнѣніе о причинахъ неудовлетворительности сельскаго хозяйства Новороссійскаго края. Исторія Новороссійскаго хозяйства. Культурное вліяніе колонистовъ. Орошеніе. Еще причинъ неусѣбности. Заключение.

Вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства для насъ давно не новость. Въ основаніи реформы 1861 года лежала идея улучшенія быта земледѣльцевъ и, слѣдовательно, русскаго сельскаго хозяйства. Въ томъ-же году министерство государственныхъ имуществъ поручило г. Вешнякову „изучить за границею организацию административныхъ учрежденій, посредствомъ которыхъ главнѣйшія европейскія правительства дѣйствуютъ на развитіе сельскаго хозяйства, и тѣ способы и мѣры, которые принимаются ими въ видахъ содѣйствія этому развитію“. Двѣнадцать лѣтъ спустя, а именно въ прошедшемъ году, напечатано изслѣдованіе высочайше утвержденной комиссіи, того-же министерства государственныхъ имуществъ, о нынѣшнемъ положеніи сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Этотъ трудъ составляетъ замѣчательный историческій документъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ листовыхъ томовъ „Приложеній“ или докладовъ и одного тома журналовъ комиссіи, а всего—болѣе шестисотъ печатныхъ листовъ. О размѣрахъ труда комиссіи должно судить по тому, что въ основаніе его легли 958 разныхъ сообщеній отъ разныхъ вѣдомствъ, учрежденій и лицъ и 3,302 словесныхъ отвѣта на 269 вопросовъ, записанные стенографически отъ лицъ, приглашенныхъ спеціально комиссіей. Всѣхъ приглашенныхъ было 181 лицо, большею частью, земледѣльцы

разныхъ мѣстностей, два скотопромышленника и два крестьянина. Кромѣ устныхъ источниковъ, были источники и письменные, включавшіеся въ данные, сообщенныхъ отъ общества взаимнаго поземельнаго кредита и министерствъ—финансовъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ и внутреннихъ дѣлъ. Надъ разработкой матеріала трудилось 39 отдѣльныхъ редакторовъ. Трудъ истинно колоссальный, предпринять который можетъ только правительство.

Можно-бы думать, что правительственное отношеніе къ вопросамъ русскаго сельскаго хозяйства, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, должны были-бы сдѣлать этотъ вопросъ достаточно популярнымъ. Но если судить о его популярности по отношенію къ нему печати, то придется согласиться, что для русскаго общественнаго сознанія экономическій періодъ еще въ будущемъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что сельско-хозяйственная литература теперешняго времени гораздо богаче, чѣмъ какою она была передъ освобожденіемъ крестьянъ. Кромѣ курсовъ и отдѣльныхъ сочиненій по сельскому хозяйству, начали появляться небольшія брошюры и даже популярныя практическія руководства для русскихъ земледѣльцевъ, какъ, напримѣръ, „Основы рациональнаго земледѣлія“ А. Ф. Сергѣева; говорятъ, что на разсмотрѣніе министерства государственныхъ имуществъ поступилъ проектъ устава кievскаго общества сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, имѣющаго цѣлью содѣйствовать развитію и усовершенствованію сельскаго хозяйства въ губерніяхъ кievской, полтавской и черниговской,—и, констатируя эти факты, мы въ то-же время не станемъ преувеличивать ихъ значенія. Конечно, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ зрѣлости нашего сельско-хозяйственного интеллекта свершился неоспоримый шагъ впередъ, и тѣ мнѣнія, которыя еще лѣтъ восемь назадъ предлагались, какъ единственно спасительныя, нынче уже не считаются панацеей. Такъ еще въ 1867 году одна хозяйственная газета говорила серьезно, что единственной причиной печальнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства—прогульные дни. По исчисленію газеты оказывалось, что на каждаго человѣка приходится 140 такихъ дней, а во всей Россіи пропадаетъ ежегодно 9,800 милліоновъ рабочихъ дней; считая-же каждый день въ тридцать копеекъ, газета опредѣляла ежегодный убытокъ въ 2,940 милліоновъ рублей. Нынче подобныя вычисленія едва-ли покажутся кому-нибудь заслуживающими

серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что, благодаря изслѣдованіямъ правительственной комиссіи, главныя причины неуспѣховъ русскаго земледѣлія извѣстны гораздо лучше, полнѣе и точнѣе.

Если, съ одной стороны, несомнѣнно, что наше общество, въ лицѣ своихъ представителей, стоитъ на доступной для насъ высотѣ сельско-хозяйственнаго вопроса, съ другой также несомнѣнно, что земледѣльческая промышленность, этотъ основной пульсъ русской жизни, не только для господствующаго русскаго общественнаго мнѣнія, но даже и для нашего земства далеко еще не вопросъ первой важности, причина этого заключается только въ томъ, что наше сельское хозяйство, переживающее еще и до сихъ поръ переходный моментъ, не нашло пока ни твердой точки опоры, ни привело въ гармонію и въ правильное отношеніе своихъ основныхъ производительныхъ элементовъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ и уничтоженія крѣпостныхъ отношеній рабочія производительныя силы, утративъ прежнюю точку опоры, стали стремиться къ новому укладу, неопредѣлявшемуся и неяснившемуся вполнѣ и до сихъ поръ. Помѣщичье хозяйство, лишившееся даровой силы, не могло встать сразу въ твердое отношеніе къ новымъ обстоятельствамъ. Большинство помѣщиковъ не имѣло ни научныхъ агрономическихъ познаній, ни капиталовъ; поземельный-же кредитъ явился только недавно. Въ то-же время освободившіяся крестьяннн совершенно измѣнили рабочую плату, и мѣстами, какъ въ южныхъ губерніяхъ, она колебалась отъ тридцати копеекъ до трехъ рублей въ день. И вотъ пришлось придумывать новые способы обработки земли. Первой системою явилась „испольная“, при которой обрабатывавшій крестьяннн получалъ половину урожая и половину сѣна. Невыгодность этой системы обнаружилась очень скоро и польный способъ былъ замѣненъ „издѣльнымъ“. При издѣльной системѣ крестьяннн обрабатывалъ поле своимъ инвентаремъ и получалъ плату за извѣстное условленное пространство. Очень часто вмѣсто денегъ платили крестьянамъ отдачей въ ихъ пользованіе на извѣстный срокъ разныхъ угодій. Этихъ системъ ужь никакъ нельзя назвать агрономическими и потому не слѣдуетъ удивляться, что сельское хозяйство землевладѣльцевъ не улучшалось, а падало, и плодородіе почвы не увеличивалось, а уменьшалось.

Хозяйство крестьянъ улучшаться тоже не могло, главннмъ

образомъ отъ малаго плодородія почвы, недостатка луговъ и скота. Кроме того, у крестьянъ оказался недостатокъ противъ прежняго угодій и преимущественно лѣсовъ, которыхъ въ надѣлы они почти нигдѣ не получили.

Но и помѣщичьи лѣса привели ихъ владѣльцамъ много пользы. Безденежье заставляло ихъ продавать лѣса купцамъ, а купцы рубили ихъ на-голо, ужь конечно, не съ сельско-хозяйственными цѣлями. Не лучше поступали купцы и съ цѣлыми имѣніями, которыя они покупали у помѣщиковъ. Купецъ заботился не о прочной, продолжительной выгодѣ, а только о скорой наживѣ. Ему нужно было вернуть свой капиталъ съ возможно большими процентами, и, конечно, только тотъ способъ онъ считалъ наиболѣе хозяйственнымъ, который давалъ ему скорѣе выгоду. Очень часто купецъ покупалъ имѣніе за половину или четверть цѣны, а бывали случаи покупки и за десятую часть стоимости. Что-же дѣлалъ купецъ съ такимъ имѣніемъ? Онъ вырубалъ лѣса или сплошь или на выборъ, оставляя на корнѣ то, что ему не годилось и заваливая почву вершинами, сучьями и щепой. Пашни онъ отдавалъ мелкимъ сѣмщикамъ, а тѣ, съ своей стороны, старались тоже только о томъ, чтобы получить отъ земли какъ можно больше, а положить въ нее какъ можно меньше. Вообще купеческое земледѣліе шло въ убытокъ русскому сельскому хозяйству, и если мѣстами являлись исключенія, то очень рѣдкія.

Статистическія изслѣдованія успѣховъ русскаго земледѣлія не представляютъ особенно утѣшительныхъ цифръ. Изъ изслѣдованій комиссіи оказывается, что средній урожай въ періодъ времени съ 1802 по 1813 годъ составлялъ 3,17, съ 1840 по 1847 г. — 3,5; а въ 1870 по 1871 г. — 3,6. Или на душу населенія приходилось: въ 1840 по 1847 г. — 3,9 четвертей; а въ 1870 по 1871 г. — 3,5 четвертей. Въ то-же время увеличеніе посѣвовъ шло въ необыкновенно усиливающейся прогрессіи. Въ 1800 по 1813 г. было посѣяно 48,800,000 четвертей; въ 1840 по 1847 г. — 59,000,000, а въ 1870 — 1871 — 67,600,000 четвертей.

Хотя по абсолютной величинѣ хлѣбнаго производства Россія и занимаетъ первое мѣсто, но по количеству хлѣба, получаемаго съ десятины, мѣсто ея далеко ниже. Такъ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ средній сборъ пшеницы составляетъ 8,6;

во Франціи—11,4; въ Австріи—9,5; въ Пруссіи—11,4; въ Англіи—33,9, а у насъ только 4,5 четверти съ десятины. Ужь этихъ однихъ цифръ совершенно достаточно, чтобы сдѣлать выводъ, что наше хозяйство разсчитано больше на пространство и, слѣдовательно, на количество рабочихъ рукъ.

Вопросъ о рабочихъ представляетъ у насъ особенную важность въ такихъ мѣстностяхъ, какъ новороссійскій край и юговосточное Поволжье, въ которыхъ огромное пространство незаселенныхъ земель находится въ самомъ невыгодномъ отношеніи къ плотности населенія. Но этотъ вопросъ и для другихъ мѣстностей оказывался тоже однимъ изъ существенныхъ. Въ „Военно-статистическомъ сборникѣ“ мы находимъ слѣдующее процентное указаніе распредѣленія земель по видамъ владѣнія:

Городскихъ земель около	0,4%
Свободныхъ казенныхъ	30,0 „
Свободныхъ удѣльныхъ	1,6 „
Горнозаводскихъ	4,0 „
Крестьянъ государственныхъ	14,7 „
„ бывшихъ удѣльныхъ	1,0 „
„ „ помѣщичьихъ	5,2 „
Помѣстного дворянства	19,3 „
Другихъ владѣльцевъ и перазмежеван- ной	20,9 „

„Итакъ, говоритъ „Сборникъ“,—мы положительно можемъ сказать, что изъ общаго количества удобной земли $\frac{1}{3}$ принадлежитъ безусловно государству, $\frac{1}{5}$ всѣмъ крестьянамъ и $\frac{1}{5}$ всѣмъ помѣщикамъ“. Цифры эти достаточно уясняютъ всю важность вопроса о рабочихъ рукахъ для землевладѣльцевъ, и почему онъ достигаетъ наибольшей важности именно тѣмъ, гдѣ, какъ на югѣ Россіи, оказывается такое неблагоприятное отношеніе землевладѣнія къ населенію. Несмотря на важность этого вопроса, онъ далеко не порѣшенъ не только практически, но даже теоретически. Въ 8 № „Одесскаго Вѣстника“ нынѣшняго года, г. Звѣрковичъ изъ Кишинева говоритъ, что весь секретъ правильно организованнаго труда заключается въ умѣнѣ выгоднаго примѣненія его и въ возможномъ сокращеніи его механическими средствами. Иначе, г. Звѣрковичъ хочетъ замѣнить живую силу механической.

Г. Звѣрковичъ дѣлаетъ такой расчетъ. Извѣстно, говоритъ онъ,—что молотильная машина требуетъ вмѣсто прежнихъ двухсотъ работниковъ всего сорокъ рабочихъ, косилка замѣняетъ восемь косарей, а машина Мариса замѣняетъ восемь косарей и двадцать вязальниковъ всего тремя рабочими съ парюю воловъ. Такое сокращеніе рабочихъ достигается исключительно усовершенствованіемъ механическихъ средствъ, и вотъ ихъ выгода. Для жѣсткости въ 200,000 десятищъ, скашиваемой руками, нуженъ 1,000,000 работниковъ; при косилкахъ-же всего только 120,000 рабочихъ, а остальные 880,000 должны будутъ искать себѣ другой работы. Если машины ввести во всея сельскомъ хозяйствѣ, то отношенія между работникомъ и хозяиномъ совершенно измѣнятся. Не хозяинъ будетъ искать работника, говоритъ г. Звѣрковичъ,—а работникъ хозяина. „Такимъ только путемъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ для новороссійскаго хозяина рабочій вопросъ“. Но не на этомъ одномъ останавливается г. Звѣрковичъ. Такъ-какъ теперешнія иностранныя машины очень дороги, то онъ возлагаетъ на земство обязанность содѣйствовать усовершенствованію машиннаго производства и заботу о покровительствѣ и поощреніи механическихъ изобрѣтеній. Г. Звѣрковичъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ намъ могутъ помочь наши самоучки, практики-механики, противъ которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ существуетъ сильное предубѣжденіе.

Въ 40 № того-же „Одесскаго Вѣстника“ мы находимъ поправку мнѣнія г. Звѣрковича и указаніе на средство болѣе дѣйствительное. „Безъ сомнѣнія, говоритъ авторъ,—машины способствуютъ благосостоянію сельскаго хозяйства, какъ и всякаго производства, но утѣшать себя мыслью, что при этомъ рабочіе будутъ ходить за хозяиномъ, по меньшей мѣрѣ наивно. Скажу только, что существованіе машинъ есть признакъ развитія экономическихъ силъ, а хожденіе рабочихъ за хозяиномъ—или признакъ упадка производительности, или предметъ заботъ и безпокойства націи.“

Не отрицая пользы, которую могло бы принести земство испытаніемъ сельско-хозяйственныхъ изобрѣтеній и выдачей изобрѣтателямъ премій, авторъ усматриваетъ практическую непримѣнимость этой мысли въ низкомъ вообще уровнѣ русскаго интелекта, въ непривычкѣ большинства обращаться съ машинами и въ необхо-

дѣности приспособленія къ нимъ поверхности почвы, которая почти повсюду мѣшается у насъ примѣвнѣю машинъ, рассчитанныхъ на ровную, хорошо обработанную поверхность. Во всеобщемъ примѣненіи машинъ авторъ усматриваетъ слишкомъ радикальную мѣру, принадлежащую далекому будущему, которымъ заниматься исключительно въ настоящее время—значить откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Авторъ совершенно правъ, указывая на несостоятельность средства г. Звѣрковича, который видитъ въ немъ такую-же панацею противъ всѣхъ неуспѣховъ русскаго земледѣлія, какую одна серьезная газета видѣла въ прогульныхъ дняхъ. Но и мѣра, предлагаемая авторомъ цитируемой нами статьѣ, подобная-же панацея, ибо весь его расчетъ основанъ на удешевленіи проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Желѣзныя дороги, по словамъ г. К—го, способствуютъ только болѣе равномерному распредѣленію продуктовъ труда, но относительно распредѣленія самаго труда онѣ не достигаютъ своей цѣли. Рассчитывая цѣну рабочему за лѣтнюю пору въ великороссійскихъ губерніяхъ, на хозяйскихъ харчахъ, отъ 25 до 35 рублей; переѣздъ по желѣзной дорогѣ за тысячу верстъ и обратно въ третьемъ классѣ 25 рублей; прибавляя къ этому содержаніе во время пути и цѣну взлпшняго платья для дальней отлучки,—г. К—ій говоритъ, что работникъ безъ харчей не можетъ обойтись въ новороссійскомъ краѣ дешевле 70 р. въ лѣто. Но если-бы желѣзныя дороги брали за перевозку рабочихъ плату по расчету цѣны цѣлаго вагона, какъ при перевозкѣ товаровъ, рабочая плата значительно-бы уменьшилась. При перевозкѣ, напримѣръ, каменнаго угля московско-курскя желѣзная дорога беретъ по $\frac{1}{70}$ коп. съ пуда-версты или $8\frac{4}{7}$ съ вагона на версту, полагая въ вагонѣ полный грузъ въ 600 пудовъ. За вагонъ-же съ пассажирами берутъ по 60 коп. съ версты. Предполагая, что управленія желѣзныхъ дорогъ наши-бы для себя выгоднымъ понизить плату за перевозку до $\frac{1}{6}$ коп. съ версты, т. е. въ $7\frac{1}{2}$ разъ противъ теперешней платы въ третьемъ классѣ, авторъ рассчитываетъ, что переѣздъ рабочаго вмѣсто 25 р. обошелся-бы только въ 3 р. 34 коп. Авторъ нѣсколько не сомнѣвается, что передвиженіе рабочихъ массами подниметь выгоды желѣзныхъ дорогъ, подниметь благосостояніе новороссійскаго края, усилить производительность его сельскаго хозяйства, уменьшить недомыслие государственныя и земскія и облегчить лежащую тяже-

лымъ бременемъ на зажиточныхъ крестьянахъ круговую поруку сельской общины. Какъ г. Звѣрковичъ возлагалъ заботу объ усовершенствованіи сельско-хозяйственныхъ машинъ на земство, такъ г. А. К—ій возлагаетъ на обязанность того-же земства организовать новое дешевое передвиженіе рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Нельзя, конечно, отрицать, что если-бы все сдѣлалось такъ, какъ желаетъ г. К—ій, то сельско-хозяйственныя отношенія новороссійскаго края измѣнились-бы значительно въ лучшему. Но для этого, во-первыхъ, нужно, чтобы земство степныхъ губерній проникнулось такимъ-же убѣжденіемъ, какъ и г. К—ій, чтобы оно взяло на себя починъ, чтобы управленія желѣзныхъ дорогъ согласились на предложенія земствъ и чтобы, наконецъ, рабочіе поѣхали на югъ именно въ томъ количествѣ, какое нужно. Если все это исполнится, мы не видимъ никакихъ причинъ, чтобы проектъ г. К—аго не припесъ-бы новороссійскому краю тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, какихъ ожидаетъ авторъ.

При всей важности рабочаго вопроса, теоретическій центръ, при такой его постановкѣ, лежитъ все-таки не въ немъ, и неудовлетворительное состояніе нашего сельскаго хозяйства зависитъ, конечно, не отъ того, легко или трудно добываются рабочіе. Вотъ другія мѣстныя новороссійскихъ хозяевъ. Мы читаемъ въ „Одескомъ Вѣстникѣ“, что сельское хозяйство южной Россіи быстрыми шагами подвигается впередъ. Земледѣлецъ, обрѣменявшій во время вѣрностнаго права 100 десятинъ, обрѣмеляетъ въ настоящее время 300—400 десятинъ. Первобытныя деревянныя орудія смѣнились желѣзными. Въмѣсто мужицкаго цѣпа явилась паровая молотилка; вмѣсто косы—сѣнокосилка и жатка. Границы владѣній опредѣлились съ точностью, скотоводство и овцеводство заключено въ болѣе опредѣленную рамку; вмѣсто копошившихся прежде десятковъ рабочихъ работаютъ сотни, въ городахъ явилось множество кредитныхъ учрежденій, предлагающихъ сельскимъ хозяевамъ денежные капиталы, заграничные фабриканты предлагаютъ наперерывъ свои машины и даже дѣлаютъ машины, специально приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ нашихъ степей. Однимъ словомъ, куда ни взглянешь, повсюду не только движеніе, но даже лихорадочное движеніе. Это движеніе замѣчается одинаково и въ селахъ, и въ городахъ; всѣ торопятся и сѣшать: и земледѣлецъ, и купецъ, и спекулянтъ, и городской баринъ находятся въ какой-

то денежной лихорадкѣ, стараясь всѣми силами удовлетворить и своимъ разширяющимся потребностямъ, и стать въ уровень или даже выше растущей дороговизны и постоянно возвышающихся платежей. Все это неоспоримые признаки прогресса, движенія, растущихъ потребностей.

Но старожилъ, видѣвшій южныя степи лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, сравнивъ ихъ съ тѣмъ, что онъ видитъ теперь, замѣчаетъ перемѣну не особенно утѣшительную. Нѣкогда богатая травная растительность и безконечныя, какъ море, степныя луга смѣнились пахотными полями, тощими сѣнокосами и сбитыми овцами до черной земли пастбищами. Лѣсная растительность точно также исчезла, рѣки обмелѣли, ключи изсыкли, и тамъ, гдѣ прежде протекала ручей, земледѣлецъ копаешь колодезь въ нѣсколько сажень глубины. Климатъ измѣнился къ худшему, лѣто стало нестерпимо знойнымъ, зима нестойкою, суровой, и весь край получилъ какой-то пустынный, мрачный характеръ. Населеніе края, правда, увеличилось, прежняя его пустынность исчезла, но явившіяся новыя усадьбы глядятъ непривѣтливо, бѣдно, неустроенно. Увеличилось и число рабочаго скота, но порода обмелѣчала. Въмѣсто прежняго урожая самъ 8—10, старожилъ получаетъ только самъ 2—4. „Напрасно доискивался-бы онъ до причинъ такой перемѣны, говорить г. Умисса:—ни одинъ земледѣлецъ не укажетъ ему на настоящую. Онъ услышитъ жалобы то на климатъ, то на дороговизну рабочихъ, то на плохое примѣненіе машинъ и т. п., и только одна наука отвѣтитъ ему, что причиной такой перемѣны—расхищающее хозяйство“.

Когда въ новороссійскій край явился первый русскій поселенецъ, онъ нашелъ въ немъ богатую травяную растительность и лѣски, разбросанныя по балкамъ. Травная растительность уничтожалась постепенно, то плугомъ, то кѣсой, то овцами и скотомъ; лѣски уходили частью на постройки, частью на отопленіе. И по мѣрѣ того, какъ уничтожался покровъ почвы, уменьшалось количество влаги, а съ уменьшеніемъ влаги падала средняя урожайность полей. Почва новороссійскаго края и до сихъ поръ богата питательными веществами, но урожайность полей зависитъ не отъ нея, а отъ дождей, которыхъ мало. По мѣрѣ того, какъ степи южной Россіи болѣе и болѣе лишались своего верхняго покрова, воздухъ дѣлался суше и количество выпадающаго дождя умень-

шалось. Водяные пары, приносимые океаническими вѣтрами, разлагались въ сухомъ воздухѣ степей, вмѣсто того, чтобы сгущаться и падать дождями. На основаніи этого самаго закона въ песчаной Сахарѣ дождь бываетъ одинъ разъ въ какія-нибудь десять лѣтъ.

Вслѣдствіе того, что новороссійскій край лишался постоянно своего растительнаго покрова, падала и средняя урожайность полей, составляющая въ настоящее время самъ 3, а по увѣренію нѣкоторыхъ, самъ 2—3. Упадокъ производительности нужно было пополнить чѣмъ-нибудь, и пополненіе это явилось въ усиленной энергіи труда. Въ этомъ отношеніи ни одна мѣстность Россіи не можетъ сравниться съ новороссійскимъ краемъ. Нигдѣ не явилась такая масса машинъ, ни въ какой другой мѣстности Россіи не существуетъ подобный приливъ рабочихъ силъ. На обработку и уборку одной десятины требуется 23 единицы разныхъ рабочихъ силъ, считая воловъ, сѣяльщиковъ, боронщиковъ, погонщиковъ, косарей и т. д. Прежде этими силами создавался урожай самъ 6. Приложение ихъ нынче даетъ только самъ 3. Но какъ вывозъ за-границу удвоился, то ясно, что для полученія прежняго количества хлѣба нужно увеличить запашки вдвое и вмѣсто одной десятины обрабатывать двѣ, вмѣсто 23 рабочихъ единицъ расходовать 46.

Мы здѣсь кстати укажемъ на мальтусовъ законъ. Сущность этого закона совѣмъ не въ томъ, какъ она заучена нашимъ обществомъ, т. е. что народонаселеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи, а средства его существованія въ арифметической. Сущность закона въ томъ, что приложение прогрессивно увеличивающихся силъ къ обработкѣ земли не создаетъ такого-же прогрессивно увеличивающагося количества продукта, т. е., если обрабатывая десятину десятью рабочими, мы получили 20 единицъ продукта, обрабатывая еѣ двадцатью рабочими, мы не получимъ 40 единицъ, а только 30, а можетъ быть, и меньше. Поэтому приложение одного усиленнаго труда, когда сумма остальныхъ агентовъ производства остается неподвижной, не можетъ создать прогрессивнаго движенія въ сельскомъ хозяйствѣ, а, напротивъ, будетъ вести къ постоянному регрессу. Система новороссійскаго хозяйства именно и стоитъ на этомъ пути. Весь его успѣхъ разсчитанъ на количество, а не на качество труда. Теперь оно

пока стремится занимать большее и большее пространство и, оставляя неподвижными всё остальные элементы производства, усиливаетъ собственно количество, а не качество труда. Занявъ всю землю и продолжая ту-же систему, новороссійское хозяйство, чтобы получать одинаковое количество продукта, должно будетъ 46 единицъ труда, расходующихъ теперь на двѣ десятины, тратить, наконецъ, на одну. Но количество продуктовъ труда отъ этого не увеличится, а уменьшится, и, по мѣрѣ увеличенія механическихъ рабочихъ единицъ, количество продуктовъ труда будетъ все падать и падать, пока не будетъ введенъ какой-нибудь другой элементъ успѣшности.

У г. Умиссы мы находимъ весьма любопытный очеркъ исторіи новороссійскаго хозяйства. Основываясь на показаніяхъ старожиловъ, онъ говоритъ, что не болѣе полувѣка назадъ травы въ новороссійскомъ краѣ доходили до человѣческаго роста, вода находилась въ изобиліи, дикія козы и лошади паслись на поляхъ, мириады пахучихъ цвѣтовъ покрывали степныя низменности, разнаго рода птицы щебетали втеченіи цѣлаго дня, на рѣкахъ и озерахъ плавали стадами дикіе утки, гуси и лебеди, рыба водилась въ изобиліи, а по окраинамъ края росли густыя лѣса. Извѣстный хозяинъ херсонской губерніи, г. Скаржинскій, въ запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи 1859 года писалъ: „Я родился въ новороссійскомъ краѣ, видѣлъ широкія здѣшнія степи въ первобытной ихъ красѣ, подъ покровомъ могучей и разнообразной растительности; на моихъ глазахъ росли города и села, но на моихъ-же глазахъ лицо степей начинало мало-по-малу измѣняться. Тамъ, гдѣ на неизмѣримыхъ пространствахъ волновался степной ковыль и по немъ беззаботно скакали стада дикихъ козъ и сайгаковъ, начали разстилаться нивы; тамъ, гдѣ степная низменность искрилась мириадами цвѣтовъ, явились черныя доски, какъ-будто заплаты на богатой одеждѣ. Бывало выйдешь въ степь — голова кругомъ идетъ отъ щебетанья разнаго рода птицъ и трескотни насѣкомыхъ. Помню я, когда наши степи не такъ были бѣдны и водою, какъ теперь, помню нѣкоторыя рѣчки и озера, въ которыхъ вода не перемежалась и постоянно водилась рыба, плавали стадами дикіе утки, гуси, лебеди и другая подобная имъ дичь, а теперь только слѣды остались рѣкъ и озеръ, а нивы совсѣмъ исчезли, а лебеди считаютъ

ся въ нашеѣ краѣ самыми рѣдкими гостями. Помню я, что и балки наши отъ снѣговъ и дождей не превращались внезапно въ бурные потоки, какъ теперѣ. И пемудрено: въ то время сильная растительность задерживала воды и значительная часть ихъ просачивалась въ глубь земли“. „И вижу я, говоритъ далѣе г. Скаржинскій,—что съ каждымъ годомъ нашъ край измѣняется все болѣе и болѣе и становится менѣе удобнымъ для двухъ главнѣйшихъ отраслей нашего хозяйства—полеводства и скотоводства. Первое находитъ уже болѣе или менѣе истощенную землю и болѣе терпитъ отъ неблагоприятности климата; для второго степи не представляютъ такихъ тучныхъ пастбищъ и богатыхъ сѣнокосовъ, какъ въ былыя времена“.

Новороссійскія степи въ былыя, отдаленныя времена славились своимъ рогатымъ скотомъ и лошадьми. Разсказываютъ, что до самаго конца XVIII столѣтія водились въ южныхъ степяхъ остатки первобытныхъ дивихъ лошадей. Было время, когда за новороссійскими лошадьми являлись покупатели изъ Германіи, Польши и Австріи. Нынче исчезъ уже кровный донской конь, исчезаетъ и битюкъ, и ни случныя копышви, ни усилія любителей лошадей, ни устройство бѣговъ не спасли упавшаго степного коневодства.

Но за-то на сѣвну ему явилось истощающее почву овцеводство. Въ 1808 г. въ Новороссіи считалось мериносовъ до 9,000 штукъ, въ 1823 до 444,000 штукъ, въ 1837 году 2,050,708 штукъ, а въ 1848,—3,675,290 штукъ, несмотря на то, что въ этомъ году погибло до 1,500,000 овецъ. Такимъ образомъ, съ 1823 по 1837 годъ прибыло 1,605,790 овецъ, а въ слѣдующее десятилѣтіе, по 1848 годъ, 1,606,590. Если предположить, что стремленіе къ расширенію овцеводства оставалось прежнее, то ясно, что измѣнились къ худшему средства для содержанія овецъ. И, дѣйствительно, по-мѣрѣ развитія хлѣбопашества, условія эти должны были измѣниться къ худшему, а въ то-же время и овцеводство вело къ уменьшенію производительности земли.

Новороссійскіе овцеводы давно уже знаютъ, что овца дѣйствуетъ губительно на сѣнокосы и пастбища, поѣдая и сбивая траву до самаго корня. Въ настоящее время раздаются почти постоянныя жалобы овцеводовъ на недостатокъ корма. Недоста-

токъ его заставляетъ пасти овецъ на пашняхъ послѣ 'хлѣба, и овца, уничтожающая стерну, т. е. ту часть соломы, которая остается послѣ жатвы, отнимаетъ отъ земли матеріалъ для переноса.

Къ этому нужно присоединить немилосердно истребительное отношеніе къ послѣднимъ остаткамъ лѣсовъ и ко всему тому, что напоминаетъ дерево. Г. Умисса говоритъ, что въ краѣ уничтожены не только естественные лѣски, уничтожены также и терны. Нѣкогда цвѣтушіе и богатые фруктовыми плодами сады помѣщиковъ находятся въ заустѣннн и прилегающее къ нимъ населеніе тайкомъ рубить ихъ безпощадно; питомники бывшаго военнаго поселенія истреблены; вербы, верболозъ и прочая подобная растительность, которую разводили для своихъ надобностей военные поселяне и крестьяне, доживаютъ уже свой вѣкъ; даже нѣкоторые сады, устроенные правительствомъ и стоившіе не мало денегъ и труда, и тѣ подъ вліяніемъ хищническаго хозяйства края уничтожаются мѣстнымъ населеніемъ, какъ, наприимѣръ, казенный садъ въ городѣ Вознесенскѣ".

Любопытно то обратное отношеніе, въ которомъ совершается измѣненіе климата новороссійскаго края сравнительно съ климатомъ западной Европы. Усиливающіеся зимніе холода въ Европѣ и постоянное уклоненіе къ югу границъ оливковаго дерева виноградника приписываютъ перемѣнѣ теченія гольфстрема. Но если въ Европѣ стало отъ этой причины меньше теплоты, въ новороссійскомъ краѣ ее прибавилось, и ясно, что не гольфстремъ тому причиною. Въ новороссійскомъ краѣ, по мѣрѣ того, какъ воздухъ дѣлался суше, лѣтній зной усиливался и климатъ становился все больше и больше континентальнымъ. Излишняя сухость воздуха и лѣтніе жары создали болѣзни прежде неизвѣстныя и теперешній крестьянинъ страдаетъ печенью и желудкомъ. На Западѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ указывали на наши южныя степи, какъ на мѣсто, откуда распространяется по всему материку холера и чума рогатаго скота.

Г. Умисса, указывая на ту хищническую, первобытную систему хозяйства, которая существуетъ въ новороссійскомъ краѣ, какъ на главную причину перемѣны къ худшему мѣстнаго климата, приводитъ слова Элизе Реклю относительно цивилизованнаго и дикаго вліянія человѣка. Человѣкъ передѣлываетъ страну, въ ко-

торой живетъ, по своему образу и подобию. Варваръ, послѣ длиннаго ряда вѣковъ грубой эксплуатаціи, сообщаетъ землѣ отпечатокъ свирѣпой жестокости, тогда-какъ цивилизованный человѣкъ дѣлаетъ ее, путемъ разумной обработки, улыбающеюся, привѣтливою и, такъ-сказать, гуманизируетъ. Реклю указываетъ на значительную часть Персіи, Месопотаміи, Идумеи и на нѣкоторыя страны малой Азіи и Африки, отличавшіяся нѣкогда необыкновеннымъ плодородіемъ, а теперь превратившіяся въ пустыни. Реклю говоритъ, что въ ряду причинъ, отъ которыхъ погибло уже столько послѣдовательныхъ цивилизацій, въ исторіи человѣчества едва-ли не первое мѣсто занимаетъ то грубое насиліе, съ которымъ большинство народовъ третировали землю-кормилицу. „Они вырубали лѣса, уничтожали источники и заставляли рѣки выступать изъ береговъ, портили климатъ, окружали города гнѣздами заразы; затѣмъ, когда природа, которую они профанировали, дѣлалась враждебною имъ, они стали ненавидѣть ее и, не будучи въ состояніи снова окунуться въ освѣжающую жизнь лѣсовъ, падали все ниже и ниже“.

Мы думаемъ, что этихъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы понять агрономическое положеніе новороссійскаго края. Мы не имѣемъ никакихъ основаній уменьшать дѣйствительное значеніе тѣхъ причинъ, которыя вызвали на югѣ перемѣну климата. Новороссійскій край, дѣйствительно, страдаетъ отъ засухъ. Еще въ сороковыхъ годахъ министерство государственныхъ имуществъ обратило вниманіе на этотъ вопросъ, и не только поощряло степное лѣсоразведеніе, но и устроило въ бахмутскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи лѣсную плантацію. Не отрицая фактовъ, мы, однако, думаемъ, что ошибка заключается не въ сущности доводовъ, приводимыхъ порицателями новороссійской системы, а въ ихъ пугающемъ тонѣ. Мы не думаемъ, чтобы Россію вообще или новороссійскій край въ частности можно было-бы сравнить съ тѣми мѣстами Персіи, Месопотаміи или Идумеи, о которыхъ говоритъ Реклю. Мы точно также говоримъ, что новороссійское хозяйство — хозяйство первобытное, что въ своемъ теперешнемъ видѣ оно не культура, а расхищеніе, что оно ведетъ къ обезображенію природы и къ истощенію почвы; но мы не скажемъ, что въ немъ есть тотъ роковой моментъ, каковой былъ въ хозяйствѣ идумейянъ или персовъ, и что намъ, наконецъ, придется бѣжать изъ

новороссійскаго края. Мы говоримъ такъ потому, что думаемъ, что причины, дѣйствующія вредно на мѣстный климатъ, вовсе не на-столько роковыя и неустрашныя, если только онѣ сдѣлаются доступными мѣстному общественному руководящему сознанию. Если бы не было признаковъ подобнаго поворота, то можно-бы, конечно, смотрѣть съ безнадежнымъ отчаяніемъ въ будущее новороссійскаго края, но въ немъ именно потому и нѣтъ рокового характера, что въ общественномъ мнѣніи является уже поворотъ. Конечно, въ старину на безконечныхъ стѣняхъ новороссійскаго края паслись табуны дикихъ лошадей, бѣгали и сайгаки, было больше и птицъ, но и во всей Европѣ давно уже нѣтъ того, что было въ ея первобытныя времена. Патріархальная старина уже болѣе не воротится. Но не о ней рѣчь, не о ней и сожалѣніе. Что миновало, того не воротить. Задача нашего времени въ томъ, чтобы пробуждать общественное сознание въ культурномъ направленіи; задача въ томъ, чтобы противодѣйствовать той самой патріархальности, при которой въ новороссійскихъ стѣняхъ жилось такъ привольно табунамъ дикихъ лошадей и которая именно и довала южный край до его теперешняго климата.

Было время, когда полагали, что культурнымъ элементомъ могутъ служить у насъ нѣмцы-колонисты. И колонисты были поселены во многихъ мѣстностяхъ, хотя преимущественно они водворились въ наиболѣе привольныхъ мѣстахъ южнаго Поволжья. Дѣйствительно, благосостояніе колонистовъ много выше благосостояніа крестьянъ, но тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно и то, что о богатствѣ колонистовъ имѣютъ у насъ слишкомъ радужное представленіе. Ихъ богатство много ниже тѣхъ преимуществъ, которыми они всегда пользовались сравнительно съ русскими. Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ мы находимъ корреспонденцію изъ села Гросъ-Либенталь, изъ которой узнаемъ, что скудные урожаи послѣднихъ лѣтъ разстроили экономическое положеніе колонистовъ поселянъ и многіе изъ нихъ вошли въ крупныя долги. Своего хлѣба нѣтъ ни у кого и житницей для нихъ служить теперь Одесса. Въ кормъ для скота недостатокъ великъ до того, что не только коровъ, но даже и лошадей кормятъ колонисты старой соломой. Молоко, которымъ колонисты снабжаютъ Одессу и котораго продается въ недѣлю отъ 600 до 700 ведеръ, служитъ весьма слабымъ подспорьемъ и ихъ выручаетъ только сиротская касса, располагаю-

щая капиталомъ свыше 370,000 рублей. Не будь этой кассы, нѣмцы очутились-бы въ рукахъ ростовщиковъ и совсѣмъ-бы разсѣрились.

Относительно умственной жизни корреспондентъ говоритъ, что колонисты стоятъ, пожалуй, на довольно низкой ступени развитія. Это подтверждается и ихъ частной быденной жизнью, и ложнымъ отношеніемъ къ своимъ общественнымъ интересамъ, раздѣленіемъ на партіи и постоянной враждой партій. Несмотря на близость Одессы, колонисты очень мало знакомы съ русскимъ языкомъ, а о русской жизни имѣютъ вообще самое смутное и ложное представленіе. Въ выдѣленіи себя изъ русской жизни, въ изолированномъ къ ней отношеніи заключается, между прочимъ, причина того, что нѣмцы-колонисты бѣгутъ отъ новой воинской повинности вопъ изъ Россіи.

Впрочемъ, этому есть и еще одна причина. Воинская повинность служила только толчкомъ. Г. Умисса говоритъ тоже, что нѣмцы-колонисты не отличаются нисколько ни высшимъ развитіемъ, ни сельско-хозяйственными познаніями и служатъ представителями старой нѣмецкой рутинны. Ихъ система полеводства также старая и патріархальная, которая привела повороссійскій край къ истощенію. Разница между нѣмцемъ-колонистомъ и русскимъ земледѣльцемъ не въ качествѣ ихъ агрономическихъ познаній и сельско-хозяйственныхъ идей, а только въ количествѣ и качествѣ труда. Нѣмецъ упорнѣе, энергичнѣе и работаетъ больше, такъ что г. Умисса считаетъ, что колонистъ работаетъ въ годъ на 50% больше, чѣмъ русскій.

Нѣмецкіе колонисты, кинувшись преимущественно въ Америку, сдѣлали, между прочимъ, это и потому, что давно уже распахали всю цѣлину и теперешняя почва не даетъ по ихъ старымъ прародительскимъ способамъ того, что она давала при своей перво-бытной силѣ. Первобытные способы привели и у колонистовъ къ тому-же, къ чему они привели и у русскихъ; для рациональнаго же земледѣлія у нѣмцевъ недоставало умственного капитала.

Несмотря на то, выселеніе колонистовъ изъ новороссійскаго края все-таки большая потеря. Крымъ и до сихъ поръ страдаетъ отъ послѣдствій выселенія татаръ. Выселеніе колонистовъ тоже значительно обезлюдитъ Новороссію, арендные цѣны на землю упадутъ, а при недостаткѣ наемна рабочихъ цѣна обработки под-

нимется. Что-же дѣлать? Снова обращаться къ овцеводству? Но овцеводство требуетъ цѣлины, а ее распахалъ всю колонистъ. Овцеводство въ то-же время истощаетъ и пастбище, и пашню, овцеводство одна изъ причинъ упадка плодородія новороссійскаго края, и въ этомъ-же овцеводствѣ приходится снова искать своего спасенія!

Такъ-какъ собственно сухость климата является главною причиною упадка плодородія въ краѣ, то очень естественно, что въ идеѣ орошенія новороссійскіе хозяева увидѣли единственное средство спасенія. Какъ и всегда, мы горячо накинулись на этотъ вопросъ, пропагандировали его съ необыкновенной энергіей, но когда остылъ первый жаръ, пришлось убѣдиться, что орошеніе вовсе не панацея.

Въ защиту орошенія явилось нѣсколько чисто-теоретическихъ газетныхъ статей, съ ссылками на авторитеты. „Воды—это хлѣбъ народный, говорили сторонники ирригаціи,—который, плывя по теченію нашихъ рѣкъ, безвозвратно теряется въ пучинѣ моря“. Или: „полеводство съ ирригаціей относится къ обыкновенному полеводству, какъ желѣзныя дороги къ проселочнымъ“. Или: „допустить хотя одной каплѣ воды влиться въ море прежде, нежели она ороситъ землю, значитъ неразумно расточить самое драгоценное удобреніе“. Приводилось и мнѣніе знаменитаго италіянца Торичели, который вычислилъ, что рѣка По несетъ ежегодно въ своихъ водахъ такую массу удобрительныхъ веществъ и песку, которая равняется 300 египетскимъ пирамидамъ. „Если-же мы сравнимъ величину этой рѣки съ величиною нашихъ рѣкъ, говорили сторонники ирригаціи,—то нетрудно будетъ представить себѣ ту необъятную массу ила и другихъ удобрительныхъ веществъ, которая бесполезно для хозяйствъ теряется въ морѣ или-же наноситъ положительный вредъ, засоряя русло рѣкъ“. Чтобы показать всю чудотворную силу ирригаціи, дѣлались расчеты сравнительныхъ урожаевъ въ орошаемыхъ и неорошаемыхъ мѣстностяхъ, и приводимыя цифры, казалось, могли убѣдить даже слѣпорожденныхъ. Мы читали, напримѣръ, такія доказательства: десятина земли даетъ у насъ въ херсонской губерніи самъ три, а въ тѣхъ мѣстахъ Европы, гдѣ введена ирригація, урожай хлѣбовъ дошли до самъ 60, самъ 70 и даже самъ 100. „Предположимъ, что при системѣ ирригаціи плодородіе на югѣ увели-

читается только въ шесть разъ, т. е. вмѣсто самъ 5, десятина будетъ давать самъ 30. Что-же? 166 десятинъ могутъ доставить въ такомъ случаѣ столько хлѣба, сколько его теперь получается съ 1,000 десятинъ. Какой огромный расчетъ!“ Дѣйствительно, огромный. Когда начались первыя изысканія и работы инженеровъ общества введенія орошенія луговъ и полей на югѣ Россіи, въ одной корреспонденціи изъ екатеринославской губерніи въ „Биржевыя Вѣдомости“ (въ 1873 г., № 172) писалось: „нѣтъ надобности говорить, что все сельское населеніе, отъ деревенскаго бобыля и до крупнаго землевладѣльца, относится съ живѣйшимъ интересомъ къ дѣлу, которое доставитъ нашему роскошному югу то, чего только ему недостаетъ,—воду“. Въ другой корреспонденціи говорилось, что съ пріѣздомъ въ херсонскую губернію уполномоченнаго учредителя общества ирригаціи на югѣ Россіи, г. Эрикса, вопросъ объ орошеніи занялъ умы всѣхъ и cadaго. Далѣе говорилось о двухъ опытахъ, сдѣланныхъ въ имѣніи корреспондента и въ имѣніи его сосѣда Н. Г. У перваго былъ посѣяно лень, у втораго пшеница. Поливка была произведена только одна и тѣмъ не менѣе пшеницы собрано съ десятины 61 копна и зерна по пробѣ сказывалось четвертей до 30, что должно составить урожай самъ 90. Ленъ далъ стебель длиною въ аршинъ и зерна самъ 400, тогда какъ хлѣба, посѣянные одновременно и небывшіе подъ поливкою, только что воротили сѣмяна. Петербургскія газеты приняли очень близко къ сердцу вопросъ объ ирригаціи и въ „Новомъ Времени“ и въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ было посвящено ему нѣсколько статей.

Но вотъ въ январѣ нынѣшняго года въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ мы слышали такія мнѣнія, которыя если и не окончательно, то по меньшей мѣрѣ на половину разбили наши розовыя мечты и наши радужныя надежды. Г. Совѣтовъ, предсѣдатель собранія, отнесся къ вопросу съ суровой критикой. По его словамъ, мысль объ орошеніи цѣлой Новороссіи, земли войска донскаго, всѣхъ степей самарской губерніи и тому подобныхъ мѣстностей принадлежитъ къ числу самыхъ несбыточныхъ проектовъ. Конечно, легко оросить огородъ, садъ, плантацію, но оросить цѣлую треть Россіи—работа больше, чѣмъ египетская. Даже самыя громадныя орошенія древнихъ народовъ не больше какъ игрушка въ сравненіи съ замысломъ русской ороси-

тельной компаніи. Орошеніе, существующее въ Италіи, отчасти во Франціи и Германіи, тоже не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что задумали мы. Но этого мало. На орошеніе можно разсчитывать тогда, когда оно располагаетъ не одной метеорною водою, а преимущественно — ключевою, подземною. Въ Италіи, въ Испаніи, во Франціи и въ самой Россіи на Кавказѣ каналы идутъ или у подошвы горъ или по скатамъ возвышенностей, гдѣ есть источники воды. Но метеорной воды не прибавится оттого, что выроются резервуары. Хотя они и дадутъ возможность лучшаго распредѣленія влаги, но ее будетъ все-таки недостаточно для культурной растительности, потому что растенія на одно только испареніе своими листьями расходуютъ воды несравненно больше, чѣмъ сколько ее можно собрать изъ атмосферныхъ осадковъ. Слѣдовательно, орошеніе не устранитъ засухи. А гдѣ взять тѣ миллионы, которые потребуются на всѣ сооруженія, и кто рѣшится дать свои деньги на предпріятіе рискованное, въ пользу котораго нѣтъ увѣренности?

Въ тѣхъ запискахъ, которыя г. Эриксъ разсылалъ въ земскія управы и въ редакціи нѣкоторыхъ газетъ, дѣлались преувеличенныя указанія на необыкновенные урожаи, полученные путемъ орошенія. Въ имѣніи землевладѣльца херсонскаго уѣзда, г. Кудрявцева, былъ сдѣланъ опытъ, давшій будто-бы самъ 400, а въ имѣніи г. Гербеля пшеница дала самъ 70. Конечно, этимъ успехамъ можно было-бы вѣрить, если-бы елисаветградская управа удостовѣрила не то, что она удостовѣрила. Она говоритъ только, что г. Эриксъ доставилъ ей документы, но не беретъ на себя отвѣтственности за вѣрность цифръ.

Г. Совѣтовъ говорилъ, что гигантскіе ирригаціонные проекты у насъ вовсе не новость. Такъ еще въ 1845 году подобный проектъ сочинилъ нѣкто Шопенъ, хотѣвшій покрыть всю Россію сѣтью каналовъ и увѣрявшій, что подобная колоссальная работа очень легка, очень удобоисполнима, потребуетъ ничтожныхъ издержекъ и сподручна каждому крестьянину. Г. Совѣтовъ думаетъ, что всѣ подобныя проекты разсчитаны на русское легковѣріе и имѣютъ характеръ спекуляціи.

Есть еще средство обезпечить землю влагою, и средство это — глубокая вспашка съ достаточнымъ разрыхленіемъ. Способъ этотъ давно уже извѣстенъ на югѣ Россіи и благодаря ему удавались

лѣсныхъ культуры колесниста Корнуса, а также въ бахмутскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи. Но вспашка на 7, 8 и даже до 10 вершковъ глубины требуетъ громадной рабочей силы и особенныхъ орудій. Если-бы всѣ жители Новороссіи и всѣ крестьяне степей могли-бы обзавестись ломбардскими, паровыми и тому подобными плугами; если-бы каждый крестьянинъ могъ держать у себя 8 паръ сильныхъ воловъ—для чего орошеніе, для чего компанія Эрикса? Но въ томъ-то и дѣло, что у крестьянина нѣтъ средствъ заплатить по 100 руб. за вола, нѣтъ средствъ завести такой плугъ, какой нуженъ для сильной вспашки, и потому вопросъ о земледѣліи Новороссійскаго края, поставленный такимъ прямымъ образомъ, получаетъ уже иной характеръ. Съ одной стороны, орошеніе, при всей его полезности, немислимо по его размѣрамъ; съ другой—и при орошеніи нужна все-таки хорошая и глубокая вспашка. Наконецъ, и безъ орошенія можно достигнуть тѣхъ-же результатовъ, если поднимать землю на 8 вершковъ глубины. Но и для этого нужно крестьянину по меньшей мѣрѣ 3 пары воловъ, которые обойдутся ему въ 350—400 руб., не мѣше. Въ томъ-же засѣданіи г. Савельевъ говорилъ, что хозяйство въ новороссійскомъ краѣ ведется положительно недурно, орудія хорошія, пахутъ довольно глубоко, но безъ влаги самое лучшее хозяйство не поможетъ. Г. Савельевъ сравнивалъ новороссійское хозяйство съ азартной игрой и указывалъ на то, что засухи стали появляться уже сѣвернѣе, гдѣ ихъ прежде не бывало—въ губерніяхъ: тамбовской и воронежской. Указывая на то, что въ министерствѣ государственныхъ имуществъ идетъ вопросъ объ осушкѣ болотъ, г. Савельевъ замѣтилъ, что осушка ихъ, можетъ быть, повлечетъ за собою совершенное осушеніе воздуха для всего юга. Европейскія рѣки питаются ледниками и горными ключами; у насъ тѣ-же запасы атмосферной воды сосредоточиваются въ огромныхъ болотахъ и лѣсахъ, въ этихъ главныхъ водоемахъ, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ наши рѣки. Если осушить болота, то, по мнѣнію г. Савельева, Россіи грозитъ положительное бѣдствіе. Прежде чѣмъ осушать болота, нужно сохранить ту воду, которая идетъ изъ атмосферы въ видѣ дождя и отъ таянія снѣговъ, и ввести орошеніе. Г. Бланкъ стоялъ тоже за орошеніе и указывалъ на свое имѣніе, купленное имъ у князя Ю. Н. Голицина, съ которымъ онъ сдѣлалъ опытъ сбереженія воды. Г. Бланкъ

завель 7 прудовъ и эти пруды стали привлекать влагу изъ воздуха, тогда какъ до того времени тучи ходили только около имѣнія, а въ имѣніи стояла засуха. Признавая всю важность орошенія, г. Бланкъ находилъ невозможнымъ ввести его сразу, но въ то же время и не считалъ его невозможнымъ, если ввести его систематически.

Въ томъ видѣ, какъ вопросъ о русскомъ земледѣліи былъ выясненъ въ собраніи русскихъ сельскихъ хозяевъ, не трудно увидѣть, насколько это дѣйствительно вопросъ трудный и сложный. Съ одной стороны, мѣшаетъ правильному его развитію та патриархальная система, которая, наконецъ, привела поля южнаго края къ тому, что они скоро должны оказаться совершенно неплодородными. Съ другой — упадокъ хозяйствъ выяснилъ причины, по которымъ земля и не станеть давать того, что она давала, если будетъ продолжаться прежняя система, которую всѣ хозяева называютъ единогласно хищническою. Но вотъ тутъ-то являютсѣ практическія трудности, передъ которыми отдѣльный человекъ стоитъ беспомощнымъ и безсильнымъ. Можно-бы устроить орошеніе, но оно стоитъ милліоновъ и никто не дастъ своихъ денегъ на невѣрное предпріятіе. Можно-бы ввести глубокую вспашку, но для этого нужны такія средства, которыми не располагають не только земледѣльцы, но подчасъ и землевладѣльцы. Для сѣверныхъ мѣстностей наши болота очевидное зло, но кто можетъ поручиться, что ихъ обезводненіе не отразится еще большею сухостью воздуха для юга, страдающаго и безъ того отъ засухи? Первобытная система хозяйства и просторъ создали овцеводство, выгоды котораго несомнѣнны, но это-же самое овцеводство уничтожило пастбища и высушило атмосферу. Поселеніе пѣлицевъ-колонистовъ, прожившихъ въ южныхъ степяхъ около 100 лѣтъ, не привело ни къ чему; не научили они никого рациональному земледѣлію, потому что и сами дѣйствовали патриархально, и когда, вслѣдствіе введенія всеобщей военной повинности, стали выселяться изъ Россіи, то оказалось, что, въ замѣнъ цѣлныи, которую они получили, они оставляють краю землю истощенную. Больше. Выселеніе колонистовъ уронило цѣнность и арендную плату земли и должно еще больше отразиться на упадкѣ доходности имѣній. Привлечь свободныя руки изъ другихъ мѣстъ Россіи, создать переселеніе — вопросъ тоже очень сложный и трудно раз-

рѣшимый. Такимъ образомъ, вопросъ о земледѣльческой промышленности новороссійскаго края является настолько многосложнымъ, что отъ грандіозныхъ трудностей, которыя приходится разрѣшить, у мѣстныхъ теоретиковъ рѣшительно опускаются руки.

Причины неудовлетворительности сельскаго хозяйства новороссійскаго края видятъ еще въ дурномъ качествѣ мѣстнаго работника. Теперешній работникъ достался намъ еще отъ крѣпостнаго права и не успѣлъ воспитаться въ новыхъ требованіяхъ. Для этого нужно больше времени, чѣмъ сколько его прошло съ 1861 года. Г. Умисса объясняетъ такъ дурныя качества современнаго рабочаго: крѣпостное право не могло выработать ни усовершенствованной системы хозяйства, ни содѣйствовать накопленію достаточнаго запаснаго земледѣльческаго капитала. Поэтому, когда крѣпостной работникъ сталъ вольнонаемнымъ, его положеніе не улучшилось, а ухудшилось. Неустроенныя помѣщичьи экономіи сами нуждались въ деньгахъ, почва уже не давала обильныхъ урожаевъ и необходимость сколачивать каждую копейку не позволяла помѣщичьимъ экономіямъ улучшить бытъ наемнаго работника, дать ему хорошее продовольствіе, помѣщеніе и вообще поднять уровень его потребностей. Работникъ оставался при однихъ лѣтнихъ заработкахъ, а между тѣмъ потребности его росли, платежи увеличивались и все вокругъ дорожало. Работникъ, и по своему умственному развитію, и по своимъ привычкамъ, и по недостатку энергій, не могъ искать поддержки въ самопомощи и избралъ путь болѣе легкій. Сильный спросъ на рабочихъ манилъ его возможностью нарушать договоры, брать впередъ деньги и ихъ не отработывать. Плохое устройство помѣщичьихъ экономій дало ему возможность выкрадывать все, что лежало плохо, и вознаграждать себя путемъ разныхъ злоупотребленій и обмана. Г. Умисса думаетъ, что на упадокъ нравственности новороссійскаго рабочаго вліяли мѣстами и *аблакаты*, научавшіе плутовъ выходить изъ воды сухими. Кого ни спрашиваютъ о рабочемъ—каждый на него жалуется: и землевладѣльцы, и крестьяне, и мѣщане, и пѣмцы-колонисты.

Хотя нѣмецъ-колонистъ ведетъ свое хозяйство тоже хищнически, рутиннымъ, старымъ способомъ, но благосостояніе его, по словамъ г. Умиссы, будетъ всегда выше благосостоянія русскаго

крестьянина, потому что трудъ нѣмца выше и по качеству, и, больше, по своей продолжительности. Принимая трудъ новороссійскаго колониста-лютеранина въ 100°%, г. Умисса вычисляетъ трудъ колонистовъ-католиковъ въ 90°%; наконецъ, наши земледѣльцы, затрачивающіе отъ 80 до 90°% труда, живутъ обезпеченно, но большинство, расходуящее только 75°%, имѣетъ долги и остается безъ хлѣбныхъ запасовъ и безъ денегъ. Почва, понизившаяся въ своей производительности при такомъ качествѣ русскаго труда, требуетъ большаго числа рабочихъ, а содержаніе ихъ требуетъ большихъ средствъ и, слѣдовательно, понижаетъ выгоду до минимума.

Что причиной малопродуктивности земледѣлія дурное качество и малая энергія труда, а не пьянство, г. Умисса доказываетъ слѣдующимъ сравненіемъ нѣмца-колониста съ русскимъ рабочимъ. Нѣмцы не пьянствуютъ потому, что у нихъ въ недѣлю всего одинъ свободный день—воскресный. Живя въ хорошо устроенной общинѣ, нѣмецъ свои 4—5 свободныхъ ежемѣсячныхъ дней удѣляетъ удовольствіямъ болѣе развитымъ, тогда какъ нашъ неграмотный земледѣлецъ, живущій въ недѣлю отъ 2 до 3-хъ, а въ мѣсяцъ отъ 8 до 12 свободныхъ дней, проводитъ ихъ болѣею частью въ шинкѣ. Нѣмецъ пропиваетъ не только не меньше, но больше русскаго, но онъ пьетъ съ расчетомъ и, такъ сказать, по принципу, тогда какъ русскій пьетъ порывомъ. Нѣмецъ пьетъ, подкрѣпляя себя во время изнурительныхъ работъ, и пьетъ понемногу втеченіи всей недѣли, тогда какъ русскій во время работы совсѣмъ не пьетъ, но за-то въ свободный день напивается. Опредѣляя годовую потребность рабочаго организма въ 100 градусовъ спирта, русскому работнику приходится въ годъ два ведра водки, приблизительно на 10 рублей. Нѣмецъ-же, употребляющій на половину виноградное вино, пропиваетъ 1 ведро водки и 5 ведеръ 10-градуснаго винограднаго вина, т. е. болѣе чѣмъ на 15 руб. Если-же къ этому присоединить расходъ на другіе, дѣйствующіе на нервы напитки, какъ кофе, пиво и чай, то окажется, что нѣмецъ пропиваетъ гораздо больше, чѣмъ русскій. Этотъ излишній расходъ только потому не дѣйствуетъ губительно на бюджетъ нѣмца-колониста, что онъ пополняетъ съ лихвой свои расходы энергіей труда.

Даже большую преступность русскаго рабочаго г. Умисса объясняетъ его большею бездѣятельностью и тѣмъ, что край не въ состояніи доставить ему дѣла на круглый годъ. Поэтому число преступленій, совершаемыхъ у насъ зимою, значительно превышаетъ число преступленій, совершаемыхъ лѣтомъ. Будь въ край болѣе развитая фабричная и сельско-хозяйственная промышленность, крестьянинъ-бы не оставался при однихъ лѣтнихъ заработкахъ и не былъ-бы поставленъ въ необходимость вмѣсто 100% труда расходовать только 75. Теперь у него остается въ экономіи 25%, позволяющіе ему сводить концы съ концами, и вотъ онъ даетъ имъ направленіе, которое укажетъ случай. „Одни, говоритъ г. Умисса,—воруютъ, другіе занимаютъ деньги у мѣстныхъ ростовщиковъ, третьи запродаютъ напередъ свой трудъ и, наконецъ, четвертые поступаютъ въ годовые работники къ какому-либо хозяину“.

Хозяинъ не можетъ обезпечить работника на круглый годъ, потому что самъ получаетъ слишкомъ мало. Напримѣръ, въ елизаветградскомъ уѣздѣ простой плугарь получаетъ жалованья въ годъ среднимъ числомъ 60 руб., и потребности его, считая въ томъ числѣ 10 руб. на водку, составляютъ тоже 60 руб. Сдѣлавъ точный расчетъ годовой выручки хозяина, по качеству наемнаго труда въ 50 до 70%, мы увидимъ, что хозяинъ, уплачивающій плугарю 60 руб. въ годъ, платитъ ему не по силамъ и накопляетъ не запасной капиталъ, а долги. Такимъ образомъ выходитъ, что работникъ находится въ положеніи болѣе благопріятномъ, чѣмъ хозяинъ, и этому выгодному положенію мѣстнаго рабочаго помогаетъ именно недостатокъ рабочихъ рукъ и конкуренція, которую создаетъ пришлый великорусскій рабочій. Великорусскій крестьянинъ работаетъ лучше и устанавливаетъ ту высшую нормальную плату, ниже которой не хочетъ работать и мѣстный худшій работникъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о дороговизнѣ рабочаго есть въ сущности вопросъ о недостаткѣ и болѣе низкомъ качествѣ рабочихъ новороссійскаго края, и пока будетъ продолжаться старая система полеводства, результаты южнаго сельскаго хозяйства будутъ имѣть тенденцію не положительную, а отрицательную.

Мы приведемъ еще одно мнѣніе о причинахъ, вредно дѣйствующихъ на русское сельское хозяйство, — мнѣніе, вполне примѣнимое

къ новороссійскому краю. Это мнѣніе принадлежитъ органу, всегда покровительствовавшему крупному землевладѣнію, и потому совпаденіе его съ мнѣніями, нами приведенными, еще больше служитъ къ подтвержденію ихъ вѣрности. Въ „Русскомъ Мірѣ“ были помѣщены двѣ статьи, направленныя противъ сельско-хозяйственной спекуляціи.

Послѣ освобожденія крестьянъ, говоритъ авторъ, явилась у насъ цѣлая масса хозяйствъ, основанныхъ на чистой спекуляціи и на аферѣ. Хозяйства, основанныя на подобныхъ началахъ, гнались исключительно за большимъ барышемъ, не пренебрегая для того никакими средствами. Если единственнымъ источникомъ доходности было хлѣбопашество, то хозяинъ-аферистъ забиралъ подъ посѣвы возможно большее количество земли и сѣялъ такой хлѣбъ, который давалъ ему наибольшую прибыль. Если представлялась возможность завести свекловичныя плантаціи, спекуляторъ предпочиталъ ихъ всякой другой культурѣ. Но для большихъ посѣвовъ требуются большія средства, а ихъ нѣтъ, и вотъ спекуляторъ прибѣгаетъ къ самымъ разнообразнымъ изворотамъ. Онъ продаетъ еще неродившійся хлѣбъ или свекловицу и получаетъ задатокъ, продаетъ часть лѣса или фашинникъ, въ которыхъ самъ нуждается; пристраиваетъ сѣновосы къ какому-нибудь кавалерійскому эскадрону, отдаетъ часть своихъ земель крестьянамъ изполу или по какому-нибудь другому расчету, принимаетъ на такомъ-же условіи на свои пастбища крестьянскій скотъ и т. д. Увеличивъ всѣми этими способами запашку, спекуляторъ ждетъ урожая. Если урожай хорошъ, магазины ломятся подъ тяжестью зерна, доходъ обазывается громаднымъ, и нѣсколько подобныхъ урожаяевъ создаютъ цѣлое состояніе. Но иная картина въ случаѣ неурожая. Въмѣсто дохода являются долги, и расходы, которые требуются для веденія хозяйства, пополняютъ нечѣмъ, потому что спекуляторъ забрался уже вездѣ, гдѣ только забраться можно. Но будетъ-ли урожай или неурожай, ни одно спекулятивное хозяйство не можетъ быть долговѣчнымъ и носить въ себѣ зародыши своего разложенія. Подобное хозяйство прежде всего создаетъ искусственный спросъ на рабочаго и сообщаетъ ему свою собственную горячку. Расширивъ пашню и вооружившись всѣми новѣйшими изобрѣтеніями, облегчающими и ускоряющими трудъ,

спекулятивныя хозяйства, рассчитывающія на цѣлую массу труда, когда имъ приходится покончить съ своимъ дѣломъ, оставляютъ значительную площадь пахотныхъ земель, обрабатывать которыя не подъ силу мѣстной нормально-наличной рабочей силѣ. Крупныя хозяйства находятся въ невыгодномъ положеніи еще и потому, что не въ состояніи вести правильнаго скотоводства и содержать сносно даже самое необходимое количество рабочаго скота. Содержать 2 головы или 200 головъ—большая разница. Пару воловъ можно прокормить цѣлое лѣто, даже на заросшей дорогѣ, но крупному хозяйству безъ отдѣльныхъ пастбищъ обойтись невозможно. Въ такомъ-же трудномъ отношеніи находится крупное хозяйство и къ рабочимъ рукамъ. Если хозяева средней руки, говоритъ г. П., считаютъ достаточнымъ имѣть одинъ плугъ на каждыя 20 десятинъ пахоты, то крупныя хозяйства должны рассчитывать только на 15, потому что мелкое хозяйство всегда можетъ нанять на мѣстѣ недостающіе ему одинъ или два плуга, тогда какъ на наемъ 10—20 плуговъ постоянно рассчитывать нельзя. То-же самое и относительно рабочихъ, которыхъ среднему и мелкому хозяйству доставать въ маломъ количествѣ гораздо легче, чѣмъ крупному.

Г. П. въ царящемъ нынѣ духѣ аферы, заставляющемъ крупныя хозяйства кидаться въ разныя стороны и искать вездѣ опоры, не видитъ истинной прогрессивной культурной силы. Спекулятивныя хозяйства, накидывающіяся на каждую машину, сулящую имъ сбереженіе рабочихъ рукъ, дѣлаютъ это не вслѣдствіе побужденія къ улучшеніямъ,—это скорѣе одинъ изъ тѣхъ видовъ борьбы за существованіе, которые заставляютъ аферныя хозяйства хвататься за соломенку. Поэтому всѣ кажущіяся улучшенія и рациональныя мѣры въ сущности совсѣмъ не то, чѣмъ они кажутся, и потому понятно, что въ нихъ недостаетъ главнаго—долговѣчности.

Многіе обвиняютъ крестьянъ въ томъ, что въ нихъ нѣтъ стремленія къ улучшеніямъ, что они не заводятъ усовершенствованныхъ орудій, не берутъ примѣра съ крупныхъ хозяйствъ. Но вѣдь крестьянину ничего этого и не нужно. Крестьянинъ точно инстинктивно чувствуетъ, что лихорадочное поведеніе спекулятивныхъ хозяйствъ лишено внутренней силы и что только въ тѣхъ

крайностяхъ, къ которымъ оно прибѣгаетъ, заключаются его средства къ спасенію. Земледѣльческая спекуляція, напротивъ, должна благословлять судьбу, что крестьянинъ не прибѣгаетъ къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ она. Такъ-какъ спекуляція обращается къ машинамъ и къ другимъ подобнымъ средствамъ только потому, что не располагаетъ достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ—зачѣмъ прибѣгать къ этимъ средствамъ крестьянину, когда рабочія руки зависятъ отъ него и составляютъ его собственность? Г. П., конечно, не безъ нѣкотораго злорадства говорить, что тотъ день, когда крестьянскія хозяйства вступятъ на путь прогресса, будетъ послѣднимъ днемъ для спекулятивныхъ хозяйствъ, потому что они не найдутъ для себя уже ни одного работника, а только съемщиковъ, и съемщиковъ не арендаторовъ, опирающихся на долгосрочныя, прочныя аренды, а съемщиковъ-спекуляторовъ, снимающихъ земли подъ единичныя посѣвы.

Г. П., сколько это видно, является противникомъ крупныхъ хозяйствъ, потому что самъ управляетъ хозяйствомъ среднимъ, на которомъ давленіе крупнаго спекулятивнаго хозяйства должно, конечно, отражаться самымъ неблагоприятнымъ образомъ. Могутъ или не могутъ крупныя хозяйства отличаться прочнымъ успѣхомъ, во всякомъ случаѣ ихъ конкуренція всегда гибельна для среднихъ хозяйствъ, и общее стремленіе къ расширенію будетъ всегда отражаться неблагоприятно на небольшихъ хозяйствахъ. Между разными причинами, которыя дѣйствуютъ невыгодно на среднее и мелкое хозяйство, г. П. указываетъ на отсутствіе шоссе. „Есть мѣстности, говоритъ онъ, — и число ихъ легионъ, въ которыхъ отсутствіе сносныхъ путей изолируетъ хозяйство до того, что не позволяетъ ему подняться до жалкаго общаго уровня“. Отсутствіе мѣстныхъ путей препятствуетъ развитію молочнаго хозяйства, потому что его скоропортящіеся продукты требуютъ частаго и легкаго сбыта. Еще больше терпитъ отъ ихъ отсутствія мѣстная фабричная и заводская промышленность. Мелкія хозяйства не могутъ заниматься, на примѣръ, маслобойнымъ производствомъ, и масличные посѣвы стали исключительною принадлежностью крупныхъ хозяйствъ, отправляющихъ свои продукты милліонами пудовъ за-границу, обыкновенно въ сыромъ видѣ—въ зернѣ. Этотъ способъ эксплуатаціи масличныхъ растений не можетъ не отра-

жаться вреднымъ образомъ на общей экономіи Россіи. Если-бы маслособное производство могло существовать въ мелкихъ хозяйствахъ, они-бы, кромѣ масла, идущаго на внутреннее употребленіе, имѣли-бы избытку. При теперешнемъ-же порядкѣ, когда сбывается продуктъ въ сыромъ видѣ, избытка не только не остается у насъ, а употребляется на прокормъ скота тѣхъ европейскихъ государствъ, которыя скупаютъ маслячныя зерна, но мы еще должны платить излишнее за ея перевозку.

Отсутствіе мѣстныхъ путей отражается вредно и на самомъ управленіи желѣзныхъ дорогъ. Потому, что не существуетъ постоянныхъ, удобныхъ путей, подвозка грузовъ можетъ производиться только въ извѣстное время. Возчики ждутъ хорошей дороги, которая бываетъ только въ хорошую погоду. И вотъ станціи желѣзныхъ дорогъ заваливаются предметами отправленія только въ извѣстное время, и въ такой степени, что какъ-бы администрація дороги ни была дѣятельна и добросовѣстна, она не въ состояніи выполнить заказовъ.

Наконецъ, отсутствіе мѣстныхъ путей въ районахъ свекловицы отнимаетъ у мелкихъ и среднихъ хозяевъ всякое орудіе для борьбы противъ своего самаго сильнаго врага—свекло-сахарныхъ заводовъ. Теперешніе заводы, рассчитывающіе на сотни тысячъ берковцевъ, соблазняютъ мелкія хозяйства высокой цѣной на свекловицу и тянутъ изъ нихъ ихъ лучшія силы, заставляя истощать непомерно землю, не возвращая ей никакихъ остатковъ. Теперь существованіе мелкихъ заводовъ невозможно, пока не будетъ хорошихъ мѣстныхъ путей, которые дозволили-бы удешевить постройку и производство, понизивъ цѣну доставки, и дали-бы возможность продажи выжинокъ, грязи и проч., нынѣ бесполезно гибнущихъ, какъ для заводовъ, такъ и для хозяйствъ. То-же самое можно сказать и относительно крупныхъ водочныхъ заводовъ, составляющихъ въ своемъ настоящемъ видѣ заводскую, а не сельско-хозяйственную промышленность.

Въ томъ, что мелкое и среднее хозяйство не можетъ подняться и стать прочно на ноги, г. П. винить земство. Принявъ въ свои руки заботу о мѣстныхъ интересахъ, оно должно было-бы прежде всего обратить вниманіе на источники своихъ собственныхъ доходовъ и принять подъ свою ближайшую опеку сельское хозяй-

ство. Но дѣло пошло не такъ, говорить г. П.: „наше земство оказалось выше той задачи, которая выпала на его долю. Въ своемъ существованіи оно узрѣло не мѣстное, не общегосударственное, а, такъ-сказать, мировое значеніе. Узкая забота о мѣстныхъ интересахъ не пришлась къ его лицу. Въѣсто того, чтобы стремиться осмыслить хотя сколько-нибудь трудъ всей его жизни, оно задало своей школѣ иную, универсальную задачу — готовить людей съ правильнымъ духовнымъ развитіемъ. Въѣсто учебныхъ фермъ оно открываетъ гимназіи, въѣсто заботы о мѣстныхъ путяхъ сообщенія, ошоссированія невылазныхъ грунтовыхъ дорогъ, оно постоянно стремится прибрать къ рукамъ чугунки, рискуя для этого даже трудовыми рублями своего общества на непосильныя для него гарантіи. Даже забота о народномъ здоровіи имѣетъ у него видъ какой-то филантропіи. И ему-же, земству, питающему такія высокія стремленія, снизойти до расчистки источниковъ народнаго благосостоянія, копать богъ-знаетъ, гдѣ и какъ! Поэтому нельзя сказать, что сельскій хозяинъ не чувствуетъ своего вполнѣ изолированнаго положенія“.

Мы не станемъ отрицать того, что въ словахъ г. П. есть много правды, но въ то-же время въ нихъ чувствуется какая-то личная горечь, а вслѣдствіе того и преувеличенное обвиненіе земства. Теперешнее земство, обращающее, повидимому, слишкомъ слабое вниманіе на успѣхи земледѣлія и поглощенное другими дѣлами поступаетъ такъ, конечно, только потому, что и не можетъ поступать иначе. Пусть невниманіе земства къ сельскому хозяйству безусловно справедливо, но почему-же въ западной Европѣ и сельско-хозяйственныя общества, и образцовыя хозяйства, и выставки, и преміи, и масса агрономическихъ правительственныхъ заведеній, и теоретическіе труды такихъ ученыхъ, какъ Либихъ, и публичныя курсы сельскаго хозяйства, и меліорационныя работы, производимыя, напримѣръ, во Франціи съ незапамятныхъ временъ, напримѣръ, осушка Арльскихъ болотъ, начатая еще въ XII столѣтіи, наконецъ тѣ громадныя кредиты, которые открывала Англія, — все-таки не поставили европейскаго сельскаго хозяйства на ту высоту, которой отъ него требуютъ и наука, и прогрессисты?

Причина этого проста. Сельско-хозяйственная промышленность самая сложная промышленность изъ всѣхъ, какія только существу-

ють. Быть стекляннымъ заводчикомъ, желѣзнымъ, даже машиннымъ фабрикантомъ вовсе не такъ трудно. У этихъ знаній есть опредѣленные и довольно узкіе предѣлы. Число случайностей, которія они подвергаются, не велико. Многія изъ нихъ можно предвидѣть и во время устранить. Но развѣ сельское хозяйство принадлежитъ къ числу такихъ простыхъ знаній? Не говоря уже про зависимость его отъ климатическихъ случайностей, внезапныхъ, непредвидѣнныхъ и неустранимыхъ, сколько у него остается еще и другихъ зависимостей, не разрѣшенныхъ хотя-бы одною сельско-хозяйственной химіей? Сельское хозяйство идетъ не потому назадъ другихъ промышленностей, чтобы сельскіе хозяева были иными людьми, а потому, что агрономомъ быть гораздо труднѣе, чѣмъ фабрикантомъ и заводчикомъ. Потому, что сельское хозяйство наименѣе разработанное знаніе, самое трудное, случайное и рискованное, оно привлекаетъ къ себѣ и наименьшую массу охотниковъ. Капиталы стремятся туда, гдѣ они находятъ себѣ болѣе легкое и вѣрное помѣщеніе и наибольшій обезпечивающій процентъ. Вотъ почему они стремятся преимущественно къ желѣзнымъ дорогамъ, фабрикамъ, заводамъ и избѣгаютъ сельскаго хозяйства, которое почти повсюду подневольный промыселъ.

Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы наше сельское хозяйство стояло на высшемъ уровнѣ агрономической теоріи. Мы хотимъ только показать, что сельское хозяйство наиболѣе трудное знаніе, и смотрѣть на него правильно гораздо труднѣе, чѣмъ на другіе виды народной промышленности. Поэтому, не отрицая того, что г. П. и другіе представители личныхъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ во многихъ отношеніяхъ правы, мы хотимъ сказать, что теперешнее состояніе русскаго сельскаго хозяйства и должно представлять собою тотъ нестройный концертъ разнообразныхъ мнѣній, требованій и стремленій, факты которыхъ мы представили въ настоящей статьѣ. Освобожденіе крестьянъ совершилось еще слишкомъ недавно, чтобы въ какія-нибудь 13 лѣтъ, послѣ порядковъ, въ которыхъ сложилось наше патріархальное земледѣліе, могли-бы выработаться и опредѣлиться тѣ новыя условія, которыя должны установить правильныя нормы не только въ отношеніяхъ труда, но и въ земледѣльческой собственности, и, что еще труднѣе, чтобы прежній недостатокъ сельско-хозяйствен-

ныхъ знаній смѣшался знаніями новыми—агрономическими. Зная силы русскаго общества, мы не предъявляемъ къ нему слишкомъ требовательныхъ притязаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ теперешнемъ разнообразіи мнѣній видимъ именно то прогрессивное дифференцированіе, которое во всякомъ случаѣ указываетъ, что освобожденіе крестьянъ, сдвинувшее Россію съ ея насиженнаго мѣста, ведетъ ее къ тому улучшенію общаго экономическаго быта, которое можетъ выясниться и опредѣлиться разнообразіемъ и даже многообразіемъ мнѣній. Мы переживаемъ теперь моментъ этого многообразія, безъ котораго и невозможно придти къ единству.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Вторая жена. Романъ. (Гл. VI—XII) . . .	<i>Марлита.</i>
Въ саду. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе). . .	<i>М. Н.</i>
Необыкновенная женщина. Романъ. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе). . .	<i>Мистрисъ Флемингъ.</i>
Два міра. Романъ. Часть вторая.	<i>Натальи Алъевой.</i>
Жизнь городовъ западной Европы.	<i>А. Михайлова.</i>
Эдгаръ По	<i>Н. Ш.</i>
Народное образованіе въ Швеціи и Норвегii	<i>А. Михайлова.</i>
Ургуть. (Изъ походныхъ записокъ лпейца). . .	<i>Н. Каразина.</i>
Въ Ожиданіи Земныхъ Благъ. Романъ. (Часть третья).	<i>Гренвиля Моррея.</i>
Въ ночномъ.	<i>И. З. Суриковъ.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

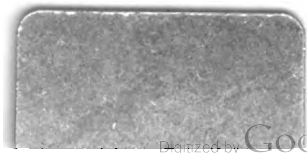
Бэконъ. Его жизнь и историческое значеніе. . .	<i>С. Ставрина.</i>
Черты изъ характера старой Руси	<i>С. С.</i>
Новые мотивы нѣмецкаго романа.	<i>Н. Радюкина.</i>
Новыя книги.	
Политическая и общественная хроника. . .	
Внутреннее обозрѣніе	

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

На берегу моря. (Изъ записокъ моего друга)	<i>А. Умиссы.</i>
Жертва, (Драматическія сцены изъ Барри Корнуэли.	<i>М. Н.</i>
Вторая жена. Романъ. (Окончаніе) . . .	<i>Марита.</i>
Холостякъ. Стихотвореніе	<i>А. III.</i>
Жизнь городовъ западной Европы . . .	<i>А. Михайлова.</i>
Поэтъ на чужбинѣ. Стихотвореніе. (Отрывокъ изъ Фрейлиграта)	<i>А. III.</i>
Два Міра. Романъ. (Часть вторая. Гл. V—X)	<i>Натальи Алъевой.</i>
Съ сербскаго. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Народное образованіе въ Швеціи и Норвегіи	<i>А. Михайлова.</i>
На родинѣ. Стихотвореніе. (Изъ Морица Гартмана)	<i>А. III.</i>
Письма д-ра Ливингстона	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О. И. Сенювскій	<i>С. Стаскина.</i>
Новыя книги	
Внутреннее обозрѣніе	

Widener Library

3 2044 079 302 105